

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы XLIII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(7–9 ноября 2023 г.)*

*Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»*

Санкт-Петербург
2024

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д. и. н., проф. *А. Ю. Прокопьев* (отв. редактор),
к. и. н., доц. *М. И. Дмитриева*,
к. и. н., доц. *Е. В. Кулешова*,
к. и. н., доц. *Д. Н. Старостин*,
к. и. н., доц. *Е. А. Терентьева*,
к. и. н., ст. преп. *Н. А. Бережная*,
д. и. н., доц. *Е. А. Мехамадиев* (отв. секретарь)

Рецензенты:
д. и. н. *С.Е. Федоров*
(Санкт Петербургский государственный университет)
к. и. н. *З.А. Лурье*
(Теологический институт, Колтуши).

П78 **Проблемы истории и культуры средневекового общества.**
Материалы XLIII всероссийской научной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (7–9 ноября
2023 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство
Скифия-принт, 2024. — 716 с.
ISBN 978-5-00197-118-4

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П85

ISBN 978-5-00197-118-4

© Авторы статей, 2024
© Скифия-принт (макет), 2024
© Проект «Европейское наследие», 2024

Оглавление

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Зибаев А. В.

Влияние Книги Бытия на позднеантичную географическую
мысль: размышления Филосторгия о расположении Рая 10

Владимирова Д. В.

Декорация центральной апсиды Новой церкви Токалы
и практика помещения «Распятия» в алтарной части
византийских памятников
VIII–XII вв. 24

Розмысл Е. В.

Завоевание Сицилии Георгием Маниаком
(1038–1042 гг.) 34

Карашайски К. М.

Образ иноземца-наемника в сочинении
Михаила Пселла 45

Кёся А. С.

Роль символической коммуникации в конструировании образа
Другого
в «Алексиаде» Анны Комниной 55

Фролов Б. М.

О некоторых параллелях в византийской литературе XII в. 66

Зубова А. Н.

Образ свнуха в византийском любовном романе XIII–XIV вв. 72

Зотов В. Д.

Топонимика Константинополя в древнерусской паломнической
литературе. К вопросу о византийских проводниках 79

Галиев А. Р.

Иоанн Кантакузин в восприятии византийских антиисихастских
писателей XIV–XV вв. 88

Романова А. А.

Взаимоотношения между наемниками и местным населением
в Негропонте во время осады 1470 г. 97

ОБРАЗ И ТЕКСТ

- Бабина А. А.*
Образ святого-проповедника в галльских житиях IV–V вв. 104
- Малеев Д. Ю.*
Образ короля Дагоберта в «Хронике» Фредегара 112
- Вадов Н. В.*
Особенности отражения образа власти в период правления
Филиппа IV Красивого и Людовика X Сварливого 120
- Мамедова М. Н.*
Величие в образе монарха в трактате Дж. Понтано «О Государе» . . 126
- Жадько А. А.*
Генрих IV в хрониках Холиншеда и драме Шекспира 132
- Салахова А. И.*
Генрих IV в «Мемуарах» кардинала Ришелье 142
- Грищенко К. А.*
Король Франции Людовик XIII в «Мемуарах» Жана Франсуа
Поля де Гонди, кардинала де Реца 149

РОД - СЕМЬЯ - ДУХОВНЫЙ МИР

- Рудакова М. М.*
Взгляд христианских авторов на проблему взаимоотношений
ортодоксальной церкви и иудейской общины в первой половине
V в. 160
- Живлова Н. Ю.*
История ирландского богослужения в Ratio de Cursus (VIII в.) . . . 170
- Сироткина А. А.*
Женское и женоподобное: переворачивание гендерных норм
в англо-нормандском историописании XII в. 178
- Сокурченко В. П.*
Гомилетический бестиарий в проповедях
св. Антония Падуанского 189
- Суслова А. А.*
Женское религиозное служение
(по «Золотой легенде» Иакова Ворагинского) 200
- Лачугина Н. С.*
Женщины в рыцарских биографиях конца XIV в. 210
- Фатхуллин В. Ф.*
Сакральные персонажи в сфрагистике английских городов XIII–
XVI вв. 217

- Удовик А. В.*
Вдовья доля первой королевы династии Тюдор: источники формирования и состав (по материалам актов парламента) 225
- Астахова М. Н.*
Образ семьи в автобиографии и дневниках леди Анны Клиффорд . 232

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО.
ПРАВИТЕЛИ И ИНСТИТУТЫ**

- Вечерко Е. Д.*
Обряды королевской инициации по раннеирландским сагам 240
- Волков П. В.*
Дилемма Григория Турского: светская и церковная власть 246
- Артемьев Е. Е.*
Взаимоотношения Кордовского эмирата и викингов в раннем Средневековье 254
- Макаров И. Б.*
Трудное начало Сербии 263
- Лазарев С. С.*
Церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника. 273
- Лозовой Я. В.*
Конструирование отношений правителя и верных людей в «Хронике о деяниях графов анжуйских». 280
- Ярина Д. А.*
Основание Кальмарской унии по материалам Шведской хроники О. Петри 290
- Павлов К. В.*
Флоренция и Италия в поисках «баланса сил»: от войны Флоренции и Милана к Лодийскому миру 298
- Джурко К. А.*
Политические взгляды Леона Баттисты Альберти по его сатире «Мом, или О государе» 307
- Коробова Ю. С.*
Место «Патриархии» сэра Роберта Филмера в монархическом дискурсе раннего Нового времени 315
- Дронов Б. В.*
Политические идеи Якова I Стюарта в его речах перед «Благословенным» Парламентом 1604–1610 гг. 325
- Пензев П. А.*
Борьба за идентичность — Роберт Монро на службе шведского короля. 335

- Ерунов М. К.*
 «Лучшая из приблизительно современных работ»? Журнал
 «Шведский Обзоратель» в контексте изучения битвы при Лютцене 344
- Гафуров С. О.*
 На службе династий: политические обстоятельства переиздания
 «Анналов Фердинанда» Ф. К. Кевенхюллера 354

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

- Исмагилова Ю. Д.*
 Позднеантичные западные консулрии: формирование традиции
 («Consularia Constantinopolitana», «Fasti Vindobonenses») 366
- Ильгова Д. А.*
 Визуальный аспект в древнеирландской лорике «Rop tu mo baile» .377
- Романовская Е. В.*
 «Liber divinorum operum» Хильдегарды Бингенской: проблема
 соавторства 386
- Зубов Д. Д.*
 К вопросу об авторстве «Песни об альбигойском крестовом
 походе» 401
- Шадрин И. И.*
 «Жизнь Людовика Святого» — между житием и биографией 407
- Мальчихина В. О.*
 Понятие свободы в трактате Ж.-Б. Боссюэ «Политика, взятая
 из Священного Писания» 415
- Алестархова А. Е.*
 Дипломатическая переписка Ивана IV Грозного и Елизаветы I
 Тюдор: экономический союз или военно-политическое
 взаимодействие. 421
- Латишина А. Ф.*
 «Письмо Роберта Лэнгэма» как источник по истории визита
 королевы Елизаветы I Тюдор в замок Кенилворт 428
- Смирнова Н. А.*
 «Британия» Уильяма Кэмдена как первый учебник
 по английской истории 438
- Ситнер С. В.*
 Модусы обращения шотландцев и англичан к своему прошлому
 в юнионистских трактатах 1603–1607 гг. 448
- Соковнина С. А.*
 «Testamentu ostatniey woli» Речи Посполитой на рубеже
 Средневековья и Нового времени как источник по истории
 ментальностей 458

<i>Михальчук А. А.</i>	
«Утерянный картулярий» аббатства Шаалис найден?	465
<i>Кравченко К. И.</i>	
Кальвинистская Реформация в Бремене: проблемы и перспективы исследований	477

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО.
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ**

<i>Дедов В. Д.</i>	
Rorulus в интерпретациях североитальянских хронистов XI– XII вв.: религиозный и социально-правовой аспекты.	486
<i>Федоров А. В.</i>	
Церковная реформа XI–XII вв. и проблема формирования рыцарского сословия во Фландрии (на примере графства Гин) . . .	493
<i>Пилюгина П. И.</i>	
Образы валлийского права в средневековых английских источниках	500
<i>Диль И. В.</i>	
Соотношение власти и общества в рамках Столетней войны	509
<i>Лотменцев А. М.</i>	
Вопросы судопроизводства в средневековом славонском Градце (конец XIV — начало XVI вв.)	517
<i>Осипов К. С.</i>	
«Рыцарский турнир» или «Придворный турнир»? К вопросу о «формировании дворянства» в позднесредневековой Германии . .	524
<i>Антропов Д. С.</i>	
Патрицианские связи: казус монастыря св. Клары в реалиях нюрнбергской Реформации 1517–1525 гг.	535
<i>Шешуков Е. А.</i>	
Право и суд в шванках XVI в.	545
<i>Лебедева И. Е.</i>	
Этноконфессиональная принадлежность жителей средневекового города на материале актов венецианца Пьетро Пеллакана (Тана, 1446–1452)	554
<i>Савин Л. В.</i>	
Городское сообщество и его отношение к земле в Тоскане в период XIV–XV вв.: к постановке проблемы	562
<i>Блощица А. А.</i>	
О социальной утопии Джеральда Уинстенли	570
<i>Ершов А. Р.</i>	
Парижский парламент и Фронда в 1648–1649 гг.: от пика влияния до утраты инициативы.	581

СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Диденко М. Е.

Влияние искусства эпохи викингов на зооморфный орнамент
карельских овально-выпуклых фибул XI–XIII вв.592

Степаненко Э. С.

Акваманилы в средневековой Западной Европе: наследие
античности, влияние исламских образцов, византийские аналоги. .606

Макеева О. Д.

Табернакль, киворий и реликварий в пространстве
средневекового храма XI–XV вв. К вопросу о терминологии623

Новикова М. А.

Иконографические и стилистические особенности водолея
в виде сцены борьбы дракона и человека из коллекции
Государственного Эрмитажа636

Овод А. В.

Иконография негативных персонажей в итальянском искусстве
раннего Возрождения647

Ставцова У. Д.

Анализ иконографии пояса «Спор о вере»
XIV — первой половины XV в. из Восточного отдела Эрмитажа . .658

Плясунова П. С.

Флорария в живописи Яна ван Эйка673

Врионакис Е. Х.

Две картины на сюжеты из жития святого Роха неизвестного
швабского художника из собрания Дальневосточного
художественного музея: особенности иконографии.681

Пиотровская А. А.

Жанровые особенности и астрологический
аспект в цикле «Двенадцать месяцев» Леондро Бассано
из собрания Тульского областного художественного музея693

Лукина Э. А.

Визуальные интерпретации Книги Товита в искусстве
Европы XVI–XVII вв.708

Византийский мир

УДК 94

Зибаев А. В.

Сургутский государственный университет,
старший преподаватель
E-mail: zibaew@mail.ru

Влияние Книги Бытия на позднеантичную географическую мысль: размышления Филосторгия о расположении Рая

Аннотация. В тексте статьи приводится анализ фрагмента III.10 из «Церковной истории» Филосторгия из Каппадокии. Среди множества рассматриваемых проблем в нем значительное место уделяется попытке локализации Рая на земле. Несмотря на приверженность евномианству, Филосторгий испытал сильное влияние александрийско-каппадокийской богословской школы, выразившееся в его взглядах на расположение Рая вне земли. При этом многие географические объекты из Книги Бытия не всегда удачно переносились на карту известного мира и сопровождалась комментированием стихов из Ветхого Завета.

Ключевые слова: Филосторгий, церковная историография, Фисон, Гион, Тигр, Евфрат, населенная земля

Zibaev A. V.

Surgut State University,
Senior lecturer
E-mail: zibaew@mail.ru

The Influence of the Book of Genesis on Late Antique Geographical Thought: Philostorgius' Reflections on the Location of Paradise

Abstract. The text of the article provides an analysis of fragment III.10 from the “Church History” by Philostorgius of Cappadocia. Among the many problems considered, a significant place is given in it to the attempt to localize Paradise on Earth. Despite his commitment to Eunomianism, Philostorgius was strongly influenced by the Alexandrian-Cappadocian theological school, expressed in his views on the location of Paradise outside the earth. At the same time, many geographical objects from the Book of Genesis were not always successfully transferred to the map of the known world and were accompanied by comments on verses from the Old Testament.

Keywords: Philostorguis, church historiography, Fison, Gihon, Tigris, Euphrates, inhabited land

Священное Писание содержит несколько географических положений, оказавшихся в центре внимания раннесредневековых историков и географов, в том числе и Филосторгия: о нахождении Иерусалима в середине Земли, о земном расположении Рая и о четырех райских реках: Тигре, Фисоне, Евфрате и Ниле (Геоне), а также о народах Гоге и Магоге.

Некоторые утверждения в Священном Писании основаны на представлениях, что земная плоскость имеет концы, а небо держится на опорах-столбах. Небо по форме своей напоминает шатер (скинию) или тонкую ткань, расprostertую над землей. Когда речь идет о небесах, используются два термина — οὐρανός и στερέωμα, что подразумевает наличие двух разных видов неба. Нижнее — στερέωμα («твердь небесная»). На ней снизу крепятся светила, ее противоположная плоскость служит дном небесного моря. Верхнее небо — οὐρανός — крыша своеобразного двухэтажного здания, которое образует Вселенная. Интересно, что в «Послании к коринфянам» упоминается и третье небо. Воды, сосредоточенные под «твердью небесной», проливаются на землю в виде дождя через особые окна. Однако в другом месте говорится об облаках как о хранилище воды. Земные воды окружают всю сушу, но не способны ее затопить. Протяженность Земли и высота небес недоступны человеческому уразумению.

Высказывания из «Книги Бытия» и их сопоставление с фрагментами «Церковной истории» позволяет лучше взглянуть на проблему расположения Рая и идентификацию четырех райских рек в греческой историографии. Место первоначального земного Рая определяется Священным Писанием на востоке [1, С. 3]: καὶ ἐρύτευσεν κύριος ὁ θεὸς παράδεισον ἐν Ἐδεμ κατὰ ἀνατολὰς καὶ ἔθετο ἐκεῖ τὸν ἄνθρωπον, ὃν ἔπλασεν (Genesis 2.8).

В этом же направлении по отношению к земле указывается и Рай небесный. Другие библейские тексты помещают страну Эдем в Месопотамии, в бассейне рек Тигр и Евфрат. Например, об этом сообщает «Книга пророка Иезекииля» (Izek. 27.23–24). Пророк, оплакивая былое величие финикийского города Тира, пишет о его торговых партнерах, среди которых упоминаются города Двуречья: Ашшур и Харран. В тексте этой книги на еврейском языке, кроме городов, описанных в Септуагинте, упоминаются Шива, Килмад и Эден. Харран был важным торговым центром в Северной Месопотамии. Эден соответствует Бет-Эдену, государству арамеев, ставшему с середины IX в. до н.э. ассирийской провинцией.

В 27-й главе подробно описываются торговые связи Тира с восточными и южными соседями [2, р. 81]. Древние авторы и современные исследователи в разное время в разных местах помещали Эдем и по-разному отождествляли большую реку, вытекающую из Рая [5, р. 453–456].

Указания в Ветхом Завете положили начало спорам о расположении Рая в христианской греческой, затем и в латинской историографии, а также в богословской литературе. Со временем сформировались две космогонические школы — Антиохийская и Каппадокийско-александрийская. Отличие этих школ определяется степенью зависимости от античного наследия (очень сильной в Александрии и незначительной в Антиохии) и привязанностью богословов этих школ к разным методам экзегезы: буквалистской у антиохийцев, аллегорической у египтян и частично у каппадокийцев [3, с. 12; 4, с. 34]. Будучи знакомым с двумя космогоническими школами, Филосторгий испытал заметное влияние Александрийской школы, несмотря на то что арианское течение позаимствовало немало черт у Лукиана Антиохийского — одного из основателей Антиохийской школы.

Впервые Рай появляется в повествовании Филосторгия при описании райских рек: Тигра, Евфрата, Фисона и Гиона (Нила) (Philostorg. III.8–10). Он описывает не только течение рек, но и использует материалы, которых нет у многих античных авторов, например данные, которые современный исследователь отнес бы к ботанике, зоологии и гидрологии. Это можно объяснить стремлением Филосторгия охватить весь круг знаний и тем самым доказать превосходство евномиан над православными. Арианский автор в рассказах о реках активно цитирует Священное Писание (Genesis. 2.14; 11.2). В этой же книге Филосторгий попытался локализовать Рай к северо-востоку от ойкумены, что будет рассмотрено ниже.

Стремясь локализовать Рай, экзегеты опирались и на другие стихи «Книги Бытия» из Септуагинты [1, р. 3]:

1. Древо жизни

“καὶ ἐξάνετειλεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πᾶν ξύλον ὠραῖον εἰς ὄρασιν καὶ καλὸν εἰς βρῶσιν καὶ τὸ ξύλον τῆς ζωῆς ἐν μέσῳ τῶ παραδείσῳ καὶ τὸ ξύλον τοῦ εἰδέναι γνωστὸν καλοῦ καὶ πονηροῦ”.

«И произвел Бог из земли всякое дерево, прекрасное для зренья и хорошее в пищу, и *дерево жизни* по середине рая, и дерево, чтобы знать известное из хорошего и плохого» (Genesis. 2.9).

Здесь описано дерево жизни, вкусив плоды которого человек становился бессмертным. Библиеист и богослов А. П. Лопухин отмечал: «Указанная особенность этого дерева не была, без сомнения, его естественным свойством, но представляла один из видов особого, сверхъестественного действия божественной благодати, связанной с вкушением его плодов, как со своим внешним символическим знаком» [6, с. 18]. Дерево жизни (τὸ ζύλον τῆς ζωῆς) [7, р. 839, 568; 8, р. 481, 315] имеет непосредственное отношение к пряности кариофиллу (τὸ καρύφυλλον), описываемому в тексте о сообщении Фисона с Раем (Philostorg. III.10).

“οὗ παρὰ τὰς ὄχθας τοῦ ποταμοῦ εὐρίσκεται τὸ λεγόμενον καρύφυλλον, εἴτε καρπός, εἴτε δὲ καὶ ἄνθος τυγχάνει. καὶ πεπιστεύκασιν οἱ ἐκεῖνη τῶν ἐκ τοῦ Παραδείσου τοῦτο δένδρον εἶναι. καὶ γὰρ καὶ ἡ ὑπὲρ αὐτοῦς γῆ ἔρημός τε ἐστὶ δεινῶς ἅπασα καὶ ἀκαρποτάτη. ἐκ δὲ τοῦ φέρειν τὸν ποταμὸν τὸ ἄνθος, ἐπίδηλον ἂν εἶη ὡς οὗτος ὁ ποταμὸς ὑπὲρ γῆς ἅπας ῥεῖ, μηδαμόθι καταδύομενος· οὐ γὰρ ἂν τὸ ἐκεῖθεν φυόμενον ἠδύνατο φέρειν”.

«Там по берегам реки находят **так называемый кариофилл** — не то плод, не то также и цветок, и местные жители убеждены, что он — от одного из райских древ. Действительно, вся земля, лежащая выше их края, совершенно пустынна и поражает бесплодностью. Поэтому цветок, приносимый рекой, явно свидетельствует, что она все время течет по земле, нигде не спускаясь в ее недра, иначе цветок сей никоим образом не мог бы быть вынесен на поверхность» (пер. В. А. Дорофеевой).

По словам автора, местные жители утверждают, что этот цветок от одного из райских древ. Остается загадкой принадлежность растения к плоду или цветку, что свидетельствует об отсутствии уверенности Филосторгия в происхождении этого растения. *Гвоздичное дерево* — кариофилл, или гвоздика, считалось «райским деревом», а так как «выше», то есть севернее этой реки, земля совершенно пуста и бесплодна, то очевидно, что река приносит гвоздику — «не то плод, не то также и цветок» — из Рая.

Из античных авторов более раннего времени о кариофилле упоминает Плиний Старший. Он сообщает, что кариофилл привозится из Индии [9, р. 23]:

“Est etiamnum in India piperis granis simile quod vocatur caryophyllon, grandius fragiliusque. tradunt in indica loto id gigni. advehitur odoris gratia”.

«Есть еще в Индии зерно, похожее на зерно перца, более крупное и более хрупкое, которое называется кариофилл; передают, что он рождается на индийском лотосе; привозится он из-за его запаха» (Plin. Nat. hist. XII.25.30).

Описание Плинием кариофилла обычно считают первым упоминанием этого растения в античной литературе. Ф. Р. Эмидон отождествляет кариофилл с гвоздикой или левкоем [10, р. 46]. Исследователи ботаники, в зависимости от времени их научной деятельности, по-разному идентифицировали *кариофилл*. Теофраст, проживший большую часть жизни в IV в. до н. э., не знал о существовании *кариофилла*. Он упоминает о некоем *левкое*, который относится к вечнозеленым растениям и состоит в списке травянистых растений (Theoph. Hist. plant. I.9.3) [11, р. 62]. Исходя из текста непонятен вид этого растения. В словаре Г. Лиддела и Р. Скотта под *ἰωνία* указано *место, поросшее фиалками / левкоем* [12, р. 847]. Современные ботаники определяют *Левкой седой* как многолетнее растение с простым или ветвистым, часто одревесневающим стеблем. Его корень неглубокий, стержневой, слабо ветвящийся.

В современной ботанике растение *καρυόφυλλον* называют *Гвоздичным деревом* (*Eugenia caryophyllata*) или *Сизигиумом ароматным* (*Syzygium aromaticum*), принадлежащему к роду Сизигиум, семейству Миртовых. Высушенные нераскрывшиеся цветочные почки (бутоны) этого дерева считаются известной пряностью — гвоздикой. Однако характеристика, данная *кариофиллу* у Плиния Старшего и Филосторгия, не позволяет точно идентифицировать это растение.

II. Идея о существовании единой реки, вытекающей из Рая.

“...ποταμὸς δὲ ἐκπορεύεται ἐξ Ἐδεμ ποτιῖεν τὸν παράδεισον· ἐκεῖθεν ἀφορίζεται εἰς τέσσαρας ἀρχάς”.

«...река же выходит из Эдема поить Рай; откуда разветвляется на четыре начала» (Genesis. 2.10).

Загадочный характер библейского повествования о Рае послужил основой для древних авторов и современных исследователей считать

все библейские сказания сплошной аллегорией. Древние авторы, желая исключить возможность неправильного толкования, описали Рай с топографической точностью. В еврейском тексте «Книги Бытия» этой реке не дано название, вместо него употребляется слово *нагар* (*nagar*) [13, с. 298; 14], означающее *поток, бег, наливание, излияние, река*. Эти значения намекают на большую реку или целый водный бассейн. Древние евреи из всех больших рек лучше всего знали Евфрат и называли его *нагаром*. Эта река берет свое начало в Эдеме (по еврейским представлениям, страна Эдем находится в Северной Месопотамии или на южном склоне гор Армении), проходит через весь Рай и, выходя из него, разветвляется на четыре рукава. Филосторгий, принадлежавший к александрийско-каппадокийской космогонической школе, не считал все высказывания Священного Писания аллегорическими. Идея о существовании единой реки прослеживается в рассказе о Тапробане и Инде (Philostorg. III.10).

III. Фисон и земля Хавила.

«ὄνομα τῆ ἐνὶ Φισῶν οὗτος ὁ
κυκλῶν πᾶσαν τὴν γῆν Ευλάτ, ἐκεῖ
οὗ ἐστὶν τὸ χρυσίον». «Имя одной Фисон: она об-
текает всю землю Хавила, ту, где
золото» (Genesis. 2.11).

К сожалению, Античность не сохранила название этой реки. Начиная с XX в., исследователи обнаружили сходство названия Фисон со словом *писану* (*pisannu*) [15, р. 603] в ассирийских клинописях (*сундук* или *комод*) [16, р. 276]. Во времена Древнееврейского царства страны Двуречья считались богатыми и зажиточными, что позволило отдельным исследователям ошибочно отождествить Фисон с *достатком*. Некоторые из них предположили, что под ним подразумевался один из каналов Месопотамии, известный как Паллокопас. Моисей, определяя положение Фисона, говорит, что эта река обтекает всю священную землю Хавила. В Священном Писании описаны две страны с таким названием: одна в земле хамитов (в Египте), другая в районах проживания семитов.

Филосторгий отождествляет Фисон с Индом. Он отмечает, что река начинает течь на северо-востоке, а затем устремляется на юг (Philostorg. III.10). Евсевий достаточно уверенно отождествляет Геон с Нилом. Можно предположить, что Рай у Филосторгия располагается по линии экватора и в недоступных для человека местах (не на земле). Указание на срединный пояс земли, очевидно, не случайно. Филосторгий пытался этим пассажем показать возможное расположение Эдема ближе к равно-

денственной линии Востока. Насколько обоснованно такое предположение, становится понятным, если сравнить текст Филосторгия с другими источниками V в. н. э., среди которых следует выделить анонимные трактаты «Расстояние от Эдема Райского до римских земель» и «Полное описание Вселенной и народов» (*Expositio totius mundi et gentium*), написанные приблизительно в одно и то же время (середина IV в.) [17, с. 39–40; 18, с. 288]. Источник, по мнению исследователей, появился в промежутке времени между 345–362 гг. [18, с. 289–292].

Неизвестный автор, описывая племена камаринов¹, живущих в Эдеме, отмечает очень сильный зной, который способен сжигать (*ignis autem eorum solis esse perhibetur flagrantia ut...* — *Expositio totius mundi*, 4). Он не касался вопросов, связанных с тепловыми поясами Земли, но, исходя из его пассажа, можно предположить, что Рай располагался на Востоке, очень близко к тому месту, куда древние географы помещали жаркий пояс.

Так называемый «Дорожник от Эдема» принято считать не только итинерарием, но и сочинением этнографического характера, представляющим собой фрагмент более обширного произведения, написанного на греческом языке. Анонимное греческое произведение по своему характеру, содержанию и форме очень близко к «Полному описанию...» и отличается от него заметным влиянием христианства, которое выразилось прежде всего в источниках. Подробных сведений о расположении Рая и Эдема «Дорожник...» не сообщает, показывая только стоянки и количество переходов (*αι μοναι*) между ними. Однако в тексте подчеркивается, что путь от Эдема до Драхмы (страны брахманов) проходит вдоль реки Фисон и насчитывает 200 переходов. На наш взгляд, отождествление Фисона с Индом здесь не вызывает сомнений, поскольку эта река протекает в стране Драхмы. В анонимном трактате нет информации о течении Фисона, что дает основание для предположения, что автор составлял неизвестный большой труд, в который вошел «Дорожник...», для читателя, который знаком с географическими произведениями, особенно с трудами Клавдия Птолемея.

Не вызывает сомнений тот факт, что Филосторгий ориентировался в литературе, посвященной вопросу о расположении Рая. Его описание позволяет предположить, что историк помещал Рай ближе к жаркому поясу земли.

¹ Под «камаринами» подразумевали легендарный народ «макаринов» (*οι μακαρινοι*), который помещали на границе Рая, а иногда даже в Эдеме.

IV. Золото Эфиопии.

“τὸ δὲ χρυσίον τῆς γῆς ἐκεῖνης καλόν· καὶ ἐκεῖ ἐστὶν ὁ ἄνθραξ καὶ ὁ λίθος ὁ πράσινος”.

«Золото же земли той хорошее; и там есть карбункул и камень светло-зеленый» (Genesis. 2.12).

Это высказывание Филосторгий связывает с природными богатствами Южной Аравии. По его словам, золото там часто выходит на поверхность земли, что указывает на богатейшие золотые месторождения окрестностей (Philostorg. III.10). Начиная с эпохи Птолемеев химьяриты и племена Аравии активно экспортировали золото и золотые изделия в греческий Египет, а позднее и в Римскую империю. Несмотря на истощение запасов драгоценного металла еще в древности, современные государства Саудовская Аравия и Йемен, кроме нефтедобычи, занимаются и золотодобычей, правда, в небольших объемах.

V. Описание реки Геон (Нил).

“καὶ ὄνομα τῷ ποταμῷ τῷ δευτέρῳ Γῆων· οὗτος ὁ κυκλῶν παῖσαν τὴν γῆν Αἰθιοπίας”.

«И имя второй реке Геон; эта вокруг всей земли Эфиопии» (Genesis. 2.13).

Как отмечает А. П. Лопухин, в еврейском подлиннике эта страна называется страной Куш [6, с. 20]. Землю, населенную потомками Хуса — младшего сына Хама, греческие авторы определяли как историческую область Эфиопию, чем дали повод искать эту страну в северо-восточной части Африки. Согласно генеалогической таблице Библии и литературным памятникам, написанным на аккадской клинописи, родиной *кушитов* была Месопотамия (нижнее течение Нила и берег Персидского залива, где в древности жили представители чернокожей дравидской расы).

Особое внимание следует уделить фрагменту, в котором Филосторгий размышляет о начале течения Нила в Рае (Philostorg. III.10). Филосторгий ничего нового не сообщает о течении Нила. Указанная им информация в целом соответствует античной традиции об этой реке от Геродота до Феофилакта Симокатты, кроме идеи о существовании *единой реки*. Будучи осведомленным в географических реалиях Септуагинты, он относил топонимы Ветхого Завета с политической и географической картой известного мира, где страна *Куш* — это область Эфиопия с государствами Аксум и до 350 г. Мероэ.

VI. Сведения о реках Тигр и Евфрат.

“καὶ ὁ ποταμὸς ὁ τρίτος ἔστι Τίγρις, οὗτος ὁ πορεύμενος κατέναντι Ἀσσυρίων. ὁ δὲ ποταμὸς ὁ τέταρτος, οὗτος Εὐφράτης”. «И река третья Тигр, идущая напротив Ассирии. Река же четвертая эта Евфрат» (Genesis. 2.14).

Названия Тигра и Евфрата уже не вызывают никаких трудностей, так как те же самые названия содержатся в трудах экзегетов и церковных историков. Вопросы может вызвать направление течения Тигра, указанное на востоке от Ассирии, тогда как само древнее государство располагалось к востоку от этой реки. Под Ассирией здесь подразумевается город Ашшур, расположенный на восточном берегу Тигра. Сведения об этих реках в «Церковной истории» в основном совпадают с рассказом из Ветхого Завета.

Еще в XIX в. А. Гумбольдт считал главной особенностью христианских авторов стремление доказывать величие Бога на основании всемирного порядка и красоты природы. Одной из форм такого выражения являются описания Рая, которые не всегда занимали центральное место в трудах христиан. Подобно языческим предшественникам, многие из них стремились охватить всю известную Вселенную от неба до земной поверхности, составив тем самым общую картину мира.

Споры о расположении Рая стали напряженными с момента возникновения Александрийской и Антиохийской богословских школ. В качестве примера аллегорической экзегезы в толковании Священного Писания и в вопросе о расположении Рая можно рассмотреть труд Филона Александрийского «О потомстве Каина». Филон полагает, что Эдем представляет собой не определенную территорию, а состояние духовного благолепия, при этом райские реки — это метафоры четырех человеческих добродетелей (Philo. De posteritate Caini. 128).

Представители школ в зависимости от методов толкования по-разному решали проблему расположения Рая, причем первыми стали антиохийцы. Они настаивали исключительно на земном расположении Рая, исходя из буквального толкования Библии. Так, Севериан из Габалы в «Шести речей о мироздании» обосновывает происхождение человека на Востоке тем, что жизнь его подобна движению светил от восхода до заката. Ефрем Сирий полагает, что Рай располагается выше самых высоких гор и что он обрамляет собой и океан, и сушу [19, с. 259–260]. Подробно объяснил расположение Рая Равеннский аноним [Cosmographia Anonymi

Ravennatis. I.2], заявив, что Рай находится в дальней Индии, ибо ветры доносят оттуда запах ладана. Достичь Рая никто не может, поскольку его отделяют непроходимые горы и пустыни.

Несмотря на то что этот труд написан ок. 700 г., он является примером космогонических взглядов, сходных с воззрениями представителей Антиохийской школы. Здесь автор помещает Рай на Востоке, за непроходимыми пустынями и горами. Описание в «Космографии» построено на делении поверхности ойкумены на 24 сектора, которые автор отождествлял с 24 часами суток. Внешний океанический округ оказывался разделенным на 24 дуги, и автор, имея центром наблюдения Равенну, описывает сектор круга, образованный прямыми, проведенными от концов этой дуги к Равенне [20, с. 168; 21, с. 248–256; 22, с. 254]. Рай помещен в первом часу, на Востоке.

В совершенно другом виде представляли себе ойкумену александрийцы и каппадокийцы. Представителем аллегорического направления был Василий Великий (Кесарийский), живший ок. 330–379 гг. н.э. и написавший «Беседы на Шестоднев». Он принадлежит к числу тех, кто пытался объяснить необычные явления, опираясь на античное наследие, если оно не противоречило Библии. Если в Священном Писании нет прямых указаний на объяснение неизвестного, то александрийцы готовы принять обычные научные теории, например, в вопросах о землетрясениях, вулканах и зависимости приливов от действия Луны.

Василий признавал теорию шарообразности ойкумены, утверждая, что Земля — шар, заключенный внутри другого шара — небесной сферы. Большая часть Земли покрыта водой. Моря образуют единую систему, при этом внутри Земли имеются каналы, с помощью которых совершается круговращение вод.

“Καλὴ τοίνυν ἡ θάλασσα τῷ Θεῷ, καὶ διὰ τὴν ἐν τῷ βάθει τῆς ἰκμάδος ὑποδρομὴν· καλὴ καὶ διότι ποταμῶν”.

«Итак, море прекрасно пред Богом, потому что влага из него идет по земным глубинам» (Basil. Gexam. IV.7).

Также признается, что ойкумена является группой островов, омываемых со всех сторон океаном. Однако этот круговорот никак не связан с течением райских рек. Как видно, экзегет в основных своих трактовках опирался на античную традицию, и его описание, по логике, не зависит от Священного Писания. В «Беседах на Шестоднев» чисто библейские

проблемы рассматривались не очень удачно. В этом труде виден синтез библейской и греко-римской космогонии, но Античность играет в нем ведущую роль.

Одним из основателей Антиохийской богословской школы, где учились многие деятели арианства, был Лукиан Антиохийский. Филосторгий, будучи приверженцем евномианства, должен был следовать принципам буквалистской экзегезы. Однако космогонические взгляды Филосторгия имеют большое сходство с александрийско-каппадокийской школой. Описания, помещенные в III книге, позволяют судить о том, что автор признавал наличие пустот в Земле, при этом влияние трудов Василия Кесарийского очевидно. Но, в отличие от него, последователь Евсевия Памфила круговорот вод напрямую связывает с течением райских рек, утверждая, что реки, прежде чем достичь обитаемой суши, проходят часть пути под землей.

У Филосторгия, как и в Библии, Рай помещается на Востоке, но по линии восточного солнцестояния, то есть экватора (Philostorg. III.10). В этом описании используется предлог *κατά*, одно из значений которого «ниже», что позволяет судить об использовании автором географической карты при составлении его описания. В древнегреческом и латинском языках имеется большая группа предлогов и наречий, имеющих значение «над, выше, вверху, сверху» и «под, ниже, внизу», которые часто употребляются античными авторами для обозначения направления или положения на плоской земной поверхности [23, с. 148]. К ним относятся следующие предлоги, наречия и союзы (со всеми разновидностями): *ὑπέρ(θεν)*, *καθὑπέρθε(ν)*, *ἐφὑπέρθε(ν)*, *ὑπεράνω*, *ὑπό*, *ὑπένερθε(ν)* *κατά*, *κάτω*, *ἐπάνω*, *ἄνω*, *super*, *sub*, *supter*, *desuper* и др. Сюда же относят и другие части речи, которые имеют в качестве корня или приставки одно из перечисленных слов. Значение слов для горной местности понятно и не вызывает сомнений, но употребление их в отношении плоского или морского ландшафта требует дополнительного исследования.

К. Миллер провел разбор античных карт, где для греческой картографии было установлено северное ориентирование, а римской — восточная ориентация. При этом автор ссылаясь в основном на более поздние источники, такие как «География» Клавдия Птолемея, «Христианская топография» Космы Индикоплевста и др., которые дают северное ориентирующее употребление выражений со значением *выше — ниже*. Долгое время все последующие авторы признавали выводы К. Миллера и считали все греческие географические работы ориентированными на север. В дальнейшем А. В. Подосинов доказал, что в языке греков и римлян

во многих случаях отсутствовала синонимичность у предлогов со значением *выше* — *ниже* со сторонами света, что указывает на относительную независимость ориентирования античных авторов от ориентирования древних карт. Кроме этого, были сделаны выводы о наличии в предлогах такой семантики, которая указывает на ориентацию по побережьям морей и рек.

Анализ семантики предлогов со значением *выше* — *ниже* в «Церковной истории» Филосторгия позволяет прийти к таким же выводам. Например, во фрагменте, где идет упоминание гибели Грациана в Верхней Галатии, текст “καὶ μετ’ οὐ πολὺ Γρατιανὸς ὁ βασιλεὺς περὶ τὰς ἄνω Γαλατίας τῆ τοῦ τυράννου Μαξίμου συσκευῆ ἀναιρεῖται” переведен так: «немного времени спустя император Грациан в Верхней Галатии пал жертвой коварства Тирана Максима» (Philostorg. X.5 — пер. В. А. Дорофеевой). Другой фрагмент, где упоминается Галатия (“Ὅτι, φησί, Κωνσταντίος, ὁ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου πατήρ, κατ’ ἀνδραγαθίαν τῶν ἄνω Γαλατιῶν, ἐν αἷς καὶ αἱ καλούμεναι Ἄλπεις”), переведен следующим образом: «Констанций, отец Константина Великого, за доблесть был провозглашен правителем Верхней Галатии, где расположены так называемые Альпы». На основании перевода складывается впечатление, что Филосторгий не придерживался северного ориентирования в описании, с другой стороны — явно зависел от ориентирования древних карт. Однако, если обратиться к другим фрагментам «Церковной истории», то видно, что этот принцип не действует в повествовании о вторжении готов в Римскую империю и о дальнейшем разграблении Верхней Фракии (τῆς Θράκης ἀνωτέρω. — Ibid. XI.8).

Первое пространственное значение наречий ἄνω и κάτω — это «вверх, сверху» и «вниз, внизу». В случае их употребления по отношению к горной местности рано развилось их общегеографическое значение «в глубь материка, внутри суши, в центральные районы страны» (ἄνω) и «на побережье, у моря, к побережью из центральных районов» (κάτω). Такое значение указанных наречий, а также существительных и глаголов, имеющих приставки ἀνά и κατά, зафиксировано всеми словарями и не вызывает сомнения. Какую же функцию они выполняют у Филосторгия? В описании Галлии как раз представлен случай, когда реальное направление, обозначаемое ἄνω, не соответствует направлению на север. У Д. А. Дорофеевой мы встречаем перевод τῶν ἄνω Γαλατιῶν как «Верхней Галатии». Не совсем ясно, что означает «Верхняя Галатия». Если обратить внимание на то, что в тексте далее идет описание Альп, то складывается впечатление, что под «Верхней Галатией» под-

разумеается южная часть Галлии. В той части текста, где идет описание Верхней Фракии (Philostorg. XI.8), Филосторгий явно придерживался «традиционного» северного ориентирования. Таким образом, можно сделать вывод об использовании автором как южного, так и северного ориентирования в его описании, что позволяет в очередной раз убедиться в ошибочности утверждения о северном ориентировании в греческих географических описаниях.

Несмотря на приверженность евномианству, Филосторгий испытал сильное влияние александрийско-каппадокийской богословской школы, выразившееся в его взглядах на расположение Рая вне земли. При этом многие географические объекты из «Книги Бытия» не всегда удачно переносились на карту известного мира и сопровождалась комментированием стихов из Ветхого Завета.

Список источников и литературы

1. Septuaginta / ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 1979. Vol. I.
2. The Book of Ezekiel. Chapters 25–48 / ed. D. I. Block. Michigan; Cambridge, 1998.
3. *Бородин О. Р., Гукова С. Н.* История географической мысли в Византии. СПб.: Алетей, 2000. 198 с.
4. *Балаховская А. С.* Аллегорические толкования в экзегетических творениях Иоанна Златоуста и Феодорита Киррского // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIX: Материалы чтений, посвященных памяти Иосифа Моисеевича Тронского.* СПб., 2015. С. 26–34.
5. *Nassif B.* The “Spiritual Exegesis” of Scripture: The School of Antioch Revisited // *Anglican Theological Review.* 1993. Vol. 75, no. 4. P. 437–470.
6. *Лопухин А. П.* Толковая Библия или комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Заветов. Т. I. Пятикнижие Моисеево. СПб., 1904. XVI, 669 с.
7. *Lust J., Eynikel E., Hauspie K.* A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Stuttgart, 2003. 680 p.
8. *Muraoka T. A.* Greek-English Lexicon of the Septuagint. Louvain; Paris; Walpole: Peeters, 2009. XL, 757 p.
9. *Plinius.* Naturalis historia / transl. by H. Rackham. Vol. IV. Libri XII–XVI. London; Cambridge, Mass, 1960.
10. *Philostorgius.* Church History / transl. with an Introduction and Notes by P. R. Amidon. Atlanta, 2007.
11. Theophrastus. Enquiry into plants and minor works on odours and weather signs / transl. by A. Hort. London; New York: Heinemann, 1916. Vol. I. 498 p.
12. *Liddel G. H., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2446 p.

13. *Штейнберг О. Н.* Еврейский и халдейский этимологический словарь по книгам Ветхого Завета. Т. 1. Еврейско-русский. Вильно, 1878. 572 с.
14. Еврейско-русский словарь Ветхого Завета со списком переводов в русской Библии [Электронный ресурс]. URL: http://www.greeklatin.narod.ru/heb3/_0110.htm (дата обращения: 27.08.2023).
15. *Jastrow M.* Dictionary of the Targumim Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature. London; New York: Luzac & Co, 1903. 1064 p.
16. A Concise Dictionary of Akkadian / ed. J. Black, A. George, N. Postgate. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. 450 p.
17. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 410 с.
18. *Полякова С. В., Феленковская И. В.* Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов» // Византийский Временник. М., 1956. Т. VIII. С. 277–288.
19. *Ефрем Сирин.* Творения. Т. 5. М.: Отчий Дом, 1995. 520 с.
20. *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 506 с.
21. *Бородин О. Р.* «Космография» Равеннского анонима (к вопросу о ее месте в истории географической науки) // Византийский Временник. 1982. Т. 43. С. 54–63.
22. *Подосинов А. В.* Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987. М., 1989. С. 248–256.
23. *Подосинов А. В.* Из истории античных географических представлений // Вестник древней истории. 1979. № 1. С. 147–165.

УДК 7.04

Владиминова Д. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студентка магистратуры
E-mail: vlaria01@mail.ru

Декорация центральной апсиды Новой церкви Токалы и практика помещения «Распятия» в алтарной части византийских памятников VIII–XII вв.

Аннотация. В статье анализируется программная особенность декорации каппадокийской Новой церкви Токалы (950-е гг.) — композиция «Распятие» в конхе центральной апсиды. Исследователями выдвигались различные гипотезы по поводу данного решения, при этом подчеркивалась уникальность рассматриваемой программы. Мы попытаемся предложить свою интерпретацию этого решения и подобрать ему аналогии в памятниках других периодов.

Ключевые слова: Каппадокия, Новая церковь Токалы, македонский период, монументальная живопись, иконографическая программа, Распятие

Vladimirova D. V.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, student
E-mail: vlaria01@mail.ru

The Decoration of the central Apse of the New Tokali Church and the Practice of Placing the “Crucifixion” in the Altar Part of the Byzantine Monuments of the 8th — 12th centuries

Abstract. The article deals with one significant peculiarity of the decoration of the New Tokali Church in Cappadocia — the composition “Crucifixion” in the conch of the central apse. The researchers put forward various hypotheses about this solution, herewith the uniqueness of the programme was underlined. We will attempt to offer our own interpretation of this phenomenon and find analogies in the monumental painting of other periods.

Keywords: Cappadocia, New Tokali Church, Macedonian Period, Monumental Painting, Iconographic Programme, Crucifixion

Новая церковь Токалы (950–960-е гг.), расположенная в каппадокийской долине Гёреме и высеченная на месте апсиды Старой церкви Токалы [1], является одним из самых известных и сложных памятников византийской монументальной живописи македонского периода. Система декорации этой церкви отмечена рядом нетривиальных иконографических и программных решений, выделяющих ее из местной традиции и ставящих в один ряд с более поздними византийскими памятниками. Попытки в этой связи датировать росписи Новой церкви Токалы XIII в. предпринимались немецкими учеными [2; 3; 4], однако большинством исследователей, занимавшихся как иконографической программой [1; 5; 6, p. 70–72; 7, p. 94–108; 8; 9, p. 169–173, f. 35; 10], так и стилем росписей Новой Токалы [11], сегодня принята датировка серединой X в., предложенная Г. де Жерфаньоном в начале XX в. [12, t. 1, p. 297–376] и убедительно связанная Н. Тьерри с заказом семьи императора Никифора Фоки [13].

Архитектура Новой церкви Токалы не имитирует столичные образцы, как это случалось в некоторых памятниках Каппадокии². Она представляет собой поперечно ориентированный неф, поделенный арками на три зоны, каждая из которых завершается апсидой. Это архитектурное решение встраивается в местную традицию³.

От декорации алтарной части Новой церкви Токалы до нас дошли только росписи центральной и северной апсид. В центральной апсиде представлена знаменитая композиция «Распятия», дополненная внизу страстными и воскресными сюжетами. В жертвеннике расположена «Теофания», под которой находится сцена «Гостеприимства Авраама» [1, p. 67–68, figs. 102–106].

Несмотря на то что росписи Новой церкви Токалы становились предметом специальных работ Э. Уортон-Эпштейн [1], А. Вимер-Энис [4], К. Жоливе-Леви [8], Н. Тьерри [13], характеристика росписи центральной апсиды ограничивалась общими замечаниями и отмечалась ее уникальность для византийской традиции.

В данной работе нам хотелось бы, не останавливаясь на иконографических деталях этой композиции в Новой Токалы, тем более что они хо-

² Например, Кылычлар килисе (начало X в.) [12, t. I, p. 199–242, t. II, p. 418; 2, Bd. 2, Abb. XXIV; 7, p. 137–141; 9, p. 149–150, f. 34; 14], Капелла 2 в Хаджи Исмаил Дере (начало X в.) [12, t. II, p. 113; 7, p. 193–194] и др.).

³ Большинство каппадокийских ансамблей IX–X вв. имели базиликальную структуру и представляли собой т.н. «архаические программы», получившие свое название за их связь с доиконоборческой традицией [12].

рошо освещены в литературе [1, р. 73–74, figs. 83–87; 3], сосредоточиться на двух основных вопросах. Во-первых, попытаться понять смысловое значение сцены «Распятия» в целостной программе этой каппадокийской церкви, а также соотнести это решение с византийской традицией постиконоборческого периода. Во-вторых, рассмотреть на уровне изобразительного мотива возможность вынесения этой композиции в алтарную часть памятников столицы и столичного круга.

О причинах появления «Распятия» в конхе центральной апсиды Новой Токалы исследователями выдвигались различные гипотезы. Так, А. Грабар полагал, что в декоративной программе этой церкви при помощи определенных сюжетов, связанных с ключевыми моментами земной жизни Спасителя, была предпринята попытка воссоздания географии Святой Земли [15, vol. 2, р. 273]. Р. Кормак видел в декорации апсиды Новой Токалы ориентацию на столицу. Акцентирование композиции «Распятия», находящейся над образом св. Василия, он интерпретировал в свете почитания реликвии Истинного Креста в капелле св. Василия при Большом императорском дворце в Константинополе и связывал, таким образом, декорацию апсиды Новой церкви Токалы с почитанием реликвии [5, р. 33]. О почитании реликвии Креста в Каппадокии до- и постиконоборческого периодов писала, в частности, Н. Тьерри [16]. Предположения о возможности влияния этого культа на декорацию центральной апсиды Новой Токалы высказывал Р. Варланд [3].

Между тем у нас нет никаких свидетельств связи Новой церкви Токалы с почитанием реликвии Креста. Нам известен случай изображения «Распятия» на восточной стене в связи с этим культом. В монастыре Св. Неофита в Пафосе на Кипре вся программа росписи церкви Святого Креста (1196 г.) посвящена страстному циклу, а в восточной части сконцентрированы события, связанные именно с Крестом [17]. Изображение «Распятия» в алтарной части появилось здесь, очевидно, в связи с почитанием реликвии Честного Креста, находящейся в нише непосредственно под этой композицией [4, S. 145; 17, р. 428, fig. 8].

На наш взгляд, «Распятие», дополненное страстными и воскресными сюжетами, в апсиде Новой церкви Токалы носит совершенно иной программный характер. Мы присоединяемся к исследователям, трактующим эту роспись в литургическом ключе [7, р. 96], и предлагаем рассматривать этот образ как альтернативное помещение «Евхаристии» в алтарь.

Такая интерпретация соответствует толкованию литургии патриарха Германа Константинопольского, согласно которому: «[Великий Вход] — это также воспроизведение погребения Христа, сразу после

того, как Иосиф снял Тело, обернул его в чистую плащаницу, помазал его благовониями и миром, вместе с Никодимом отнес его и похоронил в пещере, вырубленной в скале. Алтарь и святилище есть символ гроба Господня, т. е. святого престола, на котором помещено непорочное и святое Тело» [18, с. 60]; «(Церковь) есть образ распятия, погребения и воскресения Христова» [19, с. 43].

«Распятие» в апсиде Новой церкви Токалы сопровождается изображением ветхозаветных пророков [10]. В руках они держат свитки с цитатами собственных текстов, которые, согласно типикону Великой Церкви, составленному в X в., читались на службы в Великий четверг и Великую субботу в Константинополе [10].

Кроме того, как было упомянуто ранее, в жертвеннике Новой церкви Токалы под «Теофанией» представлена сцена «Гостеприимство Авраама», которая уже с доиконоборческого периода появлялась в литургическом контексте. Принцип такого прообразовательного параллелизма, когда ветхо- и новозаветные события, связанные с темой евхаристической Жертвы, будут объединены в пространстве одного храма для более полного раскрытия символики Таинства Причастия, будет активно развиваться в византийской храмовой декорации начиная со второй четверти XI в. Так, на западной стене «литургической» части хоров в соборе Св. Софии Киевской в пандан новозаветным сценам «Брака в Кане», «Тайной вечери» и нескольким сюжетам Страстного цикла представлены прообразовательные композиции: «Явление трех ангелов Аврааму», «Гостеприимство Авраама», «Жертвоприношение Авраама» и «Три отрока в печи огненной» [20]. В Софии Охридской стены вимы под сценой «Вознесения» занимают в основном ветхозаветные сюжеты, большинство из которых связаны с таинством Евхаристии: «Жертвоприношение Авраама», «Встреча Авраама с ангелами», «Гостеприимство Авраама», «Три отрока в печи огненной» и «Сон Иакова» [21]. Кроме того, в диаконнике кафоликона Осиос Лукас представлены ветхозаветные сюжеты «Даниил во рву львином» и «Три отрока в печи огненной» [22, р. 29–32, figs. 25–26], а в северо-западном приделе, предназначенном для поминальных служб, соотнесены сюжеты из Ветхого и Нового Заветов, объединенные темой искупительной Жертвы Христа и обетованием всеобщего воскресения. «Распятие» здесь дополнено «Вознесением пророка Илии», взятым на небо во плоти, и «Преображением», являющимся прообразом крестной смерти и последующего Воскресения Христова (Мф. 16: 21) [22, р. 65–69].

Страстные сюжеты в апсиде Новой Токалы «дополняются» не только ветхозаветной сценой «Гостеприимства Авраама», но также композицией «Преображения» [1, p. 73, fig. 82], представленной в пандан «Успению Богородицы» в простенке между арками [1, p. 77, figs. 100–101]. Эти праздники следуют друг за другом в литургическом календаре, и они нередко оказывались в страстном контексте в постиконоборческий период [23, p. 53–68]. При этом «Преображение» соотносится с сюжетами страстного и воскресного циклов в апсиде и южной части декорации Новой Токалы [1, p. 73]. «Успение» же связано с северным сводом, посвященным детству Христа⁴, а именно находится над образом Богородицы в новаторской иконографии Умиления [1, p. 77; 3, S. 327–328]. Таким образом, в северной части декорации Новой церкви Токалы подобраны богородичные сюжеты и образы, раскрывающие догмат о Боговоплощении.

Интересно, что образ Богородицы уже с доиконоборческого периода нередко объединялся в монументальной живописи со сценой «Распятия».

Первыми известными примерами такого программного решения являются декорации апсиды и алтарной арки Оратория Иоанна VII [24] и, возможно, Санта Мария Антиква, где в апсиде была представлена Богородица Царица, а на алтарной арке находилась композиция «Распятия» [25; 26].

При папе Павле I (757–767 гг.) была украшена фресками капелла Феодота, находящаяся на месте жертвенника в Санта Мария Антиква. На алтарной стене здесь находится монументальная композиция «Распятия» в ранневизантийской иконографии Христа в колобии, а под ним — образ Богородицы [27, p. 260–269].

Наконец, в каппадокийской церкви Стилита Никиты (Юзюмлю килисе) в долине Кызыл Чукур (VIII/XI в.) над алтарем представлено «Распятие», а в конхе апсиды под ним расположен образ Богородицы с архангелами [9, p. 126–128, fig. 86–87, Sch. 44; 16].

На наш взгляд, приведенные примеры могут свидетельствовать о том, что объединение в алтарной части тем Боговоплощения и искупительной Жертвы Христа, ставших средоточием большинства средневизантийских программ [20; 28], произошло уже в доиконоборческий период. Впоследствии в апсидах в этой связи будет изображаться не историческое «Распятие», а символическая сцена «Евхаристии», обладающая еще более сложным и многоаспектным содержанием.

⁴ Здесь представлены композиции «Благовещения», «Рождества», «Поклонения волхвов» и несколько апокрифических сцен [1, p. 68–70].

При этом сама композиция «Евхаристии» появилась в византийской монументальной живописи, видимо, уже в доиконоборческий период, о чем свидетельствуют утраченные сегодня и известные по дореволюционным фотографиям фрески в центральной апсиде южной церкви монастыря Апа Аполлона в коптском Бауите [29, pl. LXVII–LXVII; 30, p. 1378–1379, fig. 8–9], а также фрески в апсиде церкви Апа Фомы в Вади Сарга, датируемые VII–VIII вв. [30, p. 1378–1379, fig. 10]. Однако контекст этой сцены в иконографической программе храма остается неясным.

Самые ранние известные нам примеры объединения Евхаристии и образа Богородицы относятся к X в., то есть примерно современны фрескам Новой церкви Токалы (жертвенник каппадокийской церкви Кылычлар [14, p. 207–211], северная ниша и апсида в церкви Богородицы Калоритиссы на Наксосе [31, p. 112], центральная апсида церкви Св. Георгия в Скала [32, p. 82–83]).

Вопрос об изображении важнейших догматов Православия, объединивших именно эти два образа в апсидальной декорации византийского храма, с помощью сюжетных и символических композиций, а также возможности их взаимного замещения / дополнения интересно раскрывается в декоративной программе каппадокийского Триконха в Тагаре близ Ургюпа (рубеж X–XI вв.) [12, p. 187–205; 2, Bd. 1. S. 53–56; Bd. 3. Abb. 355–373; 7, p. 211–215; 9, p. 90, 183, 187; 11, с. 203–204, примеч. 22]. В северной апсиде здесь представлено «Распятие», помещенное между «Благовещением» и «Рождеством» — событиями, в которых непосредственно является тема Боговоплощения. В среднем ярусе южной апсиды находится фрагментарно сохранившаяся композиция «Евхаристии», над которой по дошедшей до нас фигуре архангела исследователи реконструируют в конхе образ Богоматери [7, p. 211–215; 9, p. 90, 183, 187]. Таким образом, здесь в рамках одного ансамбля можно говорить об объединении в двух боковых апсидах тем Воплощения и Искупления, которые будут положены в основу апсидальной декорации большинства византийских ансамблей начиная с позднемакедонского периода [20; 28].

В иконографической программе Новой церкви Токалы, помимо этих тем, значительная роль отведена экклесиологической тематике. В центральном своде представлены сюжеты «Вознесения», «Отослания апостолов на проповедь», «Пятидесятницы» и «Апостол Петр рукополагает первых диаконов». Таким образом, в сочетании с апсидальными композициями иконографическая программа Новой Токалы выражала события искупительной жертвы Христа, Его Воскресения, Вознесения и основания Церкви Христовой. Те же темы хорошо читаются в созданной несколькими десятилетиями ранее каппадокийской церкви Кылычлар [14, p. 125–227].

Развитие этой линии мы увидим в церкви Панагии тон Халкеон в Салониках (1028 г.), где на одной оси будут помещены «Вознесение» (в куполе), «Пятидесятница» (в виме) и «Причащение апостолов» (рядом с «Пятидесятницей», по обе стороны от алтаря) [33, S. 18–37]. Эти же сотериологическая и экклесиологическая тематики будут положены в основу программ Киевского и Охридского Софийских соборов, где средний ярус апсиды займет «Евхаристия», конху апсиды — образ Богородицы, свод вимы — «Вознесение» [20; 21; 28].

На наш взгляд, появление этих смысловых акцентов в двух провинциальных ансамблях начала — середины X в. и развитие их в памятниках столичного круга первой половины XI в. позволяет предположить, что в столице уже на рубеже IX–X вв. особое внимание в храмовой декорации уделялось именно этим темам.

Итак, в Новой церкви Токалы, вероятно, в связи с оглядкой на местную традицию, склонную к повествовательности, а также для более наглядной репрезентации одного из важнейших христианских догматов, в центральной апсиде было изображено «Распятия», а не «Евхаристия», к тому времени уже существовавшая в монументальной живописи, но еще не закрепленная в византийской традиции.

Хотелось бы затронуть также вопрос самого феномена вынесения сцены «Распятия» в алтарную часть памятников столицы и столичного круга постиконоборческого периода.

На восточной стене «Распятие» находится в крипте Осиеос Лукас (1030–1040-е гг.), где оно представлено в пандан к «Снятию со Креста», а на стенах вимы расположены «Тайная вечеря» и «Омовение ног» [22]. В наосе кафоликона монастыря Дафни (ок. 1100 г.) сцены «Распятия» и «Сошествия во ад» помещены на восточной стене, соответственно, северного и южного рукавов креста [4, S. 144–145].

Из типикона столичного монастыря Пантократора мы знаем, что «Распятие» и «Сошествие во ад» находились в апсидах императорской усыпальницы (героона) [34, р. 74] и церкви Богородицы Елеусы (ок. 1137 г.) [34, р. 36].

Возможно, в апсидах двух церквей одного из самых главных монастырей Константинополя эти две композиции появились под влиянием апсидальной декорации ротонды Гроба Господня в Иерусалиме [35]. В середине XI в. императором Константином Мономахом (1042–1048 гг.) была предпринята реставрация главного храма христианского мира, разрушенного в 1008(9) г. по приказу халифа Аль-Хакима. В ходе обновления мозаик в главной апсиде Ротонды появилась монументальная композиция

«Сошествия во ад» [35, S. 450, 462]. Эта мозаика описана в текстах русского путешественника игумена Даниила, посетившего места Святой Земли в 1106–1108 гг., паломника Иоанна из Вюрцбурга (около 1165 г.), Теодориха (около 1172 г.) и Франческо Кварезми (1625 г.) [35, S. 443–445, 465].

В прилегающем слева к основному объему приделе Голгофы уже игумен Даниил в самом начале XII в. описывал «искусно выполненную мозаику» со сценой «Распятия» на восточной стене. На этой же стене, в южной ее части, находилась композиция «Снятие со Креста» [35, S. 465]. Поскольку капелла Голгофы также была разрушена во время нашествия халифа Аль-Хакима, интересующие нас мозаики были созданы между 1042 (начало правления Константина Мономаха) и 1108 гг. (окончание путешествия игумена Даниила по Святой Земле), то есть апсидальная декорация иерусалимских храмов могла использоваться как образец для константинопольских.

Итак, программа росписи алтарной части Новой церкви Токалы, хотя и выделяется из магистральной линии византийской храмовой декорации, все же не стоит совсем особняком от нее. Если рассматривать «Распяtie» со страстными и воскресными сюжетами в центральной апсиде Новой Токалы как синонимичное композиции «Евхаристии» в ряде других средневизантийских ансамблей, в иконографической программе рассматриваемой церкви мы находим один из первых примеров объединения тем Боговоплощения, Искупытельной Жертвы Христа, Его Воскресения и основания Вселенской апостольской Церкви, являющихся смысловым центром большинства ансамблей XI–XIII вв.

В апсиде Новой Токалы, в силу раннего периода, а также местных особенностей, эти темы выражены буквально, с помощью евангельских событий, в то время как с середины XI в. основные акценты в византийской храмовой декорации будут изображаться с помощью символических композиций и образов. Как мы убедились, непосредственно композиции «Распятия» в апсиде также можно подобрать аналогии в памятниках столицы и столичного круга.

Список источников и литературы

1. *Wharton Epstein A.* Tokali kilise. Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986.
2. *Restle M.* Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Bd. 1–3. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1967. 242 S., 20 S., 301 Abb., 17 S., 554 Abb.
3. *Warland R.* Das Templon der Neuen Tokali Kilise in Göreme, Kappadokien // Lithostroton: Studien zur Byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für Marcell Restle / Hrsg. von B. Borkopp, T. Steppan. Stuttgart, 2000. P. 325–332.

4. *Wiemer-Enis H.* Die Wandmalerei einer kappadokischen Höhlenkirche: die Neue Tokali in Göreme. Frankfurt: Peter Lang, 1993.
5. *Cormack R.* Byzantine Cappadocia: The Archaic Group of Wall-Paintings // Journal of the Archaeological Association. 3rd series. 1967. Vol. 30. P. 19–36.
6. *Jolivet-Lévy C.* La Cappadoce Médiévale. Images et Spiritualité. Paris: Zodiaque, 2001.
7. *Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1991. 391 p.
8. *Jolivet-Lévy C.* Tokali kilise Revisited: New Considerations on Christ's Ministry Cycle in the New Church // 1. Uluslararası Nevşehir Tarih ve Kültür Sempozyumu / ed. A. Öger. Ankara, 2012. P. 131–141.
9. *Thierry N.* La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Âge. Turnhout: Brepols Publ., 2002. 316 p.
10. *Teteriatnikov N.* The new role of prophets in Byzantine church decoration after iconoclasm. The case of the New Tokali kilise, Cappadocia // ΔΧΑΕ. 2011. Т. 32. P. 51–64.
11. *Захарова А. В.* Монументальная живопись второй половины X — начала XI в. в Каппадокии // Византийский временник. 2015. Т. 74, № 99. С. 196–210.
12. *De Jerphanion G.* Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner. Т. 1. 1925; Т. 2. 1936.
13. *Thierry N.* La peinture de Cappadoce au Xe siècle. Recherches sur les commanditaires de la Nouvelle Eglise de Tokali et autres monuments // Constantine VII Porphyrogenitus and His Age. Second International Byzantine Conference. Delphi, 22–26 July 1987. Athens: European Cultural Center of Delphi, 1989. P. 217–233.
14. *Cave J.* The Byzantine Wall Paintings of Kılıçlar kilise: Aspect of Monumental Decoration in Cappadocia. [Unpublished Ph. D. Thesis]. The Pennsylvania State University, 1984.
15. *Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte de reliques et l'art chrétien antique. Paris: Collège de France, 1946. Vol. 2: Iconographie.
16. *Thierry N.* Le culte de la croix dans l'empire byzantin du VIIe siècle au Xe dans ses rapports avec la guerre contre l'infidèle. Nouveaux témoignages archéologiques // Rivista di studi bizantini e slavi. 1981. Vol. 1. P. 205–228.
17. *Teteriatnikov N.* The Relic of the True Cross and Jerusalem Loca Sancta: the Case of the Making of Sacred Spaces in the St. Neophytos' Enkleistra, Paphos // Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia / ed. by A. Lidov. Moscow: Progress-tradition, 2006. P. 409–433.
18. *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб.: Алетея, 2000.
19. *Св. Герман Константинопольский.* Сказание о церкви и рассмотрение таинств. М., 1995.

20. *Сарабьянов В. Д.* Мозаическая декорация Софии Киевской: Византийская формула в древнерусской традиции // Искусствознание. М., 2008. № 2. С. 9–10.
21. *Todić B.* Arkhiepiskop Lav — tvorac ikonografskog programa fresaka u Svetoj Sofiji okhridskoj [Archbishop Leo — The Creator of the Iconographic Fresco Program in Saint Sophia in Ohrid // Vizantijski svet na Balkanu = Byzantine World in the Balkans / ed. by B. Krsmanović, L. Maksimović, R. Radić. Beograd: Vizantološki institut SANU, 2012. С. 119–136.
22. *Chatzidakis N.* Hosios Loukas (Byzantine Art in Greece: Mosaics — Wall Paintings). Athens: Melissa, 1997.
23. *Maguire H.* Art and eloquence in Byzantium. Princeton: University Press, 1981.
24. *Лидова М. А.* Ораторий Иоанна VII в базилике святого Петра в Риме // Вестник Московского университета (История). Сер. 8. 2009. № 5. С. 61–80.
25. *Графова М. А.* Апсида церкви Санта Мария Антикава: факты и интерпретация // Византийский временник. 2010. Т. 69, № 94. С. 299–311.
26. *Lidova M.* The Earliest Images of Maria Regina in Rome and Byzantine Imperial Iconography // Niš and Byzantium. The Collection of Scientific Works VIII. Niš, 2010. P. 231–243.
27. *Bordi G.* La cappella del primicerius Teodoto // Santa Maria Antiqua tra Roma e Bisanzio / eds. M. Andaloro, G. Bordi, G. Morganti. Milan: Electa, 2016. P. 260–269.
28. *Лидов А. М.* Схизма и византийская храмовая декорация // Восточнохристианский храм: Литургия и искусство / ред., сост. А. М. Лидов. СПб., 1994. С. 17–35.
29. *Chassinat E.* Fouilles à Baouït // Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Vol. XII. Cairo, 1911.
30. *Van Loon G. J. M.* „The Meeting of Abraham and Melchizedek” and “The Communion of the Apostles” // Coptic Studies on the Threshold of a New Millennium, Orientalia Lovaniensia Analecta (133) / eds. M. Immerzeel, J. Van Der Vliet. Leuven, 2004. P. 1374–1392, figs. 8–10.
31. *Panayotidi M.* L'église rupestre de la Nativité dans l'île de Naxos. Ses peintures primitives // Cahiers Archéologiques. 1974. T. 23. P. 107–120.
32. *Panayotidi M.* La peinture monumentale en Grèce de la fin de l'Iconoclisme jusqu'à l'avènement des Commènes (843–1081) // Cahiers archéologiques. 1984. T. 34. P. 82–83.
33. *Papadopoulos K.* Die Wandmalereien des XI. Jahrhunderts in der Kirche Παναγία των Χαλκέων in Thessaloniki. Graz; Köln: Verlag H. Böhlau, 1966.
34. *Gautier P.* Le typikon du Christ Sauveur Pantocrator // Revue des études byzantines. 1974. T. 32. P. 1–145.
35. *Bulst-Thiele M. L.* Die Mosaiken der 'Auferstehungskirche' in Jerusalem und die Bauten der 'Franken' im 12. Jahrhundert // Frühmittelalterliche Studien. 1979. Vol. 13, no. 1. P. 442–471.

УДК 94.(450.82) “1038/1042”

Розмысл Е. В.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, факультет истории, коммуникации и туризма, студент бакалавриата
E-mail: erorrozmysl@gmail.com; kaf_vsist@grsu.by

Завоевание Сицилии Георгием Маниаком (1038–1042 гг.)

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы завоевания ромеями Сицилии в 1038–1042 гг. под руководством выдающегося полководца Георгия Маниака. Автор, опираясь на данные новейших исследований и источников, а также свои прошлые работы, раскрывает характер боевых действий при покорении острова, роль наемников, значение данной военной экспедиции, ее последствия в византийской истории.

Ключевые слова: Георгий Маниак, варанги, Сиракузы, битва у Тройны, Южная Италия

Rozmysl E. V.

Grodno State University named after Yanka Kupala,
Faculty of History, Communication and Tourism,
Bachelor's program, Student
E-mail: erorrozmysl@gmail.com; kaf_vsist@grsu.by

Conquest of Sicily by George Maniac (1038–1042)

Abstract. This article reveals the main stages of the Roman conquest of Sicily in 1038–1041. Under the leadership of the outstanding commander George Maniaka. The author, relying on the latest research and sources, as well as his past works, reveals the nature of the fighting during the conquest of the island, the role of mercenaries, the significance of this military expedition and its consequences in Byzantine history.

Keywords: George Maniac, the Varangians, Syracuse, Battle of Troina, Southern Italy

Одним из последних успешных военных предприятий Византии в Македонский период (867–1056 гг.) стала попытка завоевания Сицилии, произошедшая в 1038–1041 гг., которая по праву считается одной из выдающихся страниц военной истории. Если бы не противоречия, из-за которых руководитель экспедиции Георгий Маниак был отстранен

от командования, то империя сохранила бы за собой не только все завоевания, но и избежала участи Манцикерта.

Прибыв летом 1037 г., византийская армия высадилась в Южной Италии. Как отмечает южнонормандский хронист Вильгельм Апулийский: «Мокианос возглавил эту экспедицию после того как собрал большие силы из кавалерии и пехоты из самых разных мест» [1, р. 8]. Были тут и отряды с Востока — из Антиохии и Анатолии, и наемники-печенеги, и отряд варяжской гвардии, которыми командовал Харальд Стигурсон [2]. Здесь же впервые появляются норманны в количестве 300 человек во главе с Вильгельмом Железная Рука, несколько нормандцев с берегов р. По во главе с Ардулином, служебным человеком архиепископа Миланского [3, с. 290], что подтверждают хроника Монте-Кассино и Готфрид Малатерра: «Маниак, призывая на помощь воинов Апулии и Калабрии, направил послов также к Гваймарию, умоляя, чтобы он послал ему на подмогу норманнов. Тот отправил ему в помощь Вильгельма, Дрого и Хумфрида, которые недавно прибыли из Нормандии, с 300 других норманнов, благодаря которым он, как гласила молва, покорил своих врагов» [4, с. 118; 5, с. 113], а также Хроники Барийского анонима и Лупы Протоспафария из Бари: «В 1038 г. пришел Михаил, патрикий и дука и вместе с патрикием Маниаком переправился на Сицилию» [6, с. 563, 577]. Столь разнообразный состав армии, численность которой составляла до 5000 бойцов, свидетельствует не только о проблемах в армии [7], но и о слабости ее позиций в Южной Италии.

Используя имперский флот под командованием зятя василевса Стефана, войско Маниака весной 1038 г. высадилось у Мессины. Мусульмане сделали попытку остановить их [3, с. 290]: «Не успел патрикий Маниакес добраться до Сицилии, как два брата, правившие там, заключили мир друг с другом и обратили свое внимание на то, чтобы изгнать его с острова» [8, р. 380]. В жаркой схватке греки поколебались, но нормандский отряд сломил врагов [3, с. 290–291]. «Когда греки отступили, открылась возможность сразиться для наших; мессинцы же сперва начали яростно наступать. Но когда увидели, что их теснят сильнее обычного, то содрогнулись перед воинственностью невиданного народа и бежали до самого города» [5, с. 114]. После чего византийцы без особых проблем захватили слабо укрепленную Мессину.

«Они (мусульмане) призвали пять тысяч союзников из Африки, и когда они прибыли, произошла ожесточенная битва при Ремате, в которой Маниакес побудил карфагенян к бегству» [8, р. 380]. Под Рематой, имеется в виду Рометта, в узких теснинах путь ромеям преградила

30 000-ная армия Абдаллаха, сына тунисского эмира. Исход сражения решил натиск катафрактов, которых вел в бой лично Георгий Маниак [2].

Будучи средневековой версией боевого танка, катафракты предназначались для пролома вражеской пехоты. Они носили как контарион (копье), так и длинные мечи, их предпочтительным оружием был бардукион (кувалда), булава с длинной рукоятью и круглым или фланцевым наконечником [9, р. 130–131].

Хотя нам неизвестны детали сражения, решающая роль катафрактвов является ярким свидетельством не только доминирования на поле боя тяжелой конницы, которое займет следующие два столетия, но и комбинация византийской военной машины с полководческим дарованием Маниака. Следует отметить, что нормандские и южноиталийские хроники ничего не сообщают о данном сражении [5, с. 22, 114, 220].

После разгрома остатки войск Абдаллаха укрылись в Палермо — столице Сицилийского эмирата, а византийцы «захватили 13 сицилийских городов, а затем, мало-помалу, завоевали весь остров» [8, р. 380].

Как греческие, так и нормандско-италийские источники не сообщают о ходе захвата этих 13 городов, поэтому единственным источником, дающим информацию о ходе их покорения, является сага скальда Снорри Стурлусона, но к ее данным следует относиться осторожно ввиду того, что саги преувеличивают заслуги Харальда Стигурсона, выставляя греков слабыми и беспомощными. С уверенностью можно утверждать только то, что покорение городов на востоке Сицилии заняло у Маниака 1,5 года.

При захвате неназванного города, как утверждает Снорри: «Там были настолько прочные стены, что он (Харальд) не помышлял о том, чтобы проломить их. Тогда Харальд пошел на хитрость: он велел своим птицеловам ловить птичек, которые выют гнезда в городе и вылетают днем в лес в поисках пищи. Харальд приказал привязать к птичьим спинкам сосновые стружки, смазанные воском и серой, и поджечь их. Когда птиц отпустили, они все полетели в город к своим птенцам в гнезда. Огонь распространился с птиц на крыши. Вспыхнул большой пожар и запылал весь город» [10, с. 405].

Эпизод совпадает с покорением Ольгой Киевской в 945 г. столицы древлян Искоростени и является сюжетом мирового фольклора. Скорее всего, под птицами Снорри подразумевает использование либо камнеточных машин с зажженными снарядами, либо же греческий огонь, хотя мы не можем утверждать это наверняка. Учитывая, что Харальд был лишь руководителем варяжской дружины, утверждение о пощаде населе-

ния города является ошибочным — такое решение могло исходить лишь от Маниака, а версия о том, что последний разделил армию на части и варанги осаждали город самостоятельно, нигде не упоминается.

Покорив северо-восточную часть острова, в 1039 г. Маниак продвинулся на юг — к Катании [9, р. 125], описание штурма которой, по мнению Д. Холвея, уже является более правдоподобным у Снорри, который отмечает, что «город окружала плоская безводная равнина. Тогда Харальд велел прорыть подкоп от того места, где тек ручей в глубоком овраге, так что этого места нельзя было увидеть из города» [10, с. 405–406].

Подразделение варангов в 500 человек, блокировавших вражеский берег, осуществляло патрульные и осадные действия. Посредством рытья тоннелей и траншей варяги подбирались к городским стенам для их подрыва. Земляные работы проводились под прикрытием переносных щитов. Вырытую нишу укрепляли бревнами и наполняли горючими материалами. Когда горючие вещества вместе с опорами выгорали, участок стены обрушивался [11, с. 153]: «Когда Харальд убедился в том, что подземный проход стал таким, что по нему можно было пробраться под городскими стенами, он приказал своему войску вооружиться. На рассвете они вошли в подкоп. Когда же они дошли до конца его, они стали рыть у себя над головами, пока не добрались до камней, скрепленных известью. Затем они взломали пол и вошли в палаты. Перед ними сидело множество горожан, которые ели и пили, и появление противника оказалось для них полной неожиданностью, веринги бросились на них с обнаженными мечами и одних убили на месте, а другим удалось убежать. Веринги погнались за ними, и некоторые из них захватили городские ворота и отворили их, и все войско вошло в город» [10, с. 406].

Следующей крепостью, осажденной ромеями в 1039 г., стали Сиракузы. Это подтверждает Малатерра, говоря, что, «устремившись во внутренние районы Сицилии и по мере продвижения всё себе подчиняя, они (греки) добрались до Сиракуз» [5, с. 114]. Согласно Снорри: «Он был больше прежних и неприступнее, и богаче имуществом и людьми; так укреплен, что нечего было и рассчитывать, чтобы ворваться в него» [10, с. 407].

Как именно были взяты Сиракузы — вопрос спорный, помимо Снорри, осаду описывает Готфрид Малатерра. Если сопоставить их данные, то можно восстановить следующую картину.

Сперва «жители, выйдя из города, вступили в битву с воинами Маниака. Некий Аркадий, который стоял во главе города, оказав нашим ожесточенное сопротивление, устроил жуткое побоище; но Вильгельм

Железная рука, страшно разгневанный, стремительно бросился на него, и храбро вступив в бой, сразил его острым копьем и убил» [5, с. 114].

Логично предположить, что, когда сиракузцы поняли, с кем имеют дело, они решили уйти под защиту своих стен, что соответствует дальнейшим событиям, описываемым в сагах: «Они осадили город и перерезали все пути к нему, так чтобы продовольствие не могло быть доставлено к его жителям» [10, с. 408]. В такой ситуации Харальд находит один способ взятия крепости — военной хитростью, насколько данный эпизод является правдивым, сказать сложно, поскольку у нас нет иных описаний взятия Сиракуз: «Веринги вступили в переговоры с горожанами, сказали им о кончине своего вождя и просили священников разрешить ему быть погребенным в городе. Когда горожане узнали об этой новости, то те, которые управляли монастырями или храмами в городе, выражали желание принять его тело в свои церкви, зная, что можно будет ожидать большого притока пожертвований. Когда гроб внесли в городские ворота, то опустили его, поставив поперек дороги. Тут веринги протрубили во все свои трубы и обнажили мечи. Все войско верингов бросилось тогда из лагеря в полном вооружении с кликами и гиканьем и ворвалось в город» [10, с. 407–408].

Данный эпизод действительно мог произойти — Сицилия была потеряна в 902 г. с падением Тавроментия [12, с. 57; 5, с. 246], и на острове еще оставалось немало христианских общин, которые, по данным Снорри, сохранили возможность придерживаться своей веры. Как бы то ни было, весной 1040 г. город был взят [9, р. 127].

Ситуация на острове к этому времени изменилась. После завоевания Сиракуз Тунисский эмир Абдулла ибн Муиз решил вернуть себе свой остров [9, р. 129]: «Карфагенянин собрал силы, намного превосходящие прежние, и прибыл на Сицилию, намереваясь изгнать оттуда Маниакеса. Он расположился лагерем на наклонной равнине, называемой Драгиной, и там он ждал начала битвы. Маниак, узнав об этом, мобилизовал силы под своим командованием и вышел ему навстречу» [8, р. 381–382; 5, с. 114].

Вполне возможно, Ибн-Муиз после поражения под Рометтой рассчитывал, что ромеи увязнут в осадах сицилийских крепостей и откажутся от попыток завоевать остров, но после падения Сиракуз стало ясно: греки настроены всерьез установить контроль над центром Средиземноморья. Остров не только позволял контролировать торговые пути, но и обладал обширными сельскохозяйственными угодьями с богатыми городами.

Весной 1040 г. Абдаллах двинул войско в сторону Сиракуз. Он рассчитывал взять византийцев в клещи. Решающая битва произошла у г. Тройна, которую Скилица называет Драгианам. Город находится

почти на высоте 4000 футов в горах Неброди и является одним из самых высоких городов Сицилии, где дорога с северного побережья пересекает долину реки Симето и спускается на равнину Катании и Сиракуз — естественное место для сражения [9, р. 129].

Исследователи расходятся во мнении относительно обстоятельств, при которых произошло сражение. В. Г. Васильевский считает, что Маниак, господствуя над восточным берегом, имел перед собой осажденные Сиракузы, а позади — неприятельскую армию [3, с. 291]. Учитывая, что битва не упоминается в сагах, то с ним можно было бы согласиться, но его исследования несколько устарели, а Д. Холвей не сомневается в участии Харальда в битве, обращая внимание, что хронисты доводят численность мусульман до 60 000 человек [5, с. 114]; хотя мы прекрасно понимаем, что это преувеличение — но враг все равно превосходил войско Маниака. Сиракузы слишком крупный город, чтобы можно было там оставить часть войск — особенно варангов, которые сильны своим натиском в ближнем бою. Исходя из этого, сражение произошло уже после взятия города.

Ибн-Муиз, помня, какой силой обладают катафракты, решил пойти на хитрость: желая, чтобы христиане спустились к нему, устроил им ловушку. Он использовал калитропы («чеснок») — набор из четырех шипов, скованных вместе с одного конца в центре таким образом, что, разбросанный по земле, он опирается на три, как на треногу, а четвертый торчит прямо вверх, чтобы пронзить любого, кто на него наступит [9, р. 130].

В случае конной атаки она превратилась бы в катастрофу, поскольку подковы не могли спасти копыта от таких шипов. Однако разведчики сообщили об этой уловке Маниаку, и тот немедленно приказал снабдить лошади гиппосандалями — кожаными ботинками на ремешках с железной подошвой. Они защищали ноги лошадей от твердых булыжных мостовых, а также при езде по камням и пересеченной местности [9, р. 130]. Это вооружение свидетельствует об изучении империей своих врагов-кочевников, в частности кельтов, у которых они позаимствовали данный вид защиты для лошадей.

Следуя имперской военной доктрине, Маниак развернул свои войска в три линии, с греческой и нормандской кавалерией на флангах и своей лучшей пехотой — Харальдом и варягами — в центре [9, р. 130].

Нам неизвестно, как Маниак планировал вступать в бой с противником, поскольку ему на помощь пришла сама стихия: поднялась летняя пыльная буря, ударившая арабам в лицо, так что они вообще не смогли привести себя в порядок. Маниак немедленно послал в бой свою ка-

валерию: нормандских наемников и имперских катафрактов: вид этих всадников, вылетающих из пыльной мглы, вселил ужас в мусульман [9, р. 130–131], поскольку мессинские арабы впервые испытали на себе мужество не знакомого им врага [13, с. 318]. С этим согласен и Вильгельм Апулийский, говоря, что, «когда командир кавалерии видит врага, он совершает внезапную атаку с основной частью отборных войск, обращая врага в бегство» [1, р. 9; 5, с. 24].

В хрониках существует противоречия касаясь того, как происходило сражение, например, Малатерра вообще отрицает участие греков в битве, присуждая всю победу Вильгельму де Отвилю, говоря, что «греки, придя к месту, где была битва, пока наши преследовали врагов, разграбили добычу и разделили ее между собой» [5, с. 114]. По словам же Скилицы, известно лишь, что «началась схватка, и враг был жестоко разбит» [8, с. 382]. Если же исходить из современной реконструкции событий и брать в расчет антигреческий подход нормандских хроник, то сражение фактически не состоялось, превратившись в резню бегущего противника.

Победа при Тройне закрепила полководческий талант Маниака, и теперь весь остров был полностью открыт для завоевания, и в первой половине 1040 г. почти вся Сицилия была в руках греков [3, с. 292].

Однако ситуация кардинальным образом изменилась: «Он (Маниак. — *Е. Р.*) приказал шурина императора Стефану охранять побережье, гарантируя таким образом, что побежденный карфагенянин не сможет убежать незамеченным и вернуться домой. Но их вождь (Ибн-Муиз) бежал от опасности, вышел на берег, сел на быстроходную лодку и уехал на родину. Маниакес пришел в ярость, когда узнал об этом. Когда Стефан пришел встретиться с ним, он набросился на него с чрезмерной бранью и, подняв хлыст, нанес ему несколько ударов по голове» [8, р. 381–382]. Тем самым Маниак унизил адмирала перед другими командирами. А тот, кто поднял руку на царского зятя, не остановится поднять ее и против самого царя и уже готовится протянуть ее к царскому венцу [3, с. 294]: «Стефан без промедления отправил Орфанотрофу письмо, в котором сообщил ему, что Маниакес замышляет восстание против императора. Маниакес был немедленно доставлен в столицу под арестом и заключен в тюрьму» [8, р. 382].

Как главнокомандующий, Маниак вправе был судить своих подчиненных, поскольку Стефан не выполнил приказ, вне зависимости от того, мог он схватить Ибн-Муиза или нет. Поэтому можно согласиться с мнением Михаила Пселла, что «стоило ему добиться успеха, как он тут же попал в оковы; он возвращался к царям победителем и угодил в тюрьму,

его отправляли в поход и отдавали под начало ему все войско, но по обе стороны его уже становились молокососы-военачальники, толкавшие его на путь, идти которым было нельзя, где все должно было обернуться и против нас, и против него самого» [14, с. 94].

К этому следует добавить, что после разгрома сарацин при Тройне ромеи приступили к осаде Палермо. Византийцы блокировали город с суши, и крепость находилась на грани сдачи. Однако византийский флот не сумел помешать каравану судов из Африки привести подкрепления и припасы в осажденную крепость [15, с. 156]. Этот инцидент явно свидетельствует об отсутствии грамотного командира, подобного Маниаку.

В прошлых работах поднимался вопрос о причинах неудачи сицилийской кампании [6], но следует внести правки.

1. Мнение, что варяжская дружина участвовала в мятеже против Маниака, ошибочно — В. Г. Васильевский отмечает, что удаление Харальда из Сицилии совпало с отозванием Маниака в 1041 г. [3, с. 294]. Это подтверждает Д. Холвей и саги, которые упоминают Харальда сначала в битве при Ольвенго в Южной Италии, а потом при подавлении восстания Петра Деляна в Болгарии.

2. Главной причиной мятежа против Маниака стал он сам, когда отказался делить добычу между всем войском. Это в один голос подтверждают все южноитальянские хроники: «Вернувшись после своей победы над врагом, Мокианос распределил добычу среди греческих войск, но Ардуин ничего не получил. Он гневно осудил греков за их алчность. Мокианос разозлился на эти оскорбления и приказал раздеть его и выпороть — пристыдить этим наказанием человека. В ярости от унижительного обращения, Ардуин и его люди покинули лагерь греков втайне. Отряд греков, посланный в погоню, настиг его на открытой местности, но они (греки. — *Е.Р.*) потерпели поражение» [1, р. 8; 4, с. 118; 5, с. 22–23, 114]. Об этом говорят и «Сицилийские анналы», отмечая, что «Маниак не был узнан теми, вместе с кем он одержал победу» [5, с. 472].

Этой позиции придерживается Э. Гиббон, отмечая, что норманны много содействовали военным успехам Маниака, завладевшего 13 городами и подчинившего большую часть Сицилии. Но свою воинскую славу он запятнал неблагодарностью и тиранией [13, с. 318] — сам факт упоминания им сицилийской экспедиции говорит о важности данной кампании.

В-третьих, вина лежала на политике императора Михаила IV Пафлагона (1033–1041 гг.). В Южной Италии он долго поддерживал Пандульфу Капуанского, но после своего поражения от Гвемара Салернского он перешел на сторону Капуанца и бросил Пандульфу в темницу. Результат:

в 1040 г. лангобарды и норманны, покровительствуемые Гвемаром, опустошили византийские владения [16, с. 308], что подтверждают «Краткая нормандская хроника», Малатерра и Вильгельм Апулийский [5, с. 220, 115, 23]. Это доказывает, что разрозненные владения греков, лангобардов и сарацинов легко могли сделаться жертвами любого, кто захотел бы напасть на них [13, с. 315].

В итоге, пока основные войска империи были на Сицилии, в Южной Италии поднялось восстание [12, с. 60]. Еще и поэтому лангобарды покинули Маниака: войска Ардуина и их норманнские союзники под командованием Райнульфа Дренгота и Вильгельма де Отвиля (Железной Руки) чувствовали, что они больше выиграют, сражаясь против византийцев, чем с ними [9, р. 134].

Неудивительно, что развал имперской армии, события в Италии и донос Стефана были восприняты не иначе как подготовка Маниака к военному мятежу. Отстранение гениального полководца стало катастрофой: «Все командование было передано Стефану и внуку Василию Педициату. Эти потеряли Сицилию из-за жадности, трусости и беспечности. Когда Маниакес захватил города острова, он построил в них цитадели, разместив в каждой соответствующий гарнизон, чтобы помешать местным отвоевать города штурмом. Но теперь местные жители воспользовались робостью и ленью командующего, объединились с некоторыми карфагенянами и напали на города» [8, с. 382]. Без сильного руководства Маниака гарнизоны пали [9, р. 135]. Даже император не мог скрывать сокрушительную неудачу своего зятя, и Стефана с позором отозвали в столицу.

Вскоре волнения в Италии вынудили преемников Маниака ограничить сицилийский экспедиционный корпус самыми малыми размерами и даже отпустить норманнов. А в марте 1041 г. те под предводительством 12 вождей вторглись в Апулию, чтобы положить прочное начало нормандскому владычеству в Италии [3, с. 295–296; 5, с. 23, 115, 220].

В итоге победоносно начатая сицилийская кампания обернулась полным поражением имперских войск. За 1041 г. в греческих войсках в Италии и Сицилии 4 раза сменится руководство, а катастрофический разгром при Ольвенто, Мольтеманджое и Монтепелозо [5, с. 115, 220] приведет к тому, что под властью империи останутся Отранто, Бринди-зи и несколько неприступных горных крепостей в Лукании [17, с. 323]. Весной 1042 г. последние греческие силы покинули Сицилию, а гарнизон Мессины был эвакуирован морем в Константинополь [8, с. 383].

Относительное равновесие удастся восстановить лишь летом 1042 г., с возвращением Георгия Маниака на пост катепана Италии: «Импера-

трица Зоя отослала Маниакеса полномочным командующим армейскими подразделениями в Италии» [7, р. 397; 5, с. 29–30, 220]. Но начавшийся политико-династический кризис в Византии в 1040-х гг., а затем возникший вследствие этого мятеж Маниака [18], о чем говорят «Деяния Роберта Гвискара» [5, с. 31–33], навсегда утомили пыл ромеев по захвату острова.

Проследив весь ход военной экспедиции греков на Сицилию в 1038–1042 гг., мы видим здесь выдающиеся военные достижения ромеев. Таранный удар катафрактов, свирепость варягов, методичное покорение вражеских крепостей и полководческий талант Георгия Маниака — этого было бы достаточно, чтобы закрепить доминирование империи в Западном Средиземноморье. Находясь в одном шаге от того, чтобы покорить Сицилию, что укрепило бы политическое и военное могущество империи, эта военная операция неожиданно завершилась бесславно, окончательно похоронив некогда великую славу византийского оружия [7, с. 19].

Список источников и литературы

1. *Apulia of William. The Deeds of Robert Guiscard.* 1995. 67 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://ims.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/29/2019/02/William-of-Apulia.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).
2. *Денисенков А.* Смерчу подобен: Георгий Маниак — мрачный герой Византийской империи [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/W9yQaCKOTwCqriiA?utm_referer=yandex.by (дата обращения: 07.09.2023).
3. *Васильевский В. Г.* Труды В. Г. Васильевского: в 4 т. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. 402 с.
4. *Марсианский Л., Дьякон П.* Хроника Монте-Кассино. М.: SPSL — Русская панорама, 2015. 520 с.
5. Хроники Сицилийского королевства. М.: SPSL — ИД «Русская панорама», 2021. 544 с.
6. Хроники Италии. М.: SPSL — Русская панорама, 2020. 616 с.
7. *Розмысл Е. В.* Причины неудач Сицилийской кампании 1038–1040 гг. Гродно: БИП — Университет права и социально-информационных технологий, 2022. С. 19–23.
8. *Skyllites J.* A Synopsis of Byzantine History. Cambridge: University press, 2010. 492 p.
9. *Hollway D.* The Last Viking. The True Story of King Harald Hardrada. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2021. 372 p.
10. *Стурлусон С.* Круг Земной. М.: Наука, 1980. 688 с.
11. *Олейников А. В.* Варяжская гвардия Византии. М.: Вече, 2015. 320 с.
12. *Розмысл Е. В.* Сицилийская кампания Георгия Маниака 1038–1040 гг. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. С. 56–60.

13. *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 6. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. 592 с.
14. *Пселл М.* Хронография. Краткая история. СПб.: Алетейя, 2003. 397 с.
15. *Мохов А. С.* Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // Античная древность и средние века. 2005. Вып. 36. С. 156.
16. *Буровский А. М.* Царьград. 1000 лет величия. М.: Яуза: Эксмо, 2013. 512 с.
17. *Норвич Д.* История Византии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 542 с.
18. *Розмысл Е. В.* Георгий Маниак — последний воин Македонской династии // Научная мысль: перспективные направления. 2022. Вып. 3. С. 36–41.

УДК 94(495).02+94(495).03

Карашайски К. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»,
исторический факультет, аспирант
E-mail: kemkarr@mail.ru

Образ иноземца-наемника в сочинении Михаила Пселла

Аннотация. В статье рассматриваются представления об иноземных наемниках, содержащиеся в «Хронографии» Михаила Пселла. Автор полагает, что византийский чиновник и интеллектуал выступал сторонником армии, усиленной контингентами иностранных наемников и союзников. В образах иноземных воинов у Пселла, наряду с варварской необузданностью и свирепостью, превалируют сила, воинственность, отвага и надежность.

Ключевые слова: Византия, военное наемничество, иноземные наемники, историческая имагология, образ иноземца, Михаил Пселл

Karashayski K. M.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute “Tauride Academy”,
Faculty of History, Postgraduate student
E-mail: kemkarr@mail.ru

The image of a foreign mercenary in the work of Michael Psellos

Abstract. The article examines the perceptions of foreign mercenaries contained in the “Chronographia” of Michael Psellos. The author believes that the Byzantine official and intellectual was in favour of an army reinforced by contingents of foreign mercenaries and allies. In Psellos’ images of foreign warriors, along with barbaric wildness and ferocity, prevail strength, militancy, bravery and fidelity.

Keywords: Byzantium, military mercenarism, foreign mercenaries, historical imagology, image of a foreigner, Michael Psellos

В середине IX–XI вв. в Византийской империи усиливаются роль и значение контингентов иноземных наемников, которые активно участвуют как в военных кампаниях, так и во внутривосточной жизни государства ромеев. Данное явление закономерно нашло отражение в тру-

дах византийских авторов этой эпохи, таких как, например, Кекавмен, Михаил Пселл, Михаил Атталиат, Иоанн Скилица. Их интересовали проблемы, связанные со службой иностранцев, необходимостью привлечения иноземных наемных и союзных войск в противовес отечественным, ромейским, силам, а также качества и характеры воинов-инородцев и их предводителей. Образы наемников-иноземцев, складывающиеся в представлении византийских интеллектуалов и выводимые ими на страницах своих произведений, представляют, как нам кажется, особый интерес для изучения.

Ранее нами уже рассматривались сведения, приводимые в «Советах и рассказах» Кекавмена [1] — византийского полководца XI в., представителя военной аристократии. В данной работе мы попытаемся вывести образ иноземного наемника и определить отношение к нему в историческом сочинении Михаила Пселла — представителя противоположной партии — столичного чиновничества [2, с. 250].

Михаил Пселл (1018–1078 / последняя треть 1090-х гг.) был выходцем из столичной чиновной семьи и получил прекрасное образование, позволившее ему, вкупе с очевидным природным даром, сделаться не только выдающимся философом и ученым, но и политиком, в течение многих лет пребывавшим близким советником ряда ромейских императоров [3, с. 128–129]. Активно участвуя в политической жизни государства и придворных интригах, Пселл подчас проявлял себя деятелем беспринципным и даже жестоким [4, с. 76–79]. Общественно-политическое положение Пселла определяет банальную, но небезынтересную в рамках нашего исследования деталь его «Хронографии»: если, говоря о служивых иноземцах, полководец Кекавмен зачастую акцентирует внимание более на военных кампаниях и условиях службы, то чиновник Пселл сосредоточен на столице, дворе и правителе, при котором находится иноземная стража, на участии наемников в апостасиях знати и столичных переворотах.

«Хронография» Михаила Пселла — одно из основных исторических сочинений эпохи и важнейший источник по истории Византии 976–1075/1077 гг. Произведение было написано в периоды с 1057 по 1059–1063 и с 1071 по 1075/1077 гг. Полностью текст «Хронографии» сохранился лишь в одном списке — кодексе P (Paris, Bibliothèque Nationale, gr. 1712, Fol. 322–423v) (вторая половина XII в. и середина XV в.), частично — в кодексе S (Mount Sinai, Monastery of Saint Catherine, Sin., gr. 1117, Fol. 277v-279v) (середина XIV в.).

В специальной литературе уже не раз отмечались высокий стиль и глубокая проработанность произведения Пселла, «не столько излагав-

шого события, сколько создававшего образы героев, раскрывая их характеры» [3, с. 129–130]. Действительно, образам Пселла свойственны художественность, детальность, тонкая психологичность и присущая каждому человеку двойственность, что порой теряется в потоках других исторических повествований, из-за чего представления о личности часто приобретают характерную однобокость. Разумеется, это касается почти исключительно правителей, полководцев и придворных. Иноземных воинов Пселл использует в основном в качестве массовки, входящей в историческое представление подчас лишь для того, чтобы ударами оружия или громкими криками восславить императора или военачальника, участвовать в царской церемонии или триумфе, перевороте или мятеже. Несколько раз автор «Хронографии» кратко упоминает о конкретных персонах, связанных со службой иноземцев, но по имени называет лишь одного — норманнского наемника Роберта Криспина (Крепина).

Несмотря на принадлежность к условной «гражданской партии», Пселл не забывал об интересах воинского сословия, последовательно выступая за сильную армию [2, с. 250–251]. Если Кекавмен писал, что *«войско — сила василевса и слава дворца»* [5, с. 309], то Пселл утверждал, что *«царская власть держится на трех опорах — народе, синклите и войске»* [2, с. 141]. Он, однако же, вопреки мнению Г. Г. Литаврина [5, с. 106], не был принципиальным противником привлечения в армию иноземных отрядов и не всегда предпочитал войско исключительно ромейское тому, в котором были бы собраны силы наемные и союзные. Напротив, часто императоры получают от Пселла совет собирать и укреплять иноземное войско.

Так, в «Краткой истории» он удостоивает похвалы полководца Никифора Фоку за укрепление византийской армии в том числе воинами из иноземных сил (τῆς ξενικῆς δυνάμεως) [2, с. 346; 6, р. 96]. Во время мятежа Исаака Комнина летом 1057 г. Пселл, в числе прочих, дает императору Михаилу VI (1056–1057) совет *«пригласить на помощь союзников из соседних варварских стран, укрепить находившееся на нашей службе чужеземное войско»* [2, с. 144] / «συμμαχίας τε παρὰ τῶν γειτονοῦντων βαρβάρων ἐπικαλέσασθαι, καὶ τὰς παρ' ἡμῶν ξενικὰς δυνάμεις κρατῶναι» [7, р. 89]. Императорское войско, пополненное союзными силами, автор «Хронографии» характеризует как превосходно снаряженное, обладающее лучшим оружием и неудержимое в натиске [2, с. 144–145].

Критика Пселла направлена не на корпус иноземных наемников в целом, а на конкретных представителей варваров при императорском дворе. Он сокрушался: *«правят же нами [ромеями] часто те, кого*

мы купили у варваров» [2, с. 113]. В двух заговорах против Константина IX (1042–1055) в начале 1050-х гг., согласно «Хронографии», тем или иным образом участвуют варвары-придворные. Один из них был начальником наемных отрядов [2, с. 118] (τὰ πρῶτα τῶν μισθοφόρων [7, р. 42]), которого Пселл упомянул как одного из льстецов в окружении императорского фаворита и командира великой этерии Романа Воилы (Ρομανὸς Βοΐλας) в 1051 г. Относительно другого (вероятно, болгарина или печенега), около 1050 г. попытавшегося убить императора и захватить власть, Пселл не скупился на выражения: «*подонок* [ублюдок, отброс] *из варваров, спесью своей затмивший любого ромея*» / «κάθαρμά τι βαρβαρικόν, πᾶσαν ὑπεραναβεβηκῶς ἀγερωχίαν Ῥωμαϊκὴν», «*спесивый варвар*» / «τὸν μεγάλανχον ἐκεῖνον βάρβαρον», «*рода безвестного... самого низкого и подлого*» / «τὸ γένος ἄσημος... ἀγενέστατος καὶ φαλότατος» [2, с. 113; 7, р. 35–36]. Человек этот якобы даже избивал будущих императоров и хвалился этим после прихода последних к власти.

Похвальба иноземцев нанесением вреда византийским владыкам — явление нередкое. Например, ряд хвалебных песен скальдов воспевают ослепление Харальдом Сигурдарсоном, в 1034–1042 гг. предводительствовавшим отрядом наемников-варангов, императора Михаила V (1041–1042). «Сага о Харальде Суrowом» сообщает, что «*Харальд сам рассказывал так, да и другие люди, которые там были вместе с ним*» [8, с. 410].

Указание на незнатное происхождение также является характерной чертой восприятия византийцем чужеземной персоны. Так, Кекавмен делил иноземцев на людей «из простонародья» (ἐξ ἀγέλης ἔθνικόν) и «из царского рода своей страны» (ἀπὸ βασιλικῶ γένους τῆς χώρας αὐτῶν) [1, с. 77; 5, с. 294–295].

Иначе Пселл относился к евнухам из окружения Константина VIII (1025–1028) и Михаила V (1041–1042). Люди Константина «*не принадлежали к благородному и свободному сословию, но были чужеземцами и варварами* [τῆς ἔθνικῆς καὶ βαρβαρῶν]» [2, с. 22; 9, р. 27]. Они, однако, «*были великодушны, не жадны до денег, щедры и обладали другими прекрасными и благородными свойствами*» [2, с. 22]. «Скифские юноши» (τὰ Σκυθικὰ μεράκια) [2, с. 60; 9, р. 95], составлявшие охрану Михаила, были преданные, «*знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал*» [2, с. 60]. Это были либо печенеги, либо, что вероятнее, болгары — именно их «Хронография» чаще всего именуется скифами, в то время как торки (узы) и печенеги, что также часто обозначались этим именем [10, с. 211], у Пселла именуются гетами и мисами соответственно.

Иноземные силы активно привлекаются в полевые армии и в ряды личной стражи. Шеститысячный «варяго-русский» корпус, отправленный в конце 980-х гг. князем Владимиром Святославичем императору Василию II (976–1025), Пселл назвал «отрядом отборных тавроскифских воинов» / «τῶν ἐν τῷ Ταύρω Σκυθῶν λογάς ἀξιόμαχος», противопоставив их порицаемым Василием «неблагодарным [недоброжелательным] ромеям» / «τῶν Ῥωμαίων ἀγνομοσύνης». Усиленные «других чужеземцев соединенной силой» / «τὴν ξενικὴν ἑτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν» [2, с. 12; 9, р. 9], т.е. наемными отрядами, уже находившимися на службе, они подавили восстание узурпатора Варды Фоки (987–989). Против них на стороне мятежников сражалось грузинское войско Давида Куропалата [11, с. 53]: «воинственные ивиры, цветущие юноши с первым пушком на щеках, одинаково высокого, как по мерке, роста, с мечами в руках, неустойчивые в натиске» [2, с. 12]. К обернувшемуся катастрофой походу на Алеппо в 1030 г. император Роман III (1028–1034) «сколотил союзные отряды», двинув против арабов «полчища ромеев и союзников [συμμαχικῶ]» [2, с. 27; 9, р. 36]. К мятежному войску Исаака Комнина в 1057 г. примкнули «союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы [норманны] и тавроскифы» / «συμμαχικαὶ δυνάμεις ὁπόσαι παρὰ τῶν ἔθνῶν αὐτοῖς παρεγένοντο, Ἰταλοὶ τε καὶ Ταυροσκήθαι» [2, с. 149; 7, р. 97]. Потерпевший поражение в борьбе за императорский престол и осажденный в кресте Адана Роман Диоген в 1072 г. безуспешно надеялся на приход своих союзников-турок (τὴν Περσικὴν συμμαχίαν) [2, с. 192; 7, р. 171].

Говоря о служащих в империи союзниках (οἱ σύμμαχοι) и наемниках-иноземцах (οἱ ξένοι, крайне редко — οἱ ἔθνικοί), Пселл часто имеет в виду комплектующиеся из них части императорской стражи — «вскормленных во дворце наемников», «тавроскифов и некоторых других, которых цари обычно держат при себе» [2, с. 64–65]. Совместно с жезлоносцами (οἱ ῥαβδόχοι) и меченосцами (οἱ ξιφηφόροι) во время императорских церемоний по обычаю непосредственно рядом с правителями находилось «племя тех, кто потрясает секирой на правом плече» / «τὸ γένος ὅσοι τὸν πέλεκυν ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ ὤμου κραδαίνουσι», т.е. воины «варяго-русского» корпуса. Автор «Хронографии» характеризует их как стражу высшего ранга, самую верную [2, с. 72; 9, р. 118], шествующую в императорских процессиях [2, с. 104]. Действительно, мы встречаем эту «потрясающую в своих десницах секирами» иноземную стражу на церемониях императриц Зои и Феодоры в 1042 г. и в триумфе в честь победы над Георгием Маниаком в 1043 г. [2, с. 97–98].

Однако в войске мятежного военачальника Георгия Маниака в 1042–1043 гг. присутствовал поддерживавший его отряд варангов. И мы также видели воинов из числа норманнов, росов и варангов в лагере восставшего в 1057 г. Исаака Комнина. Пселл, как кажется, неспроста акцентирует внимание на присутствии подобных контингентов при императоре или претендующей на императорскую власть особе. Иноземная стража (в первую очередь секироносная гвардия), как один из важнейших элементов политического символизма, своим присутствием была призвана обеспечить легитимацию их власти [12, с. 14]. Отчасти именно поэтому во время церемонии встречи посольства от Михаила VI в окружении Исаака находились «италийцы» и «тавроскифы» [2, с. 148–149], а в разгар сражения близ Никеи (август 1057 г.) узурпатора пыталась убить собственно группа «тавроскифских» воинов, бьющихся на стороне его соперника [2, с. 145].

Провозглашавший свою единоличную власть Михаил VII (1071–1078) заручался поддержкой дворцовой стражи из «племени щитоносцев, потрясающих секирами». Последние *«явились к царю, чтобы защитить его от опасности: они окружили его кольцом и, не прикоснувшись к нему и пальцем, отвели в верхние этажи дворца»* [2, с. 189]. Отстранение от власти и изгнание Михаилом V легитимной императрицы Зои в 1042 г. вызвало резкое недовольство не только среди горожан Константинополя, но также и у иноземных отрядов: они, как пишет Пселл, *«не могли тогда обуздать своего гнева»*. Несмотря на то что часть наемников колебалась, другие открыто присоединились к восстанию в столице [2, с. 64–65].

Описания внешности, особенностей, качеств и характеров служилых иноземцев даются в «Хронографии» пусть коротко, но весьма ярко. Ивиры предстают цветущими и хорошо сложенными молодыми бойцами, воинственными и неуправляемыми в натиске [2, с. 12]. «Скифские юноши» — людьми, подходящими для службы и преданными (особенно после получения высоких титулов) [2, с. 60]. «Тавроскифы» (росы и варанги) и «италийцы» (норманны) внушают ужас своим видом и образом, их глаза ярко сверкают (яростно глядят / имеют голубой цвет). Норманны, как сообщает Пселл, подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, а росы и варанги сохраняют их естественный цвет. «Италийцы» характеризуются как порывистые, быстрые и неуправляемые, «тавроскифы» — как бешеные и свирепые. Первые были неотразимы в атаке, но гневливы. Вторые, не будучи столь же горячи, не обращали внимания на раны и не жалели своей крови [2, с. 149]. Правда, в другой части «Хронографии» говорится об их необузданном гневе [2, с. 64]. Они кричат во всю силу своих глоток, завывают и бряцают оружием [2, с. 189].

Однако лестные и даже восторженные, пусть и пышущие дикостью и варварским духом, характеристики относились лишь к тем иноземцам, что непосредственно находились на имперской службе, в то время как к их сородичам Пселл проявлял настрой подчас весьма негативный. Так, о народе «мисов» (печенегов), союзные отряды которых Византия использовала, например, в столкновениях с арабами в Сирии в 1030 г. [13, с. 176], он писал: *«Все люди этого племени опасны и вероломны. Договоры о дружбе для них ничего не значат, и даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова»*. Кроме того, они *«не сильны телом и не отважны духом»* [2, с. 165–166]. Росы же, так высоко оцениваемые в обличье служилых «тавроскифов», в кризисный период оказываются племенем варварским, враждебным ромеям и непрерывно кипящим злобой и ненавистью к Ромейской державе, непрестанно ищущим предлогов для войны [2, с. 98].

Закономерно, что применение в «Хронографии» пейоратива «варвар» (ὁ βάρβαρος) касается тех персон и общностей, которые, с точки зрения Пселла, враждебны империи или выступают лично его политическими оппонентами, в то время как при положительной или нейтральной оценке используются обозначения «чужеземец» (ὁ ξένος), «иноземец» (ὁ ἔθνικός), «союзник» (ὁ σύμμαχος), «наемник» (ὁ μισθοφόρος). В этом отношении справедливым кажется замечание Ф. Лорицена относительно того, что «варварами» у Пселла обозначаются люди, не имеющие формального договора с Константинополем, приносящие вред, восставшие и ведущие войну против империи [14, р. 328–329].

Наиболее характерный элемент вооружения иноземных наемников Пселл именуется аттическим термином «ромфея» (ἡ ρομφαία) [7, р. 165; 9, р. 103] или «тяжелая железная ромфея» (ἡ ρομφαία βαρυσιδήρους) [7, р. 95]. Как убедительно показал Т. Доусон, под этим оружием в «Хронографии», наряду с «пелекисом» (ὁ πέλεκυς), подразумевается длинная скандинавская секира [15]. Помимо нее, воины из числа «тавроскифов» имели мечи, длинные копыя и щиты [2, с. 145, 148–149, 189]. Дворцовая стража, призванная Михаилом VII, среди прочего, описывается как «племя щитоносцев» (τὸ γένος ἀσπίδοφόροι) [2, с. 189; 7, р. 165]. Их построение Пселл называет «круг щита» (τὸν κύκλον τῆς ἀσπίδος) [2, с. 149; 7, р. 97], обозначая, что вполне вероятно, исходя из приводимого описания, скульдборг, т. е. стену щитов.

Отряды иноземных воинов выделялись также одеждой и доспехом [16, р. 39–42]. Указание на это содержится в «Хронографии» в пассаже, повествующем о бегстве в Болгарию в 1040 г. Алусиана, сына

болгарского царя Ивана Владислава. Чтобы не быть узанным и обнаруженным во время путешествия через империю, он *«переделал с ног до головы, при этом сменил платье и никакой старой одежды на теле не оставил»* — *«таким образом он приобрел вид наемного воина [τὸν μισθοφόρον]»* [2, с. 52; 9, р. 80]. Согласно сообщениям Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары, одежды, надетые Алусианом, были армянскими. Очевидно, болгарский аристократ действительно принял облик армянского воина-наемника, коих в восточных фемах империи было в избытке.

Однако единственным из иностранных наемников, кого Пселл упомянул напрямую, был предводитель норманнского контингента на византийской службе Роберт Криспин (Κρισπίνος). Он прибыл в империю в 1068 г. и был отправлен на восток, в Армениакон, императором Романом IV (1068–1071). Посчитав себя обделенным и недостаточно вознагражденным за свои услуги, Криспин поднял восстание, начав грабить сборщиков податей и разорять регион, требуя, вероятно, платы за службу [17, р. 243]. В 1069 г. Криспин разбил посланное против него войско Самуила Алусиана, но вслед за этим сдался императору и был сослан в Авидос. В 1071 г. император Михаил VII вернул его на службу, используя норманнских наемников в борьбе против Романа Диогена. В том же году Криспин участвовал в разгроме войска Феодора Алиата при Докее [17, р. 249], а весной 1072 г. возглавлял левое крыло армии Андроника Дуки в битве под Тарсом, где были разбиты силы сторонников Романа Диогена под командованием дуки / катепана Антиохии Хачатура [18]. Именно поэтому Пселл писал о нем так: *«Криспин, который сначала был врагом ромеев [ὁ πολέμιος Ῥωμαίων], а потом переменился и уже, казалось, любил нас не меньше, чем раньше ненавидел»* [2, с. 191; 7, р. 170]. Во время сражения под Тарсом Криспин с Андроником подбадривали друг друга, после чего норманн *«возбудил в себе мужество... помчался во весь опор, увлекая за собой своих людей, врезался в гуцу врагов, рассек их строй, а когда после короткого сопротивления неприятель повернул назад, с несколькими воинами бросился за бегущими, многих убил, а многих взял в плен живыми»* [2, с. 191–192].

Таким образом, иноземцам-наемникам в представлении Михаила Пселла были свойственны следующие, подчас взаимопротиворечащие, характеристики. Положительные (превалируют): хорошая физическая форма, сила, воинственность и воинское мастерство, быстрота, отвага и неудержимость в натиске, благодарность, надежность и верность (иногда в противовес ромеям). Отрицательные: внушающие ужас вид и образ, свирепость и гневливость, хвастовство, высокомерие и спесь, неблагодарность и неверность.

Список источников и литературы

1. *Караиайски К. М.* Образ иноземца-наемника в сочинении Кекавмена // Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus... тез. докл. XXIII Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Судак, 24–30 октября 2022 г. / отв. ред. С. П. Карпов, ред. колл. М. В. Грацианский, В. В. Майко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 75–78.
2. *Михаил Пселл.* Хронография. Краткая история / пер., статья, примеч. Я. Н. Любарского; пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абрахмановой. СПб.: Алетейя, 2003. 397 с.
3. *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998. 317 с.
4. *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и мировоззрение (Некоторые итоги и проблемы изучения) // Византийский временник. 1969. Т. 30, № 55. С. 73–93.
5. *Кекавмен.* Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / пер., коммент. Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003. 711 с.
6. *Michael Psellus.* Historia Syntomos / rec. W. J. Aerts; ed. I. Berolini; Novi Eboraci: de Gruyter, 1990. 235 p.
7. *Michael Psellus.* Chronographie où Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par Emile Renaud. T. II. Paris: Les Belles Lettres, 1967. 200 p.
8. Сага о Харальде Суровом // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Наука, 1980. С. 402–463.
9. *Michael Psellus.* Chronographie où Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par Emile Renaud. T. I. Paris: Les Belles Lettres, 1967. 155 p.
10. *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М.: Наука, 1976. С. 198–217.
11. *Арутюнова-Фиданян В. А.* «Ивер» в византийских источниках XI в. // Вестник Матенадарана. Ереван, 1973. С. 46–67.
12. *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010. 22 с.
13. *Мохов А. С.* Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргира (1028–1034) // Античная древность и средние века. 2000. Вып. 31. С. 173–197.
14. *Lauritzen F.* Nations and Minorities in Psellos' "Chronographia" (976–1078) // Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe. 2019. Vol. 9. P. 319–331.
15. *Dawson T.* The "Varangian Rhomphaia": a Cautionary tale // Varangian Voice. 1992. No. 22. P. 24–26.

16. *D'Amato R.* The Varangian Guard 988–1453. Oxford: Bloomsbury USA, 2010. 48 p.
17. *Kaldellis A.* Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 A.D. to the First Crusade. Oxford: Oxford University Press, 2017. 399 p.
18. Robert Crepin, Norman mercenary / Prosopography of the Byzantine World [Электронный ресурс]. URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/person/108212/> (дата обращения: 07.06.2023).

УДК 94

Кёся А. С.

Тюменский государственный университет,
Школа перспективных исследований,
студент бакалавриата
E-mail: kesya273@gmail.com

Роль символической коммуникации в конструировании образа Другого в «Алексиаде» Анны Комниной

Аннотация. В статье анализируются образы символической коммуникации у византийцев, латинян, турков-сельджуков в «Алексиаде» Анны Комниной. Целью исследования является рассмотрение церемоний и ритуалов как ключевого фактора формирования образа Другого и анализ его элементов. Результатом стало выявление тех аспектов символической коммуникации, которые стали решающими в формировании образа сельджуков и латинян.

Ключевые слова: церемонии, ритуалы, Византия, образ Другого

Kesia A. S.

Tyumen State University, School of Advanced Studies,
Undergraduate student
E-mail: kesya273@gmail.com

The role of symbolic communication in constructing the image of the Other in the Alexiad of Anna Comnena

Abstract. The article analyzes the images of symbolic communication among the Byzantines, Latins, and Seljuk Turks in the “Alexiad” by Anna Komnena. The purpose of the study is to consider ceremonies and rituals as a key factor in the formation of the image of the Other and to analyze its elements. The result was the identification of those aspects of it that became decisive in the formation of the image of the Seljuks and Latins.

Keywords: ceremonies, rituals, Byzantium, image of the Other

Для человека средневековой Европы, и Византии в частности, ритуалы, действия, наделенные особым смыслом, и иные формы символической коммуникации играли важную роль в формировании образа Другого и собственной идентичности. Одним из весьма ярких примеров

этой роли является описание ритуалов и иных символических действий у византийцев, латинян и сельджуков Анной Комниной в ее труде «Алексиада». Описание символической коммуникации у ромеев и «варваров» яркой представительницей византийского образованного класса позволяет исследователю яснее рассмотреть конструирование образа Другого византийцами, в том числе при сравнении ритуалов в Византии, латинском Западе и турецком Востоке.

Целью данного исследования становится анализ образов символической коммуникации, запечатленных Анной Комниной в ее труде «Алексиада». Особую уникальность в описании образов символической коммуникации данному первоисточнику придает выборочное описание Комниной ритуалов и церемоний у представителей франков, ромеев и турков, позволяющее детальнее рассмотреть авторскую оценку их культурного облика, выраженную в образах символической коммуникации. Таким образом, удастся определить те критерии, по которым византийцы формировали образ других народов.

Выбор «Алексиады» как объекта исследования обусловлен ее исключительной ценностью — в ней Анна Комнина с поразительной подробностью описывает разные народы, окружавшие Византию. В повествовании Ромейская держава оказывается на перекрестке Запада и Востока, активно вовлечена в культурные связи с различными народами, детально описанными Анной Комниной.

Статья посвящена анализу нескольких проявлений символической коммуникации, из которых можно выделить дипломатические и иные церемонии с участием ромеев с одной стороны, и не-ромеев с другой — принятие турецких послов Алексеем I Комниным в 1112 г. и заключение Девольского мирного договора Алексея I Комнина с Боэмундом Тарентским; а также образы символической коммуникации, участниками которой были представители одной культуры — встреча конийского султана Абуль-Касима с верховным правителем сельджуков Мелик-Шахом в 1092 г., изгнание германских послов папой римским Григорием VII в 1076 г., провозглашение Алексея Комнина императором в 1081 г., Влахернский собор о реквизиции церковной утвари в 1084 г.

Символическая коммуникация играла центральную роль в общении между людьми. В современном мире ритуальные действия (например, клятва президента на конституции или пожимание рук при встрече) часто воспринимаются как средство в вербальной коммуникации, в них обычно не вкладывается какое-либо глубокое значение. В Средние века ритуалы были не только средством, но и неотъемлемой частью переговорного

процесса (или другого типа коммуникации), напрямую влиявшего на его исход [1, S. 199]. За последние десятилетия исследователи этого явления добились больших успехов в анализе символической коммуникации в средневековой Европе. Так, А. С. Ануфриева дает такое определение символической коммуникации: «...публичные сцены, в которых при помощи различных символических объектов, условных жестов, словесных формул происходило взаимодействие государей, светской и церковной знати, народа» [2, с. 7]. Герд Альтхофф, ключевой исследователь в данной области, давал такое определение: «способ невербального взаимодействия между людьми посредством знаков, наделенных устойчивыми функциями и смыслами» [3, S. 232].

Исходя из вышесказанного, ритуалы, символические действия и иные формы особого поведения людей, такие как посвящения, собрания, интронизации, приемы и т. д., во многом формировали культурный облик народов. Причем облик этот мог выглядеть совершенно по-разному в зависимости от точки зрения — представитель той или иной общности мог вкладывать совсем иной смысл в свои ритуальные действия, чем это виделось иностранцу или иноверцу. Так, С. И. Лучицкая указывает на то, что, хотя описания ритуалов у иноверцев могут быть весьма точными и подробными, в глазах представителей другой религии такие церемонии часто имеют чисто языческий характер и изображаются с явным пренебрежением, высмеиваются, а их культурный смысл чрезмерно упрощается и оглушается [4, с. 20–21].

Неудивительным становится то, какую важную роль играло отображение церемоний, ритуалов, важных встреч и приемов у других народов и в Ромейской державе Анной Комниной. В «Алексиаде» церемонии по случаю визитов турок и латинян получают наиболее подробное внимание со стороны писательницы. Ее описание и сравнение символической коммуникации у сельджуков, европейцев и византийцев позволяет во многом расширить видение того, как образованные ромеи видели иноземцев.

Первым и наиболее ярким примером того, какой глубокий смысл вкладывался в церемониальные действия, является провозглашение Алексея Комнина императором и церемониальное надевание на него пурпурных, расшитых золотом котурнов с изображением двуглавых орлов Византии братом Алексея Исааком [5, с. 330]. В начале 1081 г. семейство Комниных в союзе со знатным родом Дук составило заговор и подняло восстание во Фракии с целью захвата власти. Хотя Алексей Комнин уже был заявлен претендентом на престол, в лагере повстанцев была проведена особая церемония выбора нового василевса (из двух возможных

фигур — Алексея и его брата Исаака). На страницах своего труда Анна Комнина представляет последовательность событий так, что Исаак Комнин, отринув претензии на власть, попытался надеть на Алексея императорские сандалии, желая видеть брата василевсом. Алексей сначала отказался, но все же был убежден Исааком в том, что его воцарение — воля Бога. При этом Исаак напомнил брату пророчество, данное Комниным странствующим проповедником, о необходимости Алексею взять управление империей ради «...истины, кротости и правды». Алексей принял царственную обувь, после чего все участники восстания (и главным образом солдаты) по старой римской традиции прокричали славу новому императору [6, с. 106].

Поверхностный уровень толкования позволит исследователю лишь увидеть последовательность и описание событий. Глубокий символизм этой церемонии раскрывается в ее деталях. Стоит рассмотреть хотя бы несколько из них. Согласно традиции, уходящей корнями в Античность, императоров провозглашали, надевая им на голову диадему (или золотое ожерелье как заменитель диадемы) и поднимая на щит. Надевание императорской обуви очевидно анатомически противоположно коронации, но по смыслу безусловно идентичное, ведь церемония прошла в присутствии высшей знати и солдат. Это (вместе с тем, что Алексея пришлось уговаривать принять обувь, и в конце концов Исаак силой обул брата) явный символ кротости и скромности Алексея, что также созвучно и пророчеству, приводимому Исааком. Кротость василевса красной линией проходит сквозь всю «Алексиаду». Бросается в глаза и то, что церемонию провел не Иоанн Дука — ключевая фигура в восстании, — а Исаак Комнин, брат Алексея. Это тоже не случайно, так как этим фактом Анна подчеркивала, что ее отец не ущемил в правах своего брата, а, наоборот, засвидетельствовал полную и добровольную покорность ему Исаака, ведь надевание обуви — символ уничтожения. Это лишь немногие детали символизма, запечатленные Анной Комниной в описании церемонии провозглашения Алексея императором, однако их важность возрастает на фоне скудного подробностями описания коронации Алексея [6, с. 117].

Не менее важным отражением символизма в «Алексиаде» является Влахернский собор об изъятии церковного имущества (1084 г.). Не справляющийся с финансированием войн на нескольких фронтах император Алексей посылает своего брата севастократора (высший после василевса титул в империи) Исаака Комнина в Константинополь, чтобы изъять деньги и утварь у церкви и монастырей на военные нужды. Собрав церковных иерархов в главном соборе империи, севастократор в безапелляционной

форме объявил об изъятии церковной утвари на переплавку. Хотя иерархи встретили ультиматум холодно, Церковь покорилась [5, с. 337]. По возвращении в столицу василевс вновь собрал собор (на этот раз во Влахернском дворце) и там провел необычную церемонию церковного суда над самим собой, в которой церковные иерархи выступали в роли судей. Итогом стало оправдание царя и узаконивание изъятия утвари [6, с. 158–159].

Описание Анной Комниной обоих соборов, с одной стороны, раскрывает отношения между церковью и государством в Византии при Алексее I, с другой же — заметно разнится с описанием взаимоотношений церкви и монархий в латинской Европе. В первую очередь Комнина подчеркивает коллегиальное принятие решений политической важности (в западном мире же, по ее описанию, такие решения принимаются единолично и произвольно). Несмотря на ультимативное поведение севастократора по отношению к церковным иерархам, Исаак Комнин все же созывает их всех ради видимости совместного решения и добровольного согласия с их стороны. Для этой цели царский брат даже выбирает особое место — собор Святой Софии [6, с. 158, 500] — главное священное место во всей империи. Оправдывая свои действия, Исаак ссылается на церковные каноны, позволяющие в час крайней нужды использовать церковную утварь на нужды государства. Все эти действия севастократора, как уже было сказано, имеют цель придать законный и коллегиальный характер собору, чей исход уже был предreshен. Анна даже уточняет, что все родственники василевса и высшая знать не находили иных вариантов финансовой помощи государю, кроме реквизиции церковной утвари [6, с. 158]. Можно сказать, что церемония, проведенная севастократором, имела успех во многом благодаря той символической и ритуальной важности, которую все византийцы вкладывали в церковный собор, уходящий своими традициями в античную и раннехристианскую эпоху.

Поведение самого императора на повторном соборе во Влахернском дворце также полнится символизмом, не скрывшимся от глаз византийцев. На собрание василевс созвал синклит (константинопольский сенат), высшее духовенство, аристократию — то есть всю элиту империи — для судебного разбирательства об изъятии церковной утвари. На нем, по словам Комниной, Алексей восседал на троне, словно он собирался быть судьей, но сам же предстал в роли обвиняемого, потребовал перечитать книги учета расхода и хранения церковных утвари и сокровищ (бревии), после чего в той же безапелляционной форме, что и его брат, оправдал себя, заявив, что имущества было изъято немного (точная сумма не приведена) и все оно было потрачено на задачи первой необхо-

димости (какие именно, также не сказано). Комнина все же добавляет, что Алексей признал себя виновным и обязался выплачивать крупные суммы денег Халкопратийской церкви [6, с. 179–180].

Поступки василевса очень похожи на поступки его брата севастократора. Комнина красочно описывает скромное и самоотверженное поведение отца перед собором всех высших сословий и социальных групп Византии, однако ничего не пишет о том, как воспринял слова и действия государя сам собор. По словам Комниной, выходит, что единственным действующим лицом на Влахернском соборе был сам василевс. Хотя «суд» над ромейским государем прошел словно по сценарию (видимо, как и планировалось изначально), Алексей I счел необходимым придать собору наиболее законную форму, символически выступив в нем подсудимым, проведя расследование с помощью бревий и пойдя на уступки духовенству. Без этого надеяться на удачное завершение дела с изъятием церковной утвари было невозможно.

Описание символической коммуникации у византийцев сильно отличается от описания таковой у латинян. Анна Комнина очень эмоционально описывает прием германских послов у римского понтифика Григория VII в 1076 г. Между понтификом и германским королем Генрихом IV тогда шла борьба за инвеституру, в тот момент дошедшая до кульминации и перешедшая в открытую войну. По мнению Комниной, поводом к этой войне стал ответ Григория VII на ультиматум Генриха IV (тот потребовал отречения папы от престола, который занял якобы без спроса короля), выраженный в надругательстве над послами. Пришедшие с королевским посланием послы пережили неназванные издевательства, затем были обриты и с позором высланы обратно к королю [6, с. 82].

Сама же Анна указывает на то, что оскорбление, которому подверглись послы, было направлено на того, кто их послал. «Этим поступком, мне кажется, он хотел выразить свое презрение к королю и разговаривал с ним как полубог с полуслосм...» [6, с. 82]. Сама же практика издевательства над послами, и в особенности сбрасывания им волос и бороды, — это один из способов символической дипломатии, уходящей в глубокую древность. Примеры этому можно найти даже в Библии. «И взял Аннон слуг Давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их наполовину, до чресл, и отпустил их» [2 Цар. 10: 4]. Комнина не пишет об этом напрямую, но описание дипломатической встречи послов короля с папой и исхода этой встречи чрезвычайно разнится с описанием аудиенций латинских и турецких гостей у императора Алексея. Не было описано никаких банкетов, церемоний или иных меропр-

ятий, посвященных встрече с послами. Это не случайно, ведь Комнина обычно описывает такие вещи [6, с. 191, 362, 382]. Складывается ощущение, что послы «с порога» выдвинули ультиматум понтифику, а тот, поддавшись приступу гнева, немедленно их опозорил и выслал. Такое пренебрежение к описанию церемоний у латинян Анной Комниной явно указывает на ее презрение к латинянам в принципе. Описывая дипломатическую встречу у католиков примитивно, она низводит латинян до положения варваров [4, с. 20–21].

Турки-сельджуки и их обычаи символической коммуникации также не были обойдены вниманием царственной дочери. В конце XI в. геополитическая ситуация в Малой Азии обернулась большими трудностями для Румского султаната. После гибели Сулеймана ибн Кутулмышы (1086 г.) — первого конийского султана — власть в турецкой части Анатолии захватил Абуль-Касим, турецкий наместник Никеи. Последний быстро испортил отношения и с Ромейской державой, и с Империей Великих Сельджуков, оказавшись в состоянии войны с обеими странами. Желая добиться признания своей власти со стороны султана Мелик-Шаха, Абуль-Касим отправился на личную встречу со своим сюзереном на Восток. «...Абуль-Касим навьючил на пятнадцать мулов столько золота, сколько могли унести животные, и отправился к персидскому султану, намереваясь принести ему этот дар, дабы не лишиться власти» [6, с. 197]. Добравшись до ставки Мелик-Шаха, Абуль-Касим был разочарован — султан сельджуков даже не удостоил его взглядом. Верховный правитель сельджуков через посредников сообщил, что судьба Абуль-Касима решится по воле Бузана, сельджукского военачальника, отправившегося в поход против Абуль-Касима. Абуль-Касим долго пробыл у Мелик-Шаха, но, ничего не добившись, отправился к Бузану. Последний, также не удостоив бывшего наместника Никеи аудиенции, просто подослал своих соратников, которые задушили его тетивой лука.

Такое подробное описание событий говорит о том, что Анна Комнина имела не поверхностные знания о делах в Империи Сельджуков и что детали, которые она сообщает, имеют важный смысл. Первое, что бросается в глаза при анализе символизма в отношениях двух султанов, — это крайняя враждебность Мелик-Шаха к Абуль-Касиму. Верховный султан не дал аудиенции правителю Никеи и почти никак с ним не взаимодействовал. Не известно даже, принял ли он дары Абуль-Касима, что также свидетельствовало бы о презрении к нему Мелик-Шаха. Очевидно, что игнорирование Абуль-Касима не было чисто эмоциональным поступком Мелик-Шаха, ведь Анна уточняет, что никейский правитель провел

долгое время в ставке верховного султана. Однако, в отличие от Григория VII, Мелик-Шах не стал унижать Абуль-Касима, вместо этого правителю Анатолии позволили самостоятельно отправиться назад. Такое поведение верховного правителя сельджуков продиктовано очевидной причиной — Абуль-Касим не был Сельджукидом, он узурпировал трон Конийского султаната и сильно подвел Мелик-Шаха неудачной войной с Византией. Мелик-Шах хотел избавиться от Абуль-Касима, но не хотел нарушать традиции и обычаи. Он демонстративно отверг аудиенцию с никейским правителем, объявив, что уже принял решение отдать судьбу Абуль-Касима в руки своего военачальника Бузана. Такое поведение разнится с импульсивным поведением западных князей — на всех страницах «Алексиады» Комнина постоянно указывает на то, что латиняне при любых возможностях нарушают данные клятвы и святость церемоний и ритуалов [6, с. 83, 284, 384].

Важной деталью является способ убийства Абуль-Касима — его придушили по приказу Бузана тетивой лука. Удушение тетивой — древний способ казни у восточных народов, особенно у тюрков, традиционно так казнили благородных. То, что Анна описывает такую подробность, говорит или о ее потрясающей осведомленности, или большой эрудиции в традициях восточных народов. В любом случае, такая деталь говорит о желании сельджуков (по крайней мере, в описании Комниной) соблюсти нормы ритуалов даже во время казни.

Однако самую яркую картину символической коммуникации дает повествование Анны Комниной о дипломатических встречах Алексея I Комнина с представителями сельджуков и латинских крестоносцев. Поведение всех действующих лиц в описании византийской писательницы имеет прямое отношение к формированию образа этих лиц в глазах византийцев.

В 1108 г. поражением окончилась кампания норманнского князя Антиохии и Таранто Боэмунда д'Отвила против Ромейской державы. В результате Боэмунду пришлось заключить мир с императором Алексеем в местечке Девол недалеко от Диррахия, который неудачно осаждал норманнский князь. Мирный договор привел к тому, что Боэмунд стал вассалом василевса, обязался соблюдать все вассальные обязанности, существовавшие в латинской Европе, отказаться от всех претензий к Византии [6, с. 349]. Встреча правителей и содержание договора между ними подробно описаны Комниной [6, с. 360–372].

Самой важной деталью поведения Боэмунда во время встречи с василевсом являлась его полная непредсказуемость [6, с. 360–362]. Это было

возмутительно для византийцев, так как следование нормам церемонии и предопределенность поведения в принципе были наиважнейшим условием символической коммуникации в средневековом обществе [7, S. 50]. Анна уделяет особое внимание тому, что император не встретился с норманном, пока не были окончательно утверждены церемониальные действия обоих правителей [6, с. 361]. «Император протянул руку вошедшему в палатку Боэмунду, взял его за руку, обратился к нему с подобающим царям приветствием и посадил вблизи императорского трона» [6, с. 362]. Такие почести норманну, с одной стороны, преследовали умиротворение воинственного князя. Но более важной целью, как видится, было показать «латинским варварам», что Византия — это страна, где почитаются принципы церемоний, соблюдаются клятвы, уважаются их участники. Латиняне же, по изложению Анны, наоборот, не понимают и не ценят такие высокие смыслы. В том, что Боэмунд принес вассальную присягу Алексею (и, таким образом, в договор двух правителей вошли элементы западной церемониальной символики), есть и другой смысл. Василевс этой церемонией связал антиохийского князя тем ритуалом, который он ценил и который бы не посмел нарушить. Этот элемент раскрывает еще одно важное условие символической коммуникации в средневековой Европе — религиозно-моральная обязательность выполнения всех действий и пунктов ритуалов и церемоний [8, р. 65–66].

Другим показательным случаем символической коммуникации в дипломатической встрече стало посещение ставки императора сельджукскими послами в 1116 г. В последние годы жизни василевса Алексея ромеи провели успешную кампанию против анатолийского Сельджуковского султаната. Его султан, Мелик-Шах II (у Комниной — Шахиншах), решил заключить мир с Алексеем и отправил к нему послов. Дипломатические отношения Византии и Сельджукидов (как Великих, так и Анатолийских) много раз были описаны в «Алексиаде», причем всегда в положительных тонах. Переговоры турецких послов и василевса прошли успешно за два дня. На них Алексей грозно восседал на троне, поставив рядом с собой своих воинов, набранных из разных народов (в том числе и варяжскую гвардию). Он умело вел переговоры с турками и смог убедить их согласиться на условия византийцев. Договор был заключен быстро и успешно.

Описание встречи послов с василевсом носит традиционный для Комниной характер. Условия договора остаются нераскрытыми, но сам ход переговоров получил особое освещение. Чрезвычайно важно, что Алексей с достоинством отнесся к послам (хотя и с грозным видом

восседал на троне), несмотря на то что они представляли проигравшую сторону. Он не выставял им ультиматумы, не подвергал никаким формам символического унижения. Василевс разыграл другую сильную карту — он привел на встречу разноязычную гвардию, дабы символически показать, что он могущественный император и правитель многих народов.

Анализ символической коммуникации и ее роли в создании образа Другого и собственной идентичности в «Алексиаде» Анны Комниной позволяет прийти к определенным выводам. Во-первых, для византийского интеллектуала конца XI — начала XII в. церемонии, ритуалы, символические действия и другие важные события, наделяемые особым смыслом, играли наиважнейшую роль в формировании культурного облика себя и Другого. Конкретно на примере «Алексиады» можно построить определенную градацию «варварства», по мнению Анны Комниной, где сельджуки видятся даже несколько более «цивилизованными», чем латинские европейцы. Во-вторых, анализ «Алексиады» на предмет презентации символической коммуникации позволил определить ключевые критерии, по которым византийцы формировали образ Другого. Главным образом это содержание ритуалов и церемоний и поведение участников в них. Ради того, чтобы более детально изобразить встречи, аудиенции и церемонии, Анна Комнина нередко опускает подробности договоров и объяснение причин этих мероприятий. Также можно сказать, что элементом символической коммуникации служит не только участие людей в церемониях. Отсутствие события, несовершенство действия, отказ в участии в церемонии, незнание или игнорирование норм ритуала участниками — это тоже важный маркер «варварства», по мнению Комниной. Данное исследование может стать основой для дальнейшей работы с анализом символической коммуникации в средневековой Европе и Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. *Althoff G.* Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. 256 S.
2. *Ануфриева А. С.* Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени: дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский государственный университет имени Ломоносова, 2016. 424 с.
3. *Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1997. 360 S.
4. *Лучицкая С. И.* «Три кольца». Ритуалы и религиозные практики иноверцев: взгляды с разных сторон // Одиссей: Человек в истории. Вып. 26. 2015–2016. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 11–33.

5. *Норвич Дж.* История Византии. М.: АСТ, 2011. 960 с.
6. *Комнина А.* Алексиада / пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 701 с.
7. *Althoff G.* Demonstration und Inszenierung: Spielregeln der Kommunikation in mittelalterlicher Öffentlichkeit // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 27. 1993. S. 27–50.
8. *Althoff G.* Symbolic Communication and Medieval Order: Strength and Weakness of Ambiguous Signs // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe, c. 650–1350 / ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Turnhout: Brepols, 2015. P. 63–75.

УДК 821.14 + 82–21+82–131

Фролов Б. М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт,
Департамент «Исторический факультет», аспирант
E-mail: frolov_boris@myrambler.ru

О некоторых параллелях в византийской литературе XII в.

Аннотация. В статье анализируется поэма «*Carmina Italica*» Иоанна Цеца, известного византийского писателя XII в. Текст сопоставляется с точки зрения структуры и особенностей интерпретации первоисточника с анонимной драмой «Христос Страждущий». Автор выявляет параллели между двумя текстами, характеризующие отношение *homo byzantinum* к античной литературе.

Ключевые слова: Иоанн Цец, *Carmina Italica*, византийская литература, Гомер, комниновское Возрождение

Frolov B. M.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute for Humanities,
History Department, Postgraduate student
E-mail: frolov_boris@myrambler.ru

On some parallels in the byzantine literature of the XII century

Abstract. The article provides an analysis of the poem *Carmina Italica* by John Tzetzes, a famous Byzantine writer of the XII century. The text is compared from the point of view of the structure and features of the interpretation of the original source with the anonymous drama *The Christos Paschon*. Author reveals parallels between the two texts characterizing the relation of *homo byzantinum* to ancient literature.

Keywords: John Tzetzes, byzantine literature, *Carmina Italica*, Homer, Comnenian Renaissance

Иоанн Цец — один из самых известных византийских авторов эпохи Комнинов. На протяжении почти всей своей жизни он был частным учителем, одновременно пользуясь покровительством некоторых аристократов

и императорской семьи [1, р. 301]. Цец являлся одним из наиболее плодотворных византийских писателей в целом — он заявлял, что написал около шестидесяти книг [2, р. 191]. Большая часть этих книг появилась исходя из нужд преподавания, поэтому многие из них посвящены Гомеру как самому популярному из авторов, изучаемых в школе [2, р. 191]. Перу Цеца принадлежат обширные аллегорические комментарии к «Илиаде» и «Одиссее», в которых он развивает свою теорию интерпретации эпоса [3; 4].

Известно, что текст «Аллегорий...» изначально предназначался для Берты фон Зульцбах, будущей императрицы Ирины. Цец должен был в краткой форме дать немецкой принцессе представление о греческой литературе и словесности, в том числе с помощью произведений Гомера, которые занимали центральное место в системе обучения в эпоху Комнинов [5, р. 286]. Однако Цец решил передать в тексте всю свою обширную эрудицию, из-за чего работа вышла большой по объему и заняла много времени, что, по-видимому, привело к прекращению финансовой поддержки императором его работы. «Аллегории к „Одиссее“» завершены под покровительством нового мецената — Константина Котердзиса [3, р. VII].

Помимо этой работы, Цец написал историческую поэму, которая в рукописях известна под названием *Carmina Italica*. Текст представляет собой краткое изложение (всего 1676 строк) событий Троянской войны с экскурсами в предшествовавшие и последовавшие события. При написании поэмы Цец пользовался как непосредственно текстами «Илиады» и «Одиссеи», так и произведениями других античных и византийских авторов, среди которых были «Героика» Флавия Филострата, «Литика», приписываемая Орфею, «Библиотека» Псевдо-Аполлодора и «Хронография» Иоанна Малалы [5, р. 104].

Carmina Italica представляет собой гораздо более сжатое и понятное для читателя изложение событий Троянской войны в сравнении с аллегорическими комментариями. В то же время она написана сложным для византийских авторов гекзаметром. Это одно из немногих и самое крупное гекзаметрическое произведение во всей византийской литературе [6, с. 363]. Как показывает исследовательница Б. ван ден Берг, основной задачей автора поэмы является представление ученикам краткой панорамы событий Троянской войны. Однако, несмотря на учебный характер, *Carmina Italica* является самостоятельным художественным произведением [7, р. 287].

Издатели традиционно делят поэму на три части — *Antehomerica*, *Homerica* и *Posthomerica* [8]. Принимая во внимание тот факт, что краткость и внимание к тому, что полезно его аудитории, — повторяющиеся

темы в трудах Иоанна Цеца [7, р. 94], мы можем на примере второй части, основанной почти целиком на Гомере, рассмотреть, какие аспекты произведения «великого слепца» Цец считал основными, что позволит нам посмотреть на «Илиаду» глазами византийца XII в. и понять его литературный вкус.

Структура произведения следует сюжету «Илиады» и выглядит следующим образом. Повествование начинается с мотивов поведения Ахилла, который из-за распри с Агамемноном уклоняется от битвы, в то время как остальные ахейцы ведут сражение с троянцами (Homerica, 1–218). Затем происходит вступление в битву Патрокла, где он находит свою смерть от рук Гектора (Homerica, 219–227). Выкуп тела Гектора и его похороны занимают всю вторую часть текста (Homerica, 245–490). Эти сцены являются центральным элементом поэмы в целом.

Таким образом, все события «Илиады» от II до XV песни уместились чуть больше чем в 200 строк поэмы Цеца (Homerica, 15–218), а события XIX–XXI песен изложены всего в пяти строках (Homerica, 234–239). М. Кардин считает, что Цец таким образом сделал фокус на войне и убийствах, в результате чего от сюжета «Илиады» остался только список убитых [7, р. 100].

По нашему мнению, Цец обращается с гомеровским эпосом так же, как обращается с образцами древнегреческой драматургии анонимный автор византийской драмы «Христос Страждущий». На примере этого текста С. С. Аверинцев выделил особенности работы византийского автора с античным материалом [9]. По нашей гипотезе, эти особенности присутствуют и в *Carmina Italica*.

В *Carmina Italica* Цец опускает именно те подробности гомеровского эпоса, которые составляют его смысл с точки зрения древнегреческого читателя. Для античного грека «Илиада» — это прежде всего поэма о войне и воинской доблести, хотя, как и любой эпос, она многогранна и у нее могут быть найдены другие смыслы [10, с. 20]. У Цеца же ничего такого нет. Он максимально сокращает все возможные описания поединков между героями, так что первые пятнадцать песен действительно превращаются у него в список убитых. В то же время Цец не мог полностью отказаться от этой части, поскольку ему все же было необходимо ввести читателя в курс дела, хотя бы на уровне имен действующих лиц и употребляемых в эпосе выражений.

Цец сообщает о нескольких версиях смерти Гектора: по одной версии, Гектор умер в схватке с Ахиллом у городских ворот; он был не то ранен в горло, не то убит в рукопашном бою (Homerica, 240–245); по другой

версии, Ахилл убил Гектора ночью, когда тот с несколькими людьми помогал переправляться амазонке Пентесилее через Скамандр (Homerica, 250–255). Парадоксально, но обычно педантичный Цец здесь не высказывает мнения, какой версии он больше доверяет.

Следующая крупная сцена — выкуп тела Гектора, когда старый Приам, Андромаха и ее дети обращаются со слезными мольбами к Ахиллу. Их плачи являются самыми крупными и подробными сценами всей поэмы. Но этих плачей нет у Гомера, а это значит, что Цец вводит их намеренно. Но зачем он это делает? Согласно С. С. Аверинцеву, плач, с точки зрения византийца, — это необходимая часть любого произведения. В гипертрофированном виде это выражено в «Христе Страждущем», где «...действие как таковое почти абсолютно исключено и заменено реакцией на рассказы о событиях. Цель и суть трагедии — надгробное рыдание» [9, с. 396].

Поэтому Цец и не мог обойтись без сцен рыдания: «После этого жена прославленного Гектора, коней укротителя, / Которая поминутно изо всех сил лишь стонала и лила безмерные слезы, / Слегка отклонивши голову и милое лицо, / Говорила высокие речи, упрашивала мужеубийцу / И, умоляя жестокого мужа, сказала: / „Ты, отважный Эакид, находящийся под взором богов, / Сжался надо мной, господин, и над двумя сыновьями-сиротами. / Того, кто был славой Трои, ты убил копьем. / Сжался над всем глубоко несчастным женским родом“»⁵ (Homerica, 337–346). Андромаха рефреном спрашивает Ахиллеса: «Сжался надо мной, господин, хоть ты и являешься врагом» (Homerica, 350).

Но окончательно убеждают Ахилла проявить милосердие слезы на лице сыновей Гектора, которые находятся вместе с матерью (Homerica, 360). После этого наступает развязка всей сцены: «Тогда-то покорился разум Эакида и его немилосердное сердце, / В самом деле он смягчился от этих взглядов, и они побудили его сердце терзаться, / Слезы благородных укротили жестокого мужа» (Homerica, 364–366).

Ахилл пытается спрятать проступившие слезы (Homerica, 379), в то время как Поликсена также умоляет Ахилла сжалиться над ними, над горем Приама и взять ее в невольницы (Homerica, 380–389).

Несколько последовательных сцен мольбы с участием женщин и детей могут создать у современного читателя представление об Ахилле как о строптивом и неуступчивом человеке. Но у Цеца Ахилл изначально готов проявить сострадание: «Увидевший их, он почувствовал жалость,

⁵ Здесь и далее перевод наш.

хотя, конечно, сердце его было из меди» (Homerica, 325). Надо отметить, что у Гомера Приам отправляется к ахейцам один, а все остальные, в том числе и Андромаха с детьми, как и положено, остаются за стенами Трои.

Таким образом, кульминацией действия «Илиады» в пересказе Цеца является не поединок Ахилла и Гектора, а выкуп тела Гектора с участием Андромахи, в ходе которого жестокий варвар Ахилл оказался способен смягчиться и посочувствовать горю вдовы и сирот. Конец поэмы представляет собой описание траура в Трое при возвращении тела Гектора и его похороны (Homerica, 405–490).

Если проводить дальнейшие параллели с драмой «Христос Страждущий», то замены действия церемониальной реакцией на рассказ о действиях, когда герои лишь реагируют на сообщения вестников [9, с. 399], мы не наблюдаем: герои взаимодействуют непосредственно друг с другом. Нет также движения в ходе сюжета от скорби к радости, когда ритуальный плач сменяется ритуальным же ликованием. Это объяснимо тем, что, с одной стороны, Цец, исходя из своей задачи, не мог радикально изменить сюжет, создав своего рода «Илиаду» со счастливым концом. С другой стороны, С. С. Аверинцев предполагал, что выявленный им паттерн движения от скорби к радости может быть случайным [9, с. 399].

Кроме того, несмотря на погруженность в античную культуру и определенный скептицизм в отношении некоторых догматов христианской веры, которые Э. Калделлис находит в письмах Цеца [1, р. 306], мы видим, что Иоанн Цец остается вполне человеком византийской христианской культуры.

Последним аспектом, который необходимо затронуть, является язык и употребление цитат. Если автор «Христа Страждущего» по большому счету конструирует свое произведение из готовых стихов античной трагедии [9, с. 400], то Цец поступает по-другому. Исследователями отмечено, что Цец имел четкое понимание нужного языкового «регистра» [10, с. 110]. В *Carmina Italica* он в очередной раз демонстрирует великолепное знание греческого языка. В одних только приведенных нами фрагментах можно встретить множество слов в формах, характерных для эпической ионийской поэзии, — *κάρη* (голова), *δάμναω* (смирять, подчинять), *λειαίνω* (сглаживать, смягчать), *κτανέω* (убивать). В то же время исследователи отмечают, что Цец лишь стилизовал таким образом свою поэму, не имея цели подражать Гомеру с идеальной точностью — иначе текст бы не поняли его ученики [6, р. 108]. Нет и оснований полагать, что он понимал, зачем Гомер использует устойчивые эпитеты по отношению к своим героям [12, с. 185].

Итак, проведенный анализ показал, что в поэме *Carmina Italica* Иоанн Цец проявляет во многом сходное с автором анонимной драмы «Христорос Страждущий» отношение к произведению античной литературы. В своем переложении гомеровского эпоса он вносит изменения, характерные для византийского вкуса, перенося внимание с воинских подвигов на душевные переживания, по сути, сводя сюжет «Илиады» к двум плачам — при выкупе тела Гектора и на его похоронах. Кроме того, Цец не просто пересказывает Гомера, он добавляет к «Илиаде» сцены, которые считает нужными. Таким образом, вместо рассказа о поединках и сражениях мы получаем поэму о важности милосердия и умения сочувствовать чужому горю. И по всей видимости, именно этому Цец хотел научить своих учеников.

Список источников и литературы

1. *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 468 p.
2. *Wilson N. G.* Scholars of Byzantium. London: Gerald Duckworth & Co Ltd., 1996. 286 p.
3. *Tzetzēs J.* Allegories of the Iliad / transl. by A. J. Goldwyn, D. Kokkini. Cambridge: Harvard University Press, 2015. 577 p.
4. *Tzetzēs J.* Allegories of the Odyssey / transl. by A. J. Goldwyn, D. Kokkini. Cambridge: Harvard University Press, 2019. 347 p.
5. *Cardin M.* Teaching Homer through (Annotated) Poetry: John Tzetzēs' *Carmina Italica* // Brill's Companion to Sequels, Prequels and Retellings of Classical Epic / ed. R. Simms. Leiden: Brill, 2018. P. 90–114.
6. *Гаспаров М. Л.* Продром, Цец и национальные формы гекзаметра // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 362–386.
7. *Van Den Berg B.* John Tzetzēs as Didactic Poet and Learned Grammarian // *Dumbarton Oaks Papers*. 2020. Vol. 74. P. 285–302.
8. Joannis Tzetzae, Antehomerica, Homerica et Posthomerica / eds. F. S. Lehrs, F. Dübner. Paris: Didot, 1840. 185 p.
9. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
10. *Суриков И. Е.* Гомер. М.: Молодая гвардия, 2017. 319 с.
11. *Мантова Ю. Б.* Инвективные стратегии в творчестве Иоанна Цеца // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тезисы докладов XXII всероссийской научной сессии византинистов РФ. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. С. 108–111.
12. *Шталь И. В.* Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983. 296 с.

УДК. 94.7.033

Зубова А. Н.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
студентка магистратуры
E-mail: zubova.a@bk.ru

Образ евнуха в византийском любовном романе XIII–XIV вв.

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа и роли евнуха византийского любовного романа XIII–XIV вв., а именно в произведениях «Каллимах и Хрисорроя», «Бельтандр и Хрисанца», «Либистр и Родамна». Вопросы положения евнухов при царском дворе и отношения к ним византийцев удастся рассмотреть через их роль в сюжете и эпитеты, которыми авторы описывают этих героев.

Ключевые слова: Византия XIII–XIV вв., любовный роман, евнухи

Zubova A. N.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Institute of International Relations and World History,
Master's program, Student
E-mail: zubova.a@bk.ru

The image of a eunuch in a Byzantine romance novel of the XIII–XIV centuries

Abstract. The article is devoted to the study of the image and the role of the eunuch in Byzantine romance novels of the XIII–XIV centuries, namely in the works “Kallimachos and Chrysorroï”, “Belthandros and Chrysantza”, “Livistros and Rhodamne”. The issues of the position of eunuchs at the royal court and the attitude of the Byzantines towards them can be considered through their role in the plot of the novels and the epithets used in description of these heroes.

Keywords: Byzantium of the XIII–XIV centuries, a Byzantine novel, eunuchs

С самого начала существования Византийской империи евнухи играли в управлении государством далеко не последнюю роль. Евнухи были значительной и вездесущей частью византийского общества, их роль и значение обсуждались как византийцами, так и современными

учеными. Они родились мужчинами, но в какую категорию они попали после кастрации? Собственные сочинения византийцев о евнухах показывают, что они могли быть классифицированы либо как мужчины, либо как женщины, обладающие мужскими или женскими качествами, а часто и тем и другим.

Евнухов можно было бы охарактеризовать как женоподобных и распущенных (женские качества), но они также могли быть храбрыми и целомудренными (мужские качества). Они могли занимать государственные должности (и, действительно, кастрация была хорошим способом продвинуться по службе) и командовать армиями, но они также были известны своими ленивыми привычками, включающими в себя любовь к роскоши. Вероятно, гендерная характеристика евнухов используется для создания их образа: плохой евнух характеризуется как женственный, а хороший и / или святой евнух — как мужественный; и очевидно, что евнухи считаются способными быть где-то в рамках традиционной идентичности [1, p. 41].

Сам феномен евнухов свойственен не только Византии: впервые они встречаются на Востоке, в том числе в Ассирии. После похода Александра Македонского и завоевания Персидской империи евнухи стали характерной чертой эллинистических дворов. Пожалуй, самый яркий их образ мы увидели в Османской империи во многом благодаря современному турецкому медиа. Однако по теме евнухов в Византийской империи научных исследований не так много: из основных работ можно отметить «Евнухи в Византии» Шона Тафера и «The Perfect Servant: Eunuchs and the Social Construction of Gender in Byzantium» Кэтрин Рингроуз. Ш. Тафер, по сути, продолжает исследование К. Рингроуз, расширяя и хронологические границы, и оспаривая точку зрения о «третьем поле».

Византийский любовный роман является одним из источников истории повседневности. И в первую очередь — повседневности аристократов, ведь главные герои являются принцессами и царевичами, их отцы — цари и короли, а место действия — замок, *кастро*. Многие другие отголоски византийского придворного этикета и жизни, встречающиеся в поэмах, включают титулы, манеру обращения, королевские приветствия, стиль королевских писем и наем евнухов. Для более детального рассмотрения их образа и роли в обществе обратимся к трем любовным романам: «Каллимах и Хрисорроя», «Бельтандр и Хрисанца», «Либистр и Родамна».

В «Каллимахе и Хрисоррое» читатель сталкивается с евнухами при дворе чужеземного царя. Автор называет их в первую очередь «двуполыми» или «бесполовыми»: τὸ διπλοῦν ἢ μάλλον τὸ μηδ' ἄλλως (2186) [2, p. 188].

Даже царь-похититель, которому внухи раскрывают интриги Хрисоррой и тем самым доказывают свою лояльность и преданность, называет их *κακῆύνοχοι* (2294) [2, р. 194], плохими, злыми. Тем не менее в первую очередь они приставлены к Хрисоррое, не просто девушке и возлюбленной царя, но и будущей правительнице. Совершенно логично предположить, что внухи выступают здесь в роли защитников и охранников, но изображаются как лживые, тайно замышляющие заговор против своей госпожи. Их называют «злыми» (*τῶν πονηρῶν εὐνούχων* (2199)) [2, р. 190], «вероломными» (*τῶν δολερῶν εὐνούχων* (2235)) [2, р. 192], но в то же время «надежными» (*τῶν πιστῶν εὐνούχων* (2230)) и «верными стражниками» (*πιστοὶ καὶ φύλακες* (2241)) [2, р. 194]. Примечательна сцена соблюдения ими придворного церемониала, и описывается, что они ведут себя церемонно, когда входят в комнату: *Εἰσηλθόν, ἐπροσκύνησαν, ἐξέβηκαν αὐτίκα, κατὰ τὸ σύνηθερ αὐτῶν, κατὰ τὴν τάξιν τούτων* (2226–2227) (они вошли, поклонились и немедленно ушли согласно своим обычаям и рангу) [2, р. 190].

Они тайно сообщают королю о встречах Хрисоррой с Каллимахом, но «*Πρὸς δὲ τὴν κόρην τὴν καλήν, τὴν δέσποιαν ἐκείνην ἄπειρον τὴν ταπεινώσιν, πολλὴν τὴν δουλοσύνην ἀπατηλῶς ἐδείχνασιν οἱ τῆς ἐχίδνης παῖδες*» (2233–2235) (по отношению к хорошей девушке эти змеиные отродья вероломно проявили безграничное смирение и большую покорность) [2, р. 190–191].

Г. Хунгер делает акцент и на сцене, где Каллимаха арестовывают внухи: тихо и ловко, как настоящие служащие тайной полиции [3, р. 414]. Автор любовного романа неоднократно отмечает *ἔντεχνος* внухов, их искусственность и талант. Царь на мгновение опасается, что внухи клеветают на Хрисоррою из зависти; этот топос часто используется в литературной характеристике внухов в Византии, особенно после X в. [4, р. 31].

В то же время в ответном письме царь обращается к ним почтительно, с вежливым прощанием: *Ἐρρωσθε, τρεῖς εὐνούχοι!* (2319) (Будьте здоровы, трое внухов!) [2, р. 196]. Эта деталь также характерна с точки зрения отношения к внухам и их места при византийском царском дворе.

Теперь обратимся к «Бельтандру и Хрисанце». Практические первое, что говорит Бельтандр, возвращаясь в дворец своего отца, это «*Ἄς ἴδω τὸν εὐνούχον*» (1261) («Я увижусь с внухом») [5, р. 298]. И тогда царевич начинает повествовать внуху о своих приключениях: о том, как с тяжелым сердцем покидал дворец, и ссоре с отцом, как убил грабителей в горах Тарса, как оказался в замке Любви и о пророчестве, о Хрисанце и их бегстве из Антиохии. В конце и Бельтандр, и внух расплакались от пере-

избытка эмоций. В этом романе автор не указывает эпитеты к евнухам, лишь говорит о том, что «Ἐπεὶ Ῥωμογενῆς εἶσαι <...> ὃν ἔχομεν εὐνοῦχον, Ὅποῖον ἐξάλεστελεε Ῥοδόφιλος ὁ ἄναξ» (1249–1250) [5, p. 298], «мы как ромеи по происхождению имели евнухов, которых отправлял Родофил как повелитель и господин».

Так как главный герой — ромейский царевич, мы справедливо можем предположить, что его отец — базилевс Родофил — император Византии. Автор романа напрямую этого не упоминает. Однако он объясняет, что Родофил — это греческая форма имени императора, «το ὄνομα ρωμαϊκόν», хотя его власть описывается в соответствующих византийских терминах. Примечательно, что мы видим евнухов только при его дворе и не видим их при дворе отца Хрисанцы, несмотря на то что двор Антиохии описан более детально. Однако автор именует отца Хрисанцы не βασιλεύς, а ρήξ. Следовательно, автор отмечает факт того, что евнухи были свойственны именно византийскому двору. В отличие от «Каллимаха и Хрисоррои», евнух в «Бельтандре и Хрисанце» — друг, с которым главный герой делится своими переживаниями и приключениями. Очевидно, что безымянный евнух здесь — доверенное лицо, возможно, главный герой рос вместе с ним, если допустить мысль о благородном происхождении этого персонажа.

Совсем другая и более масштабная роль у евнуха Ветана в «Либистре и Родамне». После того как Либистр в мире снов путешествует по владениям Эроса и познает любовь как Πόθος (любовная тоска) и Ἀγάπη (мягкая, жертвенная любовь), он находит Родамну в Ἀργυρόκαστρον, расположившись лагерем у стен замка. С помощью лука и стрел рыцарь начинает отправлять девушке письма.

Теперь бог любви приходит во сне Родамне. Посещение завершается тем, что Эрос пускает стрелу в сердце девушки. Фактически, стремительность и жестокость сна оказывают на нее негативное воздействие, и она воспринимает Эроса как палача (τὸν δήμιον τοξότην). Родамна немедленно просыпается в ужасе и зовет своего доверенного евнуха Ветана, который утешает ее и дает советы. Таким образом, Родамна может выразить свою реакцию на сон только после его завершения, сначала поделившись своими переживаниями с Ветаном: Βέτανε, φθάσε, κράτησε τὸν δήμιον τοξότην, τὸν σφάκτη τῆς καρδίας μου, τὸν διχοτομητή μου (Ветан, приди, удержи лучника-убийцу, который губит мое сердце и раскалывает его надвое) (1342–1343) [6, p. 280].

Ветан успокаивает свою госпожу и понимает, что Родамна не хочет принимать любовь как страдание. Тем не менее, увидев письма Либистра,

евнух сочувствует рыцарю, он становится своеобразным двигателем сюжета. Он передает послание рыцарю через некоего Друга (1453–1459) [6, р. 283]: «Пиши, не уклоняйся от писем, девушка жаждет их, но ее ни за что не переубедишь одним твоим письмом; Девушка удивительно красива; как ей кажется, она крепко держится за свою чудесную красоту и из-за этого надменна. Итак, теперь займитесь этим вопросом и вашими письмами. Я надеюсь, что в конце концов ты покоришь любовь девушки». При этом автор романа не указывает конкретных причин, почему евнух встает на сторону Либистра: можно предположить, что дело в мужской солидарности. Однако также можно предположить, что евнух здесь — нейтральный персонаж, в некоей степени «трикстер», который нужен для связи между двумя влюбленными. Ш. Тафер отмечает, что Ветан — это античный идеал евнуха как верного и надежного помощника [7, с. 201].

Либистр и Ветан берут на себя задачу убедить царевну покориться чувствам: первый — любовными письмами и знаками любви, а второй — советами. Стоит отметить, что речь Ветана к Родамне принимает форму предупреждения, а не наставления, из-за использования императивов в начале первых восьми строк (ἄφεξ / φοβοῦ μή / βλέπε μή / πρόσεχε) (1540–1547) [6, р. 285].

Он старается внушить Родамне необходимость познать это чувство, наставить ее на путь любви. Когда Родамна возмущается, читая любовное послание Либистра, Ветан предупреждает госпожу: «Осторожно, Родамна, не горячись, как бы тебя саму не опалил огонь Эрота» (1500) [6, р. 283]. В итоге девушка сдается и признается в любви в своем первом письме Либистру, но затем требует большего подтверждения чувств рыцаря: обмен подарками и личную встречу.

Активная роль Ветана после признания Родамны уходит на второй план. Однако после назначения встречи влюбленных евнух появляется вновь: в любой ситуации Ветан остается верным своей госпоже и позволяет Либистру страдать в ожидании, не контактируя ни с ним, ни с его поверенными. Позже Ветан снова подсказывает Либистру в письме, в котором он самым решительным образом дает советы (1689–1692) [6, р. 289–290]: «Так что пиши, пиши, Либистр, пиши, не отступай; ибо узнай, что она держит в руках твои предыдущие письма, она держит их и читает, она просматривает слово за словом, ее душа рассказывает о двух годах твоих страданий».

Евнух советует Родамне избегать встречи с Либистром, пока тот, объятый страстью, пишет о своей готовности покончить жизнь самоубийством. Либистр умоляет свою возлюбленную: «Если ты была взращена желанием... раздели мои горести, пожалей о том, что я страдаю».

Но Ветан здесь остается голосом разума и подсказывает Родамне дальнейшие действия [8, р. 314].

Если евнухи «Каллимаха и Хрисоррой» — противники счастья героев, то евнух «Либистра и Родамны» — пособник их любви. На этого молодого слугу и тайного поверенного Родамны частично возложена роль друга. Родамна обращается с молодым евнухом по-дружески, тепло, она ему полностью доверяет (не служанке, как Хрисанца Федроказе, а Ветану). Либистр даже при встрече обнимает и целует евнуха, а затем долго беседует с ним. При этом Либистр тут же замечает: «Роду евнухов свойственна лъстивость» (1802) [6, р. 293]. Таким образом, и на Ветана, несмотря на его положительную роль, распространяется то отношение, которое византийцы проявляли к евнухам.

Как отмечает А. Д. Алексидзе, Ветана только отчасти можно назвать другом, так как он в то же время и посредник, получающий за свой «труд» вознаграждение. Он исполнитель той функции, которая в западных романах возлагается на профессиональных посредников (*les entremetteurs*) [9, с. 259]. Ветан в романе — *μεσάζων άνθρωπος*, и Либистр, несмотря на любовную эйфорию, в адрес Ветана отмечает довольно циничные факты. Например, «в связи с чем Либистр, с восторгом описывая блаженство, в котором он пребывает, столь прозаично замечает: „Посредники в любом деле ищут выгоды: они сделают дело, но только при этом условии“». Ветан — благодетель влюбленных, но благодетель не бескорыстный.

Контрастен с Ветаном другой персонаж — армянский вельможа Клитовос. Он описывается исключительно как *ὁ φίλος*. Клитовос — второе я Либистра, человек, готовый на смерть ради друга, прокладывающий ему путь и ободряющий, хотя и сам испытывает страх и боль, что придает его жертвенности особую красоту и значимость. Поэтому на фоне евнуха Ветана автор подчеркивает, что тот лишь исполняет свои обязанности при дворе, и намекает, что между ним и Родамной может и не быть искренности, в то время как Клитовос — настоящий друг Либистра.

Таким образом, в трех византийских любовных романах мы видим три разных образа евнуха: евнух-зло в «Каллимахе и Хрисоррое», доверенный евнух, не принимающий почти никакого участия в сюжете, в «Бельтандре и Хрисанце» и евнух — близкий друг и двигатель сюжета в «Либистре и Родамне». Тем не менее мы можем сделать вывод, что евнухи присутствуют при византийском дворе в каждом романе (хотя Родамна считается индийской принцессой), они были охранниками и сподвижниками женщин, близких к власти, а также выступали в качестве посредников и посланников, но в то же время было приемлемо презирать их за характерные

черты. Авторы романов не указывают подробностей: как герои-евнухи таковыми стали, какие конкретные должности при дворе занимали, как их воспринимали окружающие с точки зрения гендерной принадлежности. Однако даже при самом положительном образе у евнуха находили изъян или корыстный мотив — зависть, богатство, положение при дворе.

Само положение евнухов при византийском дворе претерпевало кардинальные изменения, и в XIII–XIV вв. они уже практически утратили былую власть и статус. Однако на протяжении всей истории империи эта социальная группа была где-то между (и не только в вопросе гендерной идентичности), и отношение к ней всегда было двойным. Последний придворный евнух, чье имя нам известно, жил в царствование Андроника II Палеолога (1282–1328 гг.). Вероятно, кардинальным сдвигом в изменении отношения к евнухам стал 1204 г. и временная утрата Константинополя. Тем не менее в византийском любовном романе мы как раз встречаем этот двойственный образ: евнухи уже не имеют былой власти и величия, но они остаются приближенными и доверенными лицами.

Список источников и литературы

1. *James L. Men, Women, Eunuchs: Gender, Sex, and Power // The social history of Byzantium / ed. by J. Haldon. Chichester: Blackwell Publishing, 2009. P. 31–50.*
2. *Τό κατά Καλλιμάχου καί Χρυσορόην ἐρωτικόν διήγημα // Romanzì cavallereschi bizantini: Callimaco e Crisorroè, Beltandro e Crisanza, Storia di Achille, Florio e Plaziafiore, Storia di Apollonio di Tiro, Favola consolatoria sulla Cattiva e la Buona Sorte / C. Cupane. Turin: Stampo, 1995. P. 45–214.*
3. *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München: Beck, 1978. 570 p.*
4. *Agapitos P. A. Writing, reading and reciting (in) Byzantine erotic fiction. Paris: Lire et écrire à Byzance, 2006. P. 125–176.*
5. *Διήγησις ἐξαίρετος Βελθάνδρου τοῦ Ῥωμαίου // Romanzì cavallereschi bizantini: Callimaco e Crisorroè, Beltandro e Crisanza, Storia di Achille, Florio e Plaziafiore, Storia di Apollonio di Tiro, Favola consolatoria sulla Cattiva e la Buona Sorte / C. Cupane. Turin: Stampo, 1995. P. 215–306.*
6. *Τό κατά Λύβιστρον καί Ροδάμνην / Wagner W. Trois poèmes grecs du Moyen-Age. Berlin: S. Calvary, 1881. P. 242–349.*
7. *Тафер Ш. Евнухи в Византии / пер. А. Виноградова. М.: АСТ, 2022. 352 с.*
8. *Moore M. The Affective Community of Romance Love, Privilege and the Erotics of Death in the Mediterranean // Reading the Late Byzantine romance. A Handbook / I. Nilsson, A. J. Goldwyn. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 299–321.*
9. *Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа XIII–XIV вв. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1979. 322. с.*

УДК 94

Зотов В. Д.

Государственный академический университет гуманитарных наук,
исторический факультет, студент бакалавриата
E-mail: vladtaras29@mail.ru

Топонимика Константинополя в древнерусской паломнической литературе. К вопросу о византийских проводниках

Аннотация. Статья посвящена изучению топонимики Константинополя в сочинениях древнерусских паломников, а также выяснению этимологии и уточнению пространственной атрибуции данных топонимов. В ходе исследования ставится вопрос о роли византийской топонимической традиции (через посредство местных проводников-гидов) на когнитивный акт постижения пространства Константинополя русскими паломниками.

Ключевые слова: Византия, Константинополь, топография, древнерусская паломническая литература

Zotov V. D.

State Academic University for the Humanities,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: vladtaras29@mail.ru

Toponymy of Constantinople in the medieval Russian pilgrimage literature. On the question of the Byzantine guides

Annotation. The article is dedicated to the study of the toponymy of Constantinople in Russian pilgrimage literature, as well as to the clarification of the etymology and clarification of the spatial attribution of these toponyms. The research raises the question of the role of the Byzantine toponymic tradition of local guides on the awareness about the Constantinople by Russian pilgrims.

Keywords: Byzantium, Constantinople, topography, Russian pilgrimage literature

Древнерусские памятники паломнической литературы — хождения, восходящие к византийским проскинитариям [1, с. 70], с утилитарной точки зрения выполняли функцию путеводителей и основой своего содержания имели описания маршрутов по святым местам с целью предоставления важнейших для паломника сведений о расположении тех или иных храмов и находящихся там святынях. Тем не менее хождения,

в контексте дальнейшего развития и преобразования жанра, получили несколько иное смысловое наполнение, тяготеющее к увлекательности рассказа и предназначавшееся не только для паломников, но и «на увещание и на память и на молитву благоверным человеком» [2, с. 293]. Так, хождения являют собой скорее рассказ о путешествии⁶. Впрочем, традиция жанра путеводителей-проскинитариев, ярко прослеживается во всех хождениях. Русские путешественники помимо разного рода описательных эпизодов все же строят свой рассказ именно на основе изображения маршрутов в контексте общего обозрения города. Это неминуемо ставило перед автором проблему осознания описываемого им географического пространства и последующую его ретрансляцию посредством применения специфической топонимики, которую паломники восприняли от самих византийцев. Основным свидетельством существования в Константинополе местных проводников, которые помогали паломникам ориентироваться в городском пространстве, является следующее место из хождения Стефана Новгородца: *«а въ Царьград аки в дубраву велику внити: без добра вожа не возможно ходити, скупо или убого не можеши видети ни целовати ниединого святого, разве на праздники...»* [4, с. 59].

Топографический материал памятников древнерусской паломнической литературы (хожений) представляет собой весьма обширный комплекс упоминаний географических объектов Константинополя. Анализ топографических данных хождений и их интеграция в комплекс уже известных по византийским источникам сведений о топографии Константинополя был предпринят в разное время как в отечественной, так и в мировой историографии П. И. Савваитовым, Н. П. Кондаковым, Х. М. Лопаревым, К. Д. Зеemanом, Дж. Маджеской и Е. И. Малето [2; 6; 4; 7; 8; 9]. Проблема наличия в текстах хождений грецизмов и влияния византийской топонимической традиции была рассмотрена совсем недавно в работе С. А. Иванова, где на примере особенностей нарративной структуры сочинения хождения Антония Новгородского была продемонстрирована роль местных проводников на процесс освоения и дальнейшей ретрансляции географического пространства Константинополя [10, с. 203–235]. Однако здесь же Иванов отмечает уникальность топографического инструментария Антония по отношению к иным хождениям [10, с. 221], что, как будет продемонстрировано далее, не является справедливым.

⁶ К примеру, Аноним называет свое сочинение «повестью»: [3, с. 91].

Интерес настоящей работы заключается в обращении к топонимике районов Константинополя, с помощью которой паломники отражали городское пространство в своих сочинениях. При более пристальном рассмотрении подобных топонимических терминов, выяснении их конкретной этимологии и уточнении пространственной атрибуции появится возможность оценить не только степень влияния византийских проводников на формирование «ментальной карты»⁷ города в мировосприятии паломника-иноземца, но и получить данные о состоянии местной византийской традиции восприятия городского пространства Константинополя в разные периоды ее существования. В качестве источниковой базы работы были использованы путевые записки русских паломников, посещавших Константинополь в XIII–XV вв., а именно Хождение Добрыни Ядрейковича (Антония Новгородского) 1200 г.; Анонимное хождение конца XIII — начала XIV в.; Хождение Стефана Новгородца (1348–1349 гг.); Хождение Зосимы (1419–1422 гг.).

Материал хождений предоставляет нам достаточно своеобразную городскую топонимику, чаще всего выраженную в обозначении отдельных частей Константинополя. Анализируемые топонимы, такие как Василики (*Βασιλικοί*), Манганы (*τὰ Μάγγανα*), Испигас (*Εἰς Πηγὰς*), Трояндофилица (*Τριακονταφύλλου*), Пятерица (*τὰ Πέτριου*, *Πετρίον*, *Πετρίν*), Галата (*Γαλατά*) и Милии (*Μίλιον*), несомненно имели греческое происхождение и восходили к местной топонимической терминологии, бытовавшей среди населения. Точная локализация вышеописанных регионов весьма затруднена ввиду отсутствия упоминаний рассматриваемых топонимов более чем в одном конкретном хождении. Впрочем, исходя из контекста упоминания топонимов, а также с помощью этимологического анализа есть возможность очертить примерные границы территорий, подразумевавшихся под данными терминами.

Так, регион Василики, упоминаемый анонимным русским паломником конца XIII — начала XIV в. (далее — Аноним), представляет собой весьма протяженный район, ограниченный Манганами на востоке, Влахернами на западе, с севера оборонительной стеной, отделяющей город от залива Золотой Рог. В контексте особой лаконичности хождений при описании географических объектов Аноним сообщает о Василиках весьма подробно. Согласно паломнику, данный регион представлял со-

⁷ О значении «ментальных карт» в процессе репрезентации географического пространства см.: [10, с. 5–21].

бой оживленную торговую артерию Константинополя — «василковский великий торг» [3, с. 90], плотно примыкающий к северному портовому региону. Аноним, запечатлевший столицу Византийской империи, вероятнее всего, в период самого начала XIV в., сообщает о наличии в описываемом регионе католической церкви «*церковь фрязкаа*» [3, с. 90], что вполне соответствует времени торговой экспансии итальянских республик Венеции и Генуи, имевших торговые фактории в Константинополе. Далее паломник следует на север и проходит вдоль гавани залива Золотой Рог, из которой корабли совершали переправу на противоположный берег в район Галаты [3, с. 90]. В пределах описываемого региона, по сообщению нашего паломника, находятся церкви Св. Андрея Критского и Св. Николы. Оканчивая свое повествование о Василиках, он двигается на юго-запад, к монастырю Пантократор, который и являет собой нижнюю границу описываемого региона [3, с. 91]. Происхождение названия региона Василики (вероятно, от греческого: *Βασιλικαί* — царские или императорские), по мнению Дж.Маджески, происходит от ворот Св. Иоанна, которые в византийских источниках фигурируют как «царские ворота» [8, р. 353–354]. Еще одним важным регионом, часто встречающимся в сочинении Анонима, следует назвать Манганы, представляющие собой самый восточный район Константинополя, названный, вероятно, по месту нахождения на его территории военного арсенала (*τὰ Μάγγανα*). Манганы примыкали с запада к Византийскому акрополю, а с других сторон были окружены морской оборонительной стеной, протяженной от угла Св. Дмитрия до начала Большого императорского дворца. Из текста хождения можно понять, что Аноним двигается с юга на север, минуя церковь Богородицы Одигитрии, и описывает находящиеся в Манганах храмы, а именно церковь Св. Лазаря, Манганский монастырь Богородицы и церковь Спаса «над морем» [3, с. 85], от которой паломник направляется «*между стеной градной и морем*» [3, с. 86] к святому источнику, на котором и кончается описание Манган.

Исходя из общей стилистической особенности сочинения Анонима, характеризующейся последовательным описанием городских объектов от более объемных (районы) к более конкретным (отдельные сооружения) [3, с. 16], мы имеем возможность провести более или менее четкие границы описываемых регионов Константинополя. Однако в большинстве хождений топонимические термины используются как своего рода маркеры, имеющие более конкретную географическую привязку к сравнительно небольшой пространственной единице. Так, Стефан Новгородец ведет своего читателя от собора Св. Софии по Месе к форуму Кон-

стантина, последовательно чередуя следующие топонимы: «идучи ж от святых Софии мимо столп Иустинианов, мимо малы тръг нарицаемы Милии, мимо свтаго Феодора, на гору поити великою улицею Царевым путем» [4, с. 53]. При этом наиболее пространным из перечисленных географических маркеров является «торг Милии», под которым понималась западная часть Августеона, пересекающаяся с Месой и выходящая на Аргиропратию — квартал ювелиров. Название торг получил от Милиона — тетрапилона, внутри которого стояла стела, отмечающая нулевой метр всех дорог в империи [4, с. 66]. Подобного рода ситуацию, в которой отдельный объект становится нарицательным обозначением более крупной географической единицы, мы имеем возможность наблюдать далее в тексте хождения Стефана, повествующего о военной гавани в юго-восточной части города: «От Подрумия (Ипподрома. — В. 3.) поити мимо Кандоскамии: ту сут врата городная железна решедчата велика вельми; теми о врата море введено внутрь города; и коли бывает рать с моря, и ту держат корабли и катарги до треусот» [4, с. 55]. Так, согласно общему контексту сочинения, под Кандоскамией понимается гавань, находящаяся внутри городских стен и предназначенная для базирования военного флота⁸. Впрочем, есть основания полагать, что, как и в случае с Милионом, произошла замена pars pro toto — части за целое, поскольку Кандоскамия (Κωντοσκάλιον) в византийской топонимической традиции обозначает ворота, выходящие на Софийскую гавань [13, с. 194–195].

Несколько сложнее локализовать топонимы, использовавшиеся Антонием Новгородским, который посетил Константинополь в 1200 г. Анализ контекста, в котором упоминаются те или иные термины, весьма затруднен ввиду компилятивности сведений сочинения, структура которого была нарушена в ходе позднейших редакций текста [5, с. 31–32]. Но некоторую ясность в понимании расположения упоминаемых Антонием местностей (таких как Испигас, Трояндофилица и Пятерица) приносит этимологический анализ П. И. Савваитова. Так, уже упоминаемая Пятерица имеет происхождение от местности, на которой в VI в. стоял дом Петра Патрикия (500–565) — известного государственного деятеля эпохи Юстиниана. Тем не менее исследователь справедливо отмечает, что имеет место происхождение данного топонима от Петрио-

⁸ Таковую точку зрения разделяет Сперанский [4, с. 71], Прокофьев [3, с. 402] и Маджеска [8, 265–266].

на (τὰ Πέτριον, Πετρίον, Πετρίν) — территории, занятой пятым холмом Константинополя. Подтверждение подобной атрибуции топонима можно найти и у самого паломника, который пишет, что идущие через Петрион, находясь при этом на некотором возвышении, могли видеть Влахернскую церковь. Кроме того, при дальнейшем рассмотрении пути, описываемого Антонием, он идет на север, спускаясь с Петриона, посещает Влахерны, Космидий и доходит до «морья», то есть до побережья залива Золотой Рог, что вполне соответствует тому, если бы наш паломник началом своего пути имел территорию пятого холма. Все это позволяет нам отождествлять Антониеву Пятерицу с Петрионом. Трояндофилица же, по мнению П. И. Савваитова, восходит к местности, именуемой по имени дома некого Триаконтафила (Τριακονταφύλλου), на месте которого император Роман Аргир (1028–1034 гг.) построил знаменитую церковь Богородицы Первилепты [2, с. 126]. Сам же Антоний, не упоминая по неизвестной причине названия самого храма, описывает его как самый богатый *«гряды, селом и златы»* монастырь Константинополя.

Неоднократно упоминаемый Антонием Испигас локализуется рядом исследователей на противоположном от Константинополя берегу Золотого Рога [2, с. 68–69; 4, с. 36; 5, с. 75]. На то, что Испигас находится вне городских стен, указывает и сам паломник, а дальнейший анализ храмовых объектов Испигаса позволяет установить его местоположение в соответствии с районами Пера, Сики и Галата. Сочинение Антония предоставляет нам весьма ценную возможность оценить положение негреческих элементов, сконцентрированных в Пере. Так, русское население Константинополя, судя по всему, проживало именно в этом регионе, на что нам указывает наличие в описываемом регионе церкви Св. Бориса и Глеба, а также захоронение княгини Ксении Брячиславны [9, с. 232–233] в церкви Даниила Столпника. Имеются сведения и об иудейском населении Перы [9, с. 221]. Судя по всему, влияние негреческого населения в Пере было настолько значительно, что Антонию приходится уточнять византийское происхождение местной церкви Св. Николая, а также подтверждать наличие греков среди прихожан местной церкви Св. Богородицы, имеющей особое значение для паломников и путешественников: *«и ныне дают всякому человеку хлѣбъ и вариво и по чяши вина. Всяк иже христианинъ, грядый во Иерусалим, или изъ Еросалима, то ту по вси дни ядятъ; и Греци такоже ядятъ у нихъ»* [9, с. 233].

Впрочем, этимологический анализ также не приводит к достаточной степени достоверности атрибуции топонимов смешанного характера, в которых изначальный греческий топоним претерпевает явную деформацию.

Так, паломник упоминает некие «черный великий убол» и «русский убол» (т.е. улицы или портики, от греч. ἐμβολος), а также «Лугарево» и «Плакоту». «Черный великий убол» П. И. Савваитов сопоставляет с местностью, расположенной от третьего холма Константинополя, то есть занимающей пространство у форума Феодосия и протяженной до Софийской гавани на юге города [2, с. 149]. Н. П. Кондаков, исходя из контекста упоминаемых паломником церквей, ассоциирует «черный великий убол» с портиком Мавриана (ὁ μακρὸς ἐμβολος τοῦ Μαυριανῶν), который располагался на пути, связывающем Константинопольский ипподром с юго-западной частью города [6, с. 132]. «Русский убол» же представлял собой, судя по всему, улицу между форумами Тавра и Феодосия [2, с. 154]. Однако ввиду того, что сочинение Антония имеет весьма сложную нарративную структуру [10, с. 204], подобного рода реконструкция значений используемых в тексте топонимов имеет несколько ненадежный характер. Так, происхождение топонима «Плакота» П. И. Савваитов связывает с греческим «плакаи», что могло обозначать большие мраморные плиты, которыми был облицован форум Константина, что позволяет исследователю ассоциировать данный топоним именно с этим форумом [2, с. 161].

Примечателен тот факт, что константинопольская топонимика хождений является уникальной для каждого отдельного текста. Правда, есть и заметные исключения. Так, в сочинениях Анонима и Стефана Новгородца встречаются упоминания «великой улицы»⁹, то есть Месы — главной улицы Константинополя, ведущей от Золотых ворот до собора Св. Софии. Единственный же регион Константинополя, упомянутый сразу в нескольких хождениях, это район Галаты на противоположном берегу Золотого Рога¹⁰. В иных же случаях топонимы хождений не повторяются. Данное явление может объяснить фактор индивидуального восприятия городского пространства Константинополя, а также заметное различие по времени и обстоятельствам создания конкретного текста. Впрочем, как это было продемонстрировано в ходе работы, весьма значительным оказывается влияние византийской традиции на комплекс географических представлений русских паломников о Константинополе, отраженный в хождениях, на что прямым образом повлиял факт их общения с проводниками из числа местного населения.

⁹ Топоним «великая улица» используется Анонимным паломником [3, с. 87, 88] и Стефаном Новгородцем [4, с. 66].

¹⁰ Галата упоминается Анонимом [3, с. 90] и Зосимой [3, с. 124].

Таблица 1. Топонимы греческого происхождения, используемые русскими паломниками

Хожения	Топонимы
Антония Новгородского (Добрыни Ядрейковича)	<i>Испигас</i> <i>Пятерица</i> <i>Трояндофилица</i> <i>Черный великий убол</i> <i>Русский убол</i> <i>Плакота</i> <i>Лугарево</i>
Анонимное хожение	<i>Манганы</i> <i>«Василики»</i> <i>Меса</i> <i>Галата</i>
Стефана Новгородца	<i>Милюн</i> <i>Кандоскамия</i> <i>Меса</i>
Зосимы	<i>Галата</i>

Список источников и литературы

1. *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника. М., 2000. 199 с.
2. Путешествие Новгородского Архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / предисл. и примеч. П. И. Савваитова. СПб., 1872. 198 с.
3. Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., пер., вступ. статья и коммент. Н. И. Прокофьева. М., 1984.
4. *Сперанский М. Н.* Из старинной Новгородской литературы XIV в. Л., 1934. 140 с.
5. Книга Паломник. Сказание мест святых в Царьграде Антония Архиепископа Новгородского / под ред. Х. М. Лопарева // Палестинский православный сборник. Т. XVII. Вып. 3. СПб., 1899.
6. *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. 234 с.
7. *Seeman K. D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976.
8. *Majeska J.* Russian travelers to Constantinople in fourteenth and fifteenth centuries. Washington, 1984.
9. *Малето Е. И.* Антология хожений русских путешественников XII–XV века: исследование, тексты, комментарии. М., 2005. 438 с.
10. *Иванов С. А.* Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе // Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции. СПб., 2021. С. 203–235.

11. Подосинов А. В. Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в Средневековье // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 5–21.
12. Accounts of medieval Constantinople: The Patria / transl. by A. Berger. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 357 p.

УДК 94(495).04

Галиев А. Р.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Уральский гуманитарный институт, Департамент «Исторический факультет», студент бакалавриата
E-mail: galiew.alex@yandex.ru; Alexander.Galiev@urfu.me

Иоанн Кантакузин в восприятии византийских антиисихастских писателей XIV–XV вв.

Аннотация. В настоящем исследовании изучены особенности восприятия византийскими антиисихастскими писателями личности императора Иоанна VI Кантакузина. Автор приходит к выводу, что писатели-антиисихасты считали Кантакузина способным и одаренным политиком, однако его происихастская деятельность вызывала отторжение у части византийских интеллектуалов и нивелировала в их глазах достоинства Кантакузина как императора.

Ключевые слова: Иоанн Кантакузин, византийские интеллектуалы, исихазм, антипаламиты

Galiev A. R.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ural Institute for Humanities, History Department, Bachelor's program, Student
E-mail: galiew.alex@yandex.ru; Alexander.Galiev@urfu.me

John Kantakouzenos in the perception of byzantine anti-hesychast writers of the XIV–XV centuries

Abstract. This study examines the peculiarities of the perception of the personality of Emperor John VI Kantacouzenos by Byzantine anti-hesychast writers. The author comes to the conclusion that anti-hesychast writers considered Kantacouzenos a capable and gifted politician, but his pro-hesychast activities caused rejection among some Byzantine intellectuals and neutralized in their eyes the merits of Kantakouzenos as an emperor.

Keywords: John Kantakouzenos, Byzantine intellectuals, hesychasm, anti-Palamites

Иоанн Кантакузин, аристократ, военачальник и государственный деятель, ставший императором, один из тех, на кого интеллектуалы возлагали надежды о возрождении экономической и политической стабиль-

ности Ромейского государства. Первоначально Кантакузин проявил себя на военном и политическом поприще во время правления Андроника II. Он был провозглашен императором во время политического кризиса 1341 г. и на всем протяжении своей активной политической деятельности до 1354 г. оказывал поддержку исихастскому движению. Во время гражданской войны 1341–1347 гг. паламиты активно оказывали помощь Кантакузину в борьбе за трон, а исихазм как монашеская практика постепенно трансформировался в движение, обладающее социальной, экономической и политической программой [1, с. 294].

Отношение византийских интеллектуалов к Иоанну Кантакузину определялось не только их политической позицией, но и богословской позицией и идеологическими установками [2, с. 182]. Известно, что на момент начала гражданской войны 1341–1347 гг. император был другом лидера афонских исихастов Григория Паламы. Впоследствии исихасты оказывали всяческую помощь стороне Кантакузина, а две его коронации (в Адрианополе 1346 г. и в Константинополе 1347 г.) были совершены исихастскими патриархами. На Константинопольских соборах 1347 и 1351 гг. Кантакузин последовательно поддерживал богословские взгляды паламитов, патриархом после победы императора в 1347 г. стал исихаст Исидор Вухир, а сам Григорий Палама — архиепископом Фессалоники. Тот факт, что исихасты оказали Кантакузину поддержку во время гражданской войны 1341–1237 гг., а император защитил афонское богословие, сделал Кантакузина в глазах византийцев и особенно в глазах византийских интеллектуалов апологетом исихазма. Исихазм — мистическое направление восточного богословия, распространенное прежде всего среди монахов Афона, которые посвящали свою жизнь абсолютному покою и «умной молитве» [3, с. 42]. Антиисихазм, таким образом, — теология и философия, находящиеся либо под влиянием западной схоластики [3, с. 48], либо под влиянием античного гуманизма [4, с. 80]. На основе такого понимания антиисихастского направления мысли были отобраны четыре писателя XIV–XV вв. Двое из них, то есть Никифор Григора и Димитрий Кидонис, были современниками Иоанна Кантакузина и находились в близких с ним отношениях, двое других, Дука и Лаоник Халкокондил, писали свои работы уже в следующем веке. В исследовании рассматривается отношение указанных антиисихастских авторов к личности императора-исихаста Иоанна VI Кантакузина.

Ученый-энциклопедист и историк Никифор Григора, автор «Истории ромеев», обращал внимание на благородство Кантакузина [5, с. 330], отмечал его храбрость и воинский талант [5, с. 372], кротость [6, с. 29],

рассудительность и глубокомыслие [5, с. 330] и в целом не скупился на похвалу личным качествам и способностям императора. Кроме того, Григора часто стремился оправдать его притязания на власть [6, с. 252]. Историк даже замечал, что все лучшее встало на сторону Иоанна VI, ставка которого на начало войны располагалась в Дидимотике, а все худшее — на сторону правительства в Константинополе [6, с. 37], которое было возглавлено патриархом Иоанном Калеккой, императрицей Анной Савойской и великим дукой Алексеем Апокавком. Кантакузин, по мнению историка, мог стать императором еще во время царствования Андроника III, и именно Апокавк подстрекал его «надеть красные башмаки» [6, с. 8]. Кантакузин, всегда ведущий себя «кротко и мягко» [6, с. 29], не желал браться «ни за одно важное дело, какие любят делать предпринимающие такие [государственные перевороты] и бросающиеся в такие пучины [междоусобной борьбы]» [6, с. 38]. Не обращаясь к многочисленным рассуждениям историка об императоре в период гражданской войны, можно констатировать, что после 1347 г. (победы Кантакузина) мнение Григоры о нем кардинально изменилось. До 1346 г. Григора был другом Паламы, и в части богословских споров они стояли на одной стороне, но императрица Анна Савойская лично попросила Григору начать диспут против исихастской теологии. Кроме того, религиозные взгляды ученого радикально расходились с исихазмом. И. П. Медведев утверждает, что увлечение Григоры античной литературой и Платоном, его мифологизированная фразеология делают его «в значительной степени язычником» [7, с. 14]. Иными словами, религиозные представления ученого основывались на античной философии, чем радикально противопоставлялись паламизму. Григора, как отмечал Г. А. Острогорский, с упрямством и даже тщеславием [3, с. 51] принялся бороться против паламитов и их идей. Кантакузин в глазах историка стал узурпатором, который захватил государство силой, став заложником «нечестия Паламы» [8, с. 32]. Можно судить, что положительное отношение Григоры к императору было связано с исключительными военными и политическими дарованиями последнего. Значительный поворот в оценках, которыми Григора наделял Кантакузина, позволяет судить, что связь императора с исихазмом, который был в глазах историка ересью, перечеркивает для Григоры и все дарования Кантакузина, и их личную дружбу. Теперь политика Кантакузина для ученого — залог будущего падения Ромейского государства [8, с. 30, 87, 125–126].

Григора в тексте «Истории ромеев» всегда критически отзывался о монашестве, даже если речь не шла о теологических спорах. Так, на-

чиная рассуждение о каком-либо монахе, Григора обязательно рассуждал о его необразованности: «Это был человек чуждый учености и культурных привычек» [5, с. 141], или говорил, что монах «абсолютно не причастен эллинской мудрости» [5, с. 87]. Главный критерий, с помощью которого Григора судил о людях, — их светская и религиозная образованность. В понимании Григоры неперенный атрибут учености — широкая эрудиция [8, с. 55]. Но отмечаемое ранее Григорой глубокомыслие Кантакузина забывается историком, когда он критикует императора как сторонника исихазма.

Имена Кантакузина и Паламы в политике оказывались для историка тесно связанными: эта связь определяет негативное отношение Григоры к императору. М. В. Бибииков отмечает вражду между бывшими друзьями, которая была вызвана непримиримыми религиозными разногласиями: в итоге Григора был сослан императором в монастырь [9, с. 245].

Другой ученый XIV в., философ и богослов Димитрий Кидонис, был другом и политическим сподвижником императора, а также критиком исихазма. Ученый считал исихазм проявлением крайнего невежества, кроме того, он был горячим поклонником западной культуры, что тоже отталкивало его от исихазма [10, с. 52]. В письмах Кидониса 1341–1347 гг. видна тоска по другу семьи, Кидонис просил императора «даровать счастье видеть и слышать» его [11, S. 93]. В первых же письмах 1341–1342 гг. молодой ученый изъявлял лояльность императору, просил «принимать привязанность других» [11, S. 102], утверждал, что «закон требует, чтобы правителей почитали и вспоминали с похвалой» [11, S. 121]. Письма для Кидониса — классическое интеллектуальное упражнение в риторике, он использовал традиционные клише и обороты [12, с. 366], не скупился и на эпитеты по отношению к Кантакузину: восхвалял его ораторское и военное искусство, сравнивал с Александром Великим [11, S. 132], Демосфеном и Гераклом, отмечал большой талант императора, его умение заниматься многими делами в один день [11, S. 106]. Письмо Кидониса 1345 г. представляет собой фактически энкомий Кантакузину: кроме военных и политических талантов ученый отмечал его «философское мироощущение и стремление к мудрости» [11, S. 121]. После победы императора Кидонис стал его месадзоном — первым министром. В письмах месадзона времен правления Иоанна VI не упоминались критика исихазма или связь Кантакузина с Паламой, напротив, ученый продолжал восхвалять императора, хотя можно заметить, что в его письмах большое внимание уделяется государственным делам — что вполне логично, учитывая занимаемый Кидонисом пост.

Ученый был погружен в политические дела: в письмах 1347–1354 гг. критика исихазма не появляется в его письмах. Однако друзья из антиисихастского лагеря у него были, о чем свидетельствует письмо Кидониса, написанное в период царствования Кантакузина [11, S. 185–186]. После отречения императора в 1354 г. Кидонис продолжал сохранять о нем хорошее мнение. Например, как сообщает С. Рансимен, в начале 1380-х гг. в письме Матфею Кантакузину бывший месадзон говорил об уважении к «почтенному отцу» деспота Мореи, который тогда являлся главным советником своего сына [13, p. 52]. Тем не менее в позднем письме [14, S. 500–503] Кидонис критиковал Кантакузина за пропаганду исихастских идей. Ученый ставил имена Кантакузина и Паламы в один ряд, писал, что текст «Опровержений», написанных экс-императором против Прохора Кидониса, «содержит много извращений против истины» [14, S. 501], и был возмущен тем, что Кантакузин «послал много экземпляров в Ионию, на Кипр, Крит, в Палестину, Египет, Трапезунд, Херсонес, все наполнив новой теологией» [14, S. 502]. Тем не менее ученый сообщил об «уважении, которое <...> еще испытывал» [14, S. 501] к Кантакузину и продолжил называть его императором [14, S. 503]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на почтение к государственному опыту и политическим дарованиям Кантакузина, Кидонис негативно воспринимал его религиозные идеи.

Отношение Кидониса к идеям Афона и самому монашеству также частично раскрывается в его письмах. В письме знакомому монаху рубежа 1347–1348 гг. ученый с почтением просил молитв о себе [11, S. 177–179], однако неизвестно, к какой церковной «партии» относился адресат. В письме другому представителю монашества, Калоферу, за 1347 г. Кидонис легко сравнивал Афон с Олимпом и говорил о живущих на монастырской горе богах [11, S. 174–175]. За этой метафорой скрывались одновременно и уважение Кидониса к афонскому монашеству, и легкая ирония. М. А. Поляковская отмечала интерес Кидониса к западному богословию в целом и к писаниям Фомы Аквинского в частности [10, с. 58]. Кроме того, ученый уважал другого противника исихастов — Григору — и писал ему, что ученый «возвышается над хорошими людьми» [11, S. 89–92].

Кидонис по-разному оценивал Кантакузина как политического деятеля и императора и Кантакузина как исихаста. Ученый воспевал политику и мудрость Кантакузина, как и Григора, но настороженно относился к его богословию. Эллинское образование, любовь к античной философии и культуре, интерес к латинской теологии стали причинами негатив-

ного отношения Кидониса к исихазму. По замечанию М. А. Поляковской, богословская позиция оказывала большое влияние на политические взгляды [2, с. 182]. Латинофильство и гуманизм Димитрия Кидониса жестко противопоставляли его исихастскому лагерю, к которому относился и Иоанн Кантакузин. Между тем лично к Кантакузину ученый сохранял положительное отношение, чему способствовали любовь экс-императора к философии и его политическая мудрость, которую отмечал Кидонис. В условиях главенствования исихастской «партии» Димитрий Кидонис, принявший католичество, был вынужден эмигрировать и умер на венецианском Крите, несмотря на близость к императорам Иоанну V и Мануилу II.

Историки XV в. Дука и Лаоник Халкокондил, значительно отдаленные во времени как от исихастских споров, так и от жизни и деятельности Кантакузина, могли взглянуть на ситуацию со стороны. Кроме того, исследуя их работы, нужно учитывать личные воззрения, а также идеологический и политический контекст времени, который наложил на воззрения Дуки и Халкокондила значительный отпечаток.

Дука, историк XV в., не упоминал в своей работе об исихазме. Он был сторонником униатов, но унию воспринимал политически, а не религиозно, как военную помощь против турок [15, с. 290]. На основании этого Дуку можно считать антиисихастом, поскольку лагерь исихастов был настроен крайне отрицательно против любых переговоров об унии. Антиуниатские действия монашеской партии историк «считал в сложившейся обстановке опасными и вредными» [15, с. 290] и критиковал позицию «антилатинского ортодокса» Луки Нотары, который был последним ромейским месадзоном [9, с. 252].

Дука называл Кантакузина добродетельным человеком и признавал его права на регентство, завещанное ему умирающим Андроником III [16, р. 64], но не признанное политическими противниками императора. Его противники — завистники [16, р. 64], Алексей Апокавк, один из политических противников Кантакузина, — дьявол [16, р. 65], а родственники и друзья императора на античный манер назывались полубогами и героями [16, р. 65]. Дука отмечал военное искусство и доблесть Кантакузина [16, р. 71], а также его милосердное и смиренное отношение к врагам — Анне Савойской и Иоанну V Палеологу, которых сам Иоанн VI всегда признавал законными монархами [16, р. 75]. Кроме того, что Дука признавал законным регентство Кантакузина, он одобрительно оценивал провозглашение его императором [16, р. 68]. Он с иронией и горечью писал о «шествии многих императоров и императриц», сравни-

вая их с языческим многобожием [16, р. 76]. Очевидно, симпатии Дуки были на стороне единовластия Кантакузина, что можно предположить, основываясь на положительных высказываниях историка об императоре. Связь императора с исихастами Дука не характеризует, но в целом Кантакузин представлялся Дуке сильным императором, на которого следовало возложить особые надежды.

Гуманист и историк XV в. Лаоник Халкокондил рассуждал об Иоанне Кантакузине сдержаннее своего современника, в его работе об императоре сказано значительно меньше. Как отмечает Е. Б. Веселаго, Халкокондилу свойственно отсутствие интереса к тому, что касается императоров [17, с. 197]. Тем не менее Халкокондил, как и Дука, признавал законным право Кантакузина на регентство, завещанное ему Андроником III, но дополнял, что регент сам стал притязать на власть «по подстрекательству греков, которые встали на его сторону» [18, р. 37]. То есть власть императора в глазах Халкокондила не была полностью легитимной. Также историк добавлял, что попытка Кантакузина основать новую династию и передать власть своему сыну Матфею не возымела успеха [18, р. 57]. Здесь стоит вновь отметить особенности мировоззрения Халкокондила, среди которых были религиозная индифферентность, гуманизм в традиции Плифона и отрицание ромейского универсализма. Кроме того, историк не упоминал об исихастах и Паламе. Из работы Халкокондила можно узнать, что «русские следуют религиозным предписаниям эллинов» [18, р. 213], а Великая Схизма — «расхождение в вопросах религии» [18, р. 5]. Его немногочисленные упоминания религии бедны и невыразительны. Можно видеть, что к религии он действительно относится безразлично.

Можно увидеть закономерность: все вышеперечисленные авторы в той или иной степени положительно относились к Кантакузину-политику и возлагали на него большие надежды в государстве, стремящемся к упадку. Тем не менее все они негативно или по крайней мере безразлично относились к исихазму.

У писателей-антипаламитов складывался довольно противоречивый образ Кантакузина. В представлении Никифора Григоры и Димитрия Кидониса исихазм мог стать причиной будущего упадка Ромейского государства. Следовательно, Кантакузин — виновник его падения. Тем не менее в работах и письмах интеллектуалов и историков XIV–XV вв., стоящих на антиисихастских позициях, прослеживается условно положительное отношение к Кантакузину как к политику и императору и ярко отрицательное как к стороннику, а затем и идеологу исихазма. Такое отношение можно объяснить тем, что в представлении византийских интеллектуалов

лов политика императора в первую очередь оценивалась по его военно-политическим действиям и уже во вторую очередь по его религиозным взглядам и идеологическим предпочтениям. Дука и Лаоник Халкокондил в своих работах даже не упоминают о связи Кантакузина с исихастами, Кидонис, находясь на посту месадзона, никак не критикует императора за связь с исихастами и остается его близким другом и доверенным лицом. И только Никифор Григора резко порывает с Иоанном Кантакузином именно из-за поддержки последним богословия Паламы: для него подобная религиозная политика — причина падения Византии.

Антиисихастские византийские интеллектуалы XIV–XV вв. воспринимали Иоанна Кантакузина, исходя из собственных политико-религиозных воззрений. Никифор Григора глубоко положительно характеризовал Кантакузина и как человека, и как политического деятеля, однако император как исихаст стал для Григоры еретиком и виновником византийского упадка. Димитрий Кидонис на всем протяжении жизни сохранял к императору уважение за его любовь к наукам и политические дарования, но резко критиковал за исихастские «извращения против истины». Дука одобрял политику Кантакузина и провозглашение его императором, но не рассматривал его религиозных воззрений и связь с исихастами. Лаоник Халкокондил в силу малого интереса к византийским императорам и религиозным спорам лишь одобрял регентство Кантакузина и не видел полностью легитимных оснований провозглашения его императором.

Список источников и литературы

1. *Мейендорф И. Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 29. 384 с.
2. *Поляковская М. А.* Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин (к вопросу о политической концепции середины XIV века) // Византийский временник. 1980. Т. 41. С. 173–182.
3. *Острогорский Г. А.* Афонские исихасты и их противники (К истории поздневизантийской культуры) // Русско-Византийский вестник. 2022. № 1 (8). С. 38–53.
4. *Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е., Воденко К. В.* Византийский интеллектуализм и исихазм: два проекта гуманизма // Научные ведомости БелГ У. 2017. № 3 (252). Вып. 39. С. 78–83.
5. *Никифор Григора.* История ромеев / пер. с греч. Р. В. Яшунского, вступ. ст. Л. Герд. СПб.: Свое издательство, 2013. Т. I. 438 с.
6. *Никифор Григора.* История ромеев / пер. с греч. Р. В. Яшунского. СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2014. Т. II. 496 с.

7. *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб.: Алетея, 1997. 341 с.
8. *Никифор Григора.* История ромеев / пер. с греч. Р. В. Яшунского. СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2016. Т. III. 488 с.
9. *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб.: Алетея, 1998. 317 с.
10. *Поляковская М. А.* Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 1992. 256 с.
11. *Demetrios Kydones.* Briefe. Erster Teil, erster Halbband (Einleitung und 47 Briefe) / übers. u. erl. von F. Tinnefeid. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. 299 S.
12. *Куц Т. В.* На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. 456 с.
13. *Runciman S.* The Lost Capital of Byzantium: The History of Mistra and the Peloponnese. London: Tauris Parke Paperbacks, 2010. 144 p.
14. *Demetrios Kydones.* Briefe. Erster Teil, zweiter Halbband (91 Briefe, Register) / übers. u. erl. von F. Tinnefeid. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1982. 382 S.
15. *Бибиков М. В., Красавина С. К.* Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // Культура Византии XIII — первая половина XV в. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1991. 634 с.
16. *Doukas.* The Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / transl. by G. J. Magoulias. Detroit: State University Press, 1975. 347 p.
17. *Веселаго Е. Б.* Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (Опыт литературной характеристики) // Византийский Временник. 1957. Т. 12. С. 203–218.
18. *Laonikos Chalkokondyles.* The Histories / transl. by A. Kaldellis. Vol. 1. London: Harvard University Press, 2014. 559 p.

УДК 94(495.1)

Романова А. А.

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт,
Департамент «Исторический факультет», студент магистратуры
E-mail: alexandra.romanova1625@gmail.com

Взаимоотношения между наемниками и местным населением в Негропонте во время осады 1470 г.¹¹

Аннотация. Автор анализирует социальную обстановку осажденного в 1470 г. османами г. Негропонт и приходит к выводу, что социальная дестабилизация в городе была вызвана противостоянием местного населения с присланными для защиты города наемниками. Основанием для данной конфронтации стало глубокое недоверие горожан к наемникам, оправданное многочисленными предательствами последних.

Ключевые слова: Венеция, венецианские колонии, наемники, Мехмед II, османы, Негропонт, Эвбея

Romanova A. A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute for Humanities, History Department
Master's program, Student
E-mail: alexandra.romanova1625@gmail.com

Relations between the Mercenaries and the Local Population in Negropont during the Siege of 1470

Abstract. The author analyzes the social environment of Negroponte besieged by the Ottomans. The author concludes that the social destabilization in the city was caused by the confrontation between the local population and the mercenaries sent to defend the city. The reason for this confrontation was the townspeople's deep distrust of the mercenaries, justified by the numerous betrayals of the latter.

Keywords: Venice, Venetian colonies, mercenaries, Mehmed II, the Ottomans, Negropont, Euboea

¹¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

12 июля 1470 г. венецианский город Негропонт на острове Эвбея пал под натиском Османской империи. Утрата этого города, впрочем, как и всего острова, стала едва ли не самой тяжелой потерей Венеции за весь XV в. Во многом это было связано с тем, что Негропонт был одним из важнейших владений Республики св. Марка в Эгейде: являлся торговым центром, военным форпостом и опорным пунктом Венеции в данном регионе. Через него венецианцы поддерживали свои интересы в Афинском герцогстве и на Пелопоннесе [1, р. 34], с него в течение семи лет до захвата острова вели войну против османов. «Негропонт в опасности, и, если он падет, все наши владения в Леванте будут потеряны вплоть до Истрии», — такие опасения летом 1470 г. высказывал венецианский капитан Джеронимо Лонго, наблюдавший, как к острову приближается османский флот султана Мехмеда II [2, р. 52].

По сведениям различных источников, османская осада города Негропонт длилась от трех до четырех недель. Так, в византийских «Малых хрониках» мы находим такие сведения об этих событиях: «В год 6978 [1470 г. н.э.], восьмого индикта, эмир [султан Мехмед II] пришел с очень большим войском: пехотой, конницей и флотом — с тремястами шестьюдесятью большими и малых кораблей — к Эврипу (одно из греческих названий Негропонта. — *А. Р.*) и начал атаковать его днем и ночью с множеством осадных машин, с 12 июня по 12 июля. И 12 июля, в четверг, вышеупомянутый эмир Мехмед челеби после сильной битвы взял его с большим кровопролитием. С обеих сторон погибло бесчисленное множество людей. И так он овладел всем островом» [3, S. 62]. Переживший осаду и захват города Негропонт венецианец Джованни-Мария Анджолелло в своем сочинении предлагает такую версию событий: «8 июня 1470 г. флот султана внезапно, без всякого сопротивления, прибыл в место под названием „Трокко“, расположенное в устье гавани, известной как пролив Святого Марка, примерно в миле от города. <...> 13 июня турки навели мост из галер и баркасов через вышеупомянутый пролив, то есть пролив Святого Марка. Когда мост был достроен, 15-го числа прибыл султан с большим пешим и конным войском и множеством верблюдов, навьюченных необходимым для такого войска провиантом. Султан перешел через мост с частью своего войска, распределил свои силы на острове и в разных местах рядом с городом и взял его в плотную осаду» [4, р. 9–11].

Несмотря на отчаянные попытки защитников Негропонта, в этом противостоянии силы христиан и турок были неравны: по подсчетам итальянского адмирала и исследователя Луиджи Фиканти, в осажденном городе было около 4000 человек всех полов и возрастов, в то время как армия

султана насчитывала около 20 000 боевых единиц [5, р. 291]. Преимущество в человеческих ресурсах со стороны османских завоевателей, однако, было не единственным фактором, решившим судьбу Негропонта. Так, защите города существенно мешали раздоры среди осажденных и вызванные чередой предательств столкновения внутри городских стен. Об этой беспокойной обстановке и случаях измен в пользу султана во время осады в своем сочинении рассказывает уже упомянутый Джованни-Мария Анджолелло [6, р. 9–10], а также очевидец осады Джакомо Риццардо. Джакомо Риццардо присутствовал на одной из венецианских галер, которые 10 июля 1470 г. вошли в бухту к северу от Негропонта, и, по всей видимости, смог из первых рук получить информацию о сложившейся внутри городских стен ситуации от спасшихся с острова беженцев [7, р. 7].

В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать социальную обстановку в Негропонте во время османской блокады 1470 г., а также рассмотреть проблемы взаимоотношений жителей города с присланными для его защиты наемниками.

По сведениям Джованни-Мария Анджолелло и Джакомо Риццардо, началом большинства развернувшихся в городе беспорядков и конфликтов стало предательство Негропонта далматинским кондотьером Томмазо Скьяво, который на момент осады руководил наемническим отрядом из пятисот пехотинцев [8, р. 301]. К сожалению, вся информация о личности Томмазо Скьяво и времени его пребывания в Негропонте обрывочна, а в источниках более позднего происхождения его образ чрезвычайно мифологизирован. Тем не менее свидетель осады Анджолелло так говорит о Томмазо Скьяво и его измене: «Томмазо Скьяво был способным человеком, но не подходил для такого дела, как Негропонт, а поскольку у него были кое-какие связи на турецкой стороне, то, когда он обнаружил, что его осаждают такие большие силы, как у турок, у него возникли сомнения, и он решил тайно послать гонца к султану, чтобы спасти себя и свою семью от гибели» [4, р. 15]. По версии Анджолелло, Томмазо Скьяво планировал впустить войска Мехмеда II в город во время их очередной атаки; однако эти намерения были раскрыты, а сам Томмазо Скьяво убит [4, р. 19–21].

Интересна реакция общественности и властей города на данный инцидент. «После его [Томмазо Скьяво] смерти его труп повесили за одну ногу на колоннах дворца байло над главной площадью, — пишет Джакомо Риццардо. — Вместе с ним были повешены его писец, трубач и паж. В тот же день они (администрация города. — *А. Р.*) предали смерти двадцать пять человек из его окружения, а ночью задушили еще пятьдесят» [9, р. 232]. По сведениям того же Риццардо, один из венецианских проводи-

торов города Джованни Бондомьер не остановился лишь на этом, но вместе с критскими арбалетчиками (кандиотами, которых Венеция прислала на защиту Негропонта [5, р. 291]) продолжил преследование возможных соучастников заговора уже в некогда подконтрольном Скъяво пехотном отряде: «Всех встречных он [Джованни Бондомьер] рубил на куски, никому ничего не объясняя. Так прошел целый день» [9, р. 234]. Анджолелло в похожем русле описывает сложившуюся после смерти Томмазо Скъяво ситуацию: «Горожане подняли шум, утверждая, что в деле Томмазо замешано много войск, и требовали во что бы то ни стало схватить их и предать смерти. Чтобы не допустить бунта, правящий совет приказал посадить в тюрьму около сорока человек» [4, р. 19].

По всей видимости, предательство Томмазо Скъяво вскрыло уже существовавший к моменту осады антагонизм жителей города с располагавшимися в Негропонте наемниками. Так, ко времени турецкой блокады вышеупомянутый пехотный отряд Скъяво, скорее всего, уже несколько месяцев квартировался в Негропонте. Современник событий венецианец Доменико Малипьеро пишет в своих анналах: «Из новых донесений узнали, что Турок непременно пойдет к Негропонту; <...> решено вооружить десять больших кораблей по двести человек в каждом и отправить их к Негропонту с оружием и пятьюстами пехотинцами». Запись датирована 15 марта 1470 г. [2, р. 48]. Кроме этого, известно, что в Негропонте было еще 400 наемников, вероятно стрелков, которых Венецианская республика отправила туда еще раньше пехотинцев Скъяво — в феврале 1470 г. [8, р. 301; 10, р. 147]. И хотя в источниках не встречается каких-либо упоминаний о столкновениях и конфликтах между наемниками и горожанами до начала осады, можно предположить, что весь этот многочисленный и вооруженный наемнический контингент вызывал опасения у местных жителей Негропонта. По крайней мере, в сочинениях Анджолелло и Риццардо отчетливо видно, что после предательства Скъяво отношение горожан к наемникам быстро радикализировалось.

В свою очередь, страх расправы от властей Негропонта и бурная негативная реакция местных жителей на их присутствие в городе лишь подтолкнули пехотинцев Скъяво и прочих наемников, до этого момента, возможно, даже не знавших о заговоре Томмазо, дезертировать в лагерь Мехмеда II. По сообщению Риццардо, после рейда Джованни Бондомьера люди Томмазо Скъяво «пытались найти способ дезертировать в лагерь турок, так как были уверены, что в случае обнаружения их ждет смертная казнь и изрезание на куски» [9, р. 234]. Анджолелло в своем сочинении также описывает случаи дезертирства наемников после убийства Скъяво

и приводит пример капитана Фьорио ди Нардо, который получил в свое ведение от правительства Негропонта «скудные остатки отряда Томмазо» [4, р. 19]. По версии Анджолелло, Фьорио ди Нардо, «видя, что дела в городе идут отчаянно, а сам он и его отряд находятся в плохих отношениях с горожанами, однажды ночью под предлогом того, что он отправился ремонтировать участок, где артиллерия разрушила стены, <...> перебежал на турецкую сторону» [4, р. 21]. После этого ситуация в осажденном городе обострилась до предела. Анджолелло так описывает данные события: «Горожане и кандiotы собрались вместе и выступили против многих других наемников <...>. Более того, где бы эти две партии ни сталкивались друг с другом по всему городу, они вступали в драку, ранили и убивали друг друга, как смертельные враги, и все это было для нас большим ущербом и потерей живой силы» [4, р. 21].

Если говорить о реакции властей на сложившуюся в городе обстановку, то следует отметить, что, несмотря на действия Джованни Бондомьера, с решением о дальнейшем преследовании наемников после убийства Скъяво явно была согласна не вся политическая верхушка Негропонта. Например, в версии происходящего, описанной Джакомо Риццардо, байло города «сочувствовал бойне и все время говорил, что убивать столько людей, даже если они предатели, неправильно, так как наши стрелки тратятся впустую, а других, чтобы занять их оборонительные позиции, нет» [9, Р. 234]. Анджолелло же сообщает, что правительство Негропонта не хотело отправлять некоторых наемников в тюрьму, и все же было вынуждено поступать подобным образом, потому что «горожане и кандiotы были самой сильной партией, и совет управляющих не мог им отказать» [4, р. 21]. Очевидно, что администрация города понимала, что ликвидация наемнического элемента может привести к значительным потерям в военном потенциале Негропонта, и вместе с тем осознавала, что напряжение между наемниками и горожанами только продолжит расти, поэтому уступила давлению последних, чтобы нейтрализовать негодование хотя бы одной из сторон конфликта.

Таким образом, осажденный в 1470 г. Негропонт явно страдал не только от внешней турецкой опасности, но и от беспорядков и кровопролития внутри городских стен. Столкновения в городе были вызваны недоверием горожан к пришлому наемническому элементу, появившемуся в Негропонте незадолго до начала блокады. Предательство Томмазо Скъяво (а также Фьорио ди Нардо), по всей видимости, лишь усилило подозрения местных жителей в отношении наемников и привело к многочисленным столкновениям между ними. В сложившихся обстоятельствах администрация города приняла сторону горожан и продолжила преследование наемников, в про-

цессе лишив Негропонт части необходимых для его защиты человеческих ресурсов. Такое решение, вероятно, было принято из страха, что в среде горожан также начнутся волнения, а также из расчета, что скоро на помощь осажденному Негропонту придет подкрепление из метрополии. Следует отметить, что надежды осажденных на помощь извне так и не оправдались: «Те, кто находился внутри, не могли оказать сопротивления, так как у них не было подкрепляющих сил, и утром 12 июля, через два часа после рассвета, турки вошли в Негропонт», — пишет в анналах Доменико Малипьеро [2, р. 57]. Так, без поддержки со стороны метрополии и без собственных людских ресурсов (а к концу блокады в городе явно не хватало защитников, так что обороной занимались даже женщины и дети) Негропонт был обречен на захват и поражение.

Список источников и литературы

1. *Phillipides M.* Introduction // *Mehmed II the Conqueror and the Fall of the Franco-Byzantine Levant to the Ottoman Turks: Some Western Views and Testimonies.* Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2007. P. 1–54.
2. *Malipiero D.* *Annali Veneti dall'anno 1457–1500* / ed. T. Gar, A. Sagredo // *Archivio Storico Italiano.* Vol. 7, Ser. 1. P. 5–199.
3. *Die Byzantinischen Kleinchroniken, I: Einleitung und Text* / ed. by P. Schreiner. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 688 s.
4. *Angiolello G.-M.* *Memoir* [Electronic resource] / transl. by P.A. MacKay // Yumpu. URL: <https://www.yumpu.com/s/SucHnhxiRj4Hr2Ya> (дата обращения: 01.10.2023).
5. *Ficanti L.* *La Perdita di Negroponte: Luglio 1470* // *Archivio Veneto.* Vol. 23. P. 267–307.
6. *Di Lenna N.* *Ricerche intorno allo storico G. Maria Angiolello (degli Anzolelli) patrizio Vicentino* // *Archivio Veneto Tridentino.* Vol. 5. P. 1–65.
7. *MacKay P. A.* *The Angiolello Manuscript and other Contemporary Sources, Maps and Views of the fortress of Negropont* [Electronic resource] // *Research Works at the University of Washington.* P. 1–23. URL: <http://hdl.handle.net/1773/25309> (дата обращения: 01.10.2023).
8. *Setton K. M.* *The Papacy and the Levant (1204–1571).* Philadelphia: The American Philosophical Society, 1978. Vol. 2. The Fifteenth Century. 580 p.
9. *Caso ruinoso della Cittade di Negroponte inteso per mi Iacomo Rizzardo scrivano dello spettabil uomo Messer Lorenzo Contarini Sopracomito di una galia grossa di Fiandra* // *Mehmed II the Conqueror and the Fall of the Franco-Byzantine Levant to the Ottoman Turks: Some Western Views and Testimonies.* Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2007. P. 219–247.
10. *Iorga N.* *Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen Dargestellt.* Gotha: F. A. Perthes aktiengesellschaft, 1908. Vol. 2. 484 S.

Образ и текст

УДК 94

Бабина А. А.

Ивановский государственный университет,
Институт гуманитарных наук,
преподаватель кафедры всеобщей истории
и международных отношений
E-mail: Alex.babina@mail.ru; Rector@ivanovo.ac.ru

Образ святого-проповедника в галльских житиях IV–V вв.

Аннотация. В статье анализируется создание образа святого-проповедника в агиографии Галлии IV–V вв. В текстах центральногалльских агиографий риторические способности святого используются только как инструмент в противостоянии с язычеством и ересями, тогда как южногалльские авторы выстраивают полноценный и самостоятельный образ святого-проповедника.

Ключевые слова: проповедь, Церковь, агиографическая литература, модель святости, образ епископа

Babina A. A.

Ivanovo State University, Institute of Humanities,
Department of General History and
International Relations, Lecturer
E-mail: Alex.babina@mail.ru; Rector@ivanovo.ac.ru

The image of the saint-preacher in the Gallic hagiography of the IV–V centuries

Abstract. The article analyzes the creation of the image of the saint-preacher in the hagiography of Gaul of the IV–V centuries. The rhetorical abilities of the saint are used only as a tool in the confrontation with paganism and heresies in the texts of the Central-Gallic hagiographies. However, the South-Gallic authors create a full-fledged and standalone image of the saint-preacher.

Keywords: preaching, Church, hagiographic literature, the Holiness model, image of the bishop

Епископ в IV в. стал одной из важнейших фигур не только для экономической и политической жизни позднеантичного общества, но и его духовно-культурной составляющей. С распространением христианства и ростом отдельных общин епископ помимо работы по улаживанию фи-

нансовых, судебных и других вопросов брал на себя и проповедническую деятельность [1, р. 24]. Многие христианские богословы отмечали важность риторического мастерства и знакомства с Писанием и богословием для успешного выполнения пастырских обязанностей епископа.

В данной статье под проповедью нами будет подразумеваться не только собственно речь религиозного-назидательного характера во время богослужения, но и шире — деятельность святых по распространению христианских добродетелей и ценностей.

Чтя апостольские заветы, священники должны были брать на себя заботы по ведению диалога с паствой [2, с. 136]. Именно через проповедь в храме шло обучение, наставление и воспитание общины [3, с. 357]. С одной стороны, это связано с процессом активной интеграции римской аристократии в состав высшего духовенства, привносящей в церковную жизнь и идеологию многие элементы элитарной культуры. С другой стороны, акцентирование внимания на данном вопросе, возможно, проистекает из желания противодействовать язычеству и ереси посредством изучения Библии, а также упрочить взаимодействие епископа с паствой через проповедь [1, р. 47]. В агиографии данного периода именно эти особенности использования святым риторического мастерства выходят на первый план.

Так, Сульпиций Север в «Житии Мартина Турского» (IV в.) повествует о том, что Мартин Турский, получив видение во сне о необходимости с вероучительной целью посетить родителей, освобождает свою мать от языческого заблуждения [4, V.3–VI.3]. По дороге же святой провел евангелистическую беседу с разбойником, чем обратил его в христианство [4, V. 4–5].

Мартин ведет диалог даже с искусителем, оспаривая его. Так, дьявол указывает на различные прегрешения монахов, говоря, что Господь не простит преступников, на что епископ возражает: «Если бы ты сам, несчастный, отступился от притеснения людей и покаялся за деяния свои в день скорогрядущего Суда, то я, уповая на Господа Иисуса Христа, обещал бы тебе прощение» [4, XXII. 5]. Тем самым святой изображается как участник традиционных для римской культуры риторических споров.

Наконец, автор дает собственное впечатление от разговора с епископом Тура. Интересно, что агиограф уверен в божественном происхождении риторского мастерства святого, который не получил образования: «И сколько в словах Мартина и речи его было величия, сколько достоинства! Сколь страстен, сколь неутомим он был, сколь легко и доступно отвечал на вопросы желавшего написать [о нем]! <...> И разве не чудом было все это для человека необразованного, хотя и не лишнего [определенных] дарований» [4, XXV. 6–8].

Мысль о том, что источником риторских навыков святого может выступать не только образование, но и божественное откровение, встречается не только в галльской, но и итальянской агиографии IV–V вв. Например, в «Житии св. Амвросия Медиоланского» Паулина Медиоланского об этом свидетельствуют несколько эпизодов. Наиболее примечательным из них является символическое наполнение роем пчел уст святого медом Божьего Слова: «Когда он, младенец, лежал в колыбели в помещении претория и спал с открытым ртом, внезапно появившийся рой пчел наполнил его лицо и уста, так что они часто то влетали в рот, то вылетали оттуда. <...> Ибо уже тогда Господь действовал в детстве своего раба, дабы исполнилось сказанное: Добрая речь — сотовый мед, ведь тот пчелиный рой создал для нас соты его писаний, которые являют небесные дары и поднимают умы людей от земного к небу» [5, 3.2–5].

Это божественное вдохновение святой сохранил до конца своей жизни, подтверждением чего выступает один из заключительных отрывков жития, в котором автор утверждает, что сам стал свидетелем снисхождения на св. Амвросия через его уста Святого Духа [5, 42].

Другой эпизод демонстрирует не только божественное происхождение проповеди святого, но и ее воздействие на еретиков. Один из приверженцев арианства во время проповеди Амвросия увидел, как ангел говорит на ухо епископу Медиолана. Увиденное заставило еретика обратиться в истинную веру [5, 17]. Помимо этого, проповеди Амвросия Медиоланского в тексте *Vita Ambrosii* направлены также на то, чтобы противостоять светской власти и добиваться требуемого у императора.

Эта модель, в которой красноречие епископа позволяет ему добиться желаемого от оппонента, по всей видимости, была воспринята Констанцием Лионским в «Житии св. Германа» (конец V в.). Агиограф с первых же строк жития отмечает, что Герман Осерский был наставлен в свободных науках, что вместе с врожденными талантами превратило его в образованнейшего мужа и подготовило его красноречие к проповеди [6, 1]. Однако основной акцент в тексте *Vita Germani* делается на посольских миссиях Германа Осерского. Чаще всего успеху дела способствует совершение чудес святым. Однако участие в переговорах и красноречие Германа также позволяют ему успешно выполнять свою роль защитника всех притесненных, обращающихся к нему за помощью. Дипломатия усиливает духовный авторитет епископа в глазах участников переговоров.

Так, во время первой миссии в Британию чудо исцеления слепой девочки помогает Герману окончательно одержать верх над пелагианской

ересь, распространившейся на Британском острове. Однако начало укреплению в вере людей, введенных в заблуждение, было положено через проповедь святого [6, 14].

Похожее сочетание божественного вмешательства и ораторского искусства святого находим в эпизоде противостояния Германа с Гохаром, королем варварского племени аланов. Военачальник империи Аэций потребовал от Гохара подавить восстание багаудов. Епископ спешно отправился к королю аланов. Святой умолял Гохара, но, после того как тот хотел оттолкнуть Германа с дороги, епископ Осера остановил короля и все следовавшее за ним войско, схватив поводья его лошади. «В ответ на это свирепейший король, по побуждению Божьему, выразил удивление, восхитился его твердостью, проявил уважение и уступил перед непоколебимостью его силы. Шум умолк; военные приготовления и бряцание оружием уступают место учтивости переговоров, [ситуацию все] обсуждают и решают не так, как хотел король, а так, как просил священник». Как видно, Констанций Лионский уверен во вмешательстве божественной воли, благодаря которой разговор с королем аланов вообще стал возможным. Однако именно в итоге переговоров Гохар развернул войско назад и вернулся к себе [6, 28].

Проповедь святого подается в контексте пастырского служения в «Похвальном слове о жизни св. Гонората» Илария Арелатского, созданном около 431 г. В основанном им Леринском монастыре Гонорат Арелатский с помощью слов очищал людские души от пагубы и призывал к Спасению. В том числе сам Иларий описывает свое обращение в христианство благодаря проповеди Гонората [7, 23.2].

Иларий Арелатский сообщает о том, что даже во сне Гонорат продолжал молиться и проповедовать [7, 38.2]. Последнюю проповедь Гонорат произнес, уже борясь с болезнью, «не в силах успокоиться более от жара духовного, нежели от страдания телесного» [7, 29.2].

Кроме того, описывая кончину святого, агиограф приводит странное наставление, которое епископ Арелата дает власть имущим. Эта последняя речь, сконструированная Иларию, дается в назидание для праведной жизни и для избавления от страха смерти. Тем самым даже в самом конце своего жизненного пути Гонорат использует проповедь для влияния на души своей паствы. «И весьма достойно, что тот, кто всегда показывал пример своей жизнью, также и смерть свою поставил в пример», — замечает автор жития [7, 32.1].

Однако еще большее внимание описанию проповедей святого и созданных им произведений, на наш взгляд, уделяется в «Житии святого

Илария, епископа Арелатского» Гонората Массилийского, которое было составлено между 475 и 480 гг. Большой отрывок текста полностью посвящен описанию риторического мастерства святого. Агиограф описывается красноречие святого в ярких эпитетах: «Признаюсь, что не могу даже помыслить, не то что высказать, какой поток красноречия содержался в его повседневной проповеди, какие драгоценные камни изречений она вытачивала, как раскрывала золото высоких мыслей, изобиловала серебром прекраснейшей речи...» [8, 4.14].

Иларий изображен в первую очередь проповедником, который обращается к деревенским жителям с простой речью и питает их «духовными яствами». Но особенно радуется святой возможности адресовать свои поучения людям сведущим. С ними он «оказывался выше самого себя, побуждаемый некоей необычайной благодатью (*insolita gratia*) и оживляясь в лице» [8, 4.14].

Примечательно, что Гонорат Массилийский описывает некоторые внешние подробности проповеди святого Илария. Например, сообщается время проповеди и обычаи, соблюдавшиеся при ней. Упоминание о ведении Иларием проповеди на протяжении всего года свидетельствует о том, что епископ Арелата не оставлял паству без поучений не только в праздники, но и в другие дни [9, с. 29]. Особый акцент ставится в житии на литературной красоте, изяществе и художественной ценности церковного слова Илария. По всей видимости, Гонорат восторженно отзывался об аристократизме епископа Арелата, поскольку восхищается по большей мере изысканности речи святого, а не ее простоте [1, с. 141].

Меньше агиограф сообщает о внутренней стороне проповеди, единственное упоминание говорит о том, что речь святого «упражняла железное острие духовного меча в отсечении пропитанных ядом заблуждений еретиков» [8, 4.14]. Эта фраза не только демонстрирует распространение в агиографии IV–V вв. военного лексикона и сравнения слова с оружием, но также свидетельствует о предназначении проповеди Илария.

Очевидно, Гонорат, подобно Паулину Медиоланскому и Сульпицию Северу, уверен в божественном происхождении ораторского мастерства святого. Автор жития характеризует речь святого как источник благодати: «Если окончание речи не было дано ему свыше, он не мог ее закончить, ибо такая благодать изливалась из нее, порождая такое удивление и восхищение, что его речь вызывала тогда зависть у опытнейших мирских ораторов того времени» [8, 4.14].

Обращает на себя внимание и тот факт, что для подтверждения своих суждений о красноречии святого агиограф приводит слова известных

писателей того времени. Конечно, преувеличенные панегирические отзывы были обычным явлением рассматриваемой эпохи. В то же время, приводя оценку современниками проповеди Илария, агиограф не только подкреплял свое мнение, но и демонстрировал читателям уважение к таланту святого со стороны известных поэтов: «Не ученость, не красноречие, но нечто сверхчеловеческое, что невозможно выразить»; «Хотя ты и выделяешься красноречием, отличаешься дарованием, пусть ты и юн годами, ты являешься старцем по поведению» и «Если бы Августин был после тебя, его сочли бы меньшим» [8, 4.14].

Подобно святому Амвросию, Иларий в тексте жития использует проповедь как средство для противостояния со светской властью в лице префекта, которого не удалось увещевать наедине [8, 4.13]. Суровое обличение слабостей своей паствы и резкость в формах этих пастырских внушений отличает литературного Илария. Показателен в этом отношении следующий эпизод. Во время богослужения народ стал выходить из церкви после Евангелистического чтения, после которого должно было следовать поучение. Иларий обратился к выходящим из храма с такими строгими словами: «Выходите, выходите, ибо в геенне вы уже не сможете это сделать» [8, 4.18].

Как видим, проповедь становится одним из элементов модели святости. Христианизация изменила аудиторию, к которой обращался оратор. На место таланта ритора и поэта приходит проповедь, чье главное назначение — поддержка и наставления паствы, как правило, несведущей в ораторском искусстве [2, с. 135]. Епископы, вышедшие из аристократической среды, вынуждены были создавать, по существу, новый язык, сочетая высокий язык «классицизма» с народным языком [10, р. 256].

Однако рассмотренные примеры показывают, что часть епископов представлены в агиографиях больше как риторы в традиционном смысле слова, чем проповедники [2, с. 141]. С одной стороны, галльские агиографы стремились продемонстрировать образованность святого, которая должна была стать залогом красноречия, необходимого для проповеди слова Божия и грамотного руководства паствой. С другой стороны, нередко риторское искусство связывалось в житиях с божественным вмешательством. Тем самым владение словом укрепляло авторитет святого в глазах читателя, одновременно являясь и божественным вдохновением, и наследием римской культуры.

В то же время в центральногалльской агиографии — «Житии Мартина Турского» и «Житии Германа Осерского» — проповедь и риторские способности святого играли второстепенную роль, способствуя успеш-

ному достижению целей святого, помогая ему в противостоянии с язычеством и ересями или просто дополняя уже сложившийся образ святого-чудотворца.

Более уникальный и новаторский образ святого-проповедника складывается в южногалльской житийной литературе. В «Похвальном слове о жизни св. Гонората» святой в большей степени предстает перед читателями в образе проповедника, который продолжает увещевать и наставлять паству и во сне, и даже на смертном одре. Дальнейшее развитие образ святого-проповедника получает в *Vita Hilarii*. В житии Илария благодаря проповеди конструируется образ святого как строгого учителя и пастыря, готового не только духовной пищей наставлять и питать свою паству, но и суровыми словами изобличить ее пороки, чтобы вылечить нравственные слабости и болезни горьким лекарством.

На наш взгляд, такая неоднородность в распределении сюжета проповеди в агиографии Галлии объясняется временем и обстоятельствами написания данных житий. Так, в «Житии Мартина Турского», созданном в IV в. в Центральной Галлии, повествование строится вокруг выполнения таких пастырских обязанностей святого, как распространение и укрепление веры, в контекст которых включена и проповедь. По мере вытеснения язычества эта тема отходит на второй план, теперь епископы сталкиваются не с языческим сопротивлением, а с непониманием Слова Божьего своей обращенной паствой, и южногалльские жития V в. сосредотачиваются на проповеднической деятельности святых, подробно описывая их риторическое мастерство. Вместе с тем в созданном в Лионе в V в. «Житии Германа Осерского» проповедническая деятельность святого в целом имеет меньше значение по сравнению с его участием в политической жизни региона, в контексте которого раскрывается пасторское служение.

Вероятно, большое влияние оказала и агиографическая традиция, появившаяся в V в., когда Церковь, воспринимаемая как убежище для римской культуры, пополняется выходцами из аристократии. При этом сохраняется понимание риторики как элемента не только римского образования, но и всего образа жизни [11, с. 19]. Поэтому даже в монашеской келье аристократы сохраняли приверженность римской литературной традиции. Обитатели, подобные Леринскому монастырю, воспитывали не только талантливых епископов, но и видных писателей [12, р. 181–182]. Отсюда появление топоса об образованности и риторском мастерстве святого, характерного для всей латинской агиографии V в. и отраженного в рассматриваемой модели святости.

Список источников и литературы

1. *Rapp C.* Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005. 346 p.
2. *Тюленев В. М.* Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия в V — первой половине VI в.). Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. 234 с.
3. *Безрогов В. Г.* Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008. 458 с.
4. *Сулпиций Север.* Житие святого Мартина, епископа и исповедника // Соч. М.: РОССПЭН, 1999. 322 с.
5. *Паулин Медиоланский.* Житие свт. Амвросия Медиоланского / пер. О. П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2013. 51 с.
6. *Констанций Лионский.* Житие святого Германа / пер. А. А. Бабиной и В. М. Тюленева. Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. 95 с.
7. *Гонорат Массилийский.* Житие Святого Илария епископа Арелатского / пер. Д. Зайцева // Арелатские проповедники V–VI вв.: сборник исследований и переводов / под ред. А. Р. Фокина. М., 2004. С. 92–127.
8. Слово святого Илария о жизни святого Гонората, епископа Арелатского / пер. Д. Зайцева // Арелатские проповедники V–VI вв.: сборник исследований и переводов. М., 2004. С. 59–91.
9. *Певницкий В.* Арелатские проповедники V–VI вв. <Св. Гонорат и Иларий Арелатские> // Арелатские проповедники V–VI вв.: сборник исследований и переводов. М.: Империиум Пресс, 2004. С. 7–58.
10. *Brown P.* Augustine of Hippo: a Biography. Berkeley, 2000. 548 p.
11. *Уколова В. И.* «Последний римлянин» Бозэций. М.: Наука, 1987. 160 с.
12. *Clébert J.-P.* Provence Antique. III Aux temps des premières chrétiens. Paris, 1992. 281 p.

УДК 94

Малеев Д. Ю.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
студент магистратуры
E-mail: dyumaleev@edu.hse.ru; dymall00@gmail.com

Образ короля Дагоберта в «Хронике» Фредегара

Аннотация. В статье рассматривается образ франкского короля Дагоберта в «Хронике» Фредегара, созданной в середине VII в. Предпринята попытка проанализировать стратегию конструирования хронистом образа правителя в связи с политическим контекстом создания «Хроники».

Ключевые слова: Дагоберт, Фредегар, Меровинги

Maleev D. Y.

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities, Master’s program, Student
E-mail: dyumaleev@edu.hse.ru; dymall00@gmail.com

The image of king Dagobert in the Chronicle of Fredegar

Annotation. The article deals with image of Dagobert, the king of franks, in the Chronicle of Fredegar, created in the middle of VII century. An attempt has been made to analyze the strategy of the chronicler’s construction of the image of the ruler in connection with the political context of the creation of Chronicle.

Keywords: Dagobert, Fredegar, Merovingian dynasty

Король Дагоберт, правивший в 629–639 гг., является одним из важнейших героев французской истории не только для ученых, но и для средневекового общества. Его образ складывался на протяжении всего Средневековья и во многом пережил его [1, р. 73–105]. В каждом столетии он обрастал множеством новых значений и смыслов. Началом этой долгой истории памяти стали, пожалуй, «Деяния короля Дагоберта», созданные в 830-х гг. в монастыре Сен-Дени. Дагоберт там рисуется благородным, мудрым, благочестивым и справедливым правителем. Автор «Деяний...» стремился сделать из Дагоберта идеального короля и тесно связать его образ с Сен-Дени, в котором он был похоронен. И действительно, с тех пор образ франкского короля прочно ассоциировался с обителью [2, р. 206]. В основу «Деяний...» были положены и свидетельства времен Меровингов, которые были переработаны в соответствии

с концепцией создаваемого текста. Одно из таких меровингских свидетельств — т.н. хроника Фредегара, созданная в середине VII в., где-то около 660 г., спустя двадцать лет после смерти Дагоберта. Ее исследование дает нам возможность изучить образ этого великого короля, который сложился у его младших современников.

Хроника Фредегара представляет собой компиляцию пяти хроник (Ипполита Римского, Иеронима, Исидора Севильского, Идация и первых шести книг Григория Турского), которые были в некоторых местах изменены и дополнены рассказами о Теодорихе Великом, Велизарии, троянской легендой о происхождении франков и историей о переговорах между Хлодвигом и Аларихом. С 584 г. начинается в большинстве своем оригинальное повествование, продолжающееся до 641 г. Нам ничего точно неизвестно ни о количестве авторов, ни о его (их) этнической и политической идентичности. По поводу как первого, так и второго вопроса на протяжении долгого времени высказывались разные, зачастую прямо противоположные точки зрения, которые до сих пор не сведены к какому-то консенсусу. В данный момент по вопросу количества авторов сложились три точки зрения (теории одного, двух или трех авторов), которые находятся в более-менее устойчивом равновесии и не могут до конца опровергнуть друг друга. Однако для нашего исследования вопрос о количестве авторов не имеет принципиального значения, потому что на протяжении всей хроники прослеживаются определенные взгляды, влияющие на стратегии описания людей и событий (в том числе касающиеся и правителей), и не так важно, кто за них ответственен — единственный автор или один из двух / трех. Хроника в целом создает более-менее определенные образы правильного и неправильного правителя, советника, слуги и т.д. Поэтому мы в дальнейшем будем говорить об одном авторе, известном нам под именем Фредегар.

Что для нас более важно — его этнополитическая идентичность и положение в обществе, поскольку это во многом определяет то, по какому принципу он выбирает события для своего повествования и с какой стороны он их оценивает. Большинство исследователей склоняются к тому, что он — высокопоставленный аристократ-мирянин из Бургундии, испытывающий повышенный интерес и к Австразии [3, с. 23]. Это подтверждается малым вниманием автора к церковным делам. Вся хроника посвящена правителям, их взаимоотношениям с подчиненными и войнам, которые они ведут. Однако это, конечно, не отменяет того, что представления Фредегара о должном поведении связаны с христианскими добродетелями.

В самом начале четвертой книги Фредегар дает краткую характеристику королю Бургундии Гунтрамну. Отмечается, что среди священников он казался священником и находился в превосходных отношениях со своими лейдами (то есть с ближним кругом воинов), правил счастливо (*feliciter*), давал много милостыни (*aelymonisam*) бедным, много жертвовал Церкви и правил настолько благополучно, что все соседние народы восхваляли его [4, IV, 1]. Фредегар рисует здесь Гунтрамна как пример правителя [5, с. 76], и все эти характеристики в дальнейшем повествовании будут использоваться для описания и оценки других королей. Например, можно посмотреть на такую же сжатую и схематичную характеристику, которая дается Хлотарю II в главе, посвященной завершению междоусобной войны и объединению всего франкского королевства под его властью: «Было объединено королевство франков, как это было в правление предыдущего Хлотаря, все сокровища перешли в распоряжение Хлотаря-младшего, каковой правил благополучно (*feliciter*. — *Д. М.*) после этого семнадцать лет, храня мир со всеми соседними народами. Тот Хлотарь был наделен снисходительностью, был просвещен в науках и богобоязнен. Он одаривал церкви и священников, раздавал милостыню беднякам; радушный со всеми, он был преисполнен благочестием. Он чрезвычайно часто охотился на диких зверей и был слишком уступчив указаниям женщин и девиц, за что, однако, его бранили лейды» [3, с. 209]. Видно, что помимо индивидуальных характеристик мы видим короля, в чем-то похожего на Гунтрамна. Он благополучно (счастливо) правит, много жертвует Церкви и бедным, а благочестие и богобоязненность вполне соотносятся с формулой «среди священников был священником». Однако в этом описании мы уже видим некоторое отклонение от идеала. Хлотарь, по мнению Фредегара, уже не так хорошо ладит со своими лейдами, а причина в этом — склонность прислушиваться к советам женщин. Проблема женских советов правителям появляется здесь не в первый раз, и, судя по всему, очень чувствительна для автора. Иан Вуд отмечает целый ряд эпизодических моментов на протяжении всей хроники, когда многие государственные проблемы объясняются именно излишним женским влиянием [6, р. 362]. Мы не будем приводить здесь все эти эпизоды, а обратим внимание только на один самый важный, который, возможно, и определил позицию хрониста — на отношения Брунгильды и ее внука Теодориха II, короля Бургундии в 596–613 гг. После смерти Теодориха в 613 г. все три королевства франков были объединены под власть Хлотаря II, а оставшаяся в живых Брунгильда предстала перед его судом и была обвинена в убийстве десяти королей, в том числе

и своих внуков — Теодориха с Теодебертом [4, IV, 4, 42]. Далее ее показательно казнят, что подробно и описывает Фредегар. Таким образом, устанавливается власть Хлотаря, и в мире, в котором живут следующие поколения франков и правят его потомки, Брунгильда — не только главный враг, но и виновница смерти своих внуков. И в хронике Фредегара мы видим именно такой взгляд на ее роль в событиях 596–613 гг. Из-за ее интриг сначала изгоняют, а потом забивают камнями епископа Вьенна Дезидерия [4, IV, 24, 32], она вместе со своей внучкой не дают жениться Теодориху [4, IV, 30] и побуждают его к случайным сексуальным связям вместо законного брака (о внимании Фредегара к излишней любвеобильности будет упомянуто ниже в связи с Дагобертом). Особую роль Брунгильда играет в конфликте Теодориха с лидером ирландского монашества в Галлии Колумбаном, описанном в 36-й главе четвертой книги. Однако эта глава не была написана самим Фредегаром, а является частичным пересказом двух глав из *Vita Columbani* Иоанна из Боббио [6, р. 363], написанного около 640 г. Согласно ему конфликт между Теодорихом и Колумбаном, из-за которого последний вынужден был покинуть Галлию, начался из-за попытки святого образумить короля и отвадить от блуда (по Фредегару, сыновья Теодориха родились от любовниц) и разгорелся по вине Брунгильды, которая настроила Теодориха против монаха. В конце концов Колумбан предсказал события 613 г.: «И если ты пришел сюда для того, чтобы разорить обитель служителей Господа и хулить ее устав, то вскоре твое королевство будет разрушено до основания, а ты погибнешь со всем своим потомством» [3, с. 202–203]. Причиной этой кары являлось и убийство епископа Дезидерия [4, IV, 24, 32]. То есть хронист в попытке осмыслить и объяснить победу Хлотаря в 613 г., возможно под влиянием *Vita Columbani*, представляет ее как справедливую кару за нападки на Церковь и за склонность попадать под женское влияние. Таким образом, мы уже сформулировали некоторые правильные и неправильные черты правителя по Фредегару и теперь можем приступить к анализу образа Дагоберта.

В 629 г. Хлотарь II умирает, и Дагоберт объединяет под своей властью три королевства — Австразию, Бургундию и Нейстрию. Вскоре он отправляется на традиционный объезд владений — в Бургундию. Описание этого турне в исполнении Фредегара превращается в панегирик началу правления Дагоберта: «Его правосудие доставило чрезвычайную радость беднякам. И когда он приехал в Лангр, так справедливо он судил всех своих лейдов, как значительных, так и бедных, что все верили — это во всех отношениях угодно Богу; тогда не случилось ни ли-

цеприятия, ни мздоимства: правила одна только справедливость, которая угодна Всевышнему ... Преисполненный желанием такового блага, он не смыкал глаз во сне, не принимал пищи, а в высшей степени сосредоточенно думал о том, чтобы все ушли от его взора, получив справедливое решение» [3, с. 218]. Здесь мы видим новую характеристику хорошего правителя — любовь к правосудию и справедливости. Помимо любви к справедливости Фредегар обращает внимание и на уже стандартные черты: раздачу милостыни бедным и успешное правление, восхваляемое всеми соседними народами (причем эта черта описывается теми же словами, как и у Гунтрамна — «tante prosperitatis regnum tenuit» (4, IV, 1) и «tante prosperitatis regale regimen in Auster regebat» (4, IV, 58). Однако, в отличие от двоюродного деда и отца, Дагоберт испытывает сложности с Церковью и лейдами. Хронист отмечает, что как только он обосновался в Париже, то сразу же позабыл справедливость и начал грабить имущество Церкви и светских магнатов. Тема алчности Дагоберта еще несколько раз упоминается Фредегаром. Например, согласие Дагоберта на помощь одному вестготскому аристократу в завоевании власти объясняется тем, что он очень желал заполучить (*erat cupidus*) в свою сокровищницу вестготское драгоценное блюдо (4, IV, 73). А когда в 633 г. он поставил своего сына Сигиберта королем в Австразии и оставил ему часть казны, то в дальнейшем он ее отобрал (4, IV, 75). Судя по рассказу Фредегара, единственным монастырем, получившем от короля дарения, был монастырь Сен-Дени, но хронист прямо отмечает, что делалось это для того, что получить покровительство святого (4, IV, 79), а милостыня бедным раздавалась, чтобы перекрыть грех стяжательства (4, IV, 60). Вдобавок к алчности и лицемерию хронист очень резко высказывается о чрезмерных любовных связях Дагоберта: «Предаваясь чрезмерному разврату, завел множество любовниц и одновременно трех женщин держал в качестве королев. Королевами же были следующие [женщины]: Нантильда, Вульфегунда и Берхильда. Приводить здесь имена наложниц значило бы чрезмерно увеличить эту хронику из-за их многочисленности» [3, с. 219–220]. Здесь видно, что проблема для автора состоит совсем не в том, что Дагоберт подвержен женскому влиянию. Возможно, конечно, такая яркая реакция обусловлена наличием трех жен одновременно, а не количеством наложниц. Хотя, на наш взгляд, этот момент нужно рассматривать вместе с другими эпизодами хроники, где разврат имел политическое значение. Например, переписывая историю императора Авита у Григория Турского, Фредегар добавил эпизод с насилием над женой сенатора и связал это с последующей потерей им власти [4,

III, 7, 10], византийский император Ираклий погибает от болезни вскоре после того, как впал в ересь и женился на племяннице [4, IV, 66]. Однако ярче всего эта связь видна именно в истории Теодориха и Колумбана. Видимо, именно рассказ Иоанна из Боббио сделал распутство вкупе с неуважением к Церкви в глазах хрониста политической проблемой, эти грехи неизбежно ведут за собой проблемы в государстве. И Фредегар действительно объясняет создание отдельного Австразийского королевства и беспорядки на восточной границе, когда войска не могут сдерживать набеги славян, именно недовольством лейдов распущенностью (4, IV, 61) и жадностью короля (4, IV, 68).

С чем же связан такой резкий поворот от справедливого правителя, которого Фредегар изображает во время его правления в Австразии и поездки по Бургундии, до алчного, надменного (4, IV, 68) и развратного? С его переездом в Париж и, что более важно, уменьшением влияния на него Пипина, Арнульфа Мецкого и Хуниберга Кельнского (4, IV, 58). «Для Фредегара, как и для епископа Тура, Меровинги, аристократия и епископы были тремя основными группами, баланс сил между которыми составлял основу мирного существования Франкского государства» [5, с. 73] — с этой точки зрения можно иначе посмотреть на описания Гунтрамна и Хлотаря. Первый предстает королем, который наладил взаимодействие между тремя группами наилучшим образом; Хлотарь же, с одной стороны, был в согласии с церковными представителями, но испытывал некоторые проблемы с воинской аристократией. В этот треугольник политических взаимоотношений добавляется и четвертая сторона — наиболее приближенные советники правителя. Образ верного слуги, дающего советы правителю и не отступающего от него даже в трудные времена, рисуется Фредегаром в ряде ярких и занимательных историй о противостоянии короля и знати, в которых непременно один из магнатов всегда хранит верность правителю [3, с. 218]. История с Дагобертом показывает, что эти отношения обоюдные — королю не стоит отдаляться от своих приближенных и пренебрегать их советами.

Таким образом, в памяти человека, пишущего свою историю в начале второй половины VII в., не слишком давно умерший король Дагоберт предстает самым неоднозначным из всех франкских королей. С одной стороны, он объединил под своей властью три королевства и оказывал влияние на все соседние народы: вестготов, лангобардов, бретонцев, славян и баваров. При нем франки достигли высокого положения и могущества. С другой — им были недовольны в Австразии, восточная граница страдала от набегов, а зарейнские земли Тюрингии вообще были поте-

ряны в ходе восстания. Дагоберт помнился и справедливым королем-судьей, не способным спать, пока не выполнит свои обязанности, и алчным стяжателем, несправедливо отбирающим земли и богатства у своих приближенных. Он мог одновременно раздавать милостыню нищим, добиваться покровительства св. Дионисия, принося дары его монастырю, и в то же время предаваться разврату со множеством жен и наложниц, так что даже благочестивый и богобоязненный бретонский герцог Юдикаэль предпочитает обеду с Дагобертом трапезу с его референдарием Дадонем (будущим епископом Руана) (4, IV, 78). Противоречивость картины, которая была в сознании хрониста, жившего поколение спустя, можно было бы попытаться объяснить с помощью его собственной биографии, однако мы не можем даже примерно обрисовать ее, не скатываясь в спекуляции. Единственное, на что мы можем здесь опереться, — примерное время написания хроники. При всем многообразии гипотез относительно количества авторов и времени работы каждого из них во всех возникает уже упомянутая дата — 660 г. Примерно в это время работал один или один из многих авторов. Интересно то, что именно в это время происходит и одно из главных событий франкского VII в. — майордом Австразии Гримоальд из рода Пипинидов после смерти сына Дагоберта Сигиберта III отправляет его сына Дагоберта в ирландский монастырь и добивается короны для своего сына Хильдеберта. В конечном итоге Меровинги восстановили свою власть над Австразией, но современников такое нарушение порядка вещей, безусловно, потрясло [3, с. 38–39]. Хроника Фредегара во многом проникнута сюжетами, связанными с этим кризисом [6, р. 365]. Вполне возможно, что дидактические образы майордомов как верных слуг и королей как живущих в согласии с Церковью и светской знатью отсылаются именно этими событиями. Дагоберт не может тут мыслиться в отрыве от них. Помимо славных деяний в его правлении видятся истоки последующих событий. На представления о согласии короля, аристократии и епископов накладываются коллективная память о Брунгильде как виновнице поражения своих внуков и версия ирландского монашества, возводящая гибель этой ветви Меровингов к конфликту с Колумбаном. Вдобавок к этому можно было бы связать историю Дагоберта с историей Соломона, который из-за разврата отвернулся от Бога и тем самым стал виновником последующих междоусобиц. Как раз в первой половине VII в. сравнения с ветхозаветной историей становятся постоянными и королям даже предлагают самим осмыслить свою жизнь через рассказы о древних израильских царях [7, р. 284]. Однако, судя по всему, мы не можем в этой хронике найти каких-то цитат и прямых

сравнений с ветхозаветной историей [5, с. 74]. Дагоберт здесь рассматривается лишь на фоне своих предшественников, изображенных довольно абстрактно и схематично. Неоднозначность и неопределенность памяти о Дагоберте на ранних этапах ее формирования, в свою очередь, говорит о предельной важности недавно умершего короля для франкского общества тех лет и о чувствительности, которую к ней до сих пор испытывали.

Список источников и литературы

1. *Theis L.* Dagobert. Un roi pour un peuple. Librairie Arthème Fayard, 1982. 184 p.
2. *Barroux R.* Dagobert, roi des francs. Paris: Payot, 1938. 223 p.
3. Хроники Фредегара / пер. с лат., комментарии, вступ. ст. Г. А. Шмидта. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: Клио, 2015. 464 с.
4. *Fredegarius.* Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH Scriptorum rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1–193.
5. *Старостин Д. Н.* Между Средиземноморьем и варварским пограничьем: генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 224 с. (MEDIAEVALIA [series minor]).
6. *Wood Ian N.* Fredegar's Fables // Historiographie im frühen Mittelalter. Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung Mittelalter / unter den Leitung von A. Scharer, G. Scheibelreiter. Wien; München, 1994. S. 359–366.
7. *Hen Y.* The Uses of the Bible and the Perception of Kingship in Merovingian Gaul // Early Medieval Europe. 1998. No. 7/3. P. 277–289.

УДК 94 (44) 024

Вадов Н. В.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
Институт международных отношений и мировой истории,
студент магистратуры
E-mail: nvadov@mail.ru

Особенности отражения образа власти в период правления Филиппа IV Красивого и Людовика X Сварливого

Аннотация. Статья посвящена отражению образа власти в правление двух французских королей из династии Капетингов: Филиппа IV Красивого и его старшего сына, Людовика X Сварливого. Особое внимание уделяется изобразительным источникам, в частности королевским печатям и иллюстрациям к Большим Французским хроникам.

Ключевые слова: потестарная имагология, образ власти, Филипп IV Красивый, Людовик X Сварливый

Vadov N. V.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Institute of International Relations and World History,
Master's program, Student
E-mail: nvadov@mail.ru

Features reflection of the image of power during the reign of Philip IV the Fair and Louis X the Quarrelsome

Abstract. The article is devoted to reflecting the images of power during the reign of two French kings from the Capetian dynasty: Philip IV the Fair and his eldest son, Louis X the Quarrelsome. Particular attention is paid to visual sources: royal seals and illustrations to the Great French Chronicles.

Keywords: potestary imagology, image of power, Philip IV the Fair, Louis X the Quarrelsome

Изучением образов власти занимается сравнительно новое направление исторических исследований, а вернее, даже междисциплинарных исследований — потестарная имагология. Основным здесь является коммуникативный аспект власти, то есть то, как происходит общение, в ходе

которого подтверждается или подвергается сомнению легитимность власти, выражаются разные ожидания, стремления или опасения как элит, так и народа. Осуществляется она по большей части символическими средствами. Для этого, в частности в Средние века, использовались ритуалы, церемонии, изображения, речи и другие средства.

Период правления «Последних Капетингов» достаточно хорошо изучен как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Из наиболее значимых работ, посвященных данному периоду, стоит отметить монографию Жана Фавье «Филипп Красивый» [1], Антуана де Леви-Мирпуа «Век Филиппа Красивого» [2], Колетт Бон «Рождение французской нации» [3]. Из отечественных работ наиболее интересны статьи М. Ю. Колпакова, в частности «История и власть во Франции в эпоху Филиппа IV Красивого», «„Ветвь королевских родов“ Гийома Гиара как памятник капетингского историописания» [4], «Легитимизация военного насилия во французской общественной мысли в эпоху правления Филиппа IV Красивого» [5], в которых автор затрагивает и политический, и имагологический аспекты правления. В работах Е. В. Барынкина «Эволюция монархии во Франции в период правления Филиппа IV Красивого (по материалам французской научной литературы XIX–XX веков)» [6] и «Роль и место легистов в становлении абсолютизма во Франции» [7] также исследуется интересующая нас тема — французская монархия периода последних Капетингов и ее взаимоотношения с обществом.

В нашей работе мы используем две группы источников. Первая — иллюстрации из «Больших Французских хроник», а именно из экземпляра Карла VI, поскольку он наиболее близок к периоду правления выбранных нами монархов и содержит множество подробных изображений.

Вторая — печати, взятые с французского исторического сайта sigilla.org, которые фактически являются самыми реалистичными изображениями монархов. Поскольку печати ставились практически на все королевские указы и распоряжения, они охватывали куда большее число жителей страны, чем, например, исторические произведения или иллюстрации к ним, поэтому они имели большее влияние на формирование и поддержание образа королевской власти, чем иллюстрации.

Первым изображением в хрониках, посвященным Филиппу IV, является иллюстрация с принесением оммажа за Гиёнь королем Англии Эдуардом I [8, р. 318 г] Филиппу Красивому. Иллюстратор не зря выбрал именно этот сюжет: к правлению Филиппа относится конфликт с Англией из-за Аквитании, когда Филипп занял Бордо и вынудил уже ставшего королем Эдуарда II снова принести оммаж за континентальные владения

английской короны. Примечательно, что французский король изображен здесь выше английского, что явно говорит о том, кто из них занимает более высокую ступень в иерархии.

Вторым изображением, на котором пусть и не присутствует сам Филипп, но которое связано напрямую с ним, — канонизация Людовика Святого [8, р. 324 г]. Мы уже говорили выше, что славой своего деда Филипп активно пользовался в своей политике, и это подтверждается соответствующим изображением в хрониках, где мощи Людовика поднимают из земли — такой ритуал проводился для благословения всего народа святым.

Интересными для иллюстратора являются и другие события — в частности, военная тема, а именно битвы при Куртре [8, р. 326 г] и Монс-ан-Павеле [8, р. 330 v]. В первой, именуемой также «Битвой золотых шпор», как известно, французское воинство потерпело страшное поражение. Вторая битва же была своеобразным реваншем, и французам при личном участии короля Филиппа IV удалось победить фламандское войско. Взглянем же на изображения: при первом просмотре можно заметить на обоих из них рыцаря во главе французской армии, командующего войсками, который скачет впереди всех своих воинов и разит врага копьём. Их кони одеты в геральдическое попоны с французскими лилиями, головы украшены коронами — и можно подумать, что и в первом, и во втором случае изображен король — Филипп IV. Однако, если обратиться к тексту, то становится ясно, что в битве при Куртре его не было: «Робер, благородный граф Артуа, был послан королем Франции со многими французскими рыцарями и большим числом людей» [8, р. 326 г]. И действительно, в битве при Куртре, согласно всем источникам, Филипп не участвовал.

По какой причине произошла такая ошибка, и была ли это ошибка? Как мы уже говорили выше, существует вероятность, что иллюстратор был неграмотен и не мог прочитать в тексте, какие события предшествовали тому, что он изображает. Но, с другой стороны, на иллюстрациях явно изображены фламандцы — значит, он не мог не знать, какую битву он изображает. К тому же места для изображений были специально заранее выбраны и к ним были созданы подписи, выделенные красными чернилами, — все эти факторы говорят о том, что ошибки здесь не может быть. Второй вариант — возможно, просто такова была традиция изображения любых баталий, где командир, вне зависимости от его статуса, будь он графом или герцогом, изображался в геральдической попоне и с короной на голове? Снова нет — если мы рассмотрим сюжеты битвы при Мюре [8, р. 252 v] или битвы при Сент-Омере, также известной

как битва при Арке [8, р. 328 г], произошедшей всего лишь через год после Куртре, можно ясно увидеть — ни один из воинов не одет так, как «король» при Куртре, то есть в синие цвета и с золотой короной на голове. В то же время в иллюстрации битвы при Бувине [8, р. 253 v] король изображается точно так же, как и в битве при Куртре, — в геральдических лилиях и с золотой короной на голове. С той лишь разницей, что в битве при Куртре короля, как мы уже выяснили, не было.

Эти факты приводят нас к третьей версии — иллюстратор сознательно изобразил короля Филиппа IV командующим французской армией в Битве золотых шпор. Это можно было бы списать на восхваление заслуг короля, прославленного воина, если бы не одно но: битва при Куртре, как мы уже обозначили выше, была страшным поражением французского рыцарства. Зачем же иллюстратор сознательно связал ее с королем, не изведавшим поражений от фламандцев? Однозначный ответ дать сложно, тем более что на этой иллюстрации лицо «короля» открыто, в то время как на следующий, изображающей битву при Монс-ан-Павеле, закрыто забралом. Наша версия — король был изображен для того, чтобы продемонстрировать всем читателям, что он всегда находился в первых рядах, был храбрым воином, отважно сражавшимся с врагом, независимо от результата сражений. Естественно, сделано это было в пропагандистских целях. К сожалению, подтвердить или опровергнуть данную версию весьма сложно, и эта тема требует дополнительного исследования. Также стоит отметить, что в тексте, посвященном поражению, он упоминается лишь единожды, поскольку, как мы уже неоднократно говорили, в сражении Филипп IV не участвовал и находился за сотни километров от Куртре.

Совсем другая картина в отрывке про победу при Монс-ан-Павеле, где он является главным героем всего действия. Хронист говорит о нем так: «когда он был верхом, своей гордостью и смелостью он устрасал своих врагов» [8, р. 330 v]. Другая цитата из того же отрывка подчеркивает личное участие и влияние короля на победу: «колебавшиеся воины, уже готовые обратиться в бегство, увидели, что король устремился им на помощь и дружно закричали: Король сражается сам! Король сражается! И тогда все герцоги, бароны и рыцари, пешими и конными бросились на врага и разбили полностью» [8, р. 330 v]. Иллюстрация соответствует тексту — король в первых рядах разит фламандцев.

Исходя из анализа изображений и связанных с ними отрывков текста, можно предположить, что, поскольку иллюстратором были выбраны исключительно внешнеполитические сюжеты (принятие оммага от Эдуарда и военные походы), то основной целью было сосредоточить внимание

читателя именно на успешной внешней политике, а не на внутренней, которая вызывала и продолжает вызывать множество споров как среди современников короля, так и среди историков.

Королевская печать Филиппа IV [9] выполнена по всем французским канонам тех времен — на ней изображен сам король, восседающий на троне, трон украшен головами львов, ноги короля стоят на ковре. Одет король в мантию и далматтику, в левой руке держит скипетр, а в правой — геральдическую лилию. Интересно, что голова его доходит практически до самого края печати, и поэтому он кажется очень высоким. Лилии выбраны не случайно — они, как известно, являются геральдическим символом Франции, и поэтому король держит их в своих руках, как бы подразумеваемая под ними Францию. К сожалению, на сохранившихся оттисках печати лицо короля практически невозможно рассмотреть. Печати Филиппа, как и любого другого французского короля до него, достаточно схожи в общей архитектуре, и, бесспорно, были очень важны для создания образа монарха — они охватывали все слои населения и напоминали поданным, кто является их королем.

Что же касается сына Филиппа, Людовика X, то здесь есть не менее интересный момент, чем с изображением битвы при Куртре, но уже связанный с печатью. Печать, изготовленная в 1315 г. [10], имеет заметные отличия от печати Филиппа IV. Людовик на ней изображен куда более низким, чем его отец, и в целом само изображение выглядит меньше. Голова с короной уже не подходит к краю печати, а окружена небольшим балдахином, придающим эстетическую красоту изображению. Самое главное здесь — то, что находится в руках короля. В правой все осталось по-прежнему — скипетр, увенчанный геральдической лилией, а в левой изображен совершенно новый символ власти — рука правосудия. Про нее достаточно подробно пишет С. К. Цатурова в статье «Священная миссия короля-судии». Автор говорит о том, что с 1250 г. при коронации вручалась «длань правосудия» (по-французски *main de justice*) [11, с. 79]. Этот символ действительно был крайне важен для королевской власти, поскольку демонстрировал то, что король имеет право вершить суд и является гарантом справедливости в стране. Почему это произошло именно в правление Людовика — вопрос дискуссионный. Логично предположить, что на коронации, где торжественно вручался этот символ власти, присутствовало кратко меньше людей, чем могло бы увидеть королевскую печать. Вполне вероятно, что для распространения и усиления образа именно короля-судьи, подчеркнуть его легитимность, было принято решение изменить атрибут на печати Людовика X.

Из разобранных нами примеров хорошо видно, как изобразительными средствами можно влиять на восприятие образа монарха и власти — посредством иллюстраций сосредоточить внимание читателя на внешне-политических успехах, отвлекая от не слишком популярной внутренней политики, а добавлением нового символа на печать дополнить образ монарха — не только мудрого правителя и источника процветания, но и верховного судьи, гаранта справедливости и законности в государстве.

Список источников и литературы

1. *Favier J.* Philippe le Bel. Fayard, 1978. 584 p.
2. *Lévis-Mirepoix A. de.* Le siècle de Philippe le Bel. Le Livre Contemporain, 1961. 285 p.
3. *Beaune C.* Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985. 431 p.
4. *Колтаков М. Ю.* «Ветвь королевских родов» Гийома Гиара как памятник капетингского историописания // *Метаморфозы истории.* 2016. № 8. С. 249–257.
5. *Колтаков М. Ю.* Легитимизация военного насилия во французской общественной мысли в эпоху правления Филиппа IV Красивого // *Псковский военно-исторический вестник.* 2018. № 4. С. 46–54.
6. *Барынкин Е. В.* Эволюция монархии во Франции в период правления Филиппа IV Красивого (по материалам французской научной литературы XIX–XX веков) // *Вестник Брянского государственного университета.* 2011. № 2. С. 24–27.
7. *Барынкин Е. В.* Роль и место легистов в становлении абсолютизма во Франции // *Трансформация экономики региона в условиях инновационного развития: материалы международной научно-практической конференции.* Брянск, 2011. С. 324–327.
8. *Les Grandes Chroniques de France.* — 1375–1380 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84472995/f668.item.r=grandes+chroniques+de+france> (дата обращения: 25.09.2023).
9. Печать короля Филиппа IV Красивого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sigilla.org/sceau-type/philippe-iv-france-premier-grand-sceau-12966> (дата обращения: 25.09.2023).
10. Печать короля Людовика X Сварливого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sigilla.org/sceau-type/louis-x-france-premier-grand-sceau-38407> (дата обращения: 25.09.2023).
11. *Цатурова С. К.* Священная миссия короля-судии // *Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти.* М.: Наука, 2006. С. 78–95.

УДК 94(450)

Мамедова М. Н.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студент бакалавриата
E-mail: mamedova-maiya@mail.ru

Величие в образе монарха в трактате Дж. Понтано «О Государе»

Аннотация. В статье анализируется работа итальянского мыслителя Дж. Понтано «О Государе». Автор опирается на исторический контекст вокруг создания трактата, чтобы показать пути легитимации монархического режима в условиях нестабильности. Делается вывод о том, что Понтано использует в качестве центра своей работы понятие величия, потому что именно оно наиболее отвечает требованиям времени.

Ключевые слова: гуманизм, Неаполь, Арагонская династия, величие

Mamedova M. N.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: mamedova-maiya@mail.ru

Greatness in the image of monarch in tractates “De Principe” by Giovanni Pontano

Annotation. The article analyses the work of the Italian thinker G. Pontano “De Principe”. The author relies on the historical context around the creation of the tractates to show ways to legitimise the monarchical regime in conditions of instability. It is concluded that G. Pontano used greatness as the centre of his work, because it perfectly correlated with the needs of the time.

Keywords: humanism, Naples, Aragon dynasty, greatness

В середине XV в. в Неаполе установилась Арагонская династия, при которой служили философы-гуманисты. Поэт и придворный историограф Джованни Понтано, занимавший должность государственного советника и наставника Альфонсо II, наследника престола, внес вклад в политическую мысль того времени, сформулировав в трактате «О Государе» общие принципы монархического правления в соответствии с гуманистическими идеалами. Центральное место в его тексте занимает величие — это главное качество идеального государя, а достижение величия — конечная цель любого правителя.

Цель настоящей статьи — выявить, чем обусловлен выбор «величия» в качестве точки сборки текста Джованни Понтано. Актуальность работы заключается в том, что трактат Дж. Понтано «О Государе» и политическая деятельность гуманиста еще не подвергались конкретному исследованию: историки чаще рассматривают Дж. Понтано в первую очередь как литератора и историографа. Тем не менее на основе историографии можно утверждать, что тема взаимоотношения правителей и придворных эпохи Возрождения привлекает внимание и разрабатывается на материале Флоренции и Милана.

I. Текстологические особенности трактата «О Государе»

Жанр трактата нельзя определить четко: это и наставление конкретно Альфонсу II, и панегирик Арагонской династии (в пользу этого говорят восхваления предков наследника — Фердинанда I, Альфонса I [1, с. 292–293]), щедро спонсировавшей гуманистов, но в то же время автор размышляет об идеальном государе, власти и ее медиумах. Политическая мысль и практические советы тесно переплетены: можно провести линию преемственности к традиции средневековых «зерцал» [2, с. 124], произведений, адресованных лично правителям, но содержащих рассуждения общего характера, из которых формулируется некий «образец поведения» монарха. Дж. Понтано предваряет произведение комментарием о его назначении — в нем узнается функция зеркала: «...оно написано мною вовсе не для того, чтобы чему-то научить тебя, а для того, чтобы, читая его, ты узнал в нем самого себя и свои дела, снискавшие всеобщее признание» [1, с. 307–308], — тем самым жанрово автор связывает себя с традицией скорее Средних веков, нежели Античности. В целом сочетание «наставления» (зеркала) и «восхваления» (оды) отражает синтез, которому подверглись идейные истоки гуманизма (античные и средневековые) в процессе переработки культурного наследия былых веков «в соответствии с потребностями времени» [3, с. 74], а именно с созданием придворной историографии при поддержке монархий в Милане (дом Висконти, затем Сфорца) и Неаполе (Арагонская династия), например «О высказываниях и делах короля Альфонсо» Антонио Беккаделли, «О деяниях Фердинанда, короля Арагона» Лоренцо Валла и т.д. Образ «просвещенного правителя», созданный в «О Государе», позднее войдет в риторику придворной литературы, созданной при североитальянских сеньориях [4, с. 227].

Трактат опубликован в 1490 г., но написан раньше. Помещение произведения в корректный исторический контекст необходимо для установления характера влияния политической конъюнктуры Неаполя на текст.

Адресатом послания является герцог Калабрийский Альфонс II, старший сын короля Фердинанда I: «Тебя же, едва ступившего за порог совершеннолетия и вовсе не стремящегося к власти, твой отец сам сделал своим соправителем, доверил тебе провинцию Калабрию» [1, с. 290], — Альфонс II был назначен герцогом Калабрии в 1468 г. практически сразу после своей женитьбы в 1465 г. Примерно в это же время Понтано служил наставником молодого правителя, прибыв ко двору в 1471 г. Следовательно, «О Государе» написан в первые годы герцогства Альфонса II в Калабрии, примерно в начале 1470-х гг.

Трактат не делится на главы, однако последовательность, в которой Понтано дает «советы», имеет определенную логику: сначала идут нравственные наставления, затем из них вытекают практические указания, непосредственно связанные с государственным управлением. Такой порядок объясняется антропоцентризмом автора: «мир складывается по подобию государя» [1, с. 299], а государь в первую очередь человек [1, с. 291], поэтому его нравственные качества определяют в монархическом государстве всё. Этот показывает не только «зависимость социально-политических идей от гуманистических представлений о человеке, о добродетели» [5, с. 18], но и складывание логики монархий Нового времени с максимой «государство — это Я».

Далее будет выстраиваться связь между изменениями в социально-экономическом развитии Неаполя и политической теорией Понтано, находящейся, как это показано текстологически, под влиянием политического режима Неаполя.

II. Быть великим государем в Неаполе середины XV в.

Борьба за власть в Неаполе, развернувшаяся между приемными сыновьями Иоанны II (правление в Неаполе: 1414–1435 гг.) Альфонсом V (усыновлен в 1421 г. для поддержки в борьбе с претендентами на власть, затем отменила усыновление в 1423 г.) и Людовиком III Анжуйским (усыновлен в 1423 г., так как коалиция с ним не противоречила интересам других союзников королевы, особенно папы Мартина V), закончилась взятием Неаполя войсками Альфонса V в 1443 г. и вцарением Арагонской династии. Однако Анжуйский дом, имеющий поддержку папства и более древнее право на неаполитанский престол, не отказался от него после победы Альфонса I. В связи с этими обстоятельствами испанская династия занимала полулегитимное положение, что сказалось на отношениях с местной феодальной элитой и папой. Опасаясь нарушения привычного порядка дел династией, которую папский престол не легитимировал,

состоятельные феодалы, нажившие свой капитал за счет традиционного земледелия (основы хозяйственной жизни Неаполя), были готовы вступать в союзы с внешними врагами арагонских монархов и организовывать вооруженные выступления против них.

В таких условиях королям было необходимо выстроить отношения с местными феодалами в обход папы и идеологии *sacerdotium*, согласно которой благом для неаполитанских баронов считается ставленник папы, наместник «викария Христа». Новая риторика должна легитимировать власть испанской династии и предоставить нарратив, объясняющий выгодность сотрудничества баронов со двором. Политическая культура древности, излюбленная гуманизмом того времени, казалась арагонским правителям преимуществом перед идеологической неопределенностью культуры феодальной среды неаполитанских баронов [2, с. 123]: первая воспевала светского правителя как суверена, а вторая опиралась на догмат о превосходстве папской власти над земной, так как, вероятно, в условиях династических кризисов первой половины XV в. феодальная среда Неаполя предпочитала видеть защитником своих интересов Рим. На уровне дискурса идея государя, который сам устанавливает моральные нормы в своем владении, стала ответом гуманистической этики на претензии папы римского на универсальную власть над всем христианским миром и диктат римско-католической церкви, постулировавшей божественное волеизлияние как единственный источник нравственности [5, с. 4]. В отличие от городов Северной Италии, где секуляризация идеологии происходит в результате зарождения капиталистических отношений и вхождения большого количества купцов в нобилитет в XIV–XV вв. [3, с. 63], в Неаполе власть сама инициирует обращение к гуманизму.

Итак, Дж. Понтано выдвигает на первый план ключевых качеств великого правителя качества личные: «благочестие правителя» [1, с. 290], любезность, щедрость и снисходительность, «свобода от любых аффектов» [1, с. 291]. Приводя в пример деда адресата, Альфонса I (он превзошел в благочестии «монархов своего времени и много древних» — царя Кира, Александра Македонского [1, с. 291], «привлек к себе симпатии всех людей тем, что никому не позволял уходить от себя мрачным» [1, с. 292]), — автор показывает, что безукоризненные личные качества Альфонса II — династические.

Хотя наставления Понтано выдвигают на первый план нравственную безупречность государя, постоянные указания на божественную избранность монарха: высокие моральные качества «делают государя подобным богу» [1, с. 291], при ведении государственных дел государь должен отме-

чать выдающихся людей и поощрять их за их службу [1, с. 299], что делает правителя вершителем судеб, уподобляя его богу, кроме того, только воля монарха независима, ибо имеет божественное происхождение [1, с. 301].

Для Понтано первична демонстративная сторона («слава о благочестии» [1, с. 290]), потому что народ будет судить о государе на основании информации, которую распространяют придворные. Следовательно, перед ними стоит демонстрировать благочестие и иные качества, тогда массы «добровольно согласятся подчиняться» [1, с. 290]. Общение с послами от других государств создает *славу правителя* за границей: Понтано советует предварительно подготовиться к встрече с ними, а на приеме проявлять доброжелательность и удовлетворять все справедливые требования посланников [1, с. 300–301]. Следующий совет посвящен позиционированию правителя по отношению к народу. Гуманист считает, что велик тот правитель, который слышит своих подданных (буквально — «иметь как можно больше глаз и ушей» [1, с. 304]) и поэтому может предугадать их желания [1, с. 301].

Великий государь представляет не только власть политическую — это покровитель («докажи, что ты <...> отдаешь себя всем без исключения, дай понять, что только к тебе должны они обращаться, а сам ты только этого и жаждешь» [1, с. 303–304]), вождь, проявляющий стойкость в столкновениях [1, с. 293], справедливый судья («наказывай преступников и всех тех, кого должны покарать законы»), отец («обращайся к народу с письмами и посланиями, побуждая его, увещевая и ободряя» [1, с. 302]). Поэтому особенно важна репрезентация власти, то есть то, как монарх появляется перед подданными: все движения правителя должны быть лишены «деревенской грубости и неотесанности» [1, с. 305], а слова должны «соответствовать обстоятельствам и сопровождаться соответствующими и достойными — выражением лица и жестами» [1, с. 307], — величественный вид внушает подданным почтительное уважение к государю, также служащему образцом поведения.

III. Заключение

Дж. Понтано в трактате «О Государе» решает задачу легитимации династии через необходимость воплощать и демонстрировать достоинство и власть каждым поступком, подобно древнегреческим аристократам. Публичная манифестация величия, осуществленная посредством трансляции определенного образа, убедит общественность в том, что король действительно велик, ибо он поступает как тот, кого можно посчитать великим, и, следовательно (в логике трактата), достойным неаполитанского престола.

Подлинное величие правителя заключается в признании его подданными и государями других стран. Пропорционально в тексте уделено немного меньше внимания гуманистической этике по сравнению с советами по позиционированию наследника престола при дворе. Именно положение Арагонской династии в Неаполитанском королевстве, существующей во время внутренних смут и баронских заговоров, задавало тематику советов и наставлений философа и заставило поставить вопрос о роли личности правителя в управлении государством.

С осторожностью можно сделать вывод о том, что Понтано видит главную функцию государя в установлении новых (светских) этических норм, основанных на философии Возрождения, посредством личного примера. Дж. Понтано, таким образом, сформулировал пособие и идеологическое подспорье для противостояния папству (поддерживающему Анжуйскую династию в их претензиях на неаполитанский престол).

Список источников и литературы

1. *Понтано Дж.* Государь / пер. Н. А. Федорова // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М.: Изд-во Московского университета, 1985. С. 290–308.
2. *Иванова Ю. В.* Гуманистическая историография // История литературы Италии. Т. II. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 100–139.
3. *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М.: Высшая школа, 1977. 254 с.
4. *Рутенбург В. И.* Теория и практика итальянского абсолютизма // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 225–235.
5. *Брагина Л. М.* Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в. // Культура Возрождения и общество. М.: Наука, 1986. С. 7–19.

УДК 94

Жадько А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st096667@student.spbu.ru

Генрих IV в хрониках Холиншеда и драме Шекспира

Аннотация. В статье рассматривается образ английского короля Генриха IV в одноименной пьесе Уильяма Шекспира и хронике Рафаэля Холиншеда. Автор анализирует драму «Генрих IV» как отражение исторической мысли в Англии XVI в., а также сравнивает ее с главным источником — «Хрониками Англии, Шотландии и Ирландии», чтобы оценить, какие события, произошедшие в период правления Генриха IV, Шекспир позаимствовал из хроники, а какие исключил как неподходящие для построения своей пьесы.

Ключевые слова: Генрих IV, Уильям Шекспир, хроники Холиншеда

Zhadko A. A.

St. Petersburg State University, Institute of History,
Bachelor's program, Student
E-mail: st096667@student.spbu.ru

Henry IV in Holinshed's chronicles and Shakespeare's drama

Abstract. The article deals with the image of the English king Henry IV in the play of the same name by William Shakespeare and the chronicle by Raphael Holinshed. The author analyses the drama “Henry IV” as a reflection of historical thought in England of the XVI century, and also compares it with the main source — “Chronicles of England, Scotland and Ireland” to assess what events that occurred during the reign of Henry IV, Shakespeare borrowed from the chronicle, and what excluded as unsuitable for the construction of his play.

Keywords: Henry IV, William Shakespeare, Holinshed Chronicles

В 1598 г. были опубликованы обе части «Генриха IV» Уильяма Шекспира. Главным источником для драматурга послужил труд Холиншеда — «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (англ. Holinshed's chronicles of England, Scotland and Ireland) [1, с. 39]. Основная сюжетная линия первой части — восстание северных феодалов Перси против Генриха IV. Охватываемый промежуток времени невелик: от зарождения восстания и его организации в 1402 г. до битвы при Шрусбери 21 июля

1403 г. Во второй части, охватывающей период 1403–1413 гг., драматург уделяет внимание восстанию архиепископа Скрупа (1405), поражению Нортумберленда (1408), смерти Генриха IV и последующей за ней коронации Генриха V (1413).

Глава, посвященная Генриху IV, открывает третий том «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии». Так, Холинshed начинает повествование с 1399 г., с того момента, когда Генриха, с согласия парламента и общин, провозглашают королем Англии. Шекспир же, отрываясь от хрониста на несколько лет, помещает действие своего произведения в 1402 г. Первые два исторических события, о которых говорится в пьесе, — это восстание валлийского дворянина Оуэна Глендоуэра на границах Уэльса, в ходе которого был взят в плен Эдмунд Мортимер, и битва при Гомельдоне, где Генри Перси, по прозвищу Хотспер, одержал решающую победу над шотландским бароном, Арчибальдом Дугласом. Первое событие произошло 22 июня 1402 г., а второе — 14 сентября. Однако поэт изображает их как одновременные, чтобы весть о двух битвах достигла Лондона примерно в одно и то же время. Когда речь заходит о пленниках, Шекспир приводит возмущение короля Генриха тем, что Перси не желает возвращать их короне, что граф Уэстморленд оправдывает дурным учением его дяди, Томаса Перси, графа Вустера, который пытается навредить королю [2, с. 353]. Похожие сведения мы находим и у Холиншеда. Вопрос о пленниках является важной составляющей частью пьесы, поскольку именно он становится для шекспировских героев отправной точкой мятежа. Так, король Генрих посылает за Перси, причем речь идет не только о Хотспере, но и о его отце — графе Нортумберленде и дяде — графе Вустере. Хотспер не признает, что дал однозначный отрицательный ответ по поводу сдачи пленных, но тем не менее возвращать их тоже не собирается. Тогда Перси ставят условия для выдачи шотландцев — выкупить их родственника Эдмунда Мортимера, что был захвачен Оуэном Глендоуэром. Данное предложение встречает ярость со стороны короля, который, не обещая помощи, выдвигает серьезные обвинения против графа Марча. Между королем и представителями знатного северного рода возникает ссора. Перси, не менее разгневанные, чем король, замышляют заговор, целью которого является низложение Генриха и возведение Мортимера на трон. Если сравнить эту сцену с отрывками из хроники Холиншеда, то можно заметить, что Шекспир взял из своего источника только общие факты. Например, встреча сторон произошла не в Лондоне, а в Виндзоре, куда Перси прибыли «с целью доказать королю», и, они появились не по приказу Генриха, а по собственной воле, чтобы потребовать выкуп

за Мортимера [3, р. 22]. Этот выкуп Мортимера, который поэт представляет как условие сдачи Перси шотландских пленников, по-видимому, не имеет такого значения в хронике.

Говоря об Эдмунде Мортимере, стоит сделать важную ремарку, ибо в данном случае имеет место историческая неточность со стороны Шекспира. В первой главе уже был упомянут Эдмунд Мортимер, пятый граф Марч, являвшийся праправнуком Эдуарда III — по линии его сына Лайонела, герцога Кларенса и дочери Лайонела Филиппы, которому на 1403 г. было двенадцать лет, и, соответственно, он не участвовал в событиях, описанных выше. На самом же деле в пьесе Шекспира речь идет о сэре Эдмунде Мортимере, приходившемся дядей пятому графу Марчу, а не о самом законном наследнике. Холинshed перепутал двух Эдмундов Мортимеров, дядю и племянника, решив, что дядя, командовавший армией, являлся наследником престола. Так, следуя своему источнику, Шекспир совершает ту же ошибку и заставляет героев первой части «Генриха IV» вести себя так, будто наследник трона взят в плен валлийцами и, соответственно, поэтому король не торопится его выкупать.

Вскоре после этого происходит встреча в Бангоре, в доме архиепископа, где Мортимер, Хотспер и Глендоуэр обсуждают раздел Англии, но не без стычек, поскольку Хотспер недоволен своей долей. В конце концов Глендоуэр уступает место молодому Перси [2, с. 407]. Для написания этой сцены Шекспир в основном пользовался собственным воображением, а не трудом Холиншеда. Если же следовать хронике, то три главных мятежника сами не собирались, чтобы заключить соглашение, но его заключили их заместители. Хронист упоминает, что заговорщики посредством своих заместителей в доме архиепископа Бангора разделили королевство между собой, составив и скрепив своими печатями трехсторонний договор, по которому вся Англия от Северна и Трента, к югу и востоку, была передана Эдмунду Мортимеру, графу Марчу; весь Уэльс и земли, что за Северном, к западу, были назначены Оуэну Глендоуэру; а весь остаток от Трента к северу — Перси [3, р. 23]. Эти сведения практически дословно переданы Шекспиром.

Следующим эпизодом, касающимся мятежа Перси, является битва при Шрусбери — кульминация всей первой части «Генриха IV». Сперва Шекспир представляет лагерь повстанцев, где Генри Перси, Арчибальд Дуглас и граф Вустер собрались со своими силами. В этот момент приходит сообщение о том, что болезнь не позволяет старому Перси, отцу Хотспера, приехать [2, с. 426]. Историческим ядром данной сцены является короткое сообщение в хронике Холиншеда о том, что граф Нортумберленд не был

с ним, но, будучи больным, обещал после своей поправки отправиться в лагерь со всей возможной скоростью [3, р. 24]. Также хронист не сообщает ни о Глендоузере, ни о Мортимере в числе тех, кто сопровождал Перси в Шрусбери. Холинshed не говорит прямо об их отсутствии и не упоминает о каких-либо письмах от них. Следуя отрывку из хроники, напротив, логичнее предположить, что если сам Глендоуэр не принимал участия в битве, то он или, по крайней мере, часть его войска находилась недалеко от этого места, ибо, согласно Холинshedу: «Валлийцы, которые до этого таились в лесах, горах и болотах, услышав об этой битве, пришли на помощь Перси и освежили измученных людей новой помощью» [3, р. 25].

Мнения повстанцев касательно того, стоит ли дать сражение немедленно или отложить его до прибытия подкреплений, расходятся. Холинshed же не сообщает о подобных разногласиях среди мятежников. В действительности у них не было времени на обдумывание всевозможных планов, ибо, согласно хронике, король был на виду у своих врагов, прежде чем они успели усомниться в чем-либо. Единственное решение, которое они могли принять, согласно хронисту, это «воздержаться от штурма города Шрусбери, который они готовы были взять в свои руки», и увещевать солдат готовиться к битве [3, р. 26]. Все эти исторические факты в хронике игнорируются Шекспиром. Что касается разногласий мятежников, то поэт, по-видимому, ввел их с той целью, чтобы показать необходимость единого главнокомандования.

В следующих сценах Шекспир описывает саму битву. Так, происходит схватка между Дугласом и сэром Уолтером Блентом, переодетым королем. Шотландец убивает «короля», но вскоре узнает от Хотспера, что это лишь подобие Генриха [2, с. 455]. Для рассказа об этой битве в своей хронике Холинshed прибегает к сочинениям Эдуарда Холла и Томаса Уолсингема [4, р. 50]. Так, утверждение в пьесе, что Дуглас убил сэра Уолтера Блента и еще нескольких человек, переодетых королем, согласуется с Холинshedом. Далее Дуглас, победив мнимых королей, находит настоящего. Начало боя благоприятно для шотландца, и Генри оказывается в большой опасности, когда принц, хотя и раненый, приходит ему на помощь и заставляет Дугласа бежать. Совершив этот поступок и восстановив утраченное доверие своего отца, принц встречает Хотспера. Они вступают в бой, и Генри Перси, самый знаменитый герой своего времени, побеждает принца Уэльского, который впервые в жизни слышит военный барабан и впервые достает свой меч [2, с. 459]. Что касается ранения принца стрелой, то это обстоятельство также описано в труде Холиншеда. А вот на освобождение короля принцем хронист не указывает.

Единоборство между Гарри и Генри Перси, а также последующий за ним триумф принца над своим противником, — плод воображения Шекспира. Холинshed же просто причисляет Хотспера к мертвым, не раскрывая, кто его убил. Но поскольку это достоверный факт, не удивительно, что Шекспир решил приписать принцу славу победителя. Тем более в ходе повествования неоднократно намекалось, что главные герои пьесы должны встретиться в бою. Важно отметить, что Шекспир значительно изменил возраст своих героев. Так, Хотсперу на момент битвы при Шрусбери было 39 лет, тогда как королю — 35, а принцу Генриху — 16. В изображении же драматурга Генрих IV предстал человеком на склоне лет, приближающимся к могиле. Хотспер, хоть и был старше короля, но Шекспир сделал его намного моложе, сравнив по годам с принцем Генрихом, чтобы разница в их характерах и поведении стала еще более выразительной.

В последней сцене первой части «Генриха IV» граф Вустер и Вернон взяты в плен и приговорены к смерти как предатели обеих партий, а Дуглас, по великодушному предложению принца, отпущен на свободу без выкупа. Распоряжения монарха по подавлению еще не побежденных мятежников завершают первую часть. В целом драма и хроника согласуются друг с другом. Так, Холинshed пишет, что «граф Вустер, зачинщик всех этих бед, был взят в плен» и что «сэр Ричард Вернон были осуждены и обезглавлены в следующий понедельник. Голова графа была отправлена в Лондон, где была установлена на мосту» [3, р. 26]. Шекспир, говоря о потерях в этой битве, дает лишь общие указания. Согласно хронике, «всего на стороне короля погибло 1600 человек, а 4000 были тяжело ранены». «Из тех, кто сражался на стороне Перси, погибло около 5000» [3, р. 26]. Пленение Дугласа и связанные с ним обстоятельства представлены у Шекспира несколько иначе. Так, драматург приписал освобождение Дугласа принцу, однако в хронике оно задумано и согласовано самим королем. Таким образом, сражение было выиграно, но с мятежом еще не покончено.

Действие второй части «Генриха IV» разворачивается в замке Уоркуэрт, являвшимся резиденцией рода Перси. Именно там граф Нортумберленд получает вести о поражении своего сына, Генри Хотспера, и брата, графа Вустера [5, с. 14]. Так, их гибель делает Нортумберленда неприимимым врагом Генриха IV. Шекспир не упоминает тот факт, что после мятежа в 1403 г. старший Перси получил прощение короля. Согласно сообщениям Холиншеда, узнав о подавлении восстания, Нортумберленд вернулся в свои владения и, пробыв какое-то время в замке Уоркуэрт, от-

правился на юг, чтобы сдаться королю в Йорке. Так, Нортумберленд был лишен ряда должностей и званий за его бездействие во время мятежа, а также «на время был отдан под надежную охрану» [3, р. 28]. Но тем не менее король сохранил ему жизнь. Шекспир описывает, как Нортумберленд, до недавнего времени казавшийся больным, тут же обретает силы, чтобы отомстить Генриху. В этот момент ему сообщают, что Ричард Скруп, архиепископ Йоркский, уже вооружился против короля [5, с. 17].

Так, во дворце архиепископа собираются лорды Гастингс, Моубрей и Бардольф, чтобы взвесить шансы своего мятежного предприятия. После обсуждения вопроса о том, стоит ли ждать Нортумберленда, мятежники, считая себя достаточно сильными и без графа, решают выступить в поход. В этой сцене содержится не так много исторических фактов, поскольку Холинshed не упоминает ни о какой встрече заговорщиков. Однако отсутствие соответствующего отрывка в хронике не мешает предположить, что такое совещание имело место быть. Так, имена трех лордов действительно отмечены хронистом.

Параллельно формированию нового заговора Шекспир описывает состояние Генриха IV в этот период. Король, обсуждая положение дел с графом Уориком и Сурреем, апеллирует к прошлому, не без горечи размышляя о непостоянстве человеческой преданности. Речь короля позволяет разобраться во временном пространстве, в котором мы находимся.

«Прошло лишь десять лет,
Как с Ричардом дружил Нортумберленд;
С ним пировал он, а спустя два года
Меж ними разгорелась уж война;
Лишь восемь лет назад был Перси мне
Всех ближе, обо мне радел как брат...» [5, с. 56]

Исходя из данного отрывка, можно сделать вывод, что третий акт открывает собой события, произошедшие в 1407 г., поскольку Генрих вспоминает, как «восемь лет назад», то есть в 1399 г., Нортумберленд был его самым надежным другом. Однако в действительности же это воспоминание относится к 1405 г., когда еще не было известно о конце восстания архиепископа Скрупа.

В этой же сцене граф Уорик, дабы порадовать короля, сообщает о смерти Оуэна Глендоуэра. Это факт не совсем соответствует хронике, ибо Холинshed сообщает: «Валлийский мятежник Оуэн Глендоуэр закончил свою жалкую жизнь на десятом году правления короля Генриха, будучи доведен в это последнее время до таких страданий, что, отчаявшись от всякого комфорта, он бежал в пустынные места и уединенные пеще-

ры, где из-за голода и отсутствия пищи несчастно изнемогал и умер» [3, р. 43]. Следовательно, смерть Глендоуэра относится примерно к 1409 г.

Сцены, посвященные восстанию архиепископа Йоркского, являются историческим центром второй части «Генриха IV». Так, в Йоркшире обе армии, королевская и повстанческая, расположились лагерем друг напротив друга. После того как мятежники получили сообщение от Нортумберленда, согласно которому граф удалился в Шотландию, а также известия о силе их врагов, появляется Уэстморленд, посланный принцем Джоном Ланкастерским. Королевскому генералу удастся убедить лидеров мятежников прийти на встречу. Там принц заключает мнимый мир [5, с. 76]. В этих сценах Шекспир практически дословно следовал Холиншеду, отклонения от источника весьма незначительны. Хронист приводит два отчета о данном событии, которое произошло в лесу Голтри. Согласно одному из них, основанному на сочинениях Уолсингема, мятежники были вероломно арестованы после заключения мира, как об этом сообщает драматург. Согласно другой версии, заговорщиков убедили сдаться на милость короля и его сына, лорда Джона. Архиепископ и граф-маршал так и поступили. После этого их войска разбежались и скрылись [3, р. 45]. Шекспир в основном следует первому рассказу, но он также заимствует некоторые детали из другого, ибо переговоры в пьесе происходят «на расстоянии» между армиями, о чем сообщается только во второй версии, и роль принца в драме также кажется более соответствующей второму сообщению. Что касается численности двух армий, Холиншед указывает только число повстанцев, говоря: «мятежников было не менее двадцати тысяч человек» [3, р. 45]. Шекспир, напротив, здесь упоминает только численность королевских войск, оценивая их в тридцать тысяч.

Согласно хронике, Уэстморленд вступает в переговоры с мятежниками, посылая гонцов, в драме он приходит к заговорщикам лично в качестве посредника от Джона Ланкастера. В хронике архиепископ отправляет свиток со своими претензиями вернувшимся гонцам, в пьесе же свиток передается Уэстморленду, когда тот возвращается с обещанием архиепископа прийти на предложенную встречу [4, р. 75]. Особая роль в пьесе отводится третьему сыну короля — принцу Джону, впоследствии герцогу Бедфорду. Именно он произносит большинство важных слов и оглашает решения.

Когда граф Уэстморленд сообщает королю о подавлении восстания и победе над Нортумберлендом, мы снова сталкиваемся с хронологической неточностью. Шекспир преподносит эти события так, словно они произошли одновременно. В исторической же действительности

восстание архиепископа Скрупа было подавлено в 1405 г., а свержение графа Нортумберленда относится к 1408 г. Поражение графа Перси подробно не раскрывается в пьесе, драматург ограничивается только коротким сообщением о нем. Холинshed же весьма подробно описывает битву при Брамем-Муре, которая произошла 19 февраля 1408 г. между правительственными войсками под командованием верховного шерифа Йоркшира сэра Томаса Рокби и армией мятежников во главе с графом Нортумберлендом. Хронист сообщает: «Между сторонами произошла ожесточенная схватка и жестокий конфликт, но в конце концов победа досталась шерифу. Лорд Бардольф был взят, но тяжело ранен, так что вскоре после этого умер от ран. Что касается графа Нортумберленда, он был убит на месте» [3, р. 46].

Едва успела прозвучать новость о поражении Нортумберленда, как король упал в обморок, и историческое время снова изменилось — действие перешло в 1413 г. Далее следует сцена, в которой к постели больного короля приходит принц Уэльский. Внимательно рассматривая своего отца, принц приходит к мысли, что тот уже мертв. Тогда он берет в руки корону и покидает покои. Внезапно очнувшийся монарх требует немедленно привести принца, а после обвиняет его в нетерпении. Принц возвращается, и происходит серьезный разговор, в ходе которого ему удается убедить отца в несправедливости обвинений. Теперь, когда король знает, что его сын не ждет с нетерпением его смерти, исчезает последняя тень разногласий между ними.

Что касается смерти короля, наступившей 12 марта 1413 г., Холинshed приводит несколько версий, из которых одна, упоминая инцидент с принцем и короной, основана на сочинениях Эдуарда Холла, а другая, оставляющая этот момент без внимания, но повествующая о пророчестве, согласно которому Генрих IV умрет в Иерусалиме, — на сообщениях Фабиана. Шекспир использовал оба рассказа, перемешивая факты между собой.

Действие в последнем акте «Генриха IV» совершается уже после кончины короля. Во дворце в Вестминстере верховный судья узнает о смерти монарха, вскоре входят братья нового короля и другие высокопоставленные лица. Все они опечалены не столько смертью Генриха, сколько будущим, которое их ожидает. Они не ждут ничего хорошего от молодого короля, а Верховный судья, который однажды подверг суровому наказанию своего нынешнего повелителя, готовится к худшему. Но их опасения оказываются беспочвенными: молодой король обращается к братьям ласково, обещает им быть их отцом и нести их заботы [5, р. 112]. Холинshed

же не сообщает ни о какой подобной встрече двора вскоре после смерти старого короля, как и не упоминает о том, что младшие братья Генриха испытывали страх. Напротив, в хронике говорится: «Столь велика была надежда и хорошее ожидание счастливого успеха этого человека, что в течение трех дней после смерти его отца различные знатные люди и почетные персоны оказывали ему почтение и повиновались ему, чего не было замечено ни у одного из его предшественников — королей этого королевства» [3, р. 60]. Так, драма заканчивается упоминанием о созыве новым королем парламента и его намеками на надвигающуюся войну с Францией. Эти намеки можно рассматривать как связывающее звено между «Генрихом IV» и последующей пьесой — «Генрихом V».

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что Уильям Шекспир в своей пьесе сосредоточил внимание на противостоянии Генриха IV и его прежних союзников, в свое время оказавших ему поддержку при свержении Ричарда II. При этом драматург не задействовал такие аспекты правления, как взаимоотношения короля с парламентом и церковью, его борьбу с лоллардами. Из малозначительных баронских восстаний XV в. Шекспир извлек материал для создания исторической драмы большого социального смысла. Эта работа стала возможной благодаря «Хроникам Англии, Шотландии и Ирландии» Рафаэля Холиншеда, из которой драматург черпал основную информацию. Так, Шекспиром были полностью опущены обстоятельства, при которых Болингброк пришел к власти, коронация монарха, его первый парламент, а также столкновения с шотландцами и заговор против короля в 1400 г. Основная сюжетная линия — восстание северных феодалов из рода Перси. Шекспир достаточно подробно описывает зарождение самого мятежа, правда, здесь драматург крайне выборочно обращается к Холиншеду, в основном действуя посредством собственного воображения. Так, в пьесе конфликт между Перси и королем сводится к нежеланию первого выкупать из плена Эдмунда Мортимера, пришедшегося Перси родственником, и к тому, что Хотспер не спешит выдавать короне пленных, взятых им в битве при Гомельдоне. Свое развитие конфликт получает в битве при Шрусбери, которая описана Шекспиром максимально приближенно к его источнику, драматург сообщает даже те же цифры убитых, что приводит и Холиншед. Единственным результатом шекспировского воображения служит поединок между принцем Уэльским и Генри Перси, в ходе которого Перси был убит. Холиншед не приводит никаких свидетельств о том, кто именно убил Хотспера. Данный прием Шекспир использует для того, чтобы восславить будущего Генриха V. Во второй части «Ген-

риха IV» Шекспир продолжает подробно следовать за Холиншедом, различия заключаются лишь в хронологическом построении историческим событий. Так, драматург делает акцент на восстании архиепископа Скрупа (1405), поражении графа Нортумберленда (1408), смерти Генриха IV и последующей за ней коронации Генриха V (1413). Все эти события Шекспир представляет так, словно они следуют друг за другом и между ними больше ничего не происходит. Таким образом, драматург пользовался хроникой Холиншеда для того, чтобы изобразить противостояние короля и северных феодалов, причем масштаб изображения данного восстания вполне соотносится с тем, как его описал хронист.

Список источников и литературы

1. *Бэрг М. А.* Шекспир и история. М.: Наука, 1979. 216 с.
2. *Шекспир В.* Генрих IV. Часть первая / пер. Е. Бируковой // Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова, А. Аникста. Т. 1. М.: Искусство, 1957. С. 5–117.
3. *Holinshed R.* The third volume of the chronicles of England, Scotlande and Irelande. 2nd edn. London: H. Denham, 1587.
4. *Шекспир В.* Генрих IV. Часть вторая / пер. Е. Бируковой // Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова, А. Аникста. Т. 1. М.: Искусство, 1957. С. 119–247.
5. *Hermann A.* The relation of Shakespeare's Henry IV to Holinshed. South Carolina: Nabu Press, 2014. 116 p.

УДК 94(44).032

Салахова А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st094517@student.spbu.ru

Генрих IV в «Мемуарах» кардинала Ришелье

Аннотация. В статье анализируются «Мемуары» кардинала де Ришелье, созданные в 1630-х гг. В них он изложил свою точку зрения на политические события современной ему эпохи, описал, какой он представлял свою собственную роль в данных событиях, составил описание политических деятелей, в том числе короля Генриха IV. Главное внимание в статье уделено восприятию Ришелье деятельности и личности Генриха IV, который выступал для него примером выдающегося монарха.

Ключевые слова: кардинал Ришелье, Генрих IV, история Франции конца XVI — первой половины XVII в.

Salakhova A. I.

St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st094517@student.spbu.ru

Henry IV in the “Memoirs” of Cardinal Richelieu

Abstract. The article analyzes the “Memoirs” of Cardinal de Richelieu, created in the 1630s. In them, he outlined his point of view on the political events of his modern era, described how he imagined his own role in these events, and compiled a description of political figures, including King Henry IV. The main attention in the article is paid to Richelieu's perception of the activities and personality of Henry IV, who acted as an example of an outstanding monarch for him.

Keywords: Cardinal Richelieu, Henry IV, history of France at the end of the XVI — first half of the XVII centuries

Кардинал Ришелье является одним из самых известных и противоречивых деятелей Франции. Его политические взгляды до сих пор вызывают споры у историков. Одним из источников, позволяющих нам познакомиться с воззрениями кардинала Ришелье на самые разные аспекты современной ему действительности, являются его «Мемуары», первоначально носившие название «История короля Людовика XIII». Ришелье не успел завершить их до своей смерти [1, с. 148]. К написанию «Мемуа-

ров» кардинал привлекал служащих, при этом он лично вносил исправления, дописывал примечания, добавлял или убирал информацию, т. е. полностью контролировал весь процесс их создания. «Мемуары» появились на свет между 1630 и 1631 гг., на следующий день после «Дня одураченных». Они написаны от первого лица только в период 1610–1619 гг., дальше повествование ведется от третьего лица. В целом изложенные факты точны, но интерпретация часто тенденциозна. Кардинал, безусловно, стремился представить себя в выгодном свете. И, следовательно, не акцентировал внимание на возможных ошибках, придавая значение лишь своим победам. Данное обстоятельство необходимо учитывать, используя мемуары как исторический источник [1, с. 149]. Впервые они были изданы в 1823 г. Д. Л. М. Авенель, французский журналист, библиотекарь Сен-Женевьевской библиотеки, издатель писем и дипломатических бумаг кардинала Ришелье, полагал, что «Мемуары» являются собранием различных документов эпохи, которое было собрано и отредактировано под руководством Ришелье. В XX в. было осуществлено новое издание «Мемуаров». В период между 1907 и 1931 гг. вышли 10 томов, последний из которых описывал события за 1629 г. [2, с. 30]. Л. Баттифоль считал, что Ришелье не имел никакого отношения к составлению «Мемуаров» [3]. П. Бертран в своей статье «Подлинные и фальшивые мемуары кардинала де Ришелье» выдвинул идею, что при жизни кардинала были отредактированы главы о 1624–1630 гг. [4]. М. Делаш в статье «Подлинные мемуары кардинала Ришелье» высказал мнение, что Ришелье отредактировал части за 1600–1610 и 1620–1623 гг. [5]. В настоящее время в причастности Ришелье к написанию «Мемуаров» и в их подлинности не сомневаются.

Первая глава «Мемуаров» посвящена 1600–1610 гг. В этой главе Ришелье еще не выступает как действующее лицо, и его мнение явно не выражено, но он описывает политические взгляды Генриха IV. Ришелье характеризует короля с положительной стороны, практически не находя недостатков в его политике. П. П. Черкассов считает, что для Ришелье Франциск I и Генрих IV всегда были образцами великих французских королей, ему импонировала их национальная политика, способность отстаивать интересы Франции перед самыми мощными и влиятельными соседями — Мадридом, Венной или Римом [6]. Хотя после междоусобиц престиж Французского королевства на мировой арене был значительно подорван, из-за чего политика Генриха IV во многом носила компромиссный характер, поэтому в торговле в полной мере невозможно было действовать исходя из национальных интересов [7, с. 43]. Но на экономических проблемах при Генрихе IV Ришелье не акцентирует свое внимание.

Основными чертами политики Генриха IV Ришелье называет стремление к обеспечению прочного положения монарха, поэтому король считал, что не стоит доверяться в государственных делах сплетням [2, с. 51], выступал против партии гугенотов [2, с. 68], но и противился чрезмерному религиозному рвению, которое могло быть на руку Испании, но не Франции [2, с. 53], препятствовал чрезмерному усилению принцев [2, с. 65]. Он активно привлекал знать ко двору, усиливал авторитет двора, Генрих IV тем самым утверждал королевское Величество, поднимая идею монархии на недосягаемую высоту, что позволяло ему укреплять свою власть над дворянством. Как пишет В. В. Шишкин: «Официальные идеологи в это время развивали доктрину божественного права, и христианской природы французской монархии» [8, с. 103].

По мнению Ришелье, во время своего правления Генрих IV во многом думает о будущем, то есть о грядущем царствовании своего сына, и его действия направлены на укрепление положения будущего короля, обеспечение ему спокойного царствования. В общем его позицию можно объяснить одной фразой: «власть должна предоставляться тем, кто умеет повиноваться» [2, с. 62]. Подразумевается, что те, кого король наделяет властью, должны повиноваться своему господину. Так, по мнению кардинала Ришелье, в планы Генриха IV входило намерение лишить своего второго сына возможности устраивать смуты в королевстве посредством удаления его из страны, но с тем, чтобы за пределами страны он действовал в интересах Франции [2, с. 62]. Рискну предположить, что этот замысел был связан с тем, что подобное удалось Габсбургам. Представители эти династии уже были королями Испании и императорами Священной Римской империи, что фактически позволило им контролировать большую часть Европы. Также, как полагал Ришелье, Генрих IV отдавал предпочтение союзам, в том числе и брачным, с лицами знатными, но не королевского достоинства, так как они способны лучше отстаивать интересы короля [2, с. 63]. Поэтому король, по мнению Ришелье, не планировал женить своих сыновей, даже наследника, на дочерях королевских домов, то же самое он думал и о замужестве своих дочерей. Генрих IV сделал лишь одно исключение, он рассматривал возможность брака одной из своих дочерей с младшим отпрыском Испанского королевского дома — герцогом Фландрии, что позволило бы Франции заключить выгодный мир с Республикой Соединенных провинций [2, с. 61]. Однако еще при жизни Генриха IV, практически с рождения дофина и принцессы Елизаветы, шли переговоры об испанских свадьбах [7, с. 106]. Таким образом, не совсем ясно, насколько Ришелье был точно осведомлен о на-

мерениях Генрих IV, чтобы судить о них. Во всяком случае переговоры о возможных браках велись тайно, их не оглашали до 1612 г. [6], а сам Ришелье в тот момент мог и не знать всех деталей. При этом, по мнению кардинала, Генрих IV заботился об обеспечении высокого положения своих внебрачных детей, так как считал, что они послужат опорой его законному наследнику [2, с. 65].

Ришелье подмечает и негативные стороны политики Генриха IV. Основной недостаток, по его мнению, связан с усиленным вниманием, которое король оказывал женщинам. «Страсть [...] может быть опасной для государей, поскольку последствия ее могут быть губительны и для них самих, и для их государств» [2, с. 57], — пишет Ришелье. Ошибки Генриха IV Ришелье приписывает именно страсти, считая, что королю не хватало рассудительности, которая могла от этих ошибок предохранить [2, с. 67]. Кардинал подчеркнул, что вопреки убежденности короля в том, что его незаконнорожденные дети будут опорой царствования его наследника, именно они (в частности, герцог Вандомский) активно способствовали смутам в государстве [2, с. 67].

Ришелье придерживался мнения, что Генрих IV брал в расчет свою возможную смерть и хотел сделать свою жену, Марию Медичи, регентом. Но В. Балакин в своей монографии пишет, что короля пришлось долго упрашивать, Мария Медичи и супруги Кончини очень настаивали, что королеву нужно сделать регентшей на время отсутствия короля и непременно короновать [9]. По мнению же Ришелье, это было истинное желание самого монарха, и с этой целью он якобы давал королеве следующие наставления.

Во-первых, сменять министров только в случае наличия подтвержденных обвинений, при их выборе учитывать заслуги. Объясняется это тем, что новые министры не так глубоко разбираются в делах, и страх за свою должность будет побуждать их действовать наперекор их предшественникам. Частая смена министров также навредит образу монарха, которого станут считать непостоянным, и в целях защиты от этой непостоянности будут прибегать к интригам [2, с. 59]. Это было призвано обеспечить стабильность управления и последовательную политику, что было бы невозможно, если бы министры постоянно менялись.

Во-вторых, «не следует попадать под влияние иностранцев [...] не делиться с ними государственной властью, ибо это отвратит от нее сердца французов, пусть даже среди иностранцев найдутся люди, способные понять подлинные интересы Франции и готовые предложить свои услуги. Французы никогда не будут им доверять» [2, с. 59].

В-третьих, «поддерживать авторитет судов [...] но Боже упаси подпускать их близко к государственным делам, давать им предлог для претензий на роль опекунов королей» [2, с. 59]. То есть не допускать парламент до государственного управления. Парламенты, особенно Парижский, претендовали на определенный контроль над королевской властью и осуществляли его при помощи права регистрации указов и права ремонстраций, это привело к тому, что в начале XVII в. французский король не мог без их разрешения провести взимание нового налога или увеличение старого. Король должен был всегда считаться с мнением парламентов по всем существенным вопросам [7, с. 71]. При Генрихе IV парламент достиг апогея своего могущества и популярности [10, с. 267]. Можно предположить, что Генрих IV просто не мог воплотить в свое правление этот совет, поэтому возлагает его на своего сына, а точнее, на регента. Таким образом, Ришелье пытается уверить читателя, что его борьба с парламентом является продолжением политики Генриха IV.

В-четвертых, «страсть — плохой советчик, следует принимать решение лишь на холодную голову» [2, с. 59].

В-пятых, «быть в хороших отношениях с иезуитами, но препятствовать [...] росту их могущества, особенно в пограничных областях» [2, с. 60]. Объясняется это тем, что иезуиты могут отказываться подчиняться государственной власти, что делает их опасными. Занятно, что после этого Ришелье пишет: «Эти настроения были отголоском того времени, когда он (король) был далек от католической Церкви». То есть Ришелье здесь не согласен с Генрихом IV и, видимо, считает, что в иезуитах нет ничего опасного [2, с. 60]. Ф. Блюш писал, что Ришелье применял к Франции стратегию иезуитов для оправдания захвата территорий [1, с. 72]. Это объясняет расположенность кардинала к иезуитам, идеи которых он, вероятно, признавал дельными.

В-шестых, «не поощрять сильных мира сего, если это может нанести урон Королю [...] но в делах менее значительных, не влекущих таких последствий, стараться удовлетворить их [...] если они убедятся, что им нечего ждать от королевской власти, государство окажется в большой опасности» [2, с. 60]. При Генрихе IV знать была отстранена от управления государством, во многом усилилась зависимость от королевских милостей (пенсий, подарков и др.), и хотя власть в провинциях она еще сохраняла, все же угроза ее утраты была вполне реальной, король планомерно ее уменьшал [7, с. 48–49]. Таким образом, совет не только отражал реальность эпохи Генриха IV, но и учитывал возможные осложнения, связанные с сохранением влияния знати в провинциях.

В заключение подчеркивалось, что «рано или поздно ей (Марии Медичи) придется дать бой гугенотам» [2, с. 60].

Убийство Генриха IV Ришелье осуждает, считает, что это принесло непоправимый вред Франции. С королем он связывает порядок в государстве, убийца же, по его мнению, «лишил нас порядка, необходимого для существования государства» [2, с. 74].

События начала регентства показали, что порядок действительно ушел вместе с королем. Ришелье пишет, что проявилась обратная сторона «так называемой верности знати, которая, как правило, нерушима ими лишь при соблюдении собственных интересов и которая словно флюгер поворачивается туда, откуда им светит выгода» [2, с. 93]. Всю первую треть XVII в. французская знать вела открытую и тайную войну против короля. Наиболее видные представители знати вели себя в своих провинциях так, словно стояли во главе суверенного государства (например, так вел себя герцог де Буйон или герцог де Лоррен) [11].

Таким образом, Ришелье при описании политики Генриха IV во многом претендует на то, чтобы назвать себя ее продолжателем, ряд идей, высказанных королем, он воплотил во время своего министерства. В целом положительное отношение к королю и его политике не переходит в слепое поклонение, Ришелье способен вполне открыто говорить о недостатках как самого короля, так и историческими фактами опровергать некоторые его политические действия. При этом политические ошибки кардинал приписывает именно личностным качествам короля, но не его уму и не его министрам. По описанию Ришелье, перед читателем предстает умный и грамотный политик, твердый руководитель, не лишенный маленьких слабостей, но от этого даже располагающий к себе, а его время видится эпохой благоденствия и процветания. Политический курс видится мудрым и правильным, что располагает читателя и к деятельности самого кардинала Ришелье.

Список источников и литературы

1. *Блюш Ф.* Ришелье. М.: Молодая гвардия, 2006. 323 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://bookshake.net/b/rishele-fransua-blyush/> (дата обращения: 22.10.2023).
2. *Ришелье дю Плесси Арман Жан.* Мемуары / пер. с фр. Т. В. Чугуновой, предисл. и коммент. Е. А. Городиловой. М.: АСТ, 2014. 926 с.: 48 л. ил.
3. *Battifol L.* Les faux Mémoires du cardinal de Richelieu // *Revue de deux Mondes.* Paris, 1921. P. 869–894.
4. *Bertrand P.* Les vraies et les faux Mémoires du cardinal de Richelieu // *Revue historiques.* T. 141. Paris, 1922. P. 40–65, 198–227.

5. *Deloche M.* Les vraies Mémoires du cardinal de Richelieu // *Revue des questions historiques*. Т. 109. 1928. P. 257–312.
6. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М., 1990 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/belok_hiler/rishele.html/ (дата обращения: 22.10.2023).
7. *Люблинская А. Д.* Франция в начале XVII века (1610–1620). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. 293 с.
8. *Шишкин В. В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках СПб.: Евразия, 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/br/?b=314819&p=18#section_15 (дата обращения: 12.10.2023).
9. *Балакин В. Д.* Генрих IV. М.: Молодая гвардия, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/balakin_vasily/genrih_IV.html (дата обращения: 11.09.2023).
10. *Глаголева Е.* Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII М.: Молодая гвардия, 2007. 333 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://bookshake.net/b/povsednevnaia-zhizn-francii-v-epohu-rishele-i-lyudovika-xiii-ekaterina-vladimirovna-glagoleva> (дата обращения: 22.10.2021).
11. *Беллок Х.* Ришелье. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/belok_hiler/rishele.html/ (дата обращения: 12.10.2023).

УДК 94(44).032

Грищенко К. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st096670@student.spbu.ru

Король Франции Людовик XIII в «Мемуарах» Жана Франсуа Поля де Гонди, кардинала де Реца

Аннотация. В статье рассматривается образ короля Франции Людовика XIII, созданный французским аристократом и активным участником Фронды Жаном Франсуа Полем де Гонди, кардиналом де Рецем, в его «Мемуарах», а также жизненный путь самого кардинала и стилистические особенности его сочинения.

Ключевые слова: «Мемуары», Жан Франсуа Поль де Гонди, кардинал де Рец, Людовик XIII

Grishchenko K. A.

St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st096670@student.spbu.ru

King Louis XIII of France in the “Memoirs” of Jean Francois Paul de Gondy, Cardinal de Retz

Abstract. The article examines the image of King Louis XIII of France, created by the French aristocrat and active participant of the Fronde Jean Francois Paul de Gondy, Cardinal de Retz, in his “Memoirs”, as well as the cardinal's own life path and stylistic features of his composition.

Keywords: “Memoirs”, Jean Francois Paul de Gondy, Cardinal de Retz, Louis XIII

XVII в. во Франции отмечился расцветом мемуаристики, создателями которой являлись в основном выходцы из аристократической среды. В своих произведениях мемуаристы старались отразить свой взгляд на историю, а точнее сказать, творили ее, создавая образы главных исторических персонажей. В частности, Людовика XIII — несколько недооцененного в историографии, находящегося в тени его отца Генриха IV, сына Людовика XIV и кардинала Ришелье, но довольно ярко описанного современниками. Например, Жаном Франсуа Полем де Гонди, впослед-

ствии ставшим кардиналом де Рецем. Его «Мемуары» — одно из крупнейших произведений французской мемуарной прозы XVII в., памятник истории и литературы.

Жизненный путь и главное произведение де Реца

Жан Франсуа Поль де Гонди родился в 1613 г. Род де Гонди имел итальянские корни. Во Францию переехал прадед будущего мемуариста, а дед, Альбер де Гонди, получил титул герцога де Реца [1, с. 651]. Младший брат Альбера, Пьер де Гонди, избрав церковное поприще, стал архиепископом Парижа, а затем и кардиналом, положив начало традиции, согласно которой младшие сыновья в семье Гонди становились священнослужителями. Сан архиепископа Парижского получил и дядя будущего мемуариста.

Юный Жан Франсуа должен был также стать священником, однако мечтал он совершенно о другом — о воинской и политической славе. И хотя ему все же пришлось избрать навязанную ему семьей церковную деятельность, его ораторский талант, натура честолюбца и бунтаря дали о себе знать в будущем. А пока одаренный юноша получает звание лиценциата теологии и степень доктора теологии. В 1643 г., после смерти Людовика XIII, становится коадьютором Парижского архиепископа [2, с. 15].

Жан Франсуа Поль де Гонди сочетал в себе две крайности: с одной стороны, стремясь прослыть безупречным служителем Церкви, занимал высокую церковную должность, с другой — испытывая ненасытную жажду приключений, заводил романы со светскими дамами, дрался на дуэлях. В его душе, окрыленной идеалами рыцарской доблести и мечтами о внутренней свободе, рано зародилась враждебность к абсолютизму [1, с. 652].

По мере усиления в стране общественного кризиса молодой коадьютор стал придавать своим проповедям политическую окраску, не устраивавшую королевский двор, в то же время завоевывая доверие и симпатию простых парижан.

Описание Фронды, как и у многих мемуаристов, занимает у Поля де Гонди центральное место в его «Мемуарах». Во время Фронды он играл роль основного координатора общественных сил. Гонди хотел добиться смещения Мазарини, а при удачном стечении обстоятельств и занять его место, но шел к этой цели достаточно извилистыми путями: то присоединяясь к принцу Конде, то стараясь помочь королеве, а значит, и своему заклятому врагу — Мазарини. В обмен на свои услуги коадьютор мечтал получить кардинальскую шапку. Однако заигрывание с королевским двором не увенчалось успехом и подорвало доверие основной силы — массы рядовых парижан.

Кардинальскую шапочку Жан Франсуа Поль де Гонди все-таки получает. Но содержащиеся в памфлетах и проповедях мысли, резко осуждавшие абсолютизм, отрицавшие божественность происхождения монархии, высказывания в защиту прав народа, послужили тому, что королевский двор признал фрондера союзником ненадежным и даже опасным и заточил в Венсенском замке, даже несмотря на его кардинальский сан.

После смерти своего дяди де Рец объявляется архиепископом Парижским. Далее начинается его скитание по Европе. Он бежит в Испанию, затем в Италию. Папа римский утверждает его в сане кардинала и архиепископа Парижского, однако вскоре умирает, и ситуация меняется. Новый папа требует немедленного ареста и суда над Рецем.

На моменте тайного побега из Италии «Мемуары» кардинала де Реца прерываются. Герой «Мемуаров» де Реца — «рыцарь без страха и упрека», идеал уходящего поколения свободных дворян, борец за свободу и справедливость. Он не мог позволить себе потерпеть поражение, поэтому повествование заканчивается на мажорной ноте — пасторском послании, которое до сих пор считается самым громким успехом де Реца в борьбе с королевской властью [3, с. 243].

После Италии де Рец скитался по Германии, Голландии, Фландрии, Англии, искал убежища, так как возвращение во Францию грозило ему арестом. Однако де Рец продолжал посылать в Париж «мазаринады». И лишь после смерти Мазарини в 1661 г. поведение де Реца изменилось: Людовику XIV он готов был подчиниться. В 1662 г. Поль де Гонди снимает с себя сан архиепископа Парижского и обосновывается в имении.

В 1675 г. де Рец неожиданно отказывается и от кардинальского сана. В положении простого монаха он удаляется в соседнее аббатство, а через четыре года умирает. Несмотря на то что король несколько раз удостоивал де Реца аудиенции и даже поручал ему некоторые задания, своего мнения о фрондере он не поменял и так и не смог простить его прошлое. Это проявилось даже в том, что Людовик XIV запретил сооружать над могилой де Реца надгробие и вырезать какую-либо надпись. Впрочем, такая незаметность и безымянность спасла место упокоения Жана Франсуа Поля де Гонди от разорения толпой в годы Великой Французской революции.

Стоит сказать о некоторых стилистических особенностях рассматриваемого произведения. Среди французских мемуаристов-аристократов выделяются авторы, стремящиеся зафиксировать свои заслуги на военном или политическом поприще, подвиги на королевской службе или, наоборот, столкновения с королем [1, с. 666]. Такие мемуары близки к жан-

ру военно-политической или придворно-политической хроники. Де Рецу же чужд сухой язык мемуаров-хроник. У него мемуары перерастают в биографию, в них сильно эгоцентрическое начало.

Многие мемуаристы противопоставляли себя придворным историкам, делая ставку на уникальность своих свидетельств, обеспечиваемую их личным участием в событиях. На это намекал Ларошфуко в своих мемуарах, говоря, что стремится не воссоздать всю историю, а рассказать только о том, что видел сам [16, с. 12]. Так относится к большой истории и кардинал де Рец. Он убежден, что «историки, пишущие о делах, в которых сами они не участвовали, заблуждаются», поскольку «рассказ, составленный на основании бумаг, столь же отличен от воспоминаний очевидца, сколь портрет, созданный по чужим впечатлениям, разнится от полотна, писанного с оригинала» [4, с. 449].

В суждениях де Реца ярко проявляется психология аристократического сословия [5, с. 104]. События минувших дней, имеющие историческое значение, осмысляются кардиналом де Рецем как часть его биографии [5, с. 105]. Автор мемуаров уверяет читателя, что собирается рассказывать «чистосердечно и без уверток», и берет на себя обязанность «ни в чем не погрешить против правды» [4, с. 7].

Правду гарантируют исторические источники. Де Рец «утверждает, что сверялся с реестрами Парламента и муниципалитета, цитирует письма и речи» [6, с. 21]. Однако исследователи творчества мемуариста констатируют, что достоверность эта обманчива и у де Реца присутствуют ошибки, умолчания или, наоборот, дополнения, заимствования из других мемуаров. И вот почему это так. Во-первых, некоторые из подлинников парламентских записей были уничтожены по приказу Людовика XIV после Фронды, а значит, ими не мог воспользоваться де Рец, писавший мемуары в 1670-х гг. [6, с. 22]. Во-вторых, многие из его бумаг и переписок были конфискованы после его ареста в 1652 г., следовательно, через 20 лет он мог воспроизводить эти тексты лишь по памяти, при этом стоит учитывать и человеческий фактор — банальную забывчивость.

Стоит отметить также такие стилистические особенности «Мемуаров» кардинала де Реца, как театрализованность и афористичность языка. В «Мемуарах» де Реца театр занимает центральное место. События XVII в. и их участники «неизменно ассоциируются у писателя со сценой, подмостками, кулисами, актерами и зрителями, декорациями» [3, с. 243]. Причем сам мемуарист играет роль и актера, как непосредственный участник событий, и режиссера, конструирующего полотно событий в соответствии со своими требованиями.

Де Рец для изображения своих героев использует такой часто встречающийся во французских мемуарах XVII в. жанр, как портрет. Портретирование в мемуарах было распространено в связи с популярными в то время «Биографиями» Плутарха. Так же, как и римский автор, де Рец сравнивает своих героев. В «сравнительной параллельной» характеристике министров подлый Мазарини словно в кривом зеркале отражает великого Ришелье [3], у которого даже пороки принадлежат «к числу тех, какие могут заслужить славу человеку высокого звания» [4, с. 57].

Де Рец использует и столь любимые для XVII в. максимы. Они создают ритм его текста, завершают некоторые эпизоды кратким афористичным выводом [7, с. 696]. Но в отличие от известных «Максим» Ларошфуко, которые «касаются человеческой природы вообще, у де Реца они становятся следствием размышлений о политиках и политике» [8, с. 72].

Образ короля Людовика XIII

Жан Франсуа Поль де Гонди становится коадьютором, то есть занимает первый значимый для себя церковный пост, лишь в 1643 г., после смерти Людовика XIII. Помимо этого, де Гонди принимает активнейшее участие в Фронде, в связи с чем она занимает практически весь объем его «Мемуаров». Следовательно, можно предположить, что именно поэтому о Людовике XIII кардинал де Рец практически не пишет. Его имя звучит только один раз — во Второй части «Жизни кардинала де Реца». В остальных случаях, в Первой и во Второй частях, король называется, собственно, Королем. Но о нем не рассказываются сколько-нибудь пространные истории, как это было у Ларошфуко, не описывается его характер.

Каков же Людовик XIII в тех немногочисленных словах де Реца, которые он ему посвятил? Впервые он появляется на страницах «Мемуаров» как король-воин, причем воин-победитель. В 1635 г. Франция вступила в Тридцатилетнюю войну, в следующем году испанская армия начала наступление в районе Нидерландов. И де Рец пишет, что в этих обстоятельствах Людовик XIII лично принял участие в военных действиях: «<...> Король сам отправился туда, взяв брата своего главнокомандующим, а графа Суассонского его заместителем» [4, с. 19].

Британский историк Энтони Леви в своей биографии Ришелье в главе про Тридцатилетнюю войну заостряет на этом эпизоде внимание. После вторжения испанских войск в Нидерланды дела у Франции на северо-востоке шли плохо. В связи с военными поражениями французской армии пришлось отступить, крепости сдавались одна за другой («испанцы, угрожавшие самому сердцу королевства, захватили уже Кор-

би, Ла-Капель и Ле-Катле» [4], «9 июля после семи дней осады взята Ла-Капель, а 25 июля, всего лишь через два дня после начала штурма, — Ле-Катле» [9, с. 231]). В то время как ставший вновь невероятно популярным во Франции Гастон Орлеанский попытался отвоевать Корби, «прибыл Людовик XIII, чтобы в третий раз взять на себя командование вместо брата» [9]. О важности этой крепости может говорить тот факт, что по ее названию историки назвали 1636 год — «год Корби», как год сначала постоянного неуспеха в войне, а потом величайшего триумфа, когда крепость была все же отвоевана.

После взятия Корби, о котором, кстати, де Рец сообщает, что это была заслуга Людовика XIII («Король вновь овладел Корби» [4, с. 19]), вся слава досталась, как пишет Э. Леви, Людовику и Ришелье, что послужило причиной обиды Гастона, который вскоре стал готовить заговор вместе с графом Суассонским. Мемуарист говорит: то, что графа Суассонского постараются сгубить, было ясно всем, а поводом к этому послужило «тягчайшее преступление» — отказ «жениться на г-же д'Эгийон [племяннице Ришелье]» [4]. Итак, в этом небольшом эпизоде можно увидеть, что де Рец с почтением относится к Людовику XIII, говоря о его военной победе. Такое изображение мемуаристом короля в будущем будет воспроизводиться и в историографии.

Но гораздо более смелое заявление о Людовике XIII де Рец делает, когда пишет, что король «обрадуется избавлению от своего тирана» [4, с. 20] в случае, если заговорщикам удастся убить Ришелье. В этих словах явно видно, что мемуарист отрицательно относится к кардиналу, однако и король в этом контексте предстает не в лучшем свете. Де Рец пытается показать, что Ришелье был ненавистен Людовику и неуважаем им, однако это неверно. Конечно, многие и мемуаристы, и исследователи отмечали натянутые отношения между этими двумя людьми. Однако не стоит думать, что Людовик «обрадовался» бы избавлению от своего первого министра. В историографии часто упоминается о том, что Людовик ценил Ришелье, прислушивался к его советам: две этих совершенно разных личности дополняли друг друга и управляли государством сообща [10, р. 108].

Раз для де Реца Ришелье — тиран, то можно предположить, что мемуарист не короля, а кардинала считает первым и главным лицом в государстве — формула, встречавшаяся и у Ларошфуко [16, с. 12, 17, 19]. Де Рец намного больше пишет о Ришелье, нежели о Людовике, именно Ришелье для него — правитель.

Но вот Ришелье умирает. И, по мнению мемуариста, «король был несказанно ею [смертью Ришелье] обрадован» [4, с. 35]. С точки зрения

де Реца, все выглядит логично: ведь он ранее писал, что король только и ждал «избавления от своего тирана». Но это вновь не совсем верная интерпретация событий. Многие исследователи по-разному говорят о реакции Людовика на последние дни жизни и смерть Ришелье. Во время последних посещений умирающего Ришелье окружающие отмечали даже веселость короля [11, с. 372]. Х. Бэллок пишет: «Говорят, что король, выйдя из спальни, где лежал умирающий, вздохнул с облегчением» [12, с. 324]. Вряд ли Людовик радовался такому горю. Но если «первый раз он приводит свидетелей в замешательство громким хохотом, после того как выходит из Пале-Кардиналь», — рассуждает Р. Кнехт, — то «во время второго визита выглядит искренне расстроенным» [13, с. 347]. А уж смерти кардинала король никак не мог радоваться. Он был взволнован и серьезен [14, с. 248], он «чувствовал себя еще более одиноким и сожалел о том, что потерял своего главного сотрудника» [15, р. 225]. Людовик XIII старался продолжить политику Ришелье и, как отмечает де Рец после такого смелого высказывания, «утвердил всех должностных лиц и губернаторов, которых завещал назначить первый министр, обласкал всех его приближенных, сохранил в правительстве всех его ставленников и старался показать, будто не жалуется тех, кого не жаловал Кардинал» [4, с. 35]. Французский исследователь Жорж Бордонов пишет, что для Людовика XIII было честью продолжить дело кардинала [15, р. 224], настолько это был ценный сподвижник в государственных делах.

Ближе к концу Первой части «Мемуаров» де Рец немного чаще упоминает Людовика XIII. Причем пишет о нем уже в положительном ключе — король благосклонен к семье де Гонди: «Благоволение ко мне Короля заронило в моих родных надежду, быть может, получить для меня парижское коадьюторство» [4, с. 37]. Те, кто был против назначения де Реца коадьютором, опирались на заключенный еще в 1516 г. Болонский конкордат (по которому епископов назначал король, а папа их утверждал) и настаивали, что «не должно приучать духовенство самому избирать архиепископов» [4]. Молодому аббату пытался помешать и его дядя, бывший архиепископом Парижа, и Франсуа Сюбле де Нуайе, государственный секретарь, настоявший на том, чтобы король назначил де Реца епископом Агда (город на юге Франции). Людовик XIII уже был готов исполнить данное действие [4], возможно, потому что для него не имело никакой разницы, куда назначить де Реца, однако будущего коадьютора «благочестие отнюдь не манило в Лангедок» [4] (то есть де Рец говорит о том, что такое решение короля дать ему должность в далекой провинции его абсолютно не устраивало).

Де Рец попытался экстренно исправить ситуацию. Конечно, он не имел возможности сказать прямо об отказе от этой должности, поскольку это могло бы привести к негативным последствиям. В личной беседе с королем он попытался объяснить, что со страхом думает «о бремени папства в столь отдаленном краю», а также, по молодости, нуждается в советах, которые «нелегко получить в провинции». И что самое удивительное, Людовик не разгневался на такое заявление и сохранил благоволение по отношению к де Рецу. Возможно, мемуарист переменил отношение к Людовику XIII к концу первой части своих мемуаров именно потому, что король хорошо к нему относился и был уже практически готов утвердить его на должности коадьютора. Однако здоровье Людовика ухудшалось с каждым днем, и де Рец получил долгожданный пост только после смерти короля.

Во Второй части «Мемуаров» Жан Франсуа Поль де Гонди вновь меняет отношение к Людовику XIII. Он упоминает его в контексте отношений Людовика и Анны Австрийской. Де Рец заявляет, что из-за нелюбви и неуважения к Анне умирающий король «учредил при ней Совет, чтобы ограничить власть ее Регентства» [4, с. 43]. То есть для мемуариста самое важное последствие этих холодных супружеских отношений — во внутренней политике: вместо одной королевы-регента учрежден Совет, что для де Реца, участвовавшего во Фронде и пишущего про нее, играет большое значение.

Интересно также рассуждение де Реца о французских королях и самодержавии. Мемуарист апеллирует к тем временам, когда королевская власть была не так самодержавна, как в XVII в. Власть ограничивалась Генеральными Штатами, а потом и Парламентом. Де Рец называет равновесием отношения, установившиеся «произволом королей и своеволием народа» [4, с. 55]. Понятно, почему мемуарист с таким благоговением отзывается о былых временах: это времена не только слабой королевской власти, но и сильной власти аристократии. А так как де Рец — человек из старого знатного рода, то вполне очевидно, что он желал бы вернуться к идеалам, когда аристократия имела большую силу в политике. Людовика XIII мемуарист считает ревниво относящимся к своей власти, «потому только, что ее не знал» [4]. При этом его отца, Генриха IV, де Рец восхваляет, говоря о том, что Генрих законам доверял и доказал свое к ним уважение. По логике мемуариста, Справедливым народ должен был назвать Генриха IV, а не Людовика XIII. Такой контраст между этими королями еще раз подчеркивает, как де Рец негативно видит усиливающийся абсолютизм.

Образ Людовика XIII под пером кардинала де Реца менялся за время повествования в его произведении и был показан с разных сторон. Наибольшее внимание мемуарист уделяет образу короля как военного, причем военного довольно успешного. Де Рец пишет о хорошем личном отношении короля к нему, так что изображение короля в позитивном ключе вполне логично. С другой же стороны, из-под пера мемуариста Людовик вышел ревнивым к своей власти, не уважающим законы, не любящим свою супругу. А что самое главное, по мнению де Реца, Людовик XIII только и ждет избавления от власти всесильного тирана Ришелье и радуется, когда тот умирает. Такая интерпретация образа короля достаточно радикальна и не нашла точного отражения в историографии (по крайней мере, именно в таком виде). Однако, думаю, причина этому — в общем отношении мемуариста к самодержавной власти, свое видение которой он кратко излагает во второй части своего произведения.

В «Мемуарах» кардинала де Реца гораздо более сильно эгоцентрическое начало. В своем произведении мемуарист больше акцентирует внимание на своих действиях, нежели на действиях короля и королевского дома. Людовик XIII и по имени-то называется только два раза, во всех остальных случаях — просто король. Людовик у де Реца вышел менее негативным персонажем, чем, например, у Ларошфуко или Таллемана де Рео. Но, как и другие мемуаристы, Жан Франсуа Поль де Гонди описывает Людовика ревнивым к своей власти, холодно относящимся к своей супруге. То есть для де Реца Людовик XIII — это такой слабый добрый король, который действует под властью Ришелье, является хорошим воином и благосклонно относится к подданным.

Список источников и литературы

1. *Vunner Ю. Б.* «Мемуары» кардинала де Реца // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Научно-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1997. С. 651–681.
2. *Кондратьева Т. Н.* Борис Федорович Поршнев: Истоки Фронды, или Что он писал о кардинале де Реце и его эпохе // Европа. 2013. № 12. С. 10–19.
3. *Петрышева О. В.* Мемуары кардинала де Реца: традиция и новаторство // Вестник ЧГУ. 2008. № 3. С. 240–245.
4. *Рец Жан Франсуа Поль де Гонди.* Мемуары. М.: Научно-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1997. 899 с.
5. *Павлова С. Ю.* Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца // Международный журнал исследований культуры. 2018. Т. 1, № 30. С. 98–107.

6. Павлова С. Ю. Документальное и художественное в первой части «Мемуаров» кардинала де Реца // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. Т. 4, № 3. С. 18–28.
7. Яхнина Ю. Я. Послесловие переводчика // Кардинал де Рец. Мемуары. М.: Научно-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1997. С. 692–707.
8. Павлова С. Ю. Повествователь в «Мемуарах» кардинала де Реца // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 5. С. 67–76.
9. Леви Э. Кардинал Ришелье и становление Франции. М.: АСТ: Астрель, 2007. 415 с.
10. Moote A. L. Louis XIII, the Just. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1989. 432 p.
11. Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М.: Международные отношения, 1990. 384 с.
12. Беллок Х. Ришелье. М.: Алетейя, 2002. 336 с.
13. Кнехт Р. Ж. Ришелье. Р.-н/Д.: Феникс, 1997. 384 с.
14. Блюш Ф. Ришелье. М.: Молодая гвардия, 2006. 323 с.
15. Bordonove G. Les Rois qui ont fait la France. Louis XIII Le Juste. Paris: Pygmalion, 2013. 275 p.
16. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. Л.: Наука, 1971. 293 с.

Род-семья-духовный мир

УДК 94

Рудакова М. М.

Московский педагогический государственный университет,
Институт истории и политики, студент бакалавриата
E-mail: mm_rudakova@student.mpgu.edu;
mariaru.11@yandex.ru

Взгляд христианских авторов на проблему взаимоотношений ортодоксальной церкви и иудейской общины в первой половине V в.

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу свидетельств и факторов, повлиявших на характер оценок иудаизма и межконфессиональной обстановки в контексте отношений с ортодоксальной церковью в христианских источниках первой половины V в., а также определению основных мотивов и целей данных трудов.

Ключевые слова: иудаизм, христианство, религиозная политика

Rudakova M. M.

Moscow Pedagogical State University,
Institute of History and Politics, Bachelor's program, Student
E-mail: mm_rudakova@student.mpgu.edu;
mariaru.11@yandex.ru

The view of Christian authors on the problem of the relationship between the Orthodox Church and the Jewish community in the first half of the fifth century

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of evidence and factors that influenced the nature of assessments of Judaism and the interfaith situation in the context of relations with the Orthodox Church in Christian sources of the first half of the fifth century, as well as the definition of the main motives and goals of these works.

Keywords: Judaism, Christianity, religious policy

С процессом расселения иудеев на территории Византии, контакта различных этнических и религиозных групп закономерно обостряются внутривосточные противоречия. Кроме того, возникает проблема сохранения целостности государства в контексте внешнеполитических угроз со стороны варварского мира, что решалось через укрепление цен-

тральной власти. Именно посредством влияния на привычный уклад этнического меньшинства и контроля общественной жизни и религиозных течений представлялось возможным подавление очагов сепаратизма и еретических течений в контексте внешних угроз. Стоит учесть, что Византийская империя представляла собой многонациональное и многоконфессиональное государство в силу своего геополитического положения, отчего вопрос складывания межконфессиональных взаимоотношений и особенности религиозной политики вызывают особый интерес.

Тем не менее важно рассмотреть проблему взаимоотношений различных конфессиональных групп как течения не только в контексте отношения к религиозному учению, но и в рамках межличностных отношений представителей разных конфессий, поскольку частные особенности коммуникации отражают действительные общественные настроения, нравы и сложившуюся политическую обстановку, то есть фактическую реализацию религиозной политики императора Феодосия II.

Стоит заметить, что вопрос взаимоотношений иных конфессиональных групп и иудаизма завязан не только на религиозной почве, поскольку иудаизм представляет собой некое триединство в «единении с Богом — Богом горы Синайской, народом — Израилем и страной — Землей обетованной» [1, с. 5], что означает диспут и конфессиональный, и национальный. И любой религиозный конфликт невольно перетекает в национальный. Причем прочная взаимосвязь евреев как народа и религии не дала ассимилироваться странствующему, гонимому народу и сохранить культуру, а введившиеся время от времени ограничения, например на смешение иудеев и христиан в браках, сдерживали это на государственном уровне. Тем не менее взаимодействие культур не сходило на нет.

Наибольшую значимость для изучения периода первой половины V в. в контексте христианизации представляют современные событиям источники как проявления реализации религиозной политики государства. В частности, активным субъектом интерпретации событий выступает константинопольская школа авторов, один из центров политической и религиозной жизни империи, где первоначальным базисом для выстраивания идеологически окрашенных известий становится первая в церковной историографии «Церковная история» Евсения Кесарийского [2], чьи идеи далее продолжают в работах Эрмия Созомена [3], Феодорита Кирского [4], а также Сократа Схоластика [5] в первой половине V в. Впрочем, мотивы авторов несколько разнились: помимо государственного заказа с целью обличения иных конфессиональных групп и усиления

христианства имел место быть и субъективный фактор личного отношения автора к иным конфессиональным группам, отчего характер и детали содержания колебались, несмотря на практическую параллельность времени написания.

Обращаясь к труду современника религиозных прений, Сократа Схоластика, следует сделать акцент на диссонансе позиции, вызванном следующими факторами: автор описывает события в период с 305 по 439 г., что демонстрирует явную преемственность к окончанию «Церковной истории» Евсения Созомена, затрагивающей начало времени правления Константина I в духе умеренного арианства, а также благосклонности к оригенству. Безусловно, арианские воззрения Евсения уже не находят своего продолжения в трудах последователей. Однако «История» Сократа вызывает уже иное противоречие в изложении и оценке событий — приверженность к движению новацианства, обособленного от интересов ортодоксальной церкви в ключевом вопросе в контексте политики христианизации инаковерующего населения Византии: раскольники не допускали возвращения согрешивших в христианскую общину, что должно вызывать больший радикализм автора по отношению к «греховному» иудейскому учению.

Субъективный подтекст личных воззрений заметен в следующем эпизоде. Уже в названии главы Сократ делает акцент на новацианстве: «О новацианском епископе Павле, и о чуде, которое совершилось, когда он приступил к крещению обманщика иудея» [5, с. 281]. Так, один иудей притворялся христианином и через обряд крещения собирал деньги у различных еретических течений: ариан, македонян, так что очередность дошла и до новацианского епископа Павла. Первоначально Павел сказал, чтобы иудей обогатился учением и провел достаточное количество дней в посте, однако обманщик настойчиво начал уговаривать Павла. После того как иудей добился своего, во время обряда вода испарилась из купели [Там же], отчего Павел заподозрил ложь иудея. Тут же сбежался народ, и всем стало известно о самозванстве крестившегося.

Чудотворное исчезновение воды, которое символично показало лукавство иудея, в действительности является маркером новоцианских взглядов Сократа о непринятии в христианство грешников, последователей иудаизма. Подобной морали не находится у Эрмия Созомена и Феодорита Кирского.

Противоположными по исходу являются дальнейшие указания. Так, Сократ Схоластик подробно описывает, как истощенному иудею, находящемуся на смертном одре, не помогали даже молитвы, тогда он обратил-

ся к христианскому крещению «и верил, что оно одно будет истинным врачевством его» [5, с. 271]. Епископ Атик провел обряд и «принял здоровым из купели» [6, с. 65], что, по словам Сократа, привлекло к обращению в христианство не только иудеев, но и язычников. Такая подача чудотворности христианства и бессилия иудаизма над хворью демонстрирует как политический, так и религиозный подтекст: заметна конкуренция и недоверие с принижением к иудаизму христианским автором.

Далее отец церковной истории приводит эпизод об обращении критских иудеев к христианству: обманщик и авантюрист иудей стал выдавать себя за Мессию в лице Моисея [5, с. 302]. По данным Иоанна Никиусского, иудея звали Финкесер, который гласил, что «я Моисей, глава пророков» [7, с. 7]. Убедив критское иудействующее население, он сменил благочестивые настроения на весьма корыстные: Финкесер начал предлагать передать ему сокровища и накопления, чтобы перевести их на Землю Обетованную, во что иудеи поверили. В данном сюжете невольно вскрываются мессианские ожидания иудеев в Византии, готовых отдать последнее, лишь бы попасть на Родину. В назначенный день, после сбора драгоценностей, иудей собрал обманутых на скале и сказал им спрыгнуть, чтобы оказаться перед Богом. Самые отчаянные и смелые погибли, разбившись о камни, но, по сообщению Сократа, христианское спасение ожидало обманутых: несколько рыболовов и купцов-христиан оказались поблизости и смогли спасти упавших. После этого иудеев настигло «прозрение» и последние проклинали иудаизм и перешли к христианству [5, с. 302–303].

Объединив два последних эпизода, можно сделать вывод, что труды Сократа Схоластика были зеркалом политического курса государства и рупором императорской воли, а не чистым отражением субъективных воззрений. Однако крамольная идея новацианства все же проявляется, и порой весьма ярко, что свидетельствует об отсутствии цензурирования трудов. Тем не менее «Церковная история» проникнута духом открытости христианской общины, что подобает политике государства, очевиден призыв к переходу иудеев к христианству через демонстрацию подобных претендентов под разными предлогами.

В анализе реинтерпретатора Сократа, Эрмия Созомена Саламинского, уроженца провинции Газы, окончившего правовое училище в Берите, важно учитывать два аспекта: во-первых, Эрмий служил на адвокатской должности в Константинополе, отчего ассимилировался в политических вейниях столицы, несмотря на палестинское происхождение. Во-вторых, очевидна преемственность «Церковной истории» по отношению к более

раннему труду Евсения Созомена из Кесареи Палестинской и Сократа Схоластика, которая выражается в способе изложения по персональному принципу, так как каждому императору посвящены отдельные книги. Эрмий ни разу не делает прямых ссылок на Сократа и не говорит об иудейско-христианских отношениях первой половины V в., что предполагает и относительное противопоставление авторов друг другу [8, с. 81]. Причем Эрмий намеренно приводит лишь праведный портрет императора, умалчивая отдельные эпизоды политико-религиозной жизни данного периода. Таким образом, несмотря на немалый сектор государственных интересов в реализации пропагандистской деятельности константинопольской богословской школы, субъективный фактор внутреннего брожения взглядов на отдельные вопросы между авторами нельзя отрицать.

Феодорит Кирский, представитель антиохийской школы богословия, в «Церковной истории» дает нетривиальный портрет Феодосия II среди источников, что и объясняется происхождением автора: «Один человек, проводивший жизнь подвижническую, но в душе питавший чувства довольно дерзкие, пришел к царю с какою-то просьбою. Когда же, делав это несколько раз, он не получил просимого, то отлучил царя от церковного общения и, связав его сими узами, удалился. После того благоверный царь, прибыв во дворец, тогда как время призывало уже к столу и сошлись лица, имевшие разделять его трапезу, сказал, что он не вкусит пищи, пока не будет разрешен от запрещения» [4, с. 231–232]. Следует заметить, что ни в одном из современных и даже позднейших источниках константинопольской школы подобного упоминания не обнаруживается, что говорит о как минимум цензуре в Константинополе или о конкретных запросах государства в текстах в контексте религиозной политики с целью поддержания праведного образа императора. Так, антиохийская школа придерживается буквальности и опускает аллегоричные прикрасы образов персоналий, что приводит к конфронтации со столицей.

Константинопольские же авторы, сетуя о сыне императора Аркадия, Феодосии II, который получил бразды правления от отца еще во младенческом возрасте «в том же самом дворце, что и его отец и дядя», в 402 г. [9, с. 52] и разделял до взросления власть с сестрой, Пульхерией, также уделяют внимание образу жизни Феодосия, поскольку это является очередным рычагом распространения христианского образа жизни в подражание императору. Как замечает Эрмий Созомен, Пульхерия учила Феодосия с детства каноничным нормам, дала прекрасное образование в разных сферах, но и не игнорировала государственное управле-

ние, причем важным направлением ее политики была борьба с ересью [3, с. 608–609], что, безусловно, сказалось на мировоззрении будущего императора и действиях в политике. По замечанию Сократа Схоластика, «хотя он родился и воспитывался в царском дворце, однако от этого воспитания не сделался нисколько изнеженным; напротив, был так рассудителен, что разговаривавшие с ним предполагали в нем лично приобретенную опытность во многих вещах» [5, с. 286–288]. Он ввел в царском дворе «порядок, подобный монастырскому: вставал рано утром и вместе со своими сестрами пел во славу Божию антифоны» [Там же]. Действительно, образ императора-праведника, ведшего обусловленную религиозным течением политику, импонировал христианским авторам и населению. Тем не менее несоответствие желаемого образа и реального портрета персоналии заметно в других эпизодах, например, соответствующих результатам Соборов [10, с. 166]. Однако парадокс диссонанса данных антиохийского источника в авторстве Феодорита с идеалистическим образом Феодосия Младшего у константинопольских авторов может быть объяснен государственным заказом в столице на поддержание образа императора и укоренения христианского образа жизни среди народных масс.

О религиозной политике Феодосия Младшего можно судить по выпущенному писаному законодательству и конкретным событиям. Анализируя кодекс, Ф. Миллер отмечает цель законодательства Феодосия II — поддержание образа единства христианской Римской империи [11, р. 1], который требовался для консолидации общества и борьбы с нападениями гуннов с помощью общей идеи христианства. Действительно, Западная Римская империя переживала сложные времена внутренних политических брожений, потери территорий на границах, чего византийский император не хотел допускать. Так, нельзя поспорить с утверждением А. В. Коптева о том, что кодификация данного законодательства происходила в рамках «диалектически противоречивых обстоятельств» [12, с. 254]. Тем не менее это была попытка воплощения деятельности деда, Феодосия Великого, по удержанию цельности государства под властью восточного императора. Комплекс законов, укрепляющих положение христиан, стал базисом для проводимой политики, однако по-прежнему требовал обоснования своего действия в обществе, что и осуществлялось через труды церковных историков.

В оценках данных христианских авторов-современников касаясь иудейской общины прослеживается симфония равнозначных сведений: во-первых, портрет императора Феодосия II в представлении Сократа

и Эрмия, написанный по подобию жития. Во-вторых, общность оценок наблюдается в случае, освещенном еще многими позднейшими источниками, который произошел на тридцатый год консульства Феодосия II с иудеем Несторием, которого Комит Марцеллин характеризует так: «Уроженец Антиохии Несторий, человек исключительного красноречия, но недостаточной мудрости, был посвящен в епископы, будучи священником, при поддержке жителей Константинополя» [9, с. 58]. Поводом для противоречий стала поддержка Несторием пресвитера Анастасия, который выдвинул такой тезис: «Пусть никто не называет Марию Богородицей, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно» [5, с. 296–297]. Монофизитская позиция вызвала бурную реакцию, а образованность Нестория была поставлена под вопрос [Там же]. Евагрий Схоластик вовсе называет это «иудейским учением» [13, с. 35], что преобразует характер конфликта в межконфессиональный. Ввиду ажиотажа епископ Целестин в письме Несторию дал ему «десятидневную отсрочку и обещал прощение, если тот покается, или приговор, если тот откажется» [9, с. 58]. В конце концов под гнетом отлучения и недовольством мирян он раскаялся: «пусть Мария называется и Богородицей, — говорил он, — только бы прекратились эти неприятности» [5, с. 298–299]. Однако ему не поверили и сослали на Большой Оазис в пустыне на западе от Фив по решению Второго собора в Эфесе [9, с. 58]. Далее последовали кадровые изменения: заместителем Целестия стал Кирилл, Максимиан был поставлен на место Нестория [Там же]. Действия Кирилла Иоанн Никиусский трактует противостоянием иудаизму: «И как святой Кирилл захватил синагогу иудеев и сделал ее церковью вследствие его противостояния с иудеями» [7, с. 7]. Здесь по-прежнему заметен обвинительный настрой в отношении иудаизма как изменнического учения.

Впрочем, симфония известий выражается не только в явных указаниях, но и умалчивании, например, эпизода, согласно которому на месте бывшей синагоги в 442 г. жена Феодосия II, Евдокия, воздвигла Халкопратийский храм в честь Богородицы [6, с. 81], где размещалось со времени правления Константина Великого обиталище иудеев, место продажи медной посуды и приборов. Кроме того, по данным Георгия Монаха, здесь проходило собрание иудеев [14, с. 25], что тоже свидетельствует о смещении иудаизма христианством и превалировании последнего. Примечательно, даже нарушившееся молчание среди церковных историков позднее не приобретает привычную форму анализа морали произошедшего.

Можно подвести вывод о том, что относительно однородный характер известий авторов константинопольской школы объясняется общим

государственным заказом и цензурой, в то время как антиохийская школа богословия оказалась на задворках империи перед собственными вызовами «веры», отчего симфония свидетельств здесь нарушается и все последующие оценки иудаизма вызваны скорее субъективными позициями.

Интересен контекст политики: благодаря сложившейся правовой и идейной базе христианизация при Феодосии II происходила довольно активно — Сократ пишет о варварском народе, жившем на берегу Рейна, бургундах, которые приняли веру в Христа, что, по заверениям автора, спасло от многочисленных потерь в ходе войны с гуннами, приводя следующие численные данные: «Бургундов было только три тысячи, а число пораженных гуннов простиралось до десяти тысяч» [5, с. 295]. Данный эпизод в труде размещен не просто так: такая демонстрация военного превосходства благословением Божиим христианского мира отражала явный конфликт не только религиозный, но и военный. Параллельно происходит падение еврейского патриархата и упадок в Палестине раввинских академий, которые занимались распространением иудаизма. Оded Иршай называет коренным переломом в отношении иудеев и христиан перевод обязанности сбора налога «*augur coronarium*» еврейским патриархатом в имперские фонды, несмотря на дальнейшее признание двух еврейско-палестинских советов, синедрионов, в Примо и Секунде [15, S. 75]. Очевидны действия власти против распространения иудаизма в рамках христианизации. Именно правовые ограничения стали первой ступенью к низвержению «конкурирующих» религиозных течений для христианства и дальнейшего проведения религиозного курса.

Таким образом, обобщая политико-религиозную обстановку и указываемые идеологически окрашенные эпизоды в современных источниках, можно говорить о процессе христианизации по нескольким фронтам: правовому, социальному, экономическому и культурно-духовному в лице «Церковных историй». В связи с обострением угрозы целостности государства, подобно Западной Римской империи, переживающей кризис и вторжения со стороны варварского мира, потребность в единении общества через общее мировоззрение, обратное языческому, было необходимо, поэтому любые еретические течения, несущие раздор в обществе, предполагали опасность, с чем и связано большое внимание христианских авторов к взаимоотношениям в том числе и с иудеями в период правления Феодосия II [8, с. 79–80].

Данная политическая обстановка обуславливает необходимость в обозрении иудаизма в качестве ереси, поскольку иная монотеистическая вера выступала конкурентом, поэтому события трактовались с иден-

тичными позициями в призме оптимистического прогрессивного взгляда на христианство, убежденности в его силе как в духовном, так и политическом плане. Причем авторами намеренно приводятся конфликты и стычки, дабы отразить брожения внутри еретического иудейского течения, противоположного идиллии и силе христианства в Византии [Там же, с. 82].

И. Н. Попов пишет, что труды историков V в. были проникнуты «идеей торжества христианства» [10, с. 166], поскольку политика императора позволила значительно возрасти христианизированной части населения не без помощи обличения других конфессиональных течений. Но все-таки следует сделать оговорку, что идея торжества для разнородных философско-религиозных течений, к которым авторы были привержены, разнилась, отчего такое торжество может быть объяснено государственным заказом, а не идеалистическим преобладанием ортодоксального христианства без очагов сопротивления со стороны иных религиозных групп.

Итак, первая половина V в. вбирает в себя период активной политики христианизации, проводимой императором Феодосием II, которая выражалась не только в государственной и правовой системе, но и в общественной мысли. Христианские хронисты и отцы церковной истории, в особенности константинопольской школы, активно защищали христианскую веру, обличая иудаизм с целью избавления от «ложной религии», а также воссоздавали по крупицам праведный христианских образ императора, умалчивая неудобное. Подобные пейоративные оценки из Константинополя были обусловлены непосредственным государственным запросом на содержание в трудах церковных историков, что не может объективно отразить действительную межконфессиональную обстановку в Византии.

Список источников и литературы

1. *Шураки А.* История иудаизма / пер. с франц. Н. Ю. Лебедевой. М.: АСТ: Астрель, 2008. 192 с.
2. *Евсений Кесарийский.* Церковная история / ввод. ст., коммент., библиогр. список и указатели И. В. Кривушина. М.: Изд-во Олега Абышко, 2013. 544 с.
3. *Эрмий Созомен Саламинский.* Церковная история. СПб.: Тип. Фишера, 1851. С. 607–636.
4. *Феодорит Кирский.* Церковная история / пер. с греч. Н. Н. Глубковского. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия»; Православное товарищество «Колокол», 1993. 239 с.

5. *Сократ Схоластик*. Церковная история / пер. с лат. И. В. Кривушина. М.: РОССПЭН, 1996. 366 с.
6. *Феофан Византийский*. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. М.: Университетская тип., 1884. 370 с.
7. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / transl. and ed. from Zotenberg's Ethiopic text by Charles. London: Text and Translation Society, Williams and Norgate, 1913. 216 p.
8. *Кривушин И. В.* Созомен как реинтерпретатор Сократа // Античная древность и средние века. 1998. Вып. 29. С. 79–95.
9. *Марцелин Комит*. Хроника / пер. с лат. Н. Н. Болгова. Белгород: БелГУ, 2010. 230 с.
10. *Попов И. Н.* Метаморфозы исторической памяти: Феодосий II Младший в восприятии византийских историков и хронистов V–XII вв. // Византийский вестник. 2010. Вып. 94. С. 164–173.
11. *Fergus Millar*. A Greek Roman Empire: Power and Belief Under Theodosius II (408–450). Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2006. 306 p.
12. *Контев А. В.* Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // Древнее право. 1996. Вып. 2. С. 247–261.
13. *Евагрий Схоластик*. Церковная история / пер. с греч. И. В. Кривушина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 672 с.
14. *Георгий Монах*. Временник / пер. с греч. В. А. Матвеевко, Л. И. Щеголева. М.: Богородский печатник, 2000. 544 с.
15. *Irshai O.* The Role of the Priesthood in the Jewish Community in Late Antiquity: A Christian Model? // Jüdische Gemeinden und ihr christlicher Kontext in kulturäumlich vergleichender Betrachtung. 2002. No. 2. S. 75–85.
16. *Kohen E.* History of the Byzantine Jews: A Microcosmos in the Thousand Year Empire. Lanham, Maryland: University Press of America, 2007. 268 p.
17. *Савреј В. Я.* Антиохийская школа в истории христианской мысли. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 223 с.
18. *Сапожникова М. Г.* Правление Феодосия II в свете западноримских хроник // Классическая и Византийская традиция. 2021. С. 163–166.
19. *Цивилева В. Е.* Иудеи на позднеантичном западе: случай на Менорке // Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4. С. 91–98.

УДК 94

Живлова Н. Ю.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, кафедра древних языков, старший преподаватель
E-mail: nanako@yandex.ru

История ирландского богослужения в *Ratio de Cursus* (VIII в.)

Аннотация. В статье анализируется памятник VIII в. «Рассуждение о богослужении: кто были его авторы», написанное анонимным ирландцем около 767 г. и посвященного особому порядку богослужения в Ирландии, полученному якобы от апостола Марка. Статья сопровождается переводом текста на русский язык.

Ключевые слова: *Ratio de cursus*, история литургии, история Церкви, франкская церковь в VIII в., ирландская церковь в VIII в.

Zhivlova N. Y.

Moscow State University, Faculty of History,
Department of ancient languages, senior lecturer
E-mail: nanako@yandex.ru

A history of Irish Divine service in the Ratio de Cursus (8th century)

Abstract. The article analyses the 8th century text names “*Ratio de cursus, qui fuerunt eius auctores*”, written by an anonymous Irishman in a continental monastery. We also give a Russian translation of the text.

Keywords: *Ratio de Cursus*, history of the Church, history of liturgy, Irish Church in 8th century, Frankish Church in 8th century

Как известно, в ирландской церковной истории не появилось ничего похожего на «Церковную историю народа англов» Беда Достопочтенного. Изложение событий первых веков христианства в Ирландии нам известно только благодаря сочинениям святого Патрика, агиографии и другим отдельным памятникам.

Среди латинских церковных сочинений выделяется исторический очерк «О трех чинах святых Ирландии» [1], где автор кратко излагает церковную историю Ирландии, укладывая ее в последовательность трех поколений («чинов») святых, из которых «святейшим» (*ordo*

sanctissimus) являются современники Патрика. Гораздо менее известен отрывок под названием «Рассуждение о богослужении: кто были его авторы» (*Ratio de cursus, qui fuerunt eius auctores*), посвященный истории ирландского богослужения, который до сих пор редко становился предметом рассмотрения в научной литературе.

Сохранилось очень немного источников по истории богослужения в Ирландии [2], из них три полных рукописи: «Антифонарий Бангора» [3], «Миссал Стоу» [4] и мюнхенский палимпсест [5]. «Бангорский антифонарий» содержит гимны в честь аббатов североирландского монастыря Бангор конца VII в. и был привезен в Боббио в начале IX в. Среди других источников следует назвать прежде всего «Правила» Колумбана (Правила монахов и Общежительные правила). Правила Колумбана были созданы Колумбаном, который сам происходил из Бангора, в конце VI — начале VII в. [6].

Спорным вопросом является, была ли отдельная литургия в Ирландии. Имеющиеся у нас данные говорят о близости ирландской литургии к галликанской, однако следует иметь в виду, что на Западе в богослужениях до Карла Великого наблюдались значительные различия и что отличия ирландской литургии вполне могли укладываться в рамки местных различий внутри галликанского круга. Особенно бедны источники по богослужениям суточного круга, среди которых можно назвать прежде всего «Бангорский антифонарий» и несколько фрагментов [7]. Кроме того, одним из важным источником по богослужениям суточного круга является «Плавание Брендана», где на отдельных островах Брендана и его спутники присутствуют при исполнении богослужебных часов¹.

История происхождения богослужения излагается в отрывке, написанном, по всей видимости, в одном из франкских монастырей. Этот трактат, так называемый *Ratio de cursus*, создан анонимным ирландцем в VIII в.: там утверждается наличие отдельного круга богослужений в Ирландии, противостоявшего галликанским обычаям, который якобы был принесен в Ирландию апостолом Марком. Перевод заглавия трактата мы предпочитаем давать как «Рассуждение о богослужении», вопреки К. Мьюзу, который переводит его как «Изыяснение литургии» (*Explanation of the liturgies*): мы согласны с Б. Мердриньяком [8, р. 17–18] в том, что *cursus* здесь означает «богослужебные часы», «суточный круг

¹ Этот вопрос затронут в нашем предисловии к «Плаванию Брендана», которое сейчас находится в печати.

богослужения в целом», поскольку автор трактата упоминает о «ежечасном» богослужении в «восточном» круге и о богослужении святого Бенедикта Нурсийского, который, конечно, не вводил никаких отдельных литургий.

Ratio de cursus впервые опубликован Дж. Спелманом [9]. Среди изданий этого памятника следует выделить публикацию Дж. У. Легга [10]; последнее комментированное издание памятника принадлежит К. Халлингеру [11]; перевод на английский выполнен К. Дж. Мьюзом [12, р. 134–135]. Текст сохранился в одной рукописи VIII–IX вв., Cottonian Nero A II, fol. 37^r–42^r. Более точно помогает его датировать небольшая хроника, содержащаяся в той же рукописи уже после трактата и законченная в 728 г.; далее утверждается, что прошло еще сорок лет, что позволяет установить *terminus ante quem* для написания трактата — 767–768 гг. Написание этого текста являлось попыткой защитить местные формы литургии и богослужебный круг в целом перед лицом романизации франкской литургии, предпринятой уже Пиппином III [13, р. 419–420]. К. Дж. Мьюз предполагает, что автор отчасти основывался на утраченном труде Григория Турского о круге богослужений [12, р. 126].

Автор выделяет шесть богослужебных традиций: римскую (*cursum Romanum*), галликанскую (*cursum Gallorum*), ирландскую (*cursum Scottorum*), «другое восточное богослужение» (*alius cursus orientalis*), амвросианскую и бенедиктинскую. Ирландский богослужебный круг автор ассоциирует с апостолами, то есть он, в его представлении, оказывается ничем не ниже римского богослужения, которое происходит от апостола Петра.

Автор отличает галликанское богослужение от ирландского: по его мнению, галликанская литургия происходит от Ириныя Лионского и в конечном счете восходит к апостолу Иоанну. Ирландское же богослужение, в его представлении, создано апостолом Марком и пришло из Александрии. Вопрос о связи ирландских литургий с фактически сохранившейся александрийской литургией (составленной первоначально на греческом и потом переведенной на арабский, коптский и другие языки), приписывавшейся апостолу Марку, требует дальнейшего исследования.

В трактате выделяются отличия ирландского богослужения от других; прежде всего автор подчеркивает, что ряд молитв, в том числе *Gloria, Sanctus*, «Отче наш», исполнялись всей конгрегацией, как мужчинами, так и женщинами, чего в римском обряде в то время уже не наблюдалось [12, р. 127–128].

Центром распространения богослужения, ассоциировавшегося с апостолом Марком в Ирландии, автор видит Леринский монастырь,

упомягая его настоятелей Гонората и Поркария. Далее, как он полагает, литургия была перенесена в Ирландию через святых Германа Оксеррско-го и Лупа из Труа, которые передали литургию святому Патрику.

Автор прослеживает далее проникновение этого богослужебного круга на континент через ирландских проповедников-миссионеров. Неясна личность персонажа, которого автор упоминает как «Вандилоха» (*Uuandilocus*). По мнению Б. Мердриньяка, речь шла о святом Винвалоз [8; 14], но, как отмечает К. Мьюз, агиография святого Винвалоз никак не указывает на его связь с Комгаллом, и к тому же Винвалоз должен был принадлежать к более старшему поколению. К. Мьюз предположил, что речь идет о малоизвестном ученике Колумбана по имени Вальдолен († ок. 625) [12, р. 130]. Против данной гипотезы говорит то, что Вальдолен — явно франк и вряд ли мог быть послан куда-либо ирландским святым Комгаллом.

Трактат завершается изложением истории богослужений, которые автор, видимо, знает только понаслышке, — восточного, амвросианского и бенедиктинского. На наш взгляд, справедливо замечание Дж. Д. Биллета, что, вводя рассказ о бенедиктинском круге богослужений и соответствующую цитату из сочинений Григория Великого, автор пытался подчеркнуть, что аббат имеет право самостоятельно выбирать круг богослужений, принятый в его монастыре. Из того, что он рисует бенедиктинские обычаи как нечто для себя чуждое, следует, что в монастыре, где он жил, видимо, был принят устав святого Колумбана или какой-то смешанный устав [15, р. 26–29].

«Рассуждение о богослужении» является недооцененным, но весьма ценным источником по истории как ирландской, так и франкской Церкви; надеемся, что его перевод на русский язык будет способствовать дальнейшим его исследованиям².

Перевод выполнен нами по изданию К. Халлингера [11]; необходимые для понимания слова, отсутствующие в оригинале, вставлены в скобках.

Рассуждение о богослужении, кто были его авторы

Если мы усердно рассмотрим авторов, то в самом начале мы обнаружим, что оно (богослужение) пелось не так, как сообщают некоторые несведущие, (делая) ложные и разнообразные возражения, как некоторые пытаются и теперь.

² К сожалению, работа [16] была нам недоступна на момент написания этой статьи.

Блаженный Трофим, епископ Арелатский и святой мученик Фотин, и епископ Лионский, ученик святого Петра апостола, как сообщают Иосиф и Евсевий Кесарийский епископ, римское богослужение (*cursum Romanum*) передали в Галлию. Там же, как сообщает блаженный мученик Фотин, который с восьмьюдесятью восемью мучениками был брошен в темницу, передали его блаженному Клементу IV, наследнику престола блаженного апостола Петра, и блаженный Климент рукоположил блаженного епископа Иринея. Это ты сможешь найти в книге самого блаженного епископа Иринея и мучеников: он же был обучен епископом Поликарпом Смирнским, епископом и мучеником, который был учеником апостола Иоанна, как сообщают историограф Иосиф и епископ Иринея в своей книге.

Иоанн Евангелист первым пел галльское богослужение (*cursum Gallorum*), и потом блаженный Поликарп, ученик святого Иоанна, и потом Иринея, который был третьим епископом Лугудуна Галльского, сам то богослужение пел в Галлиях. Там они составили ряд распевов (*modulacionibus*) из священных писаний Нового и Ветхого Завета и со страниц разных мудрых мужей, и (взяли) не из своих (измышлений), но из священных писаний антифоны (*reciprocas anthephonas*) и респонсории, или же распевы и аллилуйи. И по всему свету разнесся, и по всему земному кругу распространился круг богослужений галлов, который (устроил) блаженный Иероним пресвитер, а не так, как многие считают, что некий галльский или бретонский клирик, преданный музыке (*modolacione*), сочинил их — чего он не делал.

Есть и другой богослужебный круг (*cursum*), который сейчас называется «ирландским» (*Scottorum*), что является ложным мнением: его создал блаженный евангелист Марк. Он, как рассказывают Иосиф и Евсевий в четвертой книге, весь Египет или Италию обратил так, как одну Церковь, что *Sanctus*, как и *Gloria in excelsis Deo*, так и Молитву Господню, так и Аминь все распевали — как мужи, так и жены. Таким образом, проповедь его была едина, и потом в Италии он создал Евангелие из уст апостола Петра, как утверждает блаженный Иероним. Тот же круг (*cursum*), который в наше время называется «ирландским», распевал блаженный Марк, и после — Григорий Назианзин, которого Иероним называет своим учителем. И блаженный Василий, брат самого святого Григория, Антоний, Павел, Макарий, или Иоанн и Малх³ пели согласно порядку Отцов.

³ Малх — сирийский отшельник IV в.

И потом блаженнейший Кассиан, который в Леринском монастыре имел своим сотоварищем блаженного Гонората. И после него блаженный Гонорат, первый аббат и святой Цезарий епископ, что был в Арелате, и блаженный Поркарий аббат, который был в том же монастыре⁴, пели тот же богослужебный круг (*cursus*); и они имели блаженного Лупа и блаженного Германа монахами в том же монастыре. И сами они по норме правила пели тот же чин там же, и потом на епископскую кафедру высшей чести были приняты ради почтения к их святости.

И потом они проповедовали в Британиях или в Ирландиях, что утверждает житие Германа, епископа Оксеррского, и житие блаженного Лупа, которые блаженного Патрика духовно учили святому писанию и вскармливали, и его же поставили епископом по их определению (*predicatione*) архиепископом в Ирландиях и Британиях; он прожил сто пятьдесят три года, и сам пел тот же богослужебный круг (*cursus*).

И после него блаженный старец Вандилох, и блаженный Комгалл⁵, которые имели в своем монастыре около трех тысяч монахов.

Оттуда блаженный Вандилох был послан на службу проповеди блаженным Комгаллом, и блаженный Колумбан был отправлен в галльские области, в монастырь Люзей, и там распевали тот же богослужебный круг (*cursus*). И потом возрос образ их святости по всему земному кругу, и образовались многие монастыри как мужей, так и дев по их учению.

И потом началось при блаженном Колумбане, то, что раньше пел блаженный Марк евангелист, и если вы нам не верите, то посмотрите в житии блаженного Колумбана и блаженного Евстасия⁶ аббатов, там вы найдете (об этом) более полно, и речения блаженного Аттелета⁷, аббата Эбовии.

Есть еще и другой богослужебный круг, восточный (*alius cursus orientalis*), созданный святым Хроматием⁸, и Гелиодором⁹, и блаженным Паулином¹⁰, или же и Афанасием епископом, который в галльском обы-

⁴ Видимо, имеется в виду Поркарий I, живший в конце V в., аббат Лерина; его сочинения повлияли на Иону, автора жития святого Колумбана.

⁵ Комгалл из Бангора (ум. 597 или 602) — ирландский святой, аббат крупного монастыря Бангор.

⁶ Евстасий (ум. 629) — ученик святого Колумбана.

⁷ Аттала, аббат Боббио в 615–626/627 гг.

⁸ Хроматий — епископ Аквилеи в 387–407 годах.

⁹ Гелиодор из Альтина (ум. ок. 390).

¹⁰ Скорее всего, имеется в виду Паулин из Нолы (ум. 431).

чае не присутствует, и который пел святой Махарий; он идет по двенадцати, а именно ежечасно.

Есть и другой богослужебный круг (*alius cursus*), о котором говорит блаженный епископ Августин, который блаженный Амвросий составил так, чтобы он был не похож на еретический порядок, и его раньше пели в Италии.

Есть и другой богослужебный круг (*alius cursus*), блаженного Бенедикта, который он сам, особо, в некотором отличии от римского круга (сочинил); ты найдешь его записанным в его «Правиле». Однако же блаженный Григорий, понтифик города Рима своей властью утвердил это как бы привилегией монахов в книге своих «Диалогов», где он говорит: «Не иначе святой муж, блаженный Бенедикт, мог учить, как только как жил сам».

Список источников и литературы

1. *Grosjean P.* Édition et commentaire du Catalogus Sanctorum Hiberniae secundum diversa tempora ou De tribus Ordinibus Sanctorum Hiberniae // *Analecta Bollandiana*. 1955. Vol. 73. P. 197–213.
2. *Gamber K.* Codices Liturgici latini antiquiores. 2 ed. Pars I. Universitätsverlag Freiburg, Schweiz, 1968. S. 130–152.
3. *Warren F. E.* Antiphony of Bangor: an early Irish manuscript in the Ambrosian library at Milan. Part II. London: Harrison and Sons, 1895.
4. The Stowe Missal. MS D. II. 3 in the Library of the Royal Irish Academy, Dublin / ed. by G. F. Warner. Vol. II. Printed Text. London, 1915.
5. Das Irische Palimpsestsakramentar im Clm 14429 de Staatsbibliothek München / ed. A. Dold, L. Eizenhöffer. Beuron, 1964 (Texte und Arbeiten, LIII–LIV).
6. *Columbani Opera* / ed. G. S. M. Walker. Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies, 1957.
7. *Ткаченко А. А.* Кельтский обряд // *Православная энциклопедия*. 2018. Т. 32. С. 370–389.
8. *Merdignac B.* Saint Guénohé et les monachismes insulaire et continental au haut Moyen Age // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 1988. P. 15–40.
9. *Spelman H., Stephens J.* Concilia, decreta, leges, constitutiones, in re ecclesiarum orbis Britannici: Viz. Pambritannica, Pananglica, Scotica, Hibernica, Cambrica, Mannica, provincialia, dioecesana. Ab initio Christianæ ibidem religionis, ad nostram usque ætatem. Excudebat Richardus Badger, serenissimi principis Walliæ typographus. Impensis Ph. Stephani, & Ch. Meredith, sub Aureo Leone in Cœmeterio Paulino, 1639. P. 167–178. Repr. PL 72, col. 605–608.
10. *Legg J. W.* Ratio decursus qui fuerunt ex auctores: Speculations on the Divine Office by a writer of the eighth century // *Miscellanea Ceriani; raccolta di scritti originali per onorare la memoria di Mr. Antonio Maria Ceriani, prefetto della*

- Biblioteca Ambrosiana... Con 70 illustrazioni e 6 tavole fuori testo. Milano: U. Hoepli, 1910. P. 149–167.
11. *Ratio de cursus qui fuerunt eius auctores* / ed. K. Hallinger // *Corpus consuetudinum monasticarum, I. Initia consuetudinis Benedictiae*, Siegburg, 1963. P. 79–91.
 12. *Mews C. J.* Apostolic authority and Celtic liturgies: from the *Vita Samsonis* to the *Ratio de cursus* // *St Samson of Dol and the earliest history of Brittany, Cornwall and Wales* / ed. L. Olson. Woodbridge: Boydell Press, 2017. P. 115–136.
 13. *Billett J. D.* Discerning “Reform” in Monastic Liturgy (c. 750–1050) // *The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West*. Cambridge, 2020. P. 415–431.
 14. *Артеев М. В.* Некоторые проблемы истории монастырей в Бретани раннего Средневековья (VI–VIII века) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2016. № 2. С. 21–25.
 15. *Billett J. D.* *The Divine Office in Anglo-Saxon England, 597 — c. 1000*. S.l.: Boydell & Brewer, 2014.
 16. *Barbet-Massin D.* *The tract Ratio de cursus and the identity of Luxeuil liturgy* // *Columbanus and Identity in Early Medieval Europe: Formation and Transmission / Colomban et l'identité dans l'Europe du haut Moyen Age: formation et transmission*; ed. C. Newman, M. Stansbury, E. Presses Universitaires de Rennes, 2022. P. 63–89.

УДК 94 (410)

Сироткина А. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, аспирант
E-mail: AnastasiaSir@yandex.ru

Женское и женоподобное: переворачивание гендерных норм в англо-нормандском историописании XII в.

Аннотация. В настоящей статье затрагивается тема того, как англо-нормандские авторы первой половины XII в. (в частности, Уильям Мальмсберийский, Ордерик Виталий, Генрих Хантингдонский и Иоанн Вустерский) включали в исторические труды представления о несоответствующем гендерном поведении. Автор статьи приходит к выводу, что яркие сюжеты с фигурированием плохих матерей, мачех, чрезмерно властных женщин, изнеженных и женоподобных мужчин, а также недостойных правителей служили не только наставлению и развлечению читателей, но и являлись важным инструментом объяснения переломных событий английской истории.

Ключевые слова: Уильям Мальмсберийский, «Gesta Regum Anglorum», Ордерик Виталий, Генрих Хантингдонский, англо-нормандское историописание, гендерное поведение

Sirotkina A. A.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Post-graduate student
E-mail: AnastasiaSir@yandex.ru

Feminine and Effeminate: Reversing of the Gender Norms in 12th-century Anglo-Norman Historical Writing

Abstract. This article considers the question of inappropriate gender behaviour in historical writings of the XII century. Anglo-Norman authors (particularly William of Malmesbury, Orderic Vitaly, Heinrich of Huntingdon and John of Worcester). The article's author comes to the conclusion that vivid plots with the portrayal of bad mothers, stepmothers, overly powerful women, effeminate men and unworthy rulers served not only to instruct and entertain readers but also as an important tool for explaining the turning points of English history.

Keywords: William of Malmesbury, “Gesta Regum Anglorum”, Orderic Vitalis, Henry of Huntingdon, Anglo-Norman historical writing, gender behavior

XII век — время расцвета английского историописания. Современная наука не нуждается в дополнительных доказательствах этого факта: совокупность исследований, посвященных трудам отдельных авторов и интеллектуальной среде в целом, закрепила за этим периодом статус самого яркого и плодотворного в истории английского историописания [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Предметом интереса являлись и различные гендерные сюжеты, однако исследователи в основном обращали на них внимание лишь в трудах отдельно взятых англо-нормандских авторов [10; 11; 12; 13; 14]. Настоящая статья призвана частично решить эту проблему, заполнить существующую лауну и обратиться к гендерным сюжетам в трудах целой совокупности текстов англо-нормандских историков. Преимущественно нас интересуют тексты, рассказывающие светскую историю, и / или посвященные лицам из знатного круга, или же предназначенные для прочтения лицами преимущественно из светских кругов. Среди таких текстов «Gesta Regum Anglorum» (Деяния английских королей) Уильяма Мальмсберийского [15], Хроника Иоанна Вустерского [16], «Historia Anglorum» (История англоv) Генриха Хантингдонского [17] и «Historia Ecclesiastica» (Церковная история) Ордерики Виталия [18].

Особый интерес представляет вопрос о том, какую роль играло представление о достойном и недостойном гендерном поведении в англо-нормандском историческом нарративе. В связи с этим в настоящей статье будет рассмотрено отношение английских авторов к недостойному (с их точки зрения) мужскому и женскому поведению, а также то, какое оно занимало место в их трудах, играло ли оно роль в выстраивании ими исторического нарратива или служило исключительно развлечению и назиданию читателей (яркие и поучительные истории были общим местом исторических трудов до середины XII в. [19, с. 183]).

Начнем с того, что средневековое общество демонстрировало сильную степень дискомфорта от перевернутого гендерного поведения: женоподобные мужчины и мужеподобные женщины нарушали нормативные гендерные отношения и встречали порицание со стороны авторов [20, p. 201–209; 21, p. 28].

Составляющими порицаемого изнеженного мужского образа были длинные волосы, неподобающе элегантная одежда, женоподобное поведение и жесты. Так, например, Ордерик Виталий и Уильям Мальмсберийский порицали придворную моду и мужские обычаи времен правления Вильгельма Руфуса. Среди многочисленных грехов и преступлений сына Вильгельма Завоевателя, таких как притеснение и ограбление церк-

ви, несправедливые суды, своеволие баронов, а также многочисленное несправедливое насилие [15, р. 558–560; 18, VIII. 4, X. 15], изнеженность и женоподобное поведение занимали важное место: «В моду вошли длинные распущенные волосы, роскошные одежды, обувь с загнутыми и заостренными носками. Мягкость тела, соперничающая со слабым полом, грациозная походка, изнеженные жесты и свободная демонстрация голей груди — такова была идеальная мода молодых людей. Расслабленные, изнеженные, они не хотели оставаться такими, какими их задумала Природа; они были врагами чужой стыдливости и неразборчивы в отношениях со своей собственной» [15, р. 558–560].

Тема неподобающих одеяний раскрывается и Генрихом Хантингдонским. В числе грехов, за которые Бог покарал англичан в лице Вильгельма Завоевателя, упоминается великое разнообразие украшений и одеяний: «родится столь переменчивое поколение, что непостоянство, скрытое в умах людей и проявляющееся в их делах, приведет к великому разнообразию их украшений и одеяний» [17, VI. 1].

Другим преступлением против мужественности была содомия, также распространенная при дворе Вильгельма Руфуса [15, р. 560; 18, VIII. 4]. Содомию упоминает и Генрих Хантингдонский, для него она — причина крушения Белого корабля в 1120 г. Кораблекрушение в этом случае является «возмездием, справедливо настигшим преступников» [17, VII. 32]. В итоге в трактовке хрониста гибель наследника престола, ставшая одной из причин развернувшихся в дальнейшем междоусобицы и гражданской войны, — результат содомии, одного из преступлений против должного мужского поведения.

В приведенных эпизодах демонстрация неприемлемого для авторов поведения, с одной стороны, используется как инструмент критики порицаемого представителями церкви правителя. Эффеминация мужчин, а также содомия, стоят в ряду с такими грехами, как алчность, несдерживаемая похоть и убийство. С другой — мужчины, чье поведение не соответствует должному, являются одновременно причиной и следствием упадка нравов, что навлекает божий гнев и ведет страну, народ к катастрофе.

Ярко это также прослеживается в труде Уильяма Мальмсберийского, для него падение англосаксов под натиском датчан и безнравственность короля, в том числе нарушение им нормативного гендерного поведения, неразрывно связаны. Хронисту одна из причин успеха датских набегов начала XI в. видится в слабости короля Этельреда Нерешительного, Уильям отмечает, что он был «опозорен изнеженностью» (*mollitie infamis*) [15, р. 268]. Слабость короля как мужчины и правителя сообщается нам

несколькими эпизодами: во время крещения, будучи младенцем, он прервал таинство, опорожнив кишечник; был причастен к братоубийству; из-за собственной жадности устроил хаос в стране, пойдя с войском на Рочестер; наконец, он был ленивым, неудачливым полководцем, не сумевшим сплотить армию, а также похотливым, поскольку «бесчестил королевское достоинство возлежанием с наложницами» [15, р. 270, 272–274, 276].

Пример Этельреда показывает нам другую сторону нарушения нормативного гендерного поведения — изнеженным он называется Уильямом не из-за склонности к элегантной одежде и женоподобным манерам, а из-за того, что не соответствовал представлениям о мужчине — короле — правителе. В приведенном случае нарушение правителем норм и представлений приводит страну к упадку, например напрямую, из-за допущенных им стратегических ошибок, неспособности сплотить армию, а также опосредованно, как результат божественной кары за его испорченный нрав. В правление Этельреда вокруг него появилось много предателей, среди знати не было единства, страну охватили раздор и голод [15, р. 268–274]. Все это облегчило датчанам захват страны.

В итоге несоответствие Этельреда представлениям о мужчине — короле — правителе позволяет Уильяму назвать его изнеженным именно потому, что для автора он являлся противоположностью приемлемого маскулинного образа. В этом случае мы встречаемся с прямым противопоставлением женского, женоподобного, «изнеженного» с одной стороны и мужского — с другой.

Очерненный Уильямом образ и репутация Этельреда прочно закрепились в английской историографической традиции [22, р. 22]. Этельред не был успешным правителем, ему не удавалось отразить унижения, наносимые одной армией викингов за другой, и вместо достойного военного ответа он заплатил огромную дань, которая не стала гарантом мира [23, р. 138–151]. Описывая этот печальный период английской истории, Уильям подвергнул резкой критике и очернил Этельреда, обвинив его в целом ряде пороков, включая, среди прочего, его изнеженность.

Рассмотрение приведенных эпизодов позволило нам выявить словарь, используемый авторами для обозначения испорченной мужественности. Такие слова, как *effeminatus* и *delicatus* (изнеженный, женоподобный), *mollitia* (мягкость / изнеженность), *muliebriarius* (женственный), *catamite* (содомит), использовались для описания женоподобных и испорченных мужчин. Вся эта лексика носит оттенок порицания. Таким образом, все эти характеристики — нежелательные для любого мужчины, и религиозного, и светского.

Важную роль в трудах авторов играют и героини, также выходящие за рамки допустимого женского поведения. Так, мы встречаемся с образами женщин, которые предают интересы семьи, а также стремятся к неполюженной им власти. Один из ярких примеров — история мачехи короля Эдуарда Мученика Эльфтрита.

Согласно труду Уильяма Мальмсберийского, король Эдуард отдал сводному брату, будущему правителю Этельреду Нерешительному, и мачехе Эльфтрите все привилегии, однако последняя не успокоилась и, возжелав для себя и своего сына еще больше власти, приказала убить пасынка, в результате чего была наказана: «Однако женщина с ненавистью мачехи и коварством змеи, заботясь о том, чтобы ее сын также пользовался королевским титулом, замышляла против жизни своего пасынка заговор, который она осуществила следующим образом. Он возвращался, уставший от охоты, изнеможенный от жажды после своих трудов; его спутники следовали за гончими туда, куда их завел случай; и, узнав, что они остановились в соседней деревне, молодой человек прищпорил свою лошадь и поспешил туда, не боясь ничего в силу своей невинности и, несомненно, судя других людей по себе. По его приезде мачеха женскими ласками отвлекла его внимание и, поцеловав, предложила ему кубок. Когда он жадно выпил его, она приказала одному из своих слуг пронзить его кинжалом» [15, р. 264–266].

В этом рассказе Эльфтрита, с одной стороны, воплощает архетип злой мачехи — традиционный образ ужасный женщины, который уходит своими корнями в сложившуюся женоненавистническую традицию греческих, римских и библейских текстов [24, р. 2]. С другой стороны, она олицетворяет страх перед женским стремлением добиться власти любой ценой, ниспровергнув естественный порядок вещей. Эльфтрита желает несправедливой, чрезмерной и неполюженной ей власти, что делает ее особенно пугающей в глазах автора и читателей.

Эльфтрита порицается не только за чрезмерное и несправедливое стремление к власти. Она в истории Уильяма — не только злая мачеха, но и плохая, позорная (*ignominiosa*) мать [15, р. 268], что является нарушением традиционных представлений о достойных моделях женского поведения. Она опасна, агрессивна и представляет угрозу собственному сыну. Так, Уильям рассказывает историю, как Эльфтрита избивала своего невинного (*innocentem*) сына свечами, в результате чего он всю оставшуюся жизнь их боялся и никогда не позволял, чтобы «свет свечи был внесен в его присутствие» [15, р. 268]. Уильям называет ее убийцей (*interfectrix*), и в итоге ее преступление омрачило правление ее сына.

«Путь его жизни был жестоким в начале, жалким в середине и позорным в конце» [15, р. 268] в том числе из-за деяний его матери.

Эта история важна и в другом отношении. Деяния Эльфриты привели к тому, что «вся страна долгое время после этого провела в варварском подчинении» [15, р. 266]. Так хронист напрямую связывает один из поворотных моментов английского прошлого с деяниями женщины, вышедшей за рамки представления о приемлемом женском поведении и волеизъявлении.

В итоге, как мы видим, положение страны, которая встретила с катастрофой в виде датского завоевания, усугубили и Эльфрита, которая вышла за рамки приемлемого женского поведения и изъявления власти, и ее изнеженный сын Этельред. Таким образом, эта история показывает, как нарушение гендерных норм и мужчинами, и женщинами является инструментом конструирования исторического прошлого. Этот эпизод не только поучителен, он — один из ключевых и переломных составляющих английского прошлого в труде Уильяма Мальмсберийского.

Есть и другие эпизоды, описывающие стремящихся к власти мачех. Так, яркая и поучительная история представлена у Ордерика. Он рассказывает о второй жене французского короля Филиппа I Бертраде, которая хотела хитростью погубить претендента на престол, пасынка Людовика, чтобы правила ее сыновья [18, XI. 9]. Во время его визита в Англию ко двору короля Генриха она отправила письмо, якобы написанное Филиппом, с приказом арестовать Людовика. Мудрый монарх (*Sapiens sceptriger*) не поверил абсурдному и неподобающему поручению (*absurdum et inconueniens preceptum*), направленному женской необузданностью (*per femineam procacitatem*). В итоге преступное предательство (*nefaria proditio*) мачехи раскрылось, после чего жестокая изменница (*adultera crudelis*) — необузданная мачеха (*prosaх poverca*) — решает прибегнуть к помощи колдунов и яда. Тем не менее пасынок выжил, выздоровел, заступился за мачеху — отравительницу, колдунью (*venefica*), она перед ним содрогалась, поскольку ее злодеяние было раскрыто (*pro detecto scelere contremuit*), и, после всего, стала ему служить, чтобы добиться прощения.

Эта история как минимум яркой уничижительной лексикой показывает негативное отношение к мачехе, которая стремится всеми порицаемыми способами — хитростью, уловками, ядом, колдунами — завладеть для своих сыновей неположенной им властью.

В итоге в образе мачехи-вдовы виделась женщина, с одной стороны, склонная к опасным занятиям в виде колдовства, нарушающая пред-

ставления о приемлемом женском поведении, с другой — стремившаяся к власти для себя и своих детей, что нарушало порядок престолонаследия и могло привести к хаосу и войнам. Таким образом, англо-нормандские хронисты через образы мачех высказывали критику в сторону повторных браков многочисленных вдов, обнажая напряженность в династической политике и истории.

В образах коварных мачех прослеживается критика женщины во власти в целом, однако *поверса* — не только синоним женщины, нарушающей представления о приемлемом женской поведении, это еще и важный инструмент объяснения и конструирования прошлого. Деяния Эльфтри-ты в этом случае — самый яркий пример.

Других женщин, которые стремятся к неполюженной им власти, ждет жестокая кара и гибель, как это, например, произошло с сестрой мерсийского наследника Кенельма. Она возжелала власти и престола, предназначавшихся брату, приказала слуге его убить и взамен сама была жестоко наказана: «Тогда глазные яблоки той ведьмы были вырваны божественной силой из полых глазниц и запятали кровью стих: „Это дело клеветников на меня пред Господом и злословящих на душу мою“. Следы крови сохраняются и сегодня, свидетельствуя о жестокости женщины и мести Бога» [15, р. 392].

Иоанн Вустерский не передает таких кровавых подробностей, ограничиваясь сообщением о том, что Кенельм погиб из-за козней сестры, чья совесть была вооружена неистовым желанием править [16, р. 819].

Также и у Ордерика женщины, которые преследовали свои собственные цели в контексте, не одобряемом автором, встречают позорный и гибельный конец. Мабель, ненавистница обители Сент-Эвркуль, поплатилась жизнью за то, что несправедливо лишила Гуго Бунеля землю: в итоге тот убивает ее в собственной ванной [18, V. 13]. С. Джонс выдвигает гипотезу, согласно которой эта история, отсылающая к эпической традиции, в том числе сюжетно повторяющая убийство Агамемнона, является вымышленной [25, р. 17]. Соглашаясь с ее мыслью, можно предположить, что этот сюжет был специально придуман Ордериком для того, чтобы очернить образ Мабели, а также привести читателям яркий пример наказания, которое ждет женщину за ее несправедливые деяния и устремления.

Другой интересный эпизод — Обри, жена графа Байе Ральфа, была убита мужем за попытку изгнать его из замка. Этот замок, мощный и самый укрепленный (*ingens et munitissima*), она построила сама, но архитектора, чтобы он не воздвиг другого такого же неприступного сооруже-

ния, она казнила [18, VIII. 24]. Череду зла, начатую женщиной, Ордерик сопровождает следующим рассуждением: «Так что колесо фортуны вращается каждый день, и состояние мира подвержено многим изменениям. Глупец воистину слеп, если, постоянно видя такие вещи, не наказывается, а уповает на то, что рухнет в одно мгновение. Человек посылает своего ближнего на смерть и, доведя его до гибели, следует по тому же пути, заслуженно, увы, теряя силу помогать себе или другим» [18, VIII. 24].

В итоге женщина, стремившаяся к несправедливой и чрезмерной власти, жестока (*crudelis femina*), она действует с коварством змеи (*odio uipereum*), ее деяния — преступное предательство (*nefaria proditio*), направленные женской необузданностью (*per femineam procacitatem*).

Подводя итог, отметим, что женоподобное и в целом женское поведение было не только фактором ослабляющим и порочным, еще оно было важным инструментом объяснения катастроф и событий прошлого. Сюжеты с участием женоподобных мужчин сопровождались порицаниями авторов, которые не только характеризовали таких героев уничижительной лексикой, но и приписывали на их совесть трагедии, случившиеся с Англией в XI в.

В свою очередь, из-за стремления женщин к неполюженной им власти погибали или находились на грани гибели легитимные короли, страна оказывалась побежденной иностранными захватчиками. В этом случае героиня, выходящая за рамки приемлемого волеизъявления и моделей поведения, является инструментом не только назидательным, но и важным для конструирования исторического прошлого.

Один из самых порицаемых женских властных образов — мачеха. Для англо-нормандских авторов образ мачехи был инструментом критики вступившей в повторный брак вдовы и влиятельной женщины, которая стремилась добиться для своих детей и, что важно, для себя неполюженного места во власти.

Особую роль в предвзятом, негативном воззрении на женщин, женское и женоподобное сыграли несколько моментов. Во-первых, заложенное экзегетической традицией отношение к женщине, подразумевающее скорее негативный взгляд, поскольку женское — причина падения мужины и человечества [26, р. 1–2].

Во-вторых, особую роль в описании женского и женоподобного как негативного, ослабляющего и опасного сыграли преобразования, разворачивающиеся в церкви в XI–XII вв. Речь идет о соборах и постановлениях, укрепляющих аскезу и целомудрие, предписывающих клирикам отказаться от жен. Эти реформы противоречили сути традиционных

представлений о мужественности, что вызвало потребность в конструировании новой концепции монашеской маскулинности, чем в том числе занимались и англо-нормандские авторы. Ими выстраивалась идея о «новой мужской идентичности», основанной на целомудрии и контроле плотских желаний [21, р. 22, 41–42].

Стремление авторов выстроить новый мужской образ вокруг чистоты и целомудренности тела в литературе описывается как «беспокойство», «тревожность» [21, р. 8]. Эта «клерикальная тревожность» привела к возвышению непорочного мужского тела, преданного служению и аскезе. В итоге этому идеальному мужскому телу противопоставлялось, с одной стороны, женоподобное мужское тело, склонное к порокам и ослабленное ими, с другой — само женское тело, слабое и ослабляющее, объект и источник похоти.

В итоге язык, который сопровождает женское, является также языком слабости и порока, языком противоположного мужскому. Авторы, описав женское как прямо противоположное мужскому, создали некое «зеркало», глядя в которое авторы-монахи отделяли самих себя от других [27, с. 16]: казавшихся им слабыми и женоподобными мужчин-мирян, а также порочных женщин.

Описанная авторами женственность, как составляющая женской природы и сущности, а также мужественность и испорченная мужественность являлись не только противоположностями мужскому приемлемому, добродетельному и монашескому. Авторами эти представления использовались в качестве инструмента выстраивания и объяснения прошлого. Образы опасных женщин, изнеженных мужчин и содомитов использовались не только в качестве критики, для развлеченя и назидания, они также являлись важной частью объяснения причин случившихся с Англией катастроф. Так, завоевание датчан в трактовке Уильяма — наказание, постигшее народ в лице его распутного, испорченного короля и его матери, которая воплощает собой «неправильное» женское, крушение Белого корабля с последующей гражданской войной — наказание за содомию, Нормандское завоевание — наказание в том числе за неподобающую мужскую моду. В итоге также женоподобное и недопустимое женское поведение ведет к катастрофам и является одной из ключевых причин кризисных событий. Так, слом приемлемого гендерного поведения вписан в исторические труды не только с целью добавить развлекательные и назидательные истории — он неотъемлемая и важная часть выстраивания и объяснения исторического процесса.

Список источников и литературы

1. *Мереминский С. Г.* Формирование традиции: английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
2. *Campbell J.* Some Twelfth-Century Views of the Anglo-Saxon Past // *Peritia*. 1984. Vol. 3. P. 131–150.
3. *Chibnall M.* The world of Orderic Vitalis. Oxford: Oxford University Press, 1984. 256 p.
4. *Given-Wilson C.* Chronicles: The Writing of History in Medieval England. Bloomsbury Academic, 2007 (First ed. — 2004). 320 p.
5. *Gransden A.* Historical Writing in England: c. 550–1307. Vol. 1. London — New York: Routledge, 2013 (First ed. — 1974). 1336 p.
6. *Houts E. M. C. van.* The trauma of 1066 // *History today*. 1996. Vol. 46, no. 10. P. 9–15.
7. *Partner N. F.* Serious entertainments: The writing of history in twelfth-century England. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 289 p.
8. *Southern R. W.* Aspects of the European tradition of Historical Writing: 1. The Classical Tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1970. Vol. 20. P. 173–196.
9. *Thomson R.* William of Malmesbury. Woodbridge: Boydell Press, 2003. 239 p.
10. *Chibnall M.* Women in Orderic Vitalis // *Haskins Society journal: studies in medieval history*. 1990. Vol. 2. P. 105–121.
11. *Leysner H.* Medieval Women. A Social History of Women in England 450–1500. London: Phoenix, 1995. 337 p.
12. *Fenton K.* Gender, Nation and Conquest in the Works of William of Malmesbury. Martlesham: Boydell & Brewer Ltd, 2008. 163 p.
13. *Tolhurst F.* Geoffrey of Monmouth and the translation of female kingship. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 347 p.
14. *Tolhurst F.* Geoffrey of Monmouth and the feminist origins of the Arthurian legend. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 196 p.
15. *William of Malmesbury.* Gesta Regum Anglorum / ed. R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thomson, M. Winterbottom. 2 vols. Oxford: Oxford University Press, 1998–1999.
16. The Chronicle of John of Worcester / ed. R. R. Darlington, P. McGurk. Vol. 2–3. Oxford, 1995–1998.
17. *Henrici Archidiaconi Huntendunensis Historia Anglorum* / ed. A. Thomas. London: Longman & Co, 1879. 476 p.
18. *Orderic Vitalis.* Historia Ecclesiastica / ed. M. Chibnall. 6 vols. Oxford, 1968–1980.
19. Состояние переходности и смыслы истории / ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский, М. П. Айзенштадт. М.: Евразия, 2019. 400 с.
20. *Cadden J.* The Meanings of Sex Difference in the Middle Ages: Medicine, Science, and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 328 p.

21. *Thibodeaux J.* The Manly Priest: Clerical Celibacy, Masculinity, and Reform in England and Normandy, 1066–1300. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 240 p.
22. *Niles J.* The Idea of Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, Renewing the Past. Chichester: John Wiley & Sons, 2015. 425 p.
23. *Leysner H.* A Short History of the Anglo-Saxons. London: I. B. Tauris, 2016. 256 p.
24. *Clausen S.* Stepmothers as Villains: the dark side of Medieval Motherhood // Annual Medieval Colloquium in Gregynog Hall. 2011. 12 p.
25. *Johns S.* Noblewomen, Aristocracy and Power in the Twelfth-century Anglo-Norman Realm. Manchester: Manchester University Press, 2003. 288 p.
26. *Ferrante J.* Woman as Image in Medieval Literature from XII Century to Dante. New York: Labyrinth Press, 1985. 166 p.
27. *Фонтана Ж.* Европа перед зеркалом. Критика исторических представлений. СПб.: Александрия, 2022. 256 с.

УДК 94(450).042

Сокуренок В. П.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук, студент бакалавриата
E-mail: v.sokurenko03@mail.ru; stud0000248347@study.utmn.ru

Гомилетический bestiарий в проповедях св. Антония Падуанского

Аннотация. Использование образа животного, знакомого каждому, являлось средством повышения коммуникативной эффективности между пастырем и паствой. Мы рассмотрим номенклатуру, частотность образов bestiарных персонажей, а также их корреляции с основной целью проповеди — моральным наставлением паствы на примере труда св. Антония Падуанского.

Ключевые слова: bestiарий, проповедь, этика, Антоний Падуанский

Sokurenko V. P.

University of Tyumen, Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student
E-mail: v.sokurenko03@mail.ru; stud0000248347@study.utmn.ru

Homiletic Bestiary in the Sermons of St. Anthony of Padua

Abstract. The use of the image of an animal familiar to everyone was a means of increasing the communicative effectiveness between the pastor and the congregation. We will review the nomenclature, the frequency of images of bestial types, also their correlations with the main purpose of the sermon — the moral guidance of the congregation, using the example of the work of St. Anthony of Padua.

Keywords: bestiary, sermon, ethics, St. Anthony of Padua

Проповедь — неотъемлемая часть не только христианской религиозности, но и культуры европейского Средневековья в целом. В устной или письменной формах, краткие или длинные, проповеди были вплетены в ткань средневекового общества, и сложно представить тему, которая не была бы затронута в них.

Начало XIII в. ознаменовалось основанием двух нищенствующих орденов — францисканского (1209) и доминиканского (1216), которым было поручено по итогам Четвертого Латеранского собора способствовать получению мирянами должного религиозного наставления посред-

ством учащенных проповедей [1, р. 3]. Так искусство проповедования (*ars praedicandi*) достигло своего расцвета вместе с актуализацией проповеди как пропаганды христианского вероучения. Трактаты жанра *artes praedicandi* включали в себя описание структуры «правильной» проповеди, различные рекомендации по ее презентации; текст мог охватывать множество аспектов, включая жизнь и обучение проповедника, его артикуляцию и жесты во время проповеди [2, р. 3].

Подобного рода трактаты предлагали более теоретический материал, и демонстрации применения конкретной дидактики уделялось мало внимания. В качестве наглядных примеров создавались другие памятники — сборники образцовых проповедей.

Они отличаются в первую очередь аудиторией, на которую ориентирован текст. Если средневековая проповедь может предназначаться отдельным слоям населения (*ad status*), клирикам (*ad clericorum*) или в целом народным массам (*ad populum*), то образцовая могла быть использована только другими проповедниками. Кроме того, такая проповедь, вероятнее всего, никогда не произносилась ни перед кем также ввиду сложности написания.

Основная функция таких текстов — дидактическая, образцовая проповедь дает представление проповеднику как о риторических приемах, речевых оборотах, которые он может использовать в своем выступлении, чтобы произвести максимальное впечатление на публику, так и в целом о темах, которые необходимо поднимать в тот или иной день литургического цикла.

На материале таких источников можно проследить не только каноны построения средневековой проповеди конкретного периода, но и актуальные проблемы современного автору общества, мировоззрение духовенства.

В качестве примера сборников образцовых проповедей XIII в. был взят труд католического святого — Антония Падуанского. Урожденный португалец, Фернандо де Буйон в 1230 г. представил братьям на генеральном капитуле в Ассизи свой первый сборник — «*Sermones Dominicales*» («Воскресные проповеди») [3]. В него входит большая часть литературного наследия Антония, из 76 проповедей 63 вошли в вышеуказанный сборник. Проповеди в нем структурированы в соответствии с важными датами литургического календаря и начинаются с речи на Семидесятницу, заканчиваясь проповедью на Третье воскресенье после Богоявления.

Проповедь начинается с *themata sermonis* — тем, что должны быть рассмотрены. Далее следует *exordium* — комментарий к отрывку Свя-

щенного Писания, и последним пунктом является деление проповеди на клаузулы, оканчивающиеся молитвой и подводящие итоги всем тезисам. Применяя данную схему построения проповеди, св. Антоний ссылается на «*Quo ordine sermo fieri debet*», трактат Гиберта Ножанского (1053–1124) [4, р. 5].

Единое мистическое толкование мест из четырех чтений воскресной литургии — одна из основных целей таких образцовых проповедей. Важно, что св. Антоний уделял внимание не только аллегорической составляющей своих текстов, но и этической. В корпусе проповедей содержатся наработанные годами знания не только о Евангелии, но и размышления, накопленные за десятилетия проповедования в разных городах Европы.

Не столько структура, сколько содержание каждой проповеди отдельно и корпус в целом представляют интерес: о чем говорил автор, на какой праздник литургического цикла приходится проповедь, какие *exempla* он приводил, что порицал или считал добродетелью, какие символы использовал, чтобы упростить аудитории понимание текста?

Любопытно, что обращение к символизму оправдано св. Антонием как уступка читателям, которые неспособны ощутить вкус Слова Божьего. Поскольку природа также творение Бога, Антоний стремится ее изучать как книгу, а точнее, Священное Писание [4, р. 6]. Относительно легкости восприятия представленные в проповедях образы мы можем разделить на: 1) *понятные и доступные каждому, взятые из повседневной жизни*: солнце символизирует Христа, лазурь сапфира — созерцание, пурпурно-красный — кровь страстей; 2) *требующие интерпретации Писания*, т.е. значения имен людей и мест, упомянутых в Библии; 3) *требующие интерпретации ученых трудов*, посвященных животным, камням, растениям, ароматам и цветам.

Для удобства анализа образы нами были разделены на: 1) *библейские*; 2) *неодушевленных предметов*; 3) *флорарные*; 4) *бестиарные*; 5) *природных явлений*. На данном этапе проекта выявлено, что бестиарий в проповедях встречается чаще флорария, что можно объяснить целью корпуса, как и в целом проповеднической миссии Антония — порицанием грехов. Библейские персонажи в связи с характером источника, пронизанного сюжетами Евангелия, являются самыми распространенными, в то время как неодушевленные предметы встречаются несколько реже.

Каждая группа символов требует специального анализа, поскольку примеры проповедник выбирает не случайно, используемые им персонажи, зачастую являющиеся героями различных *exempla*, косвенно отображают настроения, характерные для эпохи.

Данное исследование является одним из этапов долговременного социокультурного проекта по изучению этики в проповедях св. Антония Падуанского. Ниже мы предпримем попытку осветить ряд вопросов, касающихся образов бестиарных персонажей, используемых проповедником, а также проследить их корреляцию с моральными максимами, различными группами, упомянутыми в тексте.

Бестиарий

В средневековом христианском понимании Бог не коммуницировал с человеком словами, данными Адамом, а делал это зачастую при помощи языка вещей. Эта идея была выдвинута еще Августином и нашла развитие в теологии XII–XIII вв. Принципиальное отличие языка Бога от человеческого состояло в том, что вещь, за счет разнообразия свойств, может иметь намного больше значений, чем слово [5, с. 50–52]. Следовательно, бестиарий становится разделом средневековой семиотики [6, с. 2].

В трактате «*Summa de arte praedicandi*» английский богослов Томас Чобэм (ум. ок. 1236) отразил средневековую веру в то, что природный мир зверей и птиц — книга уроков, написанная Богом в назидание людям. Средневековые бестиарии были сочинениями о природе, где текст и иллюстрации — это свидетельства о Христе и дьяволе в мире, что окружает человека. Они содержат не столько физиологические характеристики бестиарных персонажей, сколько их моральное толкование [7, р. 19]. Именно это делает бестиарий ценным источником по изучению актуальных этических представлений, что немаловажно для попытки проследить нормы, формирующие интеллектуальную культуру периода.

В зависимости от контекста Антоний наделяет образ льва самыми разными характеристиками. В проповеди на Шестидесятницу (*Dom. In Sexagesima*) проповедник говорит о ростовщике как о льве, у которого две черты — несгибаемая шея и зловоние зубов. Первый признак связан с его непреклонностью перед Богом, а второй говорит о «навозе» денег, которые он держит в зубах. Так автор предлагает читателю наиболее красочно представить образ злостного ростовщика, который не только идет против Господа, но и представляет опасность для «честных» людей. На другой день литургического календаря (*Dom. X Post Pentecosten*) автор говорит о львах в контексте порицания богатых, «приносящих страдания неимущим». В источнике лев упоминается не единожды в негативном ключе, олицетворяя гордыню, алчность, блуд, гнев.

Однако амбивалентность — лейтмотив культуры Средневековья, и бестиарии в этом отношении не исключение. В проповеди на Пятидесят-

ницу (*In Festo Pentecosten*) лев представлен фигурой кающегося, с ярким сравнением стона исповедующегося с рыком льва, а в другой речи (*Dom. IV Post Pentecosten*) смиренный лев зовется сильнейшим среди зверей.

Так, практически любое животное может представлять больше, например, одного смертного греха, что исключает приписывание каких-либо абсолютных значений [8, р. 53–57]. Семиотика бестиария — не дополнение к описанию физиологии животных, а главное в памятнике; именно от морального толкования автор отталкивается, описывая физиологические черты зверя, который для него — сумма знаков.

Бестиарные образы использовались проповедниками не только для повышения эффективности пропаганды и закрепления христианского вероучения, но и воспитания в пастве нравственных принципов. Связано это с тем, что составление бестиариев долгое время было прерогативой духовенства, а их содержание, построенное на притчах и описаниях животных, имело основное распространение через проповедь.

Объем картотеки составляет 213 символических единиц, в которых 65 бестиарных образов характеризуются разными пороками и добродетелями, олицетворяют конкретного персонажа или группу. Необходимо отметить, что животное воспринимается св. Антонием больше как символ греха, нежели добродетели. Это можно проследить и по частотности: грех, визуализированный животным, встречается 185 раз (в одной единице может находиться несколько образов / этических максим; например, лев: 4 порока и 2 добродетели), в то время как добродетель отмечена лишь в 80. Сама добродетель чаще иллюстрируется растениями, символом роста и стабильности. Это хорошо вписывается в концепцию христианской религии и может являться причиной такого распределения образов между флорой и фауной.

Грех

Понимание различных грехов характеризуется многими записями в бестиариях. С их помощью проповедники способствуют привлечению внимания аудитории к разрушительным последствиям присутствия этих грехов в ее жизни.

Одним из первых отцов Церкви, предпринявшим попытку классификации грехов, является Иоанн Кассиан. Спустя столетие уже Григорий Великий говорит о семи смертных грехах в «Комментарии к книге Иова». Согласно св. Августину, чье толкование Писаний послужило основой для средневековой мысли, грех начался с дьявола — «тайного подстрекателя и покровителя тех, кто грешит» [1, р. 29]. Самым «смерто-

носным» грехом стала гордыня, что указано и в Библии: «...ибо начало греха — гордость» (Сир. 10: 15) [9].

Сам Антоний, прошедший обучение в школе каноников св. Августина, также среди перечня грехов уделяет особое внимание гордыне, предпринимая также попытку выделить ее виды. Автор прибегает к использованию образов рогатых зверей в третьей проповеди на Четыредесятницу (*Dom. III Quadragesima*) и отмечает, что прежде других грехов Бог ненавидит гордыню. На примере набора рогатых животных он выделяет несколько видов греха: 1) гордыню, униженную похотью; 2) гордыню, вытекающую из лицемерия, ложного смирения; 3) сокрушающую гордыню; 4) гордыню духовенства.

Воплощение гордыни, униженной похотью, автор видит в животных, чьи рога загнуты назад (*cornua recurvata ad posterius*), но не приводит конкретных примеров. Так, рога, символ порока, сгибаются под грузом похоти плоти, каким бы высокомерным грешник ни был. Второй вид греха Антоний присуждает бестиарным персонажам, чьи рога наклонены вперед (*cornua declinantia in anterius*), например единорогам (*monoceros*). Они представляют собой гордыню лицемеров, берущую начало из лживой религиозности. В подтверждение проповедник приводит слова из авторитета: «Есть лукавый, который ходит согнувшись, в унынии, но внутри он полон коварства» (Сир. 19: 23) [10]. Далее следует гордыня, сокрушающая носителя (*in seipsa confringitur*), в контексте которой автор говорит о дикой корове, чьи рога направлены на себя (*cornua recurvata ad seipsa*). Самым тяжелым Антоний называет последний вид гордыни — духовенства, — иллюстрируя «смертоносность» греха словами пророка Исайи. В пример приводится олень, чьи рога направлены вверх (*cornua sursum erecta*). После проповедник дополняет, что не так плохо, когда мирянин стремится к возвышению, как когда это делает пастырь, которому должно подавать пример смиренной и покаянной жизни.

Гордый человек не только угнетает бедняков, но и презирает равных и вышестоящих. Антоний сетует на то, что гордыня не только смертельна для души, но и тяжела в исповедании. Для характеристики гордыни автором используются также и орел, перо страуса, ласточка, лев, волк, осел, паук, барс, дракон, саранча, конь. Однако рог, как признак гордыни, упоминается чаще относительно других животных и их физиологических признаков. Из 43 кейсов в 15 фигурируют рогатые животные, в то время как лев упоминается в 7, а птица — 8 примерах.

В проповеди на Шестидесятницу (*Dom. In Sexagesima*) св. Антоний также прибегает к попытке классификации не менее часто упоминаемого

им в сборнике порока — блуда. Так, из навоза плотских похотей рождаются четыре червя, которые, в свою очередь, являются обыкновенным развратом (*fornicatio*), супружеской изменой (*adulterium*), кровосмешением (*incestus*) и грехом против природы (*peccatum contra naturam*). Под развратом Антоний понимает отношения между людьми, не состоящими в браке, супружеская измена объясняется им как уход в чужую постель. Инцест является надругательством над кровным родством, а под грехом против природы понимается всякое пролитие семени (*semen effunditur*) кроме как с целью продолжения рода.

Нам удалось выделить 37 кейсов с порицанием греха похоти. Так, Антонием иллюстрируется губительность блуда при помощи тельца, раскрывшего свое чрево, ослепленной навозом плотских похотей змеи, медведя, куропатки, коровы и т. д. Относительно часто встречается образ осла (5 кейсов), где им именуется и духовенство, и богатые — две наиболее часто порицаемые автором группы. Антоний акцентирует внимание читателя на порочной природе животных: «мерзостью животных, нечистой блуда» (*Dom. XXI Post Pentecosten*).

На шестое воскресенье после Пасхи (*Dom. VI Post Pascha*) Антоний пишет о том, что «скупость повреждает душу, отчего чем более приобретет скупой, тем сильнее алчет». Так, алчность сравнивается с ненасытной молью, что грызет то, на чем сидит, пастью льва, пиявкой, сатиром, горечью птичьего желчного пузыря и др. Отдельный интерес представляет *exempla*, используемая автором дважды, о верблюде, которому не суждено пройти через игольное ушко. Здесь верблюдом представляется алчный богатый, которому не попасть в рай, если он не претерпит нищету Христа (*Dom. IV Post Pascha*).

В алчности также упрекается и духовенство — основная читательская аудитория сборника. Так, плотский человек создает себе идолов, которые суть кроты скупости. «Ибо жадность, лишенная святой нищеты, роет землю, любит земное», — пишет св. Антоний, обвиняя «проповедников и прелатов» (*Dom. I de Adventu*). Порок жадности не менее типичен для ростовщиков. В проповеди на Богоявление автор пишет о них: «как птицы и звери растерзывают труп, так демоны алчности растерзывают сердце алчного или ростовщика».

Через все кейсы (18) прослеживается два мотива: животное, символ жадности, либо потребляет (моль грызет, пиявка высасывает кровь, леопард ест навоз), либо страдает от греха (перенасыщенный воробей падает, ростовщика терзают, медведи, вкусив зла мандрагоры, умирают).

В сборнике проповедей фигурирует внушительный корпус грехов, которые были затронуты небольшое количество раз. К ним относятся лицемерие (15), чревоугодие (11), гнев (6), зависть (5), клевета (4), пьянство, уныние и лесть (2), симония (1). Несколько пороков св. Антоний обозначает собирательным понятием — избытие мирских благ (17).

Сложно не отметить доступность каждого примера, используемого св. Антонием для иллюстративного обучения менее образованных проповедников канонам использования, в данном контексте бестиарных, образов. Каждый кейс содержит как сам символ греха, так и урок, чаще всего выступающий в роли наказания за порок. Например, проповедник интерпретирует испражнения ласточек (демонов) как грех гордыни, которым они опорочили Товия. Наказанием за это стала слепота (*Dom. di Quinquagesima*).

При изучении источника можно заметить, что грех у автора чаще всего коррелирует с бестиарными персонажами и их физиологическими особенностями. Но поскольку средневековые образы животных были яркими и гибкими, на символическом уровне их можно найти по обе стороны духовной борьбы, составляющей существование человека на земле.

Добродетель

Если грехи в раннесредневековой культуре считаются недостатками, то добродетели — превосходствами. Так, пороки — это различные загрязняющие вещества, которые, подобно плесени, могут доминировать и ослаблять организм, в то время как добродетель — это квинтэссенция черт человека в их лучшем проявлении [9, р. 1–15].

Смирение считается одной из главных христианских добродетелей, поскольку регулирует взаимоотношения не только между верующим и Богом, но и между людьми в целом. Смирение противопоставляется гордыне, поэтому смиренный человек, обозначает св. Антоний, подобен червя, который «укорачивает себя, становится маленьким», т.е. осознает свое место в мире, созданном Богом (*Dom. III In Quadragesima*).

Единогор, символизирующий исключительную гордыню, в примерах у Антония не способен к смирению, и в тексте отмечается его нежелание возвращаться в ясли Господни (там же). Однако в другой проповеди при помощи образов осла и осленка, т.е. погрязших в плотских похотях прелата и священника, проповедник говорит о том, как «презрение к миру и смирение ума освобождают все узы» и приводят их к Господу (*Dom. In Ramis Palmarum*). Суть смирения иллюстрируют также

и лев — смиренный проповедник, павлин, отказывающийся от славы, пчела, олень, пеликан, агнец.

Покаяние, и его первый этап — раскаяние, занимает также не последнее место среди добродетелей в источнике. Так, кони, посланные в море, символизируют апостолов, отправленных Господом в мир для проповедования народам (*Dom. II Post Pascha*). Крот трактуется как одинокий грешник, думающий о горечи души своей, а не о чужих прегрешениях (*Dom. XXII Post Pentecosten*). О черном коне говорится в контексте новообращенного, принимающего на себя черноту раскаяния (*Dom. VII Post Pentecosten*).

Прочие добродетели в бестиарии встречаются в тексте намного реже. Если кейсов, иллюстрирующих смиренного, насчитывается 16, а раскаявшегося — 12, то, например, милосердие встречается лишь в 6 (слон, вол, пчела, саламандра, кролик и орел). Образов животных, символизирующих целомудрие, еще меньше — 4 кейса, где помимо голубя и агнца говорится о белом коне как теле пастыря и настоятеля Церкви. Лишь единожды удалось выделить кейс с такими добродетелями, как трудолюбие, мудрость, благоразумность, терпение, воздержание, созерцательность, жертвенность.

Практически все выявленные бестиарные персонажи восходят к Священному Писанию (61). Исключением являются образы птицы каладрия и рыбы алек («Естественная история» Плиния Старшего), сирены («Этимология» Исидора Севильского), а также муравьеда.

Часто проповедники стараются использовать образы, за названием которых сохраняется духовный смысл, содержащийся в Библии (лев — Христос или дьявол, волк — лжепророк). Антоний лишь несколько отходит от этого правила. В Священном Писании Бог описывается с помощью образов льва, пантеры, леопарда, медведя, орла, голубя и червя. Однако в проповедях св. Антония он визуализируется как животное лишь единожды, и это ястреб.

При составлении корпуса проповедей автор также опирался на труды Отцов Церкви. Однако в перечне источников образов, используемых проповедником, доминирующее положение занимает труд Плиния Старшего «*Naturalis Historia*», который послужил в дальнейшем подспорьем для других бестиариев. Антоний ссылается на него прямым текстом по меньшей мере 13 раз, — информация о зловонии пасти льва, губительности прикосновений и дыхания василиска, имитации гиенами человеческого голоса черпается им из этого источника, даже если заимствование не уточняется.

Часть животных Антоний рассматривает только с негативной стороны — это страус (10), дракон (6), единорог (4), медведь (5), волк (13); животных, которые бы обладали исключительно положительными чертами, выделить не удалось.

Социум

Поскольку проповедь — образцовая, классическая или схоластическая — передает актуальные настроения общества, такими, какими их видит автор, она содержит социальную критику. В работах св. Антония ей чаще прочих подвергаются духовенство, богатые, ростовщики и иудеи. В контексте картотеки необходимо отметить частоту порицания через поучительные уроки основной читательской аудитории работы — духовенства (15). Так, клир символизируют самые разные животные — горделивый олень, хвастливые пчелы, ленивый и глупый осел, бессловесный пес, погрязший в изобилии стервятник. Реже автор говорит об иудеях, богатых и ростовщиках (5). Интерес представляет отдельная группа, которую Антоний именуется тиранами. Если принять во внимание конфликт проповедника с одним из лидеров гибеллинов — Эццелино III да Романо, прославившимся жестокостью и отлучением за это от Церкви, можно проследить и политический аспект его проповедей. Сборник был написан после обращения к Эццелино, и в нем проповедник отмечает связь между «тираном» и дьяволом, где первый в 5 из 6 кейсов предстает в образе горделивого жадного волка.

Дьявол также не менее часто фигурирует (22) в проповедях под разными животными личинами: пиявка, осел, овен, волк, ворон, конь, змей, орел, лев, муравьед, дракон. Св. Антоний прибегает к аналогиям между библейскими персонажами (Христос — 10, дьявол, апостолы, грешники — 6, святые — 2, демоны — 8) и животными также для облегчения восприятия и запоминания аудиторией примеров. Облекая сложные экзегетические размышления в простые *exempla*, автор делает свою работу понятной и доступной, при этом являясь посредником между языком Божьим и человеческим.

Таким образом, Антоний Падуанский в своей работе, предназначенной для духовенства, на примере bestiария освещает не только интеллектуальную культуру современного ему общества, предоставив образцы «правильного» использования символов животных, но и политические, социальные и этические проблемы, в его восприятии актуальные, требующие гласности.

Список источников и литературы

1. *Gregg J. Y.* Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories. Albany: State University of New York Press, 1997. 289 p.
2. *Wenzel S.* Medieval artes praedicandi: a synthesis of scholastic sermon structure. University of Toronto Press, 2015. 152 p.
3. Centro Studi Antoniani [risorsa elettronica]. URL: <https://www.centrostudiantoniani.it/> (дата обращения: 18.09.2023).
4. *Valentin Strappazon.* Les Sermons de saint Antoine de Padoue [ressource électronique]. URL: http://bibliothequefranciscaine.org/IMG/pdf/les_sermons_de_st_Antoine-conf.pdf (дата обращения: 16.09.2023).
5. *Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2011. 256 с.
6. *Махов А. Е.* Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. С. 20–36.
7. *Hassig D.* Medieval Bestiaries Text, Image, Ideology. Cambridge University Press, 1995. 434 p.
8. *Hassig D.* The Mark of the beast the medieval Bestiary in Art, Life, and Literature. New York; London: Garland Publishing, INC, 1999. 246 p.
9. Премудрости Иисуса, сына Сирахова, глава 10, стих 15 // Библия: на церковнославянском, русском, еврейском, латинском, английском языках. Азбука веры: Библиотека. Библия. URL: [https://azbyka.ru/biblia/? Sir.10:15&t](https://azbyka.ru/biblia/?Sir.10:15&t) (дата обращения: 14.10.2023).
10. Премудрости Иисуса, сына Сирахова, глава 19, стих 23 // Библия: на церковнославянском, русском, еврейском, латинском, английском языках. Азбука веры: Библиотека. Библия. URL: [https://azbyka.ru/biblia/? Sir.19:23](https://azbyka.ru/biblia/?Sir.19:23) (дата обращения: 14.10.2023).
11. The Virtues and Vices in the Arts: A Sourcebook / ed. by S. W. Tucker. Cambridge: The Lutterworth Press, 2015. 297 p.

УДК 94

Суслова А. А.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
историко-филологический факультет, студент бакалавриата
E-mail: suslova.alisa1818@gmail.com

Женское религиозное служение (по «Золотой легенде» Иакова Ворагинского)

Аннотация. В данной статье по «Золотой легенде» Иакова Ворагинского исследуются основные виды женского религиозного служения. Рассматриваются образы Богоматери, Марии Магдалины как образец для подражания в женских религиозных практиках. Отдельное внимание уделяется таким видам женского служения, как проповедничество, монашество и мученичество.

Ключевые слова: Иаков Ворагинский, «Золотая легенда», религия, женское служение

Suslova A. A.

Saint Tikhon Orthodox University of the Humanities,
History and Philology Department, Bachelor's program, Student
E-mail: suslova.alisa@gmail.com

The women's religious service (according to "The Golden Legend" by Jacobus de Voragine)

Abstract. This article explores the main types of women's religious service in hagiographical work by Jacobus de Voragine. It considers images of the Mother of God, Mary Magdalene as model for imitation in women's religious practices. Special attention is also paid to such women's service as preaching, monasticism and martyrdom.

Keywords: Jacobus de Voragine, "Golden Legend", religion, women's service

XIII в. является переломным этапом в истории Европы: монгольские завоевания, ослабление Византийской империи, крестовые походы, образование нищенствующих орденов. Именно в это время в Италии жил знаменитый духовный писатель, монах доминиканец Иаков Ворагинский. На годы его жизни приходится противостояние Венеции с Генуей, во внутренней политике — «чехарда», сопровождаемая кровопролитием и частой сменой правителей. Для этого же времени характерен подъем

религиозных движений, появляются и новые святые, которые становятся идеалом для людей XIII в. [1, с. 24–25]. *«Все говорило о том, что христианское сознание нуждается в углублении и уточнении веры примерами подвигов древней духовной жизни»* [1, с. 24]. Начинается переосмысление истинного Бытия и Воплощения Христа. В таком контексте появляется «Золотая легенда», которая первоначально предназначалась для духовных лиц, проповедников. Труд состоял из жизнеописаний святых и мучеников и включал собрание сведений о важных событиях новозаветной истории [2, с. 15–16]. В «Золотой легенде» отсутствует традиционно установившаяся для всех житий похвала святому, нет пролога [3, с. 31]. Обычные жития включают в себя более детальные события и обстоятельства жизни святого, в то время как в «Золотой легенде» внимание уделяется только самым ярким эпизодам. Данный источник является самым известным средневековым сборником биографических свидетельств святых, в том числе и женщин. В данной статье мы рассмотрим основные образы женского служения на примере Богоматери и Марии Магдалины, а также попытаемся определить особенности женских практик на примере мученичества, монашества, проповедничества.

Под женским религиозным служением принято понимать участие женщин и молодых девушек в различных религиозных ритуалах, таких как богослужение, молитва, чтение служебных книг, проповедь и т.д. Многие женщины выбирали служение в церкви, другие практиковали молитву и милостьню [4, с. 119]. Женское служение в течение долгого времени подвергалось нападкам со стороны мужского клира и в целом всего общества. Отношение к женщине было неоднозначным: с одной стороны, в новозаветных текстах есть ряд писем и учений, которые признавали равенство мужчин и женщин перед Богом, но, с другой стороны, существовали также учения, которые ограничивали роль женщин в церковных служениях [4, с. 127]. В христианском сознании женщина не могла рассматриваться как равная мужчине. Предполагалось, что именно на нее оказывали воздействие злые силы, из-за этого она считалась немощной не только телом, но и душой, поэтому никакие практики женского религиозного служения в раннехристианской церкви не воспринимались всерьез.

Иаков Ворагинский в «Золотой легенде» попытался ликвидировать религиозную грань между служением в Церкви мужчины и женщины. Центральным образом христианского служения становится образ Богоматери, который был переосмыслен в духе эпохи и связан с углубленным пониманием роли Пресвятой Девы в сотериологии, а также с представ-

лением о Богородице как символе материнской любви и защитнице всех верующих. Именно с помощью Ее образа Иаков стремится воссоздать идею женского религиозного служения.

Пресвятая Дева выступает заступницей на суде на небесах, Она покровительница женщин, которые прибегают к Ней за помощью и обретают ее через чудеса. Использование сюжетов с элементами чудес в «Золотой легенде» характерно для XIII в., что связано с расцветом как светской литературы и искусства [2, с. 140], так и жанра *exempla*. Часто Богородица является как простая женщина, без характерных для Царицы Небесной явлений («яркие вспышки молний», «сопровожаемое пение»). Эта простота показывает, что Пресвятая Дева — Покровительница людей не только на небе, но и на земле. Богоматерь является и бедным девам, и тем, кто имеет достойное имущественное положение. Она приходит к знатной даме, которая отдала всю свою одежду нищим. Тем самым Иаков Ворагинский показывает, что Богородица помогает всем, кто к ней обратится, несмотря на материальное положение или статус. Во многом благодаря «Золотой легенде» меняется образ Богоматери, а вслед за этим изменением и женщину начинают рассматривать как Ее последовательницу в религиозном служении.

В «Золотой легенде» можно выделить второй образ женского служения — Марию Магдалину, которая с точки зрения автора XIII в. рассказывавшая грешница, сестра Марфы, служившая Господу во время трапезы, и Лазаря [5, с. 10]. Иаков не сомневается, что именно эти утверждения о Магдалине самые правильные, так как они вошли в народное сознание. К тому же важно отметить, что в Евангелии нет упоминания о том, что Мария Магдалина была блудницей. В нем говорится лишь то, что Господь изгнал из нее бесов. Однако в XIII в., благодаря популярности «Золотой легенды», рождается новый образ святой и ее служения, который сохраняется и в настоящей агиографической традиции. Уделяя большое внимание постепенному духовному падению будущей святой, Иаков Ворагинский делает акцент на том, что, несмотря на свое богатство, она предавалась разврату и даже, утратив свое собственное имя, стала называться просто грешницей [3, с. 70–71].

Имени святой автор уделяет отдельное внимание. Святая Мария Магдалина толкуется как «постоянно обвиняемая» [6, с. 70]. Одновременно с этим, как бы защищая Магдалину, он называет ее «непобедимой» [6, с. 70]. Это толкование имеет форму некоего пожелания, а также подчеркивает постепенный путь духовного становления святой. Экзегетике имени святой Иаков Ворагинский придавал большое значение,

в первую очередь на моральном уровне текста, воспринимая значение имени как нравственную инструкцию, следуя устоявшейся латинской традиции трехуровневого толкования.

О служении Марии Магдалины Господу, Иаков Ворагинский рассказывает в истории о правителе Массилии [6, с. 73]. Святая обращается к правителю, чтобы тот помог христианам в материальных невзгодах. В следующий раз она появляется уже во сне, негодую [6, с. 73]. Мария Магдалина предстает перед нами в совершенно ином образе: это уже не та Мария, которая призывала язычников к христианской вере, «со спокойным ликом и светлым взором», а грозная святая с требовательным лицом и ясной речью. Красочные эпитеты, метафоры придают яркость и выразительность ее житию. Иаков описывает, как жена правителя Массилии утонула, однако через два года снова «*пробудилась от сна*» и *рассказала, «что в течение этих двух лет незримо путешествовала с мужем и Петром по святым местам, ее спутницей и руководительницей была Мария Магдалина»* [6, с. 73–75]. Если бы Иаков не упомянул в житии Марии Магдалины некоторые реальные истории об Иисусе, то сюжет и помощь Марии напомнили бы морские приключения, которые пользовались популярностью в XIII в. [7, с. 5].

Особое внимание автор уделяет истории об отшельничестве Марии Магдалины: в пустыне святая проводит тридцать лет и встречается с блаженным Максимином, который причастил ее и похоронил [6, с. 76]. Данная история напоминает житие Марии Египетской. Ведь Мария Египетская, так же как и Мария Магдалина, была грешницей. Считается, что Иаков Ворагинский заимствовал истории из жизни других святых: у него религиозные практики Марии Магдалины напоминают служение Пресвятой Девы и Марии Египетской. Благодаря этому введению в житие Марии Магдалины истории о жизни и подвижничестве Марии Египетской в сознании людей XIII в. закрепилось мнение о том, что Магдалина — блудница, которая осознала свою нечистоту, раскаялась и была принята Иисусом. Для автора это было важно показать, чтобы оправдать всех грешниц, а также проиллюстрировать нравственный пример на образе Магдалины [5, с. 12–13].

У Иакова Ворагинского большой список ее ролей: Мария Магдалина и падшая грешница, и великая проповедница, покровительница людей перед Господом. Дело в том, что образ Марии Магдалины к XIII в. — собирательный. Это происходит из-за путаницы ролей разных женщин, образ которых был составлен Иаковым Ворагинским. Именно такой образ служения святой входит в народное сознание европейского Запада. Слу-

жение Марии Магдалины начинает рассматриваться как символ покаяния, а сама святая становится покровительницей для таких же женщин, какой и была она сама. Таким образом, создается одна из важнейших предпосылок для апологии женщины в Церкви: она перестает считаться обителью греха и порока, а в церковной организации стали признавать право служения женщины на благо Церкви [8, с. 7–8].

Помимо апологетических образов женского служения в «Золотой легенде» присутствуют такие виды женских религиозных практик, как мученичество, проповедничество, монашество.

Средневековый период истории занимает важное место в вопросе женского мученичества как религиозного служения. Поскольку гонения на христиан к XIII в. прекратились, мученичество теряет популярность [1, с. 24]. Иаков Ворагинский в своем тексте пытается возвратиться к традиции мученичества как примера религиозного служения.

Он строит рассказ о мученичестве по традиционному плану: а) начало гонений на христиан, которое сопровождается преследованиями, однако лишь главный герой остается спокойным на фоне страшной обстановки; б) святой или святая продолжает проповедовать веру во Христа; в) далее святых приводят к правителю или судье; г) диалог между обвиняемой и обвинителем. Интересно отметить, что диалог Иаков Ворагинский иногда выстраивает не в соответствии с характером святого: в житии святой Агнессы автор называет ее «агнец», что означает «кроткая и смиренная» [6, с. 166]. Однако резкий ответ Агнессы на суде, перед служителем закона, совершенно не совпадает с ее характеристикой доброй и мягкой [6, с. 166].

В «Золотой легенде» диалог между обвинителем и обвиняемым может проходить и в такой форме: 1) тихие и спокойные беседы; 2) диалог, который нередко перерастает в богословские споры (житие св. Екатерины); 3) сцены мучений и расправы над святыми.

Жития святых женщин-мучениц практически не отличаются от мужских. Чаще всего перед мученицами стояло два выбора: либо отправиться в дом разврата, либо принести жертву идолу. Первый вариант чаще практиковался над святыми мученицами. Для христианской традиции XIII в. становится неактуальным женское служение через отказ от принесения жертвы идолам, поэтому Иаков Ворагинский особое внимание уделяет вопросу о женском целомудрии [8, с. 236].

Примером женской целомудренности может являться святая Екатерина, которая пришла к императору Максенцию, собравшему народ для того, чтобы принести жертву богам, и обратилась к правителю со

словами: *«Император, тебя следовало бы приветствовать, как то требует твой сан и достоинство, если бы признал Небесного Творца и отворотил душу от своих богов»* [6, с. 525]. Иаков подчеркивает, что красота Екатерины так поразила окружающих и самого императора, что тот решил поставить в ее честь статую. Екатерина пытается показать правителю, что творение Бога настолько совершенно, что с ним не может сравниться никакая статуэтка [6, с. 528]. Однако правитель так и не принял всерьез слова Екатерины о благодеянии и внешней красоте. Далее начинаются мучения святой Екатерины. Иаков Ворагинский делает акцент на том, что страдания Екатерины придают ей большую красоту, тем самым подчеркивая, что внутренняя красота является феноменом твердой веры и девственности и что внутренний мир женщин должен совпадать с их внешним миром [6, с. 528–560].

Как на примере святой Екатерины, так и в истории с девой Агнессой Иаков, несмотря на то что главным подвигом святой считался отказ от принесения жертвы богам, все чаще делает акцент на сохранении девственной чистоты. Префект на отказ Агнессы отдался его сыну приказал отвести девушку обнаженной в «дом разврата». Когда Агнессу пытаются предать в руки «блудилища», Иаков прибегает к описанию чудес: *«Юноша захотел коснуться Агнессы и устремился в сияющий свет, но, не почтив Бога, он испустил дух, задушенный дьяволом»* [6, с. 168]. Доминиканец через житие Агнессы показывает, что одной из форм женского служения может быть сохранение девственности и мученичество за Христа.

Но только ли девы могли обрести святость? В «Золотой легенде» часто встречаются жития замужних мучениц царских кровей либо женщин, мужья которых обладали высокой должностью при дворе императора. Такая супруга могла разделить мученическую долю со своим мужем, как можно проследить в истории о св. Андриане [6, с. 298]. Нередко женщины становились примером для своих мужей, иногда мужья не принимали христианскую веру. В «Золотой легенде» также существуют упоминания о том, как женщина знатного происхождения принимала христианство и за это была мученически убита. В описании жития святой Екатерины Иаков сообщает нам о том, что царица, видя жестокие пытки над святой, просила мужа сжалиться над девушкой: *«Царица тотчас спустилась и стала порицать мужа за его невероятную жестокость»* [6, с. 530]. В приведенном отрывке интересно даже не само обращение к вере царицы, а описание ее твердой уверенности послужить Христу и умереть за Него. Царица являлась примером укрепления христианской веры прежде всего для женщин.

На примере святой Анастасии можно проследить, как жены могли принять смерть от своих мужей-правителей. Отец святой отдал ее замуж за известного язычника Публия, но Анастасия даже после замужества не решалась нарушить своего девства. Здесь автор снова упоминает о целомудрии даже замужней. Далее перед нами вошедшая в традицию система мученичества святой: *«Публий морил Анастасию голодом, дабы по смерти жены свободно тратить ее огромные богатства»* [6, с. 81]. После этой истории идет неожиданная для контекста смерть мучителя, однако испытания Анастасии продолжают и после смерти ее супруга: новый префект из-за нежелания Анастасии разделить с ним ложе повелел привязать девушку «к столбу и сжечь заживо» [6, с. 82]. Иаков совершенно не упоминает о том, как Анастасия посещала темницы, помогала и ухаживала за больными, что подчеркивает, что цель автора — создать идеальный образ целомудренной женщины, которая пусть даже и была скреплена узами брака со своим мужем, но оставалась преданной воле Божьей. Но зачем Иаков вдается в подробности жестоких мучений? Оказывается, Иаков Ворагинский не раз являлся свидетелем мученических смертей своих собратьев из ордена, поэтому события, которые происходили у Иакова на глазах, могут быть отголосками личного опыта [6, с. 76]. Таким образом, служение женщин-мучениц заключается в том, чтобы через мучения проповедовать истинную веру и своим примером приводить других ко Христу [1, с. 24]. Также для Иакова Ворагинского было важно показать, что даже замужние женщины все равно оканчивали свой путь мученичеством (либо монашеством): для доминиканца замужество не является одним из способов обретения спасения.

Следующий вид женского служения — проповедничество. Сам автор «Золотой легенды» подвизался в ордена св. Доминика, который являлся одним из главных центров борьбы с ложными учениями посредством проповеди Христу [3, с. 23]. Интересно отметить, что темы мученичества и проповедничества иногда тесно взаимосвязаны: как мученицы принимали жестокие страдания, проповедуя истинную веру, так и проповедницы готовы пойти на мученическую смерть за Божье дело, не боясь противостоять властям и проповедовать открыто, хотя не все проповедницы у Иакова впоследствии принимают мученическую кончину. Например, в житии св. Марфы говорится о том, что она умерла после того, как ее об этом оповестил Господь [6, с. 117].

Самой яркой проповедницей у Иакова Ворагинского является святая Екатерина. Иаков подчеркивает особенность стиля речи святой: *«когда же Екатерина мудро спорила с ним о Воплощении Сына, кесарь изумил-*

ся и не нашел, что ответить» [6, с. 526]. Иаков отмечает, что красно-речие — важный элемент в проповеди, немаловажна и внешняя красота проповедававшей.

Примером женского проповедничества является подвиг святой Марфы, которая *«проповедовала в землях, расположенных между Авиньоном и берегом Роны, а некий живший за рекой юноша захотел послушать ее речи. Не имея лодки, чтобы переправиться через реку, юноша снял одежду и поплыл, но быстрое течение реки поглотило его»* [6, с. 116]. В аллегорическом толковании данного отрывка Иаков показывает, что проповедь необходима человеку как глоток воды. А под «течением реки» автор подразумевал ереси, ведь он жил в то время, когда его страна находилась под влиянием множества лжеучений. По его мнению, именно проповедь может переубедить человека и просветить его учением о христианской вере. Марфа в труде доминиканца становится образчиком женского подвига в проповеди, она прозорливица и праведница, которая общается с Господом. О ее святости свидетельствуют чудеса, происходящие на могиле Марфы, которая уже совершила свое земное предназначение и по Божьему благословению получила простой путь к вечной жизни.

Безусловно, такое внимание к служению проповедников связано как с орденской аффилиацией Иакова Ворагинского, так и с ростом еретических учений. Именно проповедь — единственный путь ко спасению и сохранению церковной жизни как для мужчин, так и для женщин. Для того чтобы проповеди были понятны и интересны, женщин-проповедниц автор наделяет красивой речью, внешностью и духовной чистотой.

Помимо мученичества и проповедничества среди женщин, Иаков немалое значение придает женскому монашеству. В XIII в. уход женщин в монастырь мог происходить по нескольким причинам: 1) в случае, если девушка не нашла себе мужа, 2) возможность участия в общественной жизни, так как монастырь являлся центром просвещения и интеллектуального совершенства. В «Золотой легенде» автор причиной ухода в монастырь женщины или девушки показывает либо ее собственное желание, либо смерть родителей, мужа.

Уход в монастырь по собственному желанию был связан с «боязнью потерять девство», которое могло повлечь за собой гибель. В житии св. Елизаветы причиной ухода в монастырь было желание послужить Богу [6, с. 494]. Доминиканец подробно описывает процедуру принятия в монастырь, которая больше похожа, как ни странно, на мучения. Таким образом проверяется твердость веры дев, решивших принять постриг. История

о трудном монашеском пути Елизаветы еще более интересна: в ней говорится о каждодневных молитвенных служениях святой, постоянных делах благочестия, которые сопровождались небесными явлениями Господа.

О самостоятельном уходе в монастырь Иаков упоминает в житии святой Аглаи, которая ушла в обитель после смерти мужа, то есть в статусе вдовы. Автор «Золотой легенды» косвенно сообщает, что она лишь «удалилась от мира, пожертвовав нищим и монастырям свои богатства». В «Золотой легенде» есть множество примеров, когда в обитель уходят дочери или жены состоятельных мужей. Иакову Ворогинскому было важно подчеркнуть, что и замужние женщины, и вдовы заканчивают свой земной путь монашеством (либо иным видом служения), которое является полноценным и важным в женской религиозной практике. Он не раз отмечает, что уход в монастырь сопровождается делами милосердия, и даже во время пребывания в обители монахини совершают добрые дела для ближних больше, чем трудятся в самом монастыре.

В житии святой Евгении Иаков выстраивает следующую схему служения: монашество — проповедничество — мученичество. Вероятно, так автор пытается создать собирательный образ религиозной практики. Ведь для Иакова тема монашества неразрывно связана с проповедничеством, хотя часто бывает, что монахини могут обратиться в веру своих родственников или близких посредством чуда. Например, в житии св. Евгении сказано: *«Тотчас с неба сошел огонь, испепеливший Меланцию и ее слуг. Так Евгения обратила в христианскую веру отца, мать, братьев и всех своих домочадцев»* [6, с. 305]. Далее идет рассказ о мученичестве. Важно отметить, что структура повествования не соблюдается: доминиканец не объясняет, по каким причинам сразу после совершения чуда император велел сбросить св. Евгению в реку [6, с. 305].

Жизнь в монастыре, однако, не является залогом спасения и обретения святости: Иаков приводит пример праведности и скромности одних монахинь и им противопоставляет «блудных» служительниц, которые совершают смертные грехи в стенах обители. Автор отмечает, что не все женщины готовы отвергнуть те грешные дела, так как многие из них имеют слабую, грешную природу. В данном случае доминиканец описывает обычную ситуацию, которая складывается в женских монастырях Европы, где встречаются как такие ложные, так и истинные монахини, однако именно последние становятся примером благочестия и веры, который может подвигнуть читателей-современников и последующее поколение к подражанию.

Таким образом, в контексте XIII в. в женском религиозном служении главными образчиками, своеобразными моделями для подражания

ния в становлении женского служения становятся Богоматерь и Мария Магдалина: как Богоматерь проявляет милость к грешникам, совершая чудеса и становясь покровительницей человека на земле, являясь символом девственности, так и Мария Магдалина являлась образом покаяния для спасения женской половины человечества. Иаков Ворагинский на примере мучениц, проповедниц и монахинь дает понять, каким он видит идеальное служение женщин и какими качествами те должны обладать: иметь твердую веру во Христа, быть милосердной к близким. Наибольшее значение он придает целомудрию, которое неразрывно связано с внешней и душевной красотой. Можно утверждать, что доминиканец возвеличивает служение женщин. Во времена Иакова Ворагинского у женщин не было возможности проявить себя в общественной жизни на политическом поприще, и именно религиозное служение становится возможностью для женщин выйти из этого круга семьи и заявить о себе как об определенной социальной силе [10, с. 227–229]. «Золотая легенда», как источник, дает понять, что женщины, как и мужчины, могут служить Богу и приносить пользу обществу.

Список источников и литературы

1. *Клестов А. А.* Образ мученика и святого в средневековой латинской литературе: Иакоб де Ворагине и его «Золотая легенда, или Ломбардская история» // Церковь и время. 2007. № 3 (40). С. 179–207.
2. *Карсавин Л. П.* Культура средних веков. М.: Наука, 1995. 207 с.
3. *Тахиров Н. И., Игнатченко Д. А.* «Золотая Легенда» Иакова Ворагинского: Введение в тему // The scientific heritage. 2023. No. 58. С. 23–38.
4. *Бер-Сижель Э.* Служение женщины в Церкви. М., 2002. 212 с.
5. *Нарусевич И. В.* Античные мотивы в «Житии святой Марии Магдалины» Якова Ворагинского // Philologia Classica. 2014. № 9. С. 288–304.
6. *Иаков Ворагинский.* Золотая легенда Т. 1–2 / пер. с лат. И. И. Аникьева, И. В. Кувшинской. М.: Изд-во францисканцев, 2017–2018. 527, 694 с.
7. *Кувшинская И. В.* Иаков Ворагинский и его книга (вступительная статья и комментарии) // Иаков Ворагинский. Золотая легенда. Т. I. М.: Изд-во францисканцев, 2017. С. 10–23.
8. *Гончарова Е. Н.* Формирование образа женской святости в раннехристианской антропологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 4–9.
9. *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново: Юнона, 1999. 212 с.
10. *Постернак А. В.* Женская проповедь в христианских общинах античности и раннего средневековья // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 227–233.

УДК 94

Лачугина Н. С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, аспирантка
E-mail: lachuginanatalia2020@yandex.ru

Женщины в рыцарских биографиях конца XIV в.

Аннотация. Статья посвящена женщинам в рыцарских биографиях конца XIV в. В работе рассматривается, как конструируется образ женщины в поздних *chanson de geste*, повествующих о рыцарских подвигах, и отмечается специфика их изображения в произведениях жанра. В конце делается вывод, что образ женщины в рыцарских биографиях включал как черты, свойственные для *chanson de geste*, так и для рыцарского романа.

Ключевые слова: рыцарские биографии, рыцарские ценности, women's studies, *chanson de geste*, рыцарский роман

Lachugina N. S.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Post-graduate student
E-mail: lachuginanatalia2020@yandex.ru

The image of women in chivalric biographies of the late 14th century

Abstract. The article is devoted to women in chivalric biographies of the late 14th century. The article examines how the image of a woman is constructed in late *chanson de geste*, telling about chivalric deeds, and also notes the specifics of their depiction in works of this genre. At the end of the article, it is concluded that the image of women in chivalric biographies included both features characteristic of the *chanson de geste* and the romance.

Keywords: chivalric biographies, chivalrous values, women's studies, *chanson de geste*, romance

Жанр биографии, возникший примерно в IV в. до н.э., постоянно эволюционировал и менялся в зависимости от особенностей каждой эпохи [1, с. 15]. Поскольку любое жизнеописание помещено в определенный историко-культурный контекст, подобное произведение может выступать источником для изучения отдельных сообществ и феноменов, существовавших в различные периоды. Так, античные биографии повествовали о судьбах выдающихся личностей — полководцев, правителей и их при-

ближенных, а в Средние века, вследствие перемен в восприятии человека, работы этого жанра зачастую посвящались святым [1, с. 15–16].

Тем не менее было бы неправильно считать, что в Средневековье были распространены исключительно агиографии. Один из примеров жизнеописаний, которые затрагивают людей, не имевших прямого отношения к Церкви, — рыцарские биографии, воспевавшие, помимо военных предводителей, обозначенных в заглавии, рыцарство и его ценности в целом. Основными читателями рыцарских биографий были аристократы, увлеченные рыцарским этосом и желавшие обнаружить примеры для подражания в прошлом, зачастую среди деяний предков [2, с. 262]. Самая ранняя из известных на сегодняшний день биография, написанная приблизительно в 1226 г., рассказывает о полководце Уильяме Маршале и английском рыцарстве [3, р. 1]. Произведение было составлено в форме *chanson de geste* из 19214 парно рифмованных восьмисложных строк [3, р. 1]. Таким же образом¹¹ составлялись и другие рыцарские биографии до XV в., когда авторы начали писать произведения в форме рыцарского романа.

Особую популярность этот жанр приобрел во второй половине XIV в.: именно в это время происходят важные социально-политические перемены, связанные, в частности, с военными конфликтами, происходившими в Европе. Последняя треть XIV в. отмечена созданием поэм «Брюс» Джона Барбура, «Жизнь и деяния Черного принца» Геральда Чандоса и «Песнь о Бертроне Дюгеклене» Жана Кювелье, которые станут источниками для нашей статьи.

Труверы, создававшие рыцарские биографии, заявляли о намерении подробно изложить подвиги и политические дела героев. Например, Джон Барбур написал в начале своего произведения о необходимости создавать правдивый и точный текст: «Рассказа нам отрадно чтение, / Когда одно в нем измышление. / Но коль правдивым будет он, / К тому ж искусно сочинен, / Мы внемлем радости двойной» [4, с. 131]. Очевидно, несмотря на обозначенное устремление, как и любой нарративный источник, рыцарские биографии содержали в себе неточности и ошибки, связанные с особенностями восприятия.

Однако из-за стремления наиболее детально и достоверно изобразить произошедшее труверы не могли избежать описания их взаимодействия с другими людьми, не имевшими отношения к войне, в частности

¹¹ Стоит отметить, что количество слогов могло различаться. Известны поэмы, составленные восьмисложными, десятисложными и двенадцатисложными строками.

с женщинами. Подобное повествование не занимает существенного места в произведении, но даже благодаря ему исследователь может воссоздать отношение рыцарства к этой общественной группе. В этой работе мы рассмотрим, как общность, ассоциировавшая себя с рыцарством, изображала женщин, но прежде довольно кратко охарактеризуем развитие women's studies.

Большой корпус исследований об истории женщин появляется в рамках общественно-политических процессов конца 1960-х гг. во многом благодаря феминистскому движению, стремившемуся в том числе изменить представление о роли женщины исключительно как о домохозяйке, которое было распространено в популярной культуре того времени в Европе и США [5, с. 9]. Однако было бы неверно утверждать, что вплоть до XX в. никто не интересовался историей женщин [5, с. 9]. Уже в конце XIX в. как следствие первой волны феминизма возникают работы, посвященные женскому вопросу [5, с. 9]. Тем не менее эти труды в основном касались только тех женщин, чья деятельность имела значение для социально-политической среды разных периодов. Ученые второй половины прошлого столетия, заинтересовавшиеся women's studies, полагали, что необходимо изучать прошлое на основе информации, касающейся обоих полов и затрагивающей разные группы социума [5, с. 9].

При этом нужно заметить, что многие исторические исследования о женщинах проводились в границах истории повседневности — направления, ставшего важной составляющей «историко-антропологического поворота» в гуманитарной мысли Запада [6]. Среди работ о повседневности рыцарей, где затрагивается женский вопрос, можно вспомнить книгу историка Жана Флори «Повседневная жизнь рыцарей в Средние века». В ней исследователь затронул вопрос о роли женщин в сюжете *chanson de geste*. «Женщина не отсутствует полностью в „Песнях о деяниях“, но она там присутствует всего лишь как помощница воина», — утверждал ученый [7, с. 291].

Несмотря на то что Жан Флори рассуждал о более ранних *chanson de geste*, его замечание справедливо и для наших источников. Так, например, в «Жизни и деяниях Черного принца» Геральда Чандоса Джоанна Кентская, жена Эдуарда IV, изображается как союзница мужа, поддерживающая его в его начинаниях. «Принц, который был таким славным, взял с собой свою жену, за что он ее сильно любил. Он правил в Гаскони семь лет в радости, мире и утешении. У него было двое детей от жены» («*Li Prince, qi tant fuist gentils, / Sa mulier ovesqe lui mesna / Pur ceo qe durement l'ama. / En Gascoigne regna sept ans, / De sa mulier ot deux enfantz,*

/ En joie, en paix et en solas» [8, с. 92]) — так в поэме представлено их пребывание в Гаскони и отношение протагониста к супруге. Ее описание в поэме сочетает в себе черты *chanson de geste* и куртуазного романа, что выражается в деталях образа женщины. По словам поэта, Джоанна Кентская была «прекрасна, приятна и мудра» («*Qe bele fuist, plesante et sage*» [8, с. 92]).

Похожую иллюстрацию к тезису Жана Флори мы обнаруживаем в поэме шотландского трувера Джона Барбура. По сюжету «Брюса», знатные женщины, которые были женами сторонников короля Роберта I, намеревались сопровождать мужей, чтобы разделить с ними трудности. «Однажды в Эбердин спешил он, / Где королева с Брюсом Нилом / И с ними много видных дам / Сошлись навстречу их мужьям / И из любовного участия / Делить хотели их несчастья. / Они скорей несли бы муки / И беды предпочли разлуке» [9, с. 109] («*Tharfor thai went till Aberdeyne / Quhar Nele the Bruys come and the queyn / And other ladyuis fayr and farand / Ilkane for luff off thar husband / That for leyle luff and leawt / Wald partenerys off thar paunys be*» [10]). При этом в произведении можно найти не только пример моральной поддержки благородных дам, оказываемой их мужьям, но и упоминание фактической помощи. Так, одна из знатных женщин по сюжету поэмы отдает ему в войско двух сыновей [10].

Кроме того, автор «Брюса» упоминает чувства рыцарей по отношению к женщинам — от любви Томаса Рэндольфа к знатной женщине (*Than mycht he weile ask a lady / Nur amouris and hyr drouery* [10]) до внебрачных связей Роберта Брюса (*Throu wemen that he wyth wald play* [10]). Такая особенность, как нам кажется, тоже является следствием влияния рыцарского романа. Но стоит согласиться с филологом Б. Климан, которая отмечала, что Джон Барбур не стремится подробно писать о женщинах и их месте в рыцарской системе ценностей [11]. Упоминания женщин и их деятельности в «Брюсе» (как, впрочем, и в других рыцарских биографиях, что замечалось выше) не получают подобного разбора автором. На наш взгляд, это следствие жанра песен о деяниях, и в общем оно вписывается в рамки идеи, высказанной Жаном Флори.

Также интересно то, как излагается история взаимоотношений между Бертраном Дюгекленом и женщинами в произведении Жана Кювелье. Поскольку Бертран Дюгеклен происходил из младшей ветви бретонского рыцарского рода, автор биографии временами делает акцент на недостатке средств у воина или неправильном поведении, которое восполняется верностью протагониста и его следованию рыцарским ценностям. В начале поэмы Жан Кювелье, рассказывая о молодости главного героя,

повествует о том, как Бертран Дюгеклен воспринимает себя, наблюдая за знатными горожанками и молодыми рыцарями: «Сказал знатный и крупный Бертран: „О, боже! Меня никогда не будут любить и считать достойным. Таким образом, дамы всегда будут сторониться меня. Ведь я хорошо знаю, что я урод и плохо сложен. Но из-за своего уродства я должен быть весьма храбрым, щедрым и доблестным, чтобы совершать хорошие дары. Так, герольды и менестрели желают получать их. Посредством их влияния я намерен заслужить славу, а благодаря щедрости и доблести — хороших друзей“» («Hé Dieux! se dist Bertran li nobles pastéiz; / Jamais je ne serai amez ne convéis. / Ainois serai des dames trestous jours escondiz; / Car bien sai que je sui bien lait et mal faitiz. / Mais puis que je sui lais, estre veil bien hardiz, / Et larges et courtois, de donner bien apriz; / Hirauz et menestrez veil avoir revestiz, / Par coi auctorisiez je soie par leurs criz; / Car la grâce d’onnour veil acquerre tous diz; / Car larges et courtois acquiert de bons amis» [12, p. 163]).

Помимо изображения женщин как сторонниц протагонистов, авторы рыцарских биографий используют их упоминание, чтобы продемонстрировать то, каким образом рыцари следуют своему предназначению. Культуролог Й. Хёйзинга писал, что рыцарский долг требовал защищать слабых [13, с. 100]. Поэтому биографии содержат эпизоды, в которых положительные персонажи оказывают помощь простолюдинам, священнослужителям или горожанам. Защита прав благородной дамы тоже была включена в границы долга рыцаря. В этой связи необходимо вспомнить один из сюжетов в «Песни о Бертроне Дюгеклене». Один из героев поэмы Карл де Блуа был мужем Жанны де Пентьевер, которую герцог Бретани Жан III назвал своей наследницей, поскольку не хотел передавать престол потомкам своего отца Артура II де Дре от второго брака с графиней Монфор Иоландой де Дре. Единородный брат Жана III Жан IV де Монфор был несогласен с подобным положением дел и настаивал на том, чтобы наследование производилось так же, как и в случае с французской короной. Такой порядок подразумевал невозможность наследовать по женской линии. Соперничество двух сторон за престол принято называть в историографии войной за Бретонское наследство (1341–1365). В поэме Жана Кювелье описывается эпизод, когда Карл де Блуа сомневается в необходимости продолжать борьбу за бретонский престол. Он обращается к своим приближенным рыцарям за советом о том, стоит ли ему продолжать войну. «Сэр, что же вы желаете совершить? Ради Бога, любящего короля! У вас нет сердца храброго рыцаря, если наследство дорогой жены таким образом трусливо хотите отдать. Рыцарь не должен владеть

землей, если не желает защищать ее острым мечом, как показывает нам в своем произведении мудрый Катон» («Sire, que voutez faire? pour Dieu le roy amant! / Vous n'avez pas le cuer de chevalier vaillant, / Qui le droit héritage de vo moulier plaisant / Volez ainsi donner à loi de recrétant! / Terre ne doit tenir chevalier tant ne quant / Qui ne la veult défendre à l'espée trenchant, / Et Chastons qui su sages le nous montre en rommant» [12, p. 207]), — отвечают ему его соратники, делая акцент на невозможности прекращения войны необходимостью защитить права жены, согласно рыцарскому долгу.

Напротив, антагонисты, не следующие рыцарским ценностям, допускают преступления и нарушения прав женщин. Снова обратимся к тексту «Брюса». В четвертой главе англичане захватывают в плен жен сторонников короля, в том числе королеву и ее дочь, а также убивают их слуг [10]. Стоит заметить, что персонажи, которые изображаются в поэме как отрицательные, нарушают права не только благородных дам, но и женщин в целом. В начале произведения Джон Барбур описывает преступления англичан, которые они совершают в Шотландии: «Он англоу ввел во все посты. / И те так сделались круты / И так свирепы, алчны, злобны, / Надменны и на вред способны, / Что скотты коли и желали, / Им угождать не успевали. / А те нередко над женами / Ругались, и над дочерьями» [4, с. 135].

Кроме того, в женские образы, возможно, встраивались отсылки к античным произведениям. Дело в том, что в рыцарских биографиях авторы приписывают женщинам способность предсказывать рыцарям, что их ждет слава и подвиги. Можно предположить, что подобная деталь в *chanson de geste* представляет, с одной стороны, отсылку к античным легендам о сивиллах и пифиях. Однако при этом составители отмечают божественное участие в их предсказаниях: например, ум будущей жены Бертрана Дюгеклена, которая называется современниками «феей» и делает предсказание о славе своему мужу, по словам Жана Кювелье, был не следствием колдовства, а божественной благодатью. В начале той же поэмы бывшая иноверка, принявшая христианство, предсказывает, что подвиги главного героя принесут ему славу и он сможет стать рыцарем [12, p. 1–8]. В «Брюсе» предсказание о славе и победе королю Шотландии делает женщина, отправляющая в его войско двух сыновей [10]. При этом стоит заметить, что ни Роберт Брюс, ни Бертран Дюгеклен не верят предсказаниям: вероятно, такой прием использовался для демонстрации того, что рыцари следуют христианским ценностям.

Итак, в рыцарских биографиях конца XIV в. изображаются прежде всего знатные женщины, которые были сторонницами основных прота-

гонистов, что в общем соответствует традиционному описанию женщин в песнях о деяниях. В то же время в их образ включаются черты, свойственные для героинь рыцарских романов. Женщины других сословий тоже присутствуют в подобных произведениях, и преступления против них осуждаются авторами.

Список источников и литературы

1. *Раренко М. Б.* Жанр биографии как социальный феномен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология: Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 11–24.
2. *Асейнов Р. М.* При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. 303 с.
3. *Crouch D.* William Marshal. London: Routledge, 2016. 302 p.
4. *Барбор Дж.* Брюс, или книга о превосходнейшем и благороднейшем государе Роберте де Брюсе, короле Скоттов (перевод с шотландского языка (Scots) и комментарии Д. Г. Федосова) // Средние века. 2020. № 81 (2). С. 131–145.
5. *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
6. *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] // Перспектива. 2010. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 15.10.2023).
7. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. М.: Молодая гвардия, 2006. 356 с.
8. *Chandos H.* La vie du Prince Noir. Tübingen: S.n., 1975. 213 p.
9. *Барбор Дж.* Брюс, или книга о превосходнейшем и благороднейшем государе Роберте де Брюсе, короле Скоттов (перевод с шотландского языка (Scots) и комментарии Д. Г. Федосова) // Средние века. 2020. № 82 (2). С. 103–133.
10. *Barbour J.* The Bruce. Edinburgh: Canongate books, 2007. 800 p.
11. *Kliman B. W.* The Idea of Chivalry in John Barbour's Bruce // Mediaeval Studies 35. 1973. P. 108–113.
12. *Chronique de Bertrand du Guesclin par Cuvelier, trouvère du XIVe siècle / publiée par E. Charrière.* Paris, 1859. Т. 1. 465 p.
13. *Хэйзинга Й.* Осень Средневековья. СПб.: Азбука, 2019. 720 с.

УДК 94(736)

Фатхуллин В. Ф.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата
E-mail: Fatkhullin.1987@bk.ru

Сакральные персонажи в сфрагистике английских городов XIII–XVI вв.

Аннотация. В данной работе на материале найденных в каталогах оттисков, датируемых XIII–XVI вв., с изображениями сакральных персонажей исследуется саморепрезентация городов Англии. В статье рассмотрены возможные идеи, которые могли быть вложены городскими администрациями в изображения ангелов, Иисуса Христа, Богородицы и Троицы. Также приводится возможная мотивация избрания корпорациями рассматриваемого в статье типа иконографии.

Ключевые слова: сфрагистика, Англия, город, Бог, ангелы, иконография, семиотика

Fathullin V. F.

Tyumen State University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Bachelor's program, Student
E-mail: Fatkhullin.1987@bk.ru

Sacred characters in the sfragistics of English cities of the XIII–XVI centuries

Annotation. In this work, based on the material found in catalogues of prints dating from the XIII–XVI centuries with images of sacred characters, the worldview of medieval people who lived in English cities is investigated. The article discusses possible ideas that could be invested by city administrations in images of angels, Jesus Christ, the Mother of God and the Trinity. The possible motivation for corporations to choose the type of iconography considered in the article is also given.

Keywords: sigillography, England, city, God, angels, iconography, semiotics

Печати имеют очень длинную историю развития и постепенных изменений. Появившиеся в глубокой древности цилиндрические печати уступили место металлическим буллам, после которых пришли воско-

вые и воскомастичные оттиски. Обычная средневековая печать получила особое распространение в период с XI по XVI в. и стала своеобразным символом глубоких изменений в обществе [1, с. 21]. Все большее распространение получили документы, для которых нужно было средство удостоверения, и, что немаловажно, появилась надобность в заместителе отсутствующего на месте человека. Постепенно печати стали вторым «я»: когда люди желали отметить свое присутствие, они прикладывали свои оттиски к документам, после чего считалось, что маленькая копия персоналии или общности действительно заменила личное присутствие своего владельца. Печать стала копией владельца, она показывала окружающим не только важные смыслы для отдельного лица или корпорации, но и их принадлежность к какой либо группе, типу корпораций.

Таким образом, обыкновенная средневековая печать неожиданным образом стала феноменом. Она не только гарантировала подлинность документа, но и передавала суть своего репрезентанта с помощью изображения и легенды. Однако, несмотря на важную роль печатей в средневековом обществе, сфрагистический материал долгое время не рассматривали как полезный исторический источник. Только с прошлого столетия исследователи стали активно обращаться к оттискам, печатям, матрицам, актовым материалам и т. д. для изучения идентичности людей, которые жили в Средневековой Европе. Данная работа посвящена изучению саморепрезентации городов как одного из самых знаковых типов корпораций в Средневековье.

Так как каждая городская администрация была вольна изображать на своей матрице те образы, которые могли бы емко передавать важные для корпорации мысли и идеи, то каждое изображение на оттисках рассматривается как средство передачи тех или иных смыслов [2, р. 290]. В статье рассмотрены возможные причины и мотивации городов изображения на своих печатях сакральных персонажей. На примере отдельных городских оттисков будут приведены возможные смыслы, которые несли в себе изображенные на печатях агиографические сюжеты, Иисус Христос, Богородица, Троица и ангелы. В статье мы используем метод сфрагистического анализа, который подразумевает подробное описание физических признаков, иконографии и легенды оттиска. Каждый элемент печати рассматривается как носитель тех или иных идей, вложенных городом — владельцем матрицы.

Рассматриваемый тип иконографии, как и многие другие типы, был выделен немецким исследователем Тони Дидерихом [3, S. 280]. Иконографический тип с сакральными персонажами является одним из самых

массовых характерных для печатей городов. На печатях данного типа изображались образы ангелов, Иисуса Христа, Богородицы, Троицы, а также те или иные агиографические сюжеты, например битвы архангела Михаила с Денницей. (Впрочем, кроме этого сюжета встречается лишь сцена благовещения Девы Марии.) Печати могли быть как «чистыми», когда изображен лишь персонаж или агиографический сюжет, так и «смешанными», когда на печати могли изображаться образы, относящиеся к разным типам иконографии. Печатей «чистого» типа найдено 18 единиц, остальные 15 оттисков относятся к «смешанному» типу.

В каталогах нами найдено 257 оттисков печатей, которые появились в период с XII по XVI в. и принадлежали 219 английским городам, на 33 оттисках изображены образы Иисуса Христа, Богородицы и ангелов. Изображения сакральных персонажей и агиографических сюжетов довольно часто встречаются на печатях английских городов, уступая по численности изображениям кораблей (38 печатей) и замков (37 печатей).

Таблица 1. Количество появившихся печатей городов рассматриваемого типа по векам.

Век	Количество появившихся печатей
XIII	12
XIV	9
XV	10
XVI	2
Всего печатей	33

Как видно на таблице, наибольшее количество новых матриц типа иконографии с сакральными персонажами и агиографическими сюжетами появилось в XIII в. За столетие появилось 12 новых матриц, после чего количество появившихся печатей держалось примерно на одном уровне до XV в. включительно. Уже спустя столетие, в XVI в., данный тип иконографии начинает переживать упадок, который продолжится вплоть до отказа от печати как главного гаранта подлинности документов.

Рассматриваемые печати принадлежат следующим 29 городам: Аксбридж, Алник, Бедфорд, Басингсток, Венлок, Вилтон, Гастингс, Йовил, Йорк, Карлайл, Кембридж, Кентербери, Колчестер, Лайм Регис, Лаут Парк, Линкольн, Норвич, Портсмут, Престон, Рай, Ричмонд, Солсбери, Стамфорд, Твинхэм, Уэлс, Фавершам, Хелстон, Хенли Ин Арден, Эшпл-

би. Встречаются случаи, когда города несколько раз меняли свои печати, при этом не меняя тип иконографии, таковыми городами являются: Линкольн (2 печати рассматриваемого типа иконографии) и Солсбери (в период с XIII по XVI в. также имел 4 печати с изображениями библейских персонажей). Вероятно, такое внушительное количество матриц, которые когда-либо использовал Солсбери, связано с необходимостью создания новой матрицы взамен испортившейся старой. Информация о случаях замены старых матриц на новые у других вышеприведенных городов в каталогах отсутствует.

На печатях рассматриваемого типа иконографии чаще всего встречаются такие персонажи, как: Иисус Христос (5 печатей) и Богородица, которая обычно изображена на троне с младенцем Иисусом на руках (всего 14 печатей, 10 из которых с изображением Младенца), 4 раза встречается отсылка к Иисусу Христу в виде Божьего Агнца [4, с. 50]. Реже встречаются образы архангела Михаила, Троицы и других обезличенных ангелов (4–6 печатей), и всего единожды на печатях городов Англии был изображен архангел Гавриил.

Век появления печати	Изображения Иисуса Христа	Изображение Святой Девы	Изображение архангела Михаила	Изображение архангел Гавриил	Изображение Троицы	Изображение ангелов	Всего
XII	Печати с изображениями библейских персонажей отсутствуют						0
XIII	3 (+1 — Агнец Божий)	6	2	0	0	2	14
XIV	1 (+1 — Агнец Божий)	5	1	1	0	1	10
XV	1 (+2 — Агнец Божий)	3	3	0	2	2	13
XVI	0	0	0	0	2	0	2
Всего	5 (4 изображения Агнца Божьего)	14	6	1	4	5	39

Печати рассматриваемого типа иконографии можно разделить на две группы:

1. На печатях первой группы изображение не передает какой-либо сцены или агиографического сюжета (*figura*).
2. На печатях второй изображение передает тот или иной агиографический сюжет или сцену из Библии (*historia*).

Печатей группы *figura* значительно больше, чем в группе *historia* (23 печать). Чаще всего на печатях рассматриваемого типа изображались Богоматерь (14 раз), Иисус Христос (5 раз, а также 4 отсылки к Иисусу в виде Божьего Агнца) и Троицы (4 раза). Примером является печать города Портсмута, на которой изображена Богоматерь на троне с младенцем Иисусом. Печать Портсмута является наглядным примером печатей с Богоматерью и младенцем Иисусом на троне. Как в случае многих других городов, на территории Портсмута находилась средневековая церковь Святой Марии, после основания которой, по всей видимости, Богоматерь стала покровительницей города.

Остальные 10 печатей относятся к группе с изображениями агиографических сюжетов и сцен из Библии. На 6 из 10 печатей рассматриваемого типа изображалась сцена битвы архангела Михаила с дьяволом. Примером оттиска с образом архангела является печать города Хелстона [5, р. 74]. На оттиске, который датируется XV в., изображен архангел Михаил с распростертыми крыльями, который поражает копьем дьявола, а по сторонам от них две восьмиугольные башни с куполообразными крышами и каменной и укрепленной стеной. В данном случае Хелстон изобразил сцену битвы архангела Михаила против дьявола, так как Михаил считался небесным покровителем города. Таким образом, городу удалось одновременно изобразить важную фигуру, связанную с городом, и выразить почтение своему покровителю.

На остальных 4 печатях изображены другие сцены. Единожды встречается сцена того, как ангел уносит душу святого мученика Лаврентия на небо (город Эпплби, XIII в.) [5, р. 34]. На оставшихся трех оттисках встречается сцена Благовещения Богоматери. Все найденные печати с Благовещением принадлежали одному городу Солсбери и появились в период с XIII по XIV в.

Вопрос о возможной мотивации избрания городами Англии рассматриваемого типа иконографии остается открытым. Нельзя точно сказать, по какой причине города изображали на своей печати библейских персонажей и агиографические сюжеты. Однако можно предположить, что городские администрации изображали на своих печатях библейских персонажей, если:

1. На территории города располагалась церковь, посвященная тому или иному библейскому персонажу.
2. По желанию владельца печати изображенный на ней сюжет мог дополнить сакральный персонаж или ангел (на печатях с изображениями мученичества святых).

Большинство городов, которые избирали рассматриваемый тип иконографии для своей печати, имели на своей территории церкви, посвященные изображенным на оттисках сакральным персонажам. Судя по всему, города стремились изобразить на своей печати того библейского персонажа, который являлся покровителем города. Небесные покровители, каковые появлялись у городов, когда на территории города основывалась церковь, посвященная Богоматери, Иисусу Христу или какому-либо архангелу, становились апотропеем, духовными защитниками городов.

3. Иногда образы сакральных персонажей на печатях могли дополнять те или иные сцены, изображенные на оттисках, дополняя тем самым и вложенную в печать идею. Примерами являются печати городов Эпплби и Кентербери. На обеих печатях изображались сцены мученичества святых. Так, на печати города Эпплби, датируемой XIII в., изображался святой, лежащий на решетке над углями между двумя людьми, один из которых носит еврейскую шляпу, а второй имеет взъерошенные волосы на голове, тем самым создавая контраст между ними и мучеником Лаврентием. Выше изображенного на решетке святого Лаврентия видна душа, которую уносит на небо ангел. В данном случае, по всей видимости, не только визуализируется известная сцена мученичества святого, но и подчеркивается, что Лаврентий за свою приверженность христианству попал в рай. На печати города Кентербери изображена сцена мученичества святого Томаса Кентерберийского. На печати виден храм, в котором изображены фигуры Фомы Беккета и четырех рыцарей, которые убили его [6, р. 48]. Ниже основной сцены видна одна из немногих фигур Иисуса Христа в своем взрослом облики. Здесь, вероятно, изображенный на печати Иисус Христос мог подчеркивать святость мученика, а также указывать на то, что сам Кентерберийский собор посвящен Иисусу Христу.

Как и любое изображение на печатях, образ персонажей из Библии несет в себе идеи и смыслы, которые вкладывались городами — обладателями этих печатей. По всей видимости, изображенные на печа-

ти ангелы выступали в роли духовных защитников городов, которые владели печатями. В обмен на почитание люди надеялись, что их духовный защитник и покровитель сможет оказать какую-либо помощь в трудную минуту. Исходя из этого, следует, что изображенные на печатях Иисус Христос, Богородица, Троица или ангел могли выступать в роли апотропея, обеспечивая духовную защиту города. В некоторых работах, где затрагивается тема изображения святых и сакральных персонажей на печатях, авторы указывают, что жители города, на печати которого был образ их небесного покровителя, пытались передать идею, что они имеют те же положительные качества, с которыми ассоциируется изображенный на печати покровитель. Выходит, что изображенный сакральный персонаж не только защищал город, но и мог, например, символизировать приверженность христианству не только представителей городской администрации (заказчиков), но и всего города в целом.

Рассмотренные в статье печати относятся к массовому и, что важно, характерному для городов типу иконографии. Очевидно, что у городов, чьи названия уже были приведены выше, был выбор, что именно изобразить на своей печати, одной из основных функций которой была передача основной сути своего репрезентанта. Из многочисленных типов иконографии был выбран вариант с изображениями сакральных персонажей — покровителей городов, которые являлись апотропеями. Главной же мотивацией для городов, возможно, стало желание изобразить своего покровителя, показать, что город имеет те же положительные качества, что и изображенный на оттиске святой или библейский персонаж. Как и в случае иконографического типа с изображениями святых (выделены как разные типы), города изображали покровителя, если на территории города находился храм, посвященный сакральному персонажу (вероятно, после постройки которого у города и появлялся покровитель). Первая печать рассматриваемого типа иконографии датируется XIII в., и каждое столетие, вплоть до XVI в., появлялось примерно одинаковое количество новых матриц. Тем не менее уже в XVI в. начинается спад количества появившихся за столетие печатей, который будет продолжаться до самой замены печатей подписями. На печатях рассматриваемого типа иконографии изображались не только образы конкретных персонажей, таких как Христос, Богородица, архангел Михаил и другие, но и безымянные ангелы, которые могли дополнить изображенную на печати сцену (чаще всего мученичества).

Список источников и литературы

1. *Бедос-Резак Б. М.* Средневековая идентичность: знак и понятие // *Signum*. Альманах Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. Вып. 5. М., 2010. С. 19–93.
2. *Cherry J. F.* Seals of Cities and Towns: Concepts of Choice? // *Medieval coins and seals: constructing identity, signifying power* / ed. by S. Solway. Turnhout, 2015. P. 283–295.
3. *Diederich T.* Prolegomena zueinerneuen Siegel-Typologie // *Archiv für Diplomatik*. Münster, 1983. Bd. 29. S. 242–284.
4. *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. А. Е. Маркапара. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 656 с.
5. *Pedrick G.* Borough Seal so f the Gothic Period. London, 1904. 141 p.
6. *Birch W. De G.* Catalogue of seals in the department of manuscripts in the British Museum. London, 1892. Vol. 2. 839 p.

УДК 94

Удовик А. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет,
студентка магистратуры
E-mail: udovik.anast@gmail.com

Вдовья доля первой королевы династии Тюдор: источники формирования и состав (по материалам актов парламента)

Аннотация. В статье будут рассмотрены статуты, в которых утверждались интересы и брачные гарантии, данные Елизавете Йоркской Генрихом VII: подробно рассматриваются состав и происхождение земель и владений, составлявших ее вдовью долю.

Ключевые слова: вдовья доля, матримониальный договор, Елизавета Йоркская, Тюдоры, парламентское законодательство, патентные грамоты монарха

Udovik A. V.

Lomonosov Moscow State University
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: udovik.anast@gmail.com

Dower of the first Tudor queen: formation and composition of Elizabeth of York's widow's share (based on the acts of Parliament)

Abstract. The article considers Acts of Parliament that ratified marriage settlements of Elizabeth of York and Henry VII. Author examines the composition and origin of the lands and possessions that made up the widow's share of the first Tudor queen.

Keywords: dower, jointure, Tudor queen, Tudors, Henry VII, marriage settlements, letters patent, Acts of Parliament, property rights of widow

Акты парламентского законодательства являются значительным источником для исследователей Англии, занимающимися вопросами не только государственности и политической культуры, но и социальными аспектами исследуемой эпохи. Главное отличие и особенность парламентского законодательства в сравнении с обычным правом — его актуальность, дополняющий и упорядочивающий порядок.

Мы рассмотрим акты, которые утверждались парламентом и издавались в связи с бракосочетанием короля и новой королевы. Согласно законодательной традиции, король должен был утверждать в парламенте ту недвижимость, которая отходила после его смерти в личное владение королевы. Как и в случае с другими матримониальными союзами, существовало два варианта вдовьей доли, которая являлась обязательной частью брака, защищая материальное положение женщины после смерти супруга. Первый, но более поздний вариант, распространение которого в брачных договорах относят к концу XV в., — это *jointure*, совместное имущество, назначаемое до заключения брака, его размер мог быть любым. Второй вариант, более архаичный, — *dower*, вдовья доля, передаваемая вне зависимости от желания и завещания покойного его жене, размер ее составлял $\frac{1}{3}$ от имущества усопшего. Оба варианта вдовьей доли предполагали держание и распоряжение ею недвижимостью только на время жизни и дальнейшую передачу владений наследникам после ее смерти. Однако, в случае с королевской вдовьей долей мы можем говорить о формировании отдельного корпуса владений и должностей, который передается от одной королевы к другой.

Важно отметить то, что акт парламента не являлся первоначальным источником договоренности и в нем могли не упоминаться сами земли, либо они могли упоминаться частично. Парламентский акт обычно ссылается на ранее изданные патентные грамоты короля и закрепляет их силу. В свою очередь, в патентных грамотах уже полностью отражался размер королевского гранта и в подробностях перечислялись те маноры, должности и земельные ренты, которые должны были отходить королеве после брака и оставаться с ней на всю жизнь.

Важный момент, который стоит подчеркнуть, — в тексте при описании актов употреблены оба термина, относящихся к имуществу вдовы: *dower* и *jointure*. В самих актах они употребляются зачастую вместе, заменяя друг друга, но обозначая одно явление — собственность вдовы. Зачастую в отношении предоставляемой недвижимости может использоваться понятие *dower*, но процесс ее оформления и утверждения будет больше свойственен *jointure*. Для того чтобы этот вид собственности был законно доступен вдове, *jointure* следовало ратифицировать в суде еще до заключения брака. Именно поэтому акты короля, утверждавшие *jointure* королевы, издавались в одно время с самим бракосочетанием. Исключением из этого правила стал самый первый акт, затрагивающий Елизавету Йоркскую, а в 1540 г. изменилось и само правило — Генрих VIII отменил актом парламента необходимость утверждения своих патентных

грамот королеве [1, р. 69]. Путаница между jointure и dower в актах, относящихся к королевам, могла возникать в том числе из-за того, что jointure иногда уже после брака утверждался парламентским актом или пополнялся дополнительными владениями. В таком случае в акте указывалось, что держания предоставляются сразу в dower и jointure.

В статье будут рассмотрены акты, затрагивающие только Елизавету Йоркскую, первую королеву династии Тюдор. Формирование вдовьей доли Елизаветы Йоркской отражено в двух статутах. Первый акт издан в 1491 г., во время четвертого парламента Генриха, второй датируется 1495 г. Оценивая акт 1491 г. с точки зрения последующих подобных статутов, можно отметить то, что он вышел значительно позже заключения брака, тогда как обычно акты, подтверждающие патентные грамоты королеве, выходили в одно время с самой свадьбой (сам же порядок установления таких договоренностей требовал заключения их до брака). Учитывая год издания акта, можно предположить, что для Генриха VII необходимость издать этот акт была продиктована желанием обезопасить супругу перед своей французской экспедицией 1492 г., до этого он ограничился исключительно силой патентных грамот в вопросе матримониальных гарантий для Елизаветы. Аналогично виконт Уэллс отправит в парламент петицию в этот же год, утверждая на себя и супругу земли, в правах на которые он был восстановлен благодаря его согласию участвовать в этой же экспедиции.

Итак, акт № 13 1491 г. «Pro regina» подтверждает ряд дарений, который король обозначил в своих патентных грамотах королеве еще на третьем году своего правления [2, р. 558]. Эти дарения включали в себя его собственные ренты (ferms) от города Бристоу, его пригородов и другие годовые выплаты, замки, сеньории, поместья, маноры, земли и держания и наследственные имущества со всем принадлежащим (что более полно отражено в патентных грамотах), а также маноры: Waltham, magna Barowe, Masshebury, Dunmowe, Lieghes and Farnham со всем относящимся к ним в графстве Эссекс, вместе со всеми доходами, имениями и всем наследственным имуществом, относящимся к этим манорам. Король своими патентными грамотами от 1 мая третьего года его правления утвердил получение королевой конфискованного имущества правонарушителей в этих замках, сеньориях, поместьях, манорах, землях и держаниях (и другие свободы и привилегии, которые более подробно указаны в патентных грамотах). И более того, король своими патентными грамотами от 21 февраля седьмого года его правления предоставил Елизавете манор Rumpene со всем к нему относящимся и другие замки, сеньории, поме-

стья, маноры, земли и держания (как более полно указано в патентных грамотах). Акт подтверждает сразу несколько патентных грамот от разных дат и выходит в один год с последней патентной грамотой на манор Рупмерне. Теперь подробнее остановимся на перечисленных в статуте держаниях. В акте владения указываются как просто дарение (*grant*), в самих патентных грамотах (от марта 1486 г., как раз времени заключения брака с Елизаветой) мы обнаружим, что эти маноры идут в часть вдовьей доли королевы [3, р. 75], также в самих грамотах указано, что королева получает на этих землях должности бейлифа¹² и феодаря¹³. В патентной грамоте более подробно отражены должности и владения, которые получила Елизавета Йоркская, — в статутах 1491 г. и 1495 г. большая часть пожалований не указаны. Теперь посмотрим внимательнее на первую указанную группу маноров: *Waltham, magna Barowe, Masshebury, Dunmowe, Lieghes and Farnham*. Эта часть земель состояла из бывших ланкастерских владений, которые традиционно также уходили во вдовью долю королевы. В 1444 г. Генрих VI жаловал их в числе других земель во вдовью долю Маргариты Анжуйской [3, р. 422]. Другой указанный отдельно в акте манор — Рупмерне — также фигурирует в акте № 32 1495 г. Перейдем теперь к рассмотрению этого акта, чтобы увидеть связь между ними. Статут № 32 «*Pro regina: An act for the Quenes Joyniture*» [2, р. 595] начинается с повтора патентных грамот, датированных 21 февраля седьмого года правления Генриха VII, и перечисления тех владений, которые король предоставляет Елизавете Йоркской. Достаточно внушительный список, в который входит и упоминавшийся выше манор Рупмерне, заканчивается условием, что получить все это Елизавета сможет только после смерти Сесилии Невилл, своей бабушки по линии отца Эдуарда IV. Земли, которые королева должна была получить после смерти бабушки, и некоторые другие, доставшиеся уже ее матери Елизавете Вудвилл от Генриха VII, были той частью земельного фонда Йорков, которую Генрих не конфисковал, придя к власти [5, р. 67]. Земли Сесилии Невилл, перечисленные в статуте, составляли собой почти полный корпус тех владений, которые были пожалованы ей сыном Эдуардом IV в первый год его правления [6,

¹² Представитель короля в городе, руководивший судебной, административной и полицейской властью на месте и занимавшийся организацией и проведением судебных заседаний, доходами бейлифа служила часть собираемых штрафов и пошлин.

¹³ Представитель суда королевской опеки, имевший право назначать опекунов несовершеннолетним.

р. 131–132]. Таким образом, общий земельный фонд первой королевы тюдоровской династии состоял как из ланкастерских, так и из йоркских земельных владений. Указанные в статуте владения леди Невилл не были пожалованы Елизавете Йоркской с согласия или инициативы завещания самой Сесилии, но были просто отчуждены в пользу короля после ее смерти. Об этом свидетельствует патентная грамота 1492 г., на которую ссылается статут: «король жалует ей помимо указанных (в предыдущих патентных письмах) земель на срок ее жизни во ее вдовью долю также следующие земли (находящиеся) в ревизии после смерти Сесилии, герцогини Йоркской» [6, р. 369–370]. В данном случае Генрих VII для создания земельного фонда королевы использует свое феодальное право передачи земли наследнику через руки лорда (*reversionary rights*). Дата выхода статута 1495 г., подтверждающего патентные грамоты 1492 г., не случайна. Он выходит непосредственно после смерти Сесилии Невилл, чем гарантирует и подтверждает то, что Елизавета имеет права на вступление во владения в имениях, принадлежавших бабушке. В общем фонде земель, рент, должностей и владений, которыми располагала Елизавета Йоркская в рамках своего *jointure*, большую часть составляла именно доля «бабушкиного наследства». Помимо непосредственно маноров, земель и держаний согласно статуту 1495 года Елизавета получала также должность феодария в графствах Эссекс и Норфолк, должность бейлифа в Кембридже и Хантингтоне, получение платы за опеку в замке Рочестер, а также все ренты, платежи, пошлины, налоги, и право назначать на этих землях бенефициариев. Ее правовой статус на этих землях сразу после начала действия патентных грамот должен был определяться как полная сейзина¹⁴ без необходимости процедуры *livery of seisin*¹⁵, что, с одной стороны, могло противоречить условию держания ею этого фонда недвижимости только на время жизни, но, с другой стороны, фонд все равно перешел бы в руки наследника — следующего монарха. В статуте также оговаривается, что для вступления в права на эти земли королеве не нужно было запрашивать судебный иск о праве (*suing any writ*)

¹⁴ Full seisin — термин *seisin*, «сейзина», означает право владения и распоряжения землей. Полная сейзина подразумевала под собой фригольное владение, которое было возможно передать по наследству.

¹⁵ Livery of seisin — правовая процедура ввода в сейзину, сопровождавшаяся символическим ритуалом передачи в руки получателю сейзины в присутствии свидетелей земли / ключа / прута или любого другого объекта, связанного с недвижимым имуществом, права на которое передаются.

или запрашивать передачу земель из владений короля (*ouster le main*), также с королевы не должны требовать никакого возмещения убытков на этих землях (*impeachment of waste*).

Если бабушка Елизаветы Йоркской, Сесилия Невилл (мать Эдуарда IV), до конца своих дней владела крупным земельным фондом, то Елизавета Вудвилл, мать новой королевы и вдовствующая королева Эдуарда, в свою очередь осталась практически обделенной из-за совершившейся в ее семье политической драмы. При Эдуарде IV в парламенте не выходило статуты, как-то подтверждающих ее вдовью долю или патентные грамоты ей. Но парламент Ричарда III, в свою очередь, издал довольно пренебрежительный акт «*An act for adnulling tres patents made to Elizabeth late Wyfe of the Sir Jo. Grey*» [2, p. 498], который аннулировал все патентные грамоты, которые когда-либо выходили на имя Елизаветы Вудвилл, и называл ее не иначе, как «бывшей женой Джона Грея, выдающей себя за королеву Англии». Она никогда и нигде не была признана как вдовствующая королева, за исключением только нескольких заседаний тайных советов после смерти Эдуарда IV, но даже на них ее советы и мнение игнорировались [7, p. 366]. С приходом к власти Генриха VII Елизавета Вудвилл впервые получила это признание и материальное обеспечение — спустя месяц после женитьбы на ее дочери Генрих жалует ей маноры *Waltham, Farnham, Masshebury* и *Baddow* и пенсион в размере 102 фунтов в год со своих доходов [7, p. 366]. Пожалованные Елизавете Вудвилл маноры после ее смерти в 1492 г. также уходят в общий фонд вдовьей доли ее дочери Елизаветы Йоркской. Несмотря на довольно значительный фонд, чистый доход от этих земель для королевы составил чуть менее £3000 – это была намного меньшая сумма в сравнении с доходами ланкастерских королей, которые могли рассчитывать на получение прибыли в размере до 10 000 марок (£6666 13s 4d) от пожалованных им земель [5, p. 43].

Этот фонд Елизаветы, образовавшийся из земель Сесилии Невилл, земель, предоставленных Генрихом, временных держаний ее матери Елизаветы Вудвилл и ряда должностей, будет в основной своей доле повторяться в фонде *jointure* последующих королей Тюдоровской династии.

Подводя итоги, можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, тот корпус земель, который сформировался во владении Елизаветы Йоркской, становится основным фондом земель, передающихся дальше во вдовью владения королей династии Тюдор. Во-вторых, само формирование этого земельного фонда носит отчасти и символический характер. Генрих VII соединяет во вдовьей доле Елизаветы Йоркской владения

двух враждовавших между собой ветвей династии, что является ярким проявлением стратегии монарха, желавшего предстать королем, прекратившим раздор и войну. В одной только вдовей доле королевы как будто отражается инверсия известного принципа: «объединяй и властвуй». И, если королева властвовала над своей небольшой частью этой объединенной территории, то король — над объединенным государством.

Список источников и литературы

1. *Warnicke R.* Elizabeth of York and Her Six Daughters-in-Law. Fashioning Tudor Queenship, 1485–1547. New York: Palgrave Macmillan Cham., 2017. 291 p.
2. Statutes of the Realm. Vol. II / ed. by J. Raithby, London: Record Commission, 1963. 782 p.
3. Calendar of Close Rolls, Henry VII: Vol. 1, 1485–1500 / ed. by K. H. Ledward. London: S.n., 1955. 498 p.
4. *Hookham M. A.* The life and times of Margaret of Anjou, Queen of England and France; and of her father Rene “the Good”, King of Sicily, Naples, and Jerusalem. With memoirs of the houses of Anjou. London: Tinsley Brothers, 1872. 435 p.
5. *Wolffe B. P.* The Crown Lands 1461–1536: An Aspect of Yorkist and Early Tudor Government. London: Routledge, 1970. 236 p.
6. Calendar of the patent rolls preserved in the Public record office, 1461–1467. London: H.M.S.O., 1891. 750 p.
7. *Strickland A., Strickland E.* Elizabeth of York, Queen of Henry VII // Lives of the Queens of England from the Norman Conquest. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 610 p.

УДК 94(415).06

Астахова М. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: st110428@student.spbu.ru

Образ семьи в автобиографии и дневниках леди Анны Клиффорд

Аннотация. В статье рассматриваются представления леди Анны Клиффорд о семье, отраженные в ее автобиографии и дневниках. Автор рассматривает семью и ее роль на разных этапах жизни знатной женщины: детство, замужество, вдовство и старость.

Ключевые слова: Анна Клиффорд, семья и брак, автобиография, дневники

Astakhova M. N.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's student
E-mail: st110428@student.spbu.ru

The image of the family in the autobiography and diaries of Lady Anna Clifford

Abstract. The article considers Lady Anna Clifford's ideas about the family, reflected in Clifford's autobiography and diaries. The author examines the family and its role at different stages of a noble woman's life: childhood, marriage, widowhood and old age.

Keywords: Anne Clifford, family and marriage, autobiography

Анна Клиффорд (1590–1676) — 14-я баронесса де Клиффорд, оставила после себя объемные дневники и автобиографические сочинения. Основной линией этих источников являются важные для Анны семейные отношения, преемственность поколений и передача своим потомкам истории семьи Клиффорд. Рассматривая сочинения Клиффорд, можно выделить основные этапы в жизни знатной женщины XVII в., а именно детство, замужество, вдовство и старость. Эти этапы отмечает и сама Клиффорд, например в автобиографии «Моя жизнь леди Анны Клиффорд, 1589–1649», где Клиффорд ведет повествование о своей жизни и основных ее событиях, она разделяет детство и юность (1590–1609), ход жизни, пока она была женой и вдовой Ричарда Сэвилла, графа

Дорсета [1, р. 66], и ход жизни, пока она была женой и вдовой Филиппа Герберта, графа Пембрука и Монтгомери [1, р. 69]. Примерно такие же этапы в жизни женщин в раннее Новое время чаще всего выделяются и в историографии, например в работах С. Мендельсона и П. Кроуфорда «Женщины в раннее Новое время в Англии» [2, р. 10–11], такого же подхода придерживаются для изложения авторы многотомной «Истории женщин на Западе» [3, с. 16–57] и многие другие исследователи. Поэтому мы рассмотрим представления Анны о семейных ценностях, роли и функциях семьи, ее значении для общественной и политической жизни на разных этапах жизни самой Клиффорд.

Говоря о детстве и до замужней жизни, Клиффорд отмечает свое происхождение, рассмотрение которого было так важно для нее в связи с судебными разбирательствами в вопросе наследования. Анна отмечает: «Настоящий памятник моей жизни, леди Анны Клиффорд, по рождению которая является единственной дочерью и наследницей моего прославленного отца Джорджа Клиффорда, 3-го графа Камберленда, от его добродетельной жены Маргарет Рассел, моей матери, по праву происходящей от него и его давних благородных предков...» [1, р. 63]. Вопрос родословной очень важен для Анны и постоянно ею подчеркивается для обоснования преемственности поколений. Она относит себя к наследникам своего отца, обращая также внимание на тот факт, что она является единственным выжившим ребенком своего отца. Старшие братья Анны Фрэнсис (1584–1589) и Роберт (1585–1591) умерли в раннем возрасте.

Для Анны Клиффорд отцовское наследство, буквальное и символическое, имеет первостепенное значение, и ее утверждение о своих правах в семье (как наследницы земель своего отца) подкрепляется обширными генеалогическими данными [4, р. 304].

Также можно отследить и важность для Анны связи с матерью, которая и была инициатором начала борьбы за наследство: «Вскоре после смерти моего отца, когда я осталась его единственной дочерью и наследницей, его вдова, моя дорогая мать, из-за своей нежной заботы о моем благе, убедила меня выбрать ее своим опекуном; [...] что привело к возникновению крупных судебных тяжб между ней и моим упомянутым дядей, которые, по сути, продолжались по той или иной причине в течение всей ее жизни, в которой она проявляла величайшее мужество духа и никогда не уступала никакому сопротивлению» [1, р. 64].

Можно также отметить важную роль Маргарет Рассел в жизни дочери в целом, ведь отец, наследницей которого позиционирует себя

Анна, встречается на страницах ее записей редко, она в основном отмечает общие факты о нем, в отличие от матери. В записях о детстве Анна постоянно находится при матери. Родители девочки, по-видимому, не были счастливы в браке и в какой-то момент в 1590-е гг. начали жить раздельно, Джордж Клиффорд отдалился от своей жены Маргарет Рассел из-за романа с женщиной, которую Анна позже назовет «знатной дамой»: «Всю эту весну у меня было очень хорошее здоровье, и я даже не почувствовала вкуса зеленой болезни (гипохромная анемия). Мой отец иногда приезжал к нам в Кларкенуэлл, но не часто, потому что в то время он полностью оставил мою мать...» [1, р. 17]. Но несмотря на общую неприязнь между супругами, отношение отца к Анне не менялось: «Иногда они с матерью случайно встречались, и на их лицах отражалась неприязнь, которую они испытывали друг к другу, но все же он говорил со мной в легкой манере и давал мне свое благословение». Тесная связь матери и дочери продолжалась вплоть до смерти Маргарет в 1616 г.

Воспитанием Анны занимались мать и ее родственники, что достаточно типично для воспитания девочки. В первой половине XVII столетия превалировало домашнее образование, которое осуществляли родители или гувернантка. Матери из аристократических семейств уделяли немало внимания образованию своих дочерей. Они не только стремились дать дочерям какие-либо знания, но и занимались их нравственным воспитанием, посвящая много времени религиозным наставлениям. Отличительной особенностью женского образования на протяжении столетия оставался его прагматический характер — подготовка к браку [5, с. 34].

Леди Анна была замужем дважды. Первый ее муж (с 27 февраля 1609) — Ричард Сэквилл, 3-й граф Дорсет (18 марта 1589–28 марта 1624). Свадьбу организовал дед Сэквилла, в апреле 1607 г. попросив придворного Джорджа Мора из Лозли уговорить графиню Камберленд выдать леди Анну за его внука. По слухам, старый граф Дорсет тем самым сорвал переговоры о браке Анны и наследника графа Эксетера [1, р. 75]. Анна осознает свою роль как жены и в большинстве случаев повинуетя мужу и его решениям, прислушивается к нему, однако Ричард в браке преследовал свои интересы, с чем Анна не всегда была согласна. Анна Клиффорд воспринимала патриархальный порядок гендерных отношений как естественный и неизменный, признавая властные привилегии своих мужей, короля и Бога [6, с. 35].

Муж помогал ей в ведении судебных тяжб о наследстве. В 1617 г. король объявил графа Камберленда (Фрэнсиса Клиффорда) законным наследником и передал ему все поместья Клиффордов, присудив Анне

и ее мужу компенсацию в 17 тысяч фунтов. Анна отказалась признать это решение, но ее муж забрал деньги, и в дальнейшем Ричард настаивал на том, чтобы Анна отказалась от своих прав: «Но, несмотря на мой отказ, 14 марта следующего года милорд подписал и скрепил печатью пожалование в Грейт-Дорсет-Хаусе, в котором он передал Фрэнсису, графу Камберленду, и Генри, лорду Клиффорду, его сыну, и их наследникам мужского пола все его права на земли моего наследства, что принесло мне много проблем» [1, р. 67].

Несмотря на довольно непростые отношения с мужем, Анна считает, что она была счастлива в этом браке [1, р. 67]. Хотя Анна и не пишет явных упреков в сторону мужа, все-таки впечатления от ее описания не самые приятные: муж занят попытками добиться внимания короля, азартными играми и развлечениями. К тому же сама Анна в дневниках 1616–1617 гг. и 1619 г. часто находится в подавленном состоянии, что связано и с судебными разбирательствами, осуждениями со стороны сторонников ее дяди и короля, а также с разладом между супругами: «Я проплакала большую часть дня, видя, что мои враги одержали надо мной верх» [1, р. 38]. «Всю эту неделю я была дома, и мне было грустно видеть, как плохо у меня идут дела» [1, р. 39]. «Всю эту неделю я не выходила из своей комнаты, потому что чувствовала себя больной и слабой» [1, р. 43].

От первого мужа у Анны было пятеро детей: трое сыновей, которые умерли в раннем возрасте, и две дочери, Маргарет (1615–1676) и Изабелла (1622–1661). Исполняя свои материнские обязанности, Анна в основном отмечает важные события в жизни ее дочери Маргарет (Изабелла упоминается в дневниках уже более поздних лет и во взрослом возрасте): когда она болеет или плохо себя чувствует, это тревожит мать, Анна описывает одежду своей дочери [1, р. 41] (дети того периода были одеты как взрослые. Хорошим примером этого является портрет Маргарет Секвилл кисти Пола ван Сомера 1618 г.), дочь часто сопровождает мать в поездках. Также Анна довольно часто отмечает события, которые происходят впервые, подчеркивая их важность в жизни ребенка (это касается не только материнства): «13-го числа дитя пришла ко мне, и это был первый раз, когда она пролежала со мной всю ночь с тех пор, как родилась» [1, р. 37].

Описывая основные события в жизни дочери, Анна проявляет заботу к ней и сильно тревожится, когда с ней что-то не так. Взрослея, дочь чаще появляется в компании матери.

Второй брак, с Филиппом Гербертом, 4-й графом Пембруком и 1-м графом Монтгомери, особо не освящается в автобиографии и дневниках

Анны. Ею отмечены лишь основные даты и факты биографии супруга. По мнению Анны: «Этот мой второй брак чудесным образом осуществился по провидению Божьему, чтобы преодолеть зависть, злобу и зловещие действия моих врагов и разочаровать их» [1, р. 69]. Этот брак принес ей огромное богатство и жизнь при дворе, а также королевскую поддержку, что позволило ей противостоять своим врагам — Генри Клиффорду, а также брату первого мужа — Эдварду Сэквиллу, 4-му графу Дорсету, считавшему, что Анна удерживает в качестве вдовьей доли слишком много родовых владений Сэквиллов. В 1634 г. она заключила соглашение с мужем, которое гарантировало ей владение поместьями в Уэстморленде, в то время как граф Пембрук получал Скиптон с пожизненным доходом в 5 тысяч фунтов [1, р. 69].

В 1643 г. умер Генри Клиффорд, ставший к тому времени 5-м графом Камберлендом, не оставивший наследников мужского пола. Хотя из-за развернувшихся в Англии военных действий Анне не удалось сразу вступить в права наследования родовыми поместьями, она, получив наследственную должность шерифа Уэстморленда, отправила своих людей в Уэстморленд и Крейвен, проигнорировав интересы мужа. Однако в Северную Англию из Лондона она перебралась только в 1649 г., после чего до самой смерти не покидала своих владений, проживая в принадлежавших ей замках.

Анализируя свою брачную жизнь, Анна отмечает, что она «жила в двух великих семьях этих милордов так, как река Рона протекает через Женевское озеро, не смешивая ни один из своих потоков с водами озера. Насколько это было возможно, в обеих этих великих семьях я посвятила всю себя уединению, сделав своими спутниками хорошие книги и добродетельные мысли» [1, р. 65]. Можно сказать, что несмотря на тот факт, что оба мужа покровительствовали Анне в ее вопросах о наследовании, оба мужа преследовали свои интересы и зачастую пренебрегали мнением Клиффорд. Клиффорд, несмотря на браки со знатными аристократами, все равно оставалась частью своей семьи. Обычно женщины, выходя замуж, какими бы знатными ни были, принимали свою новую семью и как бы входили в нее. Женщины являются носителями родословной, а не ее обладательницами, их идентичность при рождении включена в их брачную идентичность. Анна же, наоборот, практически не связывает себя с семьями мужей. Такая позиция не типична для женщин в этот период, например, в своих работах Люси Хатчинсон и Анна Фэншоу, современницы Клиффорд, писали о биографии и родословной их мужей. Они обе практически не упоминают о своих семьях, давая лишь краткую

информацию о них. Фэншоу и Хатчинсон, в отличие от Анны, считают себя частью семьи мужа и хотят передать своим потомкам (сыновьям) историю семей их отцов [4, р. 299–302].

Уже будучи второй раз вдовой и добившись своих целей, Анна полностью отдает себя заботам о ее владениях. Клиффорд занимается ремонтом замков, разрушенных в годы гражданской войны, строит больницы в своих владениях, восстанавливает церкви. Приведение в порядок графства рассматривается и с целью того, что в будущем ее наследники, внуки и правнуки, займут ее место и будут так же управлять на Севере, как и она. Важность преемственности и связи между поколениями особенно волнует Анну в погодных записях «Леди Севера, ранние воспоминания 1650–1675 гг.». Ее дочери Маргарет и Изабелла радовали мать большим количеством внуков и внучек, что Анна считала огромной радостью и лишним подтверждением того, что именно она и ее потомки продолжают родословную дома Клиффордов.

Визиты внуков радуют Клиффорд, часто она отмечает, что тот или иной ее внук впервые появлялся в ее землях: «И это был первый раз, когда я увидел его или кого-либо из моих внуков в Скиптоне или в любой другой части земель, доставшихся мне по наследству» [1, р. 75]. «Это был первый раз, когда моя дочь из Танета или четверо ее младших сыновей когда-либо приезжали в Крейвен» [1, р. 88]. Анна является точкой передачи, через которую великая история семьи ее отца перейдет к ее дочерям и их детям и так далее.

Анна отмечает важные события для ее семьи, а именно рождение и смерть внуков, их браки, сведения о их здоровье. Так, например, ее внучка Френсис (1642–1666) страдала от рахита, Анна пишет о том, когда она ездила лечиться в Нидерланды, в этих поездках ее сопровождали братья, что также отмечает Клиффорд [1, р. 90].

Одним из самых любимых и подающих надежды в качестве наследника для Анны был ее внук Николас, который часто бывал в землях своей бабушки. Анна также решила благодаря своему внуку уладить семейный конфликт при помощи брака Николаса и его кузины Елизаветы Боул, внучки Генри Клиффорда, 5-го графа Камберленда. Этот брак призван был воссоединить линии Клиффордов: отца Анны Джорджа и ее дяди Фрэнсиса Клиффорда [1, р. 89]. Мать невесты, Елизавета Клиффорд, графиня Корк, следуя примеру Анны Клиффорд, пыталась заявить о своих правах на наследование земель отца. Брак смог спасти положение, Анна описывает визиты Елизаветы в ее земли. Эти встречи были направлены на то, чтобы залечить раскол в семье, вызванный борьбой за наследство в начале века.

Подводя итог, можно сказать, что при рассмотрении образа семьи в дневниках и автобиографии леди Клиффорд отмечаются тенденции в понимании Анной роли и функций семьи, которые она рассматривает в рамках патриархального характера. Главная задача семьи для Клиффорд — это преемственность поколений в наследовании титулов и земель. Анна, собирая сведения о своей семье, главной целью ставит саморепрезентацию себя как части знатного рода Клиффордов, наследницу своего отца и его земель. Семья для Клиффорд является не полностью «частным» пространством, ведь в материальном и в идеологическом отношении семья была предметом общественного и политического беспокойства.

Список источников и литературы

1. *Malay J. L.* Anne Clifford's autobiographical writing, 1590–1676. Manchester: Manchester University Press, 2018. 184 p.
2. *Mendelson S., Crawford P.* Women in early modern England, 1550–1720. Oxford: Clarendon press, 1998. 480 p.
3. История женщин на Западе: в 5 т. Т. 5: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж; пер. с англ. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной. СПб.: Алетейя, 2008. 558 с.
4. *Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe* / ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Müller, J. van der Steen. Leiden; Boston: Brill, 2013. 360 p.
5. *Лабутина Т. Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб.: Алетейя, 2001. 247 с.
6. *Буланакова М. А.* Знатная женщина и стюартовское общество в Англии XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 249 с.

Власть и общество.
Правители и институты

УДК 94

Вечерко Е. Д.

Московский педагогический государственный университет,
Институт истории и политики,
студентка бакалавриата
E-mail: ekaterinavecherko2004@gmail.com

Обряды королевской инициации по раннеирландским сагам

Аннотация. Обряды инициации являлись неотъемлемой частью повседневной жизни кельтов. Благодаря обрядам инициации воины обретали силу, власть короля становилась законной. В исследовании рассматриваются обряды инициации короля, значение в кельтском мире, роль друидов в проведении этих обрядов.

Ключевые слова: обряды инициации, религиозные обряды, друиды, инаугурация

Vecherko E. D.

Moscow State Pedagogical University,
Institute of History and Politics,
Bachelor's program, Student
E-mail: ekaterinavecherko2004@gmail.com

Rites of royal initiation according to the Early Irish sagas

Abstract. Initiation rites were an integral part of the daily life of the Celts. Thanks to the initiation rites, the warriors gained strength, the power of the king became legitimate. The study examines the initiation rites of the king's significance in the Celtic world, the role of druids in conducting these rites.

Keywords: initiation rites, religious rites, druids, inauguration

Кельты создали уникальную цивилизацию своего времени, этот народ, по мнению многих ученых-историков, сыграл важную роль в деле завершения процесса развития первобытной культуры европейского общества. Важнейшим аспектом культуры кельтов были особые религиозные обряды, в том числе обряды инициации, являющиеся неотъемлемой частью общественной жизни. Под обрядом инициации подразумевали совокупность особых действий, в результате проведения которых человек получал новый социальный статус.

Все обряды инициации можно разделить на несколько категорий: обряды, связанные с взрослением, достижением юношей половой зрелости — только после проведения обряда инициации он признавался ответственным и полноценным членом общества [1, с. 13]. Другие обряды инициации были направлены на повышение статуса отдельных индивидов, подтверждение их новой роли в обществе и признание ее народом. К таким обрядам можно отнести обряд инициации королей, в результате которого признавалась законность его власти, или посвящение воинов, после которого считалось, что они обретают силу и способность противостоять врагу.

Целью исследования является изучение особенностей культовых представлений кельтов, особенности королевских обрядов инициации и их влияния на общественные отношения.

Основным источником исследования являются древнеирландские саги, а в частности сага Уладского цикла «Похищение быка из Куальнге», которая является одной из центральных саг ирландской мифологии. Несмотря на то что данная сага записана в XI в., она ярко отражает обряды инициации, которые проводились в более ранний период. Изучение саги в качестве исторического источника позволяет рассмотреть общественный уклад и ментальность кельтского мира, так как саги развивались как жанр на протяжении нескольких веков, поэтому они отражают историчность целой эпохи [2, с. 552]. Древнеирландский эпос представляет собой обширный исторический материал, саги могут претендовать на историческую достоверность, так как информация в них зачастую передавалась от очевидцев событий последующим поколениям на протяжении многих столетий [3, с. 6].

В исследовании также используются произведения античной литературы: «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря [4] и записки Диона Хризостома [5], так как они являются одними из немногих дошедших до нас письменных исторических источников, отражающих рассматриваемые исторические события. Отражаемые в письменных источниках особенности кельтского общества и осуществление особых ритуалов подтверждаются археологическими данными, среди которых особые ритуальные королевские погребения в болотах, найденные на территории Ирландии, — «Человек из Клоникавана» и «Олд Кроган», которые также будут рассмотрены в исследовании.

Важную роль в проведении обрядов инициации играли друиды, которые занимали особое положение в кельтском обществе. Об этом свидетельствуют античные авторы: так, Дион Хризостом пишет, что «...без

них не было позволено царям ни делать что-нибудь, ни принимать какие-нибудь решения, так что в действительности они управляли, цари же, сидевшие на золотых тронах и роскошно пировавшие в больших дворцах, становились помощниками и исполнителями воли их» [6, с. 11], здесь можно проследить влияние сословия друидов на политическую сферу и королевскую власть.

В древнем Уладе король являлся не только властителем земель, но и главным воином, действия которого были сакральны, а ведение войны входило в одну из главных ритуальных функций. В произведении Уладского цикла, в «Похищении быка из Куальнге», можно увидеть обряд инициации могущественного воина Кухулина и участие в данном действии друида Катбада. Друид Катбад предвидел «обжигающую силу» юноши, друид говорил: «Если маленький мальчик возьмет сейчас в руки оружие, он станет блистательным и знаменитым, но проживет короткую жизнь и скоро умрет»; тогда Кухулин решил сразиться со злейшими врагами королевства Ульстер и обезглавил их. Гнев юноши был настолько велик, что для того, чтобы усмирить его, потребовалось три чана воды, и вода в них от его гнева нагревалась и закипала. Из этого отрывка можно понять, что «гнев» и «жар» молодого воина является магически-религиозным испытанием, частью любого обряда инициации. Обретение «магического жара», в свою очередь, и было обрядом инициации воина, так как считалось, что отныне юноша не принадлежит человеческому миру [1, с. 226], а его жизнь отдана во имя воинской славы и чести, которой он посвятит весь свой жизненный путь. Обретение королем воинской силы и могущества путем прохождения особого обряда инициации являлось неотъемлемой составляющей его жизненного цикла.

Можно отметить наличие взаимодействия между друидами и королями, влияние первых на политическую составляющую кельтского общества путем участия в процессе проведения инициационных обрядов. Если обратиться к отрывку из Уладского цикла, в одной из версий «Похищения быка из Куальнге» сказано: «У уладов существовал запрет говорить прежде своего короля, и существовал запрет королю говорить прежде своих друидов» [7, с. 372]. Королевская власть у кельтов находилась в тени друидов, они не только влияли на принятие важных государственных решений, что мы можем подтвердить благодаря запискам античных авторов [6, с. 11], но и принимали активное участие в процессе избрания нового короля и в установлении легитимности его власти. В ирландских сагах можно найти свидетельства значения друидических обрядов в процессе установления легитимности власти короля: так, был осо-

бый обряд, который заключался в том, что во время праздничного пира забивали белого быка, затем некий человек, наевшись мяса и напившись мясного отвара, должен был уснуть под пение четырех друидов, которые пели слово истины [8, с. 126]. Согласно поверью, во сне этот человек мог увидеть личность будущего короля, его характер и внешний облик, после чего один из друидов объявлял народу волю богов [9, с. 104].

Известно также еще об одном инаугурационном ритуале — гадании на внутренностях животных с целью узнать, благоприятным ли будет для народа и государства правление избранного короля [10, с. 64] и установление легитимности его власти. Вероятнее всего, во время обряда инаугурации короля туата, связанного со священным животным — белой лошадью, будущий правитель подходил к выведенной лошади «звериным образом», то есть происходило своего рода единение будущего короля со священным животным, что было необходимо для установления власти. После чего лошадь убивали, отваривали бульон, и будущий король ел это мясо и пил бульон, окуная в него лицо, и только после этого он становился полноправным правителем своего туата, друид выкрикивал имя короля с титулом, после чего считалось, что его власть действительно одобрена высшими силами.

В одном из эпизодов «Похищения быка из Куальнге» можно увидеть также определенное инаугурационное действие, в котором важную роль играет жреческое сословие друидов и филидов. В «Сватовстве к Эмер» рассказывается о трех королях, которые некогда правили Ирландией, и «уговорились они, что каждый из них станет править по семь лет. Три раза по семь человек поручились за это: семь друидов, семь филидов и семь вождей», что свидетельствует о влиянии жреческого сословия и о значимости определенных культовых ритуальных обрядов инициации в древнеирландском обществе [11, с. 63].

Король в кельтском обществе являлся прежде всего сакральным символом, а его политические функции были второстепенными. Все обряды инициации, как мы видим, были связаны со способствованием благополучию правления короля, так как именно от него зависело благополучие и удача всего населения в различных сферах — как в военной, так и в сельскохозяйственной жизни. То есть именно король считался своего рода посредником между людьми и богами, отвечающим за земные блага своего народа. А в случае неблагоприятных событий во время правления короля он должен был быть принесен в жертву для восстановления порядка [12, с. 43]. Такая практика проводилась также, если царь терял силу из-за возраста, потому что считалось, что это сказывается на благополу-

чий народа. Археологические данные подтверждают действительность этих свидетельств. Останки одного из ирландских королей через примерно 2500 лет после его смерти были обнаружены в торфяниках болота Cul на Мона между ирландскими поселком Аббилейкс (Abbeyleix) и городком Порт-Лише (Portlaoise), в провинции Ленстер. Также найдены останки Клоникаванского человека (Clonycavan Man) и Олдкрогановского человека (Old Croghan Man). Олдкрогановский человек был принесен в жертву между 362 и 175 гг. до н. э.: он был обезглавлен, а на теле были явные следы пыток. У останков были продырявлены руки, через которые протянуты прутья. У Клоникаванского человека следов пыток обнаружено не было, однако голова юноши была рассечена острым лезвием или топором.

Таким образом, обряд инициации, который заключался в принесении короля в жертву, был неотъемлемой частью кельтской жизни и вполне оправдывался, так как таким образом король подтверждал свое царское достоинство, доказывал свою преданность людям готовностью пасть жертвой на благо своего народа [13, с. 24], тем самым укрепляя сакральность и божественность царской власти.

Обряды инициации, или «посвящения», сопровождали человека на протяжении всей жизни и в различных сферах жизни в раннеирландском обществе, и значимость этих ритуалов находит отражение в кельтской мифологии и сагах. В этом и проявлялась ментальность общества того времени: ритуальные обряды, а в особенности королевские обряды инициации оказывали огромное влияние на все общество. Прослеживается четкая взаимосвязь между королевскими инаугурационными обрядами и благополучием простого народа. Благодаря обрядам инаугурации сохранялся порядок в обществе, очевидно влияние ритуалов на политическую и социальную сферы; люди прослеживали особую взаимосвязь между сакральной властью короля и их повседневностью, что гарантировало стабильность общественных отношений.

Список источников и литературы

1. *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 365 с.
2. *Смирнов А. А., Стеблин-Каменский М. И.* Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Художественная литература, 1973. 864 с.
3. *Губанов И. Б.* Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 230 с.

4. *Гай Юлий Цезарь*. Записки Юлия Цезаря о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М.; Л.: АН СССР, 1948. 559 с. Серия: Литературные памятники.
5. Dio Chrysostom / transl. by N. Lamar Crosby. Vol. IV: Discourses 37–60. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1946. 480 p.
6. Предания и мифы Средневековой Ирландии / под ред. Г. К. Косикова, сост., пер. и вступ. ст. С. В. Шкунаева. М.: Изд-во МГУ, 1991. 284 с.
7. Похищение быка из Куальнге // Саги об уладах / пер. с ирл.; сост. Т. А. Михайлова. М.: Аграф, 2004. С. 232–400.
8. *Леру Ф.* Друиды. М.: Евразия, 2000. 288 с.
9. Разрушение Дома Да Дерга // Предания и мифы средневековой Ирландии / под ред. Г. К. Косикова, сост., пер. и вступ. ст. С. В. Шкунаева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 102–127.
10. *Бондаренко Г. В.* Повседневная жизнь древних кельтов. М.: Молодая гвардия, 2007. 396 с.
11. Сватовство к Эмер // Саги об уладах / пер. с ирл.; сост. Т. А. Михайлова. М.: Аграф, 2004. С. 54–78.
12. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / пер. с англ. А. П. Хомика. М.: Академический проект, 2015. 298 с.
13. *Федотова Е.* Почему царь? Ритуал жертвоприношения царя в ТаНаХе и его трансформация в евангельском мифе // Старое и новое в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 23–42.

УДК 94:322

Волков П. В.

Национальный исследовательский Томский
государственный университет, факультет
исторических и политических наук, студент бакалавриата
E-mail: pvolkov287@gmail.com; rector@tsu.ru

Дилемма Григория Турского: светская и церковная власть

Аннотация. В статье анализируются властные отношения в «Истории франков» в контексте политических взаимоотношений Галльской церкви и государства в позднеантичной и раннесредневековой Галлии. Делается вывод о том, что взаимоотношения светской и духовной власти в обозначенные периоды определили характер и организацию властных отношений в «Истории» Григория Турского.

Ключевые слова: Григорий Турский, «История франков», светская и церковная власть, образ власти

Volkov P. V.

National Research Tomsk State University
Faculty of Historical and Political Sciences
Bachelor's program, Student
E-mail: pvolkov287@gmail.com; rector@tsu.ru

The Dilemma of Gregory of Tours: Secular and Ecclesiastical power

Abstract. The article analyzes the power relations in the “History of the Franks” in the context of the political relations of the Gallic Church and state in Late Antique and early Medieval Gaul. It is concluded that the relationship between secular and spiritual authorities in the designated periods determined the nature and organization of power relations in the “History” of Gregory of Tours.

Keywords: Gregory of Tours, “The History of the Franks”, secular and ecclesiastical authorities, image of power

На формирование образа власти в раннесредневековой историографии, а именно в «Историях» Иордана, Беда Достопочтенного, Павла Диакона, Григория Турского, огромное влияние оказали ветхозаветная, позднеантичная-христианская и германская культурно-исторические

традиции [1, с. 41]. Но Григория Турского, «История» которого является одной из самых известных, все же можно назвать продолжателем позднеантичной-христианской традиции, которую он усвоил в процессе образования, будучи выходцем из знатной галло-римской семьи (о чем свидетельствует имя епископа — Григорий Флоренций), члены которой занимали достаточно высокие церковные посты (дядя Григория по отцу был клермонским епископом, дед по материнской линии — лангрским епископом, двоюродный дядя, Ницетий, — лионским епископом) [2, с. 328].

Для обозначения актуальности нашего исследования мы считаем необходимым привести краткую историографическую справку, касающуюся изучения власти в Средние века. Репрезентации власти и властных отношений, их специфика в Средние века были рассмотрены с позиций различных методологий: от устоявшейся в советской науке марксистской методологии до различных междисциплинарных подходов к ее изучению. Типичным примером использования формационного подхода можно считать работу «Образование раннефеодального государства в Западной Европе» (1963) [3], принадлежащую Р. А. Корсунскому, который рассматривает власть (в данном случае в готском обществе) в процессе становления феодального государства и феодальных институтов. Другим подходом, реже применяющимся к исследованию образов власти и ее восприятию, является институциональный подход, делающий упор на формирование политических институтов и их функционирование. Представителями данного подхода можно считать Н. А. Хачатурян [4] и А. Г. Глебова [5, с. 208–220]. В 1970–1980-е гг. в исторической науке появляются новые культурологические и историко-антропологические подходы. Ярким примером историко-антропологических исследований можно считать исследования А. Я. Гуревича, в которых автор рассматривает процессы государствообразования в скандинавском обществе через призму ментальности и культуры [6, с. 72–81]. Примерно в это же время благодаря работам философа Р. Барта получает развитие семиотический подход, в отечественной науке представленный С. С. Аверинцевым [7] и М. Б. Ямпольским [8]. Очень популярным подходом, сформировавшимся во второй половине XX в., стал психологический подход, предложенный М. Фуко [9].

Историко-антропологический, семиотический подходы являются базовыми и применяются практически во всех исследованиях властных отношений в Средние века, вышедших в 1970–2000-х гг. Аналогичные подходы применялись и к изучению специфики власти в «Истории франков» Григория Турского. Обобщающей работой, выполненной в рамках

семиотического и историко-антропологического подходов, является исследование Дж. Л. Нельсон «Politics and Ritual in Early Medieval Europe» (1986) [10], которое охватывает меровингский и каролингский периоды в истории Франкского королевства, в связи с чем автору приходится обращаться и к «Истории» Григория Турского. Однако, на наш взгляд, предшествующими исследователями не было в полной мере изучено формирование целостной модели преемственности и новизны в политическом мировоззрении Григория, определившем характер властных отношений в его трудах. В настоящее время подобными исследованиями занимается Д. Н. Старостин, который стремится выявить ключевые политические темы «Истории франков» и аналогии в образах варварских и римских правителей [11, с. 36], а также понять, как Григорий интерпретирует завоевание франками Галлии и как менялось восприятие франками власти своего короля и его двора в последующие периоды [11, с. 69]. Между тем автор косвенно затрагивает проблематику взаимоотношений светской и церковной власти в «Истории франков» [11, с. 67], без которой, на наш взгляд, сложно понять властные отношения в меровингский период и их репрезентации в «Истории франков», если учесть огромное влияние церкви, церковных кафедр и приходов на общество и политику в раннее Средневековье. Мы также не должны забывать, что в центре внимания «Истории франков» находится по большей части история Галльской церкви, ее борьба с ересями и борьба «праведников с язычниками», как пишет В. Д. Савукова [2, с. 331]. В связи с чем представляется важным рассмотреть репрезентации власти и властных отношений в «Истории» Григория Турского в контексте политического взаимодействия церкви и государства в позднеантичной и раннесредневековой Галлии. Именно взаимоотношения двух «властей» в обозначенный период определили, на наш взгляд, основные политические темы «Истории» турского епископа, а также его взгляды на организацию власти во Франкском королевстве. Вышеперечисленными аспектами и обусловлена новизна нашего исследования: нами предпринимается попытка рассмотрения репрезентаций властных отношений в «Истории франков» в контексте политических взаимоотношений Галльской церкви и государства в позднеантичной и раннесредневековой Галлии.

Начать наше исследование следует с анализа образов светской власти, то есть с образов самих меровингских правителей. Несмотря на то что Григорий посвящает большую часть своего произведения истории Галльской церкви и истории Турской кафедры, ему так или иначе приходится освещать историю королей, их жизни, войн и распрей с другими короля-

ми, тем самым встраивая историю меровингских правителей в историю Церкви и в историю Галлии в целом. Королевская власть и история королей не являются ключевыми в рассматриваемом произведении, но тем не менее занимают в нем значительное место, исходя из того, как Григорий описывает представителей династии Меровингов: он предпочитает раскрывать характер длинноволосых королей и давать краткий очерк особенностей их психологического портрета [12, с. 120], что сближает стиль Григория со стилем античных авторов (например, с Тацитом) [2, с. 350].

В раннесредневековой историографии распространены несколько образов правителей. Первый из них — это образ варварского короля, который завязан на «свойствах субъекта власти», включающих аспекты телесности, харизмы, персональных качеств правителя, власть которого сакральна и основывается на его сакральном происхождении. С. В. Санников помимо данной трактовки образа власти выделяет еще две: вторую, связанную с особенностями восприятия персоны носителя власти, то есть выражением отношения подданных к «субъекту» власти; третью, связанную с коммуникативными актами власти и моделью отношений «субъекта» и «объекта» власти [13, с. 62]. Но Григорий развивает «христианский образ» правителя, то есть второй тип образа по классификации С. В. Санникова, основанный на восприятии персоны носителя власти его подданными, который был несвойственен, например, автору другой «Истории» — Иордану. Ведущий образ правителя в «Истории франков», таким образом, это образ христианской автократической власти, который и создает Григорий [1, с. 42].

Образ «христианского короля», наделенного единоличной властью, в данном случае служит основой политической доктрины новоиспеченных «варварских королевств». Христианский образ короля включал также просветительский аспект его деятельности, направленный на распространение христианства при осуществлении внутренней и внешней политики. Отсюда выводится образ «христианской империи» [1, с. 43], возглавляемой христианским автократическим правителем, который нашел наиболее полное выражение в правление Карла Великого. Интересно, что образ Франкской империи стал во многом образцовым для последующих создателей «национальных историй», что можно видеть на примере того же Беда Достопочтенного, создающего образ власти англосаксонских королей с опорой на образ франкской монархии [1, с. 44], что неудивительно, если учесть давние связи англосаксонских дворов с двором королей франков, а также интеллектуальные связи франкских и англосаксонских поэтов, богословов и историков. Получается, что Григорий в своем труде закладывает фундамент будущей «христиан-

ской империи», которая имеет аналогии с Римской империей, основывающейся на похожих универсалистских основаниях, тем самым выстраивая преемственность власти от одной империи к другой [14, с. 221].

С. В. Санников полагает, что процесс создания данных образов, проведение преемственностей между двумя империями, скрытые и открытые аналогии между варварскими правителями и римскими императорами можно рассматривать как модернизацию «римского мифа», которой и занимались новые варварские, в том числе франкские, интеллектуальные элиты, опираясь на библейское и античное мифологическое наследие, полное ярких сюжетов происхождений государств, народов, государей от богов, эпических героев и т. д. [15]. Так, например, Фредегар выводит происхождение франков от троянцев [16, с. 6]. Но еще более примечателен апеллирующий к римскому наследию сюжет крещения Хлодвига, которого Григорий Турский называет «новым Константином». Жизнь короля выстроена Григорием в духе повествования о жизни императора Константина [11, с. 55]. Подобно ему Хлодвиг также крестился и благодаря этому в скором времени разгромил еретиков-ариан, как в свое время Константин разгромил Лициния.

Идеальный образ правителя, как мы уже выяснили, это образ «христианского короля», заботящегося о сохранении и распространении веры. Но не все короли в «Истории франков» соответствуют этому образу. Григорий выстраивает определенную ценностную иерархию среди королей и в некоторых случаях противопоставляет их друг другу. Контрастами являются тот же Хлодвиг — сильный и харизматичный правитель, и его отец — Хильдерик, которого франки лишили королевской власти и выгнали из племени за то, что тот, «отличаясь чрезмерной распущенностью, начал развращать их дочерей» [2, с. 41]. Другой показательный пример — это сыновья короля Хлотаря: Хариберт, Гунтрамн, Сигиберт и Хильперик. Их отношения друг с другом, поданными, церковью Григорий описал достаточно подробно, дав полярную и немного отрывочную характеристику каждому королю. Так, Хлотарь предстает в образе распутника, Сигиберт — в роли бесстрашного, но мягкосердечного человека [2, с. 339]. В данном случае Хлотарь является явным антиподом праведному королю Сигиберту: первого Григорий рисует отрицательно, второго — положительно. Сигиберт, таким образом, является идеальным «христианским королем» в представлениях Григория (однако это можно связать с тем, что Сигиберт был покровителем Григория). Другой брат Хлотаря и Сигиберта — Гунтрам. Его Григорий в целом оценивает как персонажа положительного, отмечая его благочестие и набожность.

Четвертого брата, Хариберта, Григорий фактически никак не описывает, но при этом рассказывает про его отношения с многочисленными женами, которых часто менял король, вследствие чего в дальнейшем был отлучен от церкви [2, с. 95]. Но не стоит забывать также и о том, что оценки Григория могли зависеть от отношения королей непосредственно к Турской кафедре. Так, король Хлотарь I, сжегший заживо своего сына Храмна за мятеж с женой и детьми, несмотря на свою жестокость, удостоивается почитания Григорием за то, что посетил Тур перед смертью и покрыл оловом храм св. Мартина [2, с. 317]. А король Хильперик I, талантливый правитель и полководец, плохо относившийся к Турской кафедре, описывается епископом негативно [17, с. 88].

Характеристики королей, данные Григорием, в этих случаях тяготеют к ветхо- и новозаветным оценкам и позднеантичным топосам о хороших и плохих властителях [11, с. 69]. Сами властители в этой ситуации становятся своеобразными «игроками» на сцене позднеантичного периода [11, с. 64]. По утверждению Д. Н. Старостина, Галлия VI в. для Григория ничем не отличалась от Галлии в поздней Античности, в которой коренилась его образованность, приемы историописания, которые он использует, а также часть сознания самого Григория. Может сложиться впечатление, что после захвата Хлодвигом Суассона и дальнейшего победного шествия франков по Галлии, заканчивается позднеантичная Галлия и начинается новая, раннесредневековая Галлия, или история нового народа — франков, который, как принято считать, и описывает Григорий (что опять же не совсем верно). Однако для Григория эти события выглядели как продолжение истории позднеримской Галлии, которую он и описывает в своем труде [10, с. 68]. Продолжающиеся войны между франкскими вождями для Григория ничем не отличаются от междоусобных войн римских императоров с узурпаторами, объявлявшими себя правителями в отдаленных провинциях Римской империи.

Отсюда мы плавно переходим к дискуссии о примате светской и церковной власти. Большая часть «Истории франков», как мы уже говорили, это история Галльской церкви и турских епископов, которых Григорий рисует активными субъектами не только религиозной, но и политической жизни Галлии. Как и в поздней Античности, они продолжают поддерживать мир, в то время как правители заняты нескончаемыми междоусобицами [10, с. 67], которые привели к тому, что одной из политических тем в «Истории франков» стала тема согласия между правителями. Григорий считает королей возмутителями спокойствия и источником конфликтов [10, с. 81], а епископов — теми, кто устанавливает и поддерживает этот

мир. В связи с этим двор короля, даже несмотря на то что власть его держателя освящена Богом, не является местом единственного сосредоточения власти, хотя бы потому, что решающую роль в сохранении мира Григорий отводит епископам, заботящимся о поддержании мира с позднеантичных времен. Именно благодаря епископам, по мнению Григория, должно устанавливаться политическое согласие между правителями Галлии. Но чем дальше франкские историки и хронисты отходят от античных репрезентаций (тут в качестве примеров можно привести ранее упомянутую «Хронику Фредегара» и хронику его продолжателей), тем больше двор франкского правителя становится единственным источником сосредоточения власти [10, с. 82]. Однако это происходит уже в Каролингскую эпоху, когда окончательно оформляется идея королевской власти и упрочаются ее позиции.

Подведем итоги. Григорий в своей «Истории» описывает далеко не историю народа франков, а прежде всего историю Галлии и галльских епископов. Он, используя приемы и методы позднеантичного исторического описания, ветхо- и новозаветные аллюзии и топосы, создает новый образ франкского короля — образ христианского правителя, чья власть освящена и дарована ему Богом. Тем самым хронист укрепляет личную власть меровингских королей, но все же она остается крайне неустойчивой и слабой из-за постоянных войн, которые они ведут с другими королями. Королевский двор не является последней инстанцией, где должен устанавливаться баланс всех политических сил франкского королевства. По мнению Григория, установление мира под силу только Церкви и ее епископам. Однако мы можем предположить, что, создавая новую, «божественную», опору власти, Григорий хотел видеть в королях ту силу, которая пресечет раздоры и установит мир в Галлии. Сказать, чью сторону в данном споре занимает Григорий, очень сложно, потому что, с одной стороны, отводя решающую роль в поддержании мира Церкви, Григорий осознанно или неосознанно формирует основания королевской власти — с другой стороны. В этом и заключается «властная» дилемма Григория Турского, которая нашла отражение в его «Истории».

Список источников и литературы

1. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. № 1 (9). С. 41–45.
2. Григорий Турский. История франков / пер. с лат., соств., примеч. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 434 с.

3. *Корсунский Р. А.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1963. 186 с.
4. *Хачатурян Н. А.* Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ля Марша // Двор монарха в средневековой Европе. М.: Алетейя, 2001. Вып. 1. С. 121–136.
5. *Глебов А. Г.* Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятникам VII–IX вв.) // Право в средневековом мире: сборник статей / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2008. 278 с.
6. *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
7. *Аверинцев С. С.* Символика раннего средневековья (к постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 308–337.
8. *Ямпольский М. Б.* Физиология символического. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 1. 800 с.
9. *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. В. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. *Nelson J. L.* Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London: The Hambledon Press, 1986. 423 p.
11. *Старостин Д. Н.* Между Средиземноморьем и варварским пограничьем: Генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 224 с.
12. *Вотеева А. С.* Психологический портрет представителей королевской фамилии франков VI в. по данным нарративных источников // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: материалы IV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (27–28 октября 2016 г.): сборник статей. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2016. С. 119–124.
13. *Санников С. В.* Образ, идеология, архетип: методологические аспекты изучения репрезентации власти // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2018. № 8. С. 61–84.
14. *Старостин Д. Н.* Историческая концепция Григория Турского и распространение христианского летоисчисления и пасхального календаря Дионисия Малого в раннесредневековой Европе // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 215–224.
15. *Санников С. В.* Семиозис королевской власти в культуре раннего средневековья: от мимесиса к карнавалу // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2017. № 1 (35) [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4207> (дата обращения: 10.09.2023).
16. Хроники Фредегара / пер. с лат., коммент. и вступ. ст. Г. А. Шмидта. СПб.: Евразия, 2015. 464 с.
17. *Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Томского университета, 2005. 302 с.

УДК 94(44).032

Артемьев Е. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st102489@student.spbu.ru

Взаимоотношения Кордовского эмирата и викингов в раннем Средневековье

Аннотация. В статье рассматриваются военные конфликты и столкновения между арабами и норманнами. Испанские и исламские источники содержат информацию о деятельности викингов IX и X вв. в христианских королевствах Галисия и Астурия, а также в исламском омейядском эмирате Кордова на Пиренейском полуострове, который подвергался набегам викингов в 844–845, 859–861, 964–966 и 968–971 гг. Будет проанализирован каждый поход, их причинно-следственные связи. Взаимоотношения арабов и викингов являются одними из самых недооцененных фрагментов истории.

Ключевые слова: викинги, Кордовский эмират, раннее Средневековье

Artemyev E. E.

St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's student
E-mail: st102489@student.spbu.ru

Relations between the Emirate of Cordoba and the Vikings in the early Middle Ages

Abstract. The article examines military conflicts and clashes between Arabs and Normans. Spanish and Islamic sources contain information on IX and X century Viking activity in the Christian kingdoms of Galicia and Asturias, as well as in the Islamic Umayyad emirate of Cordoba on the Iberian Peninsula, which was subjected to Viking raids in 844–845, 859–861, 964–966 and 968–971. Each campaign and its causal relationship will be analyzed. The relationship between the Arabs and the Vikings is one of the most underrated in history.

Keywords: Vikings, Emirate of Cordoba, Early Middle Ages

Ибн аль-Куття жил в Кордове и был автором исторического труда «История завоевания Андалусии» [1, р. 224], посвященного периоду от исламского завоевания до начала X в. Мало что известно о жизни Ибн Адхари, марокканца, чья история Магриба и Иберии, написанная око-

ло 1300 г., содержит важную информацию, извлеченную из более ранних работ, ныне утраченных. Викинги были известны в Аль-Андалусе как маджус в связи с их политеистической религией.

Нападения норманнов длились почти три столетия: с конца VIII до второй половины XI в. [2, с. 5]. Историки судили о викингах достаточно однозначно, по свидетельствам монахов и других людей того времени. Следует упомянуть о первом появлении викингов на Пиренейском полуострове, чтобы мы могли полностью представить события того времени и найти причины набегов на Кордовский эмират в будущем. Это произошло в 827 г. Викинги пристали к Галисии и начали грабежи. Согласно испанским историкам, леонский король Рамиро пошел им навстречу и разрушил 70 кораблей северян [3, с. 29]. В ходе рейдов викинги предпочитали вытаскивать ладьи на небольшой остров или на полуостров в излучине реки, насыпая вал или даже ставя палисад, который бы прикрывал любые подступы к стоянке с суши. Получавшиеся в результате полевые укрепления оборонял небольшой гарнизон, поскольку викинги всегда особенно заботились о том, чтобы сохранить в целостности линии коммуникаций и обеспечить себе гарантированную возможность отхода. Пренебрежение таковой необходимостью могло повлечь за собой не только тяжелые потери, но и привести к полному поражению.

События 844 г. Следует выделить несколько причин набегов норманнов на данные территории. Во-первых, если брать во внимание первый поход викингов на территорию Кордовы в 844 г., то стоит выделить то обстоятельство, что в период царствования Абдурахмана II территория Аль-Андалуса пребывала в роскоши. Экономический рост способствовал социальному и политическому развитию страны. Также стоит понимать, что самой важной деятельностью северян были набеги и освоение новых земель. Рабы и рабыни являлись источником повышения доходов для викингов. Рабыни при этом часто становились объектом похоти хозяев, что позволяют записать ибн-Фадлана, встречавшего руссов на берегах Волги в X столетии [4, с. 19]. Арабские хронисты и исламские ученые называли викингов ар-рус и ал-маджус. Часто упоминая о погребальных церемониях викингов, арабский хронист рассказывает о несчастной участи девушки-рабыни, которую умертвили для того, чтобы она сопровождала хозяина в путешествии в Вальгаллу. В усыпальнице «У себергской ладьи» тоже содержатся два тела, одно из которых принадлежало пожилой женщине, предназначенной служить госпоже в загробной жизни. Разложение общинно-родового строя у шведов, датчан и норвежцев сопровождалось усилением знати, для которой военная до-

быча служила важнейшим источником обогащения, многие рядовые общинники покидали родину вследствие относительной перенаселенности приморских районов Скандинавского полуострова и нехватки пригодных для обработки земель. Тем более у них уже был успешный опыт в освоении британских земель. Прогресс кораблестроения позволил скандинавам плавать не только по Балтийскому морю, но и в водах Северной Атлантики и в Средиземном море. Все вышеуказанное стало причиной экспансии и сделало таковую возможной.

Как отмечает шведский историк Стриннгольм Андерс Магнус, датский полупоупендарный викинг Гастинг после похода северян на Париж предложил совершить набег в Средиземное море [3, с. 48]. Среди викингов, как сообщают источники, был и сын полупоупендарного конунга Рагнара Лодброка, Бьерн Железнобокий [5, с. 5]. Именно он и Гастинг возглавили экспедицию. В 843 г. викинги обрушились на побережье Астурии и Галисии, однако здесь их ожидала неудача при попытках овладеть городами Хихоном и Корунной, а затем и жестокое поражение от астурийцев, предводительствуемых королем Рамиро I. Из норманнского флота в сотню кораблей уцелело лишь тридцать [5, с. 5]. Находясь в тяжелом положении, викинги двинулись вдоль побережья на юг. Близ Лиссабона к ним присоединились еще 54 корабля. В итоге они осадили город и принялись грабить окрестности [5, с. 5]. После двухнедельной осады они вернулись на суда с богатой добычей и большим количеством пленных. После этого викинги получили известия о приближении мусульман и решили отплыть. Они пристали к западному побережью Андалузии, где им удалось взять город Кадис. Разорив затем окрестности Медины, пираты покинули испанские берега. Привезенные из этого рейда богатства, пусть даже добытые ценой тяжелых потерь, вызвали необычайное оживление среди засевших на островах Бискайского залива викингов.

Уже в следующем, 844 г. объединенный флот Гастинага и Бьерна Железнобокого в составе 100 кораблей покинул свою стоянку на Нуармутье и направился к берегам Испании. Потеряв часть судов в жестоком шторме, флот норманнов обогнул мыс Сан-Висенте, крайнюю юго-западную точку Пиренейского полуострова, и оказался у берегов Андалузии. «Море, казалось, заполнили темные птицы, сердца наполнились страхом и мукою» [5, с. 7], — писал арабский хронист. Викинги совершили набеги на окрестности Кадиса, Медины и атлантическое побережье Марокко. После тринадцатидневной осады была захвачена Ал-Газира. Разорив прибрежные области, норманны двинулись во внутренние районы Андалузии. Арабский историк ал-Йа'куби сообщал: «На запад от города,

называемого Ал-Газира, лежит город, называемый Исбилия, на большой реке, которая есть река Кордовы. В тот город вошли в 229 году поганые ал-Маджус, называемые ар-Рус, захватили пленных, грабили, жгли и убивали» [6, с. 118–134]. Они осадили Севилью, но им не удалось захватить городскую цитадель. Трижды отряды испанских мавров пытались пробиться на выручку к осажденным, но всякий раз неудачно. Викинги ответили рейдами на предместья Кордовы и Аликанте.

Наконец к стенам Севильи подошло войско во главе с самим эмиром Кордовы Абдурахманом II. Отсюда и начнутся главные сухопутные сражения викингов с армией эмира. Для начала стоит разобрать тактику северян в битве на суше. Когда приходилось биться на берегу, викинги предпочитали строиться «стеной щитов», называвшейся у них «шолдборг», или «шулдбург» [4, с. 90], и представлявшей собой плотную и глубокую фалангу, в которой лучше вооруженные и защищенные воины занимали передовые шеренги. Существует множество споров по поводу того, насколько плотно стояли в таких построениях воины. Современные события литературные источники дают понять, что рукопашный бой требовал для резких и размашистых движений пространства, на котором бы сражающиеся могли в нужный момент отскочить вбок или назад, «раскрутиться» [4, с. 91] для более энергичного удара. Ознакомившись с тактикой северян, следует перейти непосредственно к их боевым столкновениям с арабами. Обе противоборствующие стороны были в замешательстве, так как до этого друг с другом не сталкивались. Сначала викинги были более успешны и смогли разбить войско эмира в трех битвах [3, с. 49]. Викинги даже попытались овладеть крепостью Табла неподалеку от Севильи, но были отбиты, потеряв до 400 человек [5, с. 7]. Вскоре на Гвадалквивире появился флот эмира, в составе которого находились 15 огненосных судов, и заблокировал выход в море. Арабы атаковали корабли скандинавов, забрасывая их сосудами с горючим составом, и потопили 30 из них. Викинги вынуждены были вступить в переговоры и, выторговав себе право на свободный проход в обмен на захваченную добычу и пленников-мусульман, ушли. Взятых в плен норманнов арабы повесили на финиковых пальмах Севильи. Очень ценную поддержку и помощь эмиру оказал вали Туделы Муса II, глава семьи Бану Каси (вестготских христиан, принявших ислам после завоевания), с которым они находились в конфронтации до нашествия северян. Эмир обратился с личным письмом к главе Бану Каси, в котором, признавая заслуги его семьи, призвал Мусу выступить против общих врагов [7, р. 266]. Сам город Сарагоса был завоеван эмиром и передан его сыну Мухаммеду.

Отрубленные головы еще двухсот скандинавов, как доказательство победы, Абдурахман II отправил своему союзнику — эмиру Марокко Али I.

Таким образом, ничтожные результаты похода и серьезные потери (погибло до половины его участников) надолго отбили у викингов охоту появляться у иберийских берегов. Память о полученном там решительном отпоре, несомненно, стала причиной отказа норманнов от высадки, когда их флотилия приблизилась к побережью Астурии в 850 г. [5, с. 7]. Все-таки разница цивилизаций в военной мощи и тактике была колоссальной, также большую роль сыграло многонациональное и многоконфессиональное население Аль-Андалуса, которое яростно сопротивлялось северным захватчикам. Весть об уходе норманнов вызвала в Андалусии всеобщее ликование. Абдурахман II послал победные реляции своим союзникам в Северную Африку, в том числе и в Тахерт, туда же были отправлены отрубленные головы викингов и их предводителя. Главнокомандующий Наср, который привез в Кордову головы норманнов, стал в глазах андалусцев, говоря современным языком, национальным героем.

События 859 г. Вторым не менее значимым событием является набег 859 г. Исходя из данных первого неудачного похода викингов на территорию Кордовы, можно сказать, что одной из основополагающих причин стало желание отомстить и добиться успеха на этой территории. Среди викингов снова следует отметить Бьерна Железнобокого и Гастинга, которые являлись руководителями рейда. Со стороны мусульман выступал эмир Кордовы, сын Абдурахмана II, Мухаммед I. В период его правления государство погрязло в междоусобицах и борьбе за власть — но стоит отметить, что деятельность предыдущего эмира дала свои плоды. Как отмечают средневековые источники, второй поход произошел в 245 год хиджры (859 г.). Следует привести слова мусульманского историка Ибн Хайяна: «В этом году маджусы — да проклянет их Бог — напали на западное побережье Аль-Андалуса, и это была их вторая атака на шестидесяти двух кораблях» [8, р. 79]. Корабли Мухаммеда курсировали от побережья Франции до побережья Галиции на западе. Они смогли обезвредить два корабля северян и лишить их провианта и рабов. Другие корабли маджусов плыли вдоль берега и достигли устья реки Гвадалквивир через Севилью [9, р. 40]. Эмир Мухаммед I отправил против викингов войска, во главе которых стоял Иса Ибн ал-Хасан. После битвы викинги были вынуждены отступить от Севильи и вернуться к устью Гвадалквивира. Северяне покинули устье реки и направились в город Альхесирас, который они взяли, и там же сожгли большую мечеть. После этого викинги были вынуждены отступить. Они отплыли

в Африку, где продолжили свои набеги и грабежи. Вскоре они вернулись на территорию Испании. В 859 г. один их флот ограбил город Альхесирас в Андалусии, Альгамбру в португальской Эстремадуре и Мескителлу в Беире [3, с. 53]. Также был захвачен форт Ориуэла [9, р. 41]. Затем они приблизились к границам Франции, совершили набег на это королевство и взяли много добычи и пленных. Согласно сочинениям Новаири, на обратном пути им встретился флот эмира Мухаммеда I: «На обратном пути они встретили флот эмира Мухаммеда, вступили с ним в бой и потеряли четыре своих корабля, два из которых сгорели» [9, р. 41]. В ответ на это викинги стали яростно сражаться, и большое количество мусульман погибло. Тем не менее андалусцам удалось отразить удар. Флот викингов развернулся и вновь двинулся на восток. Норманны совершили удачный набег на Наварру, взяв в плен короля Гарсию Иньигеса, за которого потом будет выплачен огромный выкуп в размере 70 тысяч золотых. После этого викинги, видимо, направились во Францию, на соединение с оставшимися там воинами [9, р. 42].

Сообщение Ибн Хайяна интересно сопоставить со сведениями европейских источников. Мы узнаём, что викинги, покинув в 859 г. Андалусию, закрепились на каком-то острове в дельте Роны, а затем стали совершать походы вверх по реке, разоряя все на своем пути. В 860 г. они захватили Валанс, а затем предприняли поход в Италию, где взяли и разграбили Пизу. Себастиан Саламанкский сообщает даже о походе норманнов на Грецию и византийские владения на юге Италии. Поход викингов оказался, таким образом, весьма долгим, и лишь через три года после его начала они, согласно тому же автору, двинулись в обратный путь [9, р. 41–42].

Следует отметить, что после похода 859–861 гг. норманны надолго перестали тревожить Андалусию и обратили свое внимание на христианскую Европу. Дальние походы в Андалусию и Северную Африку были забыты, и в следующий раз флот норманнов появился у берегов Испании лишь столетие спустя, в 966 г.

Третья экспедиция викингов в Испанию 964–966 гг. Как можно заметить, между вторым и третьим походом прошло более ста лет. За этот период времени значительно изменился государственный строй Аль-Андалуса. Кордовский эмират был преобразован в халифат. В 929 г. Абдурахман III принял титул халифа, и дела государства и династии пошли в гору. Возросла экономическая и военная мощь, большое количество времени уделялось флоту. В 955 г. был основан город Альмерия, который стал базой для средиземноморского флота.

Во время этого набега викингов халифом Кордовы был сын Абдурахмана III, аль-Хакам II. Он продолжил политику своего отца и являлся сильным правителем мусульманской Испании. В 964 г. викинги вновь появляются на территории Аль-Андалуса, предварительно получив от нормандского герцога лощманов и изрядный запас продовольствия [5, с. 22]. На этот раз грабежи не прекращались в течение двух лет. Под их ударами пало 18 городов, и лишь благодаря христианскому епископу Сантьяго Росендо удалось собрать ополчение и выбить северян из Галисии. Исходя из сочинений арабского историка Ибн Адхари, флот северян видели неподалеку от территории Андалусии, что вызвало панику у местного населения, так как они уже были наслышаны про дурную славу маджусов [9, р. 41]. Их флот, согласно Ибн Адхари, состоял из 28 кораблей [9, р. 42]. Вслед за этими известиями аль-Хакаму пришли письма, в которых говорится, что викинги прибыли на равнину Лиссабона. Затем мусульманский флот вышел из гавани Севильи и напал на флот маджусов около города Силвеш. Следует процитировать отрывок из сочинения Ибн Адхари: «Наши вывели из строя несколько враждебных кораблей, освободили находившихся на борту пленных мусульман, перебили великое множество язычников и обрали остальных в бегство» [9, р. 43]. После этого в Кордову с западного побережья приходили вести о передвижениях скандинавов. В том же году аль-Хакам II приказал адмиралу Ибн Фотаису вернуться на реку Гвадалквивир в Кордову и построить там корабли, которые бы походили на суда маджусов. Халиф надеялся, что сможет впоследствии обхитрить их и заставить приблизиться вплотную [9, р. 42].

Следует отметить, что викинги успели совершить еще один набег на территорию Галиции, которая находилась под автономией короля Рамиро III. Этот поход датируется 968–971 гг. [9, р. 41]. Эта экспедиция не оказала особого влияния на владения аль-Мухаммеда II, поэтому ее не стоит выделять в отдельный пункт. После того как северян разгромили в Галисии, многих из них взяли в плен, но некоторым удалось сбежать. Более точные сведения дал Ибн Адхари: «В начале месяца рамадан 360 года хиджры до Кордовы дошла весть, что Маджус был замечен на море и намеревался, по своему обыкновению, напасть на западное побережье Андалусии. Затем султан приказал своему адмиралу поспешить в Альмерию, отвести там флот в Севилью и собрать все остальные эскадры на запад» [9, р. 42]. Последние упоминания о набегах норманнов на мусульманскую Испанию относятся к 972 г. И в этом случае события развивались по очень похожему сценарию. Когда флотилия викингов по-

явилась у берегов Португалии, халиф аль-Хакам II 19 июня собрал своих ближайших сподвижников на совет и принял решение о немедленной отправке войск на запад страны. Больше о викингах ничего не было слышно, их попытка осесть в Галисии оказалась неудачной.

С учетом изложенных выше аргументов можно сделать вывод о превосходстве арабской цивилизации над северными народами, в данном случае над викингами. Арабская цивилизация проявила выдающуюся способность справляться с нашествиями варваров на столь высоком уровне, что викинги в течение столетия после их второй экспедиции (859–861 гг.) переключили свое внимание на менее защищенные государства, продолжая это делать даже до 964 г. Подробно рассмотрев историю этих набегов, можно заметить, что за исключением некоторых неудач в 844 и 859 гг. правители аль-Андалуса успешно удерживали викингов и предотвращали их поселение в мусульманской Испании, в отличие от других раннесредневековых королевств, таких как Англия и Нормандия.

Такому исходу событий способствовало несколько факторов. Во-первых, воздействие скандинавской экспансии на мусульманские владения Пиренейского полуострова было ограниченным, в отличие от волн, захлестнувших Европу. Основной удар пришелся на Астуро-Леонское королевство, как видно из второй и третьей экспедиций. Кроме того, набеги викингов происходили в период, когда мусульманская Испания была в расцвете сил и располагала значительными материальными и человеческими ресурсами. Аль-Андалусийская администрация следила за передвижениями викингов, и на отражение их атак направлялись опытные военачальники. Эти меры обеспечили эффективную защиту Кордовского эмирата (а затем и халифата) от норманнов.

В результате становится понятно, что контакты викингов и арабов в раннем Средневековье носили активный характер. Взаимовлияние арабов и викингов также вносило изменения в жизненный уклад подвластных им территорий. В рассматриваемый период их отношения содержали элементы мультикультурности, исследование которой приобретает все более актуальный характер. Именно поэтому тематика взаимодействия арабской и норманнской цивилизаций нуждается в дальнейшем изучении и рассмотрении.

Список источников и литературы

1. The Viking age: a reader (en inglés) / ed. by A. A. Somerville, R. A. McDonald. Toronto: University of Toronto Press, 2010. 503 p.
2. Гуревич А. Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966. 208 с.

3. *Стринггольм А. М.* Походы викингов / пер. с нем. А. Шемякина, под ред. А. А. Хлевова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 736 с.
4. *Шартран Р., Дюрам К., Харрисон М.* Викинги. Мореплаватели, пираты, воины. М.: Эксмо, 2008. 192 с.
5. *Ласкавий Г. В.* Викинги: Походы, открытия, культура. Минск: МФЦП, 2004. 320 с.
6. *Семенова Л. А.* Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский Восток. М., 1997. С. 118–134.
7. *The New Cambridge Medieval History. Vol. 2: с. 700 — с. 900 / ed. by R. McKitterick.* Cambridge: University of Cambridge, 1995. 1082 p.
8. *Christys A.* Vikings in the South. London: Bloomsbury, 2015. 160 p.
9. *Stefánsson J.* The Vikings in Spain. From Arabic (Moorish) and Spanish Sources // Saga-Book of the Viking Club society for Northern Research. London: Viking Club University of London King's College, 1908–1909. P. 31–46.

УДК 94

Макаров И. Б.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: st076099@student.spbu.ru

Трудное начало Сербии

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению проблемы раннего этапа сербского этногенеза с учетом методологических принципов, выработанных за последние десятилетия в рамках исследований этногенеза славянских народов. Автор предлагает новый взгляд на сербскую идентичность как на результат конструирования со стороны властей Византийской империи.

Ключевые слова: история Сербии, сербский этногенез, раннее Средневековье, Византия

Makarov I. B.

Saint-Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: st076099@student.spbu.ru

Serbia's difficult beginning

Abstract. This article is devoted to the problem of the early stage of Serbian ethnogenesis taking into account the methodological principles developed over the past decades the framework of studies of ethnogenesis of Slavic peoples. The author offers a new view of Serbian identity as the result of construction by the authorities of the Byzantine Empire.

Keywords: history of Serbia, Serbian ethnogenesis, Early Middle Ages, Byzantium

Название данной статьи перекликается с названием книги «Трудное начало Польши», на страницах которой польский археолог Пшемислав Урбанчик выступил с критикой традиционной точки зрения на происхождение имен польских племен «полян» и «лендзян». Урбанчик представляет эти названия не столько в качестве отражения объективной этнополитической реальности раннесредневековой Польши, сколько как продукт интеллектуального творчества христианских авторов, для которых важным являлось осмысление прошлого польского государства в этнических категориях [1]. Такой выбор названия неслучаен

с нашей стороны, поскольку тем самым мы постарались передать общее направление мысли, в котором в рамках настоящей статьи подвергается рассмотрению проблема ранних этапов сербского этногенеза.

Причина, по которой мы обратились к изучению данной проблемы, на наш взгляд, кроется в том, что в исследованиях раннего этапа этногенеза славянских народов незаслуженно была обойдена вниманием проблема раннего этапа сербского этногенеза. Заслуживающие внимания исследования по этногенезу хорватов были проведены доцентом Санкт-Петербургского государственного университета Денисом Евгеньевичем Алимовым [2]. Немало внимания в отечественной историографии уделено проблеме этногенеза таких народов, как русины и дулебы, в доказательство чего можно привести исследования таких авторов, как С. Г. Суляк [3], М. Г. Юрасов [4], а также М. И. Жих [5] и А. С. Кибинь [6]. Не желая преуменьшить значимость исследований, проведенных данными авторами, мы могли бы отметить, что проблема этногенеза сербов представляется нам не менее важной для понимания сложных этнополитических процессов, протекавших в VII–IX вв. на территории бывшей преторианской префектуры Иллирик.

В настоящей статье нами предпринята попытка дать ответ на вопрос о том, что скрывалось в раннее Средневековье под именем «сербов». Было ли это имя свидетельством реально существовавшей на просторах Балканского полуострова реальной этнической общности, либо упоминаниям этого имени на страницах исторических источников мы обязаны попыткам византийских властей и интеллектуалов осмыслить окружающий Рим «варварский хаос» в категориях этнического дискурса? Ответ на этот вопрос позволил бы нам лучше понять природу этногенеза ранних славянских обществ и в целом углубить наше понимание процессов возникновения и развития этнической идентичности на пространстве постримских Балкан. В задачи настоящего исследования входило рассмотреть произведение византийского императора Константина VII Багрянородного (913–920 и 945–959) «Об управлении империей» [7] и, сопоставив его сведения с другими источниками той эпохи, проследить происхождение и развитие этнонима «сербы».

Самое меньшее с XIX в. в исторической науке древние племена под влиянием романтического национализма рассматривались как «зародыши» современных европейских наций. Данный подход в рамках исторической этнографии получил название примордиализма. Для него характерно видеть в задокументированных на страницах письменных источников названиях, таких как «сербы» или «поляне», свидетельство

бытия реальных общностей, объединенных наличием единого языка, происхождения и культуры, а также этнического самосознания. Данный подход являлся преобладающим в науке вплоть до второй половины XX в., пока в 1969 г. не вышел сборник под редакцией норвежского антрополога Фредерика Барта «Этнические группы и социальные границы» [8]. На дальнейшее развитие нового подхода, получившего названия конструктивизма, оказал выход в 1983 г. двух книг — сборника «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [9] и книги «Воображаемые сообщества» британского социолога Бенедикта Андерсона [10]. Эти исследования задали новый вектор изучению этничности, сместив фокус внимания ученых с попыток выделить некую реальную основу, заключенную в этнических терминах, на исследование этнического дискурса. Используя в рамках настоящей статьи понятие «дискурса», мы исходим из определения этого слова, выдвинутого французским философом Мишелем Фуко, который определял дискурс как «совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [11]. В ходе нашего исследования мы постарались выделить в текстах изучаемых нами исторических источников те пласты, которые могут быть соотнесены с социальным либо локальным знанием.

Основными источниками, на которые мы опирались в рамках данного исследования, был трактат Константина VII «Об управлении империей» [7], а также труды античных эрудитов (Плиния Старшего и Клавдия Птолемея). Кроме того, мы прибегали к средневековым текстам западных авторов, таким как «Хроника» Фредегара [12] и «Анналы королевства франков». В сочинении Константина Багрянородного наибольший интерес для нас представляло т.н. «далматинское досье» — название, предложенное боснийским историком М. Анчичем [13], в котором приведены подробные этнографические сведения о славянских народах Балканского полуострова. В «Хронике» Фредегара для нас наибольший интерес представляло содержание 4-й книги, в которой хронист описывал не столь далекие от него события конца VI — начала VII в.

Константин Багрянородный в 32-й главе трактата «Об управлении империей» повествует о том, что до прихода на Балканы в правление Ираклия (610–641) сербы проживали в т.н. «Белой Сербии», именуемой также Бойкией. Происхождение имени сербов автор объясняет двояко — с одной стороны, имя Серб носил их первый архонт, при котором произошло переселение этого народа на Балканы. С другой стороны, имя сербов выводится из латинского слова *servus* (раб), дабы подчеркнуть подчиненное положение сербских архонтов по отношению к императо-

ру ромеев [7, с. 111–119]. Приводимая автором генеалогия сербских архонтов является основным источником по политической истории Сербии в период VII–IX вв., но ее достоверность вызывает обоснованные сомнения. В исторической науке точку зрения скептиков на характер сведений, содержащихся в труде Константина Багрянородного, наиболее полно выразил югославский историк Бого Графенауэр [14, S. 1–56]. В своей критике историк исходил из того, что после обрушения дунайского лимеса в правление императора Фоки Византийская империя при Ираклии не обладала возможностями для приписываемой ей Константином деятельной роли в расселении хорватов и сербов на Балканах. Петербургский историк Д. Е. Алимов критикует субъективистский подход к интерпретации сведений, содержащихся в «далматинском досье» императора Константина, и призывает к выявлению в нем различных пластов, относящихся к категориям «социального» и «локального знания» [15, с. 216]. Данный подход представляется нам наиболее адекватным и отвечающим задачам нашего исследования.

Само название «сербы», употребляемое Константином Багрянородным в форме Σέρβοι, по-видимому, носит характер социального знания, поскольку данный термин употреблялся еще античными географами по отношению к некому народу, проживавшему в Азиатской Сарматии между Волгой и Кавказскими горами. Древнеримский автор I в. н. э. Плиний Старший в 4-й книге своего труда «Естественная история» упоминает проживающие «за Киммерием» народы сернов (Serni) и серреев (Serrei), которые в изданиях К. Майнхоффа и К. Бродерзена трансформировались в «сербов» (serbi) [16, с. 187]. Это дало основания П. Й. Шафарику рассматривать эти этнонимы как древнейшие упоминания сербов в письменных источниках [17, с. 104]. А. В. Подосинов и М. В. Скрижинская пришли к выводу, что имена сернов и серреев подверглись исправлению в соответствии с более поздним текстом Птолемея и не имеют никакого отношения к сербам, в то время как упомянутые племена входили в состав меотийского объединения [16, с. 322]. У нас нет оснований отвергать эту версию, поэтому труд Плиния Старшего, скорее всего, не подходит на роль вероятного источника знания византийского императора об имени сербов.

Напротив, более явное упоминание о сербах мы находим у египетского автора второй половины II в. Клавдия Птолемея. В его труде «География» сербы (Σέρβοι) помещены «между Керавнскими горами и рекой Ра», то есть между Кавказским хребтом и Волгой [18, с. 54]. Часть авторов, например американский археолог Мария Гимбутас [19, р. 60] и серб-

ский историк Живко Петкович [20, р. 6], допускали, что Σέρβοι были ранним славянским племенем. Другие исследователи, такие как Джон ван Антверп Файн [21, р. 56] и Эндрю Белл [22, р. 136], предполагают, что сербы были индоиранским народом и если и принимали участие в этногенезе сербов, то со временем полностью славянизировались. Оригинальная точка зрения была озвучена отечественным историком Ш. Ф. Шеловым-Коведяевым. Ему принадлежит мнение, что Птолемеево Σέρβοι является такой же средневековой правкой этнонима «серни», как и в тексте Плиния [18, с. 54]. Однако данная версия не объясняет, откуда в «Книге церемоний» Константина Багрянородного появилось упоминание некоего «архонта сарбанов», чьи владения были на территории Кавказской Алании [23, р. 397]. Файн утверждает, что это племя было известно арабским географам [21, р. 56].

Остается также непонятным, по какой причине средневековые авторы должны были принять в качестве наименования античного народа Скифии имя современного им балканского народа. И по какой причине они выводили его происхождение именно из Скифии, а не от другого древнего балканского народа. Ведь известно, что позднейшие византийские авторы, среди которых Никита Хониат, именовали сербов не иначе как трибаллы — по имени древнего народа Балканского полуострова [24]. Принимая это во внимание, мы склоняемся к точке зрения Файна и Белла, согласно которой Птолемей действительно писал о сербах, с той оговоркой, что это, конечно, не были древние славяне. Вне зависимости от того, на какой конкретно источник опирался автор текста «Об управлении империей», этноним Σέρβοι выступает в нем частью социального знания византийского интеллектуала. Но для того чтобы выяснить причину, по которой византийский император избрал именно это название среди множества имен, приводимых античными географами, нам необходимо прояснить обстоятельства создания труда Константина «Об управлении империей».

Ко времени написания труда «Об управлении империей» у сербов уже существовало княжество под управлением Властимировичей. Константин VII в 32-й главе своей книги повествует о войнах, происходивших между ними и булгарами в правление хана Пресиана (836–852) [7, с. 113]. При преемнике Властимира, жупане Мутимире, Сербия была обращена в христианство, о чем Константин Багрянородный сообщает, что это произошло в начале правления Василия I Македонянина [7, с. 84–85]. С воцарения хана Крума (803–814) до конца первой четверти X в. наблюдался подъем Болгарского государства, провозглашенного цар-

ством в правление Симеона I, при котором Болгария превратилась в одну из лидирующих держав Балканского полуострова и, в силу этого, стала экзистенциальным врагом Византийской империи. Сербия в рамках данной международной ситуации рассматривалась ромеями как противовес усилению влияния Болгарии и историческая сфера интересов империи, что Константин находит необходимым подчеркнуть в конце 32-й главы [7, с. 119]. Таким образом, изложенная в данном произведении версия ранней сербской истории полностью отвечает идейному замыслу трактата, призванного обосновать имперский византийский порядок. Это вызывает у нас сомнения относительно приведенной в тексте Константина генеалогии сербских архонтов, связывающей династию Властимира с эпохой императора Ираклия.

Но перед тем как сформулировать наше мнение относительно того, что сообщает о ранней сербской истории Константин VII, не было бы излишним сопоставить приводимые им сведения с информацией из других источников. В «Хронике» Фредегара за 9-й год правления короля франков Дагоберта I (то есть за 631 г. н. э.) упоминается «Дерван, герцог народа сорбов, которые были из рода склавинов» («*dux gente Surbiorum que ex genere Slavinarum*») [12, с. 224]. Это первое упоминание *gens Surbiorum* в латинских источниках, а также первое письменное подтверждение присутствия славян к северу от Рудных гор. Сходство названий *gens Surbiorum* и лужицких сербов позволило ряду авторов, таким как Ф. И. Успенский [25, с. 22–23], однозначно отождествить *Surbiorum* с сорбами. Чешский историк Любор Недегле пошел еще дальше и высказывал мнение о том, что первые упоминания о славянах к востоку от Эльбы можно встретить у латинского автора IV — начала V в. Вибия Секвестра, который отделял этот народ от свевов и упоминает их под именем *Cervetiis* [26, с. 66]. Впрочем, это противоречит свидетельствам Фредегара, который относит к третьему году правления короля Хильдеберта II в Бургундии (то есть 595 г. н. э.) его победу над народом варнов, проживавших к северу от области расселения тюрингов [12, с. 192]. По этой причине мы не можем рассматривать слова Вибия как бесспорное свидетельство в пользу того, что предки сорбов поселились на берегах Эльбы ранее VI в. Для нас упоминания Фредегара о *gens Surbiorum* к северу от Чехии ценны постольку, поскольку они фиксируют представления латинского автора о проживании в данном регионе народа с именем, схожим с именем сербов, в начале VII в.

Единственным франкским упоминанием сербов на Балканах до второй половины IX в. является запись в «Анналах королевства франков» за 822 г., где сообщается о бегстве правителя Паннонской Хорватии

Людевита из Сисции (совр. Сисак) «к сорабам», о которых говорится, что они обладают большей частью Далмации [27]. С тем, что место проживания сербов, к которым бежал Людевит, располагалось где-то на территории современной Боснийской Краины, согласны такие исследователи, как Сима Чиркович [28, с. 20], Джон Файн [29, р. 35] и Флорин Курта [30, р. 136]. Так как «Анналы королевства франков» были созданы почти в одно время с описываемыми в них событиями, мы полагаем приведенное нами выше упоминание о сербах заслуживающим доверия. Исходя из этого, следует заключить, что латинские авторы фиксировали присутствие сербского народа на Балканах временем не позднее начала IX в.

Так же как и у Константина Багрянородного, знание латинских авторов о сербах могло быть подчеркнуто у античных географов. С другой стороны, упоминание Константина о Белой Сербии могло быть отражением реальных представлений сербских жупанов о своем родстве с сорабами Средней Эльбы. Ответить на вопрос, являлся ли этноним сербов отражением «гентильной» идентичности Властимировичей либо же изобретением византийской власти, было бы возможно, ответив на вопрос о местонахождении «Белой Сербии». В XIX в. преобладала точка зрения, связывающая Бойку с Восточной Галицией и Закарпатьем на основании проживания там бойков, субэтноса русинов. Эту точку зрения отстаивал, например, сербский историк Чорович [31]. Позднее возобладала точка зрения, связывающая «Белую Сербию» с Богемией либо Лужицей. Этой позиции придерживался сербский историк Сима Чиркович [28, с. 17]. Тем не менее польский историк Г. Ловмянский питал сомнения в том, действительно ли существовала когда-либо Белая Сербия [32, р. 76–77]. К выводу о том, что нет доказательств существования Белой Сербии, пришел российский археолог Валентин Седов [33, с. 331–333]. Мнение о том, что Белая Сербия располагалась к северу от Карпат, во многом основывалось на выдержке из 33-й главы книги «Об управлении империей», где повествуется о приходе архонта Захлумии с берегов реки Вислы [7, с. 120–121]. Тибор Живкович оспаривал данный аргумент, предположив, что текст Константина не отражает «гентильного» мифа сербов и мог быть пересказом слов самого архонта Михаила [34, р. 185]. Д. Е. Алимов также считает, что у Константина VII в распоряжении находились самые разнообразные источники, которые позволили ему передать в тексте трактата «Об управлении империей» отдельные части локального знания славянских элит [15, с. 216]. Тем не менее это лишает сообщение о переселении архонта Михаила в Захлумию из-за Карпат ценности в качестве аргумента за существование Белой Сербии.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем заключить, что приводимая Константином VII в 32-й главе трактата «Об управлении империей» информация о ранней истории Сербии до IX в., скорее всего, не соответствует действительности. Мы приходим к таким выводам на основании того, что этноним □□□□□□ был подчерпнут византийским автором из трудов античных географов. Коль скоро нет надежных доказательств в пользу существования «Белой Сербии», то вызывает сомнения, что данный этноним являлся отражением уходящей в глубокую древность «гентильной» традиции. Напротив, в латинских источниках мы не встречаем упоминаний о присутствии народа с названием «сербы» на Балканах до начала IX века. Все это подталкивает нас предположить, что сербами византийцы назвали новую политическую общность, во главе которой стояли ближайшие предки жупана Властимира. Она впервые дала знать о себе с крушением Аварского каганата и попала в поле внимания Византии, когда Сербия стала представлять для той интерес в качестве противовеса усилению Болгарии. Можно говорить о том, что отголоски локального знания в тексте Константина VII сохранились только в именах наиболее близких предков жупана Властимира — Воислава, Радослава и Просигоя. Это позволяет нам определить время консолидации новой политической структуры на территории будущей Сербии рубежом VIII — начала IX в., приблизительно в одно время с созданием державы Людевита в Хорватии и возникновением Великой Моравии. Это позволяет наметить новую исследовательскую перспективу, связанную с изучением механизмов трансмиссии этнического лексикона из книжного дискурса ромеев в дискурсе сербских элит и поиска ранних маркеров манифестации сербской этнической идентичности.

Список источников и литературы

1. *Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 436 s.
2. *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб.: Нестор-История, 2016. 380 с.
3. *Суляк С. Г.* Русины: этапы истории (часть 1) // Русин. 2005. № 1. С. 49–60.
4. *Юрасов М. К.* Венгерский аноним о «Порубежье рутенов» во время «обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье // Русин. 2013. № 3. С. 21–31.
5. *Жих М. И.* Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть первая // Исторический формат. 2016. № 1. С. 110–143.
6. *Кибинь А. С.* Дулебы и обры (авары) Повести временных лет // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 141–161.

7. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / текст, пер., вступ. ст. Г. Г. Литаврина. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. 496 с. Серия: Древнейшие источники по истории народов СССР.
8. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с. Серия: Новые границы.
9. *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983. 220 p.
10. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
11. *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. С. Митина и Д. Стасова, под ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
12. Хроники Фредегара / пер. с лат., коммент., вступ. ст. Г. А. Шмидта. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. 464 с.
13. *Ančić M.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova. Knj. I / Ur. I. Lučić. Zagreb, 2011. S. 217–278.
14. *Grafenauer V.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenuju Hrvata // Historijski zbornik. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.
15. *Алимов Д. Е.* Известия Константина Багрянородного о крещении сербов и хорватов в правление императора Ираклия (640–641): проблема интерпретации // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 214–224.
16. *Подосинов А. В., Скржинская М. В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с. Серия: Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
17. *Шафарик П. Й.* Славянские древности / пер. с чешск. О. Бодянского. В 5 т. Т. 1, кн. 1. 2-е изд. М.: Университетская тип., 1847. 462 с.
18. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Птолемей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 1994. С. 46–62.
19. *Gimbutas M.* The Slavs. London: Thames and Hudson, 1971. 240 p.
20. *Petković Živko D.* Prve pojave srpskog imena. Beograd, 1996. 59 p.
21. *Fine John V. A.* The Early Medieval Balkans: A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. 336 p.
22. *Bell-Fialkoff A.* “The Slavs”. The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe: Sedentary Civilization vs. ‘Barbarian’ and Nomad. Palgrave Macmillan US, 2000. 355 p.
23. Constantini Porphyrogeneti Imperatoris Constantinopolitani Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae prodeunt nunc primum Graece cum Latina interpretatione et commentariis curarunt Io. Henricus Leichius et Io. Iacobus

- Reiskius. Tomus primus secundus [Электронный ресурс] // Internet Archive, 2016. URL: https://archive.org/details/bub_gb_sSvWtYwaAXoC/mode/2up (дата обращения: 15.10.2023).
24. *Никита Хониат*. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина: в 2 т. Т. 1 / пер. под ред. В. И. Долоцкого. СПб., 1860–1862. 442 с. [Электронный ресурс] // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Xoniat/> (дата обращения: 15.10.2023).
 25. *Успенский Ф. И.* Первые славянские монархии на северо-западе Европы. М.: Вече, 2019. 384 с. Серия: Славянский мир.
 26. *Недерле Л.* Славянские древности / пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова; ред. А. Л. Монгайт. М.: Новый Акрополь, 2010. 744 с. Серия: Традиция, религия, культура.
 27. *Анналы королевства франков* [Электронный ресурс] / пер. с лат. А. Вольтца // Восточная литература. 2009. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext2.htm (дата обращения: 15.10.2023).
 28. *Чиркович С. М.* История сербов / пер. с сербск. Ф. Б. Альбрехта, Е. И. Якушкиной, А. А. Силкина; под общ. ред. А. Л. Шемякина. М.: Весь мир, 2009. 448 с.
 29. *Fine John V. A.* When Ethnicity did not Matter in the Balkans: A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. XIV, 652 p.
 30. *Curta F.* *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 528 p.
 31. *Чоровић В.* Историја српског народа. Бања Лука: Ars Libri, 1997. 683 с. [Электронный ресурс] // Проект Растко: Библиотека српске културе. URL: https://www.rastko.rs/rastko-bl/istorija/corovic/istorija/index_1.html (дата обращения: 15.10.2023).
 32. *Łowmiański H.* Początki Polski: z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e., w 6 t. Т. 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, wyd. 2. 1964. 425 s.
 33. *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Институт археологии РАН, 1995. 416 с.
 34. *Živković T.* De conversione Croatorum et Serborum: A Lost Source. Belgrade: The Institute of History, 2012. 255 p.

УДК 94/410 «1066/1154»

Лазарев С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант
E-mail: lazarevsergey01@gmail.com;
st078055@student.spbu.ru

Церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника

Аннотация. Данная статья посвящена анализу двух церемоний переноса мощей Эдуарда Исповедника, которые были инициированы Генрихом II и Генрихом III. В результате доказано, что обе церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника преследовали политические цели, хотя и не смогли полностью их реализовать.

Ключевые слова: перенос мощей, Эдуард Исповедник, средневековая Англия

Lazarev S. S.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, postgraduate student
E-mail: lazarevsergey01@gmail.com;
st078055@student.spbu.ru

Ceremonies of the translation of the relics of Edward the Confessor

Abstract. The article is devoted to the analysis of two ceremonies of the translations of the relics of Edward the Confessor, which Henry II and Henry III initiated. As a result, it was proven that both ceremonies of the translations of the relics of Edward the Confessor pursued political purposes, although they could not be fully realized.

Keywords: translation of the relics, Edward the Confessor, medieval England

7 февраля 1161 г. папа Александр III издал буллу о канонизации Эдуарда Исповедника. После этого дважды — при Генрихе II и Генрихе III — произошла церемония переноса мощей Эдуарда Исповедника. Эти церемонии, как и канонизация Эдуарда Исповедника, демонстрируют сплетение церковной и королевской поддержки. Вестминстерские монахи получили в лице святого Эдуарда Исповедника защитника прав и земель аббатства, а английские короли использовали его персону в качестве важнейшего элемента в социально-политической практике

нормандского-анжуйского режима, стремясь продемонстрировать свою власть как в светских, так и в церковных вопросах.

Первая церемония переноса мощей Эдуарда Исповедника состоялась через два года после канонизации, так как король Генрих II находился в Нормандии. Это ожидание было вызвано тем, что Генрих II был неразрывно связан с канонизацией Эдуарда Исповедника, а вестминстерские монахи были заинтересованы в сохранении королевской поддержки для блага своего аббатства. Интерес короля Генриха II к Эдуарду Исповеднику в начале 1160-х гг., пожалуй, лучше всего можно понять в контексте его желания укрепить и определить свою королевскую власть в первые годы своего правления. Мирное восшествие Генриха II на престол в 1154 г. ознаменовало конец гражданской войны, которая началась с борьбы между королем Стефаном и императрицей Матильдой, матерью Генриха II. С самого начала своего правления Генрих II был озабочен восстановлением королевской власти, подорванной во время войны. Он энергично отстаивал свои притязания на земли и права, которые были предоставлены Стефаном или присвоены местными элитами в отсутствие сильного централизованного королевского управления, в то время как в церковной сфере он отстаивал способность короля решать вопросы церковных прав, назначений и судебных разбирательств [1, р. 403]. Такой святой покровитель, как Эдуард Исповедник, мог стать мощным символом королевской власти для Генриха, когда он преследовал эти цели.

Кроме того, интерес Генриха II к фигуре Эдуарда Исповедника можно объяснить желанием короля включить святого предка в свой проект по формированию «династической памяти» [2, р. 71–73]. В 1160 г. по поручению короля нормандский поэт Вас начал трудиться над хроникой «Роман о Роллане» («Roman de Rou»). Труд Васа должен был стать панегириком как Генриху II, так и его династии и в то же время объяснить, как нормандцы оказались в Англии, и обосновать их право на трон. Обратившись к Васу, Генрих II, несомненно, искал пропагандиста, который мог бы помочь в прославлении Нормандской и Анжуйской династии и утвердить Генриха II как законного короля Англии. Даже в 1160-х гг. некоторые английские лорды все еще отказывались признать право Вильгельма Завоевателя и его преемников на английский престол, а некоторые нормандские лорды, привыкшие к представленным свободам в период слабого правления Стефана Блуаского, не хотели предлагать Генриху II свою полную преданность. Разочаровавшись в труде Васа, Генрих II заказал новую работу у Бенуа де Сент-Мора, которая известна как «Хроника герцогов Нормандских» («La Chronique des ducs de Normandie»).

Генрих II надеялся на более позитивную репрезентацию его предков и их деяний в новой работе [3, р. XI–XII]. Более того, проект «династической памяти» включал участие Генриха II в церемонии переноса тел своих нормандских предков-герцогов, Ричарда I и Ричарда II, в церковь Святой Троицы в Фекане в 1162 г. Эта церемония не только почтила память герцогов, но и подчеркнула происхождение Генриха II из их рода и его наследственное право на герцогство Нормандия [2, р. 75–76].

По возвращении Генриха II из Нормандии дата переноса мощей была назначена на 13 октября [4, р. 325]. Дата очень близко совпала с Вестминстерским собором, который был использован королем в качестве подготовки к Кларендонскому собору и предоставлению им «Конституций». Вестминстерский собор мог бы начать работу 1 или 13 октября, но предпочтение отдавалось последней дате [5, р. 849–850]. Фрэнк Барлоу более точен, заявляя, что дата начала собора, указанная в «Summa Causae» (1 октября), не подтверждена, соответственно, собор должен был начать работу 13 октября [4, р. 325–327]. Таким образом, назначение одинаковой даты церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника и начала работы Вестминстерского собора не является маловероятным и удобным совпадением. Генрих II хотел использовать фигуру святого короля Эдуарда для политического заявления, ибо стремился, как и его дед Генрих I, претендовать на судебные права в отношении священнослужителей, что позже вылилось в его борьбу с Томасом Бекетом [6, с. 172–173].

Во время первой церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника в новую святыню, расположенную за главным алтарем Вестминстерского аббатства, присутствовало большое количество людей. Среди них были многие прелаты, написавшие письма в поддержку канонизации Эдуарда двумя годами ранее, а также по меньшей мере семь английских магнатов [7, р. 326]. Наиболее примечательно, что король Генрих II лично руководил этой церемонией. Таким образом, церемония заявила о существовании нового культа многочисленной и престижной аудитории. Однако не только Вестминстерское аббатство получило пользу от церемонии переноса мощей. Это также оказалось полезным инструментом для Генриха II, который мог опираться на свою связь с королевским святым, чтобы повысить престиж собственной власти.

Церемония перенесения мощей началась с того, что монахи эксгумировали тело Эдуарда Исповедника, чтобы король Генрих II мог осмотреть его и с таким же страхом, как и благоговением, прикоснуться к нему руками. С помощью нескольких своих магнатов Генрих II затем торжественно пронес драгоценную раку с мощами святого через клуатр

до хора и обратно, где тело было помещено в новую раку [7, р. 325–326]. Во время церемонии также были представлены новое житие и проповедь, заказанные аббатом Лоуренсом у своего родственника Элреда из Риво. Следует отметить, что «Житие святого Эдуарда, короля и исповедника» пользовалось большой популярностью и создало канонический образ святого Эдуарда Исповедника. Но проповедь представляет не меньший интерес. Считалось, что текст проповеди был утрачен, пока ее не обнаружил Нейл Кер. Согласно тексту проповеди, правление Эдуарда Исповедника было временем мира и процветания в Англии, а его самого Элред сравнивал с Моисеем и Соломоном. Завершается проповедь призывом к монахам Вестминстерского аббатства радоваться особому благословию, заключающемуся в том, что нетленное тело Эдуарда находится среди них [8, р. 49–50].

Но, несмотря на духовное значение первой церемонии переноса мощей, для Генриха II это был в первую очередь инструмент, с помощью которого он хотел установить контроль над английской церковью. Король после этого события не проявлял интереса к культуре, хотя у него была возможность использовать свои отношения с Эдуардом Исповедником. Уильям Мальмсберийский утверждал, что Эдуард был предрасположен к святости из-за своего происхождения, которое связывало его с другими англосаксонскими королевскими святыми [9, р. 386–404]. Элред из Риво продемонстрировал в «Житии святого Эдуарда, короля и исповедника» важнейшую семейную связь между двумя правителями [10, Fol. 129v-130r]. Следовательно, Генрих II не только мог объявить Эдуарда Исповедника членом своей династии, но также мог предположить, что он был предрасположен к святости благодаря родственным отношениям. Несмотря на это, нет никаких доказательств того, что Генрих II когда-либо заявлял о своей связи с Эдуардом таким образом или что он был приверженцем культуры. Итинерарий короля не показывает, что монарх предпринял согласованные усилия, чтобы в последующие годы быть в Вестминстере ни на празднике переноса мощей Эдуарда 13 октября, ни на дне его поминовения 5 января [11]. Генрих II больше интересовался канонизацией и церемонией переноса мощей Эдуарда Исповедника, чем его культом.

Вторая церемония переноса мощей Эдуарда Исповедника состоялась 13 октября 1269 г. Участие Генриха III в этой церемонии отличалось тем, что король был искренне предан культу святого Эдуарда. Д. А. Карпентер подчеркивает, что с середины 1230-х гг. Генрих III предпринимал ряд важных шагов по развитию культа Эдуарда Исповедника. Например,

в своих хартиях он даровал Вестминстерскому аббатству важные привилегии, упоминая свое почтение святому Эдуарду и называя его своим покровителем. Но Генрих III на этом не остановился. Он добился от генерального капитула цистерцианцев в 1235 г. и от папы в 1236 г. предписаний о соблюдении праздника Эдуарда Исповедника, а в 1237 г. зачитал папское поручение на совете легатов в Лондоне [12, р. 870–871]. Другим доказательством преданности Генриха III культу Эдуарда Исповедника является проведение большого собрания знати, приуроченное ко дню поминовения святого Эдуарда 5 января [13, р. 47–48].

Во время второй церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве была созвана вся королевская знать. На своих плечах Генрих III, король Германии Ричард, принцы Эдуард и Эдмунд, а также эрл Суррея и Филипп Бассет, перенесли тело Эдуарда Исповедника в новую часовню [14, р. 226]. Для этой цели король Генрих III организовал строительство часовни Святого Эдуарда, которая была частью масштабной реконструкции Вестминстерского аббатства, начавшейся с 1240-х гг. [15, р. 199]. При этом «Лондонские анналы» подчеркивают, что часовня Святого Эдуарда не была полностью достроена, хотя Генрих III торопил строительство [16, р. 80]. Это можно объяснить тем, что Генрих III стремился ширмой религиозного покровительства прикрыть свою политическую слабость, которая была вызвана Второй баронской войной (1264–1267) [17, р. 132–133; 18, р. 46]. Церемония переноса мощей позволила создать видимость власти внутри впечатляющего здания, строительство которого финансировал Генрих III.

Но есть и другая причина — Генрих III столкнулся с финансовым кризисом. Его сын Эдуард принял крест в июне того же года, поклявшись отправиться в Святую Землю не позднее августа 1270 г. Генрих III стремился финансировать крестовый поход за счет налоговых поступлений, которые мог одобрить только парламент [19, р. 385]. Как отмечает Дж. Мэддикотт, за двадцать шесть месяцев (с июня 1268 по август 1270 г.) парламент собирался семь или восемь раз. Такой период интенсивной деятельности парламента сравним, пожалуй, только с начальным периодом реформирования английского парламента в 1258–1259 гг. [20, р. 93]. Более того, из-за Второй баронской войны была подорвана деятельность по сбору королевских доходов. Особенно плачевное состояние королевских доходов проявилось, когда Генрих III был вынужден заложить сокровища еще не завершенной часовни Эдуарда Исповедника в Вестминстере [21, р. 52]. Поэтому после проведения второй церемонии переноса мощей святого Эдуарда, которая должна была продемонстри-

ровать авторитет королевской власти, Генрих III попросил у парламента двадцатую часть со всего имущества мирян. Просьба Генриха III увенчалась успехом лишь частично: парламент согласился на определении оценки двадцатой части имущества, но не на ее сбор [22, p. 143].

Таким образом, в обеих церемониях переноса мощей Эдуарда Исповедника можно обнаружить политические мотивы, из-за которых они были проведены. Если для Генриха II это был способ, чтобы заявить о своем контроле над английским духовенством и церковью, то для Генриха III — попыткой демонстрации своего величия. Но эффект от двух церемоний переноса мощей святого Эдуарда оказался незначительным.

Список источников и литературы

1. *Warren W. L.* Henry II. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1973. 693 p.
2. *Urbanski C.* Writing History for the King: Henry II and the Politics of Vernacular Historiography. Ithaca: Cornell University Press, 2013. 252 p.
3. *The History of the Norman People: Wace's Roman de Rou* / transl. by G. S. Burgess. Woodbridge: The Boydell Press, 2004. 263 p.
4. *Barlow F.* Edward the Confessor. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1970. 376 p.
5. *Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church. Vol. 1, pt. 2* / ed. by D. Whitelock, M. Brett, C. N. L. Brooke. Oxford: Clarendon Press, 1981. 1151 p.
6. *Лазарев С. С.* Эдуард Исповедник vs. Томас Бекет: культы святых в контексте борьбы церковной и светской власти в Англии XI–XII веков // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Материалы XXXVIII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 170–175.
7. *Ricardi de Cirencestria.* Speculum Historiale de Gestis Regum Angliæ. Vol. 2 / ed. by J. E. B. Mayor. London: Longmans, Green, and Co., 1869. 415 p.
8. *Jakson P.* In translacione sancti Edwardi confessoris: The Lost Sermon by Ælred of Rievaulx Found? // *Cistercian Studies Quarterly*. 2005. Vol. 40, no. 1. P. 45–83.
9. *William of Malmesbury.* Gesta Regum Anglorum: The History of the English Kings. Vol. 1 / ed. by R. A. B. Mynors, R. M. Thompson, M. Winterbottom. Oxford: Clarendon Press, 1998. 912 p.
10. Cambridge, Corpus Christi College, MS 161. Fol. 108v-138r.
11. *Eynton R. W.* Court, Household and Itinerary of King Henry II. London: Printed by Taylor and Co., 1878. 344 p.
12. *Carpenter D. A.* King Henry III and saint Edward the Confessor: the origins of the cult // *The English Historical Review*. 2007. Vol. 122, no. 498. P. 865–891.
13. *Matthæi Parisiensis, monachi Sancti Albani.* Chronica majora. Vol. 5 / ed. by H. R. Luard. London: Longman and Co., 1880. 748 p.

14. *Annales monastici*. Vol. 4 / ed. by H. R. Luard. London: Longman, Green, Reader, and Dyer, 1869. 567 p.
15. *Badham S.* Edward the Confessor's Chapel, Westminster Abbey: The Origins of the Royal Mausoleum and its Cosmatesque Pavement // *The Antiquaries Journal*. 2007. Vol. 87. P. 197–219.
16. *Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II* / ed. by W. Stubbs. London: Longman and Co., 1882. 370 p.
17. *The History of the King's Works*. Vol. 1 / ed. by R. Allen Brown, H. M. Colvin, A. J. Taylor. London: Her Majesty's Stationery Office, 1963. 552 p.
18. *Hallam E. M.* The Burial Places of English Kings // *History Today*. 1981. Vol. 31, no. 7. P. 44–47.
19. *Carpenter D. A.* The Reign of Henry III. Rio Grande: Hambleton Press, 1996. 480 p.
20. *Maddicott J. R.* The Crusade Taxation of 1268 and the Development of Parliament // *Thirteenth Century England II: Proceedings of the Newcastle upon Tyne Conference 1987* / ed. by P. R. Cross. New York: Boydell and Brewer, 1988. P. 93–117.
21. *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office: Henry III*. Vol. 6. A.D. 1266–1272. London: H. M. Stationery Office, 1913. 930 p.
22. *Bartholomæi de Cotton, Monachi Norwicensis, Historia Anglicana; A.D. 449–1298. Necnon ejusdem Liber de Archiepiscopis et Episcopis Angliæ* / ed. by H. R. Luard. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1859. 493 p.

УДК 94 (410).03

Лозовой Я. В.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
образовательная программа «Медиевистика», студент магистратуры
E-mail: yavlozovoy@edu.hse.ru

Конструирование отношений правителя и верных людей в «Хронике о деяниях графов анжуйских»

Аннотация. Данная статья имеет своей целью выявление способов конструирования власти графов анжуйских над их «верными людьми» в «Хронике о деяниях графов анжуйских». Выявление же образов будет строиться на анализе понятий «amicitia» и «consulatum» как через сопоставление с другими историческими текстами начала 1150-х гг., так и посредством рассмотрения контекстов употребления внутри основного источника.

Ключевые слова: «Хроника о деяниях графов анжуйских», «верные люди», «amicitia», «consulatum», оммаж, анжуйская династия

Lozovoj Ya. V.

National Research University Higher School of Economics,
Faculty of Humanities, Master's Program 'History', Student
E-mail: yavlozovoy@edu.hse.ru

The Creating of the Relationships between the Prince and Vassals in “Chronica de gestis consulum Andegavorum”

Abstract. This article has aim to identify the creating of Counts of Anjou' power over their “faithful people” in the “Chronica de gestis consulum Andegavorum”. The identification of these methods will be based on the analysis of such terms as “amicitia” and “consulatum” both through comparison with other historical texts of the early 1150s, and through consideration of using within the main source.

Keywords: “Chronica de gestis consulum Andegavorum”, “faithful people”, “amicitia”, “consulatum”, homage, Angevin dynasty

Проблематика образов власти и их рассмотрения сохраняет свою актуальность для современной науки, которая использует самые разные способы их изучения. Одним из наиболее популярных является концепция мюнстерской школы о «символической коммуникации» между правителем и подданными. Анализ сцен такого рода диалога в данной

статье будет выполнен нами по материалам «Хроники о деяниях графов анжуйских». В составлении данного источника, самые ранние рукописи которого датируются началом 1150-х гг., можно выделить два этапа. Первый из них — 1109 г., когда произошел политический кризис династии графов [1, р. 143–145]. Вторым же этапом следует считать 1151–1152 гг., когда были добавлены главы о Фульке V и Готфриде V. Легитимация власти представителей рода графов Анжу на территории Луары становилась актуальна для обеих редакций, и одним из средств ее выстраивания было конструирование диалога правителей и их вассалов, или «верных людей». Мы сконцентрируемся на двух пересекающихся понятиях — «amicitia» («дружба») и «consulatum» («графство»), каждое из которых напрямую было заимствовано из античных текстов и позволяет дать характеристику этим отношениям.

В нарративе термин «amicitia» встречается 10 раз как в ранней редакции, так и в поздней. Впервые разговор о поощрении «друзей» мы встречаем в главе, посвященной графу Маурицию: «Мауриций, охваченный великим недугом, Фульку, сыну своему уже подростку и воину блистательнейшему, следующее сказал: „Сын, велик тот дом, в котором найдется множество друзей. Помни же, что тебе следует тех дорогих, которые были мне и тебе верными друзьями, держать при себе, плохих же людей, кто ищет выгоду в дурных деяниях, беречь не следует.“» [2, р. 72]. Реализацией этого наставления, предположительно, становится передача Фульком амбуазского замка своему верному человеку Лизо. Наконец, это качество важно для Фулька V, героя уже новой главы хроники: «...когда принял власть над обоими графствами, возвышающий друзей, подавляющий злых и своих противников...» [2, р. 67].

Для исследователя К. Ван Айкельза понятие «amicitia» тесно связано с сеньориально-вассальными отношениями, с ритуалом оммажа, их устанавливающего. Среди возможных интерпретаций данной социально-политической практики исследователь называет идею договора субъектов, равных по статусу [3, S. 137–138]. Вслед за Ван Айкельзом мы попытаемся рассмотреть более конкретные обстоятельства вокруг понятия «дружба». Показательно, что само понятие в «Хронике о деяниях графов анжуйских» возникает с отсылкой на трактат Марка Туллия Цицерона «О дружбе», достаточно известный в европейской культуре XII в. [4, р. 27].

С другой стороны, находились случаи полной переработки идей данного мыслителя через богословскую традицию. Примером такого отношения к идеям Цицерона, которые трансформировались под влиянием

Амвросия Медиоланского, был нортумбрийский аббат-цистерцианец Элред из Риво. Он был современником продолжателя «Хроники о деяниях графов анжуйских» и примерно в 1153–1154 гг. написал текст «Генеалогия английских королей», адресованный Генриху II. В данном тексте Элред употребил термины «amicitia» или «amica» десять раз. Анжуйский же хронист, напротив, старается цитировать фрагменты из текста Цицерона напрямую. Элред же, как отмечала М. Даттон, больше опирался на переосмысление понятия дружбы Цицерона уже в текстах Амвросия Медиоланского. В конечном итоге, если мы примем интерпретации М. Даттон, то Элред из Риво все-таки старался осмыслить дружбу как понятие о таком равенстве «друзей», в котором нет каких-то имущественных характеристик, создавая некое подобие религиозного братства [5, p. 258]. Близость и единение, по Элреду, возможны были именно в контексте молитвы и обращения к Господу, и в этом смысле должны отступить все мирские и имущественные маркеры саморепрезентации.

Насколько это представление близко тому, что мы видим в «Генеалогии английских королей», нам могут помочь понять несколько случаев употребления этого термина. Из них большая часть связана с так называемым «Плачем о Давиде», где два раза король Шотландии упомянут как «господин и друг» Элреда [6, p. 21]. При этом осознается два начала в этих терминах. Если «господин» предполагает иерархичность в отношениях, то «друг», напротив, предполагает равенство и сопереживание двух субъектов. Правда, возможность их сочетания в одном правителе Элред не отрицает, и, собственно, поэтому он делает Давида образцом для Генриха, герцога Нормандии и будущего короля Англии.

Эта идея воплощена и в сцене установления мира между Кнутом и Эдмундом, борющимися за королевский трон. Элред самостоятельно конструирует речь Кнута: «...добродетель твоя манит меня к перемирию, ибо кроме него от тебя жажду я дружбы и хочу содружества в правлении. О, если бы и ты желал того же, то я бы с тобой в Англии, а ты бы со мной в Дании правил. Если подлинно с моей удачей объединить доблесть твою, испугается Норвегия, задрожит Швеция, даже привыкшая к войнам Галлия дрогнет!» Что больше? Кивнул согласно Эдмунд, и они с Кнутом о разделе королевской власти договорились. Ушло же словами то, что не уходило мечами, и речью было согнуто то, что нельзя было согнуть войском» [6, p. 49].

И вторая редакция анжуйской хроники, и «Генеалогия английских королей» составлялись в один хронологический промежуток, и при этом в обоих случаях термин «дружба» выстраивает отношения между светски-

ми политическими субъектами. Но мы не можем не заметить, что авторы, выстраивая образ своих правителей и апеллируя к понятию «дружба», ищут разные паттерны, в которых раскрывается идеальное представление о власти. «Дружба» в анжуйском тексте реализуется путем передачи вполне конкретных объектов власти: «Гельдуину Сальмурскому и сыну его Готфриду Шампанскому Мартелл возвратил все феоды, которыми они владели вокруг реки Вьен, и десятину Святой Цирцеи. Он тут же уступил графу Сальмур; сверх того, Готфрид Шампанский за упомянутое Мартеллу оммаж принес» [2, р. 58]. Другой пример, связанный с Готфридом Мартеллом: «Подлинного того добивался он для Фулька, чтобы тот был вознагражден за службу свою так, поскольку граф обязался быть благодарным, долго думая, Готфрид подарил ему укрепленный дом, который был там, что поныне Мота Фулькони зовется людьми, и подарил большую землю, выделив из своей собственной, с несколькими феодами Амбуаза» [2, р. 58]. Практически та же идея развивается в главе о Фульке V, когда продемонстрировано его отношение к Гуго из Шомона: «Он, Гуго из Шомона, уступил весь Амбуаз, от брата его Мартелла данный, приняв оммаж, и Монтрикард, отнятый некогда несправедливо у его предков, вернул» [2, р. 67–68]. Хотя текст напрямую и не называет Гуго «другом» Фулька V, но определенно шаг передачи замка, и при том конкретного объекта владения, приближается к тому, что мы видели в случае с Готфридом Мартеллом.

Как и Элред, анжуйский аноним идею «дружбы» между светской элитой рассматривает через преодоление неравенства. Тем не менее, на наш взгляд, подход Элреда принципиально отличается в том, что он игнорирует указания на территориальные владения как способ установления «дружбы». Возможной подсказкой к этому нам может служить текст «Истории англов» Генриха из Хантингдона, который, по всей вероятности, служил первоисточником к конструированию большинства сюжетов текста Элреда. В тексте последнего Кнут предлагает Эдмунду «дружбу» и раздел королевства, при этом без указаний на то, какие территории ему нужны.

В тексте Генриха из Хантингдона передача власти произошла путем указания на конкретные объекты владения, закрепляющие статус правителей: «„Наисильнейший из всех юношей, зачем ради власти одному из нас погибать под ударом меча? Мы бы назвались братьями и разделили бы королевство и вершил бы я дела в твоём королевстве, ты в моем. Дания также располагала бы двумя правителями“. Его слова юноши благородный ум смягчили: и поцелуй мира взаимный был совершен. Когда же собрался народ, и, прежде чем радость пролила слезы, Эдмунд принял

королевство Уэссекс; Кнут же, получив королевство Мерсию, повернул к Лондону» [7, р. 185]. На это указывает еще одна сцена из «Истории англов», когда король Этельвульф разделил территории между своими сыновьями [7, р. 142]. Аналогичный эпизод Элред также строит, игнорируя территории, доставшиеся каждому из сыновей [6, р. 25].

Политическая коммуникация в «Истории англов» происходит за счет территориальных владений, выстраивающих иерархию между владельцами. Элред же в аналогичных сюжетах такой институт коммуникации игнорирует и пытается построить равенство статуса героев. Анжуйский хронист на первый взгляд тоже старается воплотить идею равенства, поскольку речь так или иначе заходит о возвышении, для чего напрямую им цитируется Цицерон: «Своим же верным подданным и верной дружбой с ним связанным множество подарков преподнес, которые, как свидетельствовал Туллий, преподнесены тому, кто должен помнить, но не назван тот, кто преподнес» [2, р. 45]. Однако в таком возвышении вассала все равно возникает напоминание об обязанностях «друга» перед дарителем, в том числе о запрете на выступление против последнего: «Стоящие выше должны уравнивать себя с нижестоящими друзьями, стоящие ниже же не огорчаются от того, что вышестоящие превосходят их или природными дарованиями, или фортуной, или достоинствами, как закреплял это Мавриций» [2, р. 45]. Иерархичны при этом и владения двух сторон. Такая же тенденция наблюдается в получении графом анжуйским города, а его вассалом Гельдуином — территорий, окружающих город. Подобная ситуация наблюдается и в сцене оммажа Тибо Блаузского Готфриду Мартеллу. Граф Анжу, уступая менее значимые владения проигравшему соседу, все же овладел Туром, важным центром, популярность которого поддерживалась за счет культа Святого Мартина.

Ритуал оммажа вместе с понятием «amicitia», таким образом, выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они провозглашают определенное равенство с точки зрения того, что и граф, и вассал могут на территории реализовывать свою власть. Арнульф Амбуазский владел Амбуазом не просто для защиты, но также держал в нем стражу графского дворца, что было полномочием, достойным почтения: «Когда Фульк возвращался из Франкии, он был принят как гость в Амбуазе Арнульфом, который от него держал как феода стражу графского дворца» [2, р. 64]. Под «дружбой» хронист понимал стратегию коммуникации правителя и его окружения, выражающего его интересы в пределах владений. Передать в управление замок становится шансом только упрочить свое верховенство.

Тесная взаимосвязь и интеграция вассалов в систему «дружбы» с графами может наблюдаться и в том, что в обеих редакциях обозначена взаимосвязь между верными людьми графов и ключевым институтом, формирующим территориально-политическую идентичность главных героев. Это проявляется в использовании термина «*consulatum*». Всего в «Хронике о деяниях графов анжуйских» нами было выявлено 18 случаев употребления данного термина, каждый из которых можно сгруппировать в соответствии с контекстом употребления. Поэтому мы будем приводить данные, касающиеся как непосредственно упоминаний термина «*consulatum*», так и контекста, в котором термин был упомянут.

Общее упоминание «верных» в контексте с термином «*consulatum*» составляет 6 случаев из 18, что само по себе является третью всех упоминаний. Знать же указывается в 6 сюжетах из 12. Если включить только данные по редакции 1109 г., то мы заметим, что о верных людях графов не говорилось в случае с передачами «*consulatum*» Готфриду Серой Мантии и Готфриду Мартеллу, в описании спора Готфрида Мартелла с Вильгельмом Пуатуским за Сентонж, а также в двух сюжетах о захвате Сентонжа графом Пуату, а потом старшим сыном сыном Фулька Решена, Готфридом. Первые три случая схожи тем, что речь в них идет о мирной передаче наследственных владений.

Относительно же последних случаев, когда «верные» не упоминаются вместе с «*consulatum*», можем сделать предположение, что хронист несколько иначе оценивает и утрату Сентонжа, и попытки его вернуть. Захват города у Готфрида Бородатого и Фулька Решена хронист описывает следующим образом: «Граф Пуату Вильгельм, прозванный подобно отцу своему пламеннейшим воином, юношей лукавым и деятельным, когда упомянутые братья были в столь большом несогласии друг с другом, совершив нападение, взял Сентонжское графство и овладел им» [2, р. 64]. Указанные выше наследники Готфрида Мартелла действительно оказались заняты борьбой за власть, и при этом вся знать вовлекалась в эти проблемы: «...и тогда бароны всего графства принялись один на другого восставать, и принимать то Бородатого, то Фулька, и после того предательства среди тех неоднократно возникали» [2, р. 63]. То есть тут для хрониста светская элита все равно оказывается вовлеченной в войны вокруг «*consulatum*», заставляющие забыть об обороне замка. Отсутствие же указания на эту группу в последнем из выделенных упоминаний термина «*consulatum*» можно связывать с идеей автора большее внимание уделить образу Готфрида, сына Фулька IV, который, как верно замечает Н. Пол [1, р. 141–142], осмыслился как последняя надежда отца:

«На следующий год Мартелл интригами своих людей и мачехи и, как говорят, с согласия отца, под замком Канде был убит. Мне видится невероятным, что отец согласился на смерть такого сына, когда стар был отец, и сын, если бы было позволено ему прожить дольше, вернул бы все, что отец утратил» [2, р. 66].

Переходя теперь к случаям упоминания вассалов в тексте «Хроники о деяниях графов анжуйских», следует отметить, что любое указание на данную группу в редакции 1109 г. в связи с понятием «*consulatum*» происходит в контексте военного столкновения. Первый раз касаясь «верных» графов анжуйских, автор говорит о захвате замка Амбуаз в период правления Мауриция: «Поднялся же на него муж злобный, исполненный хитростью и многим коварством, Ландрик Дюнуасский, который в анжуйском консульстве много злодеяний совершил, из Амбуаза же и из Лоэ верных графу изгнал с большими трудами» [2, р. 45]. Данный отрывок показывает, что возможность военной угрозы для «*consulatum*» сопряжена с изгнанием из замка «*fideles*». Похожий мотив развивается в описании борьбы между Готфридом Бородатым и Фульком Решеном, когда в распри оказываются вовлечены бароны графов: «...тогда бароны всего графства принялись один на другого восставать, и принимать то Бородатого, то Фулька...» [2, р. 63]. При этом угроза графству в контексте борьбы братьев — едва ли не ключевое событие, которое волнует автора, когда графы и теряют замки, и наносят урон положению своих вассалов (изгнание Арнульфа Амбуазского Фульком Решеном).

На эту группу есть указания в сцене приобретения анжуйского «*consulatum*» Фульком Рыжим: «Он же, приняв все графство, доверял каждому достойному нравами, и знал, что для пользы в войне, нужны люди в том сведущие, из которых всех к себе привлек» [2, р. 32]. Автор берет это понятие из трактата Саллюстия «О Катилине» и несколько повторяет идею пролога о том, что идеальный правитель должен возвышать свое окружение благодаря успехам в военных делах: «новым людям он любезно предложил военную добычу и поместья, завоеванные с большим трудом и опасностью» [2, р. 26].

Здесь мы видим источник идеи автора о возвышении «друзей» в главе о Мауриции. Таковы были и причины предоставления Лизо, который «в военных делах сведущ» Амбуаза: «После граф Фульк, разобравшись со своими трудностями, некоего мужа воинственного, превосходнейшего во владении оружием, Лизо Басоэрийского, племянника вице-графа из Санта-Сусанны, поставил во главе Лоэ и Амбуаза и воинам, как старшим, так и младшим, приказал, чтобы тому повиновались» [2, р. 48].

Кроме того, он получает от Фулька Нерры титул сенешаля, а также новые должности: «Граф сенешалю своему Лизо племянницу казначея Сульпиция отдал в жены, он же замок Амбуаз со всем к нему прилежащему, Вернулий и Мавреак и должность управляющего в Шампани подарил» [2, р. 54]. Отсюда мы можем предположить, что обязанность защиты территории и замков на ней соединяет понятия «*consulatum*» и «*amicitia*». Под первым реализуется военная функция элиты на территории, под вторым же — способ коммуникации, передающий эту функцию.

Теперь обратим внимание на употребление термина «*consulatum*» вместе с «верными», «друзьями» или просто ближайшим окружением графов в частях редакции начала 1150-х гг. Здесь мы впервые встречаем эту связку без четкого военного аспекта: «Муж славный Фульк, отважный в войнах, истинно правоверный, доброжелательный в отношении слугителей Бога, когда принял власть над обоими графствами, возвышающий друзей, подавляющий злых и противников своих, по славе и по честнейшей молве он стал ни с кем не сравним в скромности» [2, р. 67]. С другой стороны, не пропадает идея редакции 1109 г. о том, что правитель-король или правитель-граф должны возвышать свое светское окружение. Более того, хотя в данном отрывке мы не встретим прямых указаний на ведение Фульком V таких же военных действий против родственников или соседей, как Фульк Нерра или Готфрид Мартелл, но он брал штурмами замок, например, Иоанна из Монбазона, не лишая того денежного содержания.

Но далее мы встречаем сочетание термина «*consulatum*» с «верными людьми» графов, на первый взгляд выбивающееся из представленных ранее случаев: «И было так, что пока Готфрид, сын короля в Иерусалиме Фулька, землей своей правил в мире, внушением злых людей Илия, брат его, пребывающий в графстве ценоманском, часто на брата своего нападал. Его плененным Готфрид держал много дней в Туре узником, но потом умер юноша от тяжелой болезни, запертый в темнице. Всегда же могущественные братья, враждебные и ослепленные чрезмерным честолюбием, не желая имущество делить свое, между собой не соглашались и, когда происходит вмешательство их людей, они гибнут» [2, р. 71]. Тут мы видим случай, когда знать впервые стала группой, которая не просто вовлекается в амбициозные помыслы конкурирующих братьев, но сама становится виновата в развязывании конфликта, аналогичного тому, которым завершалась редакция 1109 г. Автор, конечно, не называет напрямую территорию графства, отошедшую Готфриду «*consulatum*», но данный термин употребляется по отношению к территории Иоанна,

учитывая, что разделение шло по такому же сценарию, как и в случае с Готфридом Бородатым и Фульком Решеном. Идею о «двух графствах», переданных через термин «*consulatum*», с центрами в Анжере и Туре мы видим и в главе о Фульке V: «...так чтобы та дана была ему с графским достоинством в Ценомании; и видно, что графства Ценомания и Андегавия едины» [2, р. 67].

Закономерен вопрос о том, почему в образах знати хронист начала 1150-х гг. описывает случаи неповиновений «верных» графам. По всей вероятности, в данный период хронист, возможно придворный клирик, старался показать, что держатели замков в районе Луары между Туром и Сентонжем являются действительной силой, которая способна противостоять графам. Грамота Готфрида 1151 г., которую Генрих II подтвердил, так же как и текст хроники, заявляет о мощном сопротивлении со стороны Геральда Берле: «Да пусть знают нынешние и будущие [люди], что ввиду неверности и нестерпимой жестокости Геральда Берле, которую он проявлял ко всем церквям в его власти и их владениям, я осадил замок Монтрёй, по милости Божией ослабленный, и высокой ценой и наивысшими и продолжительными трудами этого замка стены разрушил, башни и все здания его» [8, р. 24]. Текст хроники реагирует на проявления сопротивления анжуйской знати графам, что могло быть вызвано двумя крупными конфликтами за власть в графстве. Хронист выдвигает идею необходимости контроля над «верными» людьми и в последней редакции даже позволяет графам отбирать у них владения.

В заключение отметим, что нам удалось выявить связь двух понятий. «*Amicitia*» служит указанием на то, что без возвышения «верных людей» невозможна стабильность в существовании «*consulatum*», самих полномочий графов. Но возвышение «друзей» для анжуйского хрониста в обеих редакциях не отрицает при этом подчиненности одних другим, что подчеркивается через иерархию между территориальными владениями. Реализация этой «дружбы» происходит в рамках «*consulatum*», системы, где военные функции распределяются графами среди их «верных».

Список источников и литературы

1. *Paul N. L. Origo Consulium: Rumours of Murder, a Crisis of Lordship, and The Legendary Origins of The Counts of Anjou // French History. Vol. 29, no. 2. Oxford, 2015. P. 139–160.*
2. *Chronica de gestis consulum Andegavorum // Chroniques des Cmtes d'Anjou et des Seigneurs d'Amboise / publ. par L. Halhen, R. Poupardin. Paris: Libraire des Archives nationales et de la Société de l'Ecoie des Chartes, 1913. P. 25–74.*

3. *Van Eickels K.* “Homagium” and “Amicitia”: Rituals of Peace and Their Significance in the Anglo-French Negotiations of the Twelfth Century // *Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. Vol. 24/1. Bamberg, 1998. S. 133–140.
4. *Haskins C. H.* *The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge, Massachussets; London: Harvard University Press, 1927. 437 p.
5. *Dutton M. L.* *The Sacramentality of Community in Aelred // A Companion to Aelred of Rievaulx (1110–1167) / ed. by M. L. Dutton*. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 246–267.
6. *Aelredi Rievallensis*. *Genealogia Regum Anglorum // Aelredi Rievallensis. Opera omnia VI: Opera historica et hagiographica / ed. D. Pezzini*. Turnhout: Brepols Publishers, 2017. P. 1–56.
7. *Henrici archidiaconi Huntendunensis. Historia Anglorum / ed. by Th. Arnold*. London: Longman & Co, 1879. 358 p.
8. *Recueil des Actes de Henri II, roi d'Angleterri et duc de Normandie. T. I / publ. par M. E. Berger*. Paris: Imprimerie Nationale, 1916. 589 p.

УДК 94 (485)

Ярина Д. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
исторический факультет, студентка бакалавриата
E-mail: dar.yar70@gmail.com

Основание Кальмарской унии по материалам Шведской хроники О. Петри

Аннотация. В статье рассматривается взгляд О. Петри на основание Кальмарской унии. Сделан вывод о том, что, по его мнению, Кальмарская уния не была заключена по объективным причинам, а была попыткой королевы Маргареты обеспечить преемственность своей власти. Такое отношение к унии во многом связано с личными представлениями Олауса о необходимости построения национального государства с местным правителем.

Ключевые слова: заключение Кальмарской унии, Олаус Петри, Шведская хроника

Yarina D. A.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: dar.yar70@gmail.com

The foundation of the Kalmar Union based on the materials of the Swedish chronicle by O. Petri

Abstract. The article examines O. Petri's view on the foundation of the Kalmar Union. It is concluded that, in his opinion, the Kalmar Union did not appear due to objective reasons, but was an attempt by Queen Margaret to ensure the continuity of her power. This attitude to the union is largely due to Olaus' personal ideas about the need to build a national state with a local ruler.

Keywords: foundation of the Kalmar Union, Olaus Petri, Swedish chronicle

В 1397 г. произошло важнейшее событие в позднесредневековой истории Скандинавских стран. В Кальмаре, в связи с коронацией на шведский и датский престол Эрика Померанского, была провозглашена уния трех королевств — Дании, Швеции и Норвегии. Нарративные памятники, созданные в Скандинавских странах со времен заключения унии до начала XVI в., как правило, не сообщали о данном союзе скандинавских государств. В этом отношении Олаус Петри стал новатором — первым

историком, подробно рассказавшим в своей хронике о документально оформленной унии трех скандинавских стран [1, с. 386]. К тому же он сам был современником событий, положивших конец унии, а также приближенным к королю-шведу Густаву Вазе, который был первым правителем вышедшей из унии Швеции. Именно поэтому мне кажется возможным поставить цель — выяснить, каким виделось создание Кальмарской унии Олаусу Петри, который писал свою хронику уже после распада унии.

Олаус Петри родился около 1493 г. в Эребру, в семье кузнеца. Окончив церковную школу, он поступил в Упсальский университет, позже уехал в Германию — в Лейпциг, а затем в Виттенберг. В годы учебы в Виттенберге Олаус стал последователем Мартина Лютера, а в 1519 г. вернулся на родину и посвятил себя проповеди Реформации. В это время достиг кульминации шведско-датский конфликт, завершившийся Стокгольмской кровавой баней — король Дании и Норвегии Кристиан II вторгся в Швецию. 4 ноября 1520 г. было казнено около 100 человек — противников короля, либо людей, подозреваемых в причастности к оппозиции. Олаус Петри подробно описал эту расправу в своей хронике, весьма вероятно, что это рассказ очевидца [1, с. 319].

В 20–30-е гг. Олаус Петри сотрудничал с Густавом Вазой, который был избран шведским королем после распада унии, однако его власть в то время не была прочной — первые десятилетия правления Густава Вазы сопровождалась непрерывно следовавшими друг за другом кризисами. Началась перестройка государства, у которой должно было быть и идеологическое обоснование. В это же время Густав Ваза назначил Олауса Петри городским секретарем Стокгольма, а в 1528 г. Олаус прочел проповедь по случаю его коронации, в которой напомнил: «Король исполняет свои обязанности для блага народа. Король — слуга Бога; монарх должен заботиться о подданных во всем, что касается их тел, и тем более — душ. Густав Ваза ниспослан шведам милостью Бога; ранее Бог посылал королей-иноземцев в наказание за непокорность правителям-шведам» [1, с. 325]. Таким образом, уже здесь мы можем увидеть определенный взгляд Олауса Петри на шведскую историю, который он и отразил в своей работе.

Жанр хроники, выбранный Олаусом Петри, не случаен — он строит свое повествование хронологически, начиная с древнейших времен и заканчивая событиями, современником которых он является. В предисловии к Шведской хронике подробно изложены принципы, которыми автор хотел руководствоваться при написании истории своей страны: «Истории, сиречь хроники, следует писать таким образом, чтобы в них

настолько подробно, насколько то возможно, излагалось, от каких причин произошли беспорядки и войны, и каким образом был сохранен мир и покой... Многие были написаны людьми пристрастными. Такие люди возвышали тех, чьей стороны держались, и как можно более принижали их противников; истина же при этом неизменно оказывалась в пренебрежении. Но вот и я занялся составлением одной небольшой хроники... и включил в нее то, что счел наиболее похожим на правду» [1, с. 5]. Олаус Петри обещает, что будет придерживаться принципа беспристрастности и объективности, однако это вряд ли было возможно. Нам предстоит выяснить, насколько эти принципы действительно были соблюдены. Стоит отметить также, что, по мнению А. Д. Щеглова, в исторических воззрениях Олауса Петри наряду с передовыми идеями присутствуют и традиционные представления. Многие, по его мнению, унаследованы от средневековой мысли — например, идеи непостоянства судьбы, бренности мира, кары за грехи, борьбы дьявола и Бога. Но ряд принципов — беспристрастность, критическое отношение к источникам, исследование причин и следствий — были новыми для Швеции той эпохи [2, с. 129], что свидетельствует о высоком значении Шведской хроники для развития шведской исторической мысли.

Олаус Петри придерживается собственной концепции при описании Кальмарской унии, он начинает повествование об истории ее создания с прихода к власти в трех скандинавских странах Маргареты, которая сменила на шведском престоле Альбрехта Мекленбургского — короля-немца. О. Петри оценивает правление Альбрехта невысоко и утверждает, что «с иноземным государем приходит множество иноземцев с иноземными же обычаями, притесняя и неволя жителей страны... Так и король Альбрехт: требовал от шведов налог за налогом, чтобы обогатить земляков, а от множества незаконных поборов происходят беспорядки» [1, с. 113–114], поэтому свержение Альбрехта видится Олаусу закономерностью — он, как король, перестал заботиться о благе своих подданных и был смещен. Более того, Олаус Петри считает, что «даже если государь-иноземец добродетелен и благочестив, все равно у него иноземные обычаи, иноземные слуги; и то, и другое стране в тягость» [1, с. 114], поэтому для него любое объединение не видится возможным, ведь это не отвечает национальным интересам страны, которые он напрямую связывает с местным правителем. Придерживаясь этой позиции, Олаус Петри не пишет об объективных факторах, которые способствовали объединению стран в те времена, — значительным объединяющим фактором была внутрискандинавская торговля, в частности, между приграничными тер-

риториями. Сил требовала и борьба с пиратами, деятельность в которых на Балтике с XIV в. необычайно активизировалась — борьба с ними была дорогостоящей, отдельные скандинавские государства не могли добиться успеха в этой борьбе в одиночку. Еще одним мотивом к единению Скандинавских стран была необходимость сопротивляться мощному северонемецкому проникновению в Скандинавию [3, с. 95], поэтому нельзя говорить о том, что события хроники в изложении Олауса Петри полностью объективны — более того, можно предложить, что все они направлены на доказательство его концепции об ошибочности унии.

Правление Маргареты он описывает в негативном ключе и пишет, что при ней «шведов постигла та же участь, что и при короле Альбрехте: ими пренебрегали, иноземцам жаловали замки и лены — хоть было обещано совсем иное, когда шведы признали ее государыней» [1, с. 114]. Интересно, что «иноземцами» О. Петри считает представителей и других северных народов, он пишет, что «немцы, шведы, датчане и норвежцы в древности представляли собой единый народ, который затем разделился», что нашло отражение и в языке [1, с. 10–11]. Таким образом, хоть Олаус Петри и не отрицает общности происхождения этих народов, он не видит в этом достаточной причины для объединения. Такое отношение хрониста, безусловно, связано с его основной мыслью о том, что «все страны — под Богом, всеми ими Он правит — но не всем им Он в равной степени даровал разум и вежество. Посему лучше всего, чтобы каждая страна сохраняла свои законы и обычаи, а это вернее блюдетсЯ, когда государь — местный уроженец» [1, с. 114]. В связи с этим можно отметить: для Олауса Петри роль Бога невероятно высока — с Божественным предопределением он связывает создание и развитие отдельных народов и государств, которые изначально не равны друг другу по уровню развития, что находит отражение в местных обычаях — именно поэтому их очень важно соблюдать, а сделать это можно только при местном правителе, который их знает. Можно предположить, что вопрос о судьбе правителя Швеции для Олауса Петри это не просто вопрос судьбы страны, но и вопрос исполнения Божественного предопределения. Он пишет: «Уж какого государя надлежит получить той или иной стране — то решает Бог, который правит всеми этими странами» [1, с. 114], но поскольку, согласно О. Петри, Бог создал страны разными, он не может выступать за государя-иноземца, не понимающего местные особенности.

Для того чтобы подтвердить эту точку зрения, Олаус Петри пытается донести до читателей, что возведение Эрика Померанского на престол и продолжение «объединения» стран не были вызваны объективными

причинами и даже не были в полной мере одобрены представителями от трех стран, которые пошли на избрание Эрика королем лишь на основе настойчивых требований королевы Маргареты, которая хотела сохранить монархическую форму правления и объединение трех стран, хотя, фактически, ни одна из стран не желала этого [1, с. 116].

Однако существует и другой взгляд на эти события. А. А. Сванидзе, в частности, отмечает, что Альбрехт Мекленбургский не оправдал надежд вольнолюбивой местной знати. Он повел жесткий курс на усиление короны: запретил дворянам приобретать скагтовую, т.е. подлежащую государственному тяглу, землю, попытался вернуть в казну лены, фактически ставшие наследственными. Стремясь сломить сопротивление аристократии, он был вынужден опереться на соотечественников — немцев, раздавал им земли, лены, должности. Это вызвало новую резкую оппозицию местной знати и ее обращение к идее унии, которая и была реализована в конце XIV в. [3, с. 98–99]. Такая интерпретация событий позволяет говорить о том, что часть населения Швеции все же хотела унии, это была «часть шведской знати, которая надеялась при общем короле сосредоточить государственное управление в своих руках, т.е. избежать реальной централизации — „скандинавские семьи“ юга и знать районов оз. Меларен» [3, с. 99]. Олаус Петри вообще об этом не упоминает, скорее всего потому, что для него большую роль играет идея национального государства, — хронист хоть и придерживается продворянской политики, но ему интересна лишь та часть дворянства, которая связывает судьбу со Швецией, хотя кроме них есть еще представители так называемых «общескандинавских семей» [4, с. 13], которые имеют землю в трех скандинавских странах и выступают за сохранение унии, что, согласно Олаусу Петри, неприемлемо.

Кальмарская уния явно препятствует складыванию самостоятельного национального государства, именно поэтому Олаус Петри пишет, что «союз этот стал причиной множества раздоров. Произошло это оттого, что польза и выгода союза для королевств оказалась неодинаковой: ведь условия, на которых стороны заключили союз, не были соблюдены. Со временем подданные стали говорить королю: Швеция будет вас кормить, Норвегия — одевать, а Дания будет за вас сражаться» [1, с. 116]. Такое неравенство стран в союзе и привело к его распаду в будущем — шведы вышли из союза, поскольку для Швеции он обернулся непомерным ущербом. Во многом все дальнейшие события, которые Олаус Петри описывает в своей хронике, и были разобраны им для того, чтобы показать этот ущерб, а позитивные моменты игнорировались. Но стоит сказать, что О. Петри действительно объективно пишет о том, что каждая страна преследовала

свои цели, в частности, Дания рассчитывала использовать общие усилия и ресурсы унии для реализации своей великодержавной политики, особенно после Штральзундского мира, отнявшего у нее проливы. Наименьший энтузиазм в отношении унии испытывала Норвегия, которая к тому времени уже убедилась в невозможности для себя вести в рамках Северной Европы самостоятельный и сильный политический курс [3, с. 99].

Условия Кальмарского соглашения Олаус Петри также описывает довольно подробно. Прежде всего, он пишет, что «за каждым королевством сохранятся его название, законы, право, привилегии и добрые древние обычаи; и ни один закон не будет введен без согласия народа. И если на какое-то из королевств обрушится война, то два других должны прийти ему на помощь — как если бы все три королевства составляли одно. Ни одно из королевств не должно объявлять войну, не спросив совета у двух других» [1, с. 116]. Эти положения договора об унии О. Петри передает верно, что позволяет сделать вывод о том, что в составе Кальмарской унии государства должны были сохранять самостоятельность и свои законы, являясь равноправными союзниками во внешней политике. Именно в сфере внешней политики и должно было происходить основное взаимодействие между странами (помощь в военных действиях, совещание в вопросах объявления войны и мира), как если бы страны объединились в военный союз. Однако Олаус Петри перечисляет еще ряд условий, которых на самом деле не было ни в Акте о коронации Эрика Померанского, ни в Договоре об унии Дании, Швеции и Норвегии [5, с. 270–278]. Он пишет, что, согласно условиям Кальмарской унии, «король будет пребывать в королевствах поочередно — по возможности, по четыре месяца в каждом. А для выборов короля должны собираться в Хальмстаде по сорок лучших людей от каждого королевства: всего, следовательно, сто двадцать. Если покойный король оставил сына, пригодного для правления, то он должен взойти на престол, независимо от того, старший это сын или младший. Если же нет, то следует бросить жребий, из какого королевства следует избрать короля — чтобы ни одно королевство не могло посетовать, что им пренебрегли. После того как жребий выпал на одно из королевств, все сто двадцать указанных людей должны принести присягу и приступить к выборам. Если они не придут к согласию, то из указанных ста двадцати следует избрать двенадцать, по четыре от каждого королевства; кого они изберут, тот станет королем» [1, с. 116–117]. Однако в оригинальном тексте унии речь шла только о том, что «три королевства навечно должны иметь одного короля над всеми тремя королевствами. Затем, после смерти этого короля, над всеми тремя королевствами».

ствами должен быть избран и провозглашен один король и не более, и ни одно королевство не должно провозглашать или избирать короля иначе как с полного согласия и единодушного одобрения всех трех королевств» [5, с. 273]. Таким образом, Олаус Петри добавляет в текст хроники положения, согласно которым объединение трех стран должно было строиться при большей роли представителей от трех стран — они должны были одобрять предлагаемые законы и избирать короля; при этом он даже описывает систему выборов, которая должна быть многоступенчатой и способствовать отсутствию неравенства между странами. С одной стороны, можно предположить, что делает он это ненамеренно — из-за отсутствия большого количества достоверных сведений об унии, однако, с другой стороны, это добавление вполне может отражать то, как Олаус Петри видит эту унию в идеале. К тому же на фоне этих условий дальнейшие действия тех, кто выступает против нарушения условий Кальмарского соглашения, становятся действиями за сохранение выборных начал, в условиях, когда в унии объединялись две выборные монархии — Дания и Швеция, лишь в Норвегии в тот период существовала наследственная монархия. Таким образом, Маргарета, намеревавшаяся осуществить передачу власти наследственным путем, не учла, что, в частности, в Швеции наследственная монархия уже не существовала.

С вопросом престолонаследия и были связаны дальнейшие нарушения условий унии — датчане первыми вышли из союза, провозгласив короля Кристофера своим королем и не спросив при этом мнения шведов. О. Петри пишет, что «замки и крепости короны в нарушение законов и привилегий Швеции были отданы под управление иноземцам; поэтому шведы не были обязаны оставаться в том союзе. Если бы этот союз сохранял силу дольше, он привел бы к непоправимому для Швеции ущербу. Вся рента короны вывозилась из Швеции в Данию; и все средства, собранные в виде налогов, после смерти короля остались в Дании. Поскольку королю угодно было дольше находиться в Дании, чем в Швеции, Дания оказалась в лучшем положении, чем Швеция, и стала ею как бы повелевать» [1, с. 116–117]. То есть Дания последовательно нарушила почти все обязательства, прописанные в тексте договора о Кальмарской унии, что и дало шведам право выйти из него. Однако датчане не могли согласиться с этим решением — им этот союз был выгоден в первую очередь. Этими противоречиями между Данией и Швецией можно объяснить все дальнейшие конфликты, которые начинают происходить между странами, во время которых уния, по сути, перестает существовать. Важным моментом является и то, что, описывая времена

унии, Олаус Петри отмечает, что «датское рыцарство приумножилось, а шведское сократилось: если бы союз сохранялся дольше, шведское рыцарство совсем сошло бы на нет» [1, с. 117]. Для него это является важным фактором в связи тем, что развитие Швеции он во многом связывает с рыцарским, дворянским сословием и теми его представителями, которые видят Швецию как отдельное, самостоятельное государство. К тому же здесь он, по сути, опять поддерживает приход к власти Густава Вазы и распад унии, что и влияет на его суждения.

Таким образом, Олаус Петри придерживается позиции того, что у каждого государства должен быть национальный правитель, знающий особенности той или иной страны, которая отличается от других стран в результате Божественного предопределения, выраженного и в том, что все народы изначально не равны. Что же касается Кальмарской унии, он считает, что она не была заключена по объективным причинам, а была попыткой королевы Маргареты обеспечить преемственность своей власти. Условия же унии хоть и провозглашали равенство трех стран, на деле же не выполнялись и привели к дальнейшим конфликтам между Швецией и Данией, а также внутри страны, связанным с тем, что часть населения поддерживала унию, а часть всячески хотела выйти из нее. Однако нельзя не отметить, что такое представление об унии, продемонстрированное Олаусом Петри в его хронике, во многом связано не с его объективными умозаключениями (напротив, он не приводит ряд важных фактов), а с его представлением о необходимости национального государства с национальным правителем, на что, безусловно, повлияло и то, что он писал свою хронику во время правления Густава Вазы, уже после распада Кальмарской унии.

Список источников и литературы

1. *Петри О.* Шведская хроника / пер., послесл., коммент. А. Д. Щеглова. М.: Наука, 2012. 428 с.
2. *Щеглов А. Д.* «Для блага потомков»: у истоков шведской исторической мысли (XIII–XVI века). М.: ИВИ РАН, 2018. 185 с.
3. *Сванидзе А. А.* Эпоха уний в Северной Европе: XIV — начало XVI в. // Средние века. Вып. 50. М.: Наука, 1987. С. 91–112.
4. *Щеглов А. Д.* Сотрудничество и противоречия: Швеция, Дания и Норвегия в рамках Кальмарской унии (1397–1523 гг.) // Семёновские чтения. Труды XI Всероссийской научной конференции. М., 2019. С. 6–17.
5. *Щеглов А. Д.* Швеция и шведы в средневековых источниках. М.: Наука, 2007. 368 с.

УДК 94 (450).06

Павлов К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории, аспирант
E-mail: st055536@student.spbu.ru; Kir2014Sch603@gmail.com

Флоренция и Италия в поисках «баланса сил»: от войны Флоренции и Милана к Лодийскому миру

Аннотация. В статье рассмотрена проблема разрешения военно-дипломатических противоречий между Флоренцией и другими крупнейшими городами-государствами Италии конца XIV — середины XV в. на пути построения ими политической модели «баланса сил». Предметное внимание уделено эволюции отношений Флоренции и Милана от антагонизма к диалогу. В качестве вывода определено влияние Флоренции на достижение общепан-итальянского компромисса, нашедшего отражение в Лодийском мире.

Ключевые слова: флорентийско-миланские отношения, «баланс сил», Лодийский мир, Итальянская лига

Pavlov K. V.

St. Petersburg State University
Institute of History, Postgraduate student
E-mail: st055536@student.spbu.ru; Kir2014Sch603@gmail.com

Florence and Italy in search of a «balance of power»: from the Florence-Milan War to the Lodi Peace Treaty

Abstract. The article considers the problem of resolving military and diplomatic contradictions between Florence and other major Italian city-states of the late XIV — mid XV centuries on the way to building a political model of the “balance of power”. Substantive attention is paid to the evolution of relations between Florence and Milan from antagonism to dialogue. As a conclusion, the influence of Florence on the achievement of a pan-Italian compromise, reflected in the Lodi Peace Treaty, is determined.

Keywords: Florentine-Milanese relations, “balance of power”, Treaty of Lodi, Italic League

История военно-дипломатических отношений городов-государств Италии конца XIV — середины XV в. изучена достаточно подробно. Ключевое внимание при рассмотрении внутриитальянской политической системы этого периода большинство исследователей, как правило, уделяли

проблемам диалога пяти крупнейших государств Апеннин: Флоренции, Милана, Венеции, Неаполя и папства [1; 2; 3; 4]. Эти пять государств в середине XV в. оформили свои отношения в военно-дипломатический союз — Итальянскую лигу (*Lega Italica*), утвердившись в роли так называемой «большой пятерки» Апеннин [5, р. 9]. Одной из наиболее дискуссионных проблем для анализа диалога городов-государств «большой пятерки» Италии является проблема формирования ими военно-дипломатических практик, основанных на представлениях об имперском пути развития. Эти практики связывались с попытками каждого члена «пятерки» осмыслить свой статус правопреемника Римской империи [6, р. 89–140]. При этом важно отметить идеологическую взаимосвязь политических практик подобного рода с культурой гуманизма, распространившейся в Италии в XIV–XV вв. и воспевавшей античную государственность (прежде всего именно римскую) как ориентир для итальянских городов [6, р. 376–388].

Как отмечает исследователь политической культуры ренессансной Италии М. Джурджевич, античный Рим в XIV–XV вв. рассматривался в равной степени как идеальный политический ориентир в дипломатическом, административном и спиритуально-духовном измерениях [2, р. 300–301]. Кроме того, в развитии военно-дипломатических практик государств «пятерки» нашел проявление архаический «пласт» противоречий, существовавший во внутриитальянской политической системе ввиду дихотомии моделей устройства городов-государств Апеннин, со времен Высокого Средневековья делившихся на республиканские, монархические и (или) «смешанные» субмонархические режимы [6, р. 31–71]. Обратим внимание, что специфика этих режимов отличалась не только друг от друга (между республиками, монархиями и «смешанными» государствами), но и между собой внутри одного типа режимов. Так, флорентийский республиканизм как идея и практика значительно отличался от венецианского, как и неаполитанская монархия — от папской [2, р. 300].

Сочетание обстоятельств типа «гуманистическая идеология — противостояние политической практике — антиподу» в полной мере присутствовало при рождении и развитии «имперского мифа» в военно-дипломатической стратегии такого итальянского города-государства — члена «большой пятерки» XV в., как Флоренция.

Представления об исключительности положения Флоренции в итальянской политической системе городов-государств позднего Средневековья как продукта становления в тосканской республике центра гуманистических идей, как указывает американский исследователь К. Челли, восходили еще ко временам первого гуманиста — Франческо Петрарки.

Вместе с тем с Флоренцией была связана и более ранняя традиция политической культуры гибеллинизма, опиравшаяся на авторитет Данте и провозглашавшая идею о доблестном и рациональном имперском правлении как «панацее» для Италии [7, с. 7–9]. Принято считать, что Данте отождествлял свои идеи о подобном правителе — своего рода «реставраторе» римского имперского проекта с германским императорским домом Люксембургов и персоналией Генриха VII [7, с. 9]. Однако Флоренция де-юре была политически автономна от имперских домов Германии — как от дома Люксембургов, так и от утвердившегося на смену им дома Габсбургов [8, р. 17]. Это обстоятельство сильно отличало тосканское государство от других крупных городов-государств Италии: Милана, Венеции и Неаполя. Так, режимы Висконти и Сфорца в Миланском герцогстве институционально зависели от Империи Габсбургов [3, р. 306], а Венеция оспаривала с Габсбургами полноту своего влияния над территориями Северной Италии и, следовательно, границы своего режима [4, р. 66–67]. Неаполь же, по справедливому замечанию историка международных отношений Г. Мэттингли, бывший в конце XIV — первой половине XV в. «...королевством столь же анархическим, как, к примеру, Шотландия или Венгрия» [4, р. 67], переживал череду смен «внешних» приходов к правлению династий [2, р. 303].

Флорентийская республика в XV в. была одним из немногих полноценно самоуправляемых городов-государств Италии, что и давало ей основания рассчитывать на реализацию проекта построения «мини-империи» на Апеннинах наподобие Рима. Первым же «актом» реализации данного проекта для тосканского государства должно было стать овладение рубежными территориями. Подобная экспансивность намерений Флоренции не могла не спровоцировать ряд общих противоречий в системе внутриапеллинских межгосударственных отношений. Эти противоречия, основанные как на разных представлениях о модели государственного устройства (республиканских или авторитарных), так и на взаимных спорах ряда государств о возможных границах территориальных экспансий, «вскрылись» с началом политической борьбы тосканской республики с Миланским герцогством на рубеже XIV–XV вв. [9, р. 68–73]. Отметим, что, по замечанию флорентийского дипломата и историописца Никколо Макиавелли, приведенному им в знаменитой «Истории Флоренции», война флорентинцев с Миланом, длившаяся около двенадцати лет и завершившаяся в 1402 г., велась тосканским государством с переменным успехом [10, с. 131–136]. Так, в начале войны, связанном с успехами Милана, герцог ломбардского государства Джан Галеаццо Висконти даже сумел овладеть Пизой, пред-

ставлявшейся в военно-дипломатических интересах Флоренции объектом исключительной важности [10, с. 131]. Более того, собственно военный успех Милана дополнился внутривнутриполитической борьбой флорентийских «фракций», в результате которой часть видных семейств тосканского города, попавших под «рестрикции» гонфалоньера Мазо дельи Альбицци и оказавшихся в изгнании, стали готовить мятеж с целью его свержения. В свою очередь, внутри этого мятежного движения, среди наиболее радикальных его представителей (во главе с семейством Риччи), впоследствии назрел другой, еще более опасный заговор — в поддержку переворота с намерением привести к правлению во Флоренции миланского герцога [10, с. 134–136]. Однако оба заговора были подавлены, и, согласно упоминанию Макиавелли, по воле случая, с устранением их последствий для Флоренции совпала смерть Джан Галеаццо Висконти [10, с. 136]. Таким образом, тосканское государство вышло из войны с Миланом без потерь и получило возможность рассчитывать на приобретения.

Вскоре после этого в 1405–1406 гг. Флорентийская республика, традиционно расширявшаяся за счет присовокупления к своему составу территорий контадо, осуществила первую крупную акцию экстерриториального роста, присоединив в результате успешной двухлетней войны к своему составу Пизу — ранее могущественную итальянскую морскую республику [11, р. 57]. Как отмечает шведский исследователь истории Флорентийской республики и фигуры Никколо Макиавелли М. Хорнквист, приобретение пизанского владения стало кульминационным актом внешнеполитического развития Флоренции: «Покорение Пизы стало, пожалуй, величайшим военным триумфом в истории Флорентийской республики. Благодаря этой экспансии на запад Флоренция получила выход к морю и стала одной из ведущих морских держав на полуострове» [11, р. 57]. Вместе с тем Хорнквист полагает, что пизанский триумф радикализировал развитие мифа о построении Флоренцией республики «имперского типа», долженствовавшей, подобно Риму, самой в будущем сформировать великую империю. Важно уточнить, что завоевание Пизы в 1406 г. поспособствовало развитию «римской» мифологемы еще и в дипломатическом измерении политической практики Флоренции, в более ранней структуре внутривнутриитальянской политической системы, считавшейся среди городов-государств Средней Италии равнозначной «международной единицей». К примеру, в эпоху гвельфско-гибеллинского противостояния флорентинцы чаще всего воспринимались в итальянских дипломатических союзах «на равных» вместе с Пизой или с другим своим соседом — Ареццо [12, р. 169]. А около 1260 г., как указывает итальянский историк И. Монта-

нелли, известен даже случай неудовлетворенной просьбы флорентийских гибеллинов о союзе, обращенной к пизанцам и аретинцам [12, р. 169].

Вместе с тем пизанский триумф начала XV в. не стал заключительным актом внешнего расширения флорентийской территории: овладев Пизой, Флорентийская республика получила достаточный ресурс для осуществления политики дальнейшего экстерриториального развития. Так, в 1411 г. республика присоединила к своему составу земли Кортонь, а в 1421 г. — территорию Ливорно [11, р. 57]. Идея «империи» Флоренции в Средней Италии, как казалось, тем самым приобретала все более четкие реальные очертания. Неслучайно к периоду флорентийских завоеваний первой трети XV в., как указывает американский исследователь из Принстонского университета М. Халлианг, относится первый исторический панегирик «имперскому» проекту Флоренции — «История Флорентийского народа» Леонардо Бруни, где флорентийское приобретение владения над Пизой преподносится как аналогия успеха Рима в войнах с Карфагеном [13, р. 15]. Однако «роль» Карфагена, в равной мере с Пизой, в восприятии самопровозглашенного «Рима» — Флоренции разделил и Милан. В определенной степени, как указывает британский исследователь истории международных отношений М. Райт, именно противостояние Флоренции и Милана рубежа XIV–XV вв. обозначило те структурные проблемы итальянской политической системы, которые впоследствии привели Италию к необходимости установления «баланса сил» как меры поддержания стабильности на Апеннинах [5, р. 9–10]. Однако масштабу вывода владений Флоренции за пределы рубежей ее контадо неизбежно сопутствовало столкновение с интересами и других крупных итальянских городов-государств.

Как отмечает Макиавелли в той же «Истории Флоренции», Кортоня была отвоевана тосканской республикой у нового принципиального противника, появившегося у Флоренции после завершения затяжной войны с Миланом, — Неаполитанского королевства [10, с. 136]. При этом война с Неаполем, как и с Миланом несколько ранее, не стала для Флоренции быстрой и легкой: король Неаполя Владислав после неудачи с Кортоньей осуществил ряд успешных быстрых атак и занял Рим, Романью и Сиену — вторую после Флоренции крупную республику в Средней Италии, последнее приобретение Владислава ставило под угрозу не только новый прирост Флорентийской республики, но и ее независимость [10, с. 136–137].

Вместе с тем, как и в предшествовавшей войне с Миланом, Флоренции крайне благоприятствовали обстоятельства: так же, как некогда герцог Милана Джан Галеаццо Сфорца, Владислав Неаполитанский умер в 1414 г.

в самый разгар успеха своих военных действий против тосканской республики [10, с. 137]. Кроме того, вмешательство неопределенности как залог успеха в войне с Неаполем заставило Флоренцию задуматься о необходимости заручиться союзом с одной из крупных сил в политической системе Апеннин с тем, чтобы в дальнейшем иметь ресурс противостоять возможному более крупному конфликту интересов в Италии. Как отмечает флорентийский гуманист Филиппо ди Чино Ринуччини в своих «Исторических заметках», следствием этого стало заключение 27 января 1425 г. тосканской республикой союза с Венецией — «*Lega de' Viniziani*» — против предполагавшейся двумя республиканскими силами аналогичной комбинации единовластных режимов — миланского и неаполитанского [14, р. 420]. Ринуччини, однако, изначально обозначает попытку венецианцев уклониться от практической реализации союза с Флоренцией против возобновившего войну с ней Милана: если тосканская республика делегировала на переговоры с Венецией Лоренцо д'Антонио Ридольфи как посла, то венецианцы в ответ выдвинули от себя «посредника из Брешии» [14, р. 421]. Соответственно, Венеция союзные обязательства по отношению к Флоренции и не исполнила: в 1429 г. при подавлении восстания в Вольтерре, как и в 1430 г. при попытке взятия Лукки, Флоренция противостояла Милану вновь самостоятельно [14, р. 422–423]. Урегулированию военных проблем республики, как указывает другой историописец Флорентийской республики, Франческо Гвиччардини, не способствовали противоречия между знатными семействами города в борьбе за власть, не утихавшие еще с произошедшего в 1378 г. достопамятного восстания чомпи и обострившиеся в период политики остракизма Мазо дельи Альбицци. Так, семейства Строцци, Альбицци, Альберти и Медичи долгое время попеременно смещали перевес во внутренних делах Флоренции в свою сторону [15, р. 61–63]. Эта же несогласованность флорентийского нобилитета в управлении городом привела и к другому противоречию, парадоксальность которого в отношении политического развития тосканской республики выделяет американский историк Д. Херлихи: фактически считавшиеся владением Флорентийской республики территории Пистойи, Вольтерры и Ареццо де-юре не принадлежали к землям города Флоренции, что рождало в нем проблему т. н. «земельного голода», во многом и вынуждавшую республику к внешней экспансии на рубежи владений своих противников [16, р. 91]. Именно в таких условиях, как полагает Гвиччардини, ключевым фактором для сохранения Флоренцией своей самостоятельной государственности и новых владений становилась стабилизация политического режима в городе [15, р. 64]. В этом отношении представители дома Медичи

— Джованни ди Биччи и «наследовавший» ему в делах семьи Козимо ди Джованни — в последовательности своих действий явились для республики настоящей «панацеей», способствовавшей в дальнейшем урегулированию и внешнеполитических проблем не только для республики, но и для всей Италии [15, р. 64]. Сумев урегулировать раздоры флорентийского нобилитета по линии, обозначенной Макиавелли в «Истории Флоренции» как противостояние «гвельфской партии и государства» [10, с. 163], Козимо Медичи в 1434 г. остановил и военный конфликт Флоренции с Миланом: тем самым создались условия для попытки сформировать в Италии первое подобие «баланса сил». Однако новым элементом дестабилизации политической ситуации на Апеннинах стала атака наемников на Рим вопреки заключенному между Миланом и Флоренцией и Венецией перемирию [10, с. 178]: поддержавшее «гвельфскую» Флоренцию в конфликте с «гибеллином» герцогом Филиппо Мария Висконти папство также вовлекалось в орбиту итальянских военных конфликтов. Кроме того, как отмечает неаполитанский гуманист XVI в. Анджеоло ди Костанцо в своей «Истории неаполитанского королевства», параллельно с давлением на папство на рубеже первой и второй трети XV в. заметно обострилась ситуация в Неаполе [17, р. 312–313]. Конфликт франко-испанских интересов в королевстве привел к войне за престол между Рене Анжуйским и Альфонсом Арагонским. В конечном итоге это противостояние выиграл Альфонс, и над Неаполем утвердилась власть арагонского дома [17, р. 312–313]. Ди Костанцо также указывает на основную, с его точки зрения, причину конфликта в Неаполе — отказ папы Евгения IV дать инвеституру на престол Рене Анжуйскому в связи с поддержкой его притязаний со стороны миланского «гибеллинского» графа Франческо Сфорца [17, р. 300–301]. Однако неаполитанский автор не упоминает другое важное обстоятельство конфликта: поддержку Рене Анжуйского со стороны Флоренции, которая, по меткому замечанию Макиавелли, «с давних времен была в дружбе с французским королевским домом» [10, с. 196].

К концу первой — началу второй трети XV в., таким образом, уже оформилась пятичастная структура будущей модели выстраивания внутриитальянской политической системы сдержек и противовесов: республиканские Флоренция и Венеция, с одной стороны, абсолютистские Милан и Неаполь — с другой, и папство как формально сторонняя сила, фактически опиравшаяся в своей позиции по тем или иным конфликтам на полуострове на восходивший к XIII в. гвельфско-гибеллинский вопрос. Однако предполагавшаяся ранее модель союзов в рамках данного «пятиугольника» была неожиданно пересмотрена: Флоренция и Милан

оказались в союзе против Неаполя и папства, вследствие чего изменила свою позицию и Венеция, устремившись отвоевать порубежные с Миланом владения на Севере Италии. В ситуации затягивавшейся неопределенности внутриитальянских конфликтов именно Флоренция, как отмечает Гвиччардини, в середине XV в. выступила ключевым посредником для их завершения [15, р. 69]. В апреле 1454 г. было заключено соглашение в Лоди, послужившее фактором установления в Италии «всеобщего союза» (*lega universale*) между Флорентийской республикой, Неаполитанским королевством, герцогством Милан, Венецианской республикой и папством (также известного как Итальянская лига (*Legata Italica*)) [15, р. 69]. С именем Козимо Медичи принято связывать инициацию заключения именно Лодийского мира. При оценке достоверности данного факта следует иметь в виду уточнение Макиавелли о том, что при урегулировании военного конфликта Милана, Венеции, Неаполя и Флоренции в 1454 г. 9 апреля был непосредственно подписан Лодийский мир, в котором оговаривались условия мира между основными сторонами конфликта — Миланом и Венецией. Тогда как спустя несколько дней, 14 апреля, управляемая Козимо Медичи Флоренция от своего имени предложила общий мир на 25-летний срок [10, с. 253]. Таким образом, Флоренция в событиях вокруг Лодийского мира выступила скорее посредником сбалансирования и обновления всей структуры дипломатических отношений в Италии. За сторонами соглашения о создании лиги закреплялся территориальный «status quo», фиксировавшийся моментом завершения порубежных войн предыдущей фазы. Флоренция тем самым получала возможность заняться обустройством своих тосканских владений за пределами контадо и выстроить новую «империю» в Средней Италии.

Подводя итоги исследования, можно заключить: политика Флоренции конца XIV — середины XV в. была направлена как на пресечение борьбы «фракций» внутри города (логическим завершением чего стало утверждение у власти Козимо Медичи), так и на укрепление авторитета тосканского государства в системе международных отношений на Апеннинах (достижением какового явились приобретения Пизы, Кортонь и Ливорно). Территориальные приращения Флоренции этого периода, в свою очередь, осуществлялись в военно-дипломатическом противодействии ряду других крупнейших городов-государств Италии (прежде всего Милану и Неаполю). Вместе с тем, несмотря на развитие на основании подобных достижений мифа о Флоренции — правопреемнице Рима, республика (во многом благодаря мудрости и дальновидности Козимо) сумела урегулировать противоречия в дипломатической структуре итальянской политической

системы первой половины XV в., заложив основу для относительно «безболезненного» ее развития на протяжении почти 40 лет. Практика битв «имперских» амбиций крупнейших городов-государств Италии в погоне за идеей «нового Рима» тем самым на некоторое время была прекращена.

Список источников и литературы

1. Beyond Florence. The Contours of Medieval and Early Modern Italy / ed. by P. Findlen, M. M. Fontaine, D. J. Osheim. Stanford: Stanford University Press, 2003. 345 p.
2. *Jurdjevic M.* Italian Renaissance. Political Cultures // The Cambridge Companion to the Italian Renaissance / ed. by M. Wyatt. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 298–319.
3. *Lazzarini I.* Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. Oxford: Oxford University Press, 2015. 337 p.
4. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. London: Penguin Books, 1964. 284 p.
5. Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings / ed. by M. Wright. London: J. M. Dent & Sons Ltd, 1975. 192 p.
6. *Lee A.* Humanism and Empire. The Imperial Ideal in Fourteenth-Century Italy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 438 p.
7. *Доброхотов А. Л.* О «Монархии» Данте // Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В. П. Зубова; коммент. И. Н. Голенищева-Кутузова. М.: КАНОН-пресс-И; Кучково поле, 1999. С. 5–18.
8. *Lazzarini I.* Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 — c. 1520) // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / ed. by P. M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 16–36.
9. *Black J.* Absolutism in Renaissance Milan. Plentitude of Power under the Visconti and the Sforza: 1329–1535. Oxford: Oxford University Press, 2009. 257 p.
10. *Макиавелли Н.* История Флоренции / пер. с итал. Н. Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и коммент. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.
11. *Hornqvist M.* Machiavelli and Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 302 p.
12. *Montanelli I.* Dante e il suo secolo. Milano: Rizzoli Editore, 1983. 535 p.
13. *Hullium M.* Citizen Machiavelli. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 320 p.
14. Ricordi Storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460, dolla continuazione di Alamanno e neri suoi figli, fino al 1506 / ed. di G. Aiazzi. Firenze: Stamperia Piatti, 1840. 566 p.
15. *Guicciardini F.* Storie Fiorentine // Opere di Francesco Guicciardini: in 3 vols. Vol. 1. Torino: UTET, 1974. P. 59–246.
16. *Herlihy D.* Medieval Households. Cambridge; London: Harvard University Press, 1985. 241 p.
17. Storia del Regno di Napoli di Angelo di Costanzo / cura di G. B. Tafuri. Napoli: Borel E Bompard, 1839. 398 p.

УДК 94(4)

Джурко К. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st085031@student.spbu.ru

Политические взгляды Леона Баттисты Альберти по его сатире «Мом, или О государе»

Аннотация. Статья посвящена анализу политических взглядов итальянского гуманиста эпохи расцвета Возрождения — Леона Баттисты Альберти (1404–1472). Автор литературных трудов, работ по этике, архитектуре и теории искусства, Альберти, будучи приближенным Папы Римского, был знаком со многими политическими деятелями Рима, Флоренции, Феррары и других крупных городов-государств Италии, имел дипломатический опыт. В 1443–1450 гг., уже в зрелый период своей жизни, Альберти написал трактат-аллегорию «Мом, или О государе», в котором в сатирической форме отразил свои политические взгляды.

Ключевые слова: Леон Баттиста Альберти, «Мом, или О государе», итальянский гуманизм эпохи Возрождения

Dzhurko K. A.

St.-Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st085031@student.spbu.ru

Political views of Leon Battista Alberti, based on his satire “Momus”

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political views of the humanist of at the height of the Italian Renaissance — Leon Battista Alberti (1404–1472). The author of literary works, works on ethics, architecture and art theory, Alberti was familiar with political figures in Rome, Florence, Ferrara and other city-states of Italy as the Pope's secretary and had a kind of diplomatic experience. Alberti wrote treatise-allegory “Momus” in 1443–1450, when he was in his mature period of life. In this work he reflected his political views in a satirical form.

Keywords: Leon Battista Alberti, “Momus”, Italian Renaissance humanism

Интересы итальянского гуманиста XV в. Леона Баттисты Альберти охватывали многие сферы знания: он соединял в себе таланты фи-

лософа, литератора, математика, архитектора и скульптора. Жизнь Альберти оказалась связанной со многими политическими событиями эпохи Кватроченто: будучи папским секретарем, Альберти путешествовал по городам-государствам Италии, в результате у него складывалось собственное мнение об их развитии и политической жизни. Если говорить о политических взглядах Альберти, то он не создал развернутого учения о государстве, его формах и структуре власти, но его рассуждения о социальном строе, особенностях власти и ее восприятии народом, актуальны и сейчас и, безусловно, заслуживают внимания исследователей.

Одним из ключевых произведений, отражающих политические идеи Альберти, является «Мом, или О государе» [1]. Это сочинение было написано в зрелый период жизни и творчества гуманиста — между 1443 и 1450 гг., поэтому демонстрирует эволюцию его социальных, этических и политических взглядов. В центре сочинения — история бога Мома, который представлен как злой и честолюбивый насмешник, вносящий беспорядок в размеренную жизнь других богов. Все начинается с того, что Мом обвинил их в пренебрежении своими делами, что, с его точки зрения, и привело к несправедливости на земле. В результате недовольства богов Мом был низвергнут на землю, где принял облик философа и продолжил выступать, но с еще более агрессивными речами, из-за чего Юпитер подверг его суровой каре и приковал к скале. Сам Юпитер в сочинении представляется недостаточно мудрым, легкомысленным и честолюбивым богом. Желая исправить мир, он все более запутывается в трудностях, и, хотя это грозит нарушением разумного порядка в обществе, он не оставляет свой замысел [2, с. 379]. История Мома заканчивается тем, что его все же прощают и возвращают на небо. Уже в заключение своего сочинения Альберти представляет читателям эпизод, в котором Юпитер находит советы Мома относительно переустройства мира, в котором детально раскрываются рекомендации идеальному правителю.

После написания «Мом» более семидесяти лет распространялся только в нескольких рукописных копиях, прежде чем был опубликован в 1520 г. в двух разных редакциях [3, р. 24], однако долгое время не пользовался такой широкой популярностью, как другие книги Альберти.

Возникновение интереса к «Мому» в историографии во многом было связано с теми изменениями, которые произошли во второй половине XX в., когда принципиальный для оценки мировоззрения Альберти вопрос об оптимистической и пессимистической окраске его учения о человеке стал предметом оживленных дискуссий среди специалистов. Большую роль в этом отношении в историографии сыграли труды итальянского

историка Э. Гарэна [4]. Главной особенностью мировоззрения Альберти он считал ощущение противоречивости и двойственности, которое порождает любовь к иронии, столь заметную в «Моме» [4, с. 189]. Другие итальянские исследователи — Дж. Сантинелло [5] и А. Тененти [6] — также отмечали, что подлинно оптимистического восприятия жизни у Альберти нет, потому что он видит ее реальную дисгармонию [5, р. 8–11].

Из представителей отечественной историографии второй половины XX — начала XXI в. на противоречивость взглядов Альберти указывала в своих работах М. Л. Абрамсон [2]. Автором исследований, анализировавших социально-этические взгляды Альберти, являлась Л. М. Брагина [7]. Исследовательница отмечала, что середина XV в. для Альберти была периодом колебаний и сомнений, когда несовершенства реального мира, его контрасты и противоречия наполняли сочинения гуманиста, в том числе и «Мом» [7, с. 196]. Другой современный отечественный исследователь, О. Ф. Кудрявцев [8], также отмечает в своих работах, что Альберти изображает всеобщую испорченность людей, нарушение ими естественного порядка [8, с. 140]. В настоящее время переводом данного сочинения Альберти на русский язык занимается выдающийся отечественный итальянист М. А. Юсим¹.

Основной целью данного исследования станет изучение политических взглядов Альберти, для этого будут проанализированы его идеи, отраженные в трактате «Мом, или О государе», изучены оценки, данные исследователями этому сочинению гуманиста. В данном случае анализ текста трактата выполнен по латинско-английскому изданию Кембриджского университета [1]. Согласно замечаниям редакторов этого издания, латинский вариант приведен в основном по рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке Франции, с использованием рукописи из Национальной библиотеки Марчианы в Венеции [1, р. 357–358]².

Сочинение Альберти можно отнести к такому жанру, как романсатира или аллегория. Это произведение значительно отличается от дру-

¹ Юсим М. А. Мом, роман Леона Баттисты Альберти, и некоторые германские Момы. Материалы доклада, прозвучавшего на конференции «Курбатовские чтения — 2023», 7–9 ноября 2023 г.

² Текст «Мома» сохранился, по крайней мере, в четырех рукописях и в двух ранних печатных изданиях, которые были опубликованы в Риме в 1520 г. Стоит отметить, что «Мом» получил первое критическое издание лишь в 1942 г. На данный момент перевод на русский язык еще не опубликован в научной среде, что отражает перспективы данного исследования.

гих, более популярных, этических и эстетических трактатов Альберти: «Десять книг о зодчестве» [9] и «О семье» [10]. В данном случае произведение наполнено скептицизмом и иронией и не содержит прямых наставлений и нравоучений. Некоторые идеи Альберти мы можем лишь интерпретировать как отражение политических или социально-этических взглядов, опираясь на сюжет «Мома» и анализируя его героев.

К сложностям анализа текста данного сочинения Леона Баттисты Альберти можно отнести и то, что эпизоды «Мома» фрагментарны, часто возникают внезапно, повествование не имеет четкой логической последовательности. По мнению Э. Гарэна, анализ прозаических произведений Альберти может привести к двум важным выводам: о том, что автор склонен отождествлять себя с разными своими персонажами, и об автобиографичности его произведений. В то же время было бы ошибкой видеть Альберти в диалогах исключительно в том или ином из собеседников. Он воплощается и в том, и в другом, и в уста каждого вкладываются то надежда, то сожаление, то горечь; это отзвуки его постоянного диалога с самим собой [5, с. 175]. Эта особенность — одна из важнейших в творчестве гуманиста: он часто полемизирует сам с собой, в результате чего сложно однозначно оценить сочинение. Как справедливо замечал А. Тененти, характеры Юпитера, Мома и других героев не прописаны четко и часто достаточно противоречивы, поэтому во всем царит двойственность; и таким образом, при обсуждении какого-либо вопроса каждый собеседник высказывается и за, и против [6, р. 161]. Однако в этой сложности и неоднозначности и состоит специфика творчества Альберти: гуманист по-своему переживает те изменения, которые происходят вокруг, что отражается и в его произведениях.

Исследователи предпринимали попытки увидеть прототипов различных героев произведений Альберти. Так, в лице Юпитера они усматривали папу Евгения IV или же Николая V. Помимо поиска возможных исторических прообразов Юпитера, ученые также пытались точно определить происхождение и самого Мома. Несмотря на то что во многих его речах можно увидеть отсылки к самому Альберти, есть два конкретных современника гуманиста, которые могли быть прототипами вспылчивого бога: историк и гуманист Бартоломео Фацио (1400–1457) и гуманист, учитель и близкий друг Альберти Франческо Филельфо (1398–1481). На титульном листе одной из рукописей «Мома» анонимный комментатор зашел так далеко, что в качестве подзаголовка написал *Bartholomaei Facii Historia* [3, р. 22]. Франческо Филельфо даже написал письмо своему другу, чтобы спросить, представляет

ли Мом его, потому что у Филельфо, так же как у Мома в первой книге, однажды при нападении на улице оторвали бороду [3, р. 23].

Большинство современных следователей сходятся в том, что «Мом» посвящен проблемам государства, при этом гуманист избрал для выражения своих идей форму иносказания, что отразило своеобразие его взгляда на проблему. В предисловии к своей сатире Альберти подчеркивает свое намерение развлекать и наставлять, обосновывая это тем, что *«писатель обязан не писать ничего, что само по себе является известным и знаменитым для тех, кто это читает»* [1, р. 10].

Основой взглядов Альберти являлось представление о гармонии как великой Божественной силе, к достижению которой стремится все в мире. В «Моме» Альберти отражает свои представления о том, как гармония должна выглядеть в социально-политической сфере жизни общества. Так, в ответ на возмущение богов его проповедями среди людей Мом в одежде философа обратился на площади к народу: *«О граждане, будем ли мы терпеть вечное безумство этих могущественных? Пусть у них действительно есть свое зло в делах, изобилие богатств и добычи, а нас, невиновных, они ненавидят и будут ненавидеть за то, что мы не подерживаем их преступления. Пусть они сияют золотом и драгоценными камнями, пусть живут погруженные в похоти, а мы, одетые в лохмотья и покрытые потом, разве должны стыдиться из-за их наглости? О гибель и разрушение нашей общей свободы! Те чинят насилие над нами, так почему же мы, столь жестоко оскорбленные, но сильные, не сохраняем наше достоинство?.. Нужно стыдиться этого позорного рабства! Настал момент показать, что мы свободные граждане. Поднимайтесь, мужественные люди, и покажите, что не будете дольше терпеть тиранов, что сумеете защитить ваше право и вашу свободу, что предпочтете смерть рабству... Каждый, кто считает себя гражданином и достойным свободы, должен стать ее защитником. К оружию, к оружию, храбрые мужи!»* [1, р. 50–52].

В речах Юпитера Альберти также отражаются проблемы власти, «остро стоявшие» в Италии середины — второй половины XV в., когда многие прежние республики и синьории начали вступать на путь создания принципатов. *«Я бы предпочел что угодно, только не быть государем (príncipe). Люди, которых вы возглавляете, чье благополучие защищаете, в чье спокойствие и тишину вы вкладываете свои собственные заботы и труды, — эти люди забывают о своем долге и обязательствах перед вами, они никогда не перестают преследовать вас, выдвигают вам непрекращающиеся, бессмысленные требования, а их вечно меняю-*

щиеся заботы никогда не остановить» [1, р. 178–180]. Таким образом, он отражает в своем произведении не только сторону Мома, избличающего все недостатки «могущественных», но и тяжести правящего класса, который не получает в ответ от людей благодарности.

Собственный политический идеал Альберти описал в четвертой (заключительной) книге «Мома», в эпизоде беседы философа Геласта и перевозчика душ Харона, которые поднялись из преисподней на землю, прослышав о возможном крушении и переустройстве мира. Оказавшись у моря, Харон впервые видит большой корабль и наивно спрашивает Геласта: *«Уж не государство ли это плывет?»* Геласт радуется вопросу: *«Как тебе пришла в голову такая счастливая мысль — назвать государством корабль?»* Философ считает, что это очень удачный образ — он позволяет хорошо объяснить, что такое государство. Действительно, на корабле так же, *«как и в государстве, командуют немногие, а большинство подчиняется и необходимостью подчиняться приучается исполнять повеления; всем страстным желаниям и надеждам, всем расчетам и планам приходится применяться к различным ситуациям. Здесь, как и в государстве, всем управляют либо один человек, либо несколько, либо многие; если правители оберегают традиции, думают о будущем, внимательно изучают положение дел в настоящем, руководствуясь в каждом случае разумом и мерой, помышляя о всеобщем благе, а не о собственной выгоде, то тогда они подлинные правители и государство процветает. Если же, наоборот, присваивают себе все, что им угодно, и пренебрегают остальным, то они тираны и государство идет к упадку. Если правящие слушают ученых мужей, соглашаются с ними, отвергают своеволие и действуют единодушно в делах управления, тогда положение общества прочно и постоянно; если же они не согласны друг с другом, отказываются выполнять свой долг, тогда государство приходит в расстройство и подвергается опасности»* [1, р. 320–322].

В конце своего сочинения Альберти рисует радость и печаль Юпитера, прочитавшего рукопись, оставленную ему в свое время Момом. В этом манускрипте также отражаются основные идеи Альберти о том, каким должен быть истинный добродетельный правитель: *«Государь должен знать, что он не должен делать все и не делать ничего. То, что он делает, он не должен делать ни один, ни со всеми сразу. Он должен убедиться, что ни у одного человека нет слишком много вещей, и что нет таких, кто не имеет ничего. Пусть добрые творят добро даже тогда, когда они не хотят, и пусть зло не подвергается наказанию без нежелания. Он должен обратить внимание на людей за их менее очевидные каче-*

ства, а не за их сразу очевидные. Он должен воздерживаться от новых дел, если только не возникнет необходимость сохранить достоинство империи или нет твердой надежды увеличить свою славу» [1, р. 352].

Вера гуманистов в творческую мощь человека приводила их к убеждению, что свободная политически активная личность, руководствующаяся общим благом, способна создать наилучшим образом устроенное государство [11, с. 56]. Так возник идеал «сильной личности», которая привлекает и Альберти. Отчасти в советах Мома Юпитеру отражены резкие контрасты итальянской государственности Кватроченто, заметно его стремление сгладить их (при сохранении социальных различий), создать утопический образ государства устойчивого, не опасющегося внутренних бурь, основанного на разума и гармонии — в соответствии с идеализированным образом человека, живущего в подобном городе [2, с. 375]. Для Альберти государь — это образец нравственных достоинств, ему должны быть присущи здравомыслие и умеренность, справедливость и забота об общем благе (но и о своих славе и престиже он не должен забывать), щедрость и в то же время бережливость [7, с. 213]. Именно эти качества Альберти включает в свой идеал совершенного человека.

Таким образом, анализ взглядов Альберти, отраженных в «Моме», показывает, что скептический и иронический взгляд гуманиста на устройство мира, в том числе на его политическое устройство, отраженный в трактате «Мом», дает представление о его политическом идеале. Государство для Альберти — это гармонично устроенный «корабль», где все основано на взаимопомощи и уважении. В то же время трактат не содержит четких ответов на вопросы о форме государства и политическом режиме, который предпочитает Альберти (ведь гуманист критикует и монархический, и республиканский строй, и олигархическое, и демократическое правление). Однако гармония в государстве, с точки зрения гуманиста, все же возможна, но для этого должны существовать определенные условия: с одной стороны, различные слои общества должны быть политически равноправны, а граждане способны сами защищать свою свободу. С другой — государству необходим добродетельный и мудрый правитель, который будет опираться на мнение ученых людей, который будет поддерживать в своем государстве гармонию и стабильность.

Список источников и литературы

1. *Alberti L. B. Momus* / ed., transl. by S. Knight, ed. by V. Brown. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 407 p.

2. *Абрамсон М. Л.* Человек итальянского Возрождения: Частная жизнь и культура. М.: РГГУ, 2005. 428 с.
3. *Knight S.* Introduction for Momus / Leon Battista Alberti. I Tatti Renaissance library. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P. 7–25.
4. *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения: избранные работы. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
5. *Santinello G.* Leon Battista Alberti. Una visione estetica del mondo e della vita. Firenze, 1962. 311 p.
6. *Tenenti A.* “Momus” nell’opera di Leon Battista Alberti // Tenenti A. Stato: un’idea, una logica. Dal commune italiano all’assolutismo francese. Bologna, 1987. 272 p.
7. *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М.: Изд-во МГУ, 2002. 381 с.
8. *Кудрявцев О. Ф.* Леон Баттиста Альберти // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.) / сост., вступ. статья и коммент. Н. В. Ревякиной, О. Ф. Кудрявцева. М.: Изд-во УРАО, 1999. С. 138–140.
9. *Альберти Л. Б.* Десять книг о зодчестве / пер. В. П. Зубов. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935. С. 3–385.
10. *Альберти Л. Б.* Книги о семье / пер. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2008. 416 с.
11. *Сонов А. В.* Идеи «Доброго правления» в творчестве итальянских гуманистов XIV–XV вв. Венецианцы, неоплатоники и другие // International scientific review. 2015. № 4 (5). С. 56–59.

УДК 94(410)

Коробова Ю. С.

Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610,
учитель истории
E-mail: julia.korobova24@gmail.com

Место «Патриархии» сэра Роберта Филмера в монархическом дискурсе раннего Нового времени

Аннотация. В статье рассматривается «Патриархия» в контексте трактатов других авторов, с которыми полемизирует Филмер. Сопоставление представлений разных мыслителей о фигуре суверена, естественном равенстве людей позволяет понять, как именно в «Патриархии» специфицируются понятия, ключевые для монархического дискурса XVI–XVII вв., в чем особенности теории Филмера и его работы с чужими текстами и концепциями.

Ключевые слова: Роберт Филмер, «Патриархия», монархический дискурс, суверен

Korobova Yu. S.

The Classical Gymnasium of St Petersburg No 610,
History teacher
E-mail: julia.korobova24@gmail.com

The Place of Sir Robert Filmer's "Patriarcha" in the Early Modern Monarchical Discourse

Abstract. The article examines "Patriarcha" in the context of the treatises of other authors with whom Filmer argues. Comparing the ideas of different thinkers about the figure of the sovereign and the natural equality of people allows us to understand the peculiarities of Filmer's theory and work with other concepts.

Keywords: Robert Filmer, "Patriarcha", monarchical discourse, sovereign

Сочинения Роберта Филмера — часть монархического дискурса, который складывается еще при Тюдорах. Полемичный характер «Патриархии», активная дискуссия автора с другими философами и бурное обсуждение, развернувшееся вокруг трактата уже после его публикации, делают чисто «текстуалистский» подход к исследованию патриархальной теории Филмера недостаточным. В связи с этим представляется особенно привлекательным метод, предложенный Джоном Пококом и Квентином Скиннером. Как отмечает Скиннер, простое «перечитывание»

текста не позволит исследователю в полной мере понять замысел автора, объяснить его выбор предмета для рассмотрения в трактате [1, с. 14]. Необходимо реконструировать интеллектуальный и политический контекст источника; мало сосредоточиться только на тексте, важно описать и «более широкий контекст, внутри которого создавался текст» [1, с. 15]. Таким образом, встраивание «Патриархии» в интеллектуальный контекст эпохи ее создания позволит понять, на какие вопросы Филмер стремился дать ответы, с какими идеями ему пришлось сражаться на поле политических теорий того времени. Лишь в сравнении удастся наилучшим образом показать, в чем специфика политического языка «Патриархии», какие особенности выделяют ее среди других подобных сочинений. Представляется логичным в рамках этого краткого очерка сравнить патриархальную теорию Филмера с идеями тех авторов, которых он упоминает в «Патриархии» и с кем спорит по ключевым вопросам.

I. Дискуссия о естественной свободе и равенстве людей в европейском монархическом дискурсе. Вопрос о естественной свободе и равенстве людей — один из центральных в «Патриархии». Его Филмер выносит в подзаголовок трактата — «Защита естественной власти королей от противоестественной свободы народа» [2]; с него он начинает свое сочинение. Главными оппонентами автора «Патриархии» в этом сюжете выступают иезуит Роберт Парсонс (1546–1610) и Джордж Бьюкенен (1505–1582), кальвинист, воспитатель Якова I.

Парсонс в своем главном трактате «Рассуждение о наследовании английского престола» [3], опубликованном под псевдонимом Р. Долеман, рассуждает о ключевых вопросах политической теории рубежа XVI–XVII вв., которые вновь станут особенно актуальны в середине XVII в., и подвергает критике институт королевских наследников в Англии. Автор выводит происхождение государства из естественного для человека стремления к объединению в общество. Как само это стремление, так и политические права каждого человека обусловлены природой, поскольку, «если собирается вместе множество людей, и нет никого для подавления дерзких, оказания помощи слабым, награждения доблестных, наказания преступников, сохранения справедливости и равенства, то тогда жизнь вместе становится гораздо более пагубной, нежели жизнь поодиночке, так как один может истребить и пожрать другого <...> мы видим, что из совместного жительство вытекает необходимость какого-либо рода власти и правителей» [4, с. 116]. Парсонс ничего не говорит о догосударственном периоде; по его мысли, государство возникает одновременно с объединением людей в общество, функционирование которого

невозможно без законов. В то время как именно представление о существовании общества до государства, в форме большой семьи, — ключевой момент для патриархальной теории Филмера. Более того, по мнению Парсонса, сам народ «имеет власть избрать и изменить форму правления» [4, с. 118].

Схожие мысли формулирует Бьюкенен в своем самом известном трактате «*De Jure Regni apud Scotos*» [5]. Это сочинение построено в форме диалога между автором и Томасом Мейтлендом, в ходе которого они обсуждают «взаимные права <...> королей и их подданных» [6, р. iii]. Бьюкенен яростно выступает против тиранической власти. Примеры правления тиранов древности, по его мнению, должны были подтолкнуть народ к выводу о том, что «гораздо безопаснее доверять свои свободы законам, чем королям; поскольку многие причины могут побудить последних отклониться от справедливости; а первые, будучи одинаково глухими к молитвам и угрозам, всегда поддерживали беспристрастный и неизменный тон» [6, р. 16]. Таким образом, по мысли Бьюкенена, власть монарха строго ограничена законами, автор которых — народ.

Вопрос о предназначении законов особенно интересно раскрывается в трактате Бьюкенена. В то время как Филмер считает, что законы необходимы для упорядочивания жизни лишь подданных и не ограничивают волю монарха, Парсонс — что законы нужны для регулирования жизни всех людей, и правящих, и управляемых, то для Бьюкенена законы — это «кельи» [6, р. 16], которые не позволяют власти короля выродиться в тираническую власть. Более того, автор «*De Jure Regni apud Scotos*» приходит к смелому выводу: «лучше бы вовсе не иметь законов, чем под их личиной терпеть необузданный и даже благородный грабеж» [6, р. 28].

И Парсонс, и Бьюкенен признают право народа на выбор формы правления и на избрание удобного им монарха. Однако Филмер отрицает саму возможность избрания народом своего короля. Он подвергает критике идею Франсиско Суареса (1548–1617) о том, что люди, получив политическую власть от Бога, разделились на несколько сообществ, члены каждого из которых сами избрали себе правителей [7, р. 203]. Автор «Патриархии» указывает, что в тексте Священного Писания нет примера избрания короля его подданными. По мысли Филмера, Господь выбирает короля, а народ должен признать его законным. Схожие идеи высказывал и Ричард Хукер (1554–1600) в восьмой книге «Церковной политики» [8]. Хукер видел в торжественных церемониях коронации не избрание монарха народом, а признание его законных прав на то, чем он уже обладал, лишь подтверждение его суверенной власти [9, р. 396].

Таким образом, в то время как Филмер выводит государство из закономерного развития института патриархальной семьи и на этом основании отказывает в обладании естественными правами и свободой всем, кроме прямых наследников древнего патриарха, Парсонс не разделяет возникновение государства и объединение людей в общество, а потому относит политические права к естественным правам народа и пишет о «равенстве между государем и подданными, в отношении управления и наследования» [4, с. 132]. Так же и Бьюкенен считает, что народ обладает естественным правом влиять на правление короля и даже насильственно смещать тирана, поскольку право на престол по природе своей обусловлено не происхождением человека, а согласием с ним подданных [6, р. 48].

II. Дискуссия о характере королевской власти в европейском монархическом дискурсе. Вопрос о естественной свободе людей открывает пространство для дискуссии о том, кто является источником королевской власти и что ограничивает волю монарха.

Джордж Бьюкенен, проводя параллели между ролью врача, лечащего больного, и монарха, заботящегося о благополучии государства, утверждает, что «народ имеет право облекать суверенной властью кого ему угодно» [6, р. 12]. Далее философ рассуждает: поскольку король — человек, то, как человеку, ему свойственна уязвимость перед собственными чувствами и желаниями. Чтобы уберечь монарха от отклонения от справедливости, «чтобы дать наказ его невежеству <...> исправить его ошибки» [6, р. 15], были созданы законы, которые ограничивают власть короля, оберегая подданных от установления тиранического правления. Бьюкенен настаивает, что власть монарха не должна быть деспотичной по своему характеру [6, р. 14].

Схожие идеи защищает и Парсонс. В «Рассуждении о наследовании английского престола» он утверждает, что суверенная власть находится в руках народа, который может передать ее королю. При этом философ замечает: «Общество никогда не передает власть таким образом, чтобы полностью лишиться ее, поскольку нужда может потребовать использовать ее для защиты, ради чего власть и существует» [4, с. 159]. Установленного народом короля сами подданные могут ограничить по своей воле такими законами и условиями, какими им будет угодно [4, с. 118].

Сам Филмер, рассуждая о природе власти патриарха, критикует прежде всего идеи, высказанные кардиналом Робертом Беллармином (1542–1621). Как Бьюкенен и Парсонс, Беллармин полагал, что источник королевской власти — сам народ. Как пишет Беллармин, Бог наделил властью не одного конкретного человека, а всех людей сразу. Народ сам

решает, передать эту власть одному или нескольким людям [10, р. 25]. Любопытно, как этот сюжет интерпретирует Филмер. Автор «Патриархии» приравнивает обладание народа политической властью, о которой писал Беллармин и которая, по его мысли, должна быть передана в руки немногих или одного, к демократии [11, р. 56]. В то же время, как подмечает Филмер [11, р. 57], Беллармин признает, что отцы — правители для своих потомков [12, р. 36]. В этом английский философ видит признание французским автором патриархальности королевской власти и доказательство ошибочности идей Беллармина. Важно отметить: Беллармин, будучи участником полемики [13] вокруг клятвы верности королю, введенной Яковом I Стюартом статутом 1606 г. [14, р. 86–94], в своих трактатах утверждает, что власть папы римского выше власти любого светского правителя, поскольку происходит напрямую от апостола Петра [15]. Короли должны быть лояльны к решениям и указаниям папы римского, ведь тот по-пастырски может их наставлять и влиять на их политику. Именно папа римский, как считает Беллармин, знает, в чем заключается благо для его паствы — христианской Европы. При этом кардинал вовсе не отрицает монархию как форму правления. Беллармин пишет, что королевская власть естественна, она угодна Господу, но суверенность власти светского правителя ограничена авторитетом папы римского.

Другой автор, в спор с которым вступает Роберт Филмер, — Франсиско Суарес. Суарес отрицает политическую власть Адама и его наследников. По его мнению, Адам, конечно, обладал властью над женой, детьми и даже слугами, если они у него были, но власть эта по своему характеру была экономической, а не политической [7, р. 292]. По мере того как семья разрасталась, взрослые мужчины «отрывались» от семьи отца и образовывали собственные семьи, где уже они властвовали над женами, детьми и слугами. Политическая власть, по мысли Суареса, возникает лишь тогда, когда люди объединяются в сообщество; источником этой власти также является народ, который решает вопрос о форме правления. Филмер отрицает эти представления Суареса как абсолютно несостоятельные. Главная ошибка Суареса, по мнению автора «Патриархии», в том, что он предполагает «выход» детей из-под власти отца. Однако, как утверждает Филмер, это невозможно ни после совершеннолетия детей, ни после создания ими собственной семьи, поскольку во всех обществах и во все времена отцы сохраняли право распоряжаться жизнью и смертью своего потомства [11, р. 77].

Таким образом, в представлении Филмера все его оппоненты ошибаются, рассуждая о природе королевской власти, не замечают очевидных,

по мнению автора «Патриархии», противоречий. Большинство авторов, к трудам которых он отсылает, сходятся на том, что политической властью были наделены все люди, весь народ принимает решение о том, кому передать полученную власть. При этом законы создаются для поддержания порядка в обществе и ограничивают не только подданных, но и монарха. В то же время Филмер предполагал, что короли получили суверенную власть от Бога, но не через согласие народа, а через право отцовства от самого Адама. Законы же, как сказано в «Патриархии», ограничивают лишь действия подданных; патриарх выше любого закона и ограничен только естественным законом, установленным Богом.

III. Дискуссия о формах правления в европейском монархическом дискурсе. Споры вокруг вопроса о том, принадлежит ли суверенная власть во всей своей полноте монарху или же он получает ее из рук народа, влекут за собой и рассуждения о возможных формах правления: демократии, аристократии и монархии.

Парсонс, полагавший, что «общество имеет власть избрать и изменить форму правления» [4, с. 118], дает краткую характеристику каждой из них. Так, демократию он называет «многоголовое чудовище» [4, с. 124]. В его представлении этой форме правления свойственны «мятежи, волнения, восстания, преступления и несправедливости, совершаемые при каждом удобном случае» [4, с. 124]. Государства, где власть находится в руках народа, утопают в крови и в результате жестокой борьбы все равно, как правило, оказываются под властью монарха. По мнению Парсонса, демократия — наихудшая форма правления. Чертами демократии и монархии характеризуется аристократическое правление, или олигархия. Парсонс пишет, что аристократия таит в себе «и добро, и зло, но, однако, более склонна ко злу из-за вражды, которая обыкновенно возникает между правителями по слабости и греховности людской» [4, с. 125]. Наконец, наилучшей формой правления Парсонс признает монархию. Он пишет, что «превосходство этой формы правления над другими подтверждается не только ее совершенством: древностью, соответствием природе, тем, что она напоминает власть Бога, но также выгодой и пользой, какие она несет подданным <...> при правлении одного больше единства, согласия и порядка, а следовательно, — действительности в свершении дел и защите государства, нежели там, где правителей много» [4, с. 124]. Тем не менее, поскольку король — всего лишь человек, его подданные должны обезопасить себя и инициировать законы, которые препятствовали бы вырождению власти монарха в тираническое правление.

Превосходство монархического правления над демократическим признавали и другие авторы, в частности Беллармин и Бьюкенен. Однако, если Бьюкенен и Парсонс настаивали на ограничении власти единоличного правителя волей народа, облеченной в форму закона, а Беллармин видел ограничение власти светских государей прерогативой папы римского, то Филмер, вслед за Яковом I, полагает, что «король никогда не может быть столь печально известным порочностью, но обычно он будет поддерживать справедливость и поддерживать некоторый порядок, за исключением тех частностей, в которых его неумеренная похоть увлекает его за собой» [16, р. 66], а потому монарх не нуждается во внешнем контроле и в каких-либо регуляторах его действий. Единственный закон, который стоит выше власти патриарха, — закон Божий.

Если Парсонс понимает под промежуточной формой правления между монархией и демократией олигархию, то в представлении Филмера «смешанное» [11, р. 93] правление предполагает власть монарха, который делится ею с подданными. При этом автор «Патриархии» стремится доказать читателю, что и такое устройство по сути своей является демократией, поскольку король, позволяющий народу вмешиваться в управление государством, более не обладает суверенной властью и является монархом лишь по титулу.

Другая важная черта, которая отличает монархические идеи Филмера от теорий его оппонентов, — это демонизация демократии и оправдание тиранического правления. Парсонсу и Бьюкенену ничем не ограниченное правление тирана представляется трагичной участью любого народа. Нет правления хуже, чем когда у власти стоит жестокий правитель, который не считается ни с законом, ни с мнением мудрых и достойных мужей королевства, ни с благополучием подданных. В то же время Филмер высказывает противоположную точку зрения. Для автора «Патриархии», хотя он и пишет, что вовсе не собирается оправдывать тиранов [11, р. 92], демократия — худшее из зол для государства. Любая демократия утопает в крови своих подданных, страдает от постоянных восстаний и междоусобиц. Тиран же, как отмечает Филмер [11, р. 92], заботится о благосостоянии подданных хотя бы из любви к себе.

На примере дискуссии о формах правления в монархическом европейском дискурсе видно, что Филмер, даже будучи согласным в некоторых моментах со своими оппонентами, радикализирует свою точку зрения, доводя ее чуть ли не до абсурда. Авторы, с работами которых знакомится Филмер и чьи идеи упоминает в трактате, так или иначе писали об образе идеального правителя, формируя идеал, достижение которого

оказывалось практически невозможным, и подчеркивали необходимость создания системы сдержек для единоличного правителя в лице законов, парламента или советников. Сам же Филмер, демонизируя демократическое правление, утверждает, что власть тирана предпочтительнее власти народа, а тиран может быть справедливым монархом.

Филмер, будучи частью монархического тюдоро-стюартовского дискурса, не изобретает патриархальную теорию и в своей работе активно апеллирует к трактатам других авторов, потому полноценное и глубокое исследование его монархических идей невозможно, если ограничиться «вчитыванием» в текст «Патриархии». Сравнение представлений Филмера с идеями его оппонентов помогают понять, как именно в «Патриархии» специфицируются понятия, ключевые для монархического дискурса XVI–XVII вв. Рассмотрев три вопроса, которые являются центральными для монархических идей Филмера, в контексте трактатов других авторов, сторонников монархического правления, можно сделать выводы об особенностях теории Филмера и его работы с чужими текстами и концепциями.

Идеи Роберта Филмера отличаются радикальностью и категоричностью. Хотя инструментарий, который используют Роберт Филмер и его оппоненты, один, смыслы, вкладываемые ими в ключевые понятия, «не совпадают». Потому в их трактатах так много различных примеров: лишь так авторы могут показать читателю, как именно они интерпретируют общие категории. Филмер идеализирует нравственные качества монарха и демонизирует власть народа. Своей властью короли, по мнению автора «Патриархии», обладают именно по праву отцовства. Потому он так активно спорит с Бьюкененом, Парсонсом и другими авторами, которые признают право народа на выбор формы правления: для Филмера передача суверенной власти в руки народа — это нарушение порядка, установленного Богом. В своей идее естественной и безграничной власти короля он доходит практически до абсурда, стремясь убедить читателя, что даже власть тирана предпочтительнее ограниченной монархии, в то время как его оппоненты видели в тираническом правлении жестокое кровопролитие и безнаказанность порочного правителя.

Интересно то, как Роберт Филмер выстраивает текст «Патриархии». Его повествование прерывисто, не всегда логично и последовательно, часто один и тот же сюжет возникает вновь и вновь на протяжении всего текста, так и не получая какого-то обобщения. Отчасти это можно объяснить полемичным характером «Патриархии». Роберт Филмер, вероятно, стремился в своем трактате дать отпор всем защитникам естественного равенства людей и договорной теории происхождения государства, об-

лачив эту критику в краткую форму. С другой стороны, непоследовательность повествования косвенно указывает на то, что Филмер работал над трактатом в течение очень долгого времени и, вероятно, фокус его внимания смещался с одного вопроса на другой, с одного автора на другого. На это указывает и неравномерность прямой полемики Филмера с идеями других авторов: если в начале трактата он активно спорит с конкретными авторами, приводит цитаты из их сочинений, то чем ближе к концу, тем реже он вообще упоминает кого-либо из мыслителей.

Еще одна особенность монархических идей Роберта Филмера заключается в том, что они так и не получили законченной формы. Джеймс Дэйли совершенно прав, когда называет Филмера «полной противоположностью эклектичного мыслителя» [17, р. 21]. Автор «Патриархии», отсылая к другим мыслителям, приводит их представления исключительно затем, чтобы либо опровергнуть, либо показать, как эти идеи хотя бы косвенно подтверждают его собственную теорию. Филмер абсолютно уверен в верности своей концепции и не выказывает даже тени сомнения.

Патриархальная теория Роберта Филмера, сформулированная в «Патриархии», представляет собой закономерное развитие монархических идей в условиях кризиса английской короны в XVII в. Опираясь на уже существующую традицию, Филмер использует идеи своих предшественников и современников, чтобы на основе их анализа и критики выстроить собственную теорию о природе королевской власти и устройстве государства. Монархическая идея Роберта Филмера оказывается включенной в общий контекст монархического дискурса раннего Нового времени, представляя собой, с одной стороны, рецепцию идей английских и континентальных предшественников, а с другой — значительно повлияв на последующую традицию.

Список источников и литературы

1. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. А. Олейникова; под науч. ред. В. В. Софронова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.
2. *Filmer R.* Patriarcha: or the Natural Power of Kings. London: Printed for Walter Davis, 1680. 141 p.
3. *Doleman R.* [Parsons R.] A conference about the next succession of the crowne of England, divided into two partes. [Antwerp], 1594.
4. *Долеман Р.* [Парсонс Р.] Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / пер. с англ., вступ. статья и комм. А. Ю. Серегиной. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 456 с.

5. *Buchanan G.* De Iure Regni apud Scotos Dialogus. Edinburgi, 1680. [10], 133, [1] p.
6. *Buchanan G.* De Jure Regni apud Scotos; A Dialogue Concerning the Rights of the Crown in Scotland / transl. into English by R. Macfarlan, A. M. // Portage Publications. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portagepub.com/dl/caa/buchanan.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
7. *Suarez F.* Tractatus de legibus ac deo legislatore. Conimbricæ: Apud Didacum Gomez de Loureiro, 1612.
8. *Hooker R.* The works of Mr. Richard Hooker (that learned and judicious divine), in eight books of ecclesiastical polity compleated out of his own manuscripts, never before published: with an account of his life and death... London: Printed by Thomas Newcomb for Andrew Crook, 1666. 684 p.
9. *Hooker R.* The works of Mr. Richard Hooker; with a general index: also, Mr. Isaac Walton's life of the author / ed. by W. S. Dobson. In 2 vols. Vol. 2. London, 1825. 638 p.
10. *Bellarmino R.* De Laicis or The Treatise on Civil Government / transl. by K. E. Murphy. New York: Fordham University Press, 1928. 88 p.
11. *Filmer R.* Patriarcha and other political works of Sir Robert Filmer / ed. by P. Laslett. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.
12. *Bellarmino R.* De Controversiis On The Roman Pontiff. Vol. I, books 1 & 2 / transl. from the Latin by R. Grant // Internet Archive. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/on-the-roman-pontiff-bellarmino-st.-robert-bellarmino/mode/2up?q=posterity> (дата обращения: 15.10.2023).
13. *Каретина А. Н.* Кардинал Беллармин и полемика о клятве верности 1607–1610 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2013. № 2. С. 69–74.
14. Constitution Documents of the Reign of James I, A. D. 1603–1625 / a commentary by J. R. Tanner. Cambridge: at the University Press, 1961. 389 p.
15. *Bellarmino R.* Disputationes de Controversiis Christianae Fidei, Adversus Hujus Temporis Haereticos. In 3 vols. Vol. 1. Ingolstadii: ex Officina Typographica Davidis Sartorii, 1586. [12] Bl., 2274 Sp.
16. *James I.* Political Works of James I / ed. by C. H. McIlwain. Cambridge MA: Harvard University Press, 1918. CXI, 354 p.
17. *Daly J.* Sir Robert Filmer and English Political Thought. Toronto: Toronto University Press, 1979. 212 p.

УДК 94

Дронов Б. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st096578@student.spbu.ru

Политические идеи Якова I Стюарта в его речах перед «Благословенным» Парламентом 1604–1610 гг.

Аннотация. В статье автор ставит своей целью рассмотреть и проанализировать речи Якова I перед «Благословенным» Парламентом 1604–1610 гг. для определения политических воззрений и идей английского монарха. Автор также попытается отследить их трансформацию со временем.

Ключевые слова: Яков I Стюарт, политические идеи, Английский парламент

Dronov B. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st096578@student.spbu.ru

Political ideas of James I Stuart in his speeches at the Blessed Parliament of 1604–1610

Abstract. The author of the article puts forward the aim of scrutinizing and analyzing of James I Stuart's speeches at the Blessed Parliament of 1604–1610 with the purpose of determination of English monarch's political views and ideas. The author will also try to trace the transformation of these ideas with the course of time.

Keywords: James I Stuart, political ideas, the Parliament of England

Первый представитель династии Стюартов на английском троне является поистине выдающийся личностью для Европы в целом: это один из тех немногих случаев, когда государя можно было бы назвать философом на троне. Монарх писал много и на самые разные темы. Яков, по сути, являет собой первого монарха в британской истории, соединившего в себе теорию и практику правления.

Яков Стюарт приобретал свой политический опыт в Шотландии [1, р. 21], которая еще во многом сохраняла типичные средневековые черты вроде клановости и наличия родовых общин [2, с. 9]. Политическая ситуация там отличалась от тех принципов, заложенных в юношу его

наставником Джорджем Бьюкененом [3, р. 28–30]. Во многом поэтому воззрения Якова на управление государством сильно отличались от того, что ему внушали его учителя, и уже в 1598 г. они стали достоянием общечеловечности [4, р. 247–248].

В принципе под конец правления Елизаветы Яков был наиболее вероятным наследником [1, р. 21]. Да и сам король, воспитанный в протестантской традиции, чрезвычайно умный и уверенный в своих силах, прекрасно осознавал, что, скорее всего, он и взойдет на трон соседнего южного государства, поэтому монарх вел активную переписку с «тетушкой Бесс» [5, р. 48–51, 62–72, 79–80, 81–85, 87–89, 108–112, 117–118, 123–126, 127–130, 131–136, 139–141, 144–147, 149–163, 168–169], что сулило поистине большие возможности в виде наследования обширной и богатой страны [6, с. 159]. Все в сумме давало основания, что Яков сможет достаточно быстро уловить специфику английской монархии, во время его поездки на коронацию множество людей стекались к монарху, искренне радуясь новой «эре» [7, с. 6]. Английская корона уже давно не передавалась так спокойно и мирно, как она была вручена домом Тюдоровов дому Стюартов [7, с. 5]. Однако же новый монарх Англии достаточно хорошо усвоил именно абстрактную теорию абсолютной монархии, но не до конца понимал специфику Английского королевства [8, с. 99]. Все труды, хоть как-то затрагивающие сферу политики, были написаны именно с учетом шотландской специфики, которая сильно отличалась от английской, это касалось правовой традиции и степени влияния сословно-представительного органа на корону [9, с. 67]. Так, король испытал шок, когда столкнулся с системой права, основанной на прецедентах [10, р. 142].

Как король Шотландии, Яков I вступал на престол другого королевства, создавая унию корон, однако совершенно не было гарантий долговечности такого союза, все его владения разительно отличались друг от друга, англо-шотландский монарх прекрасно это осознавал и считал своим долгом навсегда объединить два королевства в единое целое [11, с. 138]. Если Генрих VII, будучи как король символом спокойствия в стране [9, с. 127], объединил две розы: красную и белую, как символы Ланкастеров и Йорков, то Яков I объединил под своей властью два королевства: Англию и Шотландию [1, р. 40].

Новый английский правитель был достаточно опытным государем со сформировавшимися взглядами, в частности, на природу власти и управление государством, выражавшимися в совершенно четких абсолютистских тенденциях. Тут, однако, можно вспомнить небезызвест-

ного Н. Хеншелла, утверждающего, что термин «абсолютизм» в значении абсолютной власти монарха над подданными происходит прямоком из XIX в. [12, с. 8]. В начале же XVII в. этим определением не оперировали, однако слово «абсолютизм» действительно было, но имело совершенно иные трактовки, нежели в XIX и XX вв. [13, р. 250], приближаясь скорее к одному из значений слова «absolute» как «совершенный».

В Англии же Якову требовалось контактировать с Парламентом в силу особенностей английского права, где Парламент и король действовали в симбиозе: Парламент, обретший при Якове уникальные особенности [14, с. 169], стремится не только сохранить свои привилегии, но и преумножить их, что может осуществить лишь монарх, при этом монарх зависим от Парламента, который выделяет ему субсидии [15, с. 7]. Именно в Парламенте, который собирался исключительно по воле короля и притом этот сбор никак не регламентировался [15, с. 11], государь изложил собственные воззрения на управление государством. Необходимо также отметить, что в яковитских парламентах были сугубо идеологические разногласия с королем по границам королевской прерогативы, но как таковой идеи ликвидации монархии в Палате общин никогда не было [16, р. 220].

Речь 1603–1604 гг. перед Парламентом. Стоит начать, пожалуй, с комплекса причин созыва парламента в правление Якова I Стюарта, а именно получение субсидий, законодательная инициатива и подтверждение лояльности английского народа короне [15, с. 7–8].

В первой же речи 1604 г. король начинает поэтапное освоение нового политического поля: речь изобилует идеей королевской благодарности своим новым подданным [9, с. 95]. Король никак не ожидал такого теплого приема, поэтому монарх был особо щедр на лестные высказывания [9, с. 96]. Далее монарх систематически излагает свои соображения по управлению страной [9, с. 104]. Яков Стюарт формулирует программу своего царствования, делая особый акцент, пусть и витиевато [9, с. 12–128], на пропаганде юнионистской идеи [9, с. 86]. Король делает упор на неотвратимость союза двух государств, перечисляет все преимущества такого слияния, даже говорит, что сам Бог благоволит им быть единым целым [17, р. 271–272]. Король приводит следующую аналогию: *«Я муж, а весь остров моя законная жена; я голова, а это мое тело; я пастух, а это мое стадо»* [17, р. 272]. Тут можно только согласиться с Е. И. Эциной и ее тезисом: «Такое понимание королем потенциала культурного, религиозного и географического единства обоих государств, несмотря на многовековые распри, несомненно, свидетельствовало о его политической

мудрости» [9, с. 128–129]. Правитель повторяет мысль о благополучии страны и населяющих ее людей, причем исполнение этого посыла Яков считает прямой своей обязанностью по отношению к своим подданным [9, с. 96–97]. Забота о нации — главнейшая задача монарха, поэтому король активно приводит аргументы в пользу такого благородного служения, проводя таким образом границу между монаршей особой и тираном [9, с. 98]. Лишь служение является гарантом устойчивой связи головы и тела государства [9, с. 99]. Необходимо также сказать, что в своей речи 1604 г. монарх выделяет два пункта: разработку законов и их исполнение [9, с. 106–107]. Еще одной идеей, выдвигаемой Яковом I, является сохранение преемственности власти, необходимости крепкого потомства как залога устойчивости династии [9, с. 108–109]. Большое внимание уделяется и идее религиозной гармонии в государстве, Яков заявляет: *«Я должен разграничивать мое собственное исповедование и управление королевством для его же блага и спокойствия»* [17, р. 274]. Причем политический аспект в данном случае превалирует над религиозным: в других конфессиях, исповедуемых в Английском королевстве, усматривается не что иное, как возможный дестабилизирующий фактор, угрожающий спокойствию и целостности государства, в частности под критику подпадает пуританская идея политического равенства, но особенно критикуются постулаты именно католической доктрины [17, р. 274–275], которые фактически находились на противоположном полюсе от доктрины суверенного государства и свободной монархии, отстаиваемой Яковом [9, с. 110–113]. В качестве способа решения проблемы предлагается мирное насаждение англиканства, всякий радикализм по отношению к другим конфессиям сразу отвергается как неприемлемый. Именно с помощью терпимости можно добиться «экуменического союза церквей» [9, с. 115–116], о котором говорит сам король. Достаточно большую роль для Якова играет проблема правосудия и законов вообще. Суммируя, лейтмотивом королевской речи было четкое исполнение существующих законов и большая роль государя в законотворческом процессе — в общем-то, в духе шотландских трактатов монарха [9, с. 117]. В этой же речи короля можно выделить и два образа, раз за разом появляющиеся в последующих монарших речах: образ короля-фонтана и идея золотой середины [9, с. 99]. Фонтан представлялся в виде связи источника и купающихся в нем людей [9, с. 100]. Однако фонтан не мог литься через край, Яков это прекрасно осознавал и выражал в идее золотой середины, которая восходит к шотландским трактатам короля. Основной посыл этой идеи был в том, что центр и умеренность есть наилучшая позиция для всего вооб-

ще: *«Мы можем встретиться посередине, которая есть центр и идеал всего»* [17, р. 275]. В дальнейшем этот мотив неоднократно проскальзывает в речах Якова, но особо ярко он иллюстрирует ту же юнионистскую идею короля [9, с. 100–101]. Достаточно иронично король завершает свое выступление в Парламенте: *«Король, по моему мнению, должен быть прям и искренен. Под прямотой я понимаю, что его речи должны быть понятны и избавлены от всякой двусмысленности. Под искренностью я понимаю честность, которая должна присутствовать как в королевских речах, так и в его поступках»* [17, р. 280]. Это изречение явно идет вразрез с действительностью: король всячески усложняет свою речь длинными грамматическими конструкциями и различными аллюзиями, создавая тем самым поле для двойного толкования его слов.

Речь 1605 г. перед Парламентом. Во второй своей речи перед Парламентом английский король достаточно большую часть выступления посвящает нашумевшему Пороховому заговору, продолжая при этом лоббировать идею более тесной унии королевств, но особо примечательно мнение Якова об английском Парламенте как институте: он продолжает говорить про пагубность большого количества законов, дает свое видение структуры Парламента, цели такого органа в королевстве и его места в иерархии власти. Яков рассуждает о составе Парламента: *«Он состоит из головы и тела: голова — король, тело — члены Парламента. Тело подразделяется на две части: Верхнюю и Нижнюю палаты <...>»* [17, р. 287], и говорит о цели такого собрания: решение вопросов, требующих общего созыва «тела» [17, р. 288]. Король также говорит о и месте Парламента в государственной иерархии: *«Парламент предписан продвигать славу Господа и благополучие короля и его людей»*, то есть здесь этот орган «тела» предстает как некий вспомогательный инструмент для короля. *«Они лишь советники короля с задачей давать хорошие советы для продолжения его службы и для процветания его государства <...> Вы здесь собраны вашим законным королем, чтобы дать ему ваши советы в вопросах, предложенных монархом вам <...> Ваша задача — определить, как эти предложения соответствуют благу как вашего государя, так и вашей страны»* [17, р. 288]. Король и дальше придерживается идеи христианского мира, мелькавшей еще в предыдущей речи, то же можно и сказать про идею четкого соблюдения существующих законов: Яков, несмотря на подготовку католиками Порохового заговора, отказывается от массовых репрессий приверженцев католической конфессии в Англии.

В общем, король, пытаясь до сих пор адаптироваться к новым условиям, руководствуется в политической практике своими шотландски-

ми убеждениями, о чем, к примеру, говорит его понимание Парламента как «Большого королевского Совета» [9, с. 136]. Завершается речь так же иронично, на наш взгляд, как и в предыдущий раз: *«Мужжи не должны демонстрировать в Парламенте остроту своего ума <...>»* [17, р. 289]. При этом достаточно большая часть речи насыщена любимыми королевскими натурфилософскими метафорами.

Речь 1607 г. перед Парламентом. Король в этой речи опять повторяет, что Парламент не является местом для оттачивания своего ораторского искусства: *«Красноречие подходит для университетов, но не для Парламента»* [17, р. 290].

Король подразделяет свое выступление на четыре части [17, р. 292], первый вопрос посвящен тому, что король желает от своих подданных: *«Вы должны быть мне послушны и подчинены <...>»* [17, р. 292]. *Я желаю совершенного Союза законов и людей, и натурализация сможет создать одно тело из двух королевств под моей монаршей властью <...> Союз скотов и пиктов в Шотландии и Гентархия здесь, в Англии <...> и для Шотландии я желаю Союза, который можно было бы назвать завоеванием, скрепленным любовью <...> Когда я говорю о союзе, я не хочу слияния всех вещей воедино <...> но я имею в виду союз законов <...> И общее право Англии является наилучшим, по моему мнению, правом в мире и наиболее подходящим для этих людей»* [17, р. 292]. Продолжая говорить о союзе двух государств, монарх признает за Англией ведущее положение в данном объединении, но не позволяет считать Шотландию страной покоренной [17, р. 294]. Стоит сказать, что Шотландия вообще находилась в достаточно уникальном положении, являясь крайне необычным композитом: ее не захватывали извне и не наследовал иностранный правитель [18, р. 305].

Далее король плавно переходит к анализу претензий противников такого объединения, сначала перечисляя их: шотландцы захлестнут Англию и станут там наводить свои порядки, шотландцы получают от короля больше привилегий, так как у правящего лица обширные связи с шотландским двором, но все эти претензии королем отвергаются как несостоятельные [17, р. 294–295]. Тем не менее король продолжал в реальности потворствовать своему шотландскому двору [19, с. 85], хотя Шотландия действительно все больше и больше превращается в окраину владений Якова [20, с. 223].

Можно говорить, что король продолжает из речи в речь использовать одни и те же аргументы и примеры, на что он в дальнейшем и сам обратит внимание. В этой речи Яков особенно апеллирует к тому, что все

должно быть подчинено в государстве его высшей монаршей воле. Говоря про унию, король выделяет три пункта такого объединения, которые, в общем-то, предполагают «мягкое» завоевание Англией Шотландии, то есть путем распространения на северное королевство общего права Англии и ликвидации различных юридических коллизий. По сути, программа Союза включала в себя три вещи: ликвидацию конфликтующих законов, создание общего торгового пространства и натурализацию [17, р. 296–298]. Высказывается король и по гражданскому праву, признавая его большую роль в межгосударственных отношениях [17, р. 299]. В дальнейшем государь сравнивает шотландский и английские парламенты [17, р. 270], посыл короля заключался в том, что английский сословно-представительный орган является гораздо более «либеральным» и вольным, нежели его шотландский аналог [17, р. 301]. Интерес представляет сравнение Яковом английского парламента с аналогичным ему органом, но уже по ту сторону Ла-Манша, причем это сравнение идет явно не в пользу Франции [17, р. 303]: парижский парламент есть судебная инстанция, в то время как в отношении английского парламента монарх косвенно констатирует наличие и законодательной функции [9, с. 123–124]. Снова король делает ремарки в сторону англо-шотландской унии, заверяя Парламент, что такой Союз являет собой большое благо для Англии: Яков, однако, констатировал, что с места эта идея в общем-то и не сдвинулась [17, р. 291], тем не менее монарх вместо злости на парламентариев был готов обсуждать дальнейшие компромиссы и даже сказал следующую фразу: *«Я готов связать себя некоторыми разумными ограничениями»* [17, р. 299], лишь бы только воплотить этот «брак» в реальность, которую король рассматривал не в виде разросшейся Англии, а в форме новой империи на карте Европы, фундаментом этой новой общности должны были стать английский язык, протестантское вероисповедование и лояльность британской короне [21, с. 41]. Завершая свою речь, король наставляет Парламент в правильном, по его мнению, поведении. Тут стоит отметить, что для Якова во многих его речах характерны поучения, он выступает в качестве некоего учителя, дающего наставления своим ученикам-парламентариям.

Речь 1610 г. перед Парламентом. Эта речь является одной из самых известных, произнесенных Яковом перед парламентом, ее даже можно назвать вершиной ораторского мастерства короля, когда он, находясь под прессом финансовых неурядиц и вопросов о границе королевской прерогативы со стороны Парламента, успешно выкрутился из ситуации, модифицировав к этому моменту свои шотландские воззрения о свобод-

ной монархии и подстроившись к реалиям английской политической практики того времени [9, с. 119]. Именно здесь Яков акцентирует внимание на божественном происхождении власти монарха, говоря следующее: *«Монархия — величайшая вещь на земле: ибо монархи не только наместники Божьи на земле и сидят на Божьем троне, но даже самим Богом зовутся они богами <...> В священном Писании короли называются богами, так что их сила относительно сравнима с Божественной силой. Короли также сравниваются с отцами семейств: ибо король есть настоящий отец Отечества, политический отец своих людей. И последнее, короли сравнимы с головой <...>»* [17, р. 307]. Для того времени такое сравнение представлялось вполне нормальным [22, р. 13].

Монарх продолжает свою мысль, указывая, что «голова» управляет всеми частями тела, король имеет власть над жизнью и смертью своих подданных, он же и судит своих подданных, являясь в это же время подсудным одному только господу Богу [17, р. 308]. Как пишет С. В. Кондратьев: *«Теоретически это положение давало королю Англии, Шотландии и Ирландии полное право распоряжаться жизнью и имуществом подданных по своему усмотрению»* [23, с. 55]. Развивая свой тезис про короля и говорящий закон, Яков указывает, что он должен править сообразно этому закону и закону королевства, и как только он перестает это делать, он из короля трансформируется в тирана [17, р. 309]. Несмотря на это, христианин не должен поднимать восстание против своего правителя, ведь *«Бог никогда не оставит королей ненаказанными, когда они перешагнули пределы своей власти»* [17, р. 309], а *«все истинные короли будут рады связать себя узами их законов»* [17, р. 309]. Яков считает себя образцовым примером такого монарха, чтущего законы управляемого государства [17, р. 309]. То есть этим можно еще раз подтвердить, что государь в своих речах отходит от абстрактного в сферу реального, в которой именно обязанность государя заботиться о своих подданных и поддерживать «здоровье» страны становятся основными содержательными моментами публичных речей английского короля [9, с. 93–95].

Яков, рассуждая о приемлемости общего и гражданского права для Англии, безусловно, придерживается мнения, что общее право должно оставаться главенствующим в королевстве, тем не менее король подчеркивает важность и гражданского права для страны в регулировании отдельных случаев, лежащих вне юрисдикции общего права, причем изменение устоявшихся норм король обязуется совершать только путем совещаний с Парламентом, открыто признав таким образом этот институт равным монарху в процессе законотворчества [9, с. 121–124]. В отно-

шении религиозных проблем правитель придерживается того же курса недопустимости религиозных преследований, но тут же говорит о важности строгого соблюдения действующих законов касательно католиков-рекузантов.

Итак, из речей Якова I перед своим первым Парламентом становится понятно, что монарх обеспокоен многогранной ролью данного органа [24, р. 101]. Тем не менее он достаточно сильно изменил свои воззрения по сравнению с шотландским периодом своего правления; чем бы ни считал Парламент Яков, без согласия этого органа корона в итоге так и не смогла осуществить ни одну из задуманных задач [25, с. 196]. Безусловно, он продолжал считать себя абсолютным государем, но и в силу давней английской парламентской традиции, он просто был вынужден признавать и роль Парламента как помощника государю, как своеобразную автономную единицу в управлении государством. Таким образом, монарх вписывался в формулу «Король в парламенте».

Список источников и литературы

1. *Croft P.* King James. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2003. 208 p.
2. *Ивоичина Л.* Драма династии Стюартов. М.: Ломоносовъ, 2016. 320 с.
3. *Wilson D. H.* King James VI and I. New York: Oxford University Press, 1956. 480 p.
4. The Cambridge history of political thought 1450–1700 / ed. by J. H. Burns, M. Goldie. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 798 p.
5. *Akrigg G. P. V.* Letters of King James VI and I. Berkeley, Los Angeles; London: University of California Press, 1984. 546 p.
6. *Дмитриева О. В.* Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2012. 308 с.
7. *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2001. 563 с.
8. *Барг М. А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 397 с.
9. *Эцина Е. И.* Идейно-политические основы раннестюартовской монархии. СПб., 2006. 151 с.
10. *Russel C.* King James VI and I and his English Parliaments / ed. by R. Cust, A. Thrush. Oxford: Oxford University Press, 2011. 288 p.
11. *Кондратьев С. В.* Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. № 1. С. 137–144.
12. *Хеншиелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

13. *Daly J.* The idea of absolute monarchy in Seventeenth-Century England // *The Historical journal.* 1978. Vol. 21, no. 2. P. 227–250.
14. *Федоров С. Е.* Процедура импичмента и английская парламентская культура первой половины XVII в. // *Таврические чтения* — 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. 2015. С. 169–173.
15. *Савченко П. В.* Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года). СПб., 2011. 213 с.
16. *Sommerville J. P.* Royalists and Patriots: politics and ideology in England, 1603–1640. Abingdon, NY: Routledge, 2014. 304 p.
17. *The political works Of James I.* Reprinted from the edition of 1616 / with an introduction by C. H. McIlwain. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1918. 354 p.
18. *Macdonald A. R.* Consultation and consent under James VI // *The Historical Journal.* 2011. Vol. 54, no. 2. P. 287–306.
19. *Федоров С. Е.* Титулованная знать и династия в раннестюартовской Англии // *Средние века.* 2008. № 1. С. 78–85.
20. *Федоров С. Е.* Раннестюартовская аристократия (проблемы генезиса) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История.* 2007. № 4. С. 220–225.
21. *Федоров С. Е., Паламарчук А. А.* Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // *Новая и новейшая история.* 2022. № 5. С. 34–45.
22. *Harris T.* Rebellion: Britain's first Stuart kings, 1567–1642. Oxford: Oxford University Press, 2014. 608 p.
23. *Кондратьев С. В.* Английская революция XVII века. М.: Академия, 2010. 192 с.
24. *Smith D. L.* The Stuart Parliaments, 1603–1689. New York: Oxford University Press, 1999. 260 p.
25. *Сербинович Л. Ю.* Джеймс I Стюарт (1603–1625 гг.) и Парламентская оппозиция в Англии. Ростов-на-Дону, 2003. 216 с.

УДК 94(411) + 94(430).041

Пензев П. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: pashapenzev@gmail.com

Борьба за идентичность — Роберт Монро на службе шведского короля

Аннотация. В статье рассматривается Тридцатилетняя война в воспоминаниях шотландского офицера Роберта Монро. Акцент сделан на его участии в «шведском периоде» Тридцатилетней войны под знаменами Густава II Адольфа. Представлена попытка выделить модульные идентичности наемников из горной Шотландии в войне на континенте.

Ключевые слова: Роберт Монро, шотландские наемники, Тридцатилетняя война, идентичность, конфессионализация

Penzev P. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: pashapenzev@gmail.com

Fighting for Identity — Robert Monro in the service of the Swedish King

Abstract. The article examines the Thirty Years' War in the memoirs of Scottish officer Robert Monroe. The emphasis is on his participation in the "Swedish period" of the Thirty Years' War under the banner of Gustav II Adolf. An attempt is presented to highlight the modular identities of Highland mercenaries in the continental war.

Keywords: Robert Monroe, Scottish Mercenaries, Thirty Years' War, identity, confessionalization

Об авторе. Мотивы написания воспоминаний. В 1637 г. Монро опубликовал свои мемуары об участии в войне на континенте в составе армий Христиана IV и Густава Адольфа. Первоначальный тираж составил 1500 экземпляров [1].

Автор упоминал, что финансовые проблемы подтолкнули его к военной службе, но помимо них, как явствует из текста, существовали и иные веские мотивы [2, р. 3]. Конечно, некоторыми дворянами двигали деньги,

и они стремились к военной службе исключительно за плату, известным примером среди шотландцев здесь является наемник сэр Джеймс Тернер. В то же время мы имеем достаточно личных свидетельств участников Тридцатилетней войны, отвергавших денежную мотивацию. И сам Монро, и историки отмечали, что шотландский полк Дональда Маккея, в котором служил наш автор, воевал вначале за хлеб и жилье, а не за финансовое вознаграждение, в отличие от преимущественно английских солдат [3, р. 40]. Современные исследователи шотландского наемничества довольно уверенно выделяют по отношению к определенной части солдат и офицеров вполне себе глубокую конфессиональную мотивацию [3, р. 40–41]. Конфессиональное тесно сплетается с политическим на рубеже XVI–XVII вв. в государствах Европы, что хорошо показано в историографии XX–XXI вв. [4, с. 32–36; 5, с. 22]. Тем сложнее в случае с автором мемуаров определить грань его политической лояльности и религиозной мотивации. Роберт Монро говорил о том, что он сражался за правое дело против врага дочери своего короля, королевы Богемии, и приписывал аналогичные мотивы полковнику Дональду Маккею. Сам полковник рассказывал другу, что он был не был настоящим солдатом удачи, но служил за границей из-за своей преданности и привязанности к королю Карлу [2, р. 21, 73].

Но каковы же были причины написания мемуаров? По точности и достоверности сведений мы можем с полной уверенностью говорить о публикации именно дневниковых записей, разбавленных более поздними размышлениями и уточнениями [6, р. 13]. Ученость, которую Роберт получил в университете, оставила в нем глубокий след, который исследователи трактуют как шотландский кальвинистский гуманизм [7, с. 123]. Учеба рекламировалась нравственной ступенью, на которой в равной мере может стоять как священник, так и мирянин. Она рассматривалась как процесс, служащий прежде всего подтверждению статуса авторитетного и легитимного социального лидера. В Шотландии раннего Нового времени принадлежность к знати требовала явных доказательств добродетели в координатах сословного общества. Не в последнюю очередь среди прочих общественных и личных качеств выделялась именно письменная и книжная культура, столь дорогая Роберту Монро [8, р. 109]. Сам автор воспоминаний писал своему «подопечному» — молодому курфюрсту Пфальца — так: «Безграмотный солдат подобен кораблю без руля или птице без перьев; но обладая грамотой, он находит, как можно стать еще мудрее, с помощью письменных знаний» [2, р. 298]. Одновременно с этим книжный нарратив все больше соперничал с устными проповедя-

ми и листовками в качестве основных способов официальной коммуникации. Шотландцы рассматривали свои исторические тексты как назидательные и дидактические высказывания, адресованные не в последнюю очередь высшей знати. Солдат-наемник Роберт Монро, написавший подробную историю своих военных подвигов в континентальных войнах 1620–1630-х гг., весьма хорошо отражал эту тенденцию [8, р. 58–89].

Шотландская идентичность периода позднего Средневековья — раннего Нового времени представляла собой смесь постоянно воспроизводимых кровнородственных, институциональных и религиозных практик [7, с. 73]. В то же время для начала XVIII столетия в силу состоявшейся в 1707 г. унии Шотландского и Английского королевств был свойственен процесс «собирания шотландских идентичностей» (социальных, институциональных, религиозных, культурных и других) в некое подобие «национальной идентичности» [7, с. 21]. Незаконченность процесса формирования самосознания для первой половины XVII в. позволяет выделить несколько типов идентичностей на примере воспоминаний Роберта Монро.

Клановая идентичность. Хайлендерская идентичность, в которой вырос Монро из графства Росс-Шир [1], в раннее Новое время являлась наиболее устойчивым элементом всей клановой системы [9, с. 86]. Она формировалась под непосредственным влиянием окружающей среды. Ландшафт обеспечивал очень сомнительную хозяйственную привлекательность региона, особенно в период т.н. «малого ледникового века», когда с 1550 по 1700 г. даже ранее обрабатываемые участки земли были заброшены или же большей частью превращались в пастбища [9, с. 42].

Дональд Маккей, который формировал полк для участия в войне на континенте, был пионером в эксплуатации клановой системы [10, р. 200]. Маккей увидел возможность использования клановых связей для формирования сплоченной межклановой военной корпорации не на родине, а за ее пределами, в то время как подавляющее большинство шотландских полков раннего нового времени комплектовались по месту рождения [10, р. 178].

Характерная этническая идентичность встречается на страницах воспоминаний Роберта Монро о шведском периоде службы. Для него горцы — это крепкий телом и духом народ. Эта репутация нашла свое выражение и у самих шотландцев [11, р. 21]. Во время стоянки в Штеттине осенью 1630 г. свирепствовала эпидемия, нанеся большой урон личному составу шведских, немецких и шотландских подразделений, однако Монро уточняет: «шотландцев умерло гораздо меньше, чем немцев

или шведов. <...> ибо ни голод, ни мор, ни меч не могли заставить ни одного из них бежать от своих цветов (т.е. знамен. — П. П.)» [2, р. 117]. Живучесть горцев отмечалась и европейскими наблюдателями. В одной немецкой газете 1631 г. подчеркивалась стойкость шотландских солдат, а также их способность обходиться без пищи и при этом совершать марш-броски на значительные расстояния. То, что можно считать «национальным» бахвальством Монро, находило свой отклик среди немецкого населения [3, р. 21].

Автор воспоминаний честен с читателем и упоминает в том числе неприятные случаи из службы. Из них мы видим яркий пример патримонных отношений внутри полка — в окрестностях Штеттина король именным приказом назначил немецкого лейтенанта в подчинение Монро, последний, в свою очередь, воспротивился назначению и предложил своего родственника на эту должность. Здесь Монро в уста короля вкладывает яркую цитату: «Его Величество, обращаясь к генералу Баннеру, презрительно ответил на его вопрос: „Что я думаю об этом? Он хочет поставить на должность своего кузена и не подчиняется моим приказам“» [2, р. 116].

В дальнейшем клановому аспекту Монро уделяет внимание лишь в конце своего событийного повествования. Вероятно, резкая королевская критика научила его быть более осторожным в защите родовых и клановых интересов.

Конфессиональная идентичность. От кланового не отставало и религиозное самосознание. В Шотландии Реформация произошла раньше, чем в Англии, и привела к утверждению протестантизма в форме кальвинизма в 1560 г. [11, р. 338]. В литературе того времени Шотландия и Англия часто назывались Израилем и Иудеей — один народ, разделившийся из-за идолопоклонства. Так же как и англичане, шотландцы верили в свою избранность и призвание спасения для восстановления религиозной чистоты и единства христианского мира [12, с. 38]. Демонизируя католицизм как антибиблейскую, фальшивую и дьявольскую религию, формировалась протестантская идентичность в Шотландии [7, с. 95].

Шотландскую службу разным сторонам конфликта нельзя рассматривать, не принимая во внимание конфессиональный аспект. И несмотря на участие многих из них на стороне Габсбургов, большинство «наемников-мигрантов» все же служили протестантским государям [13, р. 29; 10, р. 174].

Роберт Монро поднимает конфессиональный вопрос, в первую очередь касаясь единства в борьбе с общим врагом. Перед битвой при Брей-

тенфельде наш автор посвящает 15-е наблюдение именно духовным причинам участия его и его земляков в войне. Нет религиозных противоречий между пресвитерианами и лютеранами — все они подчинены единой цели: «Ничто земное не может быть более приятным, чем видеть братьев во Христе, объединившихся против врагов Божьих для освобождения тех бедных душ, которые долгое время находились под игом и тиранией Австрийского дома и Католической лиги» [2, р. 164]. Автор воспоминаний подытоживает: «...пушка и три повозки, принадлежащие к ней, были отобраны у него Густавом (т.е. Густавом Адольфом, королем шведов. — П. П.), первым и самым доблестным полководцем мира, с помощью народа, который никогда не был побежден никаким иностранным врагом, непобедимых шотландцев, чьи молитвы к Богу были более действенными через Христа, чем их (т.е. католиков. — П. П.) молитвы о заступничестве святых» [2, р. 164]. Роберт Монро встраивает конфессиональную идентичность в исторический миф о «непобедимых шотландцах» через противопоставление пресвитерианской церкви и католической (молитвы через Христа / молитвы о заступничестве святых). Он видит себя представителем «нации» — термин, пришедший из университетской среды, определяющий землячество на чужбине [14, с. 449]. Но при этом реформатская вера формировала духовное сердце этой «нации».

Процессы конфессионализации пронизывали все сферы европейской общественной жизни XVII столетия [5, с. 22]. Отсюда — частые религиозные реминисценции, помещенные, казалось бы, в самый примитивный повседневный контекст. Так, рассуждая о быте своего полка в прошедших кампаниях, автор заостряет внимание на пиве как на одной из важнейших составляющих рациона солдата [15, р. 282]. Он говорит: «Но из всех сортов пива я предпочитаю „цербстское“, как самое полезное для тела, и очищенное от всякой скверны, ибо религия жителей этого городка (т.е. Цербста. — П. П.) полезна для души и избавлена от мрака суеверия» [2, р. 151]. Насколько действительно высокие вкусовые качества определили особое положение «кальвинистского» пива в иерархии напитков у Монро, мы не знаем, однако сам автор ярко выделяет принадлежность к вере производителя напитка — горожан Цербста. Весь одиннадцатый раздел пронизан конфессиональным символизмом в бытовых эпизодах. Автор приводит диалог, который он имел с Акселем Оксеншерной: «Однажды за ужином с канцлером Швеции, выпив хорошего „цербстского“ пива, он спросил меня, что я думаю об этом пиве; я ответил, что оно мне по вкусу, на что тот весело ответил: „Неудивительно, что оно пришлось вам по вкусу, ведь это хорошее пиво вашей дурной религии“.

Я спросил его превосходительство, каково будет на вкус хорошее вино на Рейне в Майнце, будучи хорошим вином худшей религии; он ответил, что вино и пиво ему нравятся больше, чем обе религии. Но я сказал, что если бы я был соседом его превосходительства, недалеко от Майнца, в Пфальце, в Кройцнахе, я был бы доволен тем, что сохранил бы свою собственную религию и пил бы хорошее рейнское вино всю свою жизнь» [2, р. 151]. Мы не можем утверждать, имел ли место этот разговор в действительности, однако Монро не зря его приводит — на примере внешне-го единства армии противника Габсбургов, короля Густава, внутри себя она неоднородна. В рядах громадной королевской армии нашлось место и лютеранам, и кальвинистам, и, как следствие, различным формам проявления конфессиональной идентичности.

Наш начитанный автор, с одной стороны, затрагивает повседневные бытовые сцены, с другой — погружается в историю региона, в которой обнаруживается созвучие шотландской реформатской «миссии». Будучи в Эрфурте, он делится с читателем исторической справкой: «Здесь же мы видим, что в старину наш народ пользовался большим уважением за границей, особенно духовенство, которое во всех королевствах, как и в Германии, имело свои монастыри, как здесь и в Эрфурте; и то был шотландец, который первым принес христианскую религию во Франконию, но был зло вознагражден, будучи там впоследствии убит» [2, р. 183]. Действительно, в Эрфурте существует романская базилика XII в., именуемая Шоттенкирхе, буквально «шотландская церковь». Она была филиалом аббатства святого Иакова в Регенсбурге. Вполне в духе шотландского кальвинистского гуманизма Монро интересуется местной историей, являя собой еще одну грань ученой добродетели [8, р. 123–125].

Военная идентичность. Монро уже имел военный опыт континентальной войны, сражаясь плечом к плечу со шведскими войсками при знаменитой обороне Штральзунда от войск Валленштейна [16, р. 28]. Чувство гордости за боеспособность собственных людей было одним из проявлений профессиональной состоятельности. Характерный эпизод кануна немецкой кампании: «Его Величество (т. е. король шведов. — П. П.) на глазах всей армии выразил желание, чтобы все его пешие люди были так же хорошо дисциплинированы, как полк моего полковника <...>, и, вызвав его к своим покоям, Его Величество сильно и много хвалил полк за хороший порядок» [2, р. 106]. Шотландцами не только были довольны как дисциплинированными воинами, но и как толковыми военными, приспособленными к новой полевой тактике бригадного порядка [17, р. 132–134].

Апогеем успешности в записках Монро становится битва при Брейтенфельде. Наш автор пишет и о тактической расстановке на поле боя, и о ходе сражения, и о вкладе самих шотландцев в победу: «и хотя на поле были храбрые бригады шведов и немцев, но именно шотландским бригадам посчастливилось получить похвалу за службу в пешем строю...» [2, p. 169].

В аспекте осадной практики Монро приводит довольно объемные описания действий шотландцев. И если во время штурмов часто им нет равных в храбрости и напористости (пример Франкфурта-на-Одере), то во время тяжелой осадной работы Густав Адольф не всегда был доволен их расторопностью при рытье шанцев, и автор признается: «правда в том, что наши деревенские солдаты не могут выдержать этих трудов, подобно немцам; они не могут работать столь механически, как другие» [2, p. 142]. Эта особенность горцев прослеживается еще с предыдущей службы у Христиана IV Датского, где в общем сравнении воинского искусства его полка и немецких частей в качестве чуть ли не единственного минуса у своих Монро упоминает именно траншейные работы [2, p. 38].

Кроме примеров тактических действий, Роберт Монро дает представление о предпочтениях в вопросах военного снаряжения. После непредвиденной высадки в Померании его ротам пришлось пробираться через враждебную территорию с одним только холодным оружием: «Но наши боеприпасы и багаж были потеряны, мы были объята страхом, находясь рядом с нашими врагами, мы не имели ничего, чтобы защищаться, кроме мечей, пик и нескольких намокших мушкетов» [2, p. 108]. Здесь и в нескольких других местах можно проследить привычность шотландцев (особенно хайленда) полагаться на холодное оружие в качестве основной защиты даже в период, когда мушкеты, аркебузы и пистолеты решительно преобразили военное дело Европы [18, с. 205–206]. И это не должно удивлять: клинок оставался главным аргументом в межклановых войнах на протяжении XVI–XVII вв. Несомненно, владение им было вполне привычным для людей полковника Маккея [19, p. 7].

Обратимся к осаде Франкфурта-на-Одере. Войска Густава Адольфа штурмуют ворота за воротами, желтая и синяя бригады атакуют единственный еще уверенно держащийся островок лигистских сил в городе — католические ирландские части. Феномен массовой военной миграции на службу к Габсбургам ирландцев на рубеже XVI–XVII вв. был раскрыт в ряде работ, поэтому такое соседство не является экзотичным [13; 20; 21]. Монро представляет это столкновение так: «Несмотря на неравенство сил, ирландцы устояли, и долго сражались мечом и пиками,

пока не полегла большая часть солдат...» [2, р. 138]. Здесь воздается должное коллегам с островов. Их стойкость и упорство автор оценивает так: «И действительно, если бы все остальные так хорошо держались, как ирландцы, мы бы вернулись с большими потерями и без победы» [2, р. 138]. По иронии истории, через 9 лет после написания воспоминаний Роберт Монро на собственном примере почувствует эту «гэльскую ярость» в битве при Бенбурне — армию Монро в войне против Ирландской конфедерации разобьет Оуэн О'Нил. Как считают исследователи, битва стала последней в истории Западной Европы, где удар «квадрата» пикинеров был решающим [22, р. 385–388].

Уже упомянутый назидательный характер текста располагал к тому, чтобы шотландец акцентировал несколько раз важность использования личного холодного оружия: «Мой совет всем храбрым парням, стоящим в окопах или охраняющим пушки: если враг будет испытывать их доблесть, <...> пусть обороняющиеся поступают так, как было сделано здесь. Пусть оставят более непригодный мушкет, пусть они используют свои пики, встречая врагов грудью и лесом крепких пик — по старой шотландской моде, как наши предки, сражавшиеся pell-mell с двуручными мечами, пока одна из сторон не уходила с поля боя» [2, р. 194].

Как отмечают исследователи, шотландец оставил действительно уникальные в своем роде воспоминания [6, р. 13; 23, р. 289]. Мемория «солдата-ученого» изобилует классическими аллюзиями, но она также полна информации документального характера. Однако самая важная заслуга источника — это отражение запутанной системы образов и ценностей, присущей раннему Новому времени. Можно с уверенностью судить, что Роберт Монро находился в поле интеллектуально-конфессионального дискурса Шотландии первой половины XVII в. и являет собой яркий пример постепенного складывания национального сознания, присущего более поздним эпохам.

Список источников и литературы

1. The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/> (дата обращения: 10.08.2023).
2. *Monro R. Monro, His Expedition with the Worthy Scots Regiment (called MacKeys Regiment). 1626–1634.* Published by the Ex-classics Project, 2017. 335 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exclassics.com/monro/monro.pdf> (дата обращения: 09.10.2022).
3. *Murdoch S., Grosjean A. Alexander Leslie and the Scottish Generals of the Thirty Years' War, 1618–1648.* London: Pickering and Chatto, 2014. 304 p.

4. *Прокотьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2008. 483 с.
5. *Прокотьев А. Ю.* Введение. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2000 г.). СПб., 2004. С. 5–32.
6. *Fallon J. A.* Scottish Mercenaries in the Service of Denmark and Sweden 1626–1632. Ph.D. University of Glasgow, 1972. 410 p.
7. *Апрыщенко В. Ю.* Шотландия в Новое время. В поисках идентичностей. СПб., 2016. 720 с.
8. *Allan D.* Virtue, Learning and the Scottish Enlightenment. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993. 276 p.
9. *Апрыщенко В. Ю.* Клановая система Горной Шотландии. Ростов на Дону, 2006. 320 с.
10. *Miller J.* The Scottish mercenary as a migrant labourer in Europe, 1550–1650 // *Fighting for a Living: A Comparative Study of Military Labour 1500–2000.* Amsterdam: Amsterdam University Press, 2013. P. 169–200.
11. *Dawson J. E. A.* Scotland Re-Formed, 1488–1587. Edinburgh, 2007. 382 p.
12. Национальная идея в Западной Европе в новое время / под ред. В. С. Бондарчука. М., 2005. 496 с.
13. *Worthington D.* Scots in the Habsburg service, 1618–1648. Leiden, 2004. 330 p.
14. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. 756 с.
15. *Wagner E.* European weapons and warfare, 1618–1648. London, 1979. 297 p.
16. *McNair D.* The Struggle for Stralsund, 1627. Farnham, UK: Pike and Shot Society, 2012. 74 p.
17. *Fredholm von Essen M.* The Lion from the North. The Swedish Army during the Thirty Years War. Vol. 1: 1618–1632. Warwick: Helion & Co, 2020. 304 p.
18. *Пенской В. В.* Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.
19. *Wallace J.* Scottish swords and dirks: An Illustrated Reference Guide to Scottish Edged Weapons. Harrisburg Pennsylvania: Stackpole Books, 1970. 80 p.
20. *De Mesa E.* The Irish in the Spanish Armies in the Seventeenth Century. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2014. 260 p.
21. *Morgan R.* The Welsh and the Shaping of Early Modern Ireland, 1558–1641. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2014. 229 p.
22. *McDonnell J. J.* Look at the Battle of Benburb, 5 June 1646 // Journal of the Armagh Diocesan Historical Society. 1979. Vol. 9, no. 2. P. 362–390.
23. *Miller J.* Swords for Hire: The Scottish Mercenary. Edinburgh: Birlinn, 2007. 292 p.

УДК 94

Ерунов М. К.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: castelnau1651@gmail.com; St096334@student.spbu.ru

«Лучшая из приблизительно современных работ»? Журнал «Шведский Обозреватель» в контексте изучения битвы при Лютцене

Аннотация. Статья посвящена анализу описания битвы при Лютцене (1632) в тексте журнала Уильяма Уоттса «Шведский Обозреватель». Анализируются основные особенности видения автором хода и итогов битвы, предпринимается попытка дешифровки его источниковой базы и делается вывод касательно ценности журнала в контексте изучения битвы при Лютцене.

Ключевые слова: Уильям Уоттс, «Шведский Обозреватель», битва при Лютцене, Тридцатилетняя война

Erunov M. K.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: castelnau1651@gmail.com; St096334@student.spbu.ru

“The best of approximately contemporary works”? “The Swedish Intelligencer” in the context of research on the Battle of Lützen

Abstract. The article is devoted to the analysis of the description of the Battle of Lützen (1632) in William Watts' “The Swedish Intelligencer”. Author analyzes the main features of Watts' vision of the events and results of the battle, makes an attempt to identify his source base and a conclusion regarding the value of the journal in the context of research on the Battle of Lützen.

Keywords: William Watts, “The Swedish Intelligencer”, the Battle of Lützen, the Thirty Years' War

Пожалуй, не будет преувеличением назвать битву при Лютцене, состоявшуюся 3 (16) ноября 1632 г., одним из самых неясных и глубоко мифологизированных сюжетов Тридцатилетней войны. Связано это прежде всего с проблемой, на которую впервые обратил внимание в середине позапрошлого века еще Густав Дройзен: источников о сражении одно-

временно и очень много, и очень мало. Такая диалектика объясняется очень ограниченным кругом непосредственных свидетельств очевидцев, бесспорно субъективных, но способных при этом дать наиболее правдоподобную и вызывающую доверие фактическую информацию, перекрывающимся огромным массивом вторичных документов, так или иначе упоминающих сражение и способных считаться косвенными источниками хотя бы по времени создания [1, S. 71–74; 2, S. 658–666]. Таким образом, при изучении этого сюжета чрезвычайно остро встает проблема вдумчивой критики и оценки ценности источника. Автор одного из самых всесторонних и детальных исследований по данной теме, профессор университета Глазго доктор Андре Шургер, условно разделил все известные источники о Лютценской битве на 4 разряда: первый — первичные, то есть свидетельства участников и очевидцев сражения; второй — официальные записи и документы, которых в рамках изучаемой темы очень мало; третий — вторичные источники, то есть документы современных авторов, не являвшихся очевидцами описываемых ими событий; четвертый — изобразительные источники, такие как гравюры, рисунки и карты [3, p. 32–33]. Если изучение первичных источников связано со значительным количеством методологических вопросов и оговорок, то ценность вторичных некоторыми исследователями вообще ставилась под сомнение; к примеру, Дройзен объявил их не способными дать достоверной информации о ходе сражения и, соответственно, не заслуживающими внимания исследователей [3, p. 33–34; 1, S. 232]. Шургер считает, что вторичные источники могут иметь ценность в том случае, если написаны автором, непосредственно контактировавшим с очевидцем [3, p. 33]. Тем не менее понятно, что абсолютное их большинство создано на основе тех или иных первичных документов и поэтому может служить только изучению формирования мифа о битве при Лютцене, но никак не изучению самой битвы. На фоне многочисленных реляций, изданных в период с 1633 по 1637 г., выгодно отличается полнотой и красочностью описание битвы в предмете настоящей статьи — журнале Уильяма Уоттса «Шведский Обозреватель», издававшемся в Лондоне с 1632 по 1634 г.

«Шведский Обозреватель», являя пример позднего развития специфического британского жанра новостной брошюры, стилистически находится на стыке прессы и беллетристики. Однако, в отличие от упомянутых брошюр, журнал представляет собой не перевод и изложение пришедших из-за границы сведений, а авторский текст, продукт переработки и творческого осмысления значительного количества исходных материалов [4, p. 207–209]. На протяжении всего произведения Уоттс пре-

дельно открыт к читателю — он подробно расписывает свои цели, задачи и методы, убеждает его в правдивости содержащейся в журнале информации и даже перечисляет свои основные источники, как то: английские и голландские куранты (под «Еженедельными курантами», вероятнее всего, подразумеваются упомянутые новостные брошюры), газета «Галло-бельгийский Меркурий», книга «Шведский солдат» Фридриха Шпангейма, «Шведское оружие» Иоганна Филиппа Абелина и другие. Уоттс убеждает читателя в том, что критически подходил к информационному потоку, приходившему к нему по различным каналам, и даже пытался делить источники на первичные и вторичные: «Я (насколько это было возможно, и особенно в рассказе о короле) не верил письменным сообщениям, кроме полученных из известных рук или подтвержденных лично очевидцами или другими свидетелями» [5, The Preface to the Reader]. Однако при изучении работы Уоттса необходимо прежде всего понимать, что перед нами авторский публицистический трактат эпохи раннего барокко; поэтому там, где это возможно, автор предпочитает не вдаваться в обоснования и факты, а умолчать или обойтись изящным речевым оборотом и искренним уверением в правдивости написанного. Бесспорно, Уоттс, располагая значительной источниковой базой, изучил и использовал внушительное количество различных документов — как свидетельств и реляций, так и нарративных источников, хоть и назвал далеко не все; тем не менее сказать что-либо определенное о критериях критического метода Уоттса и принципах отбора материала довольно затруднительно, так как он не стремится посвящать читателя в их подробности. Этими соображениями мы руководствовались при исследовании отражения битвы при Лютцене в тексте «Шведского Обозревателя».

В глазах Уоттса битва при Лютцене является завершающим аккордом героической истории Густава Адольфа, поэтому ей уделено действительно огромное внимание: автор посвятил описанию ее хода, в том числе подробнейшему описанию гибели шведского короля, примерно 20% всего объема третьего тома. Для начала стоит упомянуть, что все даты представлены, как пишет автор, «по старому стилю», и датой сражения указано 6 ноября; во избежание путаницы в настоящей статье сохранена авторская датировка. Описывая события, непосредственно предшествовавшие битве, Уоттс упоминает один из своих источников: он рассказывает о том, что в ходе одного из шведских рейдов в районе Наумбурга в плен к хорватам попали двое английских дворян — полковник Френсис Террет и капитан Эдвард Филдинг. Названные дворяне, став очевидцами битвы при Лютцене, позже смогли, по заверению автора, донести свои

свидетельства до Уоттса; ссылаясь на них, автор указывает значительное количество подробностей о подготовке сторон к сражению и его ходе [5, р. 118–119]. Описывая военный совет шведского командования, предшествовавший наступлению Густава Адольфа на Лютцен, Уоттс не упоминает своих источников, однако Густаву Дройзену удалось дешифровать еще один из них. По его наблюдению, описание упомянутого совета практически полностью совпадает с описанием из так называемой «Декларации 1633 года», в свою очередь также являющейся компиляцией на основе более ранних источников [1, S. 218–220]. Далее Уоттс красочно перечисляет сложности, с которыми пришлось столкнуться шведской армии по дороге к Лютцену; рискуем предположить, что автор специально создает у читателя впечатление тернистого пути трудностей, который Густав Адольф должен был преодолеть, идя к своему триумфу [5, р. 123–124]. Происходившие в это время в лагере Валленштейна события Уоттс описывает, ссылаясь на слова вышеупомянутых пленных англичан. Застигнутый подходом шведов врасплох имперский командующий приказал бить тревогу и спешно разослал гонцов ко всем подчиненным офицерам, в том числе Паппенгейму, двигаться на соединение с основными силами; новые полки, как пишет автор, подходили к нему всю ночь. Тогда же ночью он приказал усилить позиции траншеями вдоль дороги и у мельничного холма; земляные работы силами саперов и драгун продолжались всю ночь и следующее утро [5, р. 124–125]. Эти окопы, как упомянуто впоследствии, помешали успеху шведской атаки на имперские позиции; тем не менее глубокие и даже двойные траншеи, о которых пишет Уоттс и некоторые другие авторы, которые изображаются на ряде гравюр и полотен и которые якобы служили надежным укрытием для мушкетеров и прикрытием для артиллерии Валленштейна, также не согласуются со свидетельствами очевидцев и не подтверждаются данными археологии: как предполагает Шургер, Валленштейн просто посадил мушкетеров в достаточно глубокую придорожную дренажную канаву, не проводя никаких земляных работ над ней [3, р. 208–224]. Она дала им некоторое укрытие от стрельбы противника, но не представляла особого препятствия для атакующих шведов. Густав Адольф приказал бить подъем, по свидетельству Уоттса, за два часа до рассвета, но густой туман сыграл на руку имперцам и заставил его отложить наступление; более того, в глазах Уоттса внезапное ухудшение погоды будто продолжает картину неприятностей, преследовавших шведскую армию, так как благодаря ему Валленштейн якобы успел укрепиться, занять надежные оборонительные позиции и лучше подготовиться к бою [5, р. 126].

Стоит отметить, что вопрос «лютценского тумана» по-разному освещается в источниках и исторических трудах; нет единого мнения касательно того, был ли туман вообще, если был — когда рассеялся, и повлияло ли это на ход сражения [3, р. 252]. Тем не менее вполне вероятно, что сведения об утреннем тумане, задержавшем шведское наступление, Уоттс почерпнул из Второй Эрфуртской реляции 1632 г. и Реляции 1633 г., упоминающих этот факт; к тому же, как становится ясно из результатов исследования Дройзена, автор активно ими пользовался в ходе работы. Интересно, что некоторые другие документы, которыми Уоттс тоже с большой долей вероятности пользовался, как, например, письмо полковника Флитвуда или Декларация 1633 г., утреннего тумана не упоминают. Таким образом, по словам автора, лишь около 8 часов утра, когда туман начал рассеиваться, Густав Адольф обратился с речью к своим войскам по-шведски и по-немецки, вознес молитву и около 9 утра начал наступление [5, р. 133].

Уоттс так описывает боевой порядок шведов: король разделил свои войска на две линии, каждая из которых состояла из центра и двух крыльев. Каждое крыло состояло из шести кавалерийских полков и пяти мушкетерских групп между ними; центр каждой линии состоял из четырех пехотных бригад, в первой — элитные, в том числе гвардия, во второй — линейные. Позади центра первой линии располагался резерв пехоты, позади центра второй — резерв кавалерии. Правым крылом командовал сам Густав II Адольф; левым крылом командовал князь Бернгард Саксен-Веймарский; центр первой линии вел граф Нильс Браге, центр второй — Додо цу Книпгаузен. Общую численность войск шведского короля автор оценивает в 17–18 тыс. человек [5, р. 128–129]. Вся имперская армия, согласно Уоттсу, была выстроена вдоль широкой дороги, соединявшей Лютцен и Лейпциг; вдоль дороги шла канава, углубленная до человеческого роста имперскими саперами, в которой Валленштейн расположил мушкетеров. На небольшом подъеме за дорогой он расставил пушки, а уже за пушками — главные силы. Правое крыло имперской кавалерии, прикрытое укрепленной батареей из 9 орудий на мельничном холме, вел граф Рудольфо Коллоредо; центр вел сам Валленштейн, находясь во главе большого кавалерийского полка Пикколомини; левым крылом, прикрытым малой батареей, командовал полковник Гендрик Гольк, заместивший на этом месте отсутствующего Паппенгейма [5, р. 129–130]. Общую численность имперских войск Уоттс оценивает в 20 000 человек на момент начала сражения, т. е. без учета корпуса Паппенгейма (еще 10–12 тыс. человек) [5, р. 133]. Если шведские порядки описаны Уоттсом достаточно

точно, то в описании имперских он допустил ряд существенных ошибок, в первую очередь перепутав местами Валленштейна и Коллоредо. Тот факт, что правое крыло имперской армии вел сам герцог Фридрихский, а граф Коллоредо командовал центром, косвенно подтверждается материалами суда в Праге и не вызывает сомнений у большинства исследователей [3, р. 234; 6, S. 143]. Более того, исходя из выводов Шургера, полк кирасир Пикколомини занимал позиции на левом фланге имперской армии, следовательно, Валленштейн не мог находиться во главе этого полка. Численность орудий большой батареи, разнящуюся в различных текстах от 9 до 17 штук, Уоттс, возможно, взял из письма Флитвуда [3, р. 233]. Отдельно стоит упомянуть и вопрос численности армий. Если численность шведов несколько приуменьшена, но приблизительно согласуется с выводами Шургера о примерно 19 тыс. человек, то численность армии Валленштейна и корпуса Паппенгейма, вероятнее всего, существенно преувеличена. Шургер полагает, что суммарную численность армии Валленштейна можно оценить в 13–14 (не более 15) тыс. человек, плюс примерно 5,5 тыс. человек из корпуса Паппенгейма, из которых лишь кавалерия (около 2,5 тыс.) подошла к середине сражения, а пехота успела только к вечеру [3, р. 59–69]. Подобную точку зрения поддерживает и Уилсон [7, р. 48, 55]. Эта оценка выглядит вполне взвешенной и логичной, учитывая сам ход сражения, потому что даже на первый взгляд выводы Уоттса вызывают ряд вопросов. Если бы расстановка сил была такой, решение короля немедленно атаковать имперскую армию, даже без Паппенгейма превосходившую его численно и успешную (как он уверяет) занять оборонительные позиции и окопаться, выглядело бы весьма безрассудным и имеющим мало шансов на успех. Как минимум это должно было бы наложить отпечаток на его тактику, если вообще не заставить его отказаться от атаки как от слишком рискованной.

Уоттс условно делит все сражение на 5 атак шведов на имперские позиции, между которыми вписаны отдельные эпизоды. Ниже отметим основные особенности видения Уоттсом хода и итогов битвы. Во-первых, для Уоттса битва при Лютцене — это однозначная славная, пусть и очень тяжелая, победа шведов, и это подчеркивается во всем, начиная с заголовка. Во-вторых, битва выглядит для него непрерывным напором шведов на хорошо укрепленные позиции имперцев, пусть условно и разделена на атаки. В-третьих, для героизации усилий шведского короля и шведской армии неоднократно подчеркивается преимущество Валленштейна как в численности, так и в подготовленности к бою (выигрышная оборонительная позиция, большое количество артиллерии, глубокие

траншеи и т.д.). Рискнем предположить, что Уоттс осознанно принял содержащиеся в ряде источников данные о траншеях и окопах на веру, так как они прекрасно вписывались в его концепцию; кроме того, свои выводы о том, что работ по окапыванию проведено не было, Шургрер, в отличие от Уоттса, во многом основывал на данных археологии. В-четвертых, авторский фокус смещен на действия на правом шведском и, соответственно, левом имперском фланге, где действовали Густав Адольф и Паппенгейм. Вообще описание сражения во многом построено вокруг действий конкретных личностей, между которыми автор постепенно переключается по мере выбытия их из строя. Только после гибели Густава Адольфа и ранения Нильса Браге Уоттс упоминает шведский левый фланг, куда переходит основное действие, и князя Саксен-Веймарского, становящегося с этого времени основным актором. В-пятых, подробнейшим образом и в мельчайших деталях описана гибель шведского короля, причем отмечена существовавшая уже в 1633 г. запутанность информации о ней; так, автор без уверенности приводит две схожие истории, в которых фигурируют два различных имени — некий Трухзес и молодой паж Лейбельфинг, почти в одной и той же роли — как очевидцы того, как умирающий Густав Адольф назвал себя имперцам и был добит. Описан этот случай якобы был со слов самих Трухзеса или же Лейбельфинга, вынесенных ранеными с поля боя; более того, автор указывает, что о последних словах Густава Адольфа упоминали также и имперцы [5, р. 138–140]. Сам Уоттс склонен верить этой истории, не вдаваясь в подробности того, кто же именно ее рассказал, однако высказывает ее скорее в формате гипотезы, нежели факта. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с очередным примером мифа, который не можем ни доказать, ни опровергнуть. Попытку историографической дешифровки отрывка, описывающего гибель шведского короля, предпринял Густав Дройзен. Согласно его выводам, упомянутый эпизод представляет собой творчески переосмысленную компиляцию отрывка письма из Берлина от 14 ноября 1632 г. и Второй реляции из Гриммы от 18 ноября 1632 г. (даты по старому стилю); тем не менее некоторые подробности в свой рассказ Уоттс или добавил от себя, или взял из каких-то других источников [1, S. 221–223]. В-шестых, Уоттс указывает очень позднее время подхода корпуса Паппенгейма и смерти самого графа — после гибели Густава Адольфа и второй шведской атаки, около двух часов дня [5, р. 143]. В то же время приведенная им Испанская реляция свидетельствует, что Паппенгейм прибыл в самом начале сражения и погиб раньше, чем Густав Адольф; вполне вероятно, что эти данные также были почерп-

нута Уоттсом из письма Флитвуда [3, р. 293]. В-седьмых, заслуживает упоминания видение автором завершения битвы. По его уверению, имперцы оставили поле около 5 часов вечера [5, р. 150]. Эта оценка времени окончания битвы, как отмечает Шургер, является общей для подавляющего большинства свидетельств очевидцев и вторичных источников и связана как с обескровленностью обеих армий, так и с наступлением темноты [3, р. 346–348]. Интересно то, что Уоттс описывает окончание сражения как постоянный и героический напор шведов, буквально добивающих имперские войска, обороняющиеся из последних сил, а отступление имперцев — как бегство в полном беспорядке и панике; тем не менее, согласно свидетельствам многих очевидцев, Валленштейн отступил организованно [5, р. 155–158; 3, р. 346–348]. Отдельно стоит сказать о потерях. Уоттс оценивает потери шведской армии в 2–3 тыс. человек убитыми, а имперской — в 3530 убитыми, ссылаясь на количество похороненных на следующий день; количество раненых он считает примерно равным количеству убитых, однако множество разбежавшихся имперских солдат, как он указывает, были перерезаны после окончания битвы озлобленными саксонскими крестьянами [5, р. 153]. Оценка Уоттса примерно совпадает с оценкой Шургера, основанной на анализе значительного количества писем и реляций, если принять его верхнюю планку шведских потерь в 3000 убитых [3, р. 353–357].

Завершая свое повествование о битве при Лютцене, Уоттс в целях большей убедительности привел полный текст одного документа, который использовал при работе, в переводе на английский язык [5, р. 160–164]. Речь идет об уже упоминавшейся Испанской реляции. Оригинальный текст этого документа до нас, по-видимому, не дошел, равно как неизвестны другие случаи использования данного документа в каких-либо сочинениях. Сам этот документ, по указанию Уоттса, был дважды издан в Лиссабоне, а перевод был осуществлен непосредственно с документа, изданного там Антонио Альваресом 16 февраля 1633 г. Имя автора документа не раскрывается; Уоттс лишь упомянул о том, что он был офицером в армии Валленштейна. Этот тезис вызывает некоторые сомнения в силу того, что, согласно результатам источниковедческого анализа, проведенного в разное время Германом Димаром и Андре Шургером, Реляция, вероятнее всего, являет собой компиляцию нескольких других документов с главной опорой на свидетельство Диодати и некоторыми дополнениями и изменениями [8, S. 90–94; 3, р. 48]. Тем не менее нельзя не отметить сам факт того, что благодаря Уоттсу до нас дошел еще один

документ, который был бы утерян, если бы не его желание создать у читателя прочное ощущение обоснованности.

Таким образом, мы подошли к тому моменту, когда должны поставить перед собой главный вопрос: какова историографическая ценность «Шведского Обозревателя»? Может ли он быть полезен при реконструкции хода битвы при Лютцене? Пожалуй, лучший ответ на него дал Андре Шургер: «Достоверность Уоттса четко ограничена событиями, упоминаемыми очевидцами» [3, р. 48]. То есть ценность работы Уоттса в данном аспекте сводится к отдельным эпизодам, описанным в соответствии с данными того или иного очевидца, и это видно также и по результатам нашей работы. Уильям Уоттс создал не жизнеописание полководца и политика, но красочную и героическую историю деяний и подвигов современного ему «Цезаря и Александра», живой легенды, защитника протестантской веры и германских свобод. Искажение численностей, ложная информация о рытье траншей имперцами, некорректные сведения об имперских боевых порядках, паническое бегство имперцев — вот неполный список лишь тех аспектов битвы при Лютцене, которые мы с высокой долей уверенности можем назвать ошибками Уоттса. Однако ошибки ли это? С точки зрения исторической достоверности — разумеется, однако эта цель, по нашему глубокому убеждению, не была для автора первоочередной, как бы он ни уверял читателя в обратном. Его Лютцен — не тактическое противостояние двух выдающихся военачальников, а грандиозная, трагическая и победоносная кульминация биографии шведского короля. Искажения, допущенные им, сделаны, по всей видимости, осознанно и с опорой на те или иные источники с целью подчеркнуть героизм шведов и сделать этот финал еще более зрелищным и захватывающим для читателя. Уоттс не писал историю сражения — Уоттс писал миф о герое и в осуществлении этой задачи, вне всякого сомнения, преуспел. Завершить рассмотрение данного произведения мы бы хотели чрезвычайно емкой и точной цитатой из неоднократно упоминавшегося в процессе труда Густава Дройзена «Битва при Лютцене»: «Мы можем с уверенностью сказать, что среди приблизительно современных работ о войне Густава Адольфа в Германии „Шведский Обозреватель“ является лучшей. За исключением того, что по этой причине он и не должен быть лучшим, или даже хорошим источником о том времени» [1, S. 216].

Список источников и литературы

1. *Droysen J. G. Die Schlacht bei Lützen 1632.* Osnabrück: Dieterich, 1865. 66 S. [Forschungen zur Deutschen Geschichte. Vol. 5] [Электронный ресурс]. URL:

- https://books.google.ru/books/about/Die_Schlacht_bei_L%C3%BCtzen_1632.html?id=nSAyl7DGocMC&redir_esc=y (дата обращения: 14.10.2023).
2. *Droysen J. G.* Gustav Adolf. Leipzig: Verlag von Veit und Comp, 1869. 666 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/gustafadolf02droy/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 14.10.2023).
 3. *Schürger A.* The archaeology of the Battle of Lützen: an examination of 17th century military material culture. PhD thesis. University of Glasgow, 2015. 387 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://theses.gla.ac.uk/6508/> (дата обращения: 14.10.2023).
 4. *Boys J. E. E.* London's News Press and the Thirty Years War. Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd, 2011. 336 p.
 5. *Watts W.* The Swedish Intelligencer. Wherein, out of the truest and choicest informations, are the famous actions of that warlike Prince. The third part. London: N. Butter and N. Bourne, 1633 [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/The_Swedish_intelligencer/ZWISAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 14.10.2023).
 6. *Seidler J.* Untersuchungen über die Schlacht bei Lützen. Memmingen: Memminger Zeitung Verlagsdruckerei, 1954. 148 S.
 7. *Wilson P. H.* Lützen. Oxford: Oxford University press, 2018. 248 p.
 8. *Diemar H.* Untersuchungen über die Schlacht bei Lützen. Marburg: L. Döll, 1890. 95 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/untersuchungenb00diemgoog/page/n58/mode/2up?q=Swedish+Intelligencer> (дата обращения: 14.10.2023).

УДК 94(430)

Гафуров С. О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, студент магистратуры
E-mail: maiasters@mail.ru

На службе династий: политические обстоятельства переиздания «Анналов Фердинанда» Ф. К. Кевенхюллера

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению политических функций переиздания многотомного исторического сочинения Франца Кристофа Кевенхюллера (1588–1650) «Анналы Фердинанда» в 20-е гг. XVIII в. Автор раскрывает некоторые обстоятельства создания второго издания «Анналов» и анализирует политическую конъюнктуру, сложившуюся к моменту публикации труда при австрийском и саксонском дворах.

Ключевые слова: Фердинанд II Габсбург, Карл VI Габсбург, Август II Сильный, Австрийский дом, Священная Римская империя

Gafurov S. O.

Kazan Federal University
Institute of International Relations
Master's program, Student
E-mail: maiasters@mail.ru

At the service of the dynasty: the political context of the republishing of F. C. Kevenhüller's "Annals of Ferdinand"

Abstract. This article is devoted to the consideration the political functions of the republishing of the multi-volume historical work by Franz Christoph Kevenhüller (1588–1650) "Annals of Ferdinand" in the third decade of the XVIII century. The author reveals some of the circumstances behind the creation of the second edition of the "Annals" and analyzes the political conjuncture that had formed by the time of publication of the work at the Austrian and Saxon courts.

Keywords: Ferdinand II Habsburg, Charles VI Habsburg, Augustus II the Strong, House of Austria, Holy Roman Empire

В XVI в. большинство представителей европейских правящих домов обратили внимание на историографию как способ преумножить славу династии [1, С. 68]. По мнению Ш. Бенца, классические задачи истори-

ка к этому времени уже сложились: исследование прошлого, его встраивание в мировую историю, формирование памяти о прошлом, описание проходящего настоящего, использование все еще преимущественно литературного языка [2, S. 70]. Вместе с этим теряла свою значимость генеалогическая традиция историописания. Как правило, в историографии эпохи барокко личность монарха представлялась центром исторического повествования, затмевая всех прочих. Правитель и его имя являлись олицетворением своего времени и исторических событий, которые встроены в биографию монарха [1, S. 69]. Репрезентативным примером такого исторического сочинения являются «Анналы Фердинанда» Франца Кристофа Кевенхюллера (1588–1650) — важное свидетельство по истории дома Габсбургов первой половины XVII в. «Анналы» представляют собой нарратив, составленный из огромного количества источников чаще всего дипломатического характера, однако имеющий явную тенденциозность в сторону прославления политической деятельности Фердинанда II. Труд Кевенхюллера имел два издания: первое вышло в 1641–1646, второе — в 1721–1726 гг.

Специфика работы с таким источником во многом исходит из того обстоятельства, что придворная историография не была институтом с прямым управлением короны [2, S. 70]. В этой связи исследовательница историографии австрийского барокко А. Корет выделяла особо важные аспекты, на которые должен обращать внимание историк при работе с такими источниками: официальный смысл заказа на историческое сочинение, доступ автора к архивным источникам, позиция автора и его отношения с людьми, о которых он говорит [1, S. 69]. «Анналы Фердинанда» и личность автора стали изучаться немецкими историками вскоре после выхода второго издания. Так, в 1777 г. в журнале «Немецкий музей», который создавался для ознакомления немцев со своим «национальным делом», была опубликована статья Й. Ф. Рунде «О современном состоянии Анналов Кевенхюллера». Рунде впервые попытался сделать критический обзор «Анналов», указав на хронологические и географические неточности, а также на важность сравнения содержания изданий [3, S. 403–417]. Позднее историк опубликовал серию работ под названием «Фердинандова летопись», где попытался «исправить» «Анналы» Кевенхюллера, чтобы их можно было использовать в качестве «надежного источника» по истории XVI–XVII вв. [4]. Во второй половине XIX в. немецкие историки внимательно изучили биографию Кевенхюллера [5, S. 331–396; 6, S. 47–51]. На сегодняшний день основные этапы жизни автора хорошо известны. Франц Кристоф Кевенхюллер родился в Ланд-

скроне в Каринтии в семье видного представителя протестантских сословий графа Бартоломеуса Кевенхюллера и графини Бланки Людмилы фон Турн. Провел свою юность в Филлахе и Граце при дворе эрцгерцога Фердинанда (в будущем императора Фердинанда II). Как и многие аристократы, учился в Падуе и перешел в католицизм в 1612–1614 гг., став верным сторонником династии Габсбургов [6, S. 48]. По примеру отца и деда Франц Кристоф подробно записывал свои наблюдения о событиях, происходящих в мире [6, S. 48–49]. Он занимал должность императорского посла в Мадриде с 1617 по 1631 г., проработав также 6-томный отчет своего предшественника на этом посту — Иоганна фон Кевенхюллер цу Франкенбурга, который приходился дядей Францу Кристофу [1, S. 70]. Основываясь на дневниковых записях и личном участии в политических переговорах, с 1617 г. он стал работать над историческими текстами [7, S. 8]. Главное его сочинение — «Анналы Фердинанда» — было завершено в 1636 г. [7, S. 10]. В первой половине XX в. усилиями таких историков, как К. Эдер и К. Пибалл, были исследованы источниковедческие аспекты создания «Анналов» [7, S. 1–22]. Эти историки внимательно изучили источниковую базу Кевенхюллера, его доступ к архивам, фактологический материал, который приводил автор. Другие исследователи попытались проанализировать политико-религиозную перспективу Кевенхюллера. Так, А. Корет противопоставляла труду Кевенхюллера работу духовника императора Вильгельма Германа Ламормена «Добродетели императора Фердинанда II» как более популярное сочинение, отобразившее образ императора в благочестивом, образцово-христианском виде, в то время как «Анналы» представляют собой прагматическую историю Европы с Фердинандом в центре [1, S. 70]. Й. Францль охарактеризовал содержание сочинения Кевенхюллера так: «протестанты в основном предстают жуликами и злодеями, а „Император Фердинанд“, как он [Кевенхюллер] называл его еще в молодости, всегда поступает правильно» [6, S. 49]. Вместе с тем очевидно, что данный аспект необходимо изучать и дальше. В последние 2–3 десятилетия новые работы на тему «Анналов» появляются крайне редко. В новейших работах, посвященных источнику, историки стараются находить новые аспекты для изучения. Можно выделить здесь статью австрийского историка искусства Ф. Поллеросса, который рассматривал обстоятельства создания гравюр оригинального издания [8, p. 39–46].

Внимание ученых преимущественно было сосредоточено на первом издании. Поэтому многие аспекты создания публикации XVIII в. до настоящего времени не освещались историками. Тем не менее дан-

ная версия текста обладает большим исследовательским потенциалом, а также, очевидно, имела другое политическое предназначение. Сами издатели «Анналов» подчеркивали важность этой публикации, указывая на то, что было напечатано всего 25 экземпляров первого издания. Сочинение было доступно только лишь для немногих ученых. Новое же издание напечатано для широкого круга и, соответственно, имеет более отчетливый политический смысл, распространяясь за пределы академической корпорации [9]. Новым адресатом «Анналов» было обширное сообщество дворян Австрийской монархии и Священной Римской империи. Исходя из этого, цель данной исследовательской работы заключается в том, чтобы выявить политические функции переиздания «Анналов Фердинанда» в 20-е гг. XVIII в.

Издание 1721–1726 гг. было напечатано в Лейпциге главой одного из крупнейших издательских домов Морицем Георгом Вайдманном — младшим [10, р. 188]. Вайдманн был сыном одноименного издателя. В 1713 г. он стал партнером семейного книжного магазина в Лейпциге и в 1717 г. взял на себя весь бизнес [10, р. 188]. Как и Кевенхюллер, Вайдманн занимал значимые государственные должности. Он был назначен Августом II Сильным членом королевского польского и избирательного саксонского суда и акцизного совета города Лейпцига. Значимость фигуры Вайдманна для «Анналов» во многом заключается в том, что он написал вступительные предисловия-обращения к каждому тому, а также редактировал содержание издания.

Прежде всего, политические предпосылки переиздания следует искать в жизни австрийского и саксонского дворов. На момент публикации Австрийский дом во главе с Карлом VI Габсбургом, казалось, достиг вершины своего могущества, что выражалось в благоприятном окончании Войны за испанское наследство 1701–1714 гг., Второй Морейской войны 1714–1718 гг. и Войны четверного союза 1718–1720 гг. Карл, в отличие от более светского брата Иосифа I, воспринимал свою власть в дуализме короны и церкви. Его дворцы были сопоставимы с резиденциями простых аристократов, а самые известные постройки носили религиозный характер. Ч. Инграо писал: «Во время правления Карла духовенство и дворянство праздновали триумф Контрреформации, построив или отремонтировав сотни церквей по всей монархии» [11, р. 123]. Переиздание многотомного исторического сочинения о воюющем во славу католицизма императоре Фердинанде II хорошо укладывалось в эту линию. В своем первом предисловии к томам 1–2 Вайдманн обратился к императору и обозначил важность труда тем, что Фердинанд — «Ве-

ликий император», а описание его жизни ведет к славе Австрийского Дома [9]. Издатель подчеркнул, что «нет в мире книги, в которой яснее рассказана преемственность могучего германского народа через фердинандовскую линию мира, происходящую от Бога и закона, и в которой были бы представлены права сей благословенной преемственности наследства в государствах и землях Его» [9]. С 1720-х гг. политика Карла оказалась сосредоточена на признании Прагматической санкции — основного закона о наследовании наследственных земель Габсбургов [12, с. 248–249]. Инновационность Прагматической санкции Карла заключалась в том, что она требовала принятия ее всеми сословиями монархии [11, р. 129]. Переиздание «Анналов» пришлось на время, когда император представил систему наследования ландтагам наследственных владений и требовал признания нового закона [13, S. 7]. Под вопросом была также преемственность императорской короны. Кроме того, Карл пошел на значительные уступки в отношении большинства европейских держав ради признания санкции [14, р. 62]. В связи с этим Вайдманн в упомянутом предисловии писал о важности публикации «Анналов» ввиду грядущих имперских выборов, чтобы напомнить Европе и поданным Империи о том, что никому кроме правителя Австрии более нельзя доверить имперский трон и скипетр. Вайдманн также указал на то, что произведение посвящено славе австрийских героев и правителей, которые правили «большой частью Европы». «Они — надежда на долгие годы настоящего», — заключил издатель [9]. Процесс признания Прагматической санкции сословиями наследственных земель продолжался до 1724 г. [12, с. 248]. На этот период пришлось публикация 10 томов из 12.

В это время в окружении Карла имел место глубокий конфликт между его немецкими и испано-итальянскими советниками. Последние составляли «испанский совет», который не подчинялся Тайному совету и имел прямой доступ к императору [12, с. 250; 11, р. 130]. Испанская элита в условиях эмиграции старалась сохранить свое положение и в противовес местному дворянству была очень сплоченной [15, S. 193–196]. Наиболее известными среди данной партии были представители семьи Кардона, Монтесано Вильяссор, Рамон Вилана Перлас [15, S. 195–199]. Представители немецкой партии имели трудности при общении с императором. Среди них свое положение сумели сохранить бывшие министры Иосифа I принц Евгений Савойский, Гундакар Штархемберг, Фридрих Карл фон Шёнборн и Филипп Людвиг Зинцендорф. В момент выхода «Анналов» престиж и влияние прославленного полководца принца Евгения, который был в конфликте с испанцами, стремительно падали

[12, с. 250]. Император не поощрял амбициозные проекты Штархемберга, а также позволил испанской фракции сделать его козлом отпущения за финансовые проблемы монархии [11, р. 131]. Напряженность была и в отношениях императора с Шёнборном и Зинцендорфом [12, с. 247]. Кроме того, имперский вице-канцлер Шёнборн возглавлял группу придворной элиты, которая была ориентирована на Германию в противовес Австрии, что разобщило немецкую партию [12, с. 250]. Всем перечисленным представителям старой немецкой элиты Вайдманн посвящает по одному предисловию-обращению «Анналов». Первым в предисловии к томам 5–6 он выделил принца Евгения, объяснив это тем, что труд был составлен «верным служащим победоносного и могущественного Австрийского дома» и призван рассказывать о великой августейшей особе Австрийского дома, поэтому нельзя не упомянуть героя Австрии современной эпохи — принца Евгения [16]. Далее в 9-м томе Вайдманн обратился к оберстгофканцлеру Зинцендорфу, перечислив заслуги последнего перед страной. Издатель также поблагодарил Зинцендорфа за оказанную помощь в публикации нового издания «Анналов» [17]. Десятый том посвящен Шёнборну, заслуги которого издатель видит в отстаивании суверенитета (Hoheit) Германии. В этом предисловии Вайдманн также писал, что, так как «Анналы» являются «величайшим историческим трудом на немецком языке», они должны быть украшены именем Шёнборна [18]. Заслуживающие величайших наград высокие заслуги Штархемберга издатель отметил в предисловии к 12-му тому [19]. Ориентация Вайдманна на немецкую придворную партию не вызывает сомнений. Причем в силу связей издателя с Саксонией акцент делается на национальную германскую направленность труда. Вайдманн как бы пытался сплотить немецкую элиту при императорском дворе своими обращениями.

К королю Польши и саксонскому курфюрсту Фридриху Августу Саксонскому Вайдманн обращается в предисловии к томам 3–4 [9]. В случае с Саксонией сложнее определить функции «Анналов», так как издатели не указывали на них прямо в тексте предисловий. Ключевой процесс, происходивший при дворе Альбертинской линии Веттинов, — переход Фридриха Августа в католичество ради завоевания польской короны в 1697 г., что настроило многих представителей дворянства оппозиционно к власти курфюрста. Это способствовало распространению критических памфлетов в адрес династии, а также повышению интереса к религиозной тематической литературе в Саксонии [10, р. 187]. Вдобавок Август имел право на должность главы Евангелической коллегии (Corpus Evangelicorum). После обращения в католицизм курфюрст уступил эту

должность одному из своих двоюродных братьев из Тюрингии, но таким образом, что его Тайный совет в Дрездене обрабатывал все поступающие дела и рассылал их под избирательной печатью. Так, фактическое управление коллегией оставалось в руках Августа, что вызывало недовольство и противодействие протестантских князей Империи [20, р. 121]. Поэтому политическая конъюнктура способствовала сближению императора и курфюрста-короля. Можно предположить, что издание «Анналов» было выражением благонадежности императору в русле легитимации политики династии, которая вызывала ассоциации с деятельностью прадеда курфюрста-короля Иоганна Георга I, поддерживающего императора до 1631 и после 1635 г. В тексте Кевенхюллера Иоганн Георг представлялся одним из «хороших» протестантов. В комментарии к переписке императора и Иоганна Георга за осень 1618 г. Кевенхюллер так характеризовал курфюрста: «Курфюрст саксонский заботился об общем мире и в то же время насаждал должное повиновение императорскому величеству» [17, S. 182]. Подбор источников Кевенхюллера также создает саксонскому курфюрсту образ благоразумного князя империи, желающего восстановить порядок во благо отечества. В целом заинтересованность саксонской власти в переиздании «Анналов» не вызывает сомнений. В предисловии к томам 7–8 Вайдманн обратился к ближайшему советнику Августа Сильного Якобу Генриху фон Флеммингу, поблагодарив за помощь в создании издания. Издатель также отметил, что находился в расположении Флемминга во время составления второй версии «Анналов» [21]. Флемминг, ученик историка Иоганна Георга Гравиуса, на момент публикации сумел расправиться с большинством своих соперников при дворе и имел безраздельное влияние на курфюрста-короля [20, S. 337]. Вместе с этим он был ближе всех к Августу по своим политическим взглядам [20, S. 333]. Его участие в публикации «Анналов» также говорит о важности переиздания источника для верхов Саксонии.

Также следует обратиться к аспектам, затрагивающим восприятие немцами исторических событий прошлого в первой четверти XVIII в. Параллельно с публикацией «Анналов» в Империи происходил острый конфессиональный кризис 1719–1723 гг. Пфальцский католический курфюрст Карл Филипп, дядя Карла VI, приказал конфисковать тираж Гейдельбергского катехизиса и силой отнял у местных протестантов здание бывшей придворной церкви в Гейдельберге. Протестанты Пфальца подали жалобу в Рейхстаг. Требования протестантских князей о возмещении ущерба вскоре создали полноценный конституционный кризис, выразившийся в полемическом обмене заявлениями и контрутвержде-

ниями, юридическими разъяснениями и декларациями [22, S. 48]. Ведущие протестантские князья — курфюрст Ганновера и король Пруссии — начали репрессии против своих католиков, а также настаивали на лишении права Августа Сильного возглавлять *Corpus Evangelicorum* [22, p. 48–59]. Со стороны императора наиболее активно проявлял себя Шёнборн, который пытался воздействовать на прусского короля Фридриха Вильгельма I при помощи резких императорских рескриптов, что, впрочем, не принесло результатов [12, с. 254]. Вместе с тем Шёнборн был в центре антипротестантской кампании. На него был направлен шквал ответной протестантской враждебности и регулярно подавались жалобы [22, p. 60]. Возрождению конфессиональной политики в Империи способствовали события Славной революции, католические конверсии курфюрстов Пфальца и Саксонии, возросшее в Саксонии влияние Рима, а также войны с Францией, разрушение Пфальца, неразбериха вокруг отмены Нантского эдикта и жестокое преследование гугенотов [22, p. 47; 20, S. 125]. Это обусловило среди протестантов широко распространенное ощущение того, что они находятся в осаде и им угрожает имперско-католическое возрождение [22, p. 47]. Также большим вниманием публицистов было отмечено двухсотлетие Реформации [23, S. 916]. В конфессиональной полемике между католиками и протестантами особую роль играл Вестфальский мир как итог последней религиозной войны. На вестфальские статьи протестанты ссылались почти во всех своих жалобах, сообщая о нарушениях условий договора [24, S. 438–547]. Во многом обращение к договору было обусловлено требованием реституции на 1624 г. (*Normaljahr*). Протестантские князья также утверждали, что за принципом невмешательства во внутренние дела скрывалась одна из величайших причин, приведших к многострадальной Тридцатилетней войне. Именно эта рана была залечена Вестфальским миром [22, p. 53]. 16 ноября 1720 г. император направил письмо в *Corpus Evangelicorum*, где объявил: «Нарушители общественного спокойствия (*perturbatores pacis publicae*), враги Отечества есть те, кто отнимает церкви, церковное имущество, школы, кто с оружием в руках осуществляет насилие на чужой территории. То есть те, кто нарушает Вестфальский мир» [24, S. 576]. Далее он писал: «Тот, кто читал положения Вестфальского мира, никогда не будет отрицать права подданных (*Landsassen und Unterthanen*) пользоваться Вестфальским миром» [24, S. 624]. Одной из главных причин, породивших смуту Тридцатилетней войны, император считал то, что сословия не хотели допустить, чтобы другие сословия империи принимали к себе свободных подданных. И такая «глубокая рана» могла быть залече-

чена лишь Вестфальским миром [24, S. 624]. «Если же отойти от положений и норм 1618–1624 гг., подданные (Landsassen und Unterthanen) будут выведены из состояния определенности в неопределенность и произвол вопреки имперским установлениям» [24, S. 680]. Очевидно, что актуализация исторических событий первой половины XVII в. в рамках конфессионального кризиса 1719–1723 гг. имела существенное значение для переиздания «Анналов». Знание исторических фактов и умение выгодно их изложить были крайне важными навыками в условиях полемической борьбы в империи. Габсбурги нуждались в «правильной» интерпретации событий Тридцатилетней войны. «Анналы» Кевенхюллера для этого прекрасно подходили. Нельзя сказать, что текст источника создан с позиции непримиримой конфессиональной вражды. Как уже было отмечено, для автора были «хорошие» и «плохие» протестанты и католики. Император Фердинанд позиционировался как спаситель Империи от несправедливости и смуты, притом что «с великой святостью и доблестью Его Величество уповало лишь на содействие Бога» [17, S. 807; 18, S. 366–368]. Переиздание «Анналов» манифестировало: будьте лояльны праведному императору вне зависимости от вероисповедания во имя общего блага, иначе будете обречены на кровавую религиозную войну без победителей.

Возвращаясь к тезису о новых политических смыслах «Анналов» издания XVIII в., следует сказать, что они не формировались в рамках единого курса. В создании второго издания в той или иной степени принимали участие разные политические акторы, чьи интересы нередко пересекались. При дворе императора «Анналы» пришлось к возродившемуся духу Контрреформации, должны были напомнить сословиям об историческом единстве наследственных земель Габсбургов, которые пребывали в кровавых распрях в первой четверти XVII в., и поддерживать национальные чувства среди немецкой придворной элиты, оказавшейся в борьбе с «испанским советом». Для Августа Сильного и его окружения роскошное издание символизировало лояльность императору, имперским законам, а также правильность прогабсбургской политической линии, которая сочеталась с польско-саксонским религиозным компромиссом. В Империи «Анналы» зывали к национальному, германскому, фактору, посредством которого Фердинанд II Габсбург представлял фигурой, вокруг которого спланивался немецкий народ. Перед лицом новой религиозной войны в Германии «Анналы Фердинанда» должны были напомнить немцам о страшных последствиях предыдущего конфессионального конфликта и предостеречь их от такой участи, направив на путь единства во главе с императором.

Список источников и литературы

1. *Coreth A.* Österreichische Geschichtschreibung in der Barockzeit (1620–1740). Wien: A. Holzhausens Nfg, 1950. 179 S.
2. Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit. Bd. 1. Wien: Böhlau, 2019. 1308 S.
3. *Runde J. F.* Ueber die gegenwärtige Beschaffenheit der Khevenhillerschen Annalen // Deutsches Museum. Vol. 1. Leipzig: Weygand, 1777. S. 403–417.
4. *Runde J. F., Khevenhüller F. C.* Ferdinandeische Jahrbücher. Bd. 1–2. Leipzig: Weygand, 1778. 547 S.
5. *Stülz J.* Jugend- und Wanderjahre des Grafen Franz Christoph Khevenhillers // Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Vol. 4. Wien: Kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1850. S. 331–396.
6. *Franzl J.* Ferdinand II. Kaiser im Zwiespalt der Zeit. Graz: Verlag Styria, 1978. 384 S.
7. *Peball K.* Zur Quellenlage der „Annales Ferdinandeï“ des Grafen Franz Christoph Khevenhüller Frankenburg // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Vol. 9. Wien: Druck und Verlag Ferdinand Berger, 1956. S. 1–22.
8. *Polleroß F.* The Annales Ferdinandeï of Franz Christoph of Khevenhüller and Elias Wideman // Radovi Instituta za povijest umjetnosti. 2017. Vol. 41. P. 39–46.
9. *Khevenhüller F. C.* Annales Ferdinandeï. Th. 1–4. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1721. 1110 S.
10. *Kevorkian T.* Baroque Piety Religion, Society, and Music in Leipzig, 1650–1750. New York: Ashgate Publishing, 2007. 251 p.
11. *Ingrao C. W.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.
12. *Шундлинг А., Циглер В.* Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
13. *Kartens S.* Von der Akzeptanz zur Proklamation: Die Einführung der Pragmatischen Sanktion in den Österreichischen Niederlanden // Zeitschrift für Historische Forschung, 2013. Vol. 40, no. 1. S. 1–34.
14. *Fichtner P. S.* The Habsburg Monarchy 1490–1848: attributes of empire. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2003. 246 p.
15. Herrschaft und Repräsentation in der Habsburgermonarchie (1700–1740): Die kaiserliche Familie, die habsburgischen Länder und das Reich. Oldenbourg: De Gruyter, 2020. 486 p.
16. *Khevenhüller F. C.* Annales Ferdinandeï. Th. 5–6. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1722. 1540 S.
17. *Khevenhüller F. C.* Annales Ferdinandeï. Th. 9. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1724. 1044 S.
18. *Khevenhüller F. C.* Annales Ferdinandeï. Th. 10. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1724. 912 S.
19. *Khevenhüller F. C.* Annales Ferdinandeï. Th. 12. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1726. 1261 S.

20. *Gurlitt C.* August der Starke: ein Fürstenleben aus der Zeit des deutschen Barock. Bd. 1. Dresden: Sibyllen Verlag, 1924. 415 S.
21. *Khevenhüller F. C.* Annales Ferdinandi. Th. 7–8. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1723. 2494 S.
22. *Milton P.* The Early Eighteenth-Century German Confessional Crisis: The Juridification of Religious Conflict in the Reconfessionalized Politics of the Holy Roman Empire // *Central European History*. 2016. Vol. 49, no. 1. P. 39–68.
23. Das 17. und 18. Jahrhundert und große Themen der Geschichte Preußens. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. 1271 S.
24. *Faber A.* Europäischer Staats-Cantzley. Th. 37. 1721. 776 S.

Историк и источник

УДК 94

Исмагилова Ю. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет,
филологический факультет,
студент магистратуры
E-mail: xkl.till3@gmail.com

Позднеантичные западные консулярии: формирование традиции («Consularia Constantinopolitana», «Fasti Vindobonenses»)

Аннотация. В статье на основе текстологического анализа записей «Константинопольских консулярий» и «Венских фаст» за 379–399 гг. было установлено происхождение списков из общего константинопольского протографа, созданного в 384 г. Уже к 388 г. составление обоих текстов ведется на Западе. Для записей за 391–399 гг. прослеживается зависимость «Константинопольских консулярий» от «Венских фаст».

Ключевые слова: позднеантичные консулярии, *Consularia Constantinopolitana*, *Fasti Vindobonenses*, историописание поздней Античности

Ismagilova Yu. D.

Saint Petersburg State University,
Faculty of Philology, Master's program, Student
E-mail: xkl.till3@gmail.com

Late Antique Western Consularia: Formation of a Tradition ("Consularia Constantinopolitana", "Fasti Vindobonenses")

Abstract. Work based on revealed a textual analysis of the records of the "Consularia Constantinopolitana" and "Fasti Vindobonenses" for 379–399 the origin of the lists was established from a common Constantinople source created in 384. Already by 388, the compilation of both texts was being carried out in the west. For records from 391–399 the dependence of the "Consularia Constantinopolitana" on the "Fasti Vindobonenses" can be traced.

Keywords: late antique consularia, *Consularia Constantinopolitana*, *Fasti Vindobonenses*, historiography of Late Antiquity

Вопрос о природе позднеантичных консулярий дискуссионный. Вместе с ним регулярно поднималась и проблема связи этих документов и каналов обмена информацией между разными частями империи ввиду

множественных параллелей как в самих консульских списках, так и в их погодных сообщениях.

Еще во второй половине XIX в. немецкие исследователи позднеантичных источников выдвинули первые теории о происхождении консульских анналов. Так, Р. Палльманн предположил, что существующие консулярии — это остатки официальных придворных записей, которые он назвал «восточно-римскими имперскими анналами» (*Oströmische Reichsannalen*) [1, S. 213]. Следом Дж. Кауфман в двух своих статьях возразил по поводу официального характера «Константинопольских консулярий» и «Венских фаст» ввиду неполноты содержащейся в них информации, а также наличия своего рода симпатий к некоторым узурпаторам, чего не могло бы содержаться в документе, представляющем официальную позицию власти [2, S. 235–295; 3, S. 471–510]. Схожесть сообщений разных списков он объяснял устоявшимися шаблонами записи и принципами отбора событий для фиксации.

В 1876 г. О. Хольдер-Эггер переформулировал теорию «официальных анналов» [4, S. 238–247]. Он заключил, что их традиция берет начало из некого официального свода, который впервые был опубликован в IV в. и использовался в практических целях государственными учреждениями, торговцами и юристами. О. Хольдер-Эггер сделал вывод из анализа сохранившихся фрагментов, что подобные официальные консулярии были выпущены в нескольких важных городах империи [4, S. 241–242], этим он объяснял схожесть подбора погодных записей при лексическом отличии одинаковых сюжетов в разных списках.

Немногим позже, в 1889 г., О. Зеек представил другой взгляд на природу консулярий [5, S. 601–635]. Вместо того чтобы выдвинуть теорию об их официальном характере, он предположил, что эти тексты были продуктом продажи константинопольских книготорговцев. По его мнению, такие списки основывались на «Хронографе 354 г.» (*Chronographus anni CCCLIII*) [6], в который постоянно вносились актуальные дополнения. Он считал, что, подобно самому «Хронографу 354 г.», консулярии тоже создавались на заказ частных лиц, как, например, был создан список для вдовы Кинегия Ахантии, привезенный вместе с телом ее мужа в Испанию. Подобная запись частного характера о префекте Константинополя Клеархе присутствует и в «Хронике» Иеронима. Данный факт, в свою очередь, говорит нам о том, что списки, составленные для частных лиц, существовали во множестве копий и использовались не только заказчиками.

Теория О. Зеека была поддержана Т. Моммзенем в 1892 г. при публикации первого тома «*Chronica minora*» [7, p. 254] и в дальнейшем лишь

только утвердилась, особенно после обнаружения Папируса В. С. Голенищева [8], а также Берлинского [9] и Мерзбургского фрагментов [10]. Кроме того, исследователи иллюстраций Папируса В. С. Голенищева установили, что тексты изготавливались в специальных мастерских [8, S. 16]. Доступ к таким документам был открыт для всех желающих через приобретение консулярий у книготорговцев. Подобный взгляд на происхождение и распространение позднеантичных консулярий в настоящий момент является преобладающим [11, р. 286–287; 12; 13, с. 99].

Теория о сети книжных мастерских, в рамках которых по всей империи издавались и распространялись консульские списки, решает множество проблем. Например, наличие материала Константинопольских консулярий «*Consularia Constantinopolitana*» (далее — СС) [14] у многих западных позднеантичных историков, в работах которых при этом содержался ряд отличных друг от друга фрагментов и данных. Такие различия и встречающиеся ошибки фактического и орфографического характера, из-за которых в свое время еще Дж. Кауфман решительно отвергал любую мысль о зависимости некоторых консулярий, теперь вполне объяснимы множественным копированием списков.

Для прояснения природы и взаимосвязи позднеантичных консулярий мы остановимся на рассмотрении СС, «Пасхальной хроники» и Венских фаст «*Fasti Vindobonenses*» (далее — FV) [7].

Как уже было сказано, начиная с О. Зеека, относительно происхождения всех трех текстов существует устоявшееся мнение, что они происходят из общего Константинопольского протографа, составленного на основе «Хронографа 354 г.» [15, р. 41–42]. Найденный позднее Берлинский фрагмент также подтверждает единство восточной и западной анналистической традиций на ранней стадии создания списков. Записи IV–III вв., сохранившиеся в Берлинском фрагменте, включают материалы, найденные как в итальянских, так и в константинопольских консуляриях. С записей конца IV в. между содержанием «Пасхальной хроники», FV и СС появляются различия в повествовании.

В отношении СС еще Р. Палльманном было выдвинуто предположение о том, что изменение их фокуса с константинопольских и восточных событий на происходящее в западной части империи говорит о существовании восточной и западной редакций текста [1, S. 224–232]. В дальнейшем эта теория была дополнена, высказывались предположения как о последней записи Константинопольской редакции, так и о способах перемещения списка на Запад. Далее будут рассмотрены два из них, которые находят наибольшую поддержку среди исследователей.

Первое сформулировано Т. Моммзеном при публикации СС в 1-м томе «*Chronica minora*», где до строчки, повествующей о 395 г., текст сопровождается параллельным материалом «Пасхальной хроники» [14]. Теория заключалась в том, что протограф СС оказался на Западе в 395 г. с окончанием походов Феодосия. Одновременно с прибытием двора в Рим после побед императора над узурпаторами Максимом и Евгением были привезены разного рода сочинения [16, S. 17–18]. Обычный обмен дарами, практиковавшийся в аристократической среде, включал и обмен книгами, что гарантировало циркуляцию анналов в придворных кругах западной части империи [15, p. 44].

Второе предположение основывается на мнении О. Зеэка о том, что для вдовы префекта претория Кинегия Ахантии был составлен список СС, который после, вместе с телом Кинегия, отбыл из Константинополя в 388 г. Такой взгляд на попадание СС на Запад позже развил Р. Берджес и, вслед за немецким ученым, обозначил окончание Константинопольской редакции 388 г. [17, p. 36].

Теория Т. Моммзена достаточно аргументирована, однако, находись протограф СС и «Пасхальной хроники» на Востоке до 395 г., оба исходных текста должны были содержать записи о восточных событиях с 389 по 395 г. Однако, если все записи 379–388 гг. СС посвящены исключительно восточной части империи и часто упоминают Константинополь, то после 388 г., напротив, все сообщения СС 388–395 гг. освещают события, связанные с западными походами Феодосия I против узурпаторов. В то же время «Пасхальная хроника», протограф которой оставался на Востоке, никак не содержит такой резкой смены фокуса. Таким образом, мы не можем согласиться с окончанием Константинопольской редакции общего протографа СС и «Пасхальной хроники» в 395 г.

Главной проблемой взгляда О. Зеэка и Р. Берджеса на датировку Константинопольской редакции является запись СС 389 г., сообщающая о въезде Феодосия и его сына Гонория в Рим после победы над узурпатором Максимом. Данная строчка вызывает сложности вследствие того, что схожие сообщения содержатся как в «Пасхальной хронике», так и в СС и FV. Это обстоятельство заставляло некоторых историков искать окончание редакции их Константинопольского протографа не ранее 389 г. Однако все три текста, помимо общего сообщения об императорском посещении Рима, имеют собственные, отличные друг от друга, дополнения. Так, «Пасхальная хроника» содержит информацию о коронации Гонория (Pasch. Chron. 389), СС — о раздачах римскому народу (СС 389), а FV — дату отъезда из Рима (FV 512). Содержательное сходство первой части

записи в отношении 389 г. мы склонны объяснять тем, что посещение императором Рима, будучи значимым событием, вероятно, должно было публично сообщаться в главных городах империи подобно тому, как ежегодно объявлялись жителям разных провинций имена избранных консулов [12, р. 45–49].

Кроме того, мы склонны видеть завершение общего Константинопольского протографа вслед за Р. Берджесом в 384 г., ведь действительно, если сравнить схожие сообщения этих трех текстов до указанного года, то не обнаруживается независимости в передаче сообщений. Сам Р. Берджес доказывал создание редакции 384 г., ознаменовавшей разделение на греческий и латинский варианты консулярий, через существенное пересечение материала с греческими историческими сочинениями, которые, по его мнению, использовали грекоязычные конулярии редакции 384 г., как вспомогательный хронологический источник. Среди таких авторов им назывались Сократ Схоластик, Созомен и Филлосторгий [17, р. 45–47].

Таким образом, в 384 г. происходит разделение протографа на латинскую и греческую традиции составления консулярий. Этот же протограф должен лежать в основе СС и FV. Что касается СС, то нам, вслед за Р. Берджесом, представляется, что уже на основе списка 384 г., который был продолжен до 388 г. в Константинополе, была создана рукопись, увезенная Ахантией в Испанию [17, р. 36]. Но в этом случае возникает противоречивая ситуация, связанная с сообщениями консулярий. Если текст прибыл в Испанию, то как в нем появились сообщения о военных кампаниях Феодосия? Для разрешения этого противоречия Р. Берджес предположил, что, хотя известия о победах Феодосия над Максимом и могли достичь Константинополя еще до отъезда Ахантии, и это позволило бы включить их в текст, но более вероятно, что выполненный на заказ список заканчивался панегириком по умершему мужу вдовы, включавшем рассказ об отправлении его тела из Константинополя [17, р. 45–46]. Так, запись о пребывании Феодосия и Гонория в Риме в 389 г. никак не могла быть включена в список Ахантии, и тем не менее она тоже есть в тексте. В результате Р. Берджес заключил, что необходим поиск другого продолжателя, который добавил материал после записи о Кинегии.

Стоит предположить, что список Ахантии действительно отправился в Испанию, но к этому тексту не было добавлено сообщений о военных кампаниях Феодосия. Дошедший до нас образец СС, вероятно, лишь одна из копий, сделанных с рукописи Ахантии. Точно так же Иероним имел список, выполненный персонально для префекта Константинопо-

ля Клеарха. Наличие множества копий объяснимо, с одной стороны, теорией о распространении списков книготорговцами, а с другой — тем, что как минимум Идаций в своей «Хронике» использовал материал СС вплоть до 395 г., при этом его редакция отлична от той, что мы располагаем в Берлинском манускрипте (Codex Verolinensis Phillipps. n. 1829).

Относительно локализации написания продолжения списка Ахантии (СС 388.2, 388.3, 389.1), мы предполагаем, что оно происходило в Риме в силу того, что в записи 389 г. упоминаются проводимые в городе раздачи. Помимо этого, материал FV 384–388 гг. менее подробен, хотя и создавался также в Итальянском регионе, а возможно, даже в самом Риме. Поэтому относительная полнота сведений СС может свидетельствовать в пользу составления продолжения списка Ахантии человеком, осведомленным о событиях военной кампании против Максима лучше некоторых своих современников. Таким образом, мы считаем, что первая редакция СС на западе выполнена в Риме в 389 г. на основе копии списка Ахантии.

Некоторые исследователи не согласились с подобным заключением, основанным на сравнении материала СС с FV за 389–392 гг. Р. Палльманн в свое время полагал, что FV являлись источником для западной редакции СС [1, s. 224–229]. Вслед за этим Дж. Кауфман обращал внимание на то, что прямая зависимость списков невозможна, если сравнить записи конца IV в. «Хроники» Марцеллина комита, СС, FV и «Пасхальной хроники» [2, S. 260]. Он предложил разбить эти тексты на две группы. Тексты первой группы, состоящей из СС и «Пасхальной хроники», не имели сообщения об убийстве Грациана, а также правильно датировали смерть Валентиниана II — 392 г. Тексты второй группы, напротив, сообщали о гибели Грациана, но смерть Валентиниана относили к 391 г. Отметив такую важную связь, исследователь, однако, сделал вывод, с которым мы не можем согласиться. Согласно его заключению, протограф этих текстов был полнее, а сложившиеся группы являлись производными от двух разных вариантов его копий. Свою теорию Дж. Кауфман строил, предполагая, что даже в 391 г. не была окончена редакция общего протографа. Однако это невозможно, ведь Константинопольская редакция СС окончена в 388 г., а их расхождение с «Пасхальной хроникой» и FV произошло еще раньше, в 384 г. Все это заставляет нас искать иное обоснование выявленной Дж. Кауфманом зависимости текстов.

Обе группы (первая, состоящая из СС и «Пасхальной хроники», а вторая — из «Хроники» Марцеллина комита и FV) обнаруживают родство с консульским списком «Хронографа 354 г.», но оснований для установления прямой зависимости от этого источника не дают [4, S. 222–223].

Тексты обеих групп, выделенных Дж. Кауфманом, имеют множественные лексические совпадения в промежутке от 379 до 384 г., из них три почти идентичные записи для 379, 383 и 384 гг. После 384 г. связи между сообщениями не обнаруживается. Мы склонны предполагать, что один из списков Константинопольской редакции 384 г. лежит в основе FV, притом его повествование становится независимым и начинает вестись на Западе раньше появления копии Ахантии 388 г.

Константинопольский общий протограф 384 г., по всей видимости, оканчивался записью о рождении Гонория, чему должно было предшествовать сообщение о провозглашении Аркадия августом под 383 г. Эти сообщения есть как в СС, так в FV, в «Пасхальной хронике» и в александрийской традиции, представленной «Хроникой» Скалигера (Barbarus Scaligeri) и Папирусом В. С. Голенищева. При этом «Пасхальная хроника» и СС молчат о смерти Грациана. По всей видимости, эта запись не входила в константинопольский протограф 384 г. Смерть Грациана — важное событие в жизни западной части империи. Если у западного составителя консульских анналов оказался Константинопольский список 384 г., то он не мог не дополнить его сообщением о недавней гибели императора. В списке FV мы видим, что более ранняя запись о провозглашении Аркадия августом под 383 г. приписана после главы о рождении Гонория в 384 г. Сообщение же о смерти Грациана расположено в том месте, где ранее должна была находиться запись о провозглашении Аркадия августом. По всей видимости, уже западный переписчик объединил последние записи Константинопольского списка 384 г. о рождении Гонория и провозглашении Аркадия августом в одну, перенеся более ранний материал к позднему:

Fasti Vind. 503: *A eo anno natus est Honorius Constantinopoli V idus sept. Et levatus est Arcadius. (В том же году Гонорий родился в Константинополе за 5 дней до сентябрьских Ид. И Аркадий был возвышен.)*

Смерть же Грациана была записана выше, в освободившемся под это сообщение промежутке. Конечно, подобное изменение последовательности материала могло произойти из-за последующих переписчиков, однако мы считаем перемещение сообщения следствием попадания Константинопольского списка 384 г. на Запад, ведь с этого года начинается и расхождение текстов FV, СС и «Пасхальной хроники». Таким образом, с погодной записи за 384 г. FV начинают составляться на Западе.

Однако FV за 379–384 гг. содержат более скудную информацию, нежели СС и «Пасхальная хроника». Это можно объяснить выборкой уже западного редактора, оставившего в тексте консулярий только наиболее важные

для обеих частей империи события: провозглашение Феодосия августом 379 г., провозглашение Аркадия августом 383 г., рождение Гонория 384 г. При этом невозможно отрицать почти дословное сходство сообщений.

Несмотря на все это, мы не можем утверждать, что связь СС и FV прекращается на 384 г., она лишь ненадолго прерывается. Уже к 388 г. редактирование обоих списков ведется на Западе. Для 384–389 гг. СС и FV не пересекаются друг с другом, за исключением главы, где указывается дата смерти Максима, но в данном случае записи отличны по полноте и стилю. Начиная же с сообщения о смерти Валентинина II 391/2 г. и вплоть до 399 г. списки имеют много как содержательных, так и лексических параллелей.

Относительно 390–399 гг. FV содержат более полный материал, практически всегда оснащенный точными датами (FV 516, 517, 520, 521, 522, 525, 528), а в одном случае — информацией о длительности события (FV 514), в то время как в СС за те же годы зафиксирована единственная дата для записи о смерти Валентиниана II (СС 392.1). При этом материал СС за эти годы в содержательном плане не имеет сообщений, отсутствующих в FV, однако сами FV содержат самостоятельные уникальные записи.

Интересным является наличие в обоих текстах записи 398 г. о Гильдо, берберском военачальнике Мавритании, восставшем против Гонория. Она связана с африканскими событиями, и Р. Берджес относил ее появление к т. н. Африканской редакции СС 392/4–410 гг. [17, р. 45–46]. Во-первых, стоит отметить, что среди позднеантичных текстов о смерти Гильдо сообщает достаточно малое количество источников, а именно: «Галльская хроника 452 г.», «Хроника» Марцеллина комита, СС, FV, Ватиканский манускрипт «Хроники» Проспера. При этом сообщения последних трех крайне схожи между собой:

Const. Cons. 398: *Gildo occisus (Гильдо был убит);*

Fasti Vind. Priores. 528: *Gildo occisus est prid. kl. Augustas (Гильдо был убит за день до августовских Календ);*

Prosp. m. V. 1214: *Gildo in Africa occiditur (Гильдо был убит в Африке).*

Изучение Ватиканского кодекса О. Хольдер-Эггером показало, что содержащиеся в этом кодексе дополнения к Просперу заимствованы из FV, или из так называемых им «Равеннских анналов» (*Die Ravennater Annalen*) [4, S. 282–284].

Во-вторых, сообщение о Гильдо не является последним случаем пересечения FV и СС. Погодная запись 399 г., отсутствующая в Венском манускрипте, реконструируется Т. Моммзенем по историческим записям пасхальных таблиц Дионисия Эксигуса: «*Templa idolorum demolita*

et gladiatorum ludi tulti sunt Mallio et Teodoro consulibus». (Храмы идолов были разрушены, а игры гладиаторов поставлены под надзор во время консульства Маллия и Феодора) [7, р. 252]. Схожее сообщение содержат и СС с небольшим разночтением (СС 399.1).

Эти два момента демонстрируют нам связь сообщений СС и FV, прекратившуюся не ранее 399 г. Вопреки часто высказываемому мнению, здесь видна первенствующая роль FV. Таким образом, мы склонны видеть зависимость СС от FV для глав, относящихся к 390-х гг. Однако это, в свою очередь, заставляет нас не согласиться с выдвинутым предположением Р. Берджеса о появлении сообщения о Гильдо именно в Африканской редакции, начало которой теперь следует относить ко времени после 399 г.

Далее нужно отметить, что продолжение редакции СС 389 г. до 399 г., созданное на основе материала FV, не предусматривало пересмотр более раннего материала СС. Иначе бы, например, запись о смерти Грациана 383 г. обнаруживалась в работе Идация или в дошедшем до нас списке СС. Если бы автор редакции СС 399 г. имел полный материал FV до 399 г., то это означало, что он лишь добавил к редакции СС 389 г. сообщения FV 390-х гг. Если же автор редакции СС 399 г. имел лишь материал FV 390–399 гг., то он просто не мог обратиться к более ранним записям, которые мы имеем в FV.

Однако большинство списков СС, которые мы можем проследить, обращаясь к текстам позднеантичных историков, таких как Орозий, Проспер или Идаций, должны были оканчиваться на смерти Феодосия в 395 г. Значит, именно записью о смерти императора и начале правления его наследников Аркадия и Гонория должна оканчиваться редакция СС, которая получила массовое распространение, а тот список, что дошел до нас, скорее является исключением. То, что из редакции СС 399 г. при создании ее копий были отброшены записи 398 и 399 гг., можно объяснить тем, что выбранный редактором 395 г. проводил черту между прошлым империи и началом нового для нее этапа существования. Завершение списка на смерти Феодосия I и воцарении Аркадия и Гонория означало начало новой эпохи под правлением в двух частях империи единой династии, сумевшей остановить узурпации власти на Западе и готов на Востоке, принесшей мир и порядок в государство.

Таким образом, мы наблюдаем разделение константинопольского протографа 384 г. на латинскую и греческую традиции. Латинская копия попадает на Запад, что дает начало составлению FV. В это же время в Кон-

стантинополе ведется продолжение латинской версии до 388 г., которая в качестве копии, выполненной для Ахантии, также попадает на Запад и, будучи уже там дополненной записями о походе Феодосия I в 389 г., производит традицию СС. Немногим после 399 г. этот список СС, оканчивающийся 389 г., был продолжен материалом FV за 390–399 гг. Так, примерно в 399 г. на основе сообщений FV за 390–399 гг. и редакции СС 389 г. появился список, объединивший две традиции. Большинство существующих копий СС оканчиваются, однако, 395 г., именно такие списки мы видим у Проспера, Идация и Марцеллина комита. Выбор 395 г. для конца редакции объясним концептуальной идеей завершения повествования на начале новой эпохи существования империи под властью единой династии Феодосия.

Список источников и литературы

1. *Pallmann R.* Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung bis zum Tode Alarichs. Т. 2. Gotha: Verlag Friedrich Andreas Perthes, 1864. XVI, 519 S.
2. *Kaufmann G.* Die Fasten der spätere Kaiserzeit als ein Mittel zur Kritik der westromischen Chroniken: I. Die Fasten des Idatius. 2. Die Fasten von Ravenna // *Philologus*. No. 34 (2). Göttingen, 1876. S. 235–295.
3. *Kaufmann G.* Die Fasten von Constantinopel und die Fasten von Ravenna // *Philologus*. No. 42 (3). Göttingen, 1884. S. 471–510.
4. *Holder-Egger O.* Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. Hannover: Hahn'sche Buchhandlung, 1876. S. 213–368.
5. *Seeck O.* Idacius und die Chronik von Constantinopel // *Jahrbucher für classische Philologie*. No. 35. Leipzig, 1989. S. 601–615.
6. *Chronographus anni CCCLIII* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Т. IX. *Chronica Minora. Saec. IV–VII* / ed. by T. Mommsen. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. P. 13–197.
7. *Consularia Italica (Fasti Vindobonenses priores, Fasti Vindobonenses posteriors et alii)* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Т. IX. *Chronica Minora. Saec. IV–VII* / ed. by T. Mommsen. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. P. 249–341.
8. *Eine alexandrinische Weltchronik: Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung W. Goleniščev* / Hrsg. von A. Bauer, J. Strzygowski. Wien: Gerold, 1905. 204 S.
9. *Lietzmann H.* Ein Blatt aus einer antiken Weltchronik // *Quantulacumque: Studies presented to Kirsopp Lake by pupils, colleagues and friends* / eds. K. Lake, R. P. Casey, S. Lake, A. K. Lake. London, 1937. P. 339–348.

10. *Bischoff B., Koehler W. R.* Eine illustrierte Ausgabe der spatantiken ravnater Annalen // *Medieval Studies in memory of A. Kingsley Porter* / ed. by W. R. Koehler. Vol. I. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1939. P. 125–138.
11. *Burgess R. W.* “Non duo Antonini sed duo Augusti”: The Consuls of 161 and the Origins and Traditions of the Latin Consular Fasti of the Roman Empire // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* (Universität zu Köln). Bd. 132. 2000. S. 259–290.
12. *Burgess R. W.* *Mosaics of time. The Latin Chronicle Traditions from the First Century BC to the Sixth Century AD. Vol. 1: A historical introduction to the Chronicle Genre from its Origins to the High Middle Ages* / ed. by R. W. Burgess, M. Kulikowski. Brepols: Turnhout, 2013. 444 p.
13. *Скворцов А. М.* Хроника Проспера Аквитанского: проблема редакций и источники // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2021. № 2. С. 94–105.
14. *Consularia Constantinopolitana (cum additamento Hydatii, accedunt consularia chronici Paschalis)* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. IX. Chronica Minora. Saec. IV–VII* / ed. by T. Mommsen. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. P. 197–247.
15. *Muhlberger S.* *The fifth-century chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452*. Leeds: Francis Cairns Publications, 1990. 329 p.
16. *Becker M.* *Consularia Constantinopolitana. Einleitung* // *Kleine und fragmentarische Historiker der Spätantike* / eds. M. Becker, B. Bleckmann, J. Gross, M. A. Nickbakht. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. S. 3–28.
17. *Burgess R. W.* *Hydatius: A Late Roman Chronicler in Post-Roman Spain*: D. Phil. thesis. University of Oxford. Vol. 1. 1988. 306 p.

УДК 94(3)

Ильгова Д. А.

Российский государственный гуманитарный университет,
Институт восточных культур и античности,
студентка магистратуры
E-mail: dailgova@yandex.ru

Визуальный аспект в древнеирландской лорике «Rop tu mo baile»

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу визуального аспекта в древнеирландской лорике «Rop tu mo baile». На примере сравнительного анализа двух средневековых манускриптов, содержащих данное стихотворение, можно сделать вывод о том, что визуальное расположение текста может влиять на возможности его интерпретации.

Ключевые слова: древнеирландская поэзия, лорика, визуальность, манускрипт

Ilgova D. A.

Russian State University for the Humanities,
Institute of Oriental Cultures and Antiquities,
Master's program, Student
E-mail: dailgova@yandex.ru

Visual aspect in Old Irish loric "Rop tu mo baile"

Abstract. This article is devoted to the analysis of the visual aspect in the Old Irish loric "Rop tu mo baile". Using the example of a comparative analysis of two medieval manuscripts containing this poem, it can be concluded that the visual location of the text can affect the possibilities of its interpretation.

Keywords: Old Irish poetry, loric, visuality, manuscript

Древнеирландская литературная традиция всегда была тесно связана с поэтическим выражением мысли лирического героя или автора. В сагах стихотворные строки зачастую представляют собой прямую речь главных героев, например полные чувства и выразительности диалоги Кухулина и Фердиада в саге «Бой Кухулина с Фердиадом».

Помимо поэтических вставок в эпических произведениях, в древнеирландской литературе можно найти достаточно большое количество самостоятельных образцов монастырской или философской лирики. В монастырской лирике одним из распространенных поэтических жанров

является лорика (от лат. *lorica* — доспех для защиты) — «поэтический оградительный текст» [1, с. 51], направленный на защиту верующего от злых сил. Среди наиболее известных стихотворений этого жанра можно назвать лорику «*Fáed Fíada*» (букв. «Крик оленя»), авторство которой иногда приписывается святому Патрику (V в.). В этой лорике молящийся уповает на Божественную силу и покровительство в борьбе против злых чар и ложных учений. Вероятно, именно это стихотворение послужило источником вдохновения [2, р. 128] для автора еще одной известной древнеирландской лорики. Речь идет о стихотворении «*ort u mo baile*» (или «*Rob tú mo bhoile*»), авторство которого иногда приписывают Даллану Форгейлу, жившему предположительно в VI в. [3, р. 362]. Среди возможных авторов называют также неизвестного поэта VIII в. [4, р. 43] или даже более позднего неизвестного автора X–XI вв. [5, р. 42].

Текст стихотворения впервые был опубликован Куно Мейером и Джоном Страханом в журнале «*Ériu*» [6, р. 89–91] в 1905 г. с переводом на английский язык Мэри Бирн¹. Еще одна версия стихотворения была опубликована Джерардом Мерфи в 1956 г. [5, р. 42–44].

О значительной роли визуального аспекта в данном стихотворении можно судить уже по первой строке, когда поэт, обращаясь к Богу, просит:

1. Rob tu mo bhoile...

1. Будь моим видением...

Здесь сразу стоит обратить внимание на то, что *baile* [7] в древнеирландском может означать не просто «видение» (*vision*), но также «исступление, безумие (первоначально возникающее в результате сверхъестественных откровений)» (*frenzy, madness (originally arising out of supernatural revelations)*) или, более того, «вдохновение поэтов» (*inspiration of poets*). Таким образом, уже с первой строки мы можем только догадываться, что автор имел в виду: хотел ли он, чтобы Бог был его зрением, то есть направлял его жизнь в правильное благочестивое русло. Или же он хотел, чтобы Бог видел его, отдельного человека, со всеми его слабостями и печалью, и тем самым проявлял бы заботу о нем, поддерживал его. Либо автор хотел попросить у Бога вдохновения для того, чтобы он сам мог справиться со всеми жизненными трудностями и тяготами под присмотром Бога.

¹ См. полный перевод стихотворения на русский язык в Приложении 1.

Визуальное построение стихотворения в целом опирается на повторяющуюся формулу прошения со стороны автора *rob tu*, которая позволяет выстроить и грамматический, и визуальный параллелизм.

Эмоциональное напряжение в стихотворении нарастает от начала к его завершению, передача этого напряжения достигается с помощью визуальных приемов. Например, с помощью параллельного повторения завершающих фраз в 3-й и 4-й строфах:

3. Rob tu mo labhradh,
rob tu mo tuicsi,
Rob tusa damsá,
rob misi duitsi.

4. Rob tusa m' athair,
rob me do mac-sa.
Rob tusa lemsa,
rob misi latsa.

3. Будь моей мыслью,
Будь словом моим.
Будь ты со мной,
И я буду твоим.

4. Будь мне отцом,
Буду сыном твоим.
Будь ты со мной,
И я буду твоим.

Однако для большего усиления мольбы ближе к завершению стихотворения автор использует уже зеркальное повторение:

12. Do serc am anmiun,
do grad im craidhe
Tabuir dam amlaidh,
a ri secht nime.

13. A ri secht nime,
tabair dam amlaidh
Do gradh im cride,
do serc im anmain.

12. Любовь душе
И сердцу моему дар.
Даруй это мне,
Семи небес Царь.

13. Семи небес Царь,
Даруй это мне.
Сердцу моему дар
И любовь душе.

Стоит также обратить внимание на то, как именно автор усиливает эмоциональное напряжение к финалу стихотворения, используя визуальные приемы. Например, повтор *diabul, débol* (букв. «двойной»), который заключается «в повторении одного и того же слова дважды» [8, с. 43].

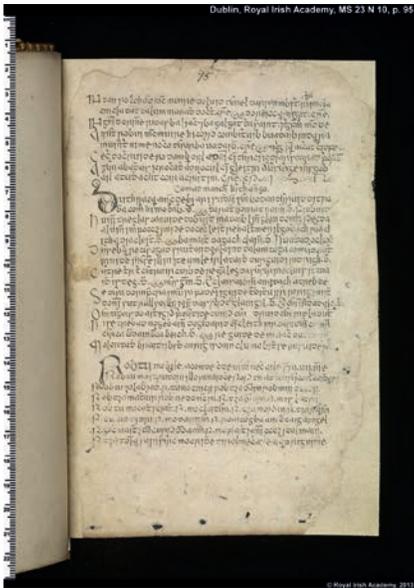
15. Athair inmain,
cluín, cluín mo nuallsa.
Míthig monuarán
lasin truagan truaghsa.

15. Отец мой, *услышать*,
Услышать спешу
Крик горя несчастной
Заблудшей души.

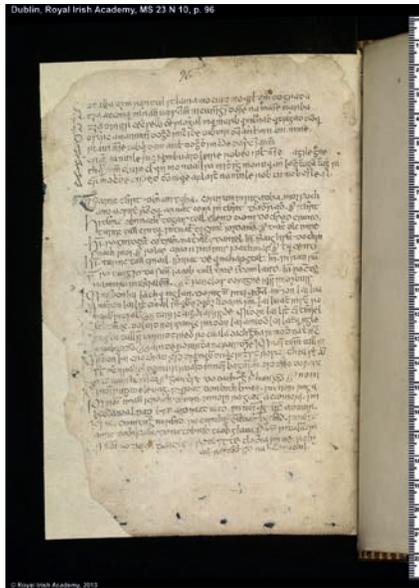
Завершает стихотворение еще один визуальный прием, который широко использовался в древнеирландской поэзии, — *dúnad* (букв. «заключение»), то есть «подхват первой строки поэмы в завершающей ее строке» [9, с. 92].

Однако визуальная структура стихотворения не исчерпывается в полной мере совокупностью одних только стихотворных приемов, которые использовал автор. Еще один глубокий слой визуальности скрывается за пределами печатного текста — в рукописных манускриптах, изучение которых составляло первое впечатление читателя о том или ином тексте, что могло влиять и на его интерпретацию, и на дальнейшее отражение текста в других источниках.

Манускрипт MS 23 N 10 (XVI в.) написан несколькими писцами, но страницы 78–101, среди которых находится и лорика «*Rop tu mo baile*» [10, р. 95–96], написаны Дубтахом, который подписывается своим именем на странице 101, подтверждая, что он заканчивает свою часть писцово-вой работы в Бейле Тибхайрд на Бла Мейдж в компании Шона О’Моильшонера в первый понедельник после праздника Святого Иоанна 1575 г.

Илл. 1. MS 23 N 10, р. 95.
«*Rop tu mo baile*», начало

Илл. 2. MS 23 N 10, р. 96.
«*Rop tu mo baile*», окончание

Открывает стихотворение прописная буква R, которая значительно превосходит размером остальные прописные буквы. Более того, ее форма также имеет необычное строение, так как она как будто «размыкается» в месте соединения и образует собой нечто вроде купола, накрывая начало следующей строки. В этом начертании можно разглядеть попытку визуально выразить защитный механизм последующей лорики, которая призвана защищать автора и быть проводником для Божественной поддержки.

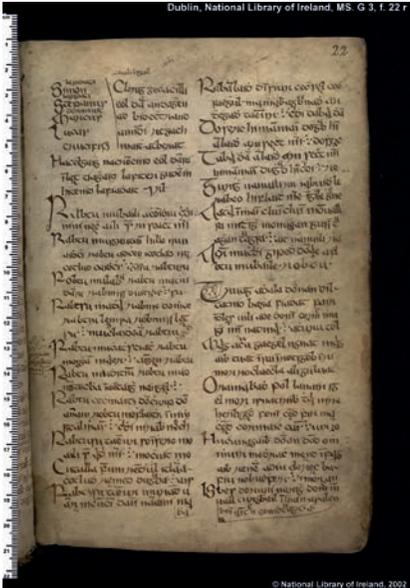
Далее весь текст стихотворения выстроен с учетом очень точного соблюдения параллелизма. Визуально очень хорошо видно, насколько одинаковыми выглядят строки в начале каждой фразы. Такое визуальное построение, в свою очередь, не может не отразиться и на аудиальном восприятии текста.

Рассуждая о влиянии звука на создание поэтического произведения, Т. М. Николаева задается вопросом, «не слышит ли поэт, находясь в особом „предтворческом“ взволнованном состоянии, свои собственные звуки (вроде шума в ушах, гула) как внешние» [11, с. 370]. Если в данном случае рассмотреть *baile* именно в значении некоего откровения, вдохновляющего поэта на создание стихотворения, то можно предположить, что аудиальный аспект (слышание автором определенной стихотворной музыки) играл не последнюю роль при написании этого стихотворения. Это подтверждается также тем, что эта лорика была положена на музыку и может исполняться в виде гимна.

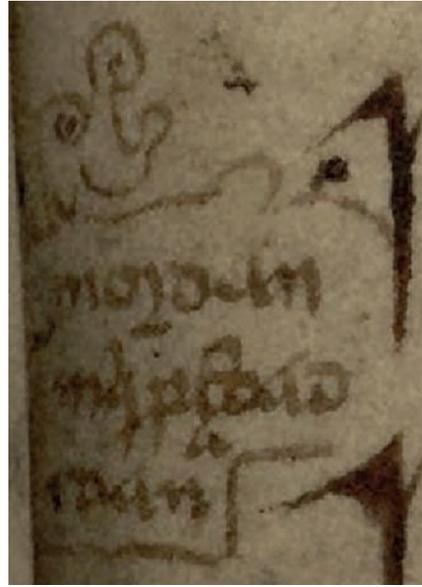
Таким образом, визуальный аспект (параллелизм, четкое расположение строк в манускрипте) соединяется в этом стихотворении с аудиальным аспектом (монотонное прочтение из-за единообразия написанного отсылает читателя к большему молитвенному восприятию).

Совершенно иное визуальное строение стихотворения «*Ror tu mo baile*» [12, f. 22 r] можно наблюдать в еще одном манускрипте MS G 3 (XIV в.).

Визуальная структура текста в данном манускрипте выстраивается по более привычному для современного читателя канону, несмотря на более раннюю датировку этого манускрипта по сравнению с предыдущим. Текст стихотворения записан в две колонки и разделен на смысловые фразы (внешнее подобие двустиший или четверостиший). В этом случае теряется визуальный параллелизм и, соответственно, меняется и аудиальное восприятие текста читателем. Теперь он может восприниматься не как монотонное молитвенное (религиозное) обращение к Богу, но как обычная философская лирика.

Илл. 3. MS G 3, f. 22 r.
«*Rob tu mo baile*»

Илл. 4. MS G 3, f. 22 r.
Маргинальная глосса

Интересно также отметить необычный визуальный элемент, сопровождающий это стихотворение в манускрипте (илл. 4). Это маргинальная глосса, выделенная специальной отметкой после начала 5-й строфы и вписанная в тело собаки. Вероятно, она была добавлена позднее другим писцом. Предположительно глосса содержит наиболее значимые слова из 5-й строфы, пропущенные переписчиком изначально: *mordan*, *moclaideb*, *mairer*: (букв. (будь) «моей честью, моим мечом, моей радостью»). Вероятно, предполагалось, что повторяющаяся фраза *rob tu* известна читателю, поэтому важно было добавить только смысловые слова, чтобы читатель мог завершить чтение 5-й строфы.

Таким образом, визуальная структура стихотворения разворачивается на вербальном уровне (использование визуальных приемов повторения слов или грамматического построения фразы), на материальном уровне (расположение текста в манускрипте, сопровождение текста глоссами, рисунками) и на аудиальном уровне (влияние визуального расположения текста на его аудиальное восприятие и наоборот).

Список источников и литературы

1. *Михайлова Т. А.* Сила Слова в Древней Ирландии. Магия друидов. М.: Альма-Матер, 2022. 288 с.
2. *Moran A.* Irish Music Abroad: Diasporic Sounds in Birmingham. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. 211 p.
3. *Haynes R. A.* The Spiritual Road. Helping Others Grow Spiritually. Maitland: Xulon Press, 2012. 416 p.
4. *Osbeck K. W.* 101 More Hymn Stories. The Inspiring True Stories Behind 101 Favorite Hymns. Grand Rapids, MI: Kregel Publications, 1985. 237 p.
5. *Murphy G.* Early Irish lyrics, eighth to twelfth century. Oxford: Clarendon Press, 1956. 315 p.
6. Rop tu mo baile // Ériu. The Journal of the School of Irish Learning, 1905. Vol. II. P. 89–91.
7. Dictionary of the Irish Language [Электронный ресурс] // URL: <https://dil.ie/5187> (дата обращения: 04.09.2023).
8. *Калыгин В. П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 128 с.
9. *Сухачев Н. Л.* Филиды и барды. Из древней ирландской поэзии, VI–XII вв. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2007. 144 с.
10. MS 23 N 10. XVI c. Royal Irish Academy, Dublin.
11. *Николаева Т. М.* О чем рассказали нам тексты. Структурно-семиотический метод анализа текста. М.: Альма Матер, 2022. 468 с.
12. MS G 3. XIV c. National Library of Ireland, Dublin.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перевод стихотворения «Rop tu mo baile»

1. Rob tu mo bhoile,
a Comdí críde.
Ní ní nech aile,
acht ri secht nime.	1. Будь моим видением,
Владыка сердец,
Никого в моей обители,
Царь семи небес.
2. Rob tu mo scrutain
i llo 'san-aidche.
Rop tu atcheur
im cotlad caidhce.	2. Будь мне молитвой
В ночи и во дне.
Будь моим гостем,
Что я вижу во сне.
3. Rob tu mo labhradh,
rob tu mo tuicsi,
Rob tusa damsá,
rob misi duitsi.	3. Будь моей мыслью,
Будь словом моим.
Будь ты со мной,
И я буду твоим.
4. Rob tusa m' athair,
rob me do mac-sa.
Rob tusa lemsa,
rob misi latsa.	4. Будь мне отцом,
Буду сыном твоим.
Будь ты со мной,
И я буду твоим.
5. Rob tu mo cathsciath,
rob tu mo cloidem.
Rob tusa m' ordan,
rob tusa m' airer.	5. Будь мне щитом
Или будь мне мечом.
Будь моей честью
Или радости днем.
6. Rob tu mo didiu
rob tu mo daingen.
Rob tu romtogba
a n-aontaig angel.	6. Будь мне убежищем,
Будь мне опорой.
И вознеси меня
К ангелам скоро.
7. Rob tu gach maithus
dom curp, dom anmain.
Rob tu mo flaithus
a nim occus i talmáin.	7. Будь милосерден
И к духу, и к телу.
Будь моим царством
На земле и на небе.
8. Rob tusa t' oinar
sainserc mo crídhe.
Ní rob nech aile,
a airdrig nime.	8. Будь же единственной
Сердца любовью.
Царь Неба таинственный,
И не будет иного.

9. Co talla orm
rondul it lama
Mo cuid, mo cuisle
ar med do grada.

10. Rob tusa at' aonar
m' [f]erann uais ammra
Ni cuinngim doine
na maine marba.

11. Rob tusa dinsir
cech selb, cech saoghal;
Mar marb ar mbrenadh
art fegad t' aonar.

12. Do serc am anmiun,
do grad im craidhe
Tabuir dam amlaidh,
a ri secht nime.

13. A ri secht nime,
tabair dam amlaidh
Do gradh im cride,
do serc im anmain.

14. Ac righ na n-uile
ris iar mbuaid leire
Robeo i flaith nime,
a gile grene.

15. Athair inmain,
cluín, cluin mo nuallsa.
Mithig monuarán
lasin truagan truaghsa.

16. A cride mo cridhe,
cipead dommaire,
A flaith na n-uile,
rob tu mo boile.

9. Пока я не лягу
В руки твои,
Мой дар и опора
В твоей лишь любви.

10. Будь моим домом
И честным, и славным.
Я не ищу ни богатства,
Ни славы.

11. Будь же на страже
Каждой души,
Спасая от жажды
Вновь согрешить.

12. Любовь душе
И сердцу моему дар.
Даруй это мне,
Семи небес Царь.

13. Семи небес Царь,
Даруй это мне.
Сердцу моему дар
И любовь душе.

14. С Царем после битвы
Правды со злом
Во свете молитвы
Буду в царстве твоём.

15. Отец мой, услышать,
Услышать спешу
Крик горя несчастной
Заблудшей души.

16. Сердце сердца моего,
Во всех трагедиях,
О повелитель всего,
Будь моим видением.

УДК 94

Романовская Е. В.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
факультет гуманитарных наук,
образовательная программа «История», студент бакалавриата
E-mail: evromanovskaya_1@edu.hse.ru

«*Liber divinatorum operum*» Хильдегарды Бингенской: проблема соавторства

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка выявления вмешательства секретарей Хильдегарды Бингенской в ее сочинение «*Liber divinatorum operum*», а также атрибутирования его оглавления, *Capitula*, путем стилометрического анализа в среде программирования R.

Ключевые слова: Хильдегарда Бингенская, история церкви, женское монашество, средневековая текстология, стилометрия

Romanovskaya E. V.

National Research University
“Higher School of Economics”, Faculty of Humanities,
Bachelor’s program “History”, Student
E-mail: evromanovskaya_1@edu.hse.ru

“Liber divinatorum operum” by Hildegard of Bingen: the Problem of Co-authorship

Abstract. The article attempts to identify the interference of Hildegard of Bingen’s secretaries in her work “*Liber divinatorum operum*” and to attribute its table of contents, *Capitula* by stylometric analysis in the R programming environment.

Keywords: Hildegard of Bingen, History of Church, female monasticism, medieval textology, computer stylometry

Хильдегарда Бингенская (1098–1151) — известнейшая монахиня XII в., автор многочисленных мистических сочинений, трактатов по медицине и естествознанию, а также музыкальных пьес. Она не обладала специальным образованием, а навыки письма и чтения получила в детстве от своей духовной матери Ютты, из-за чего ей приходилось обращаться за помощью к монахам-мужчинам, так как ее письменная речь была простой и несвободной от ошибок. Черновики своих текстов она

писала на восковых табличках, на чистовик же произведения записывались секретарями Хильдегарды под ее диктовку [1, р. 102–103]. В связи с этим возникает вопрос о возможности вмешательства секретарей в текст с целью внесения в него помимо грамматических и орфографических исправлений еще и смысловых изменений, способных повлиять на авторский сигнал. Современная гуманитарная наука располагает возможностью выявлять подобные вторжения с помощью статистического анализа, например стилеметрии. Этот метод путем вычисления расстояния между самыми частотными словами позволяет выявить вмешательство в текст сторонних людей и определить наиболее вероятного автора.

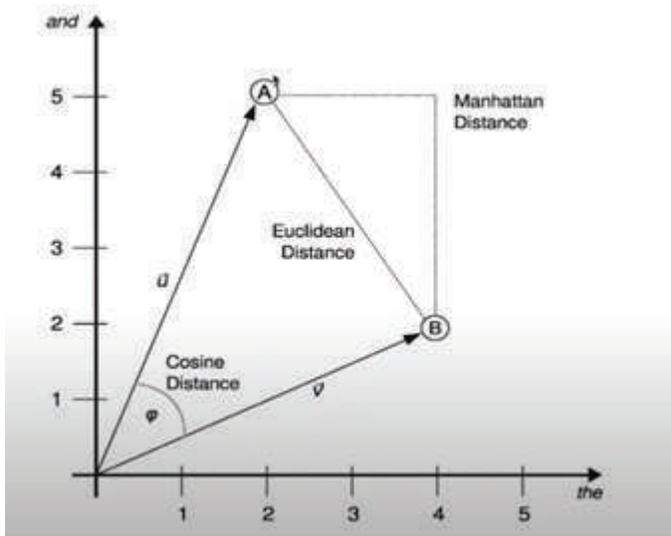
Илл. 1. Хильдегарда записывает свои видения на восковую табличку в присутствии своего секретаря Вольмара. Миниатюра из утраченной рукописи Scivias, Riesencodex, Wiesbaden, Hessische Landesbibliothek, Hs I

Цель данной статьи — с помощью техники стилометрического анализа выявить возможное вмешательство секретарей Хильдегарды Бингенской в ее сочинение *Liber divinatorum operum* (далее — LDO), а также атрибутировать *Capitula*, оглавление LDO, которое, как считается, было написано одним из секретарей монахини после ее смерти [2, p. 69–106]. За основу была взята наиболее ранняя рукопись LDO BHSL.HS.0241 из Рупертсберга, ныне хранящаяся и доступная онлайн в университетской библиотеке Гента [3]. Я работаю с критическим изданием гентской рукописи, вышедшей в серии *Corpus Christianorum* в 1996 г. [4]. Отправной точкой моего исследования является гипотеза Альберта Деролеза [5, p. 22–33], согласно которой запись LDO производилась двумя людьми, которые он называет Hand 1 и Hand 2. Hand 1 выступала в роли редактора основного текста (им вносились правки поверх текста рукописи и были записаны несколько глав) и автора *Capitula*, а Hand 2 выполняла функцию главного писца LDO. Деролез, в свою очередь, опирается на исследование Марианны Шредер и Адельгундеса Фюреркеттера [6], в котором авторы стремятся критически подтвердить подлинность сочинений Хильдегарды.

Новизна моей работы состоит в том, что ранее все попытки внести ясность в вопрос атрибуции LDO ограничивались палеографическими, текстологическими и другими вспомогательными историческими дисциплинами. Метод же компьютерной статистики применяется к данному тексту впервые.

Стилометрией называют метод статистического анализа, позволяющий путем вычисления расстояния между самыми частотными словами определить вмешательство в текст сторонних людей и выявить наиболее вероятных авторов. Ключевая идея, на которой основана стилометрия, заключается в том, что люди обладают бессознательными привычками использования языка, что приводит к стилистическому сходству между текстами, написанными одним и тем же человеком. Так формируется авторский сигнал, который призвана считывать стилометрия. Существует несколько способов распознавать этот сигнал: с помощью оценки словарного запаса, синтаксической сложности, грамматики и т. д., однако самым результативным признан метод оценивания частотности служебных слов. Наиболее популярным пространством для реализации стилометрических экспериментов является язык программирования R и созданная для него библиотека *stylo*. *Stylo* была разработана группой ученых: Мачеем Эдером, Яном Рыбицким и Майком Кестемонтом, что позволило значительно упростить проведение стилометрических экспериментов [7, p. 107–121].

Мной используется технология Дельты, разработанная Джоном Барроузом в конце XX в. Этот метод устанавливает авторство при помощи измерения расстояния между текстами, представленными в виде векторов. Отправной точкой этого метода является подсчет частотности каждой словоформы в корпусе, после чего выбирается определенное количество наиболее частотных лексических единиц (most frequent words, далее — MFW). За основу берется закон Ципфа, согласно которому при распределении слов в тексте по убыванию от самого частотного до самого редкого второе слово будет употребляться примерно в два раза реже, чем первое, третье — в три раза и т. д. После формирования списков наиболее частотных слов каждый текст представляется в виде упорядоченного набора цифр (то есть вектора), описывающих количество упоминаний каждой из словоформ. Затем система вычисляет расстояние между векторами; тексты с наиболее схожим авторским сигналом оказываются рядом. Расстояние можно измерять множеством способов, но наиболее часто исследователи прибегают к Евклидову, Манхэттенскому и косинусному расстоянию. Евклидово измеряет прямое расстояние между векторами (словоформами), а Манхэттенское суммирует абсолютное расстояние между нормализованными частотами каждого слова в текстовых документах (илл. 2) [8, p. 267–287].

Илл. 2

Для визуализации результатов анализа и упрощения их интерпретации используется кластеризация. Полученная на предыдущем этапе матрица расстояний преобразовывается в дендрограмму согласно следующему принципу: чем меньше расстояние между текстами, тем выше вероятность, что они окажутся на одной ветви [9, р. 4–16]. Также, чтобы выявить сторонние вмешательства в определенных участках одного текста, я использовала *Rolling stylometry*, метод, специально разработанный Мачеем Эдером для исследования соавторства [10, р. 457–469].

Прежде чем перейти непосредственно к ходу эксперимента, необходимо поговорить о секретарях Хильдегарды [11, р. 192–203]. Основными источниками, из которых мы можем узнать о сотрудниках святой, является ее корреспонденция и тексты Гвиберта, последнего секретаря Хильдегарды, оставившего после себя большое письменное наследие и завершившего составление ее жития.

Первым и главным ее сотрудником был Вольмар — изначально он являлся духовником монахини и одним из первых обратил внимание на ее видения, поспособствовав тому, чтобы она стала их записывать. Тем не менее, несмотря на важную роль, которую Вольмар играл в жизни Хильдегарды, она не позволяла ему кардинально менять текст своих сочинений в процессе диктовки или переписывания на чистовик — его работа заключалась лишь в исправлении падежей и грамматических форм. Это связано с тем, что Хильдегарда определяла свои видения как прямой голос Бога, поэтому позволить серьезную редакцию означало бы допустить несовершенство Божественного языка. Вольмар помогал монахине при создании трех ее главных сочинений — *Scivias*, *Liber divinorum operum* и *Liber Vitae Meritorium*.

После смерти Вольмара в 1173 г., которую Хильдегарда перенесла очень тяжело, ей понадобились новые помощники, поэтому на смену Вольмару вскоре пришел Людовик из монастыря святого Евхария. Хильдегарда отправила ему на редактирование готовый текст *LDO*, поэтому его правки могли вторгаться поверх редакции Вольмара. Вместе с Людвигом Хильдегарде помогал ее племянник Везелин, вероятно, его помощь не была значительной, тем не менее мы встречаем его упоминание у Гвиберта. За ними последовал Годфрид из Дизибоденберга: в 1174 г. он стал формальным наследником Вольмара и был им вплоть до своей смерти в 1175/6 г. Годфрид положил начало созданию жития Хильдегарды, которое будет завершено уже после ее смерти.

В последние годы жизни главным секретарем Хильдегарды стал Гвиберт из Гемблу. Гвиберт был единственным помощником, которому позволялось вносить серьезные изменения в сочинения монахини, —

это связано с возрастом Хильдегарды, повлекшим за собой проблемы со здоровьем, в том числе и зрением, из-за чего она не могла в одиночку справляться с записью своих сочинений. Например, житие святого Мартина было настолько переработано Гвибертом, что, как доказал Майк Кестемонт, авторский сигнал Хильдегарды оказался перекрыт сигналом секретаря [12, р. 199–224]. Гвиберт работал с Хильдегардой вплоть до ее смерти в 1179 г. и оставался в Рупертсберге некоторое время после для завершения жития святой и упорядочивания ее корреспонденции. Гвиберту принадлежит финальная редакция LDO, когда текст уже был полностью завершен, однако, зная, что он вносил серьезные стилистические исправления в сочинения Хильдегарды, можно предположить, что его правки могли повлиять на авторский сигнал.

На данный момент исследователи сходятся во мнении, что наиболее вероятными редакторами LDO были Вольмар, Людовик, Везелин и Гвиберт. Согласно упомянутой выше теории Альберта Деролеза в гентской рукописи фиксируются две руки — Hand 1 выступала в роли редактора и автора *Capitula*, а Hand 2 выполняла функцию главного писца (при этом Hand 1 также принадлежит запись некоторых глав) [5, р. 32–33].

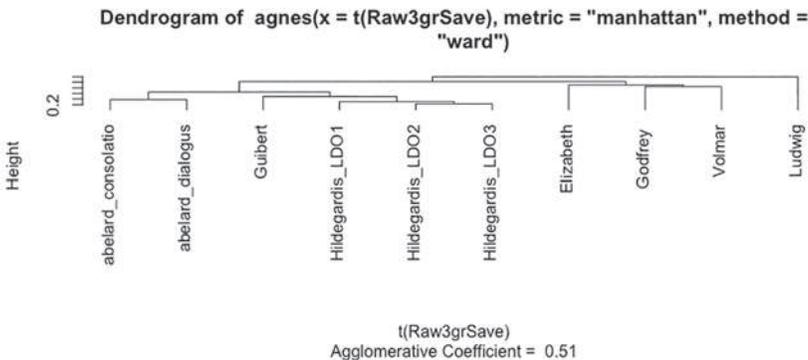
Ход исследования

Первым этапом моего эксперимента был сбор данных, а именно создание корпуса в формате.txt. Для этого я использовала технологию автоматической транскрипции Transkribus. В качестве первоисточника я использовала критическое издание LDO, вышедшее в Corpus Christianorum, а не рукописи, поскольку оно опирается на самый ранний из дошедших до нас список LDO, и поэтому можно предположить, что в нем сохранился авторский сигнал (или их полифония). Кроме того, автоматическая транскрипция печатного текста на сегодняшний момент значительно превосходит распознавание текста рукописного, тем более настолько богатого сокращениями, как рукопись BHSL.HS.0241. Пакет *stylo* допускает до 25% ошибок в корпусе без ущерба точности результатов, однако по мере возможности я все равно исправила некоторые неточности в полученной транскрипции. Итоговый корпус содержал в себе: письма Вольмара, Гвиберта, Людовика и Годфрида из Дизибоденберга к Хильдегарде, ее переписку с Бернардом Клервоским, а также письма Елизаветы из Шонау и два текста Петра Абеляра (последние были выбраны в качестве контрольной группы как современники Хильдегарды, работавшие в сходных жанрах и принадлежавшие к сходной социальной прослойке) [13, 14, 15, 16]. В рамках исследования было проведено три эксперимента:

- 1) сравнение авторского сигнала LDO и *Capitula* с другими произведениями Хильдегарды и ее потенциальных соавторов. Кластерный анализ полученных данных;
- 2) последовательный анализ оглавления LDO методом *Rolling stylometry* с целью выявления фрагментов, испытавших влияние разных авторов;
- 3) аналогичный последовательный анализ LDO при помощи *Rolling stylometry*.

Следующим этапом стала подготовка текстов к анализу. Для проведения первого эксперимента я избавилась от больших букв и знаков препинания, после чего разделила тексты в корпусе на триграммы и составила матрицу частотности их употребления. Деление корпуса на триграммы (или псевдоаффиксы) потребовалось в связи с малым размером части текстов, включенных в корпус [17, р. 35; 18, р. 167–182]. Затем я выделила 80 самых «популярных» и сравнила тексты LDO, разделенной на три части, с текстами Елизаветы, Абельяра, Вольмара, Гвиберта, Людовика и Годфрида Дизибоденбергского. Я применила к полученным данным кластерный анализ и визуализировала их в виде дендрограммы (илл. 3), которую затем проанализировала.

Илл. 3

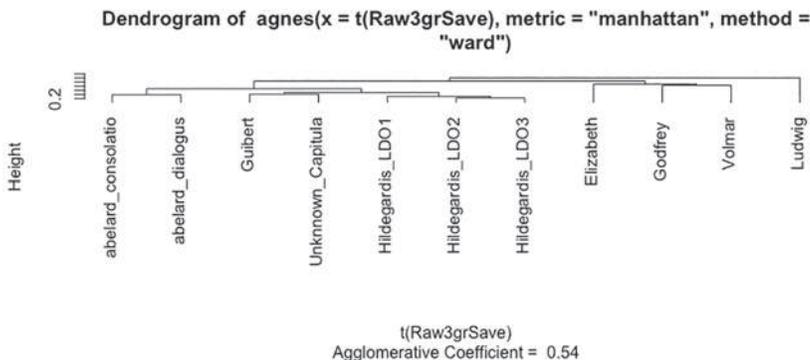

Как и следовало ожидать, все части LDO были помещены на одну «ветку», что является безусловным свидетельством близости их авторского сигнала. Примечательно, что части 2 и 3 оказались сгруппированы в отдельный кластер, совсем ненамного, но все же отстоящий от части 1. Это объясняется гипотезой Деролеза, что первая часть LDO была напи-

сана одним писцом, Hand 2, в то время как почти весь текст остальных частей записывался другим человеком, Hand 1 (он же, как предполагает Деролез, является автором оглавления и многочисленных правок, внесенных в рукопись), хотя и с частичными вторжениями Hand 2.

Ближе всего к LDO расположены тексты Гвиберта. Это позволяет нам допустить незначительные вторжения Гвиберта в LDO (которые тем не менее не нарушают явно авторский сигнал Хильдегарды) и предположить, что он и есть писец, вносивший значительные исправления в рукопись, которого Деролез назвал «Hand 1».

При включении в корпус *Capitula* предваряющей основной текст LDO в качестве самостоятельного произведения (илл. 4) оно кластеризируется вместе с сочинениями Гвиберта, а не Хильдегарды, что доказывает гипотезу Деролеза о том, что этот текст не принадлежит монахине и, вероятно, был создан позже самого сочинения.

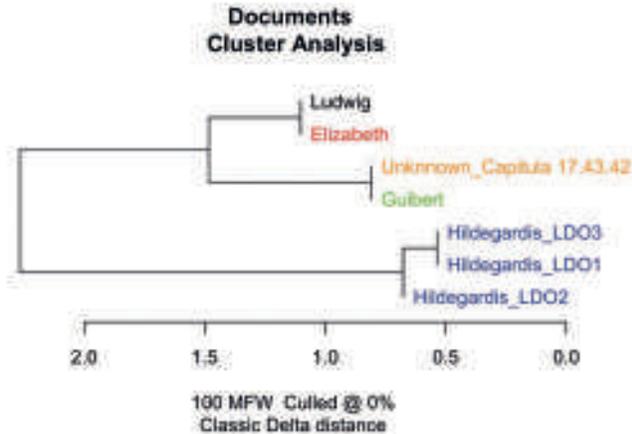

Илл. 4

Как показал наш эксперимент, наиболее вероятным автором является Гвиберт из Гемблу. Это согласуется с тем, что после смерти Хильдегарды он оставался в Рупертсберге и занимался сортировкой ее сочинений и составлением жития — наряду с этим он мог составить оглавление и поместить его в манускрипт LDO. Кроме того, данный результат снова подтверждает теорию Деролеза, согласно которой автор оглавления и коллаборатор «Hand 1» являются одним человеком.

В то же время корреспонденция Годфрида, Людвига и Вольмара расположилась отдельно, причем письма последних оказались на одной ветви. На основании этого можно предположить, что в формировании их авторских сигналов сыграл роль тот факт, что они почти одновременно работали с Хильдегардой и оба могли испытать ее влияние. То, что сочинения Абельяра оказались ближе к Хильдегарде, чем тексты ее секретарей, может быть связано со сходством в цитировании: так как и у Абельяра, и у Хильдегарды я взяла теологические сочинения (в то время как для репрезентации секретарей мной были отобраны письма), они могли цитировать одни и те же тексты, например Священное Писание.

Для проверки результата сократим количество кандидатов среди секретарей и добавим в корпус корреспонденцию Хильдегарды. В этом случае результат еще более показателен — *Capitula* оказывается отделена от LDO текстами Гвиберта, что подтверждает его участие в создании оглавления в большей степени, чем Хильдегарды (илл. 5).

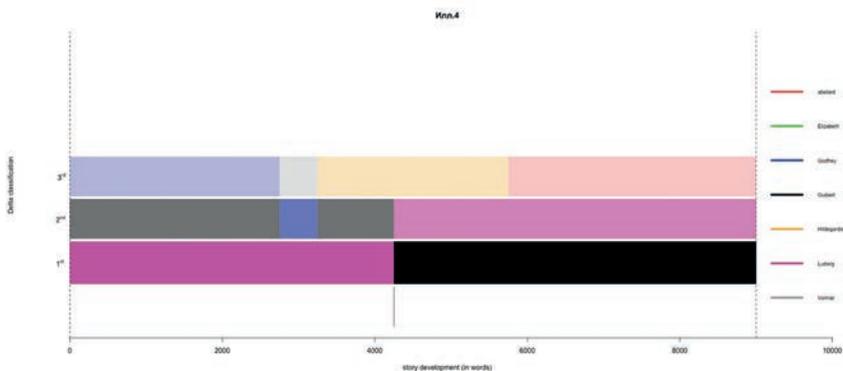

Илл. 5

Для реализации второго и третьего экспериментов я прибегла к методу *Rolling stylometry*. Так как с помощью измерения расстояний между текстами, представленными в виде векторов, и их кластерного анализа я выяснила, что *Capitula* содержит авторский сигнал Гвиберта, я решила проверить, равномерно ли он распределен по тексту, то есть является ли Гвиберт автором всего оглавления или только каких-то его частей.

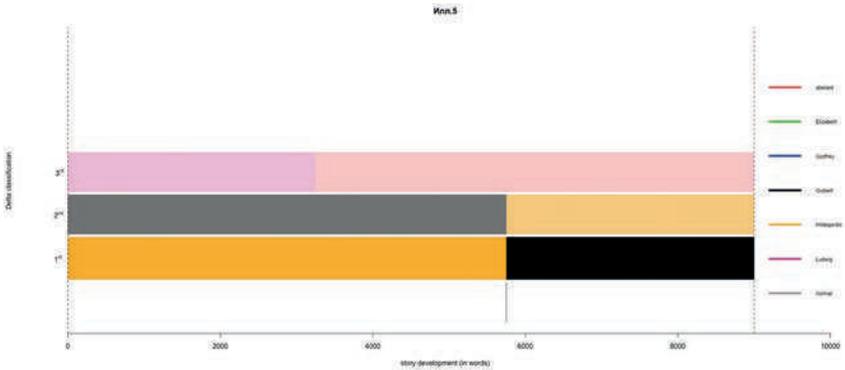
Чтобы провести этот эксперимент, в папке corpus я создала две дополнительные директории — для текста, над которым проводится эксперимент (в данном случае *Capitula*, файл которой получил название «Unknown_capitula»), и для текстов, используемых в качестве образцов (тексты предполагаемых соавторов Хильдегарды и ее собственные, авторство которых не подвергается сомнению). Директории получили названия *test_set* и *reference_set*. В папку *reference_set* я поместила письма Вольмара, Гвиберта, Людовика, Годфрида к Хильдегарде, ее переписку с Бернардом Клервоским, а также письма Елизаветы из Шонау и два текста Петра Абеляра. Тексты Хильдегарды, Гвиберта, Абеляра и Елизаветы из Шонау соответствуют минимальному требуемому размеру: письма Хильдегарды составляют 10 552 слова, Гвиберта — 7 500, Елизаветы — 3 552 слова, сочинения Абеляра — 39 530 слов. К сожалению, письма Вольмара, Людовика и Годфрида слишком малы (478, 196 и 327 слов), из-за чего во время проведения эксперимента я сталкивалась с рядом проблем.

В этот раз вместо использования триграмм я прибегла к токенизации текста, которую предлагает пакет *stylo*, и разделила исследуемые произведения на слова. При применении Дельты к 1000 самым частотным словам и, по умолчанию, *sclice.size* = 4500 и *slice.overlap* = 5000 я получила результат, согласно которому первая половина *Capitula* содержит сигнал Людовика, а вторая — Гвиберта (илл. 6). Тем не менее наличие сигнала Людовика в *Capitula* противоречит результату кластерного анализа, поэтому здесь, вероятно, считалась схожесть жанровых сигналов Гвиберта и Людовика (в корпус были включены их письма к Хильдегарде).

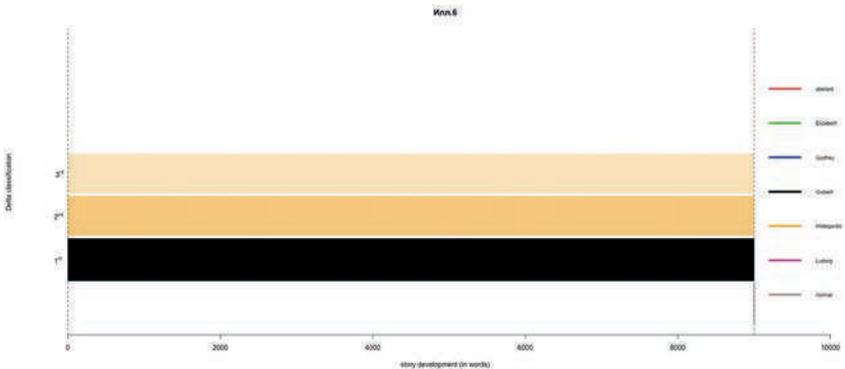
Илл. 6

Однако при снижении количества самых частотных слов до 500 в первой половине текста подавляющим выступил авторский сигнал Хильдегарды, а во второй доминирующим так и оставался Гвиберт (илл. 7).

Илл. 7

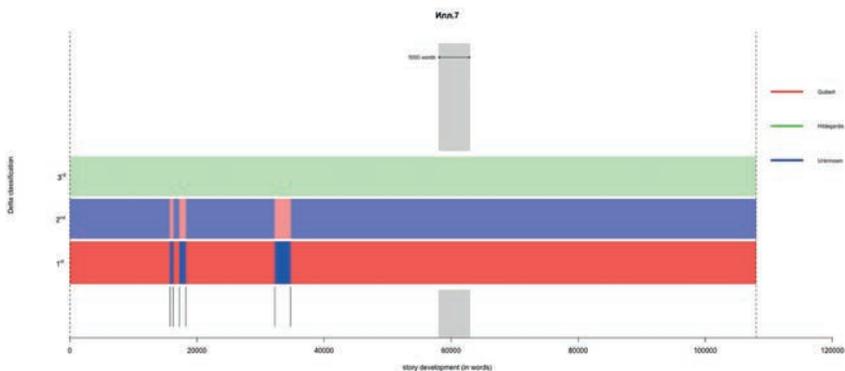
При понижении MFW до 100 авторский сигнал Гвиберта распространился по всему тексту (илл. 8). Здесь важно отметить, что с малой частотностью (50 MFW) работал Мачей Эдер при анализе вмешательства соавторов в Гильома де Лорриса [10, р. 112–114]. Можно предположить, что чем больше частотных слов мы берем, тем больше вероятность, что у авторов обнаружатся пересечения.

Илл. 8

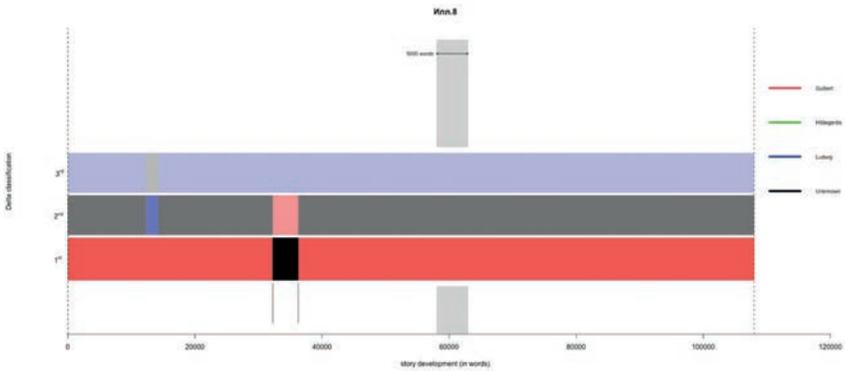
Из этого предварительно можно сделать следующие выводы: вероятно, последние части *Capitula* были полностью составлены Гвибертом, однако ее первая половина может быть результатом цитирования текста LDO и последующей редакции Гвиберта — скорее всего, ему принадлежит полное составление оглавления, однако из-за наличия в нем частичного пересказа LDO в ходе эксперимента появился сигнал Хильдегарды, либо же здесь сказалось влияние Гвиберта на основной текст LDO. Таким образом, с уверенностью можно сказать только о значительном вторжении Гвиберта в *Capitula* и влиянии цитирования на появления влияния Хильдегарды.

После этого я приступила к анализу предполагаемого вмешательства Гвиберта в основной текст LDO. В качестве метода использовалась стандартная Дельта Барроуза. При использовании Дельты с MFW 500 вторжений в LDO не наблюдается, однако мне удалось обнаружить вмешательство Гвиберта в оглавление промежутке 20 000–40 000 слов (илл. 9).

Илл. 9

Это вмешательство совпало с вмешательством авторского сигнала *Capitula*, что подтверждает гипотезу, согласно которой оглавление было написано с участием Гвиберта. Добавив в корпус тексты Людовика, я обнаружила незначительный след его сигнала в *Capitula* на промежутке до 20 000 слов с MFW 500 (илл. 10). При этом вмешательство в основной текст LDO все так же обнаруживается.

Илл. 10

Таким образом, на основании этого эксперимента можно с уверенностью утверждать только о том, что *Capitula* с наибольшей вероятностью была написана Гвибертом. Что касается же основного текста LDO, метод Дельты Барроуза показал близость его авторского сигнала с сигналом Гвиберта, однако при применении *Rolling stylometry* следов вмешательства выявить не удалось. На основании этого можно говорить только о внесении Гвибертом правок в LDO, не нарушающих авторский сигнал Хильдегарды, но сближающих их при кластерном анализе.

Заключение и выводы

В своем исследовании я провела ряд стилометрических экспериментов, в ходе которых я пришла к следующим выводам. Во-первых, мне удалось выяснить, что влияние Гвиберта на сочинения Хильдегарды значительно шире, чем считалось раньше. Майк Кестемонт ранее с помощью стилометрии доказал, что житие святого Мартина подверглось столь сильному влиянию Гвиберта, что его авторский сигнал перекрыл сигнал Хильдегарды [12]. Мне же удалось продемонстрировать, что оглавление LDO фактически было создано Гвибертом с возможным незначительным вмешательством Хильдегарды и Людовика. Кроме того, как показал кластерный анализ, Гвиберт оказал влияние и на сам текст LDO. Стилόμεтрическое исследование позволило мне подтвердить выводы Деролеза, ранее основанные только на палеографическом и кодикологическом ана-

лизе, и расширить их: как я выяснила, гентская рукопись действительно написана двумя руками, причем руку 1 следует атрибутировать Гвиберту; ему же принадлежит авторство оглавления. Также, исходя из полученных мной результатов, подтверждается роль Гвиберта как главного редактора LDO, вносящего правки по всему тексту (но тем не менее не нарушающих авторский сигнал). Таким образом, мне удалось установить вмешательство Гвиберта в LDO, вместе с тем определив его как наиболее вероятного автора *Capitula* и писца, ответственного за редактирование текста и запись ряда глав из второй, третьей и четвертой частей LDO.

К сожалению, оценить влияние других секретарей Хильдегарды оказалось сложнее из-за малого объема ныне известных текстов их авторства, что помешало составить представление об их авторском сигнале и, соответственно, выявить его возможное присутствие в LDO. Тем не менее я постаралась преодолеть эту проблему с помощью разделения текстов корпусе на псевдоаффиксы, благодаря чему точность кластерного анализа была повышена. В будущем эта проблема может быть решена при обнаружении новых текстов возможных соавторов Хильдегарды.

Список источников и литературы

1. *Ferrante J. M.* Scribe quae vadis et audis: Hildegard, Her language and Her secretaries // *The Tongue of the Fathers: Gender and Ideology in Twelfth-Century Latin*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998. P. 102–136.
2. *Campbell N. M.* The Authorship and Function of the Chapter Summaries to Hildegard of Bingen's *Liber diuinorum operum* // *The Journal of Medieval Latin*. Vol. 27. Brepols, 2017. P. 69–106.
3. Gent, Universiteits Bibliotheek, Ms BHSL.HS.0241, fol. 1v-196v // Universiteits Bibliotheek Gent [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.ugent.be/en/catalog/rug01:000821881> (дата обращения: 08.07.2023).
4. *Hildegardis Bingensis*. Liber diuinorum operum / ed. by A. Derolez, P. Dronke. [Corpus Christianorum]. Turnhout: Brepols, 1996. 501 p.
5. *Derolez A.* The Genesis of Hildegard of Bingen's "Liber Diuinorum Operum": the codicological evidence // *Litterae Textuales: Texts and Manuscripts. Essays Presented to G. I. Lieftinck* / ed. by J. P. Gumber. Vol. 2. Amsterdam, 1972. P. 22–33.
6. *Schrader M., Führkötter A.* Die Echtheit des Schrifttums der Heiligen Hildegard Von Bingen. Quellenkritische Untersuchungen. Köln: Böhlau, 1956. 208 S.
7. *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* Stylometry with R: a package for computational text analysis // *The R Journal*. 2016. Vol. 8, no. 1. P. 107–121.
8. *Burrows J.* 'Delta': a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // *Literary and Linguistic Computing*. 2002. Vol. 17, iss. 3. P. 267–287.

9. *Evert S.* Understanding and explaining Delta measures for authorship attribution // *Digital Scholarship in the Humanities*. Vol. 32, iss. suppl. 2. Oxford University Press, 2017. P. 4–16.
10. *Eder M.* Rolling stylometry // *Digital Scholarship in the Humanities*. Vol. 31, iss. 3. Oxford University Press, 2016. P. 457–469.
11. *Herwegen H.* Les collaborateurs de sainte Hildegarde // *Revue bénédictine*. 1904. Vol. 21. P. 192–203.
12. *Kestemont M., Moens S., Deploige J.* Collaborative authorship in the twelfth century: A stylometric study of Hildegard of Bingen and Guibert of Gembloux // *Digital Scholarship in the Humanities*. Vol. 30, iss. 2. Oxford University Press, 2015. P. 199–224.
13. *Hildegardis Bingensis. Epistolarium I–III* / ed. by L. Van Acker, M. Klaes. [Corpus Christianorum]. Turnhout: Brepols, 1991–2001. 1105 p.
14. *Elisabeth Schonaugiensis. Epistulae* // *Die Visionen Der Hl. Elisabeth und die Schriften der Äbte Ekbert und Emecho von Schönau* / ed. by F. W. E. Roth. Brünn, 1884. S. 139–153.
15. *Petrus Abaelardus. Abaelardi ad amicum suum consolatoria epistola*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 56 p.
16. *Petrus Abaelardus. Dialogus inter Philosophum, Iudaeum et Christianum* / ed. by R. Thomas. Stuttgart: Fromman, 1970. 171 p.
17. *Pinche A., Camps J. B., Clérice T.* Stylometry for Noisy Medieval Data: Evaluating Paul Meyer’s Hagiographic Hypothesis [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2012.03845v1.pdf> (дата обращения: 20.08.2023).
18. *Eder M.* Does size matter? Authorship attribution, small samples, big problem // *Digital Scholarship in the Humanities*. Vol. 30, iss. 2. Oxford University Press, 2015. P. 167–182.

УДК 94(44).023

Зубов Д. Д.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: carrok.hecarim@gmail.com

К вопросу об авторстве «Песни об альбигойском крестовом походе»²

Аннотация. В первой половине XIII в. Окситанский регион был потрясен Альбигойским крестовым походом. Противостояние крестоносцам и папскому престолу потребовало не только обширных материальных ресурсов, но и разработки новой идеологии, способной сплотить окситанцев под знаменем тулузского графа. Наиболее полным выражением ее стала «Песнь о крестовом походе против альбигойцев», автор которой остался анонимным. О его идентификации велись редкие дискуссии на протяжении XX в. В данном докладе делается попытка дать альтернативный вариант авторства второй части «Песни...».

Ключевые слова: Окситания, Альбигойский крестовый поход, эпическая хроника

Zubov D. D.

P. G. Demidov Yaroslavl State University
The History Department, Master's Program, Student
E-mail: carrok.hecarim@gmail.com

On the question of the authorship of the "Song of the Albigenian Crusade"

Abstract. In the first half of the XIII century the Occitan region was shaken by the Albigenian Crusade. The confrontation between the Crusaders and the Papal throne required not only extensive material resources, but also the development of a new ideology capable of rallying the Occitans under the banner of the Count of Toulouse. The most complete expression of it was the "Song of the Crusade"

² Исследование выполнено за счет средств Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» ЯрГУ им. П. Г. Демидова, проект № GL-2023–2 «Европа и Русь: политические структуры, социальное развитие, культурное разнообразие в Древности и Средневековье». This study was supported by P. G. Demidov Yaroslavl State University Strategic Academic Leadership Program "Priority-2030", project No. GL-2023–2.

against the Albigenses”, the author of which remained anonymous. There were rare discussions about his identification throughout the XX century. This report attempts to give an alternative version of the authorship of the second part of the “Song...”.

Keywords: Occitania, Albigensian Crusade, epic chronicle

В 1-й половине XIII в., в ходе Альбигойского крестового похода, происходят переломные для окситанского региона события. Большие и малые перипетии этой эпохальной войны не остались незамеченными хронистами, однако лишь одно произведение историографического характера донесло до нас точку зрения самих южан на произошедшее — это «Песнь о крестовом походе против альбигойцев». Состоит она из двух неравновеликих частей. Первую создал в промежутке между 1210 и 1213 гг. клирик Гильом из Туделы (*«la cansos que maestre W. fit»*) [1, р. 1], принадлежавший ко двору Бодуэна Тулузского, который в свое время примкнул к крестоносцам. Автор же второй части, транслирующий антикрестоносную идеологию, по неизвестной причине решил остаться анонимным и продолжил сочинение Гильома, по сути, скрывшись за его именем. Несмотря на то что содержание второй части «Песни...» и интенции Анонима при ее создании вполне понятны для исследователей, идентификация автора (если она вообще возможна) могла бы помочь лучше раскрыть не внутренний, но внешний, социально-исторический, дискурс его произведения.

Впервые дискуссия о возможной личности Анонима была инициирована в начале XX в., спустя около 70 лет после первой публикации «Песни...» [2, р. 267]. Тогда Сезар Фабр предложил кандидатуру трубадура-сатирика из Велэ Пейре Карденалья, однако эта гипотеза была убедительно опровергнута Карлом Восслером, после чего споры по данному поводу затихли еще на 70 лет. В 1972 г. нарбоннский исследователь Поль Ормьер выдвинул крайне перспективное предположение об идентификации Анонима с неким «мэтром Бернардом», персонажем второй части «Песни...», которого ученый определил как нотариуса графа Раймонда V, избранного консулом Тулузы несколько раз в промежутке между 1198 и 1226 гг., Бернара д'Ольм (*Bernardus de Ulmo*). Согласно этой гипотезе, рукопись Гильома Тудельского с первой частью произведения попала в руки Бернару после успешной осады окситанцами замка Ольм, где укрылся Бодуэн Тулузский. Однако аргументы Поля Орьера были оспорены Франческо Замбоном [2, р. 268–269].

На сегодняшний же день наиболее убедительными выглядят две гипотезы. Обе они базируются на сравнении понятия «*Paratge*» (довольно

абстрактного «благородства») — этой основной ценности тулузской партии — в тексте Анонима и у прочих авторов его эпохи. Первая гипотеза, высказанная Шарлем Ростэном, а позже развитая Саверио Гвида, выдвигает в качестве автора провансальского трубадура Ги де Каваллона. Вторую, как мы считаем, наиболее зрелую на сегодняшний день, выдвинул вышеупомянутый Франческо Замбон. По его версии, Анонимом является трубадур Гильом Анелье Старший, происходивший из окрестностей Тулузы [2, р. 271].

Однако все эти предположения, на наш взгляд, излишне ориентируясь на аристократическую идеологию «*Paratge*», упускают принципиально новаторский пласт произведения Анонима — важность города в жизни общества. Как убедительно доказал Жерар Гуиран, народ Тулузы и его граф, по мнению Анонима, должны сосуществовать в «симбиозе» друг с другом [3, р. 172]. Без сеньора тулузцы не способны к управлению, но и сеньор без тулузцев — лишь фальдит, изгнанник. В произведениях же всех вышеперечисленных трубадуров город и горожане практически не появляются, а если и возникают, то их упоминания несут в себе абсолютно иное содержание, нежели у автора второй части «Песни...». Гильом Анелье Старший, Ги де Каваллон, Пейре Карденаль действительно транслируют в своих сирвентах идеологию двора Раймондинов, но никогда — идеологию города, каковой и не могло существовать в куртуазном универсуме трубадуров. Стоит ли в таком случае искать Анонима среди общества окситанских аристократов? Или же он имел абсолютно отличный от вышеперечисленных поэтов социальный статус? Для ответа на эти вопросы стоит еще раз взглянуть в текст поэмы.

Без сомнения, автор ее является коренным тулузцем. Особенно ярко это видно в трогательном эпизоде возвращения графа Раймонда VI в этот город после многих месяцев скитания: «И когда они (окситанцы) увидели город, глаза даже самых мужественных из них наполнились слезами, и каждый в сердцах сказал: „Дева-владычица, верни мне дом, где я родился, ведь лучше жить и быть похороненным здесь, чем скитаться по миру в опасности и позоре!“» («*E cant viro la vila non i a tant arditz / Que de l'aigla del cor non aia olhs complitz. / Cascus ditz el coratge: "Virge emperairitz, / Redetz me lo repaire on ai restat noiritz! / Mas val que lains viva e i sia sebelhitz / No que mais an pel mon perilhatz ni aunitz"*») [1, р. 247]. Кроме того, Аноним прекрасно осведомлен о географии Тулузы. Так, он сообщает точное место захоронения мощей св. Экзюпера («под главным сводом колокольни» церкви Сен-Сернен) [1, р. 377], а также говорит о некоем «мосте Базакль, что был недавно построен» («*lo pont del Bazagle*

qu'es faitz novelamens») [1, p. 383]. Ничего подобного про Бокер или Рим в тексте «Песни...» мы не находим.

Между тем Аноним явно не был простым горожанином. Скорее всего, он или являлся членом тулузского магистрата, или был посвящен в его дела. К примеру, в 134-й лэссе сообщается о секретном совещании членов капитула с доверенным лицом: «Затем прибыл гонец, что был опытен, и приватно сообщил капитулу шепотом...» («*Ab tant veng.i. mesatjes, que non es aprendens; / E a dig al Capitol, a part, bassetamens*») [1, p. 129]. Вдобавок к этому на протяжении всего повествования автор прослеживает судьбу далеко не самого значительного политического игрока — тулузского рыцаря Аймерика де Кастельно. Более того, лэсса, в которой погибает глава крестоносцев Симон де Монфор, завершается вовсе не великим ликованием окситанцев, но скорбью по Аймерику («*Don fo grans lo dampnatges el mals el disturbiers / A totz cels de la vila*») [1, p. 343].

Итак, Аноним, судя по всему, должен был быть тулузцем и одним из членов политической элиты этого города. К вышеперечисленному добавим также и следующий критерий: скорее всего, он не являлся трубадуром. Франческо Замбон, как и многие его предшественники, оказался ослеплен талантом автора и потому не разглядел, что тот прежде всего историк. Его «Песнь...», как и прочие подобные сочинения эпохи, создавалась, дабы аристократия смогла «овладеть» собственным прошлым [4, p. 215]. Это было критически важно для окситанцев в условиях Альбигойского крестового похода, когда историографы (такие как Пьер де Во-де-Серне или тот же Гильом Тудельский) оказались в стане врага. Лирика трубадуров же чуждалась не просто исторического повествования, а какой-либо повествовательности вообще [5, p. 7]. Даже автор таких энергичных сирвент, как Гильом Анелье Старший, едва ли осознавал, каким образом вообще возможно создать обширную стихотворную хронику. Кроме того, Аноним весьма вольно обходится с тропами поэзии трубадуров: он буквально выворачивает их наизнанку, преобразуя скорее в эпические, нежели лирические фигуры [6, p. 98]. В таком случае аргумент Поля Ормьера, заключающийся в том, что все историки-окситанцы были нотариусами, а значит, и Аноним должен быть нотариусом, уже не кажется столь беспомощным.

Теперь же, обозначив абстрактный портрет автора — тулузца, городского нобиля и историка, — присмотримся к гипотезе вышеупомянутого ученого с большей внимательностью, чем она в свое время заслужила.

Предложенный им мэтр Бернар («*maestre Bernatz*») встречается в тексте второй части «Песни...» всего трижды: в лэссах 133-й [1, p. 127],

191-й [1, р. 283–284] и 204-й [1, р. 334–336]. Причем каждый раз упоминается, что он — член капитула («*era de Capitol*», «*son de Capitol*», «*soi be de Capitol*»), а в двух последних случаях оговаривается еще и то, что мэтр Бернар родом из Тулузы («*natz de Tholoza*», «*natz en Tholoza*»). Все появления данного персонажа связаны с обширными и мудрыми речами, каковые он говорит на советах и с каковыми все присутствующие непременно соглашаются. Разумеется, речи эти несут в себе идеологию, которая прослеживается во всем тексте Анонима. Кроме того, один раз мэтр Бернар заявляет: «...я, как один из членов капитула, говорю за себя и за капитул, и за всех других людей, великих и малых...» («*Eu qui son de Capitol dic per me e per lor, / E per tot l'autre poble, dal major tro al menor...*») [1, р. 284], — по сути, он берет на себя роль голоса всей Тулузы, а то и всей окситанской партии. Разве не то же самое делает автор второй части «Песни...»?

Наконец, при последнем своем появлении мэтр Бернар прямо рассказывает собравшимся на совете «историю»: «Хочу вам показать и рассказать, дабы вы поняли в глубине своих сердец, о чем тут ведется речь» («*Volh vos monstrar e dire, per so q'o entendatz / Ins el vostre coratge, on ira est dictatz*»). Он приводит длинный (около 40 строк) рассказ о помощи христианскими войсками Акре в ходе Третьего крестового похода, дабы окситанцы последовали их примеру: «*Senhors, es reprovevbi vos dic que l'entendatz, / Perque lo setis d'Acra es a nos compratz*» [1, р. 334–336]. Выходит, мэтр Бернар — единственный персонаж из всей «Песни...», кто в состоянии совладать с историческим материалом, организовать его и вывести для аудитории практический смысл. В своей сущности, *reprovevbi* Бернара ничем не отличается от обсуждаемого нами произведения Анонима.

Итак, некий мэтр Бернар, идентифицируемый Полем Ормьером как Бернар д'Ольм — бывший нотариус графа Тулузы и член тулузского капитула, — отвечает всем критериям, поставленным нами. Он тулузец, член городского магистрата и историк, а кроме того, еще и самоназванный резонер идеологических установок тулузцев. Все это, на наш взгляд, делает Бернара д'Ольма наиболее вероятным кандидатом на роль автора второй части «Песни о крестовом походе против альбигойцев».

Список источников и литературы

1. La chanson de la croisade contre les Albigeois, commencée par Guillaume de Tudèle et continuée par un poète anonyme. T. 1 / ed. P. Meyer. Paris: Renouard, 1875. 452 p.

2. *Zambon F.* Una nuova ipotesi sull'autore della seconda parte della *Canzona della Crociata Albigese* // *Romance Philology*. 2016. Vol. 70, no. 1. P. 267–281.
3. *Gouiran G.* From *Chanson de Geste* to *Epic Chronicle* / ed. by L. M. Paterson. Abingdon: Routledge, 2020. 248 p.
4. *Spiegel G.* *Romancing the Past: the rise of vernacular prose historiography in thirteenth-century France*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. 422 p.
5. *Poe E. W.* *From poetry to prose in Old Provençal: the emergence of the *Vidas*, the *Razos*, and the *Razos de trobar**. Birmingham: Summa Publications, 1984. 120 p.
6. *Raguin M.* *Dones i jardins a la part anònima de la Cançó de la croada albigesa, o l'art de manipular la lírica* // *Archives Ariégeoises*. 2012. Vol. 4. P. 77–100.

УДК 94

Шадрин И. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: ilyashadrin228@gmail.com

«Жизнь Людовика Святого» — между житием и биографией

Аннотация. На примере труда французского историка Жана де Жуанвиля «Жизнь Людовика Святого» в статье рассматривается формирование биографического жанра в средневековой литературе на рубеже XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Жан де Жуанвиль, Людовик IX Святой, биография, средневековая литература

Shadrin I. I.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: ilyashadrin228@gmail.com

“*The Life of Saint Louis*” — *between life and biography*

Abstract. Using the example of the work of the French historian Jean de Joinville “The Life of Saint Louis”, the article examines the formation of the biographical genre in medieval literature at the turn of the 13th-14th centuries.

Keywords: Jean de Joinville, Louis IX the Saint, biography, medieval literature

К началу XIII в. жанр биографической литературы прочно вошел в культурную жизнь Средневековья. Несмотря на популярность жанра светской биографии, существовавшей в виде романсов и «*chansons de geste*», посвященных историческим персонажам, как таковой устойчивой традиции создания светских биографий не существовало [1, p. 26]. Однако невозможно отрицать, что традиция агиографического жизнеописания часто становилась образцом для авторов-мирян.

Агиография также была одним из ведущих жанров средневековой литературы. Жития святых предназначались для широкой аудитории, включая малообразованных людей. Житийные сборники нередко сочетали в себе назидательный элемент с увлекательным стилем изложения.

Говоря о различиях биографии и агиографии, мы вынуждены отметить сложность их классификации. Разница между биографией и агио-

ографией на деле несколько размыта и порой один жанр перетекает в другой. Практика использования принятых моделей поведения для биографий и агиографий схожа, ведь в обоих случаях она несет в себе задачу формирования образа (короля либо святого). Так, Т. Хеффернан выделяет термин «священная биография» (подразумеваемая совмещение жанров агиографии и биографии) для описания текста жития святого, который «представляет собой документальное свидетельство процесса освящения общины и сам становится частью священной традиции» [2, р. 16]. Такое более «узкое» определение позволяет избегать различных неверных трактовок при изучении религиозного жизнеописания, а также предполагает цикличность интерпретации в восприятии этих текстов.

Одним из примеров слияния двух письменных традиций средневековой литературы является труд Жана де Жуанвиля «Жизнь Людовика Святого», который показывает, что нет необходимости в строгом размежевании двух жанров. Обладая элементами агиографии и биографии, «Жизнь Людовика Святого» может находиться между двумя литературными жанрами.

Образ Людовика IX в истории формировался под влиянием двух направлений: королевского (светского) и клерикального. Будучи неординарной личностью, Людовик IX оставил глубокий след в литературной жизни XIII в., деяния и подвиги короля Франции вдохновили множество авторов на создание трудов, посвященных ему. Первая из биографий Людовика была написана вскоре после его смерти в 1270 г. духовником короля Жоффруа де Болье по заказу папы Григория X — «*Sancti Ludovici Francorum regis*». Дело Жоффруа де Болье продолжил Гийом Шартрский, который написал сочинение «Жизнь и деяния короля Франции Людовика, включая описание совершенных им чудес» («*De vita et actibus inclitae recordationis regis Francorum Ludovici et de miraculis*»). Это сочинение, в отличие от работы Жоффруа, содержало непосредственные сведения о правлении Людовика, автор отмечал заботу короля о бедноте и защиту подданных от произвола дворян [3, р. 36]. Между 1302 и 1303 гг. еще одна биография была составлена францисканцем Гийомом де Сан-Петю, духовником жены Людовика Маргариты Прованской. Объединяющей идеей этих трудов можно назвать репрезентацию короля, которая сохраняла канонически строгий вид, присущий житиям. Произведения имели глубокий агиографический характер, согласно которому Людовик предстает в качестве назидательного образа.

Качественными отличиями от вышеописанных житий обладал труд Жана де Жуанвиля, написанный по заказу Жанны Наваррской, жены

внука Людовика IX. Труд Жана де Жуанвиля был составлен между 1305 и 1309 гг. и в большей степени записан на основе его личных воспоминаний с использованием хроник. Поскольку Жанна скончалась в 1305 г., сама книга была предложена ее сыну Людовику (будущему королю Франции Людовику X Сварливому), который на тот момент являлся графом Шампани и королем Наварры. Текст Жуанвиля был первым житием, написанным мирянином, и, возможно, первым на народном языке. Жуанвиль, безусловно являясь грамотным человеком, не был профессиональным писателем, что не мешало ему применять различные литературные приемы и модели в своем тексте. Автор был ознакомлен с множеством текстов, но не был ограничен какой-то определенной литературной традицией.

Особого внимания удостоена структура «Жизни Людовика», которая вполне способна пролить свет на некоторые аспекты написания биографии. «Первая часть повествует о том, как он правил в течение всей своей жизни, следуя Богу и Церкви, на благо своему королевству. Вторая часть книги посвящена его рыцарской доблести и его великим подвигам» [4, р. 4], — так Жуанвиль очерчивает план своего произведения. Но для начала стоит отметить определенную диспропорцию в насыщенности повествования. Центральной частью и ядром всей книги являются события крестового похода, в которых мы видим прежде всего собственные наблюдения автора, от лица которого идет повествование и чьи приключения и трудности мы наблюдаем. В главах, посвященных крестовому походу, Людовик не является центральной фигурой и появляется лишь в поле зрения самого Жуанвиля, что дает повод говорить о существовании «двух произведений», одно из которых посвящено воспоминаниям Жуанвиля о крестовом походе и воспоминаниям о Людовике [5, р. 510]. В пользу идеи о существовании первоначального ядра в виде рассказа о крестовом походе говорит еще и последовательность автора в рассказе о событиях в Святой земле. Жуанвиль не упускает возможности уделить несколько слов причинам похода, и в последующих описаниях похода он старается быть подробным в своем рассказе. С концом крестового похода короля внимание переходит вновь к Людовику, где автор прибегает к устным и письменным свидетельствам в качестве источника, а повествование становится менее «живым» и подробным.

Исходя из разделения труда на три условные части (начальная, центральная и последняя части), именно центральную мы можем приблизить к биографической или «реальной». Кавычки в данном случае характеризуют условность подлинности Людовика и ограниченность литературного изображения короля, представленного Жуанвилем. Антаго-

низм святого и светского прослеживается в первой части произведения, где высказывания о смирении короля («Его уста были настолько трезвы, что ни разу в жизни я не видел, чтобы он говорил о каком-либо мясе, как это делают многие богатые люди») [4, р. 12] контрастируют с королевской прерогативой правосудия (§ 55–64), которая свидетельствует об образцовом поведении короля.

Примечательно, что Жуанвилем упоминается диспут между евреем и рыцарем в Клунийском монастыре, в котором Людовик IX рассудил о необходимости спора лишь с учеными клириками (§ 53). Несмотря на различные указы святого Людовика о конфискации имущества и изгнания евреев из Франции, Жуанвиль упоминает евреев лишь единожды в тексте. Инаковость евреев и позицию Людовика стоит рассматривать в качестве этического высказывания автора внутри священной биографии [6, р. 34].

Важным эпизодом также является диалог Жуанвиля и Людовика: «„Хочу еще спросить, — продолжал он [Людовик. — *И. Ш.*], — что бы вы предпочли — стать прокаженным или совершить смертный грех?“ И я [Жуанвиль. — *И. Ш.*], никогда ему не лгавший, ответил, что предпочел бы совершить их тридцать, нежели стать прокаженным» [4, р. 14] — подобная честность Жуанвиля сближает его с читателем, искреннее признание в собственной слабости и страхе придает человечности автору. Кроме того, этот эпизод играет собственную роль в создании модели «идеального» Людовика благодаря несовершенному Жуанвилю. «Ты говорил глупо и безумно; ибо должно знать, что нет более безобразной проказы, чем нахождение в смертном грехе, потому что душа, находящаяся в смертном грехе, подобна дьяволу: вот почему не может быть такой безобразной проказы. И это очень верно, что, когда человек умирает, он излечивается от проказы тела; но когда человек, совершивший смертный грех, умирает, он не знает, достаточно ли он раскаялся, чтобы Бог простил его: посему он должен опасаться, как бы эта проказа не осталась до тех пор, пока Бог пребывает в раю» [4, р. 14] — ответ Людовика важен настолько, насколько и его вопрос, поскольку диалог между королем и Жуанвилем функционирует агиографически. Он отражает трепет автора перед королем, призван вызвать стремление у читателя к подражанию королю в его мыслях и словах.

Первая часть труда, которую автор посвятил святым словам Людовика, стремится к агиографической традиции, соблюдая определенные приемы изложения и символизма. Однако каждый сюжет переплетен с элементами биографии и образует весьма изящную композицию, где каждое слово и каждый эпизод обладает неоднозначной трактовкой.

Вновь обращаясь к версии первоначального «ядра» в виде мемуаров Жуанвила, мы можем узнать много сведений о нем из второй части и, что более важно, о «реальном» Людовике Святом. Отрезок, посвященный крестовому походу, обретает собственное «Я», которое, в частности, и придает повествованию свойство мемуаристики. По мнению Кристиана Брату, эготекстуальность труда Жуанвила могла быть воспринята им от Жоффруа Виллардуэна, тем самым Жуанвиль продолжил его историографическую традицию [7, р. 615]. На это указывает, к примеру, то, что сын Жана Жуанвила Жоффруа женился в 1270 г. на правнучке самого Виллардуэна и Жан с большой вероятностью был ознакомлен с хроникой Виллардуэна.

Более того, авторское «Я» позволяет функционировать образу Людовика как короля-крестоносца, за которым мы наблюдаем со стороны, будто он является второстепенным героем повествования. Столкновение с сарацинами, пленение Людовика, поражение крестоносцев и другие события крестового похода создают пространство внутри текста Жуанвила и позволяют посмотреть на короля глазами автора, присоединиться к нему в наблюдении за Людовиком. Но в моменте отсутствия Людовика в тексте «Жизнь» перестает работать как религиозное жизнеописание, поскольку главным лицом становится Жуанвиль.

Изображение воинственного короля-крестоносца Людовика дополняется еще одним важным элементом — критикой короля. Степень критичности Жуанвила трактуется в исследованиях по-разному. Как отмечает литературовед Д. Делогу, агиографические герои не лишены самокритики. Напротив, они стремятся к ней, а автор подчеркивает иногда их несовершенства «с целью сделать обращение субъекта еще более поразительным» [1, р. 41]. Однако маловероятно, что каждый элемент задуман автором в качестве идеализации короля. Так, Жуанвиль упоминает про эпизод с паломниками из Армении, произошедший в Акре: «Я пошел в палатку к королю, где он сидел, прислонившись к шатровому столбу; и сидел он на песке, без ковра или чего другого под собой. Я сказал ему: „Сир, там снаружи большая толпа из Великой Армении, которая направляется в Иерусалим; и они просят меня, сир, показать им святого короля; но я совсем не жажду целовать ваши кости“. Он звонко рассмеялся и сказал, чтобы я пошел за ними; и я так и поступил» [4, р. 310]. Эпизод сложно отнести к формальной агиографии, но он может говорить о непринужденности в общении Жуанвила с королем. Не отвергая назидательный характер письма, автор наполняет повествование нейтральными эпизодами, характеризующими отношения между Жуан-

вилем и Людовиком. Жак Ле Гофф в своей биографии Людовика Святого предлагает трактовать этот эпизод как стремление Жуанвиля к физическому контакту с королем, так как Людовик уже при жизни считался реликвией, способной, например, исцелять [8, с. 369].

Эпизод критики происходит чуть ранее, когда Людовик участвует в нескольких случаях суда. Приведенные сюжеты правосудия из первой части мы без сомнений относим к традиционной части образа справедливого короля. Но суд Людовика в Кесарии (§ 505–514) примечателен тем, что не все решения короля были оценены Жуанвилем положительно, о чем он и упоминает.

С возвращением Жуанвиля и Людовика во Францию завершается и арка, посвященная крестовому походу. Любопытно, что Жуанвиль прибегает к повторению определенного эпизода, а именно крушения кораблей Людовика у берегов Кипра. Но если в первой части книги (§ 13–16) это служило образцом святости короля, то во второй это полноценная часть линейной истории, которая хронологически завершает весь крестовый поход.

Переходя к завершающей части книги, стоит в первую очередь обратить внимание на влияние крестового похода на Жуанвиля и короля: «После того как король вернулся из-за границы, он жил так благочестиво, что никогда с тех пор не носил мехов, ни серых, ни червлёных, ни стрелян, ни золотых шпор» [4, р. 366] — именно нахождение в Святой земле, например, стало причиной для преобразований Людовика, побуждавших к концу междоусобиц и грабежей в королевстве. Отход от агиографических топосов не завершается на крестовом походе, хотя вольность автора и не проявляется в части святых деяний Людовика.

Важным эпизодом является повторный крестовый поход Людовика. После вещего сна Жуанвиля, в котором Людовик вновь принимает крест, тот отказывается последовать за королем вновь, сетуя на беспорядки в государстве в отсутствие короля и самого Жуанвиля. «О том, как он путешествовал в Тунис, я не вижу ничего, что можно было бы сказать, потому что, слава Богу, не хочу помещать в книгу то, в чем я не уверен» [4, р. 400], — этим высказыванием ограничивается Жуанвиль, в нем можно увидеть его негодование и боль из-за разногласий с королем, которые в конечном счете привели последнего к смерти.

Однако после смерти Людовика IX текст не заканчивается, а дополняется личными мыслями Жуанвиля, связанными с его сожалением о кончине короля. Так и не сумев проститься с Людовиком, Жуанвиль явно переживал из-за смерти не только короля, но и близкого друга. По-

сле окончательного «аминь» Жуанвиль описывает свой сон, в котором Людовик IX навещает его и говорит давнему знакомому, смеясь: «Сир де Жуанвиль, поверьте мне, отсюда я не желаю уезжать так скоро» [4, р. 411]. История Жуанвиля вовсе не заканчивается смертью Людовика Святого, а продолжается и обретает конец для самого Жуанвиля, который ставит этим сном точку в своем повествовании.

Сон автора текста не соответствует агиографической модели, но он заменяет собой текстуальное пространство, которое традиционно принадлежит посмертным чудесам святого. Однако существуют и прижизненные чудеса, которые могут быть вполне естественными, но по той или иной причине неожиданными — в силу, например, своей редкости [9, с. 144]. С другой стороны, чудо для народной культуры и стало доказательством святости, но в официальном культе святых чудо отнюдь не считалось самодостаточным, а являлось лишь доказательством присутствия божественной благодати и святости чудотворца [10, с. 155]. Из этого мы можем заключить, что у Жуанвиля не было задачи подвести свой труд к канонической структуре, указывая на строго личный эпизод с явлением Людовика IX во сне.

Проблема самостоятельности биографии Людовика Святого как литературного произведения позволяет отметить сложность классификации. Агиографические топосы, отображающие святость короля, сосуществуют с представлениями Жуанвиля об идеальном монархе, которого он видел в Людовике IX. Сдвиги в изображении разных сторон Людовика автором вполне могут служить разным целям Жуанвиля при написании отдельного раздела. Однако не стоит упускать из виду некоторые эпизоды, которые Жуанвиль посвятил самому себе, в пользу чего говорит финальное прощание с королем.

Список источников и литературы

1. *Delogu D.* Theorizing the ideal sovereign: The rise of the French vernacular royal biography. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 309 p.
2. *Heffernan T. J.* Sacred biography. Saints and their biographies in the Middle Ages. New York: Oxford University Press, 1988. 348 p.
3. *Gaposchkin M. C.* The making of Saint Louis: kingship, sanctity, and crusade in the later Middle Ages. New York: Cornell University Press, 2008. 352 p.
4. *Jean de Joinville.* Vie de Saint Louis / ed. J. Monfrin. Paris: Classiques Garnier, 1995. 485 p.
5. *Gaston P.* La composition du livre de Joinville sur Saint Louis // Romania. 1894. Vol. 23, no. 92. P. 508–524.

6. *Benveniste H.* Joinville et les “autres”: les procédés de représentation dans l'Histoire de Saint Louis // *Le Moyen Age*. 1996. Vol. 102, no. 1. P. 27–55.
7. *Batu C.* “Je, auteur de ce livre”: L'affirmation de soi chez les historiens, de l'Antiquité à la fin du Moyen Age. Boston: Brill, 2019. 846 p.
8. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / пер. с фр. В. И. Маргузовой. М.: Ладомир, 2001. 800 с.
9. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 244 с.
10. *Арнаутова Ю. Е.* Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в Средние века // *Одиссей. Человек в истории* — 1995. М.: Наука, 1995. С. 151–169.

УДК 94

Мальчихина В. О.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студентка бакалавриата

E-mail: malchikhina.21@gmail.com; stud0000225969@study.utmn.ru

Понятие свободы в трактате Ж.-Б. Боссюэ «Политика, взятая из Священного Писания»

Аннотация. В статье рассматривается понимание понятия «свобода» во Франции XVII в. с помощью дискурс-анализа трактата Ж.-Б. Боссюэ «Политика, взятая из Священного Писания», содержащего в себе основные политико-богословские воззрения автора и отражающего взгляды эпохи расцвета французского абсолютизма, в которую автор проживал, служа придворным богословом и духовником Великого Дофина. Работа рассматривается в контексте развития философской, политической и теологической мысли Европы XVII в., и анализируется, отличалось ли понимание «свободы» во Франции от других стран континента.

Ключевые слова: Франция XVII в., религия, христианство, политика, свобода

Malchikhina V. O.

University of Tyumen,
Institute of Social Sciences and Humanitarian,
Bachelor's program, Student

E-mail: malchikhina.21@gmail.com; stud0000225969@study.utmn.ru

The concept of freedom in the treatise of J.-B. Bossuet “Politics taken from the Holy Scriptures”

Abstract. The article examines the understanding of the concept of “freedom” in France in the 17th century using discourse analysis of the treatise by J.-B. Bossuet “Politics taken from the Holy Scriptures”, which contains the main political and theological views of the author and reflects the views of the heyday of French absolutism, in which the author lived, serving as a court theologian and confessor to the Grand Dauphin. The work is considered in the context of the development of philosophical, political and theological thought in Europe in the 17th century and analyzes whether the understanding of “freedom” in France differed from other countries of the continent.

Keywords: France of the 17th century, religion, Christianity, politics, freedom

Франция XVII в. во многом еще сохраняла средневековое общественное устройство, которое определялось наличием двух институтов: христианства как идеологии и церкви и феодализма как формы организации власти. И если феодализм с объединением Франции в XV в. [1] перестал играть такую роль, обретая в ходе постепенного развития характеристики возвышения земной власти и ее централизации, то христианство и церковь продолжали удерживать свои позиции, все более переходя в политическое, например, «народ» теперь понимался как единство и воплощение Божественной власти. Христианству того времени присущи универсализм его последователей (отсутствие ограничения внешнего признака), прозелитизм (активный, агрессивный подход к распространению религии на другие народы), наличие посредничества между Богом и человеком (из которого следовала постоянная взаимосвязь между религией и политикой: наделение королей функцией посредника Бога, жесткая иерархия власти, компромисс с существующей властью) и дуализм (разделение человеческого и Божественного, как в «Граде Божьем» Августина) [2, с. 169–172].

Поэтому интеллектуальное поле Франции, формирующее и одобряющее религиозную политику Людовика XIV, было представлено мыслителями, рассуждавшими об устройстве мира с точки зрения теологических теорий, т.е. считавшими, что существует совокупность Божественных законов, из которых можно вывести законы природы [3]. К таким мыслителям относились духовники Людовика XIV — Франсуа Аннат и Ферье, а позже и духовник дофина Боссюэ, изучению трактата которого и посвящена данная статья. Монарх, согласно данным теориям, являлся посланником Бога [4, с. 10–11] и олицетворял единство народа, государственности и независимости, а нация ассоциировалась с совокупностью подданных, находившихся под властью суверена [5, с. 85–89].

Для анализа понимания свободы во Франции XVII в. был выбран трактат Жака-Бениня Боссюэ «Политика, взятая из Священного Писания» [6], составленный в 1670-е гг. для обучения Великого Дофина, а затем опубликованный в 1709 г. во время Войны за испанское наследство. Боссюэ — придворный богослов и духовник Великого Дофина, сторонник монархического дискурса, автор значимых для изучения эпохи и понимания политического дискурса Франции конца XVII — начала XVIII в. работ по истории, философии и теологии, в своей общественно-политической теории обосновывающий легитимность Людовика XIV. В трактате Боссюэ основывается на Священном Писании и сочинениях античных философов, работах Ж. Бодена, Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, А. Ж. Ришелье,

Дж. Мазарини и Людовика XIV. Поэтому дискурс-анализ источника позволит проследить преемственность их идей свободы в трактате Боссюэ, даст представление о теории свободы, которой придерживалась королевская власть, а рассмотрение работ оппонента Боссюэ, Фенелона, позволит разобраться, в каких аспектах их понимание свободы расходилось.

О понятиях свободы и процесса освобождения Боссюэ пишет в различных контекстах. Во-первых, автор ссылается на Священное Писание для подтверждения своих суждений. Например, не только народ выбрал быть под властью царей, но и Бог согласился с этим: народ передал «власть над собой Симону и потомству его» с помощью договора, подписанного «от имени священников, всех людей, вельмож и старейшин, которые согласились принять его Царем» [6, с. 83]. М. М. Федорова считала, что трактат стоит в стороне и от индивидуализма Гоббса, и от индивидуальной свободы Локка, его необходимости прочного государства, способного защитить индивида и его собственность [7]. Категории суверена и общественного договора являются центральными в представлении об устройстве общества у обоих авторов, о чем писал и М. А. Рейснер, называя Боссюэ крайним защитником монархической власти, поддерживающим притом теорию Гоббса, что государство установлено не ради государей, а ради граждан, что все государи должны служить на благо государства, иначе они нарушают естественный закон [8]. Здесь прослеживается наследие классической и средневековой традиций, заключающееся в том, что монархия не противопоставляется республике, так как суверен должен править ради общего блага, а не ради своего собственного, уважать свободу и собственность своих подданных, а не обращаться с ними как с рабами [9].

Во-вторых, автор говорит о свободе, когда дает наставления дофину о том, каким следует быть королю по характеру и поступкам. Король является посланником Бога на земле и защитником общественной свободы, хоть и составляет законы сам, но не освобождается от них. Власть короля носит отцовский характер, поэтому ему следует заботиться о народе с состраданием, давать подданным блага, а также давать свободу своим советникам [6, с. 121–123]. При этом Боссюэ допускает проявление жестокости государя, если речь идет об общественном благе, так как государство должно управляться сильным правителем (здесь автор, по-видимому, ссылается на «Государя» Макиавелли, в котором тот утверждал, что поддержание государства требовало от князя готовности отступить от общепринятого понимания добродетели в зависимости от политических обстоятельств. Поэтому королевская власть, по Боссюэ, абсолютна,

но не беспредельна, из чего следует, что король не должен никому отчитываться за то, что он приказывает или почему определенным образом судит (так как король является суверенным судьей и судит по справедливости, исходящей от его Божественной власти) [6, с. 165].

В-третьих, через понятие свободы Боссюэ анализирует политические режимы, доказывая, что монархия — лучшая из существующих форм правления, так как только в ней люди являются по-настоящему свободными, также монархия является самой естественной формой правления (даже израильтяне в итоге сами выбрали самодержавное правление), наиболее распространенной (так, когда-то Империя Карла Великого объединяла не только Францию, но и Швейцарию, Италию, Бургундию, Германию и даже Венецию) и старейшей (все республики изначально управлялись царями, как, например, греческие города). Для подтверждения этих характеристик Боссюэ ссылается на фразу Гомера из «Илиады», согласно которой единственно верно, если правит один царь, каковую идею воплощает и образ Зевса, который выступает заступником всеобщей справедливости [10, с. 35]. Также монархическое правление является самым прочным, так как противится разделению внутри себя. При этом Боссюэ принимает существование войны (или протеста), если они исходят из борьбы за истинную религию, с помощью которой человек может освободиться, — но ее выбор не может быть свободным [6, с. 65–72].

Таким образом, в своем трактате Боссюэ следует христианским и церковным идеям, главенствующим в эпоху Старой Империи. Мог ли Боссюэ разделять альтернативное понимание свободы, встроенное в европейский дискурс XVII в., которое при этом не было бы связано с государственным самоуправлением, идеи которого появились позже, — понимание свободы, присущее мыслителям того времени, например Гоббсу и Локку, и характеризующееся разделением жизни на частную и общественную, наличием необходимого пространства свободы для каждого человека и определенных политических прав?

Для ответа на данный вопрос обратимся к работам Ф. Фенелона, архиепископа Камбрейского, сторонника квиетизма и последователя картезианской школы, также придерживающейся в социально-политических вопросах консерватизма (за исключением одобрения восстания против сюзерена), христианской этики и морали, поддерживающей идею монархии как лучшей формы правления. Фенелон по своим взглядам во многом являлся предвестником эпохи Просвещения, особенно в вопросах борьбы за свободу от деспотичной власти, для достижения которой он одобрял проведение восстания против суверена, преступившего свои пол-

номочия. Так, в «Телемаке» понимание свободы дается через описание образа Другого — тирана, сына фараона Сезостриса, использовавшего подданных только для удовлетворения собственных амбиций и потому лишивший их свободы (то есть он действовал не во благо народа, под которым Фенелон понимал соблюдение нравственных законов, справедливость, надежно защищающую бедных от произвола богатых, достойное воспитание граждан, прививающее им любовь к искусству и литературе, к труду, верности и послушанию, к умеренным нравам, наконец, к соблюдению религиозных обрядов [11, с. 163–166]). Также Фенелон писал, что справедливый государь должен отказаться от ведения захватнических войн, так как все люди — братья, поэтому любая война является гражданской. Но в вопросах религии Фенелон скорее ближе к Боссюэ, и также говорит о свободе в контексте веры, которая является самым большим сокровищем человеческого сердца, и лишь с ее помощью можно постичь мудрость, справедливость, свободу и спасение.

Отсюда следует, что понимание свободы во Франции XVII в. продолжало находиться в рамках религиозной догмы, однако это не противоречило европейской философии, так как большинство философов раннего Нового времени полагали, что существует единственная христианская истина, которая в той или иной степени присуща всем философским школам [12, с. 299–327]. Но вместе с тем основные понятия, характеризующие данную эпоху, — государство и суверенитет, возникли в результате секуляризации сознания и жизни общества, освобождения его от христианских и церковных норм и переноса религиозных понятий на светскую власть, что порождало конфликт Божественного и земного суверенитетов и способствовало началу оформления политических прав и свобод, стоящих в стороне от религиозных традиций [2, с. 197–201].

Список источников и литературы

1. *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989. 274 с.
2. *Магун А. В.* Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 544 с.
3. *Roberts A.* Social Science History. Six essays for budding theorists. London: Middlesex University, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://studymore.org.uk/ssh.htm> (дата обращения: 20.08.2023).
4. *Кулешова Е. В.* Жак-Бенинь Боссюэ и его время: из истории общественно-политической мысли Франции второй половины XVII века. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006. 153 с.

5. *Хорошевский Н. И.* Понятие «Нация» в западноевропейской социальной мысли XVIII века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 85–89.
6. *Боссюэ(т) Ж. Б.* Политика из самых слов священного писания, почерпнутая Иаковом Бенигном Боссюэтом. СПб.: Императорская тип., 1802. X, 299 с.
7. *Федорова М. М.* Классическая политическая философия. М.: Весь мир, 2001. 224 с.
8. *Рейснер М. А.* Общественное благо и абсолютное государство. СПб.: Сенатская тип., 1902. 124 с.
9. *Asch R. G.* Monarchy in Western and Central Europe // The Oxford Handbook of Early Modern European History, 1350–1750: Vol. II: Cultures and Power / ed. by H. Scott, July 2015 [Электронный ресурс]. URL: [https://scienzepolitiche.unical.it/bacheca/archivio/materiale/2467/Materiale%20didattico%20corso%20triennale%202017–2018/\(Oxford%20Handbooks\)%20Hamish%20Scott-The%20Oxford%20Handbook%20of%20Early%20Modern%20European%20History,%201350–1750_%20Volume%20II_%20Cultures%20and%20Power-Oxford%20University%20Press%20\(2015\).pdf](https://scienzepolitiche.unical.it/bacheca/archivio/materiale/2467/Materiale%20didattico%20corso%20triennale%202017–2018/(Oxford%20Handbooks)%20Hamish%20Scott-The%20Oxford%20Handbook%20of%20Early%20Modern%20European%20History,%201350–1750_%20Volume%20II_%20Cultures%20and%20Power-Oxford%20University%20Press%20(2015).pdf) (дата обращения: 20.08.2023).
10. История политических и правовых учений. Краткий учебный курс / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2000. 252 с.
11. *Кротов А. А.* Политические идеи Картезианской школы // Философия и общество. Вып. № 1 (57). М.: Соционаука, 2010. С. 156–166.
12. *Stone M. W. F.* Scholastic schools and early modern philosophy // The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy. January 2007. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 299–327.

УДК 94 (410)

Алестархова А. Е.

Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
студент бакалавриата
E-mail: alestarhova@sfedu.ru

Дипломатическая переписка Ивана IV Грозного и Елизаветы I Тюдор: экономический союз или военно-политическое взаимодействие

Аннотация. Статья посвящена событиям, связанным с периодом активного взаимодействия Англии и России во второй половине XVI в. На основе изучения английских посольств (Антоний Дженкинсон, Томас Рэндольф) и анализа дипломатической переписки между Елизаветой I Тюдор и Иваном IV Грозным предпринята попытка выяснения основных целей создания взаимовыгодного союза между двумя государствами. Сделан вывод о характере экономического сотрудничества и возможности военно-политической поддержки между обоими государствами.

Ключевые слова: Англия, Россия, Елизавета I Тюдор, Иван IV Грозный, дипломатическая переписка, Антоний Дженкинсон, Томас Рэндольф

Alestarhova A. E.

Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Bachelor's program, Student
E-mail: alestarhova@sfedu.ru

Diplomatic correspondence of Ivan IV the Terrible and Elizabeth I Tudor: Economic Union or military-political interaction

Annotation. The article is devoted to events related to the period of active interaction between England and Russia in the second half of the XVI century. Based on the study of English ambassadors (Anthony Jenkinson, Thomas Randolph) and the analysis of diplomatic correspondence between Elizabeth I Tudor and Ivan IV the Terrible, an attempt was made to clarify the main goals of creating a mutually beneficial alliance between the two states. The conclusion is made about the nature of economic cooperation and the possibility of military and political support for both states.

Keywords: England, Russia, Elizabeth I Tudor, Ivan IV the Terrible, diplomatic correspondence, Anthony Jenkinson, Thomas Randolph

В исторической науке принято считать, что ряд документов, может и не в полной мере, но все-таки передает идеи королевы Елизаветы Тюдор, а благодаря тому, что письма датированы, можно узнать, на какой период правления Елизаветы и Ивана IV Грозного приходится наиболее активная переписка. Письма обеих государей отличаются по содержанию и «тональности»: в то время как письма царя более длинные, насыщенные, сложные, письма Елизаветы, наоборот, более короткие и простые, ясно выражающие намерения [1].

Основываясь на сборнике документов Ю. В. Толстого «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593» [2], удалось выявить датированные письма, важные с точки зрения изучения вопроса: был ли планировавшийся союз военным, или предполагалось только экономическое сотрудничество. Мы выделили следующие письма:

1. Письмо: № 11. — 1567 Сент. 16 [3].
2. Поручение Антона Дженкинсона от царя Московского к ее королевскому величеству. № 12. — 1567 Ноябрь [4].
3. Письмо: № 15. — 1568 Июн. 26 [5].
4. Письмо: № 16. — 1568 Сент. 16 [6].
5. Письмо: Царь Елизавете. № 28–1570 Окт. 24 [7].
6. Отрывки из грамоты, посланной королевой Елизаветой к царю Ивану с Антонием Дженкинсоном в 1571 г. № 31. — 1571 Июнь 2 [8].

Подобная личная переписка между правителями сильно влияла на уровень жизни английских купцов в Московии. Послы в представленном способе общения между правителями двух разных государств оказывали на монархов определенное влияние, которое, в свою очередь, переносилось на настроения в обществе. Находясь на службе в России в период правления Ивана IV Грозного, английским послам было важно заполучить доверие и благосклонность царя. Антоний Дженкинсон был одним из первых английских дипломатов, который участвовал в передаче корреспонденции. Царь всея Руси Иван IV Грозный доверительно относился к Дженкинсону, отправляя через него наиболее личные и тайные письма к королеве Англии. Вторая половина XVI в. в России была периодом опричнины, недоверительные отношения с собственным народом стали причиной иного характера дипломатической переписки, касающейся далеко не экономического сотрудничества.

В своих письмах царь Московии активно поднимал вопрос о том, чтобы в Лондоне ему могли предоставить убежище на случай его отъезда из России. Как показывают источники, к 1567 г. царь планировал построить дворец в Москве, крепость в Вологде и некоторые здания

в Александровской слободе — как основное убежище на случай измены со стороны слуг. Другой вопрос — о сохранении его здоровья и сооружения специальных мест, где могли бы храниться все драгоценности. Иван Грозный так сильно боялся за свою безопасность, что ему были необходимы надежные люди в своем окружении. По этой причине Грозный поручал Дженкинсону искать в Англии архитекторов, умеющих строить безопасное жилье, врачей и аптекарей, хорошо разбирающихся в медицине, золотоискателей, которые помогут увеличить золотой запас царской казны [3, с. 36]. В письме от 18 мая 1567 г. Елизавета Тюдор писала о том, что давала свое разрешение на выезд ряда лиц из Англии в Россию [9, с. 77–78].

Для более тесных политических отношений России с Англией в одном из писем Грозный перечислил ряд основных требований к английской королеве [4]. Письмо было передано Дженкинсону и отправлено в Лондон. В данном тексте Иван Грозный просил убежища в другом государстве на случай измены в своем. То есть Россия желала заключить дружественный союз с Англией и надеялась на положительный ответ. Иван Грозный отмечал, что одним из недругов Московии была Польша, которая отправляла своих шпионов к английским купцам и стремилась ухудшить торговлю между Россией и Англией. Московский царь подчеркивал, таким образом, что у обеих стран должны быть общие друзья и враги, поэтому одним из требований было прекратить отношения с Польским государством. Царь также просил о том, чтобы королева дала свое согласие отправлять в Россию артиллерийские орудия и другое военное снаряжение и позволила приезжать мастерам для обмена опытом. Иван Грозный подчеркнул, что данное предложение должно остаться в тайне, но попросил рассмотреть это как обязательное условие. Ответ на свое письмо Грозный желал получить к 29 июня 1568 г. [4, с. 40].

Стоит заметить, что политические возможности обеих государей были различными: если Иван IV Грозный решал вопросы в большинстве случаев самостоятельно, то королева Елизавета I опиралась на решение парламента. Идею абсолютного монарха в таком случае каждый понимал по-разному, и это Елизавета активно подчеркивала в каждом своем письме. Когда общение заходило в тупик, Елизавета Тюдор отмечала с достаточной сдержанностью, что, не уступив сейчас, она сможет сделать это в будущем [10, р. 529–530].

Таким образом, в дипломатической переписке между монархами со стороны Ивана IV Грозного прослеживается стремление именно к военно-политическому союзу с Англией, в то время как Елизавета I

Тюдор была в большей степени заинтересована в экономических связях Англии и России, что показал анализ писем. Тем не менее в реальности торговое сотрудничество оказалось не столь удачным, как ожидалось изначально при создании Московской торговой компании. Предполагалось, что выгоды от экономических отношений между Россией и Англией будут взаимными. Однако часть англичан выражали опасения по поводу этого союза. В Англии всегда были высокого мнения о возможностях российской торговли — при условии передачи ее в надежные руки и становлении на прочную основу ее ждало бы результативное будущее. Но разного рода махинации и прочие дела, не известные государю, подрывали доверие Ивана Грозного и заставляли сомневаться в честности Московской компании англичан.

В одном из писем Московской компании 1557 г., адресованных торговым агентам Ричарду Грею и Генри Лэйну, выражались различные мнения английских купцов, касавшихся привилегий, данных русским купцам в Лондоне [11]. По договору русские купцы должны были иметь в Англии такие же преимущественные права, как английские купцы в Москве. Но англичане считали, что у русских не было опыта в морской торговле. По их словам, представители Московии использовали лишь двухмачтовые судна, применяемые в каботажном судоходстве. Поэтому в Англии часто выражали серьезное недовольство таким союзом, считая русских недостаточно умелыми и опытными торговцами. Более того, по мнению англичан, русские были не способны успешно торговать в Европе. Англичане подчеркивали во многих письмах, что подобные отношения России с Англией были выгодны и необходимы в первую очередь для России, чтобы вывозить русские товары с использованием иностранных судов. И судя по запискам, подобная торговля была не так выгодна англичанам, как предполагалось изначально. Существует достаточно много примеров того, как представители других стран пытались нарушить подобный русско-английский торговый союз и получить рынок сбыта для своих товаров [12, р. 374].

Елизавета I Тюдор стремилась сохранить торговые связи с Россией, поэтому в переписке она всячески отмечала преимущества такого союза. Томас Рэндольф, как и Антоний Дженкинсон, был приближен к королеве Елизавете. В период 1568–1569 гг. он был отправлен на службу в Россию ко двору Ивана IV Грозного. Посол был достаточно опытным дипломатом и выполнял многие тайные поручения английской королевы. Задачей Рэндольфа было более-менее мягко передать отказ Англии в военном союзе [4, с. 39–40], о котором просил Иван Грозный в письме, передан-

ном через Антония Дженкинсона. Елизавета считала, что, заключив подобный военный союз, она потеряет доверие со стороны своего народа. А так как письмо носило равный характер условий, английская королева писала о том, что невозможно представить ситуацию, по которой она могла бы бежать из Англии, как следствие, не могла заключить подобное соглашение с Россией.

Томас Рэндольф отправился в Россию в сопровождении купцов и секретаря, которые должны были консультировать его по всем вопросам, касающимся английской торговой компании. В это время дела компании находились не в лучшем положении из-за плохой работы торговых агентов. Королева никак не могла передать свою просьбу царю, так как посланных в Россию гонцов часто задерживали и осуждали за подделывание писем. Королева старалась как можно быстрее дать царю знать о торговых махинациях своих купцов, а также все-таки решить вопрос с теми англичанами, которые наживаются за счет торговой компании и вредят отношениям между государствами. Таким образом, одной из целей посольства Томаса Рэндольфа было донести эту информацию до сведения московского царя и поскорее решить проблему. Королева Елизавета дала список имен тех англичан, которые нелегально проникли на территорию России, а также совершили ряд преступлений в самой Англии.

В своем письме Елизавета Тюдор напомнила Ивану IV Грозному о том, как в целом зародилась торговля с Россией еще в правление Эдуарда VI. Елизавета упомянула кораблекрушение и убытки, которые понесли англичане с этого момента, а также она добавила, как в дальнейшем упрочились торговые отношения России с Англией, и подчеркнула, на какой результат она надеется: «Разумеется, что в этой предпринятой торговле все потери, затраты, расходы на жалование и прибыли должны быть общими для всех: члены общества должны вести торговлю не каждый отдельно для себя, но общую для всех; ничто не должно обращаться в частную прибыль» [4, с. 61].

Почти год, с 1569 по 1570-й, длились переговоры о возможном военном союзе России и Англией. Томас Рэндольф, как опытный дипломат, первоначально хотел убедиться в необходимости подобного сотрудничества и попробовать решить все путем дипломатических переговоров. Однако отказ королевы, а также прибытие вместо Дженкинсона (которому изначально было вручено послание) Томаса Рэндольфа были восприняты царем как оскорбление. В октябре 1570 г. Грозный написал письмо [5, с. 106], в котором достаточно грубо выражал свое мнение по поводу стремления англичан к выгоде лишь для своей страны. В этом же году

английские товары подверглись конфискации, а английские лавки — насилию и погромам. Царь был возмущен, что англичане ведут себя неподобающим образом, и подчеркивал, что причиной является нежелание Англии договариваться с Россией. Для того чтобы сгладить данный конфликт и не потерять нить торговых отношений, Елизавета в 1571 г. приложила весь свой дипломатический потенциал для того, чтобы возобновить переписку и продолжить развитие Московской компании [6, с. 120].

Анализ этих писем позволяет предположить, что для Англии не требовалось никакого другого союза, кроме экономического. Иначе можно сказать о московском царе Иване IV Грозном. Изучая письма королевы, можно выявить ряд проблем, с которыми сталкивалась английская торговля на территории России, но все-таки подчеркнуть большую важность русско-английского экономического союза для Елизаветы I Тюдор.

В свою очередь, царь понимал, что предоставление привилегий для англичан может быть не единственным решением и, возможно, в будущем станет невыгодным для России, к тому же существует ряд других стран, готовых к взаимодействию. Тем не менее дипломатическая переписка стала важной основой для защиты интересов английских купцов. Елизавета успешно выполняла свою задачу, потому по завершении этой переписки погромы в английских лавках прекратились.

Таким образом, анализ дипломатической переписки Елизаветы I Тюдор и Ивана IV Грозного показывает, какие аспекты русско-английских отношений хотел развивать тот или иной монарх. Елизавета I защищала интересы английских купцов в целом, поэтому ее письма касались исключительно расширения английской торговли. В свою очередь, Иван IV, помимо торговых сношений, желал добиться более широкого военно-политического сотрудничества между государствами. Как следствие, роль Московской торговой компании понималась Елизаветой I и Иваном IV по-разному.

Список источников и литературы

1. *Малыгина А. К вопросу о тайных посланиях в дипломатической переписке Ивана IV Грозного и Елизаветы I Тюдор // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 261–263.*
2. *Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1875. 563 с.*
3. *Письмо: № 11. — 1567 Сент. 16 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. С. 36–37.*

4. Поручение Антона Дженкинсона от царя Московского к ее королевскому величеству. № 12—1567 Ноябрь // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. С. 39—40.
5. Письмо: № 15. — 1568 Июнь. 26 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. С. 46—48.
6. Письмо: № 16. — 1568 Сент. 16 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. С. 56—64.
7. Письмо: Царь Елизавете. № 28—1570 Окт. 24 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. С. 106—110.
8. Отрывки из грамоты, посланной королевой Елизаветой к царю Ивану с Антонием Дженкинсоном в 1571 г. № 31. — 1571 Июнь 2 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. С. 119—120.
9. *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. 179 с.
10. *Lubimenko I.* The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars // *The American Historical Review.* 1914, April. Vol. 19, no. 3. P. 524—542.
11. A letter Of the Company of the Marchants aduenturers to Russia into George Killingworth, Richard Gray, and Henry Lane their Agents there, to be deliuered in Colmogro or els where: sent in the John Euangelist // Hakluyt R. *The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation.* London: G. Bishop, R. Newberie, R. Barker, 1599. P. 297.
12. *Waliszewski K.* Ivan le Terrible. Paris: Plon-Nourrit, 1904. 568 p.

УДК 94

Лапина А. Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: lapa300899@gmail.com

«Письмо Роберта Лэнгэма» как источник по истории визита королевы Елизаветы I Тюдор в замок Кенилворт

Аннотация. В центре внимания статьи находится письмо Роберта Лэнгэма, которое рассказывает о визите Елизаветы I Тюдор в Кенилворт в июле 1575 г. Источник не переведен на русский язык. Статья посвящена анализу источника с точки зрения отражения в нем особенностей церемониального аспекта поездки королевы в Кенилворт. Также намечены векторы дальнейшего изучения письма Р. Лэнгэма в указанном контексте.

Ключевые слова: Англия, Кенилворт, Елизавета I, Тюдоры, Роберт Лэнгэм, Роберт Дадли, двор, церемониал

Lapshina A. F.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: lapa300899@gmail.com

“Robert Langham’s letter” as a source for the history of queen Elizabeth I Tudor’s visit to Kenilworth castle

Abstract. The article focuses on a letter from Robert Langham, which recounts Elizabeth I Tudor's visit to Kenilworth in July 1575. The source has not been translated into Russian. The article analyzes the contents of the source concerning the ceremonial aspects of the Queen's visit to Kenilworth Castle. An attempt was also made to determine the vectors for studying the ceremonial aspects of R. Langham's writing.

Keywords: England, Kenilworth Castle, Elizabeth I, Tudor, Robert Langham, Robert Dudley, court, ceremonial

Церемониальные процессии королевы Елизаветы I являются примером апогея репрезентативной деятельности династии Тюдоров. Пройдя определенный процесс развития, в период правления последней правительницы дома двойной розы торжественные мероприятия получили ис-

ключительный размах и представляют особый интерес для исследователей символической истории раннего Нового времени в Англии. Личность и политика королевы-девственницы всегда привлекала внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. Традиционными темами изучения были вопросы, связанные с деятельностью королевы в рамках борьбы с Испанией за господство на море, основанием Английской Ост-Индской торговой компании, зарождением колониационной политики страны или выстраиванием системы международных отношений. В конце XX — первой четверти XXI вв. фокус внимания историков все больше смещался к вопросам репрезентации королевской власти династии Тюдоров, их церемониалу и, в частности, процессиям.

Специфика власти Елизаветы I является предметом исследования многих отечественных авторов. Например, широкое освещение получила тема символического присутствия королевы на сессиях парламента. В этом направлении проводит исследования О. В. Дмитриева, автор монографии о Елизавете I [1]. Другие исследователи анализируют похоронную процессию Глорианы (например, К. Ли в работе «Смерть королевы Елизаветы, возвращение черной чумы, возвышение Шекспира, пиратство, колдовство и рождение эпохи Стюартов» [2]). Несколько реже наблюдается обращение к вопросам репрезентации на основе переписки Елизаветы Тюдор и Марии Стюарт. Также интересным сюжетом для отечественной историографии являются одиннадцать посланий русского царя Ивана IV английской королеве и ответы на них.

Визит королевы Елизаветы I Тюдор в замок Кенилворт до сих пор остается недостаточно изученной темой как в отечественной, так и зарубежной историографии; в нескольких трудах, связанных с судьбой замка Кенилворт, его архитектурой и историей (Ф. Р. Килнер «Кенилворт в первые пятьдесят лет» [3], М. Томсон «Замок Кенилворт. Йоркшир» [4]), визит королевы либо совсем не рассматривается, либо упоминается вскользь. Однако это событие следует считать важным звеном в цепочке королевских поездок по стране. Ко времени пребывания Елизаветы в резиденции Роберта Дадли, 1-го графа Лестера, относят получение королевой символических подарков, встречи, многочленные представления и мероприятия, каждое из которых может явить образ королевской власти в Англии при последней представительнице династии Тюдоров.

Основными источниками по посещению королевой резиденции Роберта Дадли можно считать: 1) письмо Роберта Лэнгэма, адресованное Хемфри Мартину [5, р. 426–484]; 2) пьесе Джорджа Гаскойна «Королевские удовольствия при дворе в Кенилворте» [5, р. 485–515]. Оба

источника по-своему интересны, однако первый — письмо Роберта Лэнгэма — предпочтителен для анализа. Во-первых, Лэнгэм занимал должность хранителя зала Тайного совета Ее Величества и, вероятнее всего, присутствовал в Кенилворте вместе с королевой. Во-вторых, письмо датировано 20 августа 1575 г., то есть примерно через месяц после самого визита. Пьеса Дж. Гаскойна была написана в 1576 г., то есть практически через год, и являет собой результат художественного литературного творчества, которое требует знания специальных методик анализа.

Письмо Р. Лэнгэма впервые было опубликовано в 1580 г., а затем несколько раз переиздавалось. Впервые это произошло в 1784 г.: оно было напечатано в книге писателя и антиквара Джона Николса, которая и стала основным материалом автора статьи для изучения документа; после выхода в свет романа Вальтера Скота «Кенилворт» в 1821 г. письмо было перепечатано вновь. Книга Дж. Николса при этом остается одним из немногих исторических трудов, где анализируется письмо Р. Лэнгэма [5].

При этом у ряда английских исследователей возникают сомнения относительно авторства именно Р. Лэнгэма. Р. Дж. П. Куин полагал, что письмо может принадлежать Уильяму Паттену, который якобы создал его в качестве шутки над Р. Лэнгэмом. Позже некоторые филологи, изучая стиль письма, используемые фразеологизмы и почерки, также высказались за авторство У. Паттена. Этот вопрос является открытым и дискуссионным, однако следует помнить, что У. Паттен тоже был участником событий, произошедших в Кенилворте в 1575 г.

Цель данной статьи видится автором в том, чтобы дать представление о письме Р. Лэнгэма на русском языке, так как документ до сих пор не переведен, нарративно описать события, отраженные в послании, и наметить основные векторы, в рамках которых можно изучать визит Елизаветы в Кенилворт.

Сейчас от некогда величественного замка Кенилворт (в буквальном переводе «Убийственная ценность») остались только развалины, расположенные на территории центральной Британии в графстве Уорикшир. Подобное плачевное состояние сооружения сохраняется еще с 1649 г., когда Кенилворт был разрушен в период Английской революции. Замок был построен еще в период нормандского завоевания Англии. Историк архитектуры Энтони Эмери описал его как «лучший сохранившийся пример полукоролевского дворца позднего Средневековья, отличающийся своими масштабами, формой и качеством исполнения» [6, р. 402].

История замка в XVI в. тесно связана с семьей Дадли. В 1553 г. он был передан в собственность Джону Дадли, важной политической

фигуре, которая выдвинулась еще при Генрихе VIII. Судьба 1-го герцога Нортумберлендского была печальной, после его попытки совершить государственный переворот в пользу Джейн Грей он был казнен Марией Тюдор по обвинению в измене. Замок, естественно, у него отобрали.

В 1563 г. Кенилворт вернулся в руки уже сына Джона Дадли, Роберту Дадли, 1-му графу Лестеру, по приказу королевы, фаворитом которой он был. Процесс реконструкции замка был задуман еще его отцом, и даже начат, однако большую часть работ предстояло произвести графу Лестеру. Оформление ландшафта, прогулочных галерей и украшений замка производилось по вкусу королевы. Абсолютно всё вокруг, все элементы декора были призваны подчеркнуть благодарность новоиспеченного владельца своему патрону, то есть Ее Величеству. По задумке, после проведения реставрационных работ и доведения замка до ума Елизавета I Тюдор должна была посетить Кенилворт в рамках своих традиционных путешествий по стране и своим владениям.

В очень скором времени визит действительно состоялся, и произошло это в 1575 г., то есть уже через два года. Письмо Р. Лэнгэма открывает его читателю красочную панораму событий, связанных с пребыванием Ее Величества в Кенилворте. Королева освещала своим присутствием новое имение Р. Дадли почти две недели (двенадцать дней).

По первоначальным данным, полученным из уже известного нам письма, королева-солнце была встречена не в самом замке, а на подъезде к нему, в субботу 16 июля 1575 г. в Лонг Ичингтоне, то есть в семи милях от Кенилворта. Кстати, Дж. Николс отмечал, что по другим, ошибочным, данным, Елизавете I встретили всего в трех милях от замка. Так или иначе, там дочь Генриха VIII уже ожидал роскошный обед в специально сооруженной для этих целей огромной палатке. Если верить источнику, ее размеры были настолько велики, что для возведения шатра потребовалось целых семь пудов булавок и иголок. После трапезы, ближе к восьми часам вечера, все отправились на королевскую охоту, после которой свита направилась уже в сам замок.

Королева подъезжала к замку с северо-востока, а потому первым, что встретилось ей на пути в Кенилворт, был Брайз (своего рода система укреплений с частоколом на северо-востоке от основной части замка, по периметру крепостной стены, но не из камня). Как только королева приблизилась к Брайзу, перед ней предстал человек в белых шелковых одеяниях. Он одарил ее заранее подготовленным пророчеством, в котором говорилось, что в ближайшее время правительницу ожидает прекрасное времяпровождение, процветание, долголетие и счастье. Это

предсказание королева, конечно же, благостно приняла. Естественно, это было первым актом того театрализованного представления, которое Р. Дадли подготовил для своей правительницы.

При пересечении Брайза перед Елизаветой был разыгран второй акт этой своего рода увертюры. Если ранее Ее Величество лицезрела одного человека, «пророка», то сейчас перед ней выступила целая актерская труппа, изображающая слуг замка. Грубые и невежественные слуги Кенилворта не проявили должного уважения к королеве, после чего управляющий показательно вымолил у королевы милость. Она, в свою очередь, с радостью подыграла фарсу и простила провинившихся, переступая порог замка. Процессию в честь благодарности за монаршую милость встречало шесть человек в разноцветных шелковых одеждах, каждый из которых трубил в серебряный горн, приветствуя государыню. Лэнгэм метафорично сравнивал звуки этой музыки с жужжанием пчел, отмечая, что они бы не смогли звучать так искусно.

Под звуки музыки, льющиеся из серебряных труб сопровождающих, королева проследовала за частокол Брайза, а именно к расположенному рядом с Кенилвортом огромному озеру. В легендах и сюжетах, связанных с ранней английской историей, озера занимали особое место. Конечно, центральным был образ некоего волшебного озера, из которого король Артур в свое время извлек Эскалибур, подаренный Владычицей Озера.

Хотя этот знаковый персонаж артуровского цикла и является неоднозначным, он не мог не использоваться Р. Дадли, учитывая ландшафт местности. Благодаря масштабам водоема представление произвело неопишное впечатление на всех, кто его лицезрел. Если учесть, что только около восьми вечера королева отправилась на охоту, можно предположить, что на момент пребывания ее на побережье была уже глубокая ночь, которая не рассеивалась даже в светлые июльские сутки.

С середины обширной темной глади навстречу королеве на импровизированном острове, как его называет Лэнгэм (вероятно, это был стилизованный плот), плыла Владычица Озера собственной персоной в сопровождении двух водных нимф. Героини были одеты в подобие античных тог — в драпированные одежды из белого шелка. Маршрут трех девушек пролегал через галерею заранее установленных факелов, отражавшихся в воде и создающих дополнительно освещение. Владычица Озера произнесла длинную речь, суть которой состояла в объяснении причин ее явления из многовекового забвения. После ухода короля Артура на Авалон она тоже была вынуждена покинуть мир и не показываться людям. Однако, узнав о приезде государыни, она приняла решение пред-

стать перед ней и выйти из своего озера. Елизавета ответила Владычице Озера с юмором: она наивно полагала, что все здесь принадлежит самой Елизавете, но если дела обстоят таким образом, то, в любом случае, двум владычицам придется впредь много общаться. На протяжении всего пребывания на берегу озера кроме светового сопровождения участников свиты окружала чарующая музыка, соответствующая атмосфере.

После беседы с героиней артуровского цикла королева проследовала по мосту, специально возведенному для нее. Кстати, этот мост далеко не единственное, что было создано по заказу Р. Дадли для королевы в своем имени. Одним из таких сооружений были так называемые елизаветинские «knot gardens». Это узловые сады, растения в которых были высажены преимущественно в форме квадратов или петель. Для создания сада в Англию были привезены самые разнообразные экзотические и целебные растения. Как и весь замок, они были серьезно повреждены во времена революции, однако сейчас они почти полностью воссозданы по старым планам.

Возвращаясь к мосту, хотелось бы отметить, что, конечно же, он создавался не из серебра, как указывал Лэнгэм. Тем не менее конструкция при этом ничуть не теряет своей ценности, учитывая тот факт, что хотя бы представить ее в голове крайне непросто. Лэнгэм пишет о неких «уровнях» моста: вероятнее всего, речь идет о рядах перил, каждый из которых был символически оформлен. Постараемся вообразить себе этот мост. В первом ряду располагались клетки с мифическими птицами, которые служили греческому божеству Сильвану, выступающему в качестве защитника лесов. На вкус Лэнгэма, они выглядели слишком громоздкими. Второй ряд состоял из больших серебряных шкатулок, наполненных экзотическими ягодами, фруктами и другими подарками римской богини плодов и изобилия Помоны, также отлитых из металла. Третий ряд символизировал дары от римской богини плодородия Цереры. Злаки, бобовые и овощи также были созданы из металла под стать серебру. Четвертый уровень формировался из серебряных даров бога виноделия и покровителя театра Диониса — виноградных лоз и многочисленных вин. Пятая часть преподносила королеве дары моря (устриц, свежую рыбу — по большей части форель, кальмаров и т.п.). Понятно, что все эти плоды моря могли быть переданы только царем океанов, римским богом Нептуном. Римский бог войны Марс в шестом ряду преподнес английской государыне копьё, стрелы, щиты и другие военные атрибуты. Феб, или же Аполлон, бог света, наук и искусств, даровал королеве лиры, арфы и прочие музыкальные инструменты.

После прохождения причудливого моста взору королевы представился огромный щит с ее личным позолоченным вензелем, обвитым темно-зеленым плющом, под которым поместилось стихотворение, смысл которого заключается в признании всеми власти и величия Елизаветы, а она сама называется «Царицей Богов», власть которой они признают над собой и преподносят ей свои «скромные» презенты.

У читателя письма может возникнуть вопрос: «Неужели верховное божество Рима не поприветствует государыню? Где сам Юпитер?» Вряд ли шествие через мост можно считать третьей частью представления, созданного для Елизаветы, а вот встреча с Юпитером вполне может претендовать на очередной акт. После шествия через двор и прохода уже во внутреннее пространство замка королеву встретил не кто иной, как царь богов Юпитер, который оказывал ей всяческие почести и сопровождал внутрь Кенилворта вплоть до самих покоев, отведенных для царственной гостыи.

Следующий, воскресный, день, 17 июля, был менее насыщенным, чем субботний вечер-приветствие. Первая половина суток прошла в отдыхе и богослужениях, вероятно, после событий накануне. Вторая половина была отдана под трапезу и прослушивание музыки. Однако не следует думать, что все торжественные мероприятия, подготовленные Р. Дадли, были окончены. Ближе к ночи Елизавету снова посетил Юпитер, который преподнес совершенно неожиданный для государыни презент. Лэнгэм пишет о световом шоу, которое, вероятнее всего, было самым настоящим красочным фейерверком, озарившим ночное воскресное небо над Кенилвортом.

Начало новой недели, или очередной день в замке, был отмечен жарой, из-за которой королева предпочла остаться в покоях до пяти вечера, используя холодные компрессы. Как только марево спало, было решено отправиться на охоту на оленя. Понедельник также не остался без специальной постановки, адресованной Елизавете. После окончания погони «неожиданно» из леса недалеко от замка, где велась королевская охота, вышел человек, также разыгрывающий театрализованное представление и обращающийся к греческой богине Эхо. После бесед с ней персонаж донес до королевы послание Эхо. Согласно ему, Ее Величество являла собой необыкновенный пример сочетания природной красоты и остроты ума.

Первый день, в который королеве Англии не довелось встретиться ни с каким божеством или героем, — это вторник. Он прошел менее насыщенно, чем все остальные, зато в стенах замка весь день лились чару-

ющие мотивы, а все его обитатели провели время за музицированием. Среда тоже прошла достаточно спокойно. Так же, как в понедельник, было решено отправиться на охоту за оленем, которого удалось загнать, но, по воле королевы, животное в итоге отпустили. И на этот раз никто из жителей небес не посетил государыню.

В четверг для Елизаветы был подготовлен своего рода акробатический этюд от специального мастера из Италии. Лэнгэм отмечал, что королева была в восторге и что он сам никогда не наблюдал подобных ловкостей человеческого тела. Пятница и суббота оказались непогожими, дождливыми, холодными днями, а потому все мероприятия, которые, возможно, и были запланированы, пришлось отменить. Королева все время провела под сводами Кенилворта. Под конец воскресного вечера королеве все же удалось посмотреть театрализованное представление с большим количеством того, что современный человек сейчас бы назвал «спецэффектами», и, как видно, осталась очень им довольна. Это не случайно, учитывая то, что декорации постоянно менялись, создатели играли светом, переодевали персонажей и в целом достигли веского динамизма. К тому же в постановке особенно отмечалась роль женщин, которые способны так же, как мужчины, любить Англию и готовы пойти ради страны на все. После пьесы, конечно, последовал очередной восхитительный банкет.

Первый день следующей недели, или же десятый день времяпрепровождения королевы (понедельник, 25 июля), в Кенилворте был отмечен жарой, и только к вечеру удалось вновь, в третий раз, выехать на охоту на оленя.

Время пребывания королевы в имении Р. Дадли стремительно исходило, а потому вторник Елизавета I провела в беседах со своими подданными, выслушивании их пожеланий, чайний и переживаний. Судя по всему, отдельное время дня отводилось под королевское врачевание. Как известно, каждый излечившийся (или полагавший, что излечился) больной был ее аргументом в споре с оппонентами-католиками и отцами иезуитами, а также со всеми, кто не признавал ее законной королевой Англии, ведь если бы это было не так, Господь не позволил бы ей врачевать [1, с. 182]. Не ясно, сколько именно было заболевших, и точно ли это были люди, страдающие от туберкулеза, однако факт того, что королева точно уделила время больным, налицо, если, конечно, верить Лэнгэму. Очевидно, оставшуюся часть времени королева провела в сборах. В среду (27 июля 1565 г.), на двенадцатый день своего визита, королева уже отправилась из Кенилворта.

Примерно так прошло путешествие Елизаветы, если верить тому, что Лэнгэм написал Хемфри Мартину. Что же может дать исследователю этот исторический источник?

Прежде всего, любому интересующемуся присутствием государыни в замке следует задаться вопросом о том, почему именно такой набор божеств встречается на пути гостыи. Большинство из них римские, вероятно, по той причине, что греческая мифология еще оставалась неизвестной англичанам, а вот римское наследие на протяжении всего Средневековья жило в умах европейских жителей. Открытым остается вопрос о том, как согласовывались языческие мотивы с англиканской религиозной этикой.

Богиня Эхо посещает королеву лишь на третий день пребывания в Кенилворте. Почему же она не предстала в субботний вечер или в воскресенье, когда, как нам известно, проходило музицирование? Также хочется обратить внимание на такой важный для средневекового человека аспект, как знаковые числа. Королеву, если верить Лэнгэму, встречают в семи милях от замка. Для торжественного приветственного обеда сооружают шатер с использованием семи пудов булавок и иголок. При пересечении моста она проходит семь уровней и принимает семь подарков от семи божеств. Ведь не просто так Юпитер остается напоследок и встречает правительницу не сразу на побережье, а провожает ее в замок. Само время визита, вероятно, выбрано не случайно, ведь июль — это седьмой месяц года. Отбывает она в дату, содержащую семерку (27 июля). Исследователь может постараться ответить на вопрос, почему именно цифра семь становится краеугольным камнем этого визита.

Недостаточно изучена и символика узловых садов, созданных специально для Елизаветы. Какой там был набор растений? Почему именно они украсили геометрические узоры из растительности? Имело ли это какое-то скрытое значение? К тому же щит с вензелем Елизаветы также был обвит растением — зеленым плющом, представление о котором прошло процесс эволюции в сознании средневекового человека, и не совсем ясно, какой оно смысл имело в Англии XVI в.

Несомненно, подробного внимания заслуживает представление, связанное с Владычицей Озера. Заметим, что из всех персонажей, встречаемых на пути королевы Елизаветы, она единственная не входит в поле античной мифологии и, если можно так выразиться, является автохтонной жительницей Британских островов. Все эти и многие другие вопросы еще только предстоит рассмотреть исследователям елизаветинских церемоний и процессий.

Подводя итог, можно сказать, что в отечественной историографии такой исторический источник, как письмо Лэнгэма Хемфри Мартину, практически не рассмотрен. В зарубежной, а особенно в английской, историографии он привлекает большее внимание, однако все еще представляет собой кладезь свежей информации. При определении нескольких направлений изучения королевского пребывания в Кенилворте на основе указанного источника можно сформировать представление о том, как Елизавета хотела выглядеть в глазах английской знати XVI в., или о том, как видела ее элита. Представляется вероятным реконструировать один из элементов королевского двора и королевских традиций того времени. Таким образом, данный документ, в компиляции с дополнительными материалами о Кенилвортском визите и разрозненными данными историографии, способен дать почву для нового исследования по репрезентативной деятельности Тюдоров в Англии.

Список источников и литературы

1. *Дмитриева О. В.* Елизавета Тюдор. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 308 с.
2. *Lee C.* 1603: the death of Queen Elizabeth I, the return of the Black Plague, the rise of Shakespeare, piracy, witchcraft and the birth of the Stuart era. New York: St. Martin's Press, 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/s/1603deathofqueen0000leec_c7y5 (дата обращения: 21.10.2023).
3. *Kilner F. R.* Kenilworth, first fifty years. University of Illinois Urbana-Champaign, 1947 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/kenilworthfirstf00keni> (дата обращения: 22.10.2023).
4. *Thompson M. W.* Kenilworth Castle, Warwickshire. London: H.M.S.O., 1977 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/kenilworthcastle0000thom> (дата обращения: 20.09.2023).
5. *Nichols J.* The progresses and public processions of Queen Elizabeth in three volumes. Vol. 1. London: Printed by and for John Nichols and son, 1823 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/progressespublic01nich> (дата обращения: 22.08.2023).
6. *Emery A.* Greater medieval houses of England and Wales, 1300–1500: Southern England. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. URL: <https://archive.org/details/greatermedievalh0001emer> (дата обращения: 21.09.2023).

УДК 94(41)

Смирнова Н. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st102595@student.spbu.ru

«Британия» Уильяма Кэмдена как первый учебник по английской истории

Аннотация. Статья посвящена изучению хорографического труда Уильяма Кэмдена «Британия, или Хорографическое описание самых процветающих королевств, Англии, Шотландии и Ирландии, а также дружеских им островов и земель» в контексте решения внутригосударственных проблем британских островов в XVI в.

Ключевые слова: Уильям Кэмден, Британия, хорография, Елизавета I

Smirnova N. A.

St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st102595@student.spbu.ru

«Britain» by William Camden as the first textbook on English history

Abstract. The article is devoted to the study of William Camden's chorographic work "Britain, or a choreographic description of the most prosperous kingdoms, England, Scotland and Ireland, as well as friendly islands and lands" in the context of solving domestic problems of the British Isles in the XVI century.

Keywords: William Camden, Britain, choreography, Elizabeth I

Уильям Кэмден был выходцем из средних слоев населения. Оставшемуся в юном возрасте без родителей Кэмдену приходилось рассчитывать только на свои способности и протекцию образованных людей, благодаря которой ему удалось получить не только образование, но и место преподавателя в Вестминстерской школе [1, p. 279]. Во время обучения в Крайст-черче Кэмден познакомился с сэром Филипом Сидни, вхожим в дом сэра Уильяма Сесила. Вероятно, именно Сидни и познакомил Кэмдена с елизаветинским сановником, вдохновившим молодого преподавателя первоначально на сбор материала, а затем и на написание «Британии, или Хорографического описания самых процветающих королевств,

Англии, Шотландии и Ирландии, а также дружеских им островов и земель», более известного под кратким названием «Британия».

Сам автор указывал на ведущую роль Авраама Ортелия в направлении его написание этого труда, однако мы полагаем, что в этом вопросе нельзя не учитывать влияния сэра Сесила уже на начальном этапе работы [2, р. 13]. В пользу данного предположения говорит и посвящение первого издания хорографии, вышедшего в свет в 1586 г. Автор посвятил его сэру Уильяму Сесилу, 1-му барону Берли [3]. Можно поставить под сомнение аргумент, что посвящение труда именно сэру Сесилу показывает его влияние на создание работы, скорее этот жест мотивирован желанием привлечь внимание могущественного сановника. Однако «Британия» выдержала 6 изданий: первое вышло в 1586 г., затем переиздавалась в 1587, 1590, 1594, 1600, 1607 гг. с дополнениями, вносимыми автором по мере появления в его распоряжении новых материалов. Без поддержки сильного мира сего такое в XVI в. было практически невозможно. Королева Елизавета I высоко оценила труд Уильяма Кэмдена не только как хорографический, но и как генеалогический и геральдический. После выхода в свет четвертого издания «Британии» 23 октября 1597 г. Кэмден был назначен в Геральдическую палату королевства, сразу на высокую должность короля оружия Кларенсо, что вызвало недовольство и вражду некоторых членов Геральдической палаты по отношению к нему. По нашему мнению, такое назначение вряд ли могло состояться без участия такого влиятельного персонажа британской политики, как сэр Уильям Сесил. Помимо широко известной «Британии» Уильям Кэмден написал, уже целенаправленно по заказу сэра Сесила, «Анналы деяний Елизаветы, королевы Англии и Ирландии» — историю правления Елизаветы I.

Как уже было упомянуто, Уильям Кэмден трудился в Вестминстерской школе на протяжении восемнадцати лет, пройдя путь от простого учителя до директора этой школы. Опыт многолетнего преподавания, несомненно, способствовал формированию у Кэмдена взглядов на то, в каком стиле надо излагать материал, каким должно быть пособие по освещаемому предмету для достижения максимального обучающего и воспитательного эффекта.

Параллельно с преподавательской деятельностью Кэмден занимался сбором информации и написанием своего основного труда «Британия». Приступая к рассмотрению этой работы, мы будем исходить из следующих предположений:

- целью написания сочинения было создание своеобразного пособия по изучению своей страны и ее прошлого;

- создаваемое пособие было призвано способствовать выполнению специфических задач, вставших перед руководством государства и транслируемых автору сэром Уильямом Сесилом, по укреплению единства нации, нивелированию в сознании населения страны любого иностранного влияния или авторитета как в делах светских, так и в делах духовных, а также всевозможного поддержания престижа правительницы-женщины.

Что же такое «Британия»?

«Британия, или Хорографическое описание самых процветающих королевств, Англии, Шотландии и Ирландии, а также дружеских им островов и земель», как отмечено в самом названии произведения, — это хорография, включающая в себя описание Англии, Шотландии и Ирландии по территориальному принципу. Описание включает в себя тесно увязанные между собой географию описываемого места, его пейзаж, историю, связанные с ней исторические памятники и сооружения [4, р. 300].

Автор предваряет свою работу четким объяснением причины, побудившей его к написанию труда, — это желание быть полезным своей стране, оказать услугу в прославлении и просвещении своей страны, достоинства британского имени [5, р. 123].

Первая часть работы посвящена пояснению принципов ее выполнения и подробному разбору общих вопросов. Кэмден сразу говорит об огромном количестве использованных источников информации, упоминает об авторах, на мнение которых он опирался при написании работы, стремясь сопоставлять и анализировать различные точки зрения и трактовки одного и того же факта, намеренно не высказывая личного отношения к рассматриваемому вопросу.

Кэмден четко объясняет краткость своего описания правления римлян в Британии и периода после нормандского завоевания. При описании графств автор пунктиром устанавливает их границы, по возможности характеризует природу почв, климата и связанную с этим специфику хозяйства в данной местности, иногда приводит даже кулинарные рецепты, характерные исключительно для рассматриваемого графства; в рамках каждого рассматриваемого графства он приводит генеалогию самых знатных и древних фамилий. Рассматривая топонимику описываемого объекта, Кэмден также анализирует лингвистическую составляющую конкретного топонима в нескольких языках.

Вторая часть работы посвящена описанию территории Британии подробно и отдельно по каждому графству. Обращает на себя внимание трехступенчатый принцип построения каждой главы:

- описание графства, включая историю племен, издревле населявших описываемую территорию, а также ее географические границы, климат, перечисление видов деятельности, которой занимается население, описание местных достопримечательностей и памятников;
- описание генеалогии знатных семей, правивших на описываемой территории;
- указание количества имеющихся в графстве приходов, часовен или церквей.

Автор стремится представить Британию как можно более комплексно, не только с точки зрения ее истории, но приводя сведения о ее местоположении на современной автору карте мира, природе, флоре и фауне острова, о народах, населяющих его.

Целесообразно проанализировать хорографию Кэмдена с точки зрения тех задач, которые стояли перед автором. Итак, задача первая: укрепить единство нации, нивелировать в сознании населения страны любого иностранного влияния или авторитета как в делах светских, так и в делах духовных. Как же автор подошел к ее решению? Проанализировал историю с самого начала, с истоков.

Уильям Кэмден осторожно подходит к рассмотрению вопроса о происхождении бриттов, сразу оговариваясь, что «в столь древних делах легче строить предположения, чем с уверенностью высказываться в другом направлении» [6]. С присущей его труду осмотрительностью, осторожностью и одновременно основательной доказательной базой автор говорит о том, что, «кажется, мы можем доказать, что наши бритты являются истинными потомками галлов, исходя из имени, положения, религии, нравов и языка, которыми древнейшие галлы и бритты были объединены» [6]. В подтверждение своей мысли о том, что «каждая страна получила своих первых жителей скорее от соседей, чем из самых отдаленных мест» [6], автор, ссылаясь на Беду Достопочтенного, которого он называет «из всех наших писателей другом правды» [6], приводит рассуждения, касающиеся Британии, которая «была сначала оккупирована соседними галлами, и не откуда-нибудь, как из соседней Франции, колыбели бриттов, напротив нашего острова» [6].

Относительно имени племени бриттов автор рассматривает наименования племен в трудах Иосифа Флавия, Зонара, Цицерона, Аппиана и приходит к выводу о том, что древних галлов и бриттов называли одинаково — кимврами, что также говорит о тесной связи племен.

Сравнивая бриттов и галлов по линии религии, Кэмден обращает внимание на наличие в культуре и тех и других друидов. Друиды, по сло-

вам автора, «принимали участие в божественных делах, совершали общественные и частные жертвоприношения. Большое количество юношей стекалось к ним с целью наставления, и они пользовались у них большим почетом. Они разрешали общественные и частные споры, если совершены убийства, если есть спор о наследстве или границах, они определяли награды и наказания» [6]. Что касается нравов бриттов, автор, ссылаясь на мнение Страбона, делает вывод о том, что и галлы, и бритты «были очень воинственны, жаждали убоя, с одинаковой дерзостью вступали в сражения и рисковали» [6], подчеркивает, что бритты, «подобно некоторым галлам, по большей части чудовищны в ведении своих войн» [6]. Анализируя язык бриттов на предмет общности с языком галлов, Кэмден приводит примеры слов древних галлов, которые близки по звучанию и смыслу словам бриттов. Помимо этого, автор анализирует способ образования названий мест у обоих народов и приходит к выводу об идентичности словообразования.

Также Кэмден говорит о пиктах, заселивших север острова, называемый Шотландией, как о втором после бриттов племени, прибывшем на остров, а затем уже о появлении на территории Ирландии племени скоттов. Уильям Кэмден говорит об этих племенах во второй и третьей частях своей работы, посвященных, соответственно, Шотландии (вторая часть) и Ирландии (третья часть), оставив информацию об этих племенах за рамками рассмотрения в первой части своей работы, посвященной конкретно Британии, полагая Шотландию и Ирландию присоединенными территориями, традиционно «воспринимавшимися как периферийные» [5, p. 118].

Что же касается происхождения самого названия острова — Британия, автор рассматривает несколько версий возникновения этого названия. Первая версия гласит, что наименование острова произошло от названия племени, его населявшего, или от имени родоначальника племени — древнего Бритта. Вторая версия — авторитетные авторы древности в своих трудах называли остров Бритта. Третья версия связана с традицией бриттов раскрашивать свои тела, которые они называли «brith». Четвертая версия — наименование острову дали древние греки, задолго до римлян посетившие остров. Узнав от местных жителей или от галлов, говоривших с местным племенем на одном языке, что этот народ назывался брит или бритт, они к слову «брит» добавили слово «tania», что, как утверждает Кэмден, означает в греческом языке область, образовав таким образом название острова — Британия. В поддержку древнегреческих корней происхождения названия острова Кэмден говорит

о большом количестве греческих слов, проникших в британский язык, ссылаясь при этом на мнение сэра Томаса Смита, секретаря королевы Елизаветы, который занимался вопросами истории английского языка.

Проведя столь скрупулезный комплексный анализ схожести племен галлов и бриттов, Кэмден делает вывод о том, что племя бриттов произошло от галлов. В вопросе происхождения названия острова Кэмден высказывает свою собственную точку зрения, считая ее наиболее верной, но при этом предлагая соотечественникам, которые «относятся к ученому роду» [6], использовать все имеющиеся у них возможности для установления истины.

Следующим значимым историческим сюжетом, рассмотренным Кэмденом, был уход римлян с островов. Антикварий очень осторожно подходит к рассмотрению данного вопроса и начинает анализ ухода с конца, а точнее, с ответа императора римлян Гонория на просьбу бриттов о помощи и защите от нападений и разорения провинции скоттами и пиктами, ответа, в котором он рекомендовал островитянам самим озаботиться вопросами защиты себя и своих земель. Противостоять натиску скоттов и пиктов бритты не могли и в очередной раз, через довольно продолжительный промежуток времени после отказа Гонория, обратились за помощью к Риму. И здесь Кэмден приводит информацию, отличную от данных более ранних авторов. Он говорит о помощи, выделенной бриттам императором Валентинианом III в количестве нескольких полков, прибытие которых на остров позволило победить соседей бриттов. Помимо этого, была возведена защитная стена из камня, отделившая бриттов от пиктов на севере, на южной стороне острова вдоль побережья была сооружена цепь сторожевых башен, расположенных в пределах прямой видимости. Кроме того, по информации Кэмдена, прибывший контингент показал бриттам, как делать доспехи и оружие.

Отвечая на вопрос о роли Рима в появлении англосаксов в Британии, Кэмден пишет: римская империя оставила Британию, лишенную всякой военной помощи и защиты военного гарнизона, лишенную сильных молодых бриттов, опустошенную большим количеством сборов и рекрутов, беззащитной перед жестокой яростью пиктов и скоттов, предопределив тем самым появление в Британии англосаксов, речь о которых пойдет далее.

В изложении Уильяма Кэмдена история появления переселенцев на острове выглядит следующим образом: Вортигерн — кельтский король Британии первой половины V в., с целью узурпировать власть и установить свое правление во всей Британии «послал за саксами из Германии, чтобы помочь ему» [6] в достижении этой цели. «Они прибыли в Бри-

танию и после того, как в одном или двух сражениях одержали победу над пиктами и скоттами, и видя, что британцы полагаются на их мужество и храбрость» [6], саксы убеждают Вортигерна увеличить количество соплеменников на территории Британии с тем, чтобы «большие силы из Германии охраняли границы и досаждали врагам Британии на суше и на море» [6]. Вследствие этого на остров прибывает вторая волна переселенцев. Постепенно количество прибывших саксов в сочетании с уже обитавшими на острове соплеменниками возросло настолько, что позволило им обратить свое оружие против самих хозяев страны. «Саксы вступили в союз с пиктами и повели самую кровавую и смертельную войну против британцев <...> они отнимали у британцев их лучшие земли в наиболее плодородных частях острова и изгоняли их из их древних владений» [6]. При этом на территорию острова продолжали прибывать все новые и новые переселенцы, среди которых Кэмден отмечает уже не только саксов, но и представителей других германских племен: англов и ютов. Проанализировав истории происхождения этих племен, мест их обитания на территории континента, а также их деятельность на территории острова, Кэмден приходит к выводу, что «германцев, поселившихся в Британии, благодаря тому, что они стали одной нацией <...> называть их можно одним общим именем, англосаксами, в отличие от тех, что живут в Германии» [6].

Относительно времени появления англосаксов в Британии Кэмден, анализируя различные источники, склоняется к 428 г. «Что ж, в какое бы время они ни пришли, они служили хорошим доказательством своей исключительной доблести и мудрости. Ибо за короткое время их государство числом, хорошими обычаями и постановлениями, землями и территориями выросло до такой высоты, что стало самым богатым и могущественным, да и их завоевание в каком-то смысле было полным и абсолютным. Ибо все побежденные, за исключением немногих, которых суровость страны защищала и оберегала, стали одним народом, пользовались одними и теми же законами, взяли свое имя и говорили на одном и том же языке с завоевателями» [6]. Дав такую хвалебную характеристику, Кэмден старается детализировать добродетельные черты пришельцев: пишет об их силе духа и тела, воинственности, выносливости в труде.

Памятуя о своей цели внушить соотечественникам гордость своими корнями, Кэмден продолжает отмечать заслуги англосаксов в деле просвещения и развития других стран Европы. В связи с этим он отмечает влияние англосаксов «на возрождение лучших искусств, наук и хорошей

литературы по всей Германии, на привнесение в Германию военного знания об оружии, а также учености и религии, имея в виду друидов и Алкуина, чьи познания высоко ценил Карл Великий, особенно в области образования» [6].

Следующим немаловажным моментом является то, как Уильям Кэмден описывает героя, который к XVI в. прочно укоренился в умах людей в качестве примера для формирования ключевых черт характера каждого британца. Речь идет об Артуре, легендарном короле, вопрос о достоверности существования которого до сих пор не получил однозначного ответа.

Интересующий нас персонаж прожил жизнь военного человека, перемещался по территории Британии, поэтому информация о нем встречается в главах, посвященных разным графствам Британии, причем не в хронологической последовательности его деяний и жизни и не всегда связана непосредственно с ним самим. Первое упоминание об Артуре встречается у Кэмдена в главе «Корнуолл», где автор говорит о месте рождения Артура: «рядом с берегом находится Тиндагий, колыбель великого Артура. Нынче Тиндагелем называют теперь лишь великолепные развалины некогда великолепного замка» [6].

Следующие упоминания о легендарном короле связаны с предполагаемыми местами его боевой славы, а также с городом Арль, в котором «наш воинственный Артур был облечен и коронован королем» [6]. Постепенно продвигаясь по графствам Британии и собирая информацию об Артуре, Кэмден все-таки, вопреки своему принципу не высказывать своего отношения к полученной информации, дойдя до описания руин маленького города в графстве Шропшир, говорит: «обыкновенно люди приписывают славе короля Артура все древнее и необычное» [6].

В тексте Кэмдена красной нитью проходит мысль о том, что «воинственный Артур погиб, защищая свою страну», что важно, если иметь в виду воспитательную идею создания труда.

Поскольку хорография служила в качестве своеобразного пособия, то автор не мог обойти стороной и те сюжеты, нравоучительный посыл которых касался отрицательных черт личности. Соответственно, Уильям Кэмден пишет об антигероях в британской истории. Он упоминает Андрогея, Теркилла, Эдрика Стреону и их неблагоприятные поступки, тем самым формулируя один из нравственных принципов англичан: «он был предателем, потому что нарушил долг своей верности», исповедуемый английским обществом и поныне [7; 8].

Для решения последней из упомянутых выше задач Кэмден обращается к одному из самых ранних периодов британской истории — эпохе

римского завоевания островов. Одно из восстаний против римского владычества возглавляла, как сообщает Кэмден, «Будика, дама королевской крови (ибо в вопросе верховного правления британцы не делают различия по полу), подстрекая тринобантов к мятежу, и многие из них, еще не сломленные игом рабства, в тайных заговорах поклялись восстановить и возобновить свою свободу» [6]. Кэмден уточняет, что «у бриттов действительно был обычай вести войну под предводительством женщины». Восстание было подавлено, и «Будика покончила с собой с помощью яда» [6].

Выполняя хорографическое описание страны, Уильям Кэмден пересказывает встретившуюся ему информацию о женщинах, оставивших какой-либо след в истории, в привязке к описываемому в данной главе графству, причем деяния одной персоналии могут быть разбросаны по разным главам, в зависимости от того, в каком графстве описываемое деяние произошло. Например, описывая графство Дорсетшир, Кэмден упоминает мать короля Генриха VII, Маргарет, графиню Ричмондскую, построившую школу для воспитания молодежи. Хорография Уилшира у Кэмдена содержит велеречивый экскурс в историю деяний Генриха VIII, создавшего для Томаса Болейна титул графа Уилшира и взявшего его дочь Анну в жены.

Совершая путешествие по Ханширу, Кэмден обращает внимание читателей на город Винчестер, соседствующий с возвышающимся рядом старым замком, многократно подвергавшимся осаде во времена противостояния императрицы Мауд [Мод. — Н. С.] против короля Стефана в борьбе за британский трон.

Рассказывая о графстве Сатрей (Суррей), Уильям Кэмден дает характеристику деятельности Елизаветы I: «Дева в течение сорока четырех лет так держала царский скипетр, что ее подданные любили ее, враги боялись ее, и все с восхищением чтили ее, что во все предыдущие века является редким примером» [6]. Справедливости ради автор, описывая графство Суссекс, отмечает и злоупотребления времен правления Елизаветы I: «Старый город Гастингс поглотило море, деревянный пирс был насильственно унесен чрезвычайной яростью моря. В связи с этим для улучшения города королева Елизавета предоставила пожертвование на строительство новой гавани, которое было начато, но пожертвование было быстро обращено на частные цели, а общественное благо было забыто» [6].

На примере упомянутых Уильямом Кэмденом персонажей-женщин отчетливо просматривается стремление показать возможность и способность женщины быть успешным правителем, предводителем войска, созидателем, поднимающим из руин города и религиозные обители.

Уровень развития и самосознания британского общества способствовал рассмотрению таких возможностей для женщины XVI в. в плане ориентации на женщину-правителя.

Таким образом, в своем труде Уильям Кэмден отразил основные пункты, способствующие формированию общественно-политических взглядов британского общества:

- показал элемент, цементирующий общество, героя народных легенд;
- сформулировал постулат неприемлемого поступка на исторических примерах предательства;
- привел исторические примеры, подтверждающие легитимность правления женщины.

Список источников и литературы

1. *Thompson E. M.* William Camden // Dictionary of National Biography. Vol. 8. London: Elder Smith & Co., 1886. P. 277–285.
2. *Brackmann R.* The Elizabethan invention of anglo-saxon England: Laurence Nowell, William Lambarde and the study of old English (Studies in Renaissance Literature. Vol. 30). Cambridge, 2012. 256 p.
3. *Smith T.* Viri Clarissimi Gulielmi Camdeni Vita // The philological museum. 2004–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/smith/> (дата обращения: 16.09.2023).
4. *Терентьева Е. А.* Рассуждение о методе Уильяма Кэмдена // Диалог со временем. Вып. 51. М., 2015. С. 300–309.
5. *Паламарчук А. А., Терентьева Е. А., Федоров С. Е.* Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. 308 с.
6. *Camden W.* Britannia // The philological museum. 2004–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/cambrit/> (дата обращения: 17.09.2023).
7. *Горелов М. М.* Датское и Нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 167, [8] с.
8. “Worst” historical Britons list // BBC History. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/4561624.stm> (дата обращения: 17.09.2023).

УДК 94(411).06

Ситнер С. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: harfenispielerin@yandex.ru

Модусы обращения шотландцев и англичан к своему прошлому в юнионистских трактатах 1603–1607 гг.

Аннотация. Статья посвящена использованию сюжетов из англо-шотландского прошлого авторами юнионистских трактатов времен Якова I Стюарта. Доказывается, что англичане обосновывали свое превосходство ссылками на англосаксонскую историю и прецеденты шотландского вассалитета, а шотландцы настаивали на своей независимости и равноправии, апеллируя к древней и церковной истории, письму Сомерсета.

Ключевые слова: Англо-шотландская уния 1603 г., актуальное прошлое, мифоистория

Sitner S. V.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: harfenispielerin@yandex.ru

Modes of reference to their own past in the unionist tracts of Scots and Englishmen in 1603–1607

Abstract. The article deals with the usage of Anglo-Scottish past by authors of the unionist tracts under James I Stuart. To sum up, the Englishmen tended to base their supremacy upon the examples from the Anglo-Saxon history and Scottish fealties, the Scots insisted on their independence and equality with reference to the ancient and Church history, Somerset's epistle.

Keywords: Anglo-Scottish Union of 1603, usable pasts, myth history

Уже первая сессия первого парламента Якова Стюарта была посвящена развитию персональной унии до уровня унии законодательных систем и парламентав с единым гражданством и общим хоронимом [1, с. 145, 147]. Однако в апреле 1604 г. недружественно настроенная к идее «совершенной унии» английская Палата общин отвергла идею принятия государствами общего имени «Великобритания» и практически саботи-

ровала назначение делегатов в совместную с шотландцами комиссию для разработки статей унии [1, с. 148; 2, р. 112, 115]. Как отмечает Р. Манден, всякие возражения против смены имени являлись завуалированной атакой на идею унии. Враждебность к «грубым» и «диким» шотландцам, чья алчущая должностей и бенефициев «нищая толпа» грозила «затопить» процветающую Англию, захватила умы многих парламентариев и прочно утвердилась в общественном мнении [3, р. 63–65], свидетельства чего можно найти не только в пьесах и памфлетах [4, р. 124–125; 5, р. 577–578], но даже, по мнению Дж. Уормальд, в мотивах организаторов «Порохового заговора», желавших избавить свою родину от «шотландских паразитов» [6, р. 157–163].

Однако, как отмечает С. Уорехен, не только ненависть и презрение царили в мыслях и словах англичан в этот период: умеренный и даже положительный настрой в отношении унии можно найти в трактатах и памфлетах 1603–1607 гг. [5, р. 577, 579, 582]. Большинство из 17 английских и 9 шотландских текстов унию поддерживали [7, р. 30]. Причем для этих трактатов был характерен общий интеллектуальный контекст, где в качестве аргументов привлекались примеры из ветхозаветной, античной, средневековой и современной истории.

В рамках настоящей статьи нам бы хотелось проанализировать модусы обращения к англо-шотландскому прошлому: как и зачем авторы с обеих сторон вспоминали о бритгах, англосаксах, крещении Британии, англо-шотландских войнах, «грубом сватовстве» 1540-х гг.? Как одни и те же сюжеты и персонажи трактовались шотландцами и англичанами? Наконец, хотелось бы проверить на материале юнионистских трактатов тезис о смене исторической парадигмы в Англии на рубеже веков: по мнению Р. Бринкли и С. Уорехен, восходящая к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского «британская» легенда (троянец Брут по старшинству распределил между сыновьями будущие Англию, Шотландию и Уэльс, так что английские монархи могут претендовать на первенство и даже возрождение Британской империи) стала проигрывать «открытому» антиквариями англосаксонскому прошлому [5, р. 585; 8, с. 158, 168; 9, р. 5–6, 19–22]. У шотландских авторов тоже была своя этногенетическая легенда, разработанная священником Джоном из Фордуна: прародителями шотландцев были бежавшие из Египта афинянин Гателус и дочь фараона Скотта, чей потомок Фергус стал в 330 г. до н. э. первым королем скоттов; Британией считается только южная часть острова, а король Артур не упоминается вовсе [10, с. 142; 11, р. 63–64]. Об этих исторических мифологемах в XVI — начале XVII в. англичанам не давали забыть

хроники Э. Холла и Р. Холиншеда, а шотландцам — сочинения Г. Бойса и Дж. Бьюкенена [11, р. 64–65, 73–74; 12, с. 454–457].

В данной статье мы обратимся к шести английским и пяти шотландским трактатам. Самый ранний из них — это эссе Фрэнсиса Бэкона «A brief discourse touching the Happy Union of the Kingdoms of England and Scotland» (1603), в котором он поддерживает унию на условиях первенства в ней своей родины [13, р. 246]. В мае 1604 г. в ответ на отказ Палаты общин изменить название страны епископ Бристоля Джон Торнборо опубликовал трактат «A Discourse plainly prouing the euident vtilitie, and vrgent necessitie of the desired happie vniion of the two famous Kingdomes of England and Scotland», который был вскоре запрещен из-за нарушения им тайны парламентских дебатов. Это не помешало ему в октябре того же года посвятить унии еще один апологетический трактат «The Joiefull and Blessed Reuniting the two mighty and famous kingdomes, England and Scotland, into their ancient name of Great Brittain» [13, р. 248–249]. Юрист и парламентарий Джон Доддридж, с октября 1604 г. генеральный солиситор, написал, видимо, по заказу короля трактат «A Brief consideration of the Unyon» (1604) [14, р. LXI–LXVI]. Другой английский антикварий, Генри Спелман, посвятил унии куда менее восторженный нарратив «Of the Union» (1604), выступив за подчиненное положение Шотландии [14, р. LXVIII–XXII]. Известный гуманист, переводчик Тацита Генри Сэвил в «Historicall collections left to be considered of for the better perfecting of this intended union between England and Scotland set down by way of discourse» (1604) также отводил Шотландии второе место в унии [14, р. LXXVI].

Среди шотландских авторов самый ранний трактат — это «A Panegyrique of Congratulation for the Concord of the Realmes of Great Brittain in Unitie of Religion, and under One» (1603, перевод с французского) клирика Джона Гордона, бывшего придворного последних Валуа, вернувшегося из эмиграции в 1603 г. и получившего от короля пост декана Солсбери, который изобразил британцев избранным народом, которому предназначено восстановить чистоту христианской веры [13, р. 242]. Судья и клирик Роберт Понт в своем диалоге «Of the Union of Britayne, or conjunction of the kingdomes of England and Scotland» также был убежден, что равноправная уния приведет к миру в Британии и победе Реформации в остальном мире [13, р. XLVII–XLIX]. Эдинбургский адвокат Джон Рассел посвятил Якову «Ane Treatise of the happie and blisshed unioun» (1604), подчеркнув равные права сторон в унии и грядущее наступление Золотого века [13, р. LV–LVIII]. Интересен и анонимный трактат из кембриджского Тринити-колледжа «A treatise about the Union of England and Scotland»

(май — октябрь 1604). Наконец, самый крупный и наиболее богатый на британские исторические мифологемы текст написан юристом Томасом Крейгом, членом парламентской комиссии по унии [15, р. V–XVI].

При рассмотрении модусов обращения авторов юнионистских трактатов к прошлому мы будем руководствоваться хронологическим принципом, пройдя путь от древней истории до XVI в. И первой вехой здесь является трактовка истории бриттов.

Пятеро английских авторов отказываются апеллировать к истории Брута, считая ее сказочной или вовсе обходя ее молчанием, и только ярый апологет унии Торнборо упоминает этого троянца, от которого произошли британцы, правившие островом 1137 лет до и 688 лет после Рождества Христова [16, р. 30, 44–45]. Он считает раздел острова между сыновьями Брута ошибкой, которую теперь исправляет Яков (Уэльс уже объединился с Англией при Генрихе VIII), законный император Британии [16, р. 24, 29]. Однако Бэкон в существование в древности единого государства на острове не верит, отмечая: «Ваше величество — первый король, которому выпала честь <...> объединить эти два могущественных и воинственных народа Англии и Шотландии в одной монархии. Из исторических записей и памятников, даже из выдумок и удовольствия любых сказочных рассказов или [устной] традиции любой древности не следует, что остров Великой Британии был до сего дня когда-либо объединен под властью одного короля» [17, р. 92]. Сэвил не верит «валлийским басням» Гальфрида Монмутского о том, что все короли от Брута да Кадвалладра называли себя «король Британии», но соглашается с Уильямом Мальмсберийским в том, что так называл себя Вортигерн, а имя «королевство Британия» существовало вплоть до Гептархии [18, р. 211–212]. Спелман считал, что, отказавшись от триумфального имени «Англия», англичане будут вынуждены называться в честь варварского народа бриттов, который побеждали римляне, пикты и саксы [19, р. 167–170].

Интересные трактовки преданий о британском прошлом находим у шотландцев. Так, Понт считал, что уния восстановит древнюю Британскую империю (Альбион), а англичане и шотландцы, потомки британцев, вернуться к былому величию [20, р. 2, 20, 22]. Аноним, следуя, видимо, найденной у Рафаила Холиншеда истории о гиганте Альбионе, покрившем кельтское население Самотии (то есть Британии) [12, с. 403], утверждает, что остров стал называться Альбионом после этого завоевания, затем был подчинен Брутом и принял его имя [21, р. 65–74].

Крейг предпочитает мифу о Бруте данные римских историков, но, доказывая происхождение Якова от бриттских королей, пересказы-

вает «Историю бриттов»: после ухода римлян бритты возвели на трон Аврелия Августина, у которого был брат Утерпендрагон (sic!), после их смерти британский престол перешел к их сестрам Анне и Аде, женам королей пиктов и скоттов, потомком Ады является нынешний король [15, р. 265–266, 357]. Скотты переселились в Британию из Иберии, став ее первыми (!) обитателями еще в 77 г. до н.э. [15, р. 357–364]. Заселенная скоттами (sic!) Каледония не была завоевана римлянами, и Шотландское королевство по сей день древнейшее в Европе [15, р. 363, 369].

Среди аргументов в пользу унии шотландские авторы обязательно упоминали вероучительное единство двух стран, «восстановленное» Реформацией [15, р. 285–286; 22, р. 5–6]. Доказывая этот тезис, удрежняли христианизацию Британии и / или обвиняли миссию Августина Кентерберийского в «заражении» острова римским «идолопоклонством» [22, р. 35–37; 20, р. 26]. Примечательны Гордон и Рассел, считавшие, что на острове проповедовали апостолы Петр, Павел, Симон Зилот и Иосиф Аримафейский, а в 180 г. н.э. король Луций и его подданные приняли христианство [22, р. 24–25; 23, р. 114–115].

Довольно оригинально на фоне остальных смотрится трактовка крещения Британии Т. Крейгом: шотландцы, следом за ирландскими скоттами, приняли христианство раньше британцев и англичан, в отличие от южных соседей не соблазнились пелагианской ересью и придерживались не римского, а восточнохристианского вероучения целых два века, до миссии Августина [15, р. 369–375]. Весьма показательно, что ни один из английских авторов не поднял тему христианизации и чистоты веры.

Особый интерес у авторов с обеих сторон вызывает англосаксонский период: завоевание, Гептархия, единое государство и борьба с набегами викингов. Англичане, большая часть которых отказалась от «гальфридианской легенды», возводит величие Англии именно к этому периоду. Доддридж упоминает Альфреда (с титулом *Totius Angliae monarcha*, *Totius Britanniae basileus*) и Эдгара как объединителей Гептархии в рамках одной монархии, Этельстана как покорителя Уэльса [24, р. 145, 148, 152]. Сэвил ищет в истории англо-саксонского завоевания объяснения языковой общности англичан и равнинных шотландцев: беспощадные завоеватели вытеснили бриттов в Уэльс, а пиктов — в шотландские горы, уничтожили имя «Британия» и заменили его «Англией», принесли новый язык, который сохранился на юге Шотландии в лучшем виде, чем на юге Англии, благодаря тому, что большая часть Шотландии — это бывшая англосаксонская Берниция [18, р. 201–202, 212–214]. Спелман идет дальше, подчеркивая, что в 921 г. английский король Эдуард Старший под-

чинил Шотландию, затем то же проделал его сын Этельстан, а «*basileus anglorum*» Эдгар и вовсе называл себя королем не только Альбиона, но и Шотландии [19, р. 165, 169]. Именно в англосаксонском прошлом англичане ищут оправдание своих притязаний на главенство в унии.

Напротив, шотландские авторы не забывают напомнить англичанам о том, что те постоянно подвергались постоянным завоеваниям: пиктами, римлянами, бриттами, данами, норвежцами [21, р. 73; 15, р. 211–233]. Англо-саксонский период для шотландцев — время зарождения английской гордыни и отказа от британского прошлого — явлений, выглядящих смехотворно на фоне внутренних раздоров Гептархии, а затем и единого английского королевства под властью уэссекской династии [21, р. 49]. Это не то прошлое, которым стоит гордиться, — таково мнение шотландцев. Крейг представляет времена Гептархии как период непрерывного междоусобного кровопролития; то ли дело Шотландия, наслаждавшаяся миром после уничтожения пиктов и объединения под властью одного короля [15, р. 219–221]. Только в 830 г. уэссекскому королю Эгберту удалось объединить Эссекс, Нортумбрию и Мерсию, но новое государство было основано на насилии и получило по заслугам — часть острова захватили датчане и норвежцы [15, р. 222]. В этой связи достойно показали себя скотты, поддержавшие саксов в борьбе с викингами и не предавшие военный союз несмотря ни на что (Крейг упоминает, что за общее дело погибли короли Константин II и Индульф [15, р. 345]), в награду англичане пожаловали всем шотландцам гражданство (о чем якобы свидетельствует один из законов Эдуарда Исповедника [15, р. 298, 311]) и отдали во владение Камберленд, Уэстморленд и Нортумбрию [15, р. 345]. Кто-то, как Роберт Понт и Джон Гордон, вообще не считает нужным упоминать англосаксонский период, а для Джона Рассела призвание бриттами англосаксов — просто пример губительности наплыва в страну иностранцев [23, р. 121].

Отметим повышенное внимание наших авторов к фигуре короля Эгберта (825–839), объединившего к 830 г. под своей властью Уэссекс, Мерсию и все территории южнее Хамбера [25, с. 37, 43]. Крейг называет его объединителем Гептархии, который-то и назвал получившееся государство Англией в честь древнего короля Кента Хенгеста [15, р. 266, 398]. Автор анонимного трактата из Тринити-колледжа также называет Эгберта объединителем Уэссекса с другими королевствами англов и саксов, Уэльсом и Корнуоллом, назвавшем все это Англией [21, р. 65–66]. О смене имени подчиненных королевств Эгбертом писал и англичанин Спелман [19, р. 166]. В этой связи особенно примечательно противоре-

ставление Эгберта Якову Стюарту, настойчиво проводимое Торнборо в обоих его трактатах: первый заменил славное имя «Британия» на «Англия», а Яков собирается наконец-то исправить эту несправедливость и вернуть старинную честь народа [16, р. 6–7; 26, р. 6–7, 24–25]. Торнборо выражает свою ненависть к Эгберту, называя его «завоевателем», «драконом», который не сравнится с «новым Артуром» Яковом Стюартом, ибо «то, что написал король Эгберт на песке, король Яков затоптал и стер нечестие этой [надписи] и вырезал, как на куске мрамора, вечную честь Великобритании королевским восстановлением [ее имени]» [16, р. 17–18, 44–45]. Именно в смене имени страны Эгбертом Торнборо видел причину датского, а затем нормандского завоеваний — выражений Божьего гнева [16, р. 29–30, 46].

Наиболее острой темой для англо-шотландского диалога по унии была тема оммажей шотландских королей и англо-шотландских войн. Для шотландцев, подчеркивавших древность своей государственности, ее нерушимую независимость и доблесть своих соотечественников [15, р. 232; 20, р. 27–28], было важным не дать англичанам считать себя в унии подчиненной стороной. Тенденцию к этому мы ясно видим у англичан Спелмана и Сэвила, которые писали об оммажах шотландских королей за свою страну при Вильгельме Руфусе (Малькольм III), императрице Матильде (Давид I), Генрихе II и Ричарде I (Вильгельм Лев), Эдуарде I (Эдуард Баллиол) [18, р. 190–192; 19, р. 167, 169]. Торнборо упоминает об успехах Кнута и Вильгельма Завоевателя, Генриха II в войнах с Шотландией, что позволяло им претендовать на титул короля Британии [16, р. 31], но подчеркивает, что для мира между двумя странами в унии требуется не только общность имени, но и равенство [16, р. 57, 60, 67]. Наиболее развернутый ответ на английский экспансионизм представил Крейг, отметивший, что все упомянутые оммажи либо приносились только за вассальные Англии Уэстморленд, Камберленд и Нортумбрию, либо были временны (случай с Вильгельмом Львом, которого от оммажа и из плена освободил Ричард I) [15, р. 245–247]. Каждый английский король со времен Завоевателя стремился покорить Шотландию, но вовремя останавливался, пока Эдуард I не ввязался в кровопролитную борьбу за шотландскую корону. Несмотря на постоянные поражения Роберта Брюса и потерю трех вассальных графств при Эдуардах II и III, Шотландия сохранила свою независимость [15, р. 253, 353–354, 423–427]. В то же время шотландцы могли быть хорошими друзьями англичанам, как показал опыт Вильгельма Льва и Ричарда Львиное Сердце, а также Генриха III [15, р. 249–251].

Заканчивая рассматривать модусы обращения шотландцев и англичан к своему прошлому, необходимо упомянуть об отношении к предложенной Генрихом VIII, а затем протектором Сомерсетом унии через брак Эдуарда VI и Марии Стюарт. Шотландские авторы видят в ней (благодаря знаменитому письму Сеймура с щедрыми посулами, неожиданно после разгрома шотландцев при Пинки) упрек тем англичанам, кто ныне выступает против унии или равенства в ней сторон [20, р. 29–31; 23, р. 102–103, 120]. Все они обвиняют в провале брачного союза, одобренного регентом Гамильтоном и народом, и в последующем кровопролитии происки католического духовенства во главе с архиепископом Сэнт-Эндрюса Битоном [15, р. 297–298; 20, р. 6–7; 23, р. 109–111]. Еще одну упущенную возможность унии Крейг и Рассел замечают в предложении Генриха VIII Якову V встретиться в Йорке, что, по мнению юристов, означало желание первого женить племянника на своей дочери и сделать преемником и королем Британии [15, р. 266–256; 23, р. 119]. Англичане времен Якова, впрочем, относились к предложениям Сомерсета весьма спокойно, Спелман даже заявлял, что ситуация изменилась и теперь нет нужды идти шотландцам на уступки [19, р. 173–174].

Таким образом, репертуар наделенных особым смыслом исторических событий и фигур со стороны англичан по большей части направлен на утверждение английского первенства в унии, а со стороны шотландцев — на защиту своего национального достоинства. Для этих целей шотландцам служит обращение к церковной истории и письму Сомерсета, а англичанам — апелляция к сюзеренитету над Шотландией; удивительно, но интерес шотландских авторов к именно «британскому» прошлому выше, чем у англичан, свернувших на «антикварную дорожку» интереса к англосаксонскому прошлому.

Список источников и литературы

1. *Кондратьев С. В.* Юнионизм в Шотландии: от идеи к первой попытке реализации // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 142–154.
2. *Cuddy N.* Anglo-Scottish Union and the Court of James I, 1603–1625 // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. Vol. 39. London: Cambridge University Press, 1989. P. 107–124.
3. *Munden R.* James I and “the growth of mutual distrust”: King, Commons and Reform, 1603–1604 // Faction and Parliament / ed. by K. Sharpe. Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 43–72.
4. *Epstein J. J.* Francis Bacon and the Issue of Union, 1603–1608 // Huntington Library Quarterly. Vol. 33, no. 2. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. P. 121–132.

5. *Waurechen S.* Imagined Polities, Failed Dreams, and the Beginnings of an Unacknowledged Britain: English Responses to James VI and I's Vision of Perfect Union // *Journal of British Studies*. Vol. 52, no. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 575–596.
6. *Wormald J.* Gunpowder, Treason, and Scots // *The Journal of British Studies*. 1985. Vol. 24, no. 02. P. 141–168.
7. *Galloway B.* The Union of England and Scotland 1603–1608. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd, 1986. 197 p.
8. *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания и современность в раннестюартовской Англии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. С. 151–197.
9. *Brinkley R. F.* Arthurian legend in the seventeenth century. New York: Octagon Books, 1967. 238 p.
10. *Кондратьев С. В.* Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 1 (1). С. 137–144.
11. *Mason R.* Scotching the Brute: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain // *Scotland and England, 1286–1815* / ed. by R. Mason. Edinburgh: John Donald, 1987. P. 60–84.
12. *Калмыкова Е. В.* Интерпретация важнейших мифов о прошлом в английской исторической традиции эпохи Средневековья // *Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья*. М.: Квадрига, 2010. С. 395–459.
13. *Galloway B. R., Levack B. P.* Appendix / *Jacobean Union. Six Tracts of 1604* / ed. by B. R. Galloway, B. P. Levack. Edinburgh: Clark Constable, 1985. P. 241–251.
14. *Galloway B. R., Levack B. P.* Introduction / *Jacobean Union. Six Tracts of 1604*. P. IX–LXXX.
15. *Craig T.* De Unione Regnorum Britanniae Tractatus / ed. with a transl. by C. S. Terry. Edinburgh: University Press, 1909. 442 p.
16. *Thornborough J.* The ioiefull and blessed reuniting the two mighty & famous kingdomes, England & Scotland into their ancient name of great Brittain. Early English Books Online Text Creation Partnership, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo2/A13742.0001.001?view=toc> (дата обращения: 10.09.2023).
17. *Bacon F.* A brief discourse touching the Happy Union of the Kingdoms of England and Scotland // *The letters and the life of Francis Bacon* / ed. by J. Spedding. Vol. III. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1868. 446 p.
18. *Savile H.* Historicall Collections // *Jacobean Union. Six Tracts of 1604*. P. 184–240.
19. *Spelman H.* Of the Union // *Jacobean Union. Six Tracts of 1604*. P. 160–183.
20. *Pont R.* Of the Union of Britayne // *Jacobean Union. Six Tracts of 1604*. P. 1–38.
21. *A treatise about the Union of England and Scotland* // *Jacobean Union. Six Tracts of 1604*. P. 39–74.

22. *Gordon J.* A panegyrique of congratulation for the concord of the realmes of Great Britaine. Early English Books Online Text Creation Partnership, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A01923.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 07.09.2023).
23. *Russel J.* A treatise of the happie and blisshed Unioun // Jacobean Union. Six Tracts of 1604. P. 75–141.
24. *Doddridge J.* A breif consideracion of the Unyон of twoe kingedomes // Jacobean Union. Six Tracts of 1604. P. 142–159.
25. *Глебов А. Г.* Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2019. 286 с.
26. *Thornborough J.* A Discourse plainely prouing the euident vtilitie, and vrgent necessitie of the desired happie vnion of the two famous Kingdomes of England and Scotland. Early English Books Online Text Creation Partnership, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A68818.0001.001?view=toc> (дата обращения: 08.09.2023).

УДК 94(476)

Соковнина С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: sve2ny@mail.ru; st087229@student.spbu.ru

«Testamenty ostatniey woli» Речи Посполитой на рубеже Средневековья и Нового времени как источник по истории ментальностей

Аннотация. Статья посвящена анализу начального протокола и вступительной части духовных завещаний Речи Посполитой XVI–XVII вв. На основе прослеживания их содержательного изменения делаются выводы о формировании менталитета собственника, что позволяет определить переходный этап между двумя историческими эпохами.

Ключевые слова: духовные завещания, ментальность, собственность, Речь Посполитая

Sokovnina S. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: sve2ny@mail.ru; st087229@student.spbu.ru

The “Testamenty ostatniey woli” of the Polish-Lithuanian Commonwealth at the turn of the Late Middle Ages and early Modern Times as a source on the history of mentalities

Abstract. The article is devoted to the analysis of the initial protocol and the introductory part of the spiritual wills of the Polish-Lithuanian Commonwealth of the XVI–XVII centuries. Based on tracing their substantial changes, conclusions are drawn about the formation of the owner's mentality, which allows us to determine the transitional stage between two historical epochs.

Keywords: spiritual wills, mentality, property, Polish-Lithuanian Commonwealth

«Testamenty ostatniey woli», или духовные завещания, отражали представления людей о земной и загробной жизни. В них содержатся как распоряжения относительно имущества, так и мысли человека о смерти, когда зачастую он находится непосредственно перед ее лицом, в последние часы жизни. Можно сказать, что духовные завещания на-

ходятся на своеобразном перекрестке документальных и нарративных источников, за счет чего и представляют собой особую ценность. В частности, интерес историков вызывают эти документы в переходный период между эпохами Средних веков и Нового времени, то есть XVI–XVII вв., как отражение изменений в жизни и сознании людей.

А. И. Селецкий отмечал, что духовные завещания «являются неоспоримым источником информации по многим аспектам социально-политической, экономической и религиозной жизни Великого княжества Литовского» [1, с. 115]. Мы видим, что с XX в. историки привлекали их в рамках изучения материального положения, семейных и правовых отношений, мировоззрения, менталитета и других вопросов [2; 3; 4; 5]. По мнению многих исследователей, изменение менталитета общества является решающим фактором смены эпох [6, с. 84]. При изучении духовных завещаний XVI–XVII вв. упор делался преимущественно лишь на духовную составляющую человеческого поведения, например, В. Зялецкая рассматривала их как источник по представлениям о смерти [2]. Между тем слабо изученным остается вопрос материальной составляющей ментальности. Ранее нами было выяснено, что в первой половине XVII столетия высокую важность для мещан имел развивающийся институт собственности [7]. Дальнейшему изучению этого вопроса и посвящена данная статья.

Для исследования этой проблемы нами были привлечены 64 теста-мента от 1522 до 1657 г., преимущественно дошедших до нас в виде переписи их современниками в магистратские, городские, земские и трибунальные книги [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. В них представлены разнообразные сословия, от мещан до шляхты. В нашем исследовании отсутствует выборка по этноконфессиональному признаку, что зачастую предпринималось польскими исследователями [2, с. 122–123]. Среди авторов рассматриваемых нами источников встречаются православные, униаты, католики, татары-мусульмане.

В связи с тем, что ранее нами уже рассматривался вопрос отношения мещан к имуществу посредством изучения распорядительной части «testamentów ostatniey woli» [7], в данной статье акцент будет сделан преимущественно на вступительной, рефлексивной части завещаний. А. И. Селецкий выделял в ее рамках: 1) инвокацию (обращение к Богу); 2) констатацию неизбежности смерти; 3) причину составления завещания именно в этом момент времени; и 4) подчеркивание нахождения завещателя в здравом рассудке [1, с. 114–115].

В ходе нашего исследования данная схема была пересмотрена и расширена. Мы предлагаем выделение следующих элементов: 1) состояние

завещателя, подтверждающее легитимность распоряжений; 2) здоровье завещателя и иные обстоятельства, которые могут повлечь за собой его смерть; 3) рассуждения о смерти; 4) рассуждения о краткости человеческой памяти; 5) забота о наследниках. Стоит отметить, что каждый из них может содержаться одновременно в разных частях формуляра, что свидетельствует о разнице вкладываемого в один и тот же элемент значения в зависимости от варианта его употребления.

Особенно наглядно мы это видим на примере подтверждения легитимности. Существует три основных способа его использования: 1) в рамках инскрипции (указание адресатов) или констатации волеизъявления с целью придания легитимности своему распоряжению; 2) в рамках так называемой причины составления завещания именно сейчас для противопоставления здорового духа слабому телу и доказательства своей вменяемости несмотря ни на что; 3) а также в рамках рефлексии, что показывает ясность мыслей и полноценное понимание неизбежности смерти и важности наличия в таком случае вовремя написанного завещания.

Само же содержание этой части также можно разделить на три варианта:

- 1) психологическое здоровье, которое чаще всего выражается как сочетание двух формул: «цельмъ зуполнымъ розумомъ» и «съ памятью доброю» [23, с. 25–26]. Зачастую при этом отмечается дарование ясности мышления по милости Бога: «z laski Wożeу» (*перевод с польского: «с ласки Божьей»*) [13, с. 16];
- 2) самостоятельность волеизъявления, в котором отмечается добровольность: «по доброй воли», — и отсутствие внешнего давления на завещателя: «никимъ до того не намовени, ани притиснени» [24, с. 67];
- 3) физическое здоровье, упоминания о благополучии которого, в отличие от первых двух элементов, начинают появляться лишь уже в XVII столетии: «будучи на теле и на мыслехъ здоровый» (завещание написано в 1604 г.) [25, с. 226]. То есть, говоря о 1600-х гг., можно констатировать наличие сознательного распределения имущества без ожидания непосредственного приближения конца своих дней.

Чаще всего этот компонент встречается вместе с объяснением обстоятельств, которые могут привести к смерти завещателя. В рассмотренных нами завещаниях приводятся такие причины, как поездка за границу [9, с. 209; 22, с. 197] и возможная смерть на войне [23, с. 345], которые являются буквально единичными случаями и составляют менее 5% сре-

ди рассмотренных нами завещаний. Самыми распространенными же, как подчеркивала В. Зялецкая, являлись болезнь и старость [2, с. 125], что кажется несколько парадоксальным применительно к столетиям регулярных войн.

В завещаниях не говорится о возрасте завещателя, однако перечисление родственников среди наследников позволяет нам определить его хотя бы приблизительно. Так, констатация старости характерна для людей, имеющих внуков или как минимум совершеннолетних детей. Для XVII столетия подобная причина встречается реже, учащаются случаи составления завещания родителями, а не старейшим поколением, без непосредственной вероятности смерти из-за тяжелой болезни. Что же касается пожилых завещателей, здесь также характерно составление распоряжений в более молодом возрасте, еще до приближения смерти. Так, в качестве примера людей, годы жизни которых нам известны, мы можем привести Василия Тишковича, написавшего завещание в возрасте 78 лет, за год до смерти, во второй половине XVI в. [24, с. 66–74]. В XVII же столетии Ипатий Потей составляет распоряжения в 68 лет, за четыре года до смерти [25, с. 229–232], а Самуил Огинский — в 59 лет, также за несколько лет до смерти [14, с. 562–570].

Вслед за констатацией болезни периодически следуют рассуждения о смерти, которую она может повлечь за собой: «будучи часто неспособного здоровья, а къ тому въ такіе часы подойзренные помнечи на непевность живота своего» [23, с. 287]. Другим вариантом употребления подобных размышлений является своеобразное вступление перед описанием состояния завещателя, как правило, между инвокацией и интитуляцией (указание имени завещателя). Аналогичный случай с рассуждениями после объяснения причин составления завещания в данный момент, когда этот смысловой компонент предшествует переходу к благополучию наследников.

Люди стремились примириться с неизбежностью смерти и готовились к встрече с ней [2, с. 144]. Прежде всего, в данном компоненте отмечалась обязательность смерти каждого человека «*na wieczność każdemu człowiekowi iść należy*» (перевод с польского: «на вечность каждому человеку надлежит») [11, с. 491]. Регулярно при этом противопоставляются друг другу абсолютные уверенность и неуверенность относительно прихода смерти и времени, когда он наступит, соответственно: «ничего не есть певнейшого надъ смерть, а ничего непевнейшого надъ годину смерти» [17, с. 247]. К концу 1580-х гг. эта обязательность наступления конца трактуется как следствие появления на свет: «што кольвекъ живо

родится, то умерети мусить, а до кресу замероного прудко бежить» (завещание составлено в 1588 г.) [11, с. 6]. И уже в середине XVII в. фиксируется предопределение этих границ жизни волей высших сил: «Boga Oуca wszechmogącego, ktury w tajemnicy swey na liczbe dni naszych y godzin wie rozłonczenia kaźdgo człowieka s tym mizernym swiatem» (*перевод с польского: «Бога Отца всемогущего, который в тайности своей количество дней наших и часов знает до разлученья каждого человека с этим ничтожным светом»*) [19, с. 323].

Во вступлении мысли о смерти могут сочетаться с констатацией факта краткости человеческой памяти относительно устных распоряжений. Призыв к сохранению распоряжений с середины 1570-х гг. встречается и в инвокации: «W imie przenaświętszey Troyce, Oуca Syna y Ducha Świętego, ku wieczney pamięci stań się, Amen» (*перевод с польского: «Во имя пренасветейшей Троицы, Отца, Сына и Духа Святого, к вечной памяти станься, Аминь»*) [13, с. 16], то есть нерушимость и обязательность выполнения последней воли завещателя приобретает особую значимость. Еще одним очень распространенным вариантом использования данного компонента является связка с благополучием наследников.

Если изначально здесь говорится лишь о желании обеспечить исполнение своего распоряжения: «абы за доброе а зуполное памети и живота своего и по своей души память вчиниль» [23, с. 26], — то в 1570-е гг. наблюдается переход к противопоставлению с устным волеизъявлением: «а без писма въ забытость приходить, альбо съ паметью людскою заразомъ съ того света зходить» [24, с. 66]. Уже в следующем десятилетии юридическая фиксация распоряжений становится своего рода моральным долгом, это осознается уже не как право, а как обязанность предотвратить возможные правонарушения: «тогда то каждому чоловеку прыстоит, абы за жывота и за доброго здоровья своего, поукл час поволи мает, дом свой розправил» [21, с. 395].

Соответственно, в следующем компоненте — заботе о наследниках, о тесной связи которого с рассуждениями о памяти уже было сказано выше, речь и идет об этих преступлениях. Наиболее часто завещатель перечислял беспорядки, предотвращение которых и является целью составляемого им духовного завещания.

Таким образом, с 1580–1590-х гг. происходит все большее осознание не просто неизбежности смерти, а неизвестности ее дня и в связи с этим обязанности предотвратить связанные с ней возможные правонарушения, ставшие, как известно, частью обыденной жизни в рассматриваемом регионе. Уже для XVII в. характерно преждевременное составление

завещаний в более раннем возрасте, до наступления глубокой старости или заболевания. Население Речи Посполитой проявляется все большая забота о предотвращении разорения накопленного имущества после своей смерти, что в целом свидетельствует о формировании на рубеже столетий менталитета собственника. Для более глубокого изучения данного вопроса необходимы дальнейшие исследования с привлечением большего количества духовных завещаний, что позволит выйти с иллюстративного уровня на статистический, а также других различных актов.

Список источников и литературы

1. *Селецкий А. И.* Духовные завещания шляхты Великого княжества Литовского в XVII–XVIII вв. как исторический источник // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета БГУ. Минск, 15–16 апреля 2004 г. / отв. ред. В. Н. Сидорцов. Минск: БГУ, 2004. С. 114–115.
2. *Зялецка В.* Адносiны вернiкаў усходнiх абрадаў у Рэчы Паспалiтай да смерцi, пахавання i «вечнага» жыцця ў святле тэстаментаў 16–18 ст. // Гiстарычны альманах. 2005. Т. 11. С. 122–145.
3. *Dąbkowski P.* Prawo prywatne pelskie. T. 2. Lwów: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1911. 731 s.
4. *Hedemman O.* Testamenty braslawsko-dziśnieńskie XVII–XVIII w. jako źródło historyczne. Wilno, 1935.
5. *Pośpiech A.* Pułapka oczywistości. Pośmiertne spisy ruchomości szlachty wielkopolskiej z XVII wieku. Studia i materiały z historii kultury materialnej. T. 64. Warszawa: Letter Quality, 1992. 143 p.
6. *Хут Л. П.* Проблема периодизации истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2009. № 6. С. 80–95.
7. *Соковнина С. А.* «Wolny szafunek» в сознании брестских мещан первой половины XVII века // V Всероссийский междисциплинарный молодежный конгресс «Проблемы интерпретации исторических источников» (принято в печать).
8. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1865. Т. I. 401 с.
9. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1867. Т. II. 366 с.
10. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1870. Т. III. 435 с.
11. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1872. Т. VI. 742 с.
12. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1875. Т. VIII. 761 с.

13. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1878. Т. IX. 665 с.
14. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1886. Т. XIII. 492 с.
15. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1890. Т. XVII. 638 с.
16. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1893. Т. XX. 899 с.
17. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1895. Т. XXII. 535 с.
18. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1899. Т. XXVI. 646 с.
19. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1906. Т. XXXI. 628 с.
20. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1907. Т. XXXII. 534 с.
21. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1912. Т. XXXVI. 501 с.
22. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1867. Т. 1. 409 с.
23. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1869. Т. 6. 411 с.
24. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1870. Т. 9. 486 с.
25. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1874. Т. 10. 392 с.

УДК 94

Михальчук А. А.

Национальная школа хартий,
студентка диплома архивиста-палеографа;
Университет Париж I Пантеон-Сорбонна,
факультет истории, магистр;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, бакалавр
E-mail: frd-mik@yandex.ru

«Утерянный картулярый» аббатства Шаалис найден?

Аннотация. Наследие французских антикваров и эрудитов XVII–XVIII вв. поистине уникально, так как содержит невероятное число источников, оригиналы которых не пережили революции конца XVIII в. и о существовании которых вряд ли можно было бы говорить без обращения к рукописям А. Дюшена, Э. Балюза, Ф.-Р. де Гэньера и мавристов. Так, их труды содержат копии, а в некоторых случаях и оригиналы некоего « картулярия » аббатства Шаалис. Собрав вместе весь накопленный по этому источнику материал, современный медиевист получает возможность восстановить историю и значение аббатства в средневековой Франции, определить вероятность составления его « картулярия » в эту эпоху, а также воспользоваться огромным эпистемологическим материалом в области палеографии, дипломатики и сигиллографии, которым обладает этот « картулярый », или обычный « chartrier », как в наследии эрудитов, так и в недавних находках.

Ключевые слова: эрудиты, антиквары, мавристы, картулярый, аббатство Шаалис, хартии

Mikhailchuk A. A.

National School of Charters, Student;
Paris 1 Panthéon-Sorbonne University, Master of History and Anthropology;
Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Bachelor
E-mail: frd-mik@yandex.ru

Has the “lost cartulary” of Chaalis Abbey been found?

Abstract. The heritage of French antiquaries and erudites of the XVIIth–XVIIIth centuries is truly unique, as it contains an incredible number of sources, the originals of which did not survive the revolution of the late XVIIIth century and the existence of which could hardly be said without referring to the manuscripts of A. Duchesne, E. Baluse, F.-R. de Gaignières and Maurists. So, it is their works that contain copies, and in some cases, originals of a certain “cartulary” of the

Abbey of Chaalis. Having gathered together all the material accumulated from this source, a contemporary medievalist gets the opportunity to restore the history and significance of the abbey in medieval France, determine the probability of compiling its “cartulary” in this era, as well as use a huge epistemological material in the field of paleography, diplomacy and sigillography, which this “cartulary” or ordinary “chartrier” possesses both in the heritage of the erudite and in recent finds.

Keywords: erudites, antiquaries, Maurists, cartulary, Abbey of Chaalis, charters

Современному медиевисту зачастую трудно поверить в возможность найти неизвестный доселе науке документ, хартию-палимпсест и тем более не исследованный предшественниками акт королевской французской канцелярии. Тем не менее эти открытия способны заполнить актуальные медиевистические исследования, если мы обратимся к наследию эрудитов — поколению ученых, ведших преимущественно исторические штудии в XVII–XVIII вв. Андре Дюшен, Этьенн Балюз, Жан Мабильон — даже эти поистине громкие имена, носители которых были «отцами» не только французской истории, но и дипломатики, эпиграфики, палеографии и иных незаменимых инструментов современного историка, очень редко заслуживают внимания медиевистов. Говорить о Р.-П. Тассене и Ш.-Ф. Тустэне, К. Дэвике и Ж. Вэссете, Г.-А. Лобино и У. Планше даже не приходится, а ведь каждый из них оставил не только многотомные публикации историй провинций средневековой Франции или трактаты по дипломатике с текстами сотен так называемых «доказательств» в виде текстов хартий, актов или корреспонденции [1, р. 21–22, 74–85], но и многотомные коллекции черновиков, в большинстве своем сохранившихся сегодня в отделе манускриптов Национальной библиотеки Франции [2, р. 238–241]. Охваченные желанием написать «достоверные» исторические труды, которые будут основаны целиком на материале памятников прошлого, эрудиты (в случае мавристов всегда работавшие коллективно) копировали тысячи средневековых документов, подтверждавших то или иное событие. Революция 1789 г. уничтожит множество из них, особенно связанных с историей первых двух сословий — дворянства и духовенства [3, с. 13–20], поэтому, например, утерянные завещание Жанны Тулузской или картулярии аббатства Мармутье найдутся только в рукописях Жозефа Вэссета или Этьенна Балюза.

Так, в поистине огромном рукописном наследии сразу нескольких эрудитов — Франсуа Роже де Гэньера (1642–1715), Этьенна Балюза (1630–1718) и Андре Дюшена (1584–1640) — содержатся копии некого

«картулярия аббатства Шаалис». Слово «картулярый» употреблялось французскими эрудитами достаточно широко: они понимали под ним не только «сборник копий оригинальных документов, составленный физическим или юридическим лицом, в форме отдельного тома или гораздо реже свитка, содержащий полные тексты или отрывки хартий, чаще всего связанных с имущественно-правовым положением лица-составителя, а также историей его изменения» [4, р. 36], но и сборники оригинальных документов, которые могли быть собраны уже после смерти физического лица, например сеньора Лангедока, или даже после гибели какой-то институции, чаще всего религиозной. Часто последние получают с легкой руки французских эрудитов название «*chartriers*», которое сложно перевести на русский язык иначе как «картулярый», что приводит к многочисленным заблуждениям. Такие сборники оригинальных хартий остаются забытыми под пылью веков, так как в них ожидают найти копии уже давно известных документов. Однако часто в них, наоборот, хранятся настоящие сокровища.

Одно из главных отличий «*chartriers*» от собственно «картулярия» по определению, сформулированному Комиссией по дипломатике 1984 г., — это составитель этих сборников. «*Chartriers*», в отличие от картуляриев, редко принадлежат самим субъектам содержащихся в них документов, зато часто являются «детищем» эрудитов XVII–XVIII вв. В ходе своих штудий и особенно написания исторических фолиантов, к которому они подходили настолько серьезно, что тщательно исследовали интересующие их архивы, эрудиты не только делали копии хранящихся там хартий, но и находили оригиналы, которые они тщательно классифицировали тематически, а впоследствии, в соответствии с начинающимися активно формироваться в XVIII в. правилами архивного хранения, и переплетали [1, р. 61–65]. Жан Мабильон или Клод Дэвик превращались сами в средневековых «картуляристов», особенно если речь идет все же о сборниках копий, а не оригиналов документов. Часто, как в случае «картулярия аббатства Шаалис», мы владеем и тем, и другим.

Аббатство Шаалис далеко не случайно являлось субъектом правоотношений в средневековой Франции. Расположенное в 40 км от Парижа в департаменте Уаза, изначально оно было основано как скромное бенедиктинское аббатство Рено де Мелло по возвращении его из первого крестового похода (дата основания неизвестна, но наиболее вероятно приходится на 1110-е — начало 1120-х гг.). В 1127 г. после смерти брата де Мелло — Карла Доброго — Людовик Толстый превращает аббатство в цистерцианское, призвав 12 монахов из Понтины. Хартия о новом ос-

новании, на этот раз цистерцианского, аббатства датируется 1136 г., его первым аббатом был Андре де Бодиман (1136–1142). Сегодняшние руины аббатства Шаалис, обязанные своим происхождением революции 1789 г., вряд ли способны передать всю его богатую историю. Вот лишь некоторые факты: в 1202 г. аббатство получает новое здание, в 1219 г. оно освящается Фолькетом Марсельским, епископом Тулузы, и Гераном, епископом Санлиса (многие его епископы были и аббатами Шаалиса); последовательно аббатство попадало под покровительство Людовика Святого (1258), Филиппа VI де Валуа (1343), папы Александра III [5, р. 450–454]. Такая история позволяет предполагать наличие большого числа средневековых хартий о многочисленных дарениях аббатству и изменениях его статуса.

В первую очередь оригиналы таких хартий закономерно находятся в архивах департамента Уаза (H 5079, 5164–5125, 5290, 5293, 5302, 5309, 5326, 5334). Однако, несмотря на то что некоторые из них представляют собой действительно драгоценные, хорошо сохранившиеся экспонаты — буллы и привилегии римских пап в пользу аббатства Шаалис, их число едва ли превышает два десятка и ограничено двумя доменами — Фушере и Фонтэн (и сегодня соответствующая коммуна носит название Фонтэн-Шаалис). Такой узкий материал едва ли способен передать значимость аббатства в истории средневековой Франции. Если медиевист остановится на этом, от него ускользнут важнейшие сюжеты. В случае если архивы (будь то на национальном, департаментском или муниципальном уровне) содержат удивительно маленькое число актов, интересных для того или иного сюжета, важно вспомнить о наследии Нового времени, а именно антикваров и эрудитов, которые занимались сбором, коллекционированием, а эрудиты — и критическим анализом того, что в будущем получит определение «исторического источника» (термин, тем не менее распространенный в трудах эрудитов-мавристов). В процессе своих штудий и написания «историй» и трактатов эрудиты не только тщательно копировали тексты средневековых хартий, служивших «доказательствами» того или иного события, но и собирали их оригиналы. Особенно активно этот процесс осуществлялся в XVIII в. в ходе написания историй различных французских провинций — жанра, пришедшего на смену генеалогиям XVII в. вместе с историями городов и «прославлениями французского государства» [6, р. 3–12].

Действительно, упоминание о некоем «картулярии» аббатства Шаалис появляется уже в черновиках Андре Дюшена в связи с копией регистра усопших этого аббатства и заметкой о его истории за авторством

самого эрудита [7], более известного своими генеалогиями, чем штудиями по локальной истории. «Заметки об аббатстве Шаалис» содержатся и в бумагах Этьенна Балюза [8, Fol. 257], которому принадлежит уже гораздо больший вклад в провинциальную историю (особенно Оверни) [9, p. 5–18]. Однако оба эрудита обходятся лишь упоминанием «картулярия» (причем именно «cartulaire»), а Этьенн Балюз вовсе не делает с него ни одной копии. Ситуацию значительно изменяет самый яркий эрудит эпохи «предмавристов» — Франсуа-Роже де Гэньер, в коллекции бумаг которого целый том посвящен «отрывкам из архива» аббатства Шаалис [10]. Подобная формулировка указывает на то, что Гэньер самостоятельно или через своего палеографа Бартелеми Реми и художника-копировальщика Луи Будана [11, p. 315–338] был знаком с хартиями, хранящимися в его эпоху в самом аббатстве. Сам эрудит датирует свои записи 1693 г. и организует их согласно классификации, увиденной им на месте, — по «ящикам / сундукам» (*layettes*), в котором они хранились [10, Fol. 1–5]. Те, в свою очередь, организованы по географическому признаку или согласно названию рода, которому принадлежало в свое время то или иное владение. Так, один из 27 «ящиков», упоминаемых Гэньером (возможно, некоторые из них являются его собственной классификацией, а не увиденной им на месте), носит название Фонтэн [10, Fol. 83–111], которое уже встречалось в архиве департамента Уаза. Все остальные «ящики», содержимое которых тщательно скопировано в бумагах эрудита, тем не менее указывают лишь на малую толику хартий аббатства Шаалис, хранящихся именно в архивах департамента, и с ними Гэньер, Реми и Будан, по-видимому, познакомились непосредственно в аббатстве, где уже в ту эпоху были организованы архивные материалы. Эрудит их исследовал тщательно: во-первых, перед нами целый сборник гравюр надгробий [12], на тот момент помещенных в церкви аббатства и разрушенных в ходе революции 1789 г. Таким образом, изображения, выполненные Гэньером и его командой, — единственный сохранившийся источник для изучения этих надгробий и эпитафий. Так, можно заметить, что в аббатстве Шаалис были погребены не только его аббаты и по совместительству епископы Санлиса, но и многие горожане этого города со своими женами и детьми. Они, вероятно, были удостоены такого погребения как покровители и дарители земельных владений аббатству. Будан и Гэньер традиционно стремятся к абсолютной точности, срисовывая надгробия и копируя эпитафии в разных проекциях, словно зритель вживую осматривает их. Во-вторых, возвращаясь к рассматриваемому вопросу, Гэньер не мог проигнорировать архивы,

также хранящиеся в аббатстве. Интересно, что эрудит также использует по отношению к ним термин «картулярий» (*cartulaire*), хотя и наряду со словом «*trésor*», вероятно калькируя название «сокровищницы хартий» (*Trésor des chartes*), в эпоху Гэньера активно инвентаризованную и преобразованную согласно новым правилам архивного дела [13, р. V–VI]. Гэньер уточняет, что в созданной им «тетради» (*cahier*) скопированы все хартии картулярия аббатства Шаалис, а также те, что «не входили в этот картулярий, но хранились в аббатстве» [10, р. 1]. Уточнение, вызывающее сомнение: по материалам Дюшена и Балюза, приходилось говорить скорее о «*chartrier*», чем о действительном «картулярии» в определении Комиссии по дипломатике. Гэньер же как будто утверждает существование последнего.

Итак, перед нами выполненные Франсуа-Роже де Гэньером копии 137 хартий из архивов аббатства Шаалис, утерянных в 1789 г.: эрудит и его команда стремятся передать и дополнить современное им архивное деление; Бартелеми Реми сохраняет палеографические сокращения оригинальных хартий; а Гэньер делает наброски печатей, их скрепляющих, часть из которых была позже преобразована Буданом в рисунки более высокого качества, а в некоторых случаях — даже гравюры. Такие точные копии, сделанные эрудитом и его командой в 1693 г., — наиболее полный источник архивов средневековых хартий аббатства Шаалис.

На эпоху Гэньера пришелся лишь рассвет будущей эрудитской деятельности, пик которой связан с членами Конгрегации Святого Мавра. Самым известным из них, безусловно, является Жан Мабильон (1632–1707), сформулировавший в «*De Re Diplomatica*» (1681) правила критического анализа документов прошлого, причем не только с внутренней, но и с внешней стороны [14, р. 1599–1601]. За спиной Мабильона часто забывают его коллег-собратьев, вклад которых в развитие исторической науки был не меньшим. Об этом свидетельствует целый фонд Национальной библиотеки Франции «Французские провинции», разделенный на девять соответствующих разделов, где хранится весь «рабочий материал», который был использован мавристами при написании истории той или иной французской провинции — направление историографии, широко распространенное во Франции XVII–XVIII вв. [2, р. 238–240]. В силу критического подхода мавристов к историческому источнику, его тщательного изучения в оригинале и создания наиболее близкой копии [1, р. 30–41] их материалы также могли содержать хартии аббатства Шаалис.

Действительно, коллекция оригиналов (!) хартий аббатства Шаалис, самая ранняя из которых датируется 1137 г., занимает 23 тома одной из са-

мых противоречивых коллекций из фонда «Французские провинции» — Пикардии [15], так как, с одной стороны, «Общая история Пикардии» так никогда и не увидела свет, несмотря на все старания ее вдохновителя, мавриста Пьера-Николя Гренье (1725–1789), с другой стороны, он организовал, по примеру своих собратьев-эрудитов, колоссальную работу по сбору и копированию необходимых исторических источников, оставив после себя материал не меньший, чем авторы историй Бретани, Бургундии или Лангедока [2, р. 274–285]. Сохранность документов по истории аббатства в этой коллекции, особенно составленных до XVI в., очень плохая, что даже не позволяет исследователям изучить их вживую, однако по одному из оцифрованных томов [15, Ms. 327] видно, что составитель этих сборников оригиналов тщательно описывал природу каждого документа (в основном это также дарения разных феодалов в пользу аббатства) и инвентаризировал их. Каждый том открывается таблицей с содержанием и имеет определенную нумерацию вместе с каждой отдельной хартией внутри него. Причем эта рукописная нумерация отличается от той, что была дана документам уже в рамках коллекции Пикардии: так, 15-й том из 23-х, которые касаются аббатства Шаалис, имеет номер I, данный, видимо, его составителем. Акты даны не в хронологической последовательности. В том же 15-м томе вторая хартия датирована 1137 г. и представляет собой дарение некоего Вильгельма де Лу, сеньора Санлиса, и его жены в пользу аббатов Шаалиса с правом пользования соседним лесом. Хартия скреплена печатью одного из свидетелей — Этьенна из Санлиса, епископа Парижа (1123–1142), которая была сохранена хранителями Национальной библиотеки [15, Ms. 327, Fol. 7]. Еще один факт, часто недооцениваемый исследователями, — печати, скреплявшие документы, хранящиеся в кабинете манускриптов Национальной библиотеки Франции, а значит, и забытые там. На внешней стороне актов обозначена та же их нумерация, что и в предисловии-содержании от составителя, краткое описание их природы (на латинском, а не французском языке!), а также есть пометки, значение которых определить трудно (на третьем акте 15-го тома написано «дополнение № 57»), но, по-видимому, они отсылают к некоей другой архивной классификации (например, актуальной для архивов самого аббатства) [15, Ms. 327, Fol. 9].

Хартия 1137 г., в оригинале сохранившаяся в коллекции «Пикардия» Национальной библиотеки Франции, была скопирована и командой Гэньера (причем также второй по счету, что, скорее всего, является совпадением, так как первая хартия в пикардийской коллекции и у эрудита отличаются) [10, р. 7]: палеограф стремится сохранить все сокраще-

ния (однако и здесь не всегда заметна абсолютная точность: Бартеlemi Реми все-таки сам вносит некоторые изменения; так, в оригинале читаем «gaudentuM est», тогда как у Гэньера видим типичное для той эпохи сокращение окончания -M до тильды; кроме того, в копии имена собственные написаны другим шрифтом в подражание каролингскому маюскулу); набросок печати, скрепляющей хартию, выполнен достаточно точно в сравнении с оригиналом и соответствующим оттиском в коллекции известного сигиллографа XIX в. Луи Дуэт-д'Арка (1808–1882) вместе со многими другими, относящимися к архивам аббатства Шаалис [16, p. 533]. После этой хартии все остальные копии Гэньера в рамках первого выделенного им «ящика ключевых хартий аббатства Шаалис» выполнены в строгом соответствии с расположением оригиналов в 327-м томе из коллекции Пикардии (№ 15 этой коллекции из архивов Шаалиса и № 1 согласно внутренней классификации), разве что эрудит видел их намного раньше, чем составитель последнего (хартия 1171 г. с текстом соглашения между аббатами Шаалиса и Ги де Бутейе, сеньором Эрменовиля, сильно повреждена и ее окончание невозможно восстановить по оригиналу, как и печать, ее скрепляющую, однако и то и другое было полностью скопировано Гэньером) [10, Fol. 21–22; 15, Ms. 327, Fol. 23]. Таким образом, Гэньер и его команда вполне могли работать с архивами аббатства Шаалис, в 1693 г. хранившимися там и впоследствии вошедшими в оригинальном состоянии (хотя и частичном) в коллекцию «Пикардия» силами мавриста Гренье, который тем не менее их переквалифицировал и переинвентаризировал. Однако такое совпадение даже в порядке размещения хартий у мавриста и его предшественника характерно только для «наиболее выдающихся хартий Шаалиса»: все остальное содержимое «ящичков», выделенных Гэньером, разбросано по 23 томам оригиналов в хаотичном порядке. Такое маленькое совпадение свидетельствует о небольшой вероятности существования общего картулярия аббатства Шаалис, поэтому речь в действительности, скорее всего, шла о «chartrier».

Было бы ошибкой упомянуть исключительно крупные фигуры эрудитов, точно обращавшихся к архивам аббатства Шаалис в силу его исторической значимости: в кабинете манускриптов Национальной библиотеки Франции в латинском фонде также находятся девять томов с копиями отдельных актов аббатства, что подтверждает его значение в истории средневековой Франции. Первые семь томов [17] содержат хартии из других соседних аббатств — Святого Николая из Аси, Святого Винсента из Санлиса, Руайомона и Фруамона, — которые, согласно старой классификации, были частями одного картулярия (№ 270), составленного, как гласит

титульная страница каждого из этих томов, Демаре, вероятно, родственником поэта-драматурга Жана Демаре (1595–1676) и знаменитого министра финансов во Франции Людовика XIV Николя Демаре (1648–1721), а может быть, и непосредственно кем-то из них. Наиболее интересны следующие два тома из этой части латинского фонда Национальной библиотеки, которые посвящены исключительно копиям хартий аббатства Шаалис: первый из них содержит фрагмент некоего регистра XIV в. этого аббатства и ранее обозначался в фондах библиотеки как «картулярий № 222» [18]; второй — переплетен пергаменом и содержит в качестве экслибриса выгравированный герб Клода-Бернара Руссо (1648–1720), советника французского короля, который не обязательно был составителем этого сборника, но как минимум его владельцем [19]. Примечательно, что его более ранняя нумерация также носит название «картулярия», на этот раз № 27. Однако это может свидетельствовать всего лишь об обширном понимании хранителями Национальной французской библиотеки этого термина, которое включало и то, что правильно было бы назвать «*chartrier*».

Остановимся на томе, полностью посвященном хартиям аббатства Шаалис [19]. Его «авторство» неизвестно, малая доля вероятности указывает на Клода-Бернара Руссо. Однако, в отличие от своих коллег-эрудитов, современников или более поздних представителей, составитель этого «картулярия» никак не описывает основное содержание каждой хартии, даже кратко, не составляет вначале никакого содержания, а также не имитирует типы средневекового письма. С каждой новой страницы начинается текст хартии, скопированной привычным для XVII в. почерком, с характерными для него палеографическими признаками, имеющими мало общего с маюскулом французских хартий XII–XIII вв. на латыни. Сокращения в виде тильд скопированы также весьма свободно. Автор наиболее точно старается копировать текст хартии только в протоколе. Корроборации, в свою очередь, переданы достаточно точно: автор не срисовывает печати, но кратко описывает способ их крепления, материал (если это воск, то и цвет), владельца; иконографические описания редки, но точно скопированы подписи более поздних актов, монограммы более ранних. Сразу бросаются в глаза неточности копирования неизвестным автором хартии 1137 г., с которой он начинает свой «картулярий»: если у Гэньера и в оригинале из пикардийской коллекции «*participatione*» написано полностью, то неизвестный автор использует тильду для сокращения буквы *n*; он также сокращает сан «парижского епископа» — *Parisien' epi*, который в оригинале и у Гэньера написан

полностью [19, Fol. 2]. Сокращения, так излюбленные неизвестными «картуляристом», были распространены позже времени составления скопированных им хартий. Тем не менее он разделяет весь скопированный им материал на «тетради» (*sahiers*), состав которых отличается от «ящиков» в рукописях Гэньера, но принадлежность каждой отдельной хартии к определенному отделу с географической привязкой у них совпадает. Так, примечательный акт 1270 г., скрепленный шестью печатями, находится в обоих «картуляриях» в разделе Фонтэн — Фушере, хотя и с разной степенью точности копирования: в этот раз у Бартелеми Реми много лагун-пропусков и сокращений [10, Fol. 84–85; 19, Fol. 45–48], однако сравнить копии с оригиналом в этом случае невозможно. Последний утерян. Безусловно, у Гэньера каждый «ящик» наполнен большим количеством копий, чем у неизвестного автора, однако и материал последнего иногда исключителен.

Таким образом, на примере «картулярия» аббатства Шаалис, который в действительности вряд ли представлял большее, чем обычный «*chartrier*», ярко видно, что деятельность эрудитов XVII–XVIII вв., их предшественников-антикваров и преемников способствовала сохранению огромного числа средневековых источников, оригиналы которых были утеряны во время революционных событий конца XVIII в. Один переписчик мог быть точнее другого, однако именно собранный вместе накопленный им материал способен реконструировать наиболее полно источники прошлого. Причем речь идет не только о текстах документов, но и об их «внешних» характеристиках, печатях, их скрепляющих, и даже о существовании той или иной реалии. Так, без обращения к наследию Андре Дюшена, Этьенна Балюза, Франсуа-Роже де Гэньера, мавристов и тех простых переписчиков-«картуляристов», антикваров или эрудитов, имя которых осталось для нас неизвестным, невозможно было бы даже предположить существование картулярия аббатства Шаалис. Тем удивительнее, что весной 2023 г. в коридорах более поздних, но сохранившихся зданий этого аббатства были найдены на время забытые (к ним обращались в 1990-е гг. Роже-Анри Ботье (1922–2010) — крупный французский историк и архивист — и его ученица Алин Берштайн в своей диссертации по окончании программы диплома архивиста-палеографа Национальной школы хартий [20]) сборники хартий, переплетенные в подобие картона с подробным содержанием и краткими описаниями характера документов. Автор этих сборников неизвестен, титульный лист (единственный, что был напечатан, а не написан от руки) указывает лишь на год их составления — 1776, «в понтификат Пия VI, в правление Лю-

довика XVI во Франции, при настоятеле аббатства Шаалис Кристофоре Леоне Феру». О последнем также можно добавить, что он принадлежал к ордену бернардинцев и был специалистом в области сельского хозяйства. Ему вполне мог принадлежать замысел увековечить в составе коллекции наиболее выдающиеся хартии периода расцвета аббатства, тогда как на его век пришелся закат Шаалиса.

Найденные двенадцать переплетенных томов строго делятся на две части: семь касаются домена Транлуа, на протяжении XII–XIII вв. полностью перешедшего во владение аббатства, остальные пять — доменов Фонтэн и Фушере, о которых неоднократно уже шла речь и которые, в силу своей роли в общих владениях аббатства Шаалис, не могли не привлечь внимания его исследователей. Безусловно, в сборнике Фонтэн — Фушере, найденном в самом аббатстве, находятся и хартии, скопированные эрудитами, и даже те, оригиналы которых, казалось бы, сохранились в пикардийской коллекции. Однако порядок и принцип размещения документов во всех перечисленных «картуляриях» / «*chartriers*» отличны. Совпадение материала с найденными сборниками встречается только у Гэньера и его команды, но и их рукописи содержат копии гораздо большего числа хартий, нежели найденных оригиналов. Среди последних наиболее древние акты датируются 1152/1153 г. для коллекции Транлуа и 1162 г. для Фонтэн — Фушере. Найденные тома уникальны по концентрации хирографов (актов, написанных в двух экземплярах на одном листе пергамена таким образом, что каждый из текстов оказывается перевернут по отношению к другому и отделен неким словом — часто *CYROGRAPHVM* или первыми буквами латинского алфавита [21]), которые они содержат и которые игнорируют эрудиты. Кроме того, найденные сборники содержат богатый, хорошо сохранившийся сигиллографический материал, в некоторых случаях даже уникальный: печати с проделанным внутри воска узелком от шнура крепления для усложнения ее фальсификации; с редким иконографическим сюжетом с изображением беременной Богоматери; со следами, указывающими на то, что с печатей были сделаны оттиски, которые действительно были найдены в национальных архивах Франции [22]. Весь этот богатый материал может быть не только проанализирован по отдельности, но и сравним с рисунками и гравюрами команды Гэньера. Не правда ли, удивительный эпистемологический потенциал возможно никогда не существовавшего в действительности средневекового «картулярия» со своим огромным отпечатком в наследии эрудитов.

Список источников и литературы

1. *Barret-Kriegel B.* Les historiens et la monarchie. T. 3. Les Académies de l'histoire. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. 384 p.
2. *Delisle L.* Notice sur des collections manuscrites de la Bibliothèque nationale // Bibliothèque de l'École des chartes, 1871. T. 32. P. 237–290.
3. *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма М.: Скрипторий, 2000. 819 с.
4. *Vocabulaire international de diplomatique* / ed. M. Cárce! Ortí. València: Universitat de València, 1994. 308 p.
5. *Lefèvre-Pontalis E.* L'église abbatiale de Chaalis (Oise) // Bulletin Monumental. T. 66. Paris; Caen: A. Picard & H. Delesques, 1902. P. 449–487.
6. *Lecomte M.* Les Bénédictins et l'histoire des provinces aux XVIIe et XVIIIe siècles. Ligugé: Abbaye Saint-Martin-de-Ligugé, 1928. 81 p.
7. BnF, Duchesne, ms. 74.
8. BnF, Baluze, ms. 38.
9. *Boutier J.* Stephanus Baluzius tutelensis: Étienne Baluze (1630–1718). Tulle: Ed. de la Rue Mémoire, 2007. 142 p.
10. BnF, Latin, ms. 17113.
11. *Ritz-Guilbert A.* La collection Gaignières: Un inventaire du royaume au XVIIe siècle. Paris: CNRS Éditions, 2016. 381 p.
12. BnF, Reserve, ms. PE-1E-FOL.
13. *Teulet A.* Layettes du Trésor des Chartes. T. I: 755–1223. Paris: Henri Plon, 1863. 764 p.
14. *Delumeau J.* Dom Mabillon, le plus savant homme du royaume // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2007. Vol. 151, n° 4. P. 1597–1604.
15. BnF, Picardie, ms. 313–335.
16. *Douët d'Arcq L.* Collection de sceaux. T. 2. Paris: Henri Plon, 1867. 716 p.
17. BnF, Latin, ms. 9976–9982.
18. BnF, Latin, ms. 9983.
19. BnF, Latin, ms. 9984.
20. *Berstein A.* L'abbaye de Chaalis. Édition et présentation du chartrier (1136–1204) // Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1994 pour obtenir le diplôme d'archiviste paléographe. École nationale des chartes. Paris, 1994. P. 13–17.
21. *Шамаро П. Ю.* Хирограф как тип средневекового документа. Его ранние примеры на юге Франции // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hirograf-kak-tip-srednevekovogo-dokumenta-ego-rannie-primery-na-yuge-frantsii> (дата обращения: 23.09.2023).
22. AN / SCEAUX, Collection Supplément, n° 4157–4177.

УДК 94(430).03

Кравченко К. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: constinfinite@yandex.ru; st096401@student.spbu.ru

Кальвинистская Реформация в Бремене: проблемы и перспективы исследований

Аннотация. В данной статье определяются проблемы и перспективы изучения кальвинистской Реформации в северонемецком городе Бремене, анализируются основные историографические этапы рассмотрения этой темы. В ходе исследования автор выявляет взгляды историков XIX–XXI вв. на особенности утверждения реформатского вероучения в Бремене.

Ключевые слова: историография, религиозный конфликт, кальвинизм, городская Реформация, Бремен, Кристоф Пецель

Kravchenko K. I.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: constinfinite@yandex.ru; st096401@student.spbu.ru

The Calvinist Reformation in Bremen: Problems and Perspectives of Research

Abstract. This article identifies the problems and prospects for studying the Calvinist Reformation in the city of Bremen in northern Germany, and analyzes the main historiographical stages in the consideration of this problem. The author reveals the views of historians of the 19th — 21st centuries on the features of the establishment of the Reformed doctrine in Bremen.

Keywords: historiography, religious conflict, Calvinism, city Reformation, Bremen, Christoph Pezel

В современной исторической науке наблюдается рост исследовательского интереса к проблемам «Второй Реформации» в немецких землях Священной Римской империи. Особенности распространения кальвинизма, а также кальвинистская конфессионализация во второй половине XVI — начале XVII в. долгое время не попадали в поле зрения историков, и в особенности это касается городской Реформации. Именно поэтому

Бременская кальвинистская Реформация — один из самых актуальных и перспективных сюжетов с точки зрения современного исследования.

В 1534 г. городской совет северонемецкого ганзейского города Бремена вводит лютеранское церковное уложение. Во второй половине 1540-х — 1550-х гг. на волне разногласий, сопровождающих установление евангелического вероучения, в городе формируются две группировки: сторонников ортодоксального лютеранства (гнесиолютеран), и сторонников Филиппа Меланхтона (филиппистов). В ходе конфликта 1554–1557 гг. вокруг трактовки причастия между суперинтендантом Иоганном Тиманном и учеником Меланхтона, Альбрехтом Харденбергом, эти разногласия обострились. Сторонников Меланхтона обвиняют в криптокальвинизме. В 1557 г. Тиманн умирает, а в 1561 г. городской совет изгоняет Харденберга и приглашает на должность суперинтенданта гнесиолютеранина Симона Мусеуса. Однако менее чем через год совет отстраняет от должности и его: причиной этому была победа филиппистской партии в городском совете. С этого времени Бремен начинает медленно лавировать в сторону принятия реформатского вероучения. В 1577–1580-х гг. члены магистрата несколько раз отказываются присоединиться к Формуле и Книге Согласия.

В 1618 г. Бремен отправляет своих представителей на Дордрехтский синод реформатской церкви в Нидерландах. Именно следующий, 1619 г., год завершения синода и принятия итоговых резолюций, для большинства современных историков (О. Рудлоф [1], В. Янсе [2]) знаменует победу реформатского вероучения в Бремене. Впрочем, другие исследователи (Ю. Мольтман [3, S. 146–147], А. Ю. Прокопьев [4, с. 133–134], С. А. Исаев [5]) придают большее значение 1581–1584 гг. — периоду, когда Бремен окончательно отказывается поставить свою подпись под Книгой Согласия, а Кристоф Пецель призывается в город и становится суперинтендантом. Впрочем, не вызывает сомнений, что утверждение кальвинизма было долгим процессом.

Фокус исследований в XIX и первой половине XX в. был направлен прежде всего на изучение лютеранской реформации в Бремене — об этом свидетельствуют многочисленные статьи о Церковном уложении 1534 г. в журналах, посвященных истории бременской церкви (Б. Тилеман [6], Б. Хейн [7], О. Рудлоф [8], Ф. Севен [9], А. Кютман [10]), истории городской гимназии (И. Ф. Икен [11]), влияния Меланхтона на поздний северный гуманизм (Т. Эльсман [12]).

Историография кальвинистской Реформации в Бремене берет свое начало с работы Арнольда Герхарда Денекена [13], посвященной бре-

менским бургомистрам Даниэлю фон Бюрену — старшему и Даниэлю фон Бюрену — младшему. Денекен стал первым исследователем, который подчеркнул важность инициативы, исходящей от городского совета, в проведении как лютеранской, так и кальвинистской Реформации. Научные изыскания в этом направлении продолжил Иоганн Герман Дунце [14], немецкий реформатский пастор и историк, автор четырехтомной «Истории вольного города Бремена», хронологические рамки которой охватывают период с 788 по 1815 г. Это первое комплексное исследование по истории ганзейского города, особое место в нем занимает установление в городе евангелической веры, но проблематика перехода к кальвинизму рассматривается автором недостаточно подробно.

Во второй половине XIX в. появляется все больше исследований, посвященных кальвинистской Реформации не только в курфюршествах, но и мелких немецких княжествах и городах. Особый интерес представляют работы Генриха Людвиг Юлиуса Хеппе [15, S. 338–359], кальвинистского теолога и историка церкви. В «Истории немецкого протестантизма в 1555–1581 годах» автором среди прочего прослеживается распространение реформатского вероучения в землях Священной Римской империи, а также изучаются социальные и политические аспекты кальвинистской Реформации. Рассматривая бременский сюжет, историк прежде всего обращает внимание на причины, по которым совет и проповедники города наотрез отказались подписывать Формулу и Книгу Согласия. В качестве таковых он называет прокальвинистский настрой магистрата и взгляды бургомистра Даниэля фон Бюрена. Однако поскольку хронологические рамки его исследования ограничены 1555 — началом 1580-х гг., автор не рассматривает деятельность Кристофа Пецеля в должности суперинтенданта.

Следующей работой Хеппе стало «Происхождение и история терминов „реформатская“ и „лютеранская“ церковь» [16, S. 85–87], — автор обратил внимание на причины, по которым немецкие реформаты стремились затушевать связь с учением женева реформатора Жана Кальвина. Кроме того, в этот период ученые-теологи Я. Мюллер, Д. Нитч и Д. Роте [17, S. 685] исследуют публицистику эпохи Реформации, изданную в Бремене, пытаются объяснить переход города от филиппизма к криптокальвинизму. Вслед за ними А. Уолте [18] обращается к догматическим особенностям реформатского вероучения, закрепившегося на севере Германии на примере Бремена.

Историк Вильгельм фон Биппен, автор трехтомной «Истории города Бремена» [19, S. 277–287], попытался систематизировать предыдущие

работы по церковной истории города и закрыть существующие в историографии пустоты; так, он обратил внимание на конфликты между магистратом и архиепископами в период между лютеранской Реформацией и укреплением позиций криптокальвинизма. В изданной Отто Вееком накануне Первой мировой войны «Истории реформатской церкви Бремена» анализируется «Consensus Ministerii Bremensis Ecclesiae» (1595 г.) [20, S. 46–65] — третье вероисповедание бременских богословов, написанное в соответствии с кальвинистской доктриной.

В середине XX в. распространяются новые исторические идеи и понятия, в том числе «конфессиональная эпоха» и «конфессионализация». С 1970-х гг. немецкие историки (Фолькер Пресс, Хайнц Шиллинг, Кристоф Штром и другие) стали изучать модели кальвинистской Реформации в Германии, мотивы, особенности и последствия утверждения реформатского вероучения на немецких территориях. Стоит отметить, что еще в 1958 г. немецким историком Юргеном Мольтманом [3, S. 14–16] было предложено использовать для характеристики реформ в бременской церкви конца XVI — начала XVII в. термин «Вторая Реформация». Вскоре термин был подхвачен другими историками: впервые в историографии Ортвин Рудлоф, историк и пастор кафедрального собора Бремена, предложил разделить кальвинистскую Реформацию в Бремене на несколько этапов (лютеранство — филиппизм — криптокальвинизм), а также подчеркнул значимую роль Кристофа Пецеля как идеолога кальвинистской Реформации.

В конце XX в. нидерландский историк Вим Янсе [2, S. 45–62] выдвинул гипотезу, что виновником конфликтов между гнесиолутеранами и кальвинистами в городах и княжествах Германии был Жан Кальвин и его эмиссары, которые намеренно их провоцировали, — в качестве примера исследователь приводил именно бременский сюжет развития «Второй Реформации». По мнению Янсе, одним из таких эмиссаров был Ян Лаский, который на пути в Эмден остановился в доме своего друга Альберта Харденберга, ученика Меланхтона. Лаский проповедовал в городе кальвинистское вероучение; после его отъезда гнев гнесиолутеран, в том числе суперинтенданта Тиманна, обрушился на Харденберга. Последствием их спора станет укрепление прокальвинистских позиций в городском совете.

Отдельно некоторыми историками рассматривался вопрос об участии Бремена в дискуссиях относительно составления Книги Согласия и причинах отказа подписать ее — разработкой этой темы занимается Ирен Дингель [21; 22], которая высказала предположение, что автором

анонимной полемической литературы начала 1580-х гг., направленной против богословов университета Тюбингена, был сам Кристоф Пецель [21, S. 392]. Нидерландский исследователь Лео ван Сантен [23] обратил внимание на улучшение взаимоотношения между Бременом и Нидерландами и проанализировал участие делегации города в Дордрехтском синоде 1618–1619 гг.

Интерес представляют работы Яна ван де Кампа [24], который выделил некоторые особенности Реформации в Бремене: во-первых, тесные связи с Северо-Западной Европой (город являлся членом Ганзейского союза); во-вторых, статус города как кальвинистского эксклава, зажатого между соседями-евангелистами; в-третьих, появление лютеранских общин в XVII в. Геральд Дернер [25] в одной из своих последних работ вновь поднял проблему Реформации в Бремене, но он не сконцентрировался на периоде «Второй Реформации», не обратился к публицистике этого периода.

В отечественной историографии тематика распространения кальвинизма в Германии, в том числе в Бремене во второй половине XVI — начале XVII в., начала разрабатываться лишь в XXI в. в работах А. Ю. Проккопьева [4, с. 133–134] и Н. А. Бережной [26, с. 186–192]. Стоит отметить, что вопросы периодизации Реформации в Бремене и кальвинистской конфессионализации в Германии затрагиваются в статье петербургского исследователя С. А. Исаева [5].

Таким образом, общих работ, рассматривающих весь период становления Бремена как кальвинистского города, нет ни в зарубежной, ни в отечественной историографии. Именно поэтому нашей первостепенной задачей мы видим исследование особенностей и мотивов установления реформатского вероучения в Бремене между 1561 и 1619 гг.

Для достижения поставленной цели было принято решение разделить период «Второй Реформации» в Бремене на три временных отрезка: первый (1561–1584 гг.) — от изгнания Альберта Харденберга до приглашения Кристофа Пецеля на должность суперинтенданта в городе; второй (1584–1604 гг.), непосредственно связанный с деятельностью Пецеля в Бремене; и третий (1604–1618 гг.) — от смерти Пецеля и до публикации актов Дордрехтского синода. Данная периодизация призвана подчеркнуть огромную роль Кристофа Пецеля, выдающегося кальвинистского теолога XVI в. немецкого происхождения, в обращении Бремена в реформатское вероучение.

Главными источниками по истории Бременской кальвинистской Реформации для нас стали, помимо актов Дордрехтского синода, многочис-

ленные сочинения прокальвинистских теологов города и их противников, в том числе идеолога лютеранского Согласия Якоба Андреэ. В сочинениях 1580-х гг. Пецель отстаивал самобытность бременского кальвинизма, апеллировал к авторитету своего учителя — Филиппа Меланхтона, по сути, защищая именно кальвинистские тезисы. Именно «изгнанник из Виттенберга» в будущем станет лидером местных кальвинистов и, пожалуй, главной персоной лютеранско-кальвинистского противостояния в Германии 1590-х гг.

В нашей работе основной акцент делается на религиозном аспекте проблемы утверждения кальвинизма в Бремене, на защите реформатских идей пасторами, ректорами латинской академии и даже бургомистрами. Стал ли филиппизм источником кальвинистских идей, или большее значение имели связи с Нидерландами и графами Нассау? Бремен — самый крупный город Северной Германии, где утвердилось реформатское вероучение, поэтому его пример очень важен для понимания особенностей городской кальвинистской Реформации. Наибольшее влияние на «кальвинизацию» Бремена оказали два человека: бургомистр Даниэль фон Бюрен — младший и суперинтендант Кристоф Пецель. Целесообразно внимательнее рассмотреть деятельность Пецеля и его труды, а также изучить позицию Бремена на Дордрехтском синоде.

В целом следует подчеркнуть, что реформатское вероучение распространялось на территориях, охваченных ранее лютеранством. Нельзя не отметить, что определенное влияние на утверждение кальвинизма дали Нидерланды и княжество Нассау, а именно Иоганн Нассау-Дилленбургский — брат статхаудера Вильгельма I Оранского. Именно князь Иоганн VI посоветовал бургомистру Бюрену принять Кристофа Пецеля на должность пастора церкви Св. Ансгара. В будущем Бремен будет искать в Республике Соединенных Провинций, княжестве Нассау и курфюршестве Пфальцском своих политических союзников.

Список источников и литературы

1. *Rudloff O.* Bremen // *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 7. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1981. S. 153–168.
2. *Janse W.* Albert Hardenberg als Theologe. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1994. 626 S.
3. *Moltmann J.* Christoph Pezel (1539–1604) und der Calvinismus in Bremen // *Hospitium Ecclesiae*. Bd. 2. Bremen: Einkehr, 1958. 198 S.
4. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 483 с.

5. *Исаев С. А.* Введение // Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 6–36.
6. *Tilemann B.* Bekenntnis und Einheit der Bremischen Kirche // *Hospitium Ecclesiae*. Bd. 4. Bremen: Walther Boettcher, 1954. S. 114–123.
7. *Heyne B.* Von der Kirchenordnung 1534 zur Kirchenverfassung 1920 — Ein Stück Verfassungsgeschichte der evangelischen Kirche in Bremen // *Hospitium Ecclesiae*. Bd. 7. Bremen: Carl Schünemann, 1971. S. 7–36.
8. *Rudloff O.* Väterverweise in der niederdeutschen Bremer Kirchenordnung von 1534 // *Hospitium Ecclesiae*. Bd. 17. Bremen: H. M. Hauschild GMBH, 1989. S. 53–77.
9. *Seven F.* Die Bremer Kirchenordnung von 1534 — ihre reformatorische Bedeutung und kirchenrechtliche Tragweite // *Hospitium Ecclesiae*. Bd. 21. Bremen: H. M. Hauschild GMBH, 1998. S. 25–73.
10. *Kühmann A.* Die Bremische Kirchenordnung von 1534 // *Bremisches Jahrbuch*. Bd. 8. Bremen: C. Ed. Müller, 1876. S. 114–144.
11. *Iken J. Fr.* Das Bremische Gymnasium Illustre im 17. Jahrhundert // *Bremisches Jahrbuch*. Bd. 12. Bremen: C. Ed. Müller, 1883. S. 1–35.
12. *Elsmann T.* Humanismus in Bremen. Christoph Pezel, Philipp Melanchthon und die Institutio Traiani // *Hospitium Ecclesiae*. Bd. 17. Bremen: H. M. Hauschild GMBH, 1989. S. 77–113.
13. *Deneken A. G.* Die Bremischen Bürgermeister Daniel von Büren, der ältere und Daniel von Büren, der jüngere. Eine geschichtliche Darstellung aus dem 15. und 16. Jahrhundert. Bremen: Johann Georg Heyse, 1836. 112 S.
14. *Duntze J. H.* Geschichte der freien Stadt Bremen. Bd. 4. Bremen: Johann Georg Heise, 1851. 881 S.
15. *Heppe H.* Geschichte des deutschen Protestantismus in den Jahren 1555–1581. Bd. 4. Die Geschichte des deutschen Protestantismus von 1577–1581 enthaltend. Marburg: N. G. Elwert'scher, 1859. 682 S.
16. *Heppe H.* Ursprung und Geschichte der Bezeichnungen “reformirte” und “lutherische” Kirche. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1859. 104 S.
17. *Müller J., Nitsch D., Rothe D.* Theologische Studien und Kritiken. Eine Zeitschrift für das gesammte Gebiet der Theologie. Gotha: Friedrichs Andreas Perthes, 1859. 810 S.
18. *Walte A.* Mittheilungen aus der Kirchengeschichte zur Zeit der Reformation // *Zeitschrift für die historische Theologie*. Bd. 36. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1866. S. 339–429.
19. *Bippen W. von.* Geschichte der Stadt Bremen. Bd. 2. Bremen: C. Ed. Müller's, 1898. 414 S.
20. *Veeck O.* Geschichte der Reformierten Kirche Bremens. Bremen: Gustav Winter, 1909. 319 S.
21. *Dingel I.* Concordia controversa. Die öffentlichen Diskussionen um das lutherische Konkordienwerk am Ende des 16. Jahrhunderts. Gütersloh: Gütersloher Verlag-Haus, 1996. 782 S.

22. *Dingel I.* The Culture of Conflict in the Controversies Leading to the Formula of Concord (1548–1580) // *Lutheran Ecclesiastical Culture, 1550–1675*. Leiden; Boston, 2008. P. 15–65.
23. *Santen L. van.* Bremen als Brennpunkt reformierter Irenik: eine sozialgeschichtliche Darstellung anhand der Biografie des Theologen Ludwig Crocius (1586–1655). Leiden; Boston, 2014. 477 S.
24. *Kampf J. van de.* The Reformation in the North-West // *Die andere Reformation im Alten Reich. Bremen und der Nordwesten Europas*. Bd. 53. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2020. P. 15–33.
25. *Dörner G.* Kirchengeschichte der Stadt Bremen im 16. Jahrhundert // *Die andere Reformation im Alten Reich. Bremen und der Nordwesten Europas*. Bd. 53. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2020. S. 33–111.
26. *Бережная Н. А.* В битве за истинную веру. Кальвинизм в Германии в XVI в. СПб.: Наука, 2021. 295 с.

Власть и общество.
Социальные структуры

УДК 94(450).03

Дедов В. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: st068735@student.spbu.ru; slava.dedoff@mail.ru

***Populus* в интерпретациях североитальянских хронистов XI–XII вв.: религиозный и социально-правовой аспекты**

Аннотация. В данной статье рассматривается роль *populus* в религиозной и социально-политической истории Милана по материалам североитальянских хроник XI–XII вв. В особенности подробному анализу подвергается место народа в общественном делении, предлагаемом хронистами Арнульфом, Ландульфом и Ландульфом Младшим, а также реальное участие и инициатива представителей *populus* в жизни города.

Ключевые слова: *populus*, Милан, Средние века, религиозные ереси, патария

Dedov V. D.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: st068735@student.spbu.ru; slava.dedoff@mail.ru

Populus in the interpretations of Northern Italian chroniclers of the XI–XII centuries: religious and socio-legal aspects

Abstract. This article examines the role of *populus* in the religious and socio-political history of Milan based on materials from Northern Italian chronicles of the XI–XII centuries. In particular, the place of the people in the social division proposed by the chroniclers Arnulf, Landulf and Landulf Junior, as well as the real participation and initiative of representatives of the *populus* in the life of the city, is subjected to detailed analysis.

Keywords: *populus*, Milan, Middle Ages, religious heresies, pataria

В условиях слабого развития грамотности в период Средневековья большинство сохранившихся источников отражает мнение наиболее образованной и элитарной группы населения. Тем не менее в дошедших до нас текстах существует множество упоминаний о простых людях, о народе, о том, как, для чего и в какой степени общественным мнением управляли.

Изначальный латинский термин «*populus*» приобрел новые формы в период поздней Античности и Средних веков. У Иеронима и Августина *populus* обозначал группу, единство которой вытекает либо из закона, либо из некой политической ответственности, таким образом, сохраняя политическое и юридическое значения его использования римлянами. Августин, вероятно, опирался на Сципиона, чье мнение о том, что *populus* — это собрание людей, объединенное общим пониманием права и общностью интересов, оказало влияние на формирование собственного взгляда Августина о том, что христианский *populus* включал в себя различные социальные слои, а не только простых людей. В письме Алкуина Карлу Великому, датированном 798 г., впервые появилась фраза «*vox populi, vox Dei*». Алкуин поставил под сомнение легитимность «*vox populi*» как не более чем крика толпы, а не голоса Бога. Тем не менее его пренебрежительное осознание *populus* было признаком зарождения потенциальной силы. Будущий папа Сильвестр II, Герберт Орильякский, также резко критиковал роль толпы на выборах архиепископа Реймса в 991 г. В начале XI в. возникло, по крайней мере, два взгляда на роль *populus*: Адемар Шабаннский выразил необходимость того, чтобы люди работали вместе со святыми и покровителями, чтобы решить свои проблемы и достичь *raх Dei* посредством клятв, принятых внутри сообщества, а Андрей из Флери, отводя место обсуждению общественных проблем, не видел никакой роли *populus* в их решении, по его мнению, действие должно было происходить из молитвенного посвящения себя святым, дающим решения [1, р. 2–3]. К концу XI в. обнаруживается, что концепция «*vox populi, vox Dei*» продвинулась в новом направлении, в котором *populus* предлагалась более значимая роль, поскольку его голос был мобилизован в поддержку программы церковной реформы.

Карл Лейсер называет патарию первым религиозным массовым движением в Европе, активизировавшим городские группы населения [2, р. 2]. В 1057 г. в Милане, благодаря деятельности проповедника Ариальда, вспыхнуло народное движение патаренов. Патарены олицетворяли собой сторонников Ключийской реформы в Северной Италии. Восставшие протестовали против двух явлений, широко распространившихся в архиепархии Милана — брака в среде клириков и симонии. Среди причин радикального выступления исследователи отмечали отсутствие в Милане «точки опоры», с помощью которой реформа могла бы утверждаться постепенно и обновлять церковь изнутри. Например, во Флоренции таким форпостом были реформированные монастыри [3, р. 26].

Основными источниками по миланской истории XI — начала XII в. являются три хроники: «Деяния архиепископов миланских» Арнульфа Миланского (1000–1080) [4], «Миланская история» Ландульфа Старшего (1050–1110) [5], «Миланская история» Ландульфа Младшего (1077–1137) [6]. Первые две описывают активную стадию восстания, а последняя — уже более спокойный период первой трети XII в.

Историография движения патаренов довольно обширна. Возможно, самым именитым исследователем в данной теме является Ч. Виоланте со своими, ставшими классическими, монографиями: «La società milanese nell'età precomunale» [7] и «La Pataria milanese e la riforma ecclesiastica» [8]. Из работ конца XX в. стоит отметить труды итальянских историков П. Голинелли «La Pataria. Lotte religiosi e sociali nella Milano dell'XI secolo» [9] и «L'età della Pataria» А. Лучони [10], освещающие основные этапы противостояния и описывающих их участников — исторических деятелей этой эпохи. Необходимо выделить также статьи британского историка Дж. Каудри «The Papacy, the Patarenes and the Church of Milan» [3] и «The Succession of the Archbishops of Milan in the Time of Pope Urban II» [11]. Немецкая традиция представлена трудами Г. Телленбаха [12], Х. Келлера [13; 14], А. Пачовски [15]. В рамках данного исследования представляет также интерес книга Ч. Коннела «Popular opinion in the Middle Ages» [1], описывающая эволюцию европейского общественного мнения в период 950–1300 гг.

Немецкий ученый А. Пачовски утверждает, что основной мотив исследования ересей был политическим. На его взгляд, в миланском при- мере в центре конфликта был контроль над общественной волей, оспариваемый новыми формами политического развития, ранее не включавших в себя простолюдинов [15, р. 30]. Таким образом, ересь является признаком социальных изменений, где роль средневековой публики стала заметной [15, р. 38]. И хотя ереси обычно были ограничены одной местностью [12, S. 120], миланская патария все же распространилась в довольно жестоких формах на прилегавшие территории [4, S. 81].

Усилившееся во второй половине XI в. противопоставление *ordo clericorum* и *ordo laicorum* нашло отражение у всех трех рассматриваемых авторов в виде связи *clerus et populus*. Арнульф Миланский, к примеру, пишет, что архиепископ Готфрид был даже сперва отвергнут «a clero et populo» [4, S. 127–128]. Причем архиепископу следует обладать пастырской заботой («*pastoralis delectantia*»), а народу — овечьим послушанием («*ovilis obedientia*») [4, S. 132]. Миланский епископ также выполнял функции посредника между духовенством и народом, примиряя их и пресекая

народное возмущение [4, S. 148]. По свидетельству Арнульфа, правитель королевства также должен быть подобающим образом призван духовенством и народом («a clero et populo decibiliter invitatus») [4, S. 196]. Патарены безусловно вносят разлад в эту связку. Так, у Арнульфа учащаются сообщения о конфликтах народа и духовенства [4, S. 132, 174], а лидер восставших Эрлембальд проводит постоянные переговоры с обеими сторонами («modo cum clero modo cum populo») [4, S. 203].

У Ландульфа Старшего в самом начале *populus* предстает как некая общность, объединенная верой («populo immenso catholico religiose») [5, S. 47]. Архиепископа Ариберта после возвращения из германского плена встречают с радостью и уважением опять же народ и духовенство («a clero et populo universo»). В целом деление на *populus* и *clerus* на данном этапе все еще превалирует [5, S. 69]. Во время активной фазы восстания Ландульф аналогично отмечает нарастающее противостояние между этими двумя частями миланского общества [5, S. 81].

У третьего автора, Ландульфа Младшего, духовенство и народ принимают активное участие в выборах архиепископа («clamavit et laudavit») [6, S. 23]. *Clerus et populus* в начале XII в. продолжают оставаться основными слушателями и оценщиками различных выступлений и городских событий [6, S. 28, 43–44]. Таким образом, в данном случае *populus* выступает как часть христианской *societas*, являясь синонимичным слову «миряне». Причина таких представлений заключается, вероятно, в принадлежности к церковному сословию всех рассматриваемых авторов.

В XI в. линии социально-экономического разделения оставались более размытыми, чем правовые категории (*capitanei*, *valvassores*, *cives*) [16, p. 209], но и последние выделились из народа лишь ко второй половине XI в., оставаясь при этом в состоянии внутреннего динамизма и постоянного обмена [7, p. 133]. Термин «*cives*» первоначально означал вовсе не принадлежность к определенной социально-правовой общности, а скорее место жительства в пределах круга городских стен [7, p. 211]. В первой половине XII в. «*cives*» отделяются от «*populus*» и становятся более тесно связанными с капитанами и вальвассорами [7, p. 212–213], фигурируя наравне с ними в составе коллегии консулов [16, p. 207–208].

Вероятно, эти возвысившиеся пополены имели свои корни в народной партии («*facione plebis*»), про которую Арнульф пишет, что она противостояла партии сторонников бургундского короля в течение пяти лет [4, S. 122–123]. Аналогичные свидетельства обнаруживаются у Ландульфа Старшего, который сообщает о существовании партии народа и знати («*partium populi et nobilium*») [5, S. 47]. Важно отметить, что термин

«cives», в отличие от «populus», Арнульф и Ландульф используют, когда речь идет обо всех жителях города, часто при описании внешних неурядиц, таких как осада города [4, S. 157–159, 165; 5, S. 122, 160] или война с соседями [4, S. 151–152]. У Ландульфа Младшего уже весьма часто термин «cives» встречается в связке «milites et cives» [6, S. 21, 33, 36, 41]. Более того, у него «plebs» и «cives» — это разные понятия [6, S. 37]. С «cives» собственно и связаны первые упоминания об общественных собраниях зарождающейся коммуны [5, S. 74; 6, S. 40].

Возмущение, как способ выражения недовольства народа (*Popularis tumultus*), довольно часто использовалось как инструмент социально-политической или религиозной борьбы. Его вполне обоснованно опасались: к примеру, императора, приехавшего в Милан, могли встретить с почетом в первый день, а на второй — он мог быть обижен возмущавшимся и кричащим на него народом («tumultuante ac vociferante in eum populo») [4, S. 156]. По сообщениям Арнульфа, из-за восставшего народа («insurgente populo») духовенство поражал сильный страх [4, S. 174]. Позднее под давлением и под крики народа («cogente ac vociferante populo») архиепископ был вынужден подписать соглашение с папскими посланцами [4, S. 183]. *Popularis tumultus* могло стать причиной отречения архиепископа от престола [4, S. 203]. В хронике Ландульфа Старшего ради обретения свободы народ ведет борьбу против знати [5, S. 67], а ее представители (*nobiles urbis*) порой и вовсе покидают город до более спокойных времен [5, S. 81]. К этому следует добавить многочисленные случаи жестокости по отношению к женатым священникам [5, S. 88–89]. Опасались народного гнева и сами «зачинщики» — лидеры патаренов [5, S. 82].

Вероятно, именно в Италии люди стали впервые всерьез возражать против пороков духовенства. Отшельники и группы отшельников начали находить множество слушателей для своих проповедей. Монашеские общины Камальдоли и Валломброзы стремились влиять на мир в большей степени, чем это было предписано в первоначальных идеалах монашества. С самого начала, вероятно, существовали связи между этими кругами и миланской Патарией [12, S. 120]. Как уже упоминалось выше, радикальность внедрения идей церковной реформы была связана с отсутствием собственных реформированных монастырей в Милане. В таких условиях патарены активно стремились к вовлечению в управление политической и религиозной сферами низших слоев. Как отмечает Арнульф, они обращались к народу как к дражайшим сеньорам («Carissimi seniores») [4, S. 176], постоянно предлагали ему что-то новое [4, S. 178], чего, собственно, и жаждал и сам народ [4, S. 224]. Более популярно на-

строенный Ландульф заявляет, что Ариальд искал любую возможность покончить с николаитством, возбуждая народную добродетель («*populi virtutem*») [5, S. 77]. *Populus*, в свою очередь, активно вовлекался по простоте в данное движение [4, S. 210]. Ищущий постоянно чего-то нового, народ и сам редко оставался в одном состоянии («*set more suo populus non diu statu permansit eodem*») [5, S. 72], а настроение его колебалось как лист на ветру («*ut folia a vento movebantur*») [5, S. 86]. Похожим образом определяются и характеристики, которыми его «награждают» хронисты: «*crudeli*» [5, S. 75], «*insensati*» [5, S. 82], «*impetuosus*» [6, S. 21], «*sine misericordia motus*» [5, S. 69].

Таким образом, едва ли можно говорить о восприятии миланской духовной элитой, которую олицетворяют три рассмотренные хрониста, *populus* как самостоятельного субъекта общественных отношений. В основном народ либо реагирует на ущемления, либо им манипулируют более образованные сограждане. Собственная инициатива среди *populus* почти не встречается. Безусловно, как представители клира, миланские хронисты включают *populus* в создаваемую ими модель общества. Инкорпорация части народа в сословие *cives*, вероятно, позволила на порядок снизить социальную напряженность в городе.

Список источников и литературы

1. Connel C. W. Popular Opinion in the Middle Ages. Berlin; Boston, 2016. 365 p.
2. Leysner K. Communication and Power in Medieval Europe: The Gregorian Revolution and Beyond. London; Rio Grande, OH: The Hambledon Press, 1994. 242 p.
3. Cowdrey H. E. J. The Papacy, the Patarenes and the Church of Milan // Transactions of the Royal Historical Society. 1968. Fifth Series, no. 18. P. 25–48.
4. Arnulf von Mailand. Liber gestorum recentium / ed. by C. Zey // MGH. SS rer. Germ. T. 67. Hannover, 1994. 268 S.
5. Landulfi. Historia Mediolanensis / ed. by L. C. Bethmann, W. Wattenbach // MGH. SS. T. 8. Hannover, 1848. S. 32–100.
6. Landulfi de Sancto Paolo. Historia Mediolanensis / ed. by L. Bethmann, Ph. Jaffe // MGH. SS. T. 20. Hanover, 1868. S. 17–49.
7. Violante C. La società milanese nell'età precomunale. Bari: Gius. Laterza & Figli, 1953. 307 p.
8. Violante C. La Pataria milanese e la riforma ecclesiastica. Roma, 1955. 221 p.
9. Golinelli P. La Pataria. Lotte religiosi e sociali nella Milano dell'XI secolo. Novara, 1984. 202 p.
10. Lucioni A. L'età della pataria // A. Caprioli, A. Rimoldi, L. Vaccaro. Diocesi di Milano. Vol. 1. Brescia: La scuola, 1990. P. 167–194.

11. *Cowdrey H. E. J.* The Succession of the Archbishops of Milan in the Time of Pope Urban II // *The English Historical Review*. 1968. Vol. 83, no. 327. P. 285–294.
12. *Tellenbach G.* Die westliche Kirche vom 10. bis zum frühen 12. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. 272 S.
13. *Keller H.* Die Erforschung der italienischen Stadtkommunen seit der Mitte des 20. Jahrhunderts // *Frühmittelalterliche Studien*. 2014. Vol. 48, no. 1. S. 1–38.
14. *Keller H.* Pataria und Stadtverfassung, Stadtgemeinde und Reform: Mailand im “Investiturstreit” // *Sigmaringen: Thorbecke*. 1973. S. 321–350.
15. *Patschovsky A.* Heresy and Society: On the Political Function of Heresy in the Medieval World // *Texts and the Repression of Medieval Heresy. York Studies in Medieval Theology*, 4. UK: York Medieval Press; Rochester, NY: Boydell & Brewer, 2003. P. 23–44.
16. *Coleman E.* Representative Assemblies in Communal Italy // *Political Assemblies in the Earlier Middle Ages*. Turnhout: Brepols, 2003. P. 193–210.

УДК 94(36)

Федоров А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st105426@student.spbu.ru

Церковная реформа XI–XII вв. и проблема формирования рыцарского сословия во Фландрии (на примере графства Гин)

Аннотация. В статье автор обращается к вопросу развития рыцарского сословия в графстве Гин, опираясь на «Историю» Ламберта Ардрского. Рассматривается отношение части гинской знати, называемой хронистом «вавассорами», с церковью и светскими лордами и дается оценка их социального положения в контексте существующего в историографии спора относительно нюансов эволюции средневековой знати.

Ключевые слова: Гин, церковь, Ламберт

Fedorov A. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st105426@student.spbu.ru

Church reform of 11–12th centuries and the problem of the development of the knightly class in Flanders (County of Guines example)

Annotation. In the article, the author addresses the topic of the development of the knightly class in the county of Guines, relying on the “History” of Lambert of Ardres. The relationship of part of the Gin’s nobility, called the “vavassors” by the chronicler, with church and secular lords is examined and an assessment of their social position is given in the context of the dispute existing in historiography regarding the nuances of the evolution of the medieval nobility.

Keywords: Guines, church, Lambert

Небольшая средневековая полития на севере Фландрии, граничащая с Кале и Булонью и именуемая графством Гин, в начале XIII в. сохранила о себе память благодаря стараниям одного хрониста — Ламберта Ардрского. В труде «История графов Гина и Ардра» он описал историю рода правителей этих земель начиная с во многом мифологических со-

бытий эпохи Каролингов и заканчивая современными ему событиями начала XIII в. В этой работе он, кроме прочего, уделит внимание статусной группе, называемой им вассорами, упомянув как об их взаимоотношениях с местной Церковью, так и споре о правовом статусе, возникшем у представительницы этого рода. Проблемы «революции замков» XI–XII вв. вызвали у историков XX в. разные ответы и, в частности, послужили причиной возникновения спора между Ж. Дюби и его учениками, с одной стороны, и Д. Бартелеми — с другой. Первый считал, что в результате значительной социальной трансформации во Франции и Европе сложилось достаточно однородное рыцарское сословие, которое и определило уникальный характер социума Средневековья [1, р. 178.] Однако второй, будучи более придирчив к терминам, утверждал, что процесс формирования рыцарского сословия закончился к XII в., после чего началось уже формирование сословия вассоров [2, р. 62]. Вторая точка зрения, будучи более педантичной, смазывает универсальный характер рыцарского сословия, о котором писал Ж. Дюби и которое могло обозначаться разными терминами. Существующая среди исследователей дискуссия относительно формирования рыцарского сословия и вопросов различия внутри него различных социальных групп делает важным обращение к проблеме статуса ламбертовских «вассоров» в Гине, графский статус правителя которого сам был под большим вопросом. Потому справедливо попытаться понять, во-первых, были ли они на самом деле отдельной группой, или Ламберт назвал их «вассорами» лишь ради подчеркивания их вассалитета по отношению к графу, а не королю. Во-вторых, стоит рассмотреть вопрос, являлись ли упоминаемые Ламбертом вассоры людьми, отдельными от рыцарства и со временем с ним слившимися, или изначально бывшими частью нобилитета.

Большая часть упоминаемых Ламбертом сведений о вассорах и их деятельности касается их взаимоотношений с Церковью, и вопрос иерархических отношений со светскими феодалами там не затрагивается. Единственная ремарка Ламберта в отношении этих действий в привязке их к светской иерархии — то, что они совершались «баронами и верными земли и народа видящими наиблагочестивейшую набожность благочестивого графа к Церкви Божьей» [3, р. 580].

Первый из упоминаемых в контексте взаимоотношений с Церковью вассоров, Роберт Бородатый, названный Ламбертом современником Арнольда Ардрского, в подобие последнему одаривал Церковь, поставив четырех секулярных каноников в Лике, а сам став прево и пятым канони-

ком [3, р. 581]. Хронист не сообщает, был ли он создателем этого места, что было бы вероятно, но действия Роберта однозначно свидетельствуют о его контроле над этой церковью.

Интересна и дальнейшая смена лиц, которые в дальнейшем контролировали церковь. Как мы узнаем, уже сын Роберта передал владение и контроль над ней регулярным каноникам Ваттена, то есть монастырю под протекторатом графа Фландрии. Еще же позже, в 1132 г., при епископе Теруана Мило, церковь была передана регулярным каноникам из ордена премонстрантов, а во главе был поставлен аббат Анри.

Таким образом, переход монастыря из рук светского лица к настоящим монахам произошел раньше, чем в случае с церковью Ардра, которую построил в 1073 г. прародитель рода, слившегося к моменту написания хроники с графами Гинскими. Отдельно стоит отметить, что передача церковного имущества произошла это как раз в ту декаду, когда впервые новые монашеские ордена — как в данном случае премонстранты, но также и цистерцианцы, начали приобретать различные типы собственности и доходы, от которых они прежде отказывались [4, р. 223].

Монашеские общины мотивировал так поступать рост их сообществ и, соответственно, увеличивающаяся нехватка средств. К такой мысли склоняет информация от Ламберта, что в церковь были назначены не простые монахи ордена, но регулярные каноники [3, р. 581], то есть лица, которые могли вести пасторскую деятельность и получать соответствующую пребенду — часть церковных доходов [4, р. 228]. Иными словами, в данном случае Ламберт ведет речь о канониках, которые фактически были монахами, — они были помещены в аббатство, руководились аббатом и говорили о себе как о «Христовых нищих» [5, р. 155].

Впрочем, у нас нет информации, были ли и какие у аббатства Лик доходы — в ранних статутах премонстрантов, которые составлялись как раз в эти годы, возможно под влиянием цистерцианцев, нигде не было указаний на получение десятин, хотя, по мнению Джайлза Констебля, они безусловно были [5, р. 155–156].

Другой важный аспект, касающийся регулярных каноников, — это вопрос разделения между ними и епископом диоцеза приходов. Последние часто могли запретить первым вести пасторскую деятельность, и связано это часто со страхом потери влияния над диоцезом [4, р. 233]. В данном случае это противоречие, очевидно, было исключено тем фактом, что епископом был посланный их туда монах их ордена, что, если верить Констеблю, было скорее исключением из практики премонстрантов [4, р. 233]. Можно предположить, что премонстранты достаточно хо-

рошо пустили корни в графстве, ведь уже в 1143 г. при основании первого их монастыря в Англии монахами там стали каноники из Гина [6, р. 155].

Другой пример участия вассалов в открытии храмов представляется Ламбертом в лице Евстазия Фиенского. В случае с ним, в отличие от ситуации с Робертом и другой знатью в хронике Ламберта, уже нет стадии существования церкви под светским руководством, чтобы уже в будущем церковь передавалась под власть какого-нибудь клирика. Исходя из слов Ламберта, в церковь изначально были поставлены каноники под руководством аббата [3, р. 581]. Внимание привлекает вопрос мотивации, стоящей за изначальным определением церкви в руки черного духовенства. С одной стороны, логичным объяснением выступила бы распространенность в это в это время отказа светских лиц от контроля над монастырями. Проблема данного варианта заключается в неясной нам хронологии, так как, говоря о времени, в которое это произошло, Ламберт называет имена двух правителей, которые правили в разное время. Манассий Гинский правил с 1091 по 1137 г., а Гильом Булонский — с 1153 по 1159 г. [7, р. 223]. Другой свет на датировку этого события может пролить X том «Gallia Christiana», где говорится о том, что церковь была создана во времена Готфрида Бульонского [8, р. 419], который умер в 1100 г. Попытка совместить эти датировки дает пересечение в последней декаде XI в., когда реформаторское движение, что захватит Францию в XII в., еще только зарождалось. С точки зрения Шопкоу, датировка создания церкви Евстазием Фиенским скорее должна быть отнесена к концу первой половины XII в., так как этот лорд наследовал Конону, правившему с 1099 по 1112 г.

С другой стороны, у нас есть еще одна причина, которая вырисовывается из рассказа самого Ламберта и, возможно, является самой важной, — ведь он построил церковь в покаяние не только за душу свою, своих предков и потомков, но «особенно за здоровье и спасение души того рыцаря... которого в турнире убил, за кого его специально обязали это сделать» [3, р. 581]. Таким образом, если Ламберт изложил верную историю, можно сделать вывод, что причиной для открытия церкви на соответствующих условиях была необходимость в покаянии. Само упоминание турнира говорит о том, что время события стоит отнести к XII в., как раз тому времени, когда, например, упомянутая прежде церковь Роберта Бородатого стала собственностью монахов.

Взгляд на отношения с Церковью мелкой знати показывает, что церковная реформа и соответствующие ей изменения в отношениях между светскими лицами и церковными организациями в случае с вассора-

ми могли сказаться и раньше, чем в случае с более крупными феодалами. Премонстранты в Гине дали о себе знать, по сути, тогда же, когда их непосредственные нужды вынудили их в принципе искать дополнительные средства, и они нашли отклик на этой территории. Другой элемент, который мы можем подметить, важен в свете упоминавшейся дискуссии о формировании рыцарского класса. Свободное взаимодействие называемых вассорами людей с Церковью позволяет предполагать их фактическую инкорпорированность в рыцарское сословие, которое могло спокойно вести дела с духовными институциями. Особенно характерно описание Евстация Фиенского, которое, кроме обозначения его «вавассором», не указывает на его относительно низкий статус. Евстаций Фиенский называется правителем людей Фиена, то есть, по сути, кастеляном, если учесть, что Фиен это именно замок [3, р. 581]. Более того, сын этого Евстация был женат на дочери графа Гинского, что также мешает видеть в данной «вавассорской» семье людей более низкого статуса. Использование Ламбертом этого термина по этим причинам могло указывать не на их более низкий социальный статус, который, например, подразумевался в регистрах Филиппа Августа и литературной работе Тибо де Марли [9, р. 27], а просто их вассальное положение по отношению к графу Гина.

Теперь же стоит обратить внимание на стоящий особняком, но тем более примечательный случай описания Ламбертом конфликта между «вавассором» и кастеляном, уже напоминающем о концепции оппозиционности Бартелеми между вассорами и более высокостатусными рыцарями.

В 36-й главе «Истории» хронист говорит об одной женщине, Авис, называемой «вавассорой», от которой после заключения брака с таким же «вавассором» стали требовать налог люди Хамского лорда [3, р. 579], на территории которого они с мужем стали проживать. Этот налог, именуемый «*solvekerlia*», подлежал к уплате несвободными людьми, теми, кому запрещено носить какое-либо оружие, кроме дубины. В таком смысле толкование этого налога встречается, кроме работы Ламберта, в хронике аббатства Св. Бертана. Право собирать такой налог, по словам хрониста, Хамские лорды получили еще от графа Рауля, который правил на рубеже X и XI вв. [3, р. 579]. Обращение к самим лордам Хама не помогло решить проблему, но уже обращение к графу Гина не только повернуло дело в ее пользу, но также в результате «все колвекерлии были освобождены и навечно сделаны свободными и освобожденными» [3, р. 580]. Другими словами, Ламберт рассказывает, что своеобразное превращение свободных людей в сервов могло иметь определенное распространение еще в XII в. — ведь речь идет о времени правления графа Манассия. Лам-

бертом неоднократно подчеркивается, что Авис, эта вавассора, заявляла о том, что она «полностью свободна» [3, р. 580]. Не совсем понятен, с другой стороны, статус тех людей, которые в результате были так же освобождены. Хотя именно Ламберт называет «вавассорами» лишь Авис и ее мужа, есть смысл допустить, что и они были аналогичного статуса [7, р. 222].

Тот факт, что действия Авис увенчались успехом и, если верить хронисту, привели в целом к освобождению иных вавассоров, проливает, как кажется, определенный свет на отношения внутри знати Гина. С одной стороны, мы видим, как мелкая знать в лице Авис способна отстаивать свои права и защитить свободы перед лицом высшей знати. С другой стороны, здесь также прослеживается идея о строгой иерархии внутри этой структуры. Не получив справедливости у лордов Хама, Авис может обратиться к самому графу, вышестоящему над первым, который, хоть и не без совершения подарков своему кастеляну, добывается разрешения ситуации. Последнее едва ли может говорить о слабости графа в отношениях со своими кастелянами — если та привилегия, которую он желал отменить, была столь древней, как о ней говорит Ламберт, необходимость компенсаций кажется закономерной.

Решения в пользу вавассоров, как исходит из описания Ламберта, требовала справедливость. Ведь Эмма, обращаясь к мужу Манассию, чтобы тот вмешался, заботилась в том числе о «бесчестии всей земли» [3, р. 580], от которого та была очищена вследствие согласия Манассия решить вопрос в пользу мелкой знати.

Таким образом, мы прекрасно видим, что у графа Гина были возможности реализовывать свою власть, выступая в роли высшего судьи и навязывая свою волю кастелянам. В данном случае — когда конфликт возник на почве противоречия между двумя разными привилегиями.

Что не менее важно, здесь мы видим, что, несмотря на попытки кастеляна ограничить «вавассоров», их статус в конечном счете признавался графской властью, таким образом подтверждая их принадлежность к рыцарству, что согласуется с предположением Д. Бартелими о повышении легитимности их статуса в XII в. [2, р. 62]. Определенные сомнения вызывает тем не менее уместность выделения всех упоминаемых Ламбертом вавассоров в одну группу.

Если в случае с Авис, ее мужем и другими пострадавшими от кастеляна, свободный статус которых был поставлен под сомнение, мы видим людей, скорее находящегося социально ниже, чем один из кастелянов графства, в случае с Евстацием Фиенским мы видим фактически обыч-

ного кастеляна. Определенная же оппозиционность статуса вавассора и барона, выражающаяся, по мнению Бартелеми, в том числе и в виде прав суда [2, р. 61], находит отражение исключительно в описании Авис, что ставит под сомнение возможность в общем выделять вавассоров Гина как нечто особое относительно рыцарства в целом и заставляет скорее согласиться с Дюби, видящем в данной группе воинов лишь часть сословия, в общем случае называвшегося современниками, а равно и учеными нового Времени «рыцарским».

Список источников и литературы

1. *Duby G.* The chivalrous society. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1977. 254 p.
2. *Barthélemy D.* Castles, Barons, and Vavassors in the Vendômois and Neighboring Regions in the Eleventh and Twelfth Centuries // Cultures of Power: Lordship, Status, and Process in Twelfth-Century Europe / ed. by T. N. Bisson. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. P. 56–68.
3. *Lambert Ardensis.* Historia comitum Ghisnensium / Hrsg. J. Heller // MGH Scriptores. Bd. 24. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1879. 916 p.
4. *Constable G.* The Reformation of the Twelfth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 411 p.
5. *Constable G.* Monastic Tithes: From Their Origins to the Twelfth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 368 p.
6. *Lawrence C. H.* Medieval Monasticism. Forms of Religious Life in Western Europe in the Middle Ages. London: Routledge, 2015. Ed. 4th. 318 p.
7. *Lambert of Ardres.* The History of the Counts of Guines and Lords of Ardres / transl. by L. Shopkow. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 272 p.
8. *Sainte-Marthe D. de, Hauréau B.* Gallia Christiana in Provincia Ecclesiasticas Distributa. Vol. 10. Paris: Typographia Regia, 1751. 578 p.
9. *Baldwin J. W.* Knights, Lords, and Ladies: In Search of Aristocrats in the Paris Region, 1180–1220. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 432 p.

УДК 94(410).03+94(429)

Пилюгина П. И.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
студентка магистерской программы «Медиевистика»
E-mail: pilugina.polina@gmail.com; pipilyugina@edu.hse.ru

Образы валлийского права в средневековых английских источниках

Аннотация. В статье анализируются образы валлийского права, которые формировались в английских источниках XII–XIII вв. Валлийское право существенно отличалось от канонического и от английского общего права. Эти отличия оказывались в центре внимания английских авторов, которые на их основе создавали колониальный нарратив о неспособности валлийцев существовать независимо и необходимости покорения Уэльса.

Ключевые слова: Уэльс, валлийское право, Геральд Камбрийский, Джон Пэкхем

Pilyugina P. I.

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities, Master’s programme
“Medieval Studies”, Student
E-mail: pilugina.polina@gmail.com; pipilyugina@edu.hse.ru

Images of the Welsh Law in Medieval English Sources

Abstract. This article analyzes images of the Welsh law that were emerging in the English sources of the 12th and 13th centuries. Welsh law differed significantly from canon law and from English common law. These differences were the focus of attention of English authors, who used them to create a colonial narrative of the inability of the Welsh to exist independently and the need to conquer Wales.

Keywords: Wales, Welsh law, Gerald of Wales, John Peckham

Валлийское право — сформировавшаяся в средневековом Уэльсе система обычного права. Согласно легендарной традиции, впервые валлийское право было кодифицировано при Хивелле Дда (Добром), правителе большей части Уэльса в X в., поэтому часто используется название Закон Хивелла (Cyfraith Hywel) [1, р. 6]. Самые ранние дошедшие до нас манускрипты Закона Хивелла датируются началом XIII в. Их нельзя считать до-

стоверным отображением кодификации X в., поскольку законы регулярно пересматривались как правителями, например королем Гвинедом Бледином ап Кинвином в XI в., так и юристами. В то же время в манускриптах обнаруживаются нормы, схожие с древнеирландским правом, первые письменные формы которого принято относить к VII в. [1, р. 73]. Валлийское уголовное право действовало в Уэльсе до 1284 г., когда, после смерти последнего независимого правителя Уэльса Лливелина ап Гриффидда и покорения Уэльса Эдуардом I, был принят Ридландский статут, заменивший его на английское общее право. Валлийское гражданское право продолжало действовать до полного присоединения Уэльса к Англии в правление Генриха VIII и принятия парламентских актов об Уэльсе 1535 и 1542 гг.

Долгое время в англоязычной историографии превалировало мнение, что Закон Хивелла был примером устаревшего, варварского, права, неспособного адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам времени [2, р. 87]. Во второй половине XX в., однако, историки стали все чаще спорить с этой точкой зрения. В этот же период появляются публикации, применяющие постколониальную оптику к валлийской истории и характеризующие Уэльс как первую колонию Англии и жертву ее имперской политики. Так, один из ведущих валлийских историков Рис Дэвис пишет, что в период после завоевания Эдуарда I и до восстания Оуайна Глиндур в 1400 г. «история Уэльса демонстрирует большинство общепризнанных черт колониального общества» [3, р. 3]. Другие исследователи отмечают, что колониальная риторика расового превосходства, сопровождавшая и оправдывавшая английское покорение Ирландии и Индии, впервые была выработана средневековыми английскими авторами по отношению к валлийцам [4, р. 3–4].

Наша гипотеза состоит в том, что образы валлийского права в английских средневековых источниках несут в себе черты, если угодно, протоколониального дискурса. Под ним подразумевается риторика расового превосходства, которая бы демонстрировала неспособность валлийцев существовать самостоятельно и оправдывала бы их завоевание Англией. Использовать термин «раса», говоря об англо-валлийских отношениях, представляется возможным, поскольку в анализируемый период англо-нормандские авторы воспринимали бриттов как представителей другой расы [5, р. 14; 6, р. 89]. В данной статье мы постараемся выявить главные черты образов валлийского права в английских источниках. Для этого нужно сначала вкратце описать особенности валлийского права. После этого мы рассмотрим, как эти особенности влияют на восприятие Закона Хивелла в частности и всех валлийцев в целом английскими авторами.

Источниками данной статьи являются «Описание Уэльса» (*Descriptio Cambriae*) Геральда Камбрийского и письма Джона Пэкхема. Оба автора были людьми церкви, видными учеными мужами своего времени, в разной степени приближенными к английским правителями. Хотя они рассматривали валлийское право в первую очередь с точки зрения канонического права, идеи, заложенные в их трудах, оказывали влияние как на английских монархов, так и на произведения потомков. Может показаться несколько противоречивым брать в качестве источника текст Геральда Камбрийского, хотя бы из-за его агномена. Геральд Камбрийский был рожден в Валлийской марке в семье нормандского рыцаря Уильяма де Барри и знатной валлийки Ангарат Фицджеральд, был воспитан в англонормандских традициях, получил образование в Париже, всю жизнь в той или иной степени служил английским королям [7, р. 9–10]. Он принадлежал к англонормандскому миру и являлся носителем его мировоззрения. Геральд Камбрийский одним из первых обратил внимание на особенности валлийского права в «Описании Уэльса», созданном в 1194 г. по итогам его путешествия по Уэльсу вместе с архиепископом Кентерберийским Болдуином Фордским в 1188 г. [7, р. 12]. Второй автор — архиепископ Джон Пэкхем — был деятелем второй половины XIII в. В этот период валлийское право оказалось в центре противостояния между принцем Гвинедом Лливелином ап Гриффиддом, Последним, и Эдуардом I из-за вопроса о правах на кантреф Аруистли и о том, должны ли эти права определяться по Закону Хивелла или по английским законам. Джон Пэкхем выступал посредником в переговорах между Лливелином и Эдуардом I, в переписке пытался уговорить обоих правителей пойти на компромиссы [8, р. 191–192]. Этот конфликт в итоге привел к восстанию за независимость Уэльса в 1282 г., окончившемуся его захватом и принятием Ридландского статута. В период восстания валлийское право стало символом национального сопротивления. Так, Лливелин и его брат Давид заключили договор, «что они будут вместе стоять за свои законы» [9, р. 348]. Поэтому в письмах Джона Пэкхема к Лливелину Последнему за 1279, 1280 и 1282 гг. так много внимания уделяется Закону Хивелла.

Обратимся теперь к особенностям валлийского права, чтобы выяснить, что именно могло вызывать критику со стороны английских авторов. Так, в Законе Хивелла преступление, например убийство, рассматривалось исключительно как действие, направленное против конкретной семьи, а не против принца или правителя. Поэтому в большинстве случаев преступник должен был выплатить виру, в случае убийства она на-

зывалась *galanas*, семье жертвы. Валлийский судебный процесс был направлен в первую очередь на достижение договоренности и компромисса сторонами [10, р. 71]. Отдельной частью Закона Хивелла были «Законы о женщинах», в которых прописывались нормы заключения и расторжения брака. Не столько брак в валлийском праве являлся результатом юридического признания, сколько закон представлял собой признание социальных реалий и потребностей. Существовала поэтому своеобразная иерархия разных типов брака, от которых зависели права партнеров. Так, большую роль играла временная дистанция в 7 лет с момента заключения брака, по прошествии этого срока женщина могла претендовать на половину общего имущества семьи [11, р. 50]. Браки, заключенные против воли семьи невесты, преодолев 7-летнюю границу, приравнивались к санкционированным союзам [11, р. 47]. Разводы были гораздо более позволительными в валлийском праве, легитимными поводами были: бесплодие и импотенция, измена, отдельные типы домашнего насилия [11, р. 47]. Еще одной характерной чертой валлийского семейного права было отсутствие ограничений на степень родства партнеров. У валлийских королевских родов были распространены браки между двоюродными и троюродными братьями и сестрами, в то время как с каролингского периода церковь считала кровосмесительными браки до седьмой степени родства, пока в 1215 г. на Четвертом Латеранском соборе этот порог не был изменен на родство до четырех степеней. Наконец, важной чертой Закона Хивелла является правовой статус незаконнорожденных детей. Рожденные вне брака сыновья, если они были признаны отцами, имели столько же прав на наследство, сколько и законнорожденные дети [11, р. 133–136]. Более того, если потенциальный отец умирал, не успев признать всех своих детей, они могли обратиться к старшему мужчине в семье с требованием подтвердить их родство.

Очерченные выше особенности валлийского права отличали его как от английского общего права, так и от канонического, и именно они становились предметом внимания и критики английских авторов. Обратимся теперь к нашим источникам. Геральд Камбрийский, на первый взгляд, позитивно отзываясь о валлийцах в конце первой книги «Описания Уэльса». Он хвалит их природные таланты и отмечает, что если бы они смогли объединиться под одним правителем, то были бы непобедимы. Следующая книга, однако, сообщает в деталях, почему валлийцы, из-за своей природы и своих обычаев, не способны к объединению и высшим благом будет их завоевание. Многие исходные недостатки валлийцев усиливаются тем, что они не пресекаются, а, наоборот, поощряются

их обычаями. Так, их природная жадность и стремление владеть землей усугубляются тем, что «братья делят между собой землю, доставшуюся в наследство, по древнему обычаю этого народа» [12, р. 211]. Постоянные распри за землю ведут к кровопролитию и братоубийству. Помимо того, что все братья претендуют на часть отцовской земли, на нее также могут претендовать и незаконнорожденные дети. Это особенно шокирует Геральда, который считает, что равноправное положение детей, рожденных в браке, и бастардов является одной из трех причин, почему валлийцы потеряли контроль над всей Британией, никогда не смогут восстановить этот контроль и вообще обречены на вечную бедность на окраине цивилизации: «Есть три вещи, которые являются причиной разорения этого народа и не позволяют ему, поколение за поколением, когда-либо наслаждаться процветанием. Первая, это то, что все их сыновья, законнорожденные и незаконнорожденные, настаивают на равных долях в их наследстве» [12, р. 225]. Геральд Камбрийский имеет представление об ориентированности валлийского права на достижение конфликтующими сторонами компромиссов и договоренностей. В этом он видит мотивацию к одному из главных грехов, которому подвержены валлийцы, — кровосмешению. Практике кровосмесительных союзов в Уэльсе он посвящает отдельную главу, сообщая, что валлийцы без колебаний и стыда вступают в брак с женщинами, состоящими с ними в четвертой или пятой степени родства, а иногда даже с троюродными сестрами. Инцест у валлийцев Геральд объясняет двумя описанными выше особенностями валлийского права, он является способом положить конец бесконечному братоубийству из-за земли: «Обычным оправданием такого пренебрежения церковными постановлениями является желание покончить с той или иной семейной распрей» [12, р. 213]. Примечательно, что автор сравнивает повсеместность инцеста среди валлийцев с ситуацией в Бретани, где, как он сообщает, этот грех также распространен. Учитывая, что и валлийцы, и бретонцы принадлежат к кельтским народам, подобное замечание как бы указывает на природную склонность вообще всех бриттов к «гнусному» поведению, переносит его на уровень расы: «Эти бесчинства практиковались с незапамятных времен у обоих народов, по эту и ту сторону пролива» [12, р. 214]. Наконец, Геральд Камбрийский упоминает и обычаи заключения браков в Уэльсе. В них он видит еще один пример распущенности и безнравственности валлийцев, поскольку они поощряют добрачное сожитительство, при котором мужчина вступает в брак с женщиной только после того, как он уже прожил с ней какое-то время. Здесь Геральд, по всей видимости, подразумевал

упоминавшийся выше срок в 7 лет, после которого тип брака в валлийском праве изменялся. В этом сожителстве он видит стремление мужчин валлийцев вступить в интимную связь с женщиной, не принимая на себя брачных обязательств, и, воспользовавшись ей, отослать ее обратно до того, как закончится семилетний срок. В Законе Хивелла же, в случае расторжения брака, не преодолевшего семилетний рубеж, женщина возвращалась в семью, по большей части не потеряв своего статуса, и получила *agweddi* — часть общего имущества семьи, полагававшегося ей как раз в таком случае.

Геральд Камбрийский обращается к легендарной истории бриттов Гальфрида Монмутского, чтобы продемонстрировать, как греховность валлийцев, выраженная в том числе в их обычаях, привела к тому, что они потеряли контроль над Британией и были оттеснены англосаксами и нормандцами на периферию. Геральд отмечает, что валлийцы верят в предсказания Мерлина, согласно которым они смогут изгнать иноземных захватчиков, восстановить контроль над островом и доминирование бриттов. Этот мотив действительно является главным в валлийской пророческой традиции и активно использовался валлийскими принцами на протяжении всего Средневековья [13, р. 127–128]. Геральд насмехается над этой традицией, замечая, что валлийцы не могут рассчитывать на успех в отвоевании Британии и свершение пророчества, поскольку они «по-прежнему погружены в грех, в глубокую пучину всех пороков — лжесвидательства, воровства, грабежа, разбоя, насилия, убийства, братоубийства, прелюбодеяния, кровосмешения, и упорно увязают в преступлениях, которые становятся все хуже день ото дня» [12, р. 216–217]. Таким образом, подчиненное положение Уэльса для Геральда является закономерностью, проистекающей из обычаев региона, отражающих и поощряющих греховную природу самих валлийцев. Особенности валлийского права выступают причиной, по которой Уэльс потерял свое могущество и не сможет его восстановить, а поэтому справедливо и правильно, что он будет захвачен народом, живущим в соответствии с Божьими законами.

Следующим нашим источником выступают письма архиепископа Джона Пэкхема к Лливелину ап Гриффиду. Существует гипотеза, что, в отличие от Геральда Камбрийского, Джон Пэкхем был знаком непосредственно с рукописью валлийского права и работал с ней, конкретно с манускриптом Peniarth MS 28, самой ранней дошедшей до нас рукописью Закона Хивелла [14, р. 342]. Помимо того, что Джон Пэкхем в своих письмах продемонстрировал высокую степень осведомленности

о валлийском праве, в манускрипте, в разделе, содержащем информацию о бракоразводном процессе, на полях встречается ряд крестов и знаков *nota*, привлекающих внимание к некоторым особенностям Закона Хивелла Дда, о которых Джон Пэкхем писал Лливелину Последнему. Как уже отмечалось, письма создавались в период конфликта между Эдуардом I и Лливелином ап Гриффиддом о применении валлийского права в земельном споре. С развитием конфликта, приведшего к восстанию 1282 г., оценка Джоном Пэкхемом Закона Хивелла, а вместе с ними и валлийцев вообще, становится все более резкой. Так, в письме от 1279 г. он отмечает, что Закон Хивелла Дда «расхождения имеет в ряде мест с Декалогом» [15, р. 77], в 1280 г. он уже писал, что «законы Хивелла содержат много противоречащего разуму ... (и многие из их положений) явно противоречат законам Божьим, изложенным в Ветхом и Новом Заветах» [15, р. 136]. В письме 1282 г., после того как Лливелин отверг условия мира, предложенные английским королем, Джон Пэкхем осудил мораль Лливелина и валлийцев и сказал, что Хивеллу Дда при составлении законов помогал дьявол [16, р. 475–476]. Подобная оценка основывается во многом на тех же особенностях валлийского права, о которых писал и Геральд Камбрийский. С другой стороны, Джон Пэкхем гораздо активней, чем Геральд, применяет мерила Божественного закона и «человеческого разума» к обычаям Уэльса. Подобно Геральду, он критикует направленность Закона Хивелла на урегулирование конфликтов, когда убийство и другие преступления не наказывались приговором нарушителю, а вместо этого разрешались путем принуждения вовлеченных сторон к достижению компромисса. Он считает такую практику «иррациональной». Джон Пэкхем также обращает внимание на легкость и дозволенность разводов у валлийцев, что расходится с законом Божьим: «законным женам, при поддержке Хивелла Дда, вопреки Евангелию, предоставляется развод» [16, р. 474]. Пренебрежение к законным бракам в целом представляется Джону Пэкхему одним из главных признаков безбожности валлийского права, и он уделяет этому вопросу много внимания. Не обходит он стороной и вопросы кровосмешения и легитимности незаконнорожденных детей. Инцест он называет «отвратительным обычаем» валлийцев и сетует, что «бастарды и те, кто родился в результате кровосмешения, не исключаются из наследственности» [16, р. 474]. То, что валлийцы «придают мало значения законному браку», является частью их природы, поскольку, как напоминает Лливелину Пэкхем, еще их предки, троянцы, которыми они так гордятся, сражались на стороне прелюбодейной пары Париса и Елены. Здесь Джон Пэкхем, как и Геральд Камбрийский, обращается

к легендарной истории бриттов, согласно которой валлийцы являются потомками Брута Троянского, потомка Энея. Брут был вынужден покинуть родные земли и отправится в плавание, прибыв в итоге в Британию. Получается, что от своих предков унаследовали валлийцы склонность к адюльтеру и презрение к законному браку, которые только поощряются Законом Хивелла. Как и Геральд Камбрийский, Джон Пэкхем видит в этих законах причины, по которым валлийцы потеряли свое доминирующее положение на острове, были поработаны англосаксами и не смогут изгнать иноземцев и вернуть себе власть над Британией: «невозможно, чтобы, имеющие корни в прелюбодеянии, могли наслаждаться дарами завоевания» [16, р. 474]. В своем последнем письме Джон Пэкхем приходит к выводу, что с народом, живущим по таким законам, бесполезно вести переговоры, и лишь приведение их в соответствие с законами церкви или хотя бы рассудка, позволит валлийцам перестать жить во грехе. Желание Джона Пэкхема осуществилось в 1284 г., с принятием Ридландского статута, и в правление Генриха VIII, с полным включением Уэльса в правовое пространство Англии.

Для того чтобы вернуть голос в нашем повествовании валлийцам и представить альтернативный взгляд на Закон Хивелла, стоит упомянуть стихотворение одного из величайших валлийских поэтов XV в. Давида ап Эдмунда — «*Marwnad Siôn Eos*» («Смерть Шона Эоса»). В этом произведении поэт оплакивает смерть своего друга, арфиста Шона Эоса, который был казнен за непредумышленное убийство. Давид ап Эдмунд обвиняет «сеющие смерть законы Лондона» в том, что Уэльс потерял столь талантливого музыканта, ведь по законам Хивелла ему достаточно было выплатить *galanas* семье погибшего. Шон Эос был бы жив, если бы более правильное, с точки зрения поэта, валлийское право все еще действовало: «Я злюсь на жестокий закон; / Суд в Чирке Эоса похитил. / Суд, почему не был Эос / По законам Хивелла судим?» [17, Т. 80–81]. Как можно видеть, память о собственном праве в Уэльсе сохранялась еще долго после того, как большая часть его была заменена английскими законами.

Таким образом, валлийское право в рассмотренных английских источниках репрезентируется как варварское право народа на периферии цивилизации. Оно изображается как естественное выражение греховной природы валлийцев, которое не только не пресекает их богомерзкие наклонности, но, наоборот, разрешает и поощряет то, что Геральд Камбрийский и Джон Пэкхем считают грехами и незаконными действиями, такими как кровосмешение, супружеская неверность и прелюбоде-

яние. В источниках Закон Хивелла характеризуется как противоречащий рассудку и законам церкви и имеющий дьявольскую природу. Валлийские обычаи являются причиной, по которой валлийцы лишились власти над островом и никогда не смогут освободиться от иноземного ига. Репрезентация валлийского права накладывает оценку и на валлийцев как на народ, унаследовавший от своих предков склонность к греху и не способный самостоятельно ее преодолеть, который поэтому может быть заслуженно наказан через потерю власти и независимости.

Список источников и литературы

1. *Charles-Edwards T. M.* The Welsh laws. Cardiff: University of Wales Press, 1989. 105 p.
2. *Davies J.* History of Wales. London: Penguin Books, 1994. 718 p.
3. *Davies R. R.* Colonial Wales // Past & Present. 1974. No. 65. P. 3–23.
4. *Meecham-Jones S.* Introduction // Authority And Subjugation In Writing Of Medieval Wales. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 1–13.
5. *Bartlett R.* Gerald of Wales, 1146–1223. Oxford: Clarendon Press, 1982. 246 p.
6. *Williams G. A.* When Was Wales? A History of the Welsh. Harmondsworth: Penguin, 1985. 327 p.
7. *Thorpe L.* Introduction // Gerald of Wales. The Journey Through Wales / Description of Wales / ed. by L. Thorpe. London: Penguin Books, 1978. P. 9–63.
8. *Prestwich M.* Edward I. New Haven: Yale University Press, 1997. 618 p.
9. *Davies R. R.* Conquest, coexistence and change: Wales, 1063–1415. Oxford: Clarendon Press, 1987. 530 p.
10. *Given J. B.* State and Society in Medieval Europe: Gwynedd and Languedoc under Outside Rule. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 302 p.
11. The Law of Hywel Dda / ed. and transl. by D. Jenkins. Llandysul: Gomer Press, 1986. 425 p.
12. *Giraldi Cambrensis opera* / ed. by J. F. Dimock. London: Longman & Co, 1861. In 8 vols. Vol. VI: Itinerarium Kambriae et Descriptio Kambriae. 286 p.
13. *Schoales E.* Welsh Prophetic Poetry in the Age of the Princes // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. 2004/2005. Vol. 24/25. P. 127–139.
14. *Huws D.* Leges Howelda at Canterbury // NLWJ. 1975. No. 19. P. 340–344.
15. *Regis trum Epistolarum fratris Johannis Peckham Archiepiscopi Cantuariensis* / ed. by C. T. Martin. London: Longman & Co, 1882. In 3 vols. Vol. I. 494 p.
16. *Regis trum Epistolarum fratris Johannis Peckham Archiepiscopi Cantuariensis* / ed. by C. T. Martin. London: Longman & Co, 1882. In 3 vols. Vol. II. 492 p.
17. *Gwaith Dafydd ab Edmwnd: a gasglwyd o ysgriflyfrau Peniarth, Llanstephan, Caerdydd, Havod, Mostyn, Coleg yr Iesu a'r Amgueddfa Brydeinig* / T. Roberts. Bangor: Bangor Welsh Manuscripts Society, 1914. 171 t.

УДК 94

Диль И. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
философский факультет, студент магистратуры
E-mail: sigerousgo@mail.ru

Соотношение власти и общества в рамках Столетней войны

Аннотация. В работе рассматриваются наиболее значимые события Столетней войны с упором на анализ взаимодействия между властью и обществом. Наиболее репрезентативными событиями в данном случае являются Парижское восстание 1356–1358 гг., Жакерия и роль деятельности Жанны д'Арк. В конечном счете для власти открывается необходимость централизации, а общество начинает обретать черты национального самосознания.

Ключевые слова: Столетняя война, Парижское восстание, Жакерия, Жанна д'Арк

Dill I. V.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Philosophy, Master's program, Student
E-mail: sigerousgo@mail.ru

The relationship between power and society in the framework of the Hundred Years' War

Abstract. This paper examines the most important events of the Hundred Years' War with a focus on analyzing the interaction between power and society. The most relevant events in this case are the Paris uprising of 1356–1358, Jacqueria and the role of Jeanne d'Arc. Ultimately, the need for centralization opens up for the power, and society begins to acquire the features of national self-consciousness.

Keywords: The Hundred Years' War, Paris uprising, Jacqueria, Jeanne d'Arc

Наша работа будет построена следующим образом: будет дано хронологическое изложение основных событий Столетней войны, но главный упор будет сделан на рассмотрении социальных движений, посредством описания которых мы покажем, каким образом взаимодействовали власть и общество в ходе Столетней войны.

Начало войны

Серия этих военных конфликтов есть крупнейшая война в Европе. Считается, что в Столетней войне ребром встал вопрос о национальной идентичности как англичан, так и французов. Также в этом конфликте решался вопрос о том, будет ли вообще Франция существовать как самостоятельное государство.

Поводом к войне послужил Англо-французский династический конфликт. В 1328 г. умер Карл IV — последний сын Филиппа IV. У Карла IV не было наследников — и этим воспользовался король Англии Эдуард III, внук Филиппа IV: он заявил, что имеет право занять французский престол. Но по одной из французских норм передача короны по женской линии была невозможна. Королем Франции был объявлен Филипп VI Валуа. Тогда Эдуард III решил занять престол, используя военную силу. Также важно отметить, что одной из территорий Англо-французских конфликтов была юго-западная территория Франции (Аквитания и Гиень). Экономически эта область очень тесно была связана с Англией, а дворянство и знать в этой области стремились к сохранению политической независимости, поэтому предпочитали номинальную власть английской короны вместо реальной власти Франции.

Датой начала войны считается 1337 г. В этом году англичане предприняли наступление в Пикардии и провели ряд успешных операций на севере Франции. В 1340 г. (битва при Слейсе) англичане одержали победу на море. После этой битвы англичане стали иметь безоговорочное превосходство на море и полностью контролировали Ла-Манш.

В 1346 г. англичане одержали победу в битве при Креси, а в 1347 г. им удалось взять Кале (важный стратегический порт). Во-первых, в Кале экспортировалась шерсть из Англии. Во-вторых, взятие этого порта позволило англичанам оформить плацдарм на севере Франции: теперь через него можно было снабжать и перегруппировывать английские войска на континенте, не покидая сам континент.

В Гиени и Гаскони, то есть на юго-западе Франции, наместником Эдуарда III стал его сын Эдуард, получивший прозвище Черный Принц по цвету своих лат. Эдуард Черный Принц совершал походы на центральные французские территории с целью грабежа. Возвращаясь с очередного набега в 1356 г., войска Эдуарда столкнулись с французским войском близ Пуатье. Несмотря на численное превосходство французской армии, французы потерпели сокрушительное поражение: историки писали, что в этой битве погибли лучшие представители французского рыцар-

ства. Иоанн II, тогдашний король Франции, был взят англичанами в плен. Причину поражения французов историки видят в недостатках организации и тактики французского войска: тогда как английские части были дисциплинированными и безукоризненно выполняли приказы командующих, французская армия представляла собой феодальное ополчение с низким уровнем организации войск.

Парижское восстание 1356–1358 гг.

«Поражение при Пуатье поставило Францию в крайне тяжелое положение» [1, с. 344]: необходимы были деньги как на продолжение войны, так и на выкуп короля из плена. Дофин Карл созвал в 1356 г. Генеральные Штаты, чтобы увеличить налоги и пополнить казну. Дворянство было ослаблено, потому в Штатах преобладали представители городов. Но в силу того, что многие были недовольны решениями правительства, Генеральные Штаты попытались захватить власть. Так началось Парижское восстание, в котором не последнюю роль играл Этьен Марсель — глава парижского муниципалитета. Новое собрание Генеральных Штатов подготовило ряд реформ, которые получили название Великого мартовского ордонанса. Этот ордонанс полностью изменял порядок управления страной: согласно ему Генеральные Штаты получали право дважды в год собираться самостоятельно, без согласия короля; Штаты получали контроль над налогами, а также над всем государственным аппаратом и армией. Можно сказать, что при помощи этого ордонанса парижские бюргеры пытались установить «протопарламентарную монархию» с номинальным участием государя в делах управления государством.

Волнения прекратились после того, как парижане добились ограничения власти дофина и ослабления налоговых обязательств. Тем не менее Карл не собирался делиться властью, а потому перенес налоговый удар на деревню, что привело к тому, что «Этьен Марсель со своими сторонниками ворвался в королевский дворец, убил несколько человек и потребовал у Карла подтверждение реформ... Дофин бежал из Парижа, а Марсель стал диктатором» [2, с. 221].

В ходе восстания в начале 1358 г. дофин был насильственно принужден к утверждению ордонанса, но в середине 1358 г. Этьен Марсель был убит, восстание подавлено, а ордонанс отменен. Но в то же время собрание Генеральных Штатов Этьена Марселя в 1358 г. обнаружило политическую изоляцию парижской верхушки. Имело место жесткое межсословное противоречие: духовенство и дворянство отказывались

от уплаты налогов (что послужило бы потерей одной из наиболее существенных привилегий), а некоторые города отказались поддерживать парижан, что отражает тот факт, что представители третьего сословия, заседавшие в Генеральных Штатах, далеко не всегда выражали интересы городских верхов во всей Франции. Причину этого можно попытаться проследить, во-первых, в недостаточном уровне централизации всего государства для более адекватного сословного представительства. Во-вторых, низкий уровень развития материального производства — и как следствие феодальная тенденция к независимости не только вассалов и дворян, но и городов. Получается, что интересы каждого конкретного города находились под влиянием его особого материального и экономического положения. Так что часть городов могла одобрить те или иные решения Генеральных Штатов, а часть — отвергнуть их.

Также следует отметить, что Парижское восстание является значимым событием французской истории, поскольку в рамках этого события мы имеем дело с началом формирования как французского «народа», понятого как политическая единица, так и со становлением французского «самосознания», основанного на своего рода продуктивном мифе, выражающимся в идее «об особой „французской свободе“, которую корона обязана уважать, если не хочет, в том числе, и повторения кровавой драмы в Париже 1356–1358 гг.» [3, с. 97].

Жакерия

В 1358 г. во Франции началась крестьянская война, получившая название Жакерия. Причинами крестьянского восстания являлись стремление феодалов увеличить сеньориальные поборы, сильнейшая экономическая разруха, вызванная Столетней войной, а также грабеж крестьян как английской, так и французской армией. Также в это время по Франции прокатилась эпидемия чумы, что привело к гибели от 1/3 до половины всего населения Франции, а это, в свою очередь, повлекло за собой повышение заработной платы. Правительство законодательно запретило повышать заработную плату. Восстание довольно быстро охватило обширные территории Северной Франции. К крестьянам примыкали сельские священники, деревенские ремесленники и мелкие торговцы. Всего восстало около 100 тысяч человек. Городской плебс сочувствовал крестьянам, но тем не менее плелся в хвосте у крестьянства и в конечном счете от союза с крестьянством отказался. Командующим объединенным крестьянским отрядом стал Гильом Каль, который был знаком с военным

делом: «Он завел собственную канцелярию и печать, издавал приказы и грамоты и имел под своим начальством ряд местных капитанов, у которых были свои помощники или десятники. Такова была несложная организация восставших, представлявших собою недисциплинированные и крайне плохо вооруженные толпы поселян, не имевших никакого понятия о военном деле» [4, с. 38–39].

В июне крестьянские войска встретились с армией Карла Злого (короля Наварры). Карл предложил крестьянам переговоры, Гильом Каль согласился на переговоры, но явился на них, не потребовав заложников, поэтому он был вероломно захвачен, предан пыткам и казнен. Без «головы», которая могла дать разрозненным крестьянам хоть какую-то толщину военной организации, крестьяне были быстро разбиты обученными войсками Карла. Вслед за разгромом Жакерии последовало подавление Парижского восстания.

Жакерия есть антифеодальная война, которая также является лакмусовой бумажкой начала разложения феодального строя. Крестьяне стремились построить свободную жизнь без господ, под главенством короля. Этот наивный монархизм был присущ всем крестьянским войнам. Сущностно Жакерия похожа, к примеру, на крестьянскую войну в Германии, прежде всего на ту радикальную часть крестьянства, которая была представлена Мюнцером: «Крестьяне и плебеи объединились в революционную партию, требования и доктрины которой резче всего были сформулированы Мюнцером» [5, с. 364]. Лютер же был представителем низшего дворянства и бюргерства. Низкий уровень крестьянской организации и обеспечения снаряжением, вера в царя, плебейский слой городских жителей, плетущихся в хвосте у крестьянства и легко меняющих свое отношение к движению (характерно для войны в Германии), вероломное предательство феодалов — все это есть общие черты для всех крестьянских войн. Тем не менее Жакерия в некоторой степени ограничила попытки сеньоров усилить феодальную эксплуатацию.

В 1360 г. Франция подписала с Англией мир в Бретиньи. Английский король отказывался от притязаний на французский престол, но часть южных земель, которые составляли треть страны, оставались за королем Англии. Но продолжение войны оставалось очевидным и неизбежным, поэтому король Франции Карл V начал проводить реформы: была усилена роль командующего, расширена система наемничества, укреплена артиллерия. Военное руководство стало избираться с учетом военной подготовки человека, а не только в зависимости от его социального положения. После проведенных реформ Франция начала одерживать военные успехи. В се-

редине 1370-х гг. французская армия оттеснила англичан на юге к морю. Также Карл V ввел ряд новых налогов и увеличил старые, что привело впоследствии к ряду антиналоговых восстаний (прежде всего в городах).

Во время правления Карла VI Безумного (1380–1422) началась феодальная усобица между герцогами Орлеанским и Бургундским. Бургундские герцоги стремились к тому, чтобы получить независимость. На стороне Орлеанского герцога в этой усобице были крупные феодалы юга Арманьяки, поэтому усобица называлась войной бургундцев и арманьяков. Эта междоусобица вызвала волну широкого народного протеста. В 1413 г. Парижский университет и Генеральные Штаты потребовали реформ, но они не смогли исправить положение — и тогда вспыхнуло восстание. Возглавил восстание мясник Симон Кабош, по имени которого стали называться участники восстания — кабошьены. Восставшие выдвинули ряд требований (прекращение усобицы, снижение налогов) — и правительство пошло на уступки, приняв кабошьенский ордонанс. Но в конечном счете с восставшими жестоко расправились в 1413 г., а ордонанс был отменен. Важнее всего здесь то, что герцог Бургундский пошел на союз с англичанами.

В 1415 г. Столетняя война была возобновлена: состоялась битва при Азенкуре. В ней Франция потерпела поражение, так как растеряла все достижения в военной организации из-за внутренней междоусобицы. Англичане захватили Мэн и Нормандию. Положение французов сильно усугублялось тем, что герцог Бургундский Иоанн Бесстрашный заключил в 1416 г. союз с Англией и оказывал ей значительную помощь. В конечном счете был заключен тяжелейший для Франции мир. По договору в Труа (1420) правителем Франции становился английский король Генрих V. Фактически Франция переставала быть независимым государством и становилась частью объединенного англо-французского королевства. Но в 1422 г. дофин Карл провозгласил себя королем Франции Карлом VII, нарушив договор. Власть Карла VII признали центральные и южные территории Франции. На данном этапе войны был ребром поставлен вопрос о дальнейшем существовании Франции как государства; большую роль в войне играло партизанское движение.

Роль Жанны д'Арк в Столетней войне

В 1428 г. англичане осадили Орлеан. Взятие этой крепости открыло бы им возможность беспрепятственного продвижения на юг, что сделало бы положение французского короля безнадежным. Но здесь на полити-

ческую арену вышла Жанна д'Арк. Почти всю свою жизнь она была безвестной крестьянской дочерью.

Жанна убедила короля в том, чтобы он поставил ее во главе армии. При этом король долго не мог решиться на то, чтобы предоставить Жанне аудиенцию. В конце апреля 1428 г. Жанна прибыла с армией в Орлеан — и в конечном счете английская осада с Орлеана была снята. Жанна настояла на том, чтобы Карл VII совершил поход в Реймс и короновался там, что сделало его законным правителем в глазах народа и других правителей Европы. Дальнейшее освобождение Шампани также улучшило положение французского короля. Но в 1430 г. Жанна была захвачена в стычке под Компьеном, осажденном бургундцами. Герцог Бургундский передал Жанну англичанам. Всего лишь один год она была Жанной — спасительницей Франции, исполняющей функции командующего. И еще целый год она была военнопленной и подсудимой инквизиционного трибунала.

Жанна была обвинена в колдовстве и сожжена в 1431 г. «Она была воплощением французского народа — его трудолюбия, отваги и ясного ума» [6].

Окончание Столетней войны

Карл VII провел ряд военных реформ: он запретил сеньорам иметь своих воинов и крепости, а также установил монопольное право короля на ведение войны, создал постоянную армию. Отныне она находилась под безусловным контролем короля и подразделялась на кавалерию и пешее ополчение (инфантерию). Служба в армии оплачивалась государством. Эти реформы, а также размах народного сопротивления, позволили Франции одержать победу в войне. Французы также изменили военную тактику, перейдя от длительных осад городов к мобильным действиям. В 1435 г. герцог Бургундский был вынужден заключить союз с Карлом VII против Англии. Англичане потеряли Париж, Нормандию, Руан, Бордо. В их руках остался только Кале. Так Франция была освобождена от английских захватчиков.

Считается, что война окончилась в 1453 г. после капитуляции английского гарнизона в Бордо.

Итоги Столетней войны

Война показала французской короне необходимость в централизации государства. После окончания войны Франция продолжала развитие процесса централизации: именно благодаря ему Франция смогла победить в войне, создать постоянную армию и организовать регуляр-

ный сбор налогов. Также в процессе централизации французская монархия все больше и больше начала наступать на права церкви, лишая церковь политической независимости и превращая ее в идеологический институт, подчиненный государству, с целью оправдания существования царской власти как Божественного наместничества. Тяжелый урон, нанесенный сельскому хозяйству, привел к недостатку рабочих рук. Из-за этого часть феодальных земель перестала приносить какой-либо доход, поэтому феодалы стали охотно идти на выкуп крестьянами личной зависимости, стремясь удержать крестьян на земле. Таким образом, крепостная зависимость была полностью сведена на нет. В целом общая тенденция к централизации французского государства привела к становлению во Франции абсолютной монархии. Дальнейшее экономическое и политическое развитие Франции привело к тому, что в XVI в. Франция вошла крупнейшим централизованным государством Западной Европы с развитой сельской экономикой, ремеслом, торговлей и культурой.

События Столетней войны, на которые мы обратили внимание в рамках данной работы, демонстрируют начало становления французского самосознания и осмысления французов себя как единого народа, единого общества. Власти, пытаясь получить финансы на продолжение военных действий, часто наталкивались на ожесточенное сопротивление как низших, так и «средних» слоев общества. Но пример Жанны д'Арк показывает, что иногда для сохранения «национального» (насколько этот термин применим к Франции XV в.) суверенитета власть и общество должны действовать сообща, чтобы сохранить свое собственное автономное существование.

Список источников и литературы

1. История Средних веков: в 2 т. Т. I: учебник / под ред. С. П. Карпова. 6-е изд. М.: Изд-во Московского университета: Печатные Традиции, 2008. 681 с.
2. *Вавилонская А. О.* Жакерия и Этьен Марсель // *Advances in Science and Technology*: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. М.: Научно-изд. центр «Актуальность. РФ», 2017. С. 221.
3. *Цатурова С. К.* Парижане в восстании Этьена Марселя: политическое значение столицы Франции в XIV веке // *Средние века*. 2016. Т. 77, № 3–4. С. 67–98.
4. *Грацианский Н. П.* Крестьянские и рабочие движения в Средние века. Историко-социологические очерки / Серия «Революционные движения»; под ред. проф. И. Н. Бороздина. М.: Изд-во товарищества «Мир», 1924. 157 с.
5. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1956. Т. 7. 670 с. С. 343–437.
6. *Райцес В. И.* Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/history/15/1/rayzes_2003.htm (дата обращения: 13.10.2023).

УДК 94

Лотменцев А. М.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, к. и. н., доцент
E-mail: avlot@yandex.ru

Вопросы судопроизводства в средневековом славонском Градеце (конец XIV — начало XVI вв.)

Аннотация. В представленном материале автор пытается разобраться в том, как функционировало средневековое правосудие, на примере славонского Градеца, крупного города Венгерского королевства, коммуна которого была активным участником политических распрей в XIV–XV вв. В ходе анализа огромного материала, опубликованного в многотомном Monumenta historica civitatis Zagrabiae (Градец был частью единого загребского пространства), автор приходит к выводу о сложности и многофакторности градецкого правосудия. Несмотря на немногочисленность населения, город обладал не только значительным слоем людей, чья работа имела отношение к юриспруденции (jurati), но при рассмотрении преступлений учитывался ряд факторов, в том числе дата и место совершения преступления (количество дней до начала ярмарки и близость общественного пространства). Большой интерес представляют также методы фиксации преступлений и значительное число лиц, которые могли оказывать влияние на судебные решения.

Ключевые слова: Градец, Загреб, преступление, штраф, судопроизводство

Lotmentsev A. M.

St. Tikhon's Orthodox University
Assistant professor
E-mail: avlot@yandex.ru

Abstract. In the presented material, the author tries to understand how medieval justice functioned on the example of Slavonian Gradec, significant city of the Hungarian Kingdom, whose commune was an active participant in political strife in the 14th and 15th centuries. During the analysis of the huge material published in the multivolumed edition "Monumenta historica civitatis Zagrabiae" (Gradec was part of a Zagrebian area), the author comes to the conclusion about the complexity and multifactorial nature of Gradec justice. Despite the small population, the city had not only a noteworthy layer of people whose work was related to law (jurati), but a number of factors were taken into account when considering crimes, including the date and place of the crime (the number of days before the fair and the proximity of public space). Methods of recording crimes and a significant number of persons who could influence court decisions are also of great interest.

Keywords: Hradec, Zagreb, crime, fines, legal proceedings

Вопрос о девиантном характере преступности [1], социально неприемлемом поведении уже давно волнует историков. Как известно, М. Фуко в «Истории безумия» пытался понять, «как и почему в определенный момент безумие оказалось проблематизировано через определенную институциональную практику и определенный познавательный инструментарий» [2, с. 311]. Нас интересует более практический характер преступности в позднем Средневековье, в частности в славонском городе Градце (ставшем ядром хорватской столицы Загреба), а также сопряженная с ней пенитенциарная система [3].

Попытка описать криминальные проблемы средневековых городов предпринимались неоднократно: так, Питер Акройд в своей замечательной биографии Лондона много внимания уделил характеру городских преступлений [4].

Криминальное поведение, в сущности, было свойственно определенным общественным кругам, и его девиантность обозначалась коммуной и судом с долей условности. Жители Градца активно участвовали в войнах за власть, последовавших за падением династии Арпадов, а также в последующих вооруженных конфликтах. К этим факторам прибавлялись войны с Капитулом Загреба, которые принимали довольно ожесточенный характер. Так, в 1375 г. была за одну ночь путем поджога полностью уничтожена Немецкая слобода, населенная в основном ремесленниками [5, р. 246]. Весной 1378 г. был ограблен обоз гражданина Пертольда, которому был причинен ему ущерб на 100 флоринов [5, р. 270]. В 1380 г. клирик Николай атаковал предместье Градца (во главе отряда) и взял штурмом дом, принадлежащий двум горожанам, из которых один был убит, а другой тяжело ранен [5, р. 282]. Все же события 1396 г. могут быть связаны с неудачным «никопольским» крестовым походом. Стабилизация общественной жизни в королевстве воздействовала и на положение в Градце и Загребе.

Не случайно очередной этап беспорядков произошел в 1437 г., после смерти Сигизмунда, когда Медведград, стратегически важная крепость в пределах Загреба, стал практически собственностью родственника покойного короля Цилли. С этого момента начинается ряд судебных процессов между горожанами и людьми Цилли, связанных, как правило, с насильственным изъятием имущества и открытыми грабежами [6, р. 138], вслед за чем городской суд Градца вызвал князя Ульриха Цилли для дачи показаний, явно превысив свои полномочия.

Мы неоднократно обращались к истории преступлений в Градце [7], но каждый раз они рассматривались как часть общеполитических процессов, некая составляющая борьбы между епископами Загреба и гражданами Градца, а то и с венгерским королем, или же как часть противостояния Цилли и Хуньяди в эпоху упадка королевства.

Необходимо напомнить, что городское пространство города Градецкой горы в политическом отношении совершенно отличалось от соседнего Загреба, который был центром епископии, в то время как Градец с момента своего основания в 1242 г. на фоне монгольского вторжения был «свободным королевским городом» прямого королевского подчинения, но с многочисленными правовыми гарантиями. Его этническую основу составляли выходцы из Флоренции, к которым присоединились со временем славяне (хорваты), немцы и венгры. Между этническими общинами сложились непростые отношения, но они, как правило, несколько терялись на фоне вечной войны с Загребом, участия граждан в многочисленных гражданских войнах, а с определенного момента и нарастающей экспансии турок.

В отправлении суда участвовали основные чиновники города. К их числу на рассматриваемый период относились судья, восемь присяжников, возможно, их лучше называть юристами (*jurati*), и 24 советников (*consiliarii*), которых, несмотря на название, не следует сравнивать по полномочиям с римскими консулами. Судья был главным человеком в городе, его должен был утверждать венгерский король, после чего происходила его инаугурация в храме Св. Марка.

Заседания суда проходили 2 раза в неделю. Велась документация, которая в основном дошла до нашего времени. Каждый гражданин и житель города имел право подать жалобу. В случае невозможности доказать обвинение, или если оно оказывалось ложным, обвинитель подвергался штрафу до марки несправедливо обвиненному и соответствующей выплате участникам заседания. Средневековый суд вообще действовал, как правило, на самообеспечении, и чиновничьи должности были финансово выгодными для их обладателей. В случае если обвиняемый уклонялся от присутствия на заседании и бежал из города, он подвергался очень значительным штрафам, переходящим в полную конфискацию имущества. Оправдываться в чужом суде, не имеющем отношения к Градцу, было бесполезно, поскольку бумаги, как правило, не передавались по инстанциям. Кроме того, суд осуществлялся по местным законам (*lex consuetudinem civitatem*). Иммунитет градецкого права представляется реальным феноменом.

Когда ответчика вызывали в суд, он, как правило, не являлся (каждый такой вызов отмечался в доступных нам документах). Вызов осуществлялся глашатаем на центральной площади. Как правило, ответчик являлся на третий вызов. Причина была не только в естественном желании не ходить по судам, но и в необходимости подготовиться к самому заседанию, написать речь и подготовить свидетелей. Большая часть процессов заканчивалась добровольным замирением сторон. В более сложных случаях свидетелей приводили к присяге в соборе Св. Марка, который находился на одноименной площади, там же, где суд.

История пенитенциарная очень тесно связана с финансовой историей региона, и без понимания некоторых ее особенностей не будет понятна и сложная система штрафов в городе. Первый монетный двор существовал недалеко от Градца уже в 1250-х гг. В 1384 г. Загребский монетный двор был закрыт королем Лайошем, который считал, что отдельный банский денарий не нужен Анжуйскому королевству. Но до XV в. монеты продолжали чеканиться, причем насколько это было согласовано с королевской курией, довольно сложно сказать. Банский монетный двор продолжал активно их чеканить, причем со второй половины XV в. на них появляются хорватские шашечки. Таким образом, денарий представлял из себя мелкую серебряную монету, кроме того, появляется венский денарий — медная монета, заменившая обол. В Хорватии венгерский флорин состоял из 100 денариев, и встречался еще рейнский талер из 80 старых денариев. Наконец, германская марка составляла 200 денариев. Флорины, понятно, происходили из Флоренции, и именно от них произошли форинты. Теперь мы знаем, что под 25 марками подразумевалась неподъемная для обычного гражданина сумма денег, 2 форинта были равны марке, 25 пенсов — то же, что 5 форинтов-флоринов [8].

Штраф за недоказанное обвинение составлял 10 пенсов, или 2 марки, при этом 100 денариев уходило судье. Штрафом в 5 марок каралась также попытка открыть дело, которое уже рассматривалось в другом суде. Несмотря на то что концепция тюремного заключения в Средние века отличалась от современной, наказанием являлось и то, что узников приковывали к стене цепью за ноги (*compes ferrea*), а нередко и за шею. Заключенные содержались в нескольких башнях. Их охраняла ночная стража. Стражники были заинтересованы в том, чтобы никто не сбежал, наказание за некомпетентность было довольно суровым (четвертование). Случались попытки пробить стену с целью извлечения преступников. Так, в 1487 г. группа заключенных немецкого происхождения пробила дыру в стене и эвакуировалась из города, за чем последовало длительное расследование.

Приговоренных к смертной казни могли помиловать не только по королевскому указу, но и по представлению влиятельных людей (подкрепленному пожертвованием). Для помилования достаточно было, чтобы нашлась барышня, которая пожелала бы выйти замуж за приговоренного к смертной казни. На Маргаритову ярмарку действовал Божий мир, и в течение 14 дней совершенные преступления карались по всей строгости.

Наименьшее по общественным последствиям преступление заключалось в оскорблении словом. Фиксируются всевозможные обзывательства вроде «кмет ты бородатый, старый пес, тать, двоеверник» или «курвин сын». Женщину, соответственно, могли назвать курвой или псоязыкой. Штраф обычно составлял около 10 пенсов, судье и юристам выплачивалось 100 динаров. При отсутствии денег совершалось пробитие языка. Сложно судить, какая процедура при этом использовалась. Впрочем, вряд ли это пробитие исполнялось продезинфицированной иглой. Старались ли заплечных дел мастера не повредить одну из двух вен на языке? Это навсегда останется их профессиональной тайной.

При рецидиве полагалось двойное наказание, а в третий раз — конфискация имущества и изгнание из города. Разумеется, встает вопрос о доказательной базе подобных преступлений. Как проводился допрос свидетелей? Какие были гарантии их правдивости? Как реагировали окружающие на скандалы с руганью, желали ли они свидетельствовать о них в суде? Часто ли привлекали людей по таким обвинениям?

Если оскорбление предназначалось градецкой общине в целом, то обвиняемый был обязан отсидеть год в тюрьме или сказать публично на площади: «Слушайте, люди всякого звания! Богатые и убогие! Я ... ругал общину и ее руководство, но неправду сказал, согрешил языком и устами». Штраф в 25 марок возлагался на того, кто подвергал гражданина осмеянию. Как правило, речь идет о неких (на наш взгляд, не лишенных ритуализма) действиях, но нередко и о совершенно бытовых ситуациях. Например, в цеху ремесленников, суконщиков и седельщиков один седельщик увидел столяра да и сказал: «Был один столяр, так ему жена все время изменяла», что вызвало скандал с последующим судебным разбирательством.

К клевете относились со всей серьезностью. Рассматривался случай, когда некто хвастал, что переспал с каждой из молодых служанок в городе, и их таким образом оклеветал. Его немедленно подвергли заключению и отправили в суд, ведь коммуна хотела защитить честь девушек. Поскольку обвиняемый отказался принести присягу и подверг поруганию общину, его приговорили к отсечению головы.

Если совершалось нападение с умыслом, то пострадавший должен был звать на помощь. И если помощь приходила, то усилившаяся пострадавшая сторона имела право избить инициатора конфликта, не опасаясь быть привлеченной к суду. При этом штрафы могли дифференцироваться. Практически им подвергали скорее тех, кто избивал женщин или детей. Если обвинитель мог продемонстрировать синяки от побоев, то штраф составлял 10 пенсов, или 2 марки, а судье и присяжным присуждалось 100 динаров. Если пострадавший был городским чиновником, то штраф назначался в двойном размере.

При взломе чужого дома и избииении хозяина штраф увеличивался. Если же избиеение происходило на площади или на улице, то назначался максимальный штраф в 25 марок, судья получал 5 пенсов. Один из таких примеров связан с избиеением группой столяров некоего мастера-меховщика.

Учитывалось не только количество ран, но их тяжесть, внешний вид и статус пострадавшего. За небольшую рану штраф составлял марку, если пострадавший был городским чиновником — 2 марки. Если ранение было осуществлено стрелой, то также оплачивался лекарь, раненый получал 10 пенсов, судье и присяжным присуждалось 100 динаров. Если раны наносились секирой, раненый получал 12 с половиной пенсов, судье и присяжным выплачивалось 5 пенсов. Если в корчме вы получали по голове кувшином и могли вспомнить виновное лицо, то появлялась смутная надежда получить 25 пенсов, плюс 5 пенсов выплачивалось судье. При нападении в городе и нанесении раны штраф составлял 25 пенсов, но если это происходило в публичном месте, виновный мог также лишиться руки.

Некоторые отравительницы изготавливали порошок из мух и пауков. Таких приговаривали к штрафу в 25 марок и последующему сожжению. Если отравительница давала подробные показания против поделщиков, она могла быть освобождена от смертной казни и изгнана из города.

Когда за городом была изнасилована девушка, удалось арестовать виновника, и представитель девушки отрубил ему голову. В другом случае жена сбежала от мужа, но тот выследил их, был избит, но смог запечатать виновных. Поскольку они нанесли ему повреждения при воротах, то есть в маркированном городском пространстве, их приговорили к сожжению, но муж простил жену, помилован был и ее любовник, и в итоге все ограничилось штрафом.

Штраф в 2 форинта выплачивался в пользу общины при ранениях. Если слуга ранил другого слугу, то штраф составлял 12 с половиной вен-

ских монет. Даже угроза убийства вполне могла рассматриваться в суде (трое свидетелей как минимум). Когда накануне Маргаритова сейма был убит в городе некий кмет, его господин вызвал городскую стражу, суд провел строгое расследование и даже вызвал на помощь несколько судей из соседних поселений. Виновного так и не нашли.

Отметим основные черты градецкого судопроизводства. К ним относятся: 1) судебный иммунитет; 2) неограниченность и неопределенность системы наказаний; 3) многофакторность производства дела; 4) внесловный характер судебного разбирательства (при привилегированном положении юристов).

Список источников и литературы

1. *Менделевич В. Д.* Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
2. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
3. *Макова Е. С.* Загреб в XVI веке. Из истории социально-экономических отношений в феодальном городе. М.: Изд-во Московского университета, 1976. 208 с.
4. *Акройд П.* Лондон. Биография / пер. В. Бабкова и Л. Мотылёва. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/325295-london:-biografiya.html> (дата обращения: 28.08.2023).
5. Monumenta historica civitatis Zagrabiae. Povijesni spomenici grada Zagreba. T. 1. Ivan Krstitelj Tkalčić, Emilije Laszowski. Typis Instituti librarii Croatiae, 1889. [2], CCXX, 519 p.
6. Monumenta historica civitatis Zagrabiae. Povijesni spomenici grada Zagreba. T. 2. Ivan Krstitelj Tkalčić, Emilije Laszowski. Typis Instituti librarii Croatiae, 1894. [2], CCXLIII, 587 p.
7. *Лотменцев А. М.* Славонский Градец. Libera regia civitas. М.: Изд-во ПСТ-ГУ, 2012. 259 с.
8. *Mirnik I.* Najsitnija kulturna dobra. Novac i njegova uloga u srednjovjekovnoj Hrvatskoj i Slavoniji [Электронный ресурс]. URL: https://bib.irb.hr/datoteka/442050.367KulturnaDobraMirnik_ckd.pdf (дата обращения: 02.09.2023).

УДК 94(430).028

Осипов К. С.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Социально-гуманитарный институт, студент бакалавриата
E-mail: Kirill.Osipov1337@Yandex.ru; ssau@ssau.ru

«Рыцарский турнир» или «Придворный турнир»? К вопросу о «формировании дворянства» в позднесредневековой Германии

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о месте турниров в процессе формирования дворянства в Верхней Германии XV века. Анализируя ключевые особенности организации турниров в немецкоязычных землях, можно сделать ряд выводов, полезных для дальнейшей дискуссии о положении дворянства в условиях формирования раннемодернового государства в Центральной Европе.

Ключевые слова: немецкое дворянство, турниры, Верхняя Германия

Osipov K. S.

S. P. Korolyov Samara National Research University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Bachelor's program, Student
E-mail: Kirill.Osipov1337@Yandex.ru; ssau@ssau.ru

“Chivalric Tournament” or “Courtly Tournament”? On the “Formation of Nobility” in Germany in the Later Middle Ages

Abstract. This article discusses the place of tournaments in the process of formation of the nobility in 15th century Upper Germany. Analyzing the key features of tournaments organization in German-speaking lands, we can draw a number of conclusions, which may be useful for discussion about the situation of nobility in the conditions of the formation of an early modern state in Central Europe.

Keywords: German nobility, tournaments, Upper Germany

XV в. занимает особое место в истории германского Средневековья. Это время масштабных церковных преобразований — Констанцкого и Базельского соборов, время социальных потрясений гуситских войн, укрепления на имперском престоле династии Габсбургов. Вместе с тем, наряду с глобальными социально-политическими трансформациями, за-

трагиваемый период характеризуется социальным динамизмом внутри различных слоев немецкого общества, затронувшим в числе прочих одно из ведущих сословий Средневековья — дворянство.

В последние пятьдесят лет в историографии широко исследуется положение ведущей части дворянского сословия Германии — княжеской аристократии, которая на рубеже Средневековья и Нового времени сумела укрепить собственное положение как на уровне имперских институтов, занимая с конца XV столетия ведущее положение на рейхстагах, так и в собственных наследственных владениях, где процесс централизации власти и умелое лавирование отдельных поколений князей в среде региональных элит позволили, в конечном счете, многим из них оформить собственные территориальные государства. Иным образом складывалось развитие различных групп средних и низших слоев феодальной знати — графов, рыцарей, нетитулованных дворян, обозначаемых в современной историографии собирательным термином «низшая знать» («Niederadel»).

К постановке проблемы: дворянские объединения, турниры и территориальные государства в современной историографии

В европейской историографии, опираясь в первую очередь на материалы Англии, Франции, Бургундии, Кастилии, принято говорить об организации знати в формате «придворных» или «монархических» орденов в период позднего Средневековья. Основательная проработка данного материала Д'А. Д. Д. Болтоном позволила ему предоставить собственную классификацию дворянских объединений, широко известную в специальной литературе [1, р. xv–xix]. Необходимо отметить основные проблемы данной схемы: широкое применение автором термина «орден», отсылающего к определенной иерархической структуре и организационной системе духовно-рыцарских орденов эпохи крестовых походов и не отражающего должным образом тенденции развития дворянских организаций в исследуемый период и практически полное игнорирование в работе немецкого материала, наличие которого во многом вскрывает основные проблемы названной схемы. Примечательно, что, принимая во внимание озвученную критику, во втором издании книги автор говорит уже не только об «орденах», но также и о «дворянских обществах» и «дворянских группах» и в целом представляет серьезно измененную классификацию [1, р. 451–546].

Указанная критика исходила прежде всего от немецких историков. Вплоть до сегодняшнего дня фундаментальным исследованием в этой области остается монография А. Ранфта, автор которой говорит о необ-

ходимости сравнительного изучения объединений позднесредневекового дворянства, обращая внимание на опыт исследования объединений в других группах средневекового общества [2, S. 25]. В регионах, характеризующихся меньшей степенью централизации власти — Франконии, Швабии, на всем течении Рейна, автор говорит о формировании эгалитарных объединений, где участвующие дворяне объединяются на основе взаимной клятвы как равные [3, S. 23–24; 28–29].

Не слишком удачным оказалось и определение «рыцарское общество», поскольку социальный состав данных организаций включал в себя далеко не только рыцарский элемент дворянской среды. Современные исследователи предпочитают говорить о «дворянских обществах» («Adelsgesellschaften»). Характерной формой подобного объединения в землях Верхней Германии стали «турнирные общества» («Turniergesellschaften»), чему способствовал расцвет проведения турниров в этих землях в XIV–XV вв. Современные историки говорят о «рыцарском обновлении» [4], о росте популярности турниров в среде той части низшего дворянства, которая более всего стремилась к сохранению собственного уникального статуса внутри империи [5, p. 23–28]. Регламентация социального поведения в рамках турнирного пространства характеризует течение «цивилизационного процесса» внутри сословия [3, S. 72]. Участие в турнирах становится маркером социального успеха дворянина и его рода, открывая ему доступ к укреплению социальных связей с другими членами группы, расширяя возможности для репродукции рода [6, p. 94–98]. В дворянской среде проявляется тенденция к «автономизации», стремлению декларировать собственный особый статус. Наивысшей формой выражения данной тенденции в XV в. стала попытка дворян Франконии, Швабии, Баварии и рейнских земель создать общегерманскую турнирную организацию — Турнир Четырех Земель [7].

В период XV в. отношения низшего дворянства и территориальных князей составляют один из аспектов в развитии формирующихся дворянской корпорации и территориального государства. Представители низшей знати были востребованы в формируемых территориальных княжествах как управленцы на местах, несмотря на рост бюргерского элемента в числе придворных советников князей. С их помощью организовывались локальные войны и территориальные захваты, успешные дворянские семьи становились кредиторами князей, а вместе с тем и закладывающегося территориального государства [8, p. 31–62].

Социальная динамика низшего дворянства в конце Средних веков демонстрирует нам определенные пространства, в рамках которых мог-

ла протекать самореализация отдельного дворянина. Исследователи в специальной литературе часто говорят в этой связи о дворе монарха. Не стала исключением и Германия, где подобную роль отводят не только двору императора, но и дворам отдельных территориальных князей. Один из крупнейших специалистов по франконскому дворянству, Ж. Морсель, разбирая трудности процесса социогенеза дворянства, тем не менее отмечает, что концептуальное формирование понятия «Adel», которые мы применительно к концу Средних веков отождествляем с термином «дворянство», имело под собой несколько смысловых оснований, которые могли обозначать как отделение «Adel» от обозначающего совокупность низшего дворянства «Ritterschaft», так и сопричастность групп дворянства князю, их родственность по отношению к нему [9, с. 41–45]. При этом князья в большей степени опирались на турнир, проводимый под их покровительством и воплощающий «рыцарский идеал». «Однако регулирование турнира в конце 1470-х годов и в 1480-е годы шло не со стороны князя (в данном случае маркграфа), но от самого ritterschaft (рыцарства), т.е. именно тех, кого маркграф пытался контролировать» [9, с. 47]. Тем самым в турнирном пространстве Верхней Германии позднего Средневековья могли смешиваться элементы «рыцарской» и «княжеской» моделей турнира, их социально-политические установки и идеалы. Таким образом, анализ организационных форм турнира и практик, характерных для его внутреннего пространства, может стать важным пунктом в дискуссии о процессе «формирования дворянства».

В предметном поле дискуссий ученых пространства позднего Средневековья, будь то турнир, двор, ландтаг и т.д., чаще всего рассматриваются именно с княжеской перспективы, с позиций восходящего развития территориального государства, постепенно подчиняющего себе отдельные аспекты жизни региональных элит. Исследовавший процесс «принятия» в дворянскую корпорацию в ландграфстве Гессен Т. Ной отмечает, что дворяне в обстановке уже сложившегося территориального государства консолидируют свои позиции внутри конкретной структуры (в рассматриваемом примере — ландтага), поскольку «их притязания на обладание государственной властью основывались главным образом на их фактическом участии в этом институте» [10, р. 188]. В рамках настоящей работы полезным будет полезным обратить внимание на положение дел в среде, достаточно изолированной от княжеской власти в период, когда на региональном уровне данная власть еще не набрала тех позиций и сил, которые обретает в Новое время.

Элитаризм и эгалитаризм турнирного пространства позднего Средневековья

В 1436 г. в Шаффхаузене состоялся грандиозный турнир, среди участников которого присутствовали члены кастильского посольства, располагавшегося в Базеле. Один из них составил подробный отчет о прошедшем турнире, являющийся ценным материалом по вопросам организации турнирного пространства в период позднего Средневековья.

Его автор прежде всего отмечает массовый характер турнира: *«К вечеру все рыцари, господа со свитой и рыцарские общества собрались группами примерно по десять рыцарей, в зависимости от важности сеньоров или общества, и вошли в город, главным образом на улице, где выставлялись шлемы»* [11, S. 158], Указывая на присутствие неких «рыцарских обществ» на данном турнире, автор, однако, не дает в тексте ни одного конкретного названия. Непоименованное здесь общество атрибутируется как «Констанцское общество Кошки», на которое указывает Констанцская хроника, содержащая некоторые сведения о данном турнире [11, S. 174]. Эти сведения находят подтверждение у Ранфта, который отмечает наличие «дворянского (городского!) общества Кошки, что свидетельствует о все еще подвижной границе в первой половине XV в. между прямым имперским (reichsunmittelbarem), земельным дворянством и городским дворянством (т.е. также находящимся на городской службе) в отношении участия в турнирах» [2, S. 103].

В специальной литературе широко отмечается рост процесса аноблирования в германских землях позднего Средневековья. Так, выходцы из высших слоев немецких городов начинают интересоваться дворянским образом жизни (в том числе и турнирами) уже с XII в. [12, S. 454–455]. Реакцией на вовлечение в сословие подобного элемента стало введение практики «проверки рода», то есть претендент на участие в турнире должен был доказать собственное происхождение, назвав минимум четырех предков, имевших дворянский статус. Об этом свидетельствует отчет члена кастильского посольства: *«Приглашать даму на танец разрешалось только безупречным рыцарям чистых кровей от всех четырех предков. Кроме того, к турниру допускались только рыцари, выдержавшие испытание предками по всем четырем линиям»* [11, S. 160].

Если мы обратимся к более поздним источникам, то увидим еще большее ужесточение данной практики. В записях о турнирах 1484–1487 гг. Зигмунда фон Гебзаттеля (один из влиятельнейших франконских родов!) читаем следующее: *«В том турнире я не был выбран жребием.*

Я должен был доказать то, что мои четыре предка Гебзаттель, Теттельбах, Танн и Зеккендорфф участвовали в турнирах» [13, col. 67]. Тем самым именно турнир становится маркером социальной принадлежности к дворянскому сословию.

Случаи нарушения данного установления сурово преследовались другими участниками турнира. Подобный случай фиксируется уже в кастильском отчете: «С места проведения турнира те из дам, кто посчитал нужным, прошли в зал, чтобы посмотреть на шлемы. И там каждая отмечала шлем того рыцаря, на которого жаловалась. При этом они посмотрели, нет ли шлемов, принадлежащих людям, не допущенным к участию в турнире, и нашли один, принадлежащий человеку с хорошей фигурой и манерами, которого мы приняли за дворянина <...> Вы должны знать, что он, кажется, сын очень богатого местного бюргера, и из-за своего богатства он взял в жены графиню. <...> Тогда он выставил шлем в зал, и дамы послали за турнирмейстером, четырьмя пожилыми господами, и потребовали, чтобы шлем был выброшен из зала. Они всячески позорили этого человека и не говорили, допустят они его на турнир или нет; если бы он явился, то они избили бы его до смерти» [11, S. 162–163].

Примечательно, что здесь описывается не только процедура исключения неблагородного участника, но и существующий в рамках турнирного пространства орган, отвечающий за ее исполнение, — «Суд Шлемов» («Helmesgericht»). В заранее оговоренный день участники турнира обязывались выставить свои шлемы в специальном зале или в ином месте. Например, Зигмунд фон Гебзаттель сообщает о «около 300 шлемов на площади в поле на барьере» [16, col. 68]. Кастильский отчет сообщает: «Случаи, в которых применяется наказание, следующие: дворянин, женившийся на незнатной женщине, подвергается избиениям и жестокому обращению до конца жизни всякий раз, когда он появляется на турнире. Его сыновья тоже не могут появиться на турнире, их не допустят и они не посмеют приехать. Также наказывается всякий, кто оскорбляет даму, особенно вдову или замужнюю женщину; кто плохо отзывается о даме или клеветает на нее; кто поддается грабежу или дурной жизни или прекращает посещать турниры, хотя его отец занимался этим; кто дошел до того, что его состояние стало недостаточным, и он потерял свое положение» [11, S. 167–168].

Приведенные выше фрагменты свидетельствуют о стремлении оградить от участия в турнирах часть неродовитой знати, лишив ее привилегий, даруемых принадлежностью к благородному сословию. Тем самым

вопрос о причислении к дворянской корпорации, номинально производившемуся в процессе аноблирования, фактически решался действительным желанием наиболее влиятельных представителей дворянских организаций принять в свои ряды новых членов. Важность этого решения демонстрирует следующий пассаж о социальном значении турнира: *«Вы должны знать, почему эти турниры были установлены с древних времен. Дворяне постоянно живут в своих замках и укрепленных усадьбах, и если бы они не могли собираться по таким случаям, то не были бы знакомы ни друг с другом, ни с законами рыцарства. Кроме того, турниры служат для наказания дворян, ведущих плохую и бесчестную жизнь. Затем здесь завязываются дружеские отношения между теми, кто поссорился в другом месте. Здесь обсуждаются и заключаются браки. И, наконец, поскольку они находятся между союзными городами, они совещаются о том, как им жить и вести себя по отношению к городам и другим могущественным местам»* [11, S. 167].

Таким образом, в результате проникновения в период позднего Средневековья в дворянскую среду неблагородного элемента возникает система противовесов, регламентирующих турнирное пространство в пользу устоев благородной части дворянства, демонстрируя тем самым элитарный характер позднесредневековых турниров.

Иные тенденции наблюдаются на турнирах второй половины столетия, организуемых членами турнирных обществ зачастую без какой-либо помощи со стороны князей. В турнирных уставах Франконии позднего Средневековья наиболее ярко проявилась тенденция к регламентации социального поведения внутри турнирного пространства, коснувшиеся в первую очередь теперь уже наиболее преуспевающей части сословия. Стремление укрепить социальную идентичность дворянской корпорации выразилось в ограничении роскоши для присутствующих на турнирах.

Бамбергский турнирный устав 1478 г. сообщает следующее: *«Далее согласно нашим предкам, достойным похвалы, задумали и определили, что внутри всех частей дворянство, имеющее благородное происхождение, мудро стремилось дать меру, чтобы бедные из рыцарства с их женами, дочерьми и сестрами, также для них самих, могли посетить турнир <...> Далее каждому рыцарю, золото, бархат и жемчуг носящему, ограничение есть, заключаем мы здесь, что ни один расшитой золотом или бархатом части, будь то сюртук или накидка, носить не должен <...> Кто в таком виде придет, должен другими рыцарями или слугами презираем быть и не иметь приветствия и допуска к турниру»* [14, S. 92–93].

Много ограничений фиксируется также в Вюрцбургском турнирном уставе [15] и они, по всей видимости, имели устойчивый характер во Франконии конца XV в. Примечательно, что данные установления, по всей видимости, возникают в период масштабного проведения турниров дворянскими обществами, в особенности Турниров Четырех Земель, то есть во второй половине или даже в последней трети XV в. Кастильский же отчет о турнире в Шаффгаузене демонстрирует совершенно иную картину: *«Особенно пятьдесят дам были так богато одеты, что это поражало: платья украшены жемчугом и мишурой, шляпы из фетра полны украшений. У некоторых на шляпах была отделка; я предполагаю, что это были дорожные шляпы, украшенные лентами. У других в волосах были нитки жемчуга; но чаще всего встречались цепцы с украшениями из цитры, а так как у них красивые волосы и под цепцами они заплетают их в косы, которые красят в желтый цвет шафраном, то этот головной убор им очень идет. Кроме других украшений, почти все они носили на голове перья, каждая своего цвета»* [14, S. 159]. Особенно красноречиво следующее замечание кастильца: *«Если кто-нибудь, услышав, что вы говорите обо всем этом, усомнится в этом, что я вполне могу понять, вы можете сказать ему, что многие люди, имевшие не более двухсот гульденов дохода, приходили в нарядах, который был бы великолепен в Кастилии для человека с тремя или четырьмя тысячами гульденов»* [11, S. 165].

Ограничивалось также и число допустимых слуг, сохраняя, однако, градацию, соответствующую положению в сословии: *«Князь должен иметь четырех слуг. Граф или дворянин трех слуг, рыцарь двоих слуг, благородный одного слугу»* [16, S. 95].

Таким образом, ограничения роскоши на турнирах, направленные, с одной стороны, на расширение представительства аристократических родов в числе участников, а с другой — на декларацию формального равенства представителей дворянского сословия, демонстрируют эгалитарный, или, отсылая к классификации Болтона, фратеритарный, характер турнирного пространства позднего Средневековья.

Вместо заключения: две модели «формирования дворянства»?

Разрешение поставленного вопроса, требующего целого комплекса специальных исследований, выходит за пределы настоящего эссе. Тем не менее мы считаем продуктивным отметить ряд положений, способных быть полезными в дальнейшей дискуссии о состоянии немецкой низшей знати в конце Средних веков.

Представленный материал демонстрирует процессы, протекающие внутри турнирного пространства, не как отмирающий идеал, но течение подлинной социальной жизни сословия и его отдельных групп в указанный период. XV в. вывел турнирное движение на передний край процесса определения статуса низшей знати, ее стремления к сохранению и укреплению собственного положения в империи. Вместе с тем форма организации турниров демонстрирует наличие устойчивой немецкой «рыцарской» традиции, в которую вынуждены встраиваться представители высших слоев дворянства, стремящиеся использовать его для достижения собственных целей контроля и доместикации низшей знати. Вместе с тем процесс оформления дворянской корпорации в Германии в своем движении исходил снизу, опираясь на потребности прежде всего самих членов низшей знати. На месте придворных орденов Англии, Франции и Бургундии со строгой иерархией, церемониалом и монархом во главе в основных регионах империи мы наблюдаем эгалитарные общества с выборными капитанами и институтами, имеющие при этом не менее строгую организационную форму.

Расцвет турниров и рост их популярности на протяжении XV в. тем не менее совершенно не совпадает по характеру с их завершением, где на место поступательного развития приходит прекращение проведения каких-либо крупных турниров, организуемых дворянскими обществами турниров после 1487 г., а к началу Реформации их число и вовсе сокращается до «придворных» турниров раннего Нового времени. Причины столь резкого упадка не до конца ясны в современной историографии. Тем не менее организационный и институциональный опыт низшей знати имел огромное влияние на последующие развитие дворянской корпорации: многие институты и установления впоследствии в своей организации уже в XVI в. наследует имперское рыцарство, завершающее длительный процесс социально-правового оформления независимого от княжеской власти дворянства.

Наконец, необходимо обратить внимание на новейшие историографические тенденции, способные изменить наши представления об устройстве общества и государства в германских землях позднего Средневековья. Не так давно британский исследователь Д. Харди опубликовал работу, в которой выдвинул концепцию организации немецкого общества, империи и ее институтов как совокупности определенных социально-правовых практик, особый вид отношений, характеризующих устройство этого уникального региона Европы [17]. Многогранность и противоречивость течения социальных процессов в Германии позд-

него Средневековья остается в современной науке проблемным полем, занимающим множество исследователей и порождающим плодотворные дискуссии, характеризующие динамическое развитие современной исторической науки.

Список источников и литературы

1. *Boulton D'A. J.D.* The Knights of the Crown. The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe 1325–1520. 2nd ed. Woodbridge: Boydell Press, 2000. 643 p.
2. *Ranft A.* Adelsgesellschaften. Gruppenbildung und Genossenschaft im spätmittelalterlichen Reich. Sigmaringen: Thorbecke, 1994. 364 S.
3. *Morsel J.* Geschlecht versus Konnubium? Der Einsatz von Verwandtschaftsmustern zur Bildung gegenüberstehender Adelsgruppen (Franken, Ende des 15. Jahrhunderts) // *Historische Anthropologie*. 2014. Bd. 22 (1). S. 4–44.
4. *Jackson W.H.* Tournaments and German Chivalric renovatio: Tournament Discipline and the Myth of Origins // *Chivalry in the Renaissance* / ed. by S. Anglo. Woodbridge: Boydell Press, 1990. P. 77–91.
5. *Ninnes R. J.* German Imperial Knights. Noble Misfits between Princely Authority and the Crown, 1479–1648. London; New York: Routledge, 2021. 322 p.
6. *Zmora H.* The Feud in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 211 p.
7. *Meyer W.* Turnierygesellschaften. Bemerkungen zum sozialgeschichtlichen Bedeutung der Turniere im Spätmittelalter // *Das ritterliche Turnier im Mittelalter* / Hrsg. J. Fleckenstein. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. S. 500–512.
8. *Zmora H.* State and Nobility in Early Modern Germany: The Knightly Feud in Franconia 1440–1567. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 232 p.
9. *Морсель Ж.* Двор или дворянство? Двор князя как «место формирования» дворянства во Франконии в конце Средних веков / пер. с франц. Е. Ю. Акимовой и П. Ю. Уварова // *Средние века*. 2010. Вып. 71 (3–4). С. 32–52.
10. *Neu T.* 'Little tools of state formation'. The admission of nobles to imperial and territorial diets in Early Modern Germany // *Parliaments, Estates and Representation*. 2015. Vol. 35, no. 2. P. 186–204.
11. Ein spanischer Bericht über ein Turnier in Schaffhausen im Jahr 1436 / Hg. vom K. Stechlin // *Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde*. 1915. Bd. 14. S. 145–175.
12. *Zotz T.* Adel, Bürgertum und Turniere in deutschen Ständen vom 13. bis 15. Jahrhundert // *Das ritterliche Turnier im Mittelalter* / Hrsg. J. Fleckenstein. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. S. 450–499.
13. *Eigenhändige Aufzeichnung des Siegmund von Gabsattel über die Turniere von 1484–1487* // *Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit*. 1853. Bd. 1. Coll. 67–69.
14. *Die Bamberger Turnierordnung von 1478* / Hg. von H. Gradl // *Bericht des Historischen Vereins Bamberg*. 1883. Bd. 45. S. 87–97.

15. Nachrichten über die Turniere zu Würzburg und Bamberg in den Jahren 1479 und 1486 / Hg. von A. L. Gumpfenberg // Archiv des Historischen Vereines von Unterfranken und Aschaffenburg. 1867. Bd. 19 (2). S. 164–210.
16. *Gumpfenberg L. A. von*. Die Gumpfenberger auf den Turnieren: Nachtrag zur Geschichte der Familie von Gumpfenberg. Würzburg: Friedrich Ernst Thein, 1862. 163 S.
17. *Hardy D.* Associative Political Culture in the Holy Roman Empire. Upper Germany, 1346–1521. Oxford: Oxford University Press, 2018. 320 p.

УДК 94.(430).03

Антропов Д. С.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата
E-mail: antropov.den0384@gmail.com;
stud0000261022@study.utmn.ru

Патрицианские связи: казус монастыря св. Клары в реалиях нюрнбергской Реформации 1517–1525 гг.

Аннотация. Исследование важного казуса сохранения монастыря Св. Клары в Нюрнберге в первой четверти XVI в. в период немецкой Реформации раскрывают социальные, политические, семейные и теологические факторы. Борьба лютеранского патрициата против кларисс не привела к конфессиональной унификации, а знаменовалась заключением уникального компромисса между монахинями и городскими властями.

Ключевые слова: монашество, политика, Реформация, Нюрнберг, лютеранство, католицизм, город

Antropov D. S.

University of Tyumen,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student
E-mail: antropov.den0384@gmail.com;
stud0000261022@study.utmn.ru

People and networks: Casus of the monastery of St. Clara in the realities of the Nuremberg Reformation of 1517–1525

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the survival case of the monastery of St. Clara in Nuremberg in the first quarter of the 16th century. It reveals a close connection of social, political and theological factors in the early period of the German Reformation. The Lutheran patriciate's struggle against the Clarisses did not lead to confessional unification, but was marked by the conclusion of a unique compromise between the nuns and the city authorities.

Keywords: monasticism, politics, Reformation, Nuremberg, Lutheranism, Catholicism, city

Исследование проблемы взаимоотношений католического монашества и сторонников вероучения Мартина Лютера в контексте нача-

ла Реформации на германских территориях достаточно многогранно. Как известно, на землях, где государи признали лютеранскую конфессию в качестве государственной религии, в XVI в. происходило массовое закрытие монастырей и упразднение монашеских общин. Подобные процессы происходили вследствие точки зрения реформаторов на то, что монахи являлись значимой элитарной группой католической церкви, а значит, непосредственно несли угрозу распространению молодого вероучения [1, S. 7–9]. При этом власти германских территориальных образований, утвердивших лютеранство на своих землях, также активно способствовали борьбе с монашеством, что влекло за собой передачу монастырского имущества новообразованным лютеранским общинам. Подобная политика обуславливалась стремлением утвердить монополию на власть и веру. Имеющиеся прецеденты наглядно демонстрируют важность политического аспекта в общей картине событий Реформации в целом и в отношении к монахам в частности. В рассматриваемом историческом контексте выделяется пример нюрнбергского францисканского монастыря Святой Клары, сестры которого не только не подчинились указаниям городского совета о закрытии, которому последовали ордена картезианцев, бенедиктинцев, тевтонцев, августинцев и кармелитов (закрылись также мужской францисканский монастырь и женский монастырь терциариев), но и продолжили свое существование вплоть до конца XVI в. У историков до сих пор не существует консенсуса касательно причины этого достаточно нетипичного для эпохи случая, который можно назвать настоящим казусом для немецкой Реформации. Наиболее распространенным является мнение о значительном влиянии личности аббатисы монастыря Каритас Пиркхаймер на сохранение вверенной ей общины, принадлежавшей к ордену бедных кларисс. В статье анализируется период в истории нюрнбергского монастыря Св. Клары, выпавший на первые годы Реформации, в контексте проблемы людей в меняющемся под воздействием Реформации мире и, как следствие, выявление факторов, способствовавших по итогу противостояния с лютеранами и городскими властями сохранению монашеской общины. Хронология включает в себя несколько этапов: 1517–1524 гг. (первые притеснения монашеской общины со стороны лютеран, ведущих свою деятельность в Нюрнберге), 1524 — первая половина 1525 г. (фаза активного противостояния между лютеранским городским советом и клариссами) и вторая половина 1525 г. (поиск и достижение компромисса). Следует обратиться и к политическому аспекту вопроса, поскольку городской совет Нюрнберга напрямую являлся участником конфессио-

нального конфликта. В исследовании используется микроисторический подход, который позволяет рассматривать конкретный процесс противостояния монастыря и властей, находящихся под непосредственным влиянием лютеранского вероисповедания.

В качестве источников для исследования выступают преимущественно дневниковые записи и письма настоятельницы монастыря Каритас Пиркхаймер, созданные в период ее руководства общиной, собранные ей в сборник «Denkwürdigkeiten» [2]. Существует еще несколько исторических памятников, отражающих рассматриваемую проблематику, которые анализируются гораздо реже. Ими являются сочинения племянницы Каритас Катарины [3], видного члена городского совета Виллибальда Пиркхаймера [4, р. 94–131], полемическое произведение «Великий нюрнбергский совет» проповедника церкви Св. Лаврентия Андреаса Осиандера [5], послужившее основой для дальнейшего официального признания Реформации со стороны городских властей, а также дневник Кристофа Шройрля [6], убежденного сторонника идей Лютера, который при этом был тесно связан с семьей Пиркхаймеров. Еще одним значимым источником являются проповеди францисканского монаха Стефана Фридолина [7], который был духовным настоятелем монастыря еще до начала Реформации в Нюрнберге. Их анализ необходим для более полного понимания условий, в которых клариссы начали свое противостояние лютеранскому вероучению. Необходимо подчеркнуть важность критики сборника «Denkwürdigkeiten», написанного К. Пиркхаймер, поскольку он содержит в себе прежде всего субъективный взгляд на происходящее со стороны аббатисы. Так как он служит основным источником для современной историографии проблемы, точка зрения о решающей роли личности настоятельницы как главного фактора продолжения сопротивления городским властям и достижения компромисса возоблудала. Наиболее ценны в этом контексте дневники и записи других важных современников событий: В. Пиркхаймера и К. Шройрля, которые позволяют привнести новый взгляд на дальнейшее изучение проблемы.

Вначале следует рассмотреть условия первой четверти XVI в., в которых функционировал монастырь Св. Клары. Нужно отметить, что многие монахини были выходцами из семей городского патрициата, представители которых также занимали видные посты в городском совете. Наиболее значимыми из них были Пиркхаймеры, Тетцели, Нютцели и Тухеры, однако в составе общины были сестры и из других уважаемых родов. Это создавало благоприятную почву для взаимодействия монастыря с внешней средой, что сыграет свою роль уже непосредственно во время нюр-

нбергской Реформации. Необходимо отметить, что между некоторыми патрицианскими семьями существовали серьезные разногласия в рамках внутригородской политической борьбы, в которой приверженность определенной конфессии уходила на второй план в сравнении с авторитетом в нюрнбергском совете. Следовательно, противостояние в городском совете напрямую влияло на общину бедных кларисс. Одним из ярких примеров служит личность ранее упомянутого К. Шройрля, известного гуманиста, члена юридической палаты городского совета и дипломата, воспринявшего идеалы Реформации [8, S. 178–185]. Следует подчеркнуть, что он был кровным родственником еще одной знатной семьи, Тухеров, из которой происходил его дядя, слывший его покровителем среди местного патрициата, женой дипломата также была представительница этого семейства Хелена. И все же, несмотря на приверженность идеалам Реформации, К. Шройрль оказывал поддержку монастырю Святой Клары даже после признания городским советом лютеранства в качестве официальной конфессии, в том числе и материально [9, S. 44].

Пожалуй, еще одним фактором, способствовавшим сохранению существования монашеской общины во время религиозных преобразований послужила предварительная проповедническая работа, которую провел в монастыре францисканец С. Фридолин в период своего патронажа над монахинями с 1476 по 1492 г. Он особенно активно доносил теологию креста через аллегорические трактовки страдания и смерти Христа [7, S. 26], что должно было подготовить сестер к возможным жизненным испытаниям их веры. В дальнейшем, уже в период начала распространения идей Реформации в Нюрнберге, Лютер сам активно использовал в своих сочинениях тезисы теологии крестных страданий, что, впрочем, встретило сопротивление в виде францисканских проповедей на местном языке, которые были весьма популярны в народе и велись еще с XV в. [10, p. 5–36]. В условиях конкуренции за потенциальных прихожан лютеране стремились покончить с укоренившимся влиянием монахов-францисканцев в городе, основным представителем которых выступали клариссы. Разумеется, их проповеди горожанам были запрещены из-за опасений нюрнбергскими властями. Несмотря на вынужденное изгнание братьев-проповедников из монастыря в 1524–1525 гг. распоряжением городского совета, община отказалась распуститься и продолжила сопротивление. Стремление к защите от лютеран, как и влияние проповедей Фридолина, прослеживается в письме аббатисы К. Пиркхаймер к католическому богослову Иерониму Эмзеру [11], который в своих полемических трактатах активно выступал против вероучения Лютера. Хотя оно было

написано еще в 1522 г., тем не менее настоятельница уже пишет о выпавших на долю сестер испытаниях, сравнивает давление лютеран на город с библейским сюжетом о Содоме и Гоморре, а также упоминает о продолжении попыток сопротивления со стороны некоторых монашеских орденов и отдельных прихожан. Впоследствии это письмо было перехвачено неизвестными в 1523 г. Вполне вероятно, заказчиками этого могли выступать представители городского совета, боровшиеся как с влиянием аббатисы, так и с упорным сопротивлением кларисс в целом, а не просто одиночные сторонники Реформации.

В контексте роли связей нельзя не упомянуть о фигуре брата аббатисы монастыря Виллибальда Пиркхаймера, приверженца идей Лютера, который всегда оказывал содействие своей сестре. Следует особо акцентировать внимание на том, что Виллибальд обладал обширным кругом связей не только с членами городского совета, но и со многими видными немецкими гуманистами, в их числе находились и идеологи Реформации. Еще до начала кризисных событий, в течение 1505–1514 гг., он принял участие в составе дипломатических миссий Нюрнберга в Кёльн и Юрцбург, где также находился Каспар Нютцель, назначенный попечителем над общиной кларисс. Важно подметить, что он работал совместно и с некоторыми другими нюрнбергскими политическими деятелями, которые одновременно являлись представителями видных родов городского патрициата и родственниками монахинь [4, S. 48–51]. Тем самым Виллибальд создавал некую сеть полезных знакомств, которыми можно было воспользоваться при голосовании в совете, заручившись дополнительной поддержкой ради укрепления собственного положения и положения семьи. Если говорить о связях с гуманистическим сообществом, то он был одним из инициаторов создания так называемого «кружка Штаупица», по имени августинского приора Тюбингена Иоганна фон Штаупица, который на рубеже веков высказывал в своих проповедях идеи о необходимости реформирования монашеской жизни [12]. Его членами были такие известные фигуры, как К. Шройрль, А. Тухер, И. Эбнер, К. Нютцель, И. Хольцшухер, Л. Шпенглер и другие [13, p. 125]. Именно эта группа сторонников реформационных идей стала залогом поддержки Лютера в Нюрнберге, проводниками лютеранской пропаганды. В 1518 г. Виллибальд принимал в своем доме на собрании «кружка» Филиппа Меланхтона, а в октябре того же года там же побывал и главный идеолог Реформации [13, p. 34–35]. При этом брат аббатисы стремился сохранить позиции своей сестры в безопасности от стремительно прогрессирующих и радикальных конфессиональных преобразований ради упрочне-

ния положения своего рода в нюрнбергских кругах. Исходя из этого, можно рассматривать все действия Виллибальда до кризиса в качестве стремления обезопасить свое положение в политическом плане.

Теперь необходимо проанализировать непосредственную роль настоятельницы К. Пиркхаймер, так как именно она рассматривается как фигура, которая сумела сохранить монашескую общину. Вначале следует отметить тот факт, что аббатиса к началу Реформации считалась одним из видных гуманистов южно-германских земель и вела переписку со многими выдающимися богословами, одним из которых, к примеру, был И. Эмзер. Несмотря на конфессиональные противоречия, она не забывала и о роли связей своего брата. Это иллюстрирует факт их примирения в 1520 г. [14], спустя два года после начала конфликта из-за взглядов Виллибальда. Активная фаза противостояния К. Пиркхаймер позиции городского совета началась 15 марта 1525 г., когда решением нюрнбергских властей францисканским проповедникам было предписано удалиться из церкви Св. Клары. В приходской церкви они были заменены на лютеранских пасторов. Настоятельница выразила протест, аргументируя его тем, что подобный шаг способствует росту напряженности среди горожан [2, S. 67]. Некоторые из них, вдохновленные лютеранскими проповедями или же, вполне возможно, подкупленные радикальными членами городского совета, уже осуществляли погромы монастырей доминиканцев и кармелитов. Подобная участь могла грозить и общине бедных кларисс. Друг семьи Пиркхаймеров и попечитель монастыря К. Нютцель советовал монахиням принять решение властей и покинуть обитель, но получил отказ. Тем не менее, оставаясь приближенным к лютеранам, он впоследствии оказывал материальную помощь общине [2, S. 135]. Несмотря на вынужденный и, если верить мнению, упомянутому в воспоминаниях аббатисы, насильственный уход некоторых монахинь из-за вмешательства их родственников, желавших выдать их замуж [2, S. 42], оставшиеся сестры продолжили борьбу за свое существование.

Дальнейшие события не обошлись без вмешательства Виллибальда, который после игнорирования своих обращений к городскому совету о восстановлении части прав монастыря [15, S. 122–144] официально обратился за помощью к известному лютеранскому богослову Ф. Меланхтону [4, S. 66]. Он ответил на просьбу и прибыл в Нюрнберг в ноябре 1525 г., чтобы лично проверить состояние бедных кларисс [3]. Подобный шаг был, вероятнее всего, предпринят с целью сгладить отношение горожан, оставшихся католиками, к официальному введению Реформации. Возможно, по окончании крестьянской войны в Германии Меланхтон

также опасался осуждения со стороны немецких гуманистов, многие из которых были знакомы с аббатисой К. Пиркхаймер. Историк Д. Граф утверждает, что теологические дискуссии между настоятельницей и лютеранским богословом прошли при взаимном принятии противоположных позиций и диалоге на равных [16, р. 151]. Результатом встречи стал компромисс: монашеская община более не принимает новых сестер, а городской совет отказывается от давления на оставшихся бедных кларисс [9, S. 91]. Тем самым обе стороны оказались удовлетворены: лютеране могли не беспокоиться о длительном существовании монастыря, а последние существующие нюрнбергские монахини сохраняют право на продолжение своей привычной жизни.

Рассматривая совокупность причин, благодаря которым монашеская община бедных кларисс сохранила свое существование, оставаясь, по сути, единственной в лютеранском Нюрнберге, следует выделить три фактора: роль личности аббатисы К. Пиркхаймер, роль семейных связей и полезных знакомств, роль францисканской теологии. Они позволили защитникам интересов монастыря умело лавировать как в течение политической и конфессиональной нестабильности в начале 1520-х гг., когда уже был очевиден факт признания лютеранства официальной конфессией [5], так и после его нормативного принятия городским советом в марте 1525 г. Политическое давление со стороны нюрнбергских властей на монастырь Св. Клары не ослабевало, в частности, из-за внутренней оппозиции в совете В. Пиркхаймеру, брату настоятельницы, и его окружению. Родовые узы тесно соединяли монахинь с внешним миром, что сыграло важнейшую роль в их судьбе. Отчасти поэтому клариссы были фактически втянуты в политическую игру внутри городского совета, которая не всегда строилась лишь на конфессиональной принадлежности его членов, а зависела от борьбы за влияние в среде патрициата. Необходимо отметить, что продолжением своего существования монастырь был обязан в первую очередь наличию у В. Пиркхаймера социальных связей и знакомств, которые позволяли постоянно находить поддержку даже в кругу убежденных реформаторов. Преобладающая в историографии точка зрения со стороны историографов заключается в том, что первостепенную роль в противостоянии сыграла непосредственно аббатиса К. Пиркхаймер, однако фактически она являлась лишь символом, благодаря которому было возможно заключение компромисса. Однако и он не был возможен без участия фигуры В. Пиркхаймера [4, р. 128–131], который и обратился с просьбой к Ф. Меланхтону, второму по значимости после Лютера теоретику лютеранского вероучения, приехать в Нюрнберг. В свою очередь, подобные знакомства

дались брату аббатисы посредством контактов со многими видными фигурами как внутри города, так и за его пределами. Следует вновь отметить, что поддержку общине оказывали и известные сторонники преобразований, такие как К. Шройль. Разумеется, не следует забывать и о теологическом факторе, однако в общем контексте он все же уступает в значимости остальным двум. Тем самым благодаря совокупности факторов, главным из которых являлись полезные связи, францисканские монахини остались в Нюрнберге вплоть до 1591 г., когда умерла последняя из них.

Главный вопрос, ответ на который следует из рассмотрения поставленной проблемы: почему достигнутый компромисс стал возможен? Именно здесь и необходимо учитывать факторы, к нему приведшие. В воспоминаниях аббатисы [2] упоминаются лишь монахини — представительницы патрициата, что наталкивает на определенные выводы. Разумеется, нельзя с уверенностью сказать о том, что знатными были все сестры, однако расставление акцентов К. Пиркхаймер именно на их фигурах позволяет предположить, что подавляющая часть общины состояла из монахинь благородных нюрнбергских родов. Случаи с попытками родителей вернуть своих дочерей из монастыря носят единичный характер, поскольку при массовости явления ухода сестер клариссы распались из-за своей немногочисленности. Роль же настоятельницы монастыря сильно преувеличена историографами, которые, как уже отмечалось, отсылали к ее положению в качестве выдающегося гуманиста и поборницы сохранения общины. Монахини апеллировали к христианской свободе и той теологии, которую распространил среди них францисканец С. Фридолин. Сама К. Пиркхаймер выступала лишь в качестве главы общины, которая своими непосредственными усилиями не смогла добиться послаблений в развернувшемся противостоянии. Городские власти, которые опирались на законодательно установленные лютеранские догматы вероисповедания, желали установить конфессиональную унификацию населения, ликвидировав последний из десяти существовавших на тот момент монастырей. Этому помешали противоречия внутри нюрнбергского совета, так как главным противником решения выступал В. Пиркхаймер. Его роль в разрешении возникшего конфликта не рассматривалась как более значимая в сравнении с деятельностью его сестры. Аббатиса же просто не обладала реальными рычагами влияния, в отличие от брата, который мог аргументировать стремление сохранить общину кларисс своим положением в совете и вышеупомянутыми связями, а также нахождением в монастыре знатных монахинь.

Исходя из этого, не совсем корректно рассматривать компромисс, на который пошел Меланхтон, как некую попытку лютеран достичь эку-

менизма по отношению к католикам или стремление облегчить положение кларисс, принимая во внимание их гендер. Последнее утверждение легко опровергнуть тем, что ранее был закрыт монастырь сестер-терциариев, среди которых, однако, знатных особ по сравнению с рассматриваемым примером в источниках не упоминается. Напротив, наиболее вероятной выступает точка зрения, по которой именно Виллибальд заблаговременно достиг соглашения с преемником Лютера на взаимовыгодных условиях. К тому же так он укрепил собственное положение в совете и обезопасил сестру вплоть до ее смерти, сохранив уважаемое положение рода Пиркхаймеров в Нюрнберге. Каритас выступала в дискуссии с Меланхтоном лишь с теологической позиции, которая не смогла бы оказать существенного влияния на итоговое решение. Реформатор, вероятно, также брал в расчет, что сохранить ценного союзника в политико-дипломатическом поле и достичь конфессионального спокойствия в одном из оплотов лютеранства в южной Германии ценой малых уступок одному-единственному монастырю будет выгодной сделкой. Представленный вывод контрастирует с устоявшейся в историографии, ведь рассмотренные факты позволяют с уверенностью подчеркнуть роль Виллибальда и умелого использования им семейных и собственных связей в достигнутом компромиссе.

Еще одним важным выводом может служить уникальность сложившейся ситуации сохранения общины кларисс, которую можно назвать настоящим казусом для перешедших в лютеранство немецких земель. Несмотря на то что сторонники Реформации добились запрета на принятие в монастырь новых сестер, сам факт достижения подобного консенсуса в контексте германской конфессиональной полемики и практики первой четверти XVI в. по-настоящему уникален, существенно дополняя существующий историографический взгляд на проблему взаимоотношений между лютеранскими богословами и институтом монашества. Примечательно и то, что монастырь Св. Клары мог существовать по устоявшимся прежде правилам за исключением возможности проповедовать среди горожан, посещать мессу в приходской церкви и напрямую контактировать с братьями-францисканцами.

Список источников и литературы

1. *Burger C. Leben als Mönch und Leben in der ‚Welt‘ — monastischer Anspruch und reformatorischer Widerspruch // Reformation und Mönchtum / Hrsg. von A. Lexutt, V. Mantey, V. Ortmann. Tübingen: Mohr Siebeck GmbH & Co, 2008. S. 7–28.*
2. *Caritas Pirkheimer. Denkwürdigkeiten, Nürnberg 1524–1528. Staatsarchiv Nürnberg, Rst. Nürnberg, St. Klarakloster Akten und Bände 5A [Электронный ре-*

- сурс]. URL: <https://www.bavarikon.de/object/bav:BSBCMS-000000000001663> (дата обращения: 01.10.2023).
3. *Pfanner J.* Briefe von, an und über Caritas Pirkheimer aus den Jahren 1498–1530. Landshut: Solanus Druck, 1966. 310 S.
 4. *Spielvogel J.* Willibald Pirkheimer and the Nuernberg City Council: Ph. D. Dissertation. Columbus, Ohio: Ohio State University, 1967.
 5. *Andreas Osiander.* Ein gut Unterricht und getreuer Ratschlag aus heiliger göttlicher Schrift, wes man sich in diesen Zwietrachten, unseren heiligen Glauben und christliche Lehre betreffend, halten soll. Bayerische Staatsbibliothek, Signatur: Res/4 Polem. 3342,31 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bavarikon.de/object/BSB-HSS-00000BSB00026717> (дата обращения: 2016).
 6. *Christoph Scheurl.* Briefbuch: ein Beitrag zur Geschichte der Reformation und ihrer Zeit / 2. Briefe von 1517–1540. Bayerische Staatsbibliothek, Signatur: Epist. 808i-U2#2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bavarikon.de/object/bav:BSB-CMS-000000000001472> (дата обращения: 27.06.2023).
 7. *Schmidt U. P.* Stephan Fridolin: Ein Franziskanerprediger des Ausgehendes Mittelalters. München: J. J. Lentnerschen Buchhandlung, 1911. 166 S.
 8. *Wriedt M.* Christoph Schreul // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon, Band IX. Hamm: Verlag Traugott Bautz, 1995. S. 178–185.
 9. *Kist J.* Das Klarissenkloster in Nürnberg bis zum Beginn des 16. Jahrhundert. Nürnberg: Sebaldu Verlag, 1929. 205 S.
 10. *Dipple G.* Antifraternalism and Anticlericalism in the German Reformation: Johann Eberlin von Günzburg and the Campaign against the Friars. Brookfield, VT: Scolar, 1996. P. 5–36.
 11. *Caritas Pirkheimer.* Eynce missyve oder Sendbrieff, so die Ebtische von Nürnberg an den hochberümpenn Bock Emser geschrieben hatt. Bayerische Staatsbibliothek, Signatur: H.mon. 733 r. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bavarikon.de/object/bav:BSB-CMS-000000000001661> (дата обращения: 05.08.2023).
 12. *Johann von Staupitz.* Ein nutzbarliches Büchlein von der endlichen Vollziehung ewiger Vorsehung. Bayerische Staatsbibliothek, 4 Asc. 1056 e [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bavarikon.de/object/bav:BSB-CMS-000000000001470> (дата обращения: 27.06.2023).
 13. *Grimm H.* Lazarus Spengler: A Lay Leader of the Reformation. Columbus, Ohio: Ohio State University, 1978. 237 p.
 14. *Loose W.* Aus dem Leben der Caritas Pirkheimer, Äbtissin zu St Klara in Nürnberg. Nach Briefen. Dresden: C. Heinrich, 1870. 88 S.
 15. *Krabbel G.* Caritas Pirkheimer: Ein Lebensbild aus der Zeit der Reformation. Münster: Aschendorf, 1940. S. 122–144.
 16. *Grafe J. K.* Caritas Pirkheimer: Sixteenth Century Chronicler: Ph. D. Dissertation. New York: Fordham University, 1997. 151 p.

УДК 94(430)

Шешуков Е. А.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата
E-mail: dzenyao@gmail.com

Право и суд в шванках XVI в.

Аннотация. Статья посвящена анализу многообразия правовых норм и неоднородности судебной власти на южных землях Священной Римской империи, которые отражены в сборниках шванков XVI в. Благодаря специфике источников анализируется отношение людей к суду и праву, а также образы судей и адвокатов. Также рассматриваются характерные для женских персонажей сюжеты о суде и праве.

Ключевые слова: гражданское право, суд, уголовное право, шванк

Sheshukov E. A.

Tyumen State University,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student
E-mail: dzenyao@gmail.com

Law and court in Schwanks of the 16th century

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the diversity of legal norms and the heterogeneity of judicial power in the southern lands of the Holy Roman Empire, which are reflected in the collections of Schwanks of the 16th century. We analyzed people's attitudes towards the court and law, as well as the images of judges and lawyers. Plots about court and law typical for female characters are considered.

Keywords: civil law, court, criminal law, schwank

Г.-Ю. Бахорский характеризует шванки как один из поздних фольклорных жанров в Германии, прозаические тексты, циркулировавшие в городской среде и издававшиеся в виде сборников [1, с. 52]. И. К. Кипф же дает более точное определение этого жанра, в котором он описан как рассказ из нескольких предложений, не имеющий каких-либо рамок и подсюжетов, ядро которого составляет комический поворот [2, S. 89–90].

Schwankbuch (книга, сборник шванков) можно рассматривать как специфический и новый тип книги раннего Нового времени. Кипф

пишет, что он представляет сборник рассказов в книжной форме, большая часть нарративов в котором относятся к текстовому типу шванк [2, S. 88]. Также он дополняет свою характеристику важной оговоркой, что шванк в них доминирует, но не является единственным типом нарратива.

Авторы этих книг не всегда являются авторами этих рассказов в привычном смысле. Они были скорее коллекционерами сюжетов, которые они черпали из других известных произведений Античности и их современности, сказок, пословиц и прочих фольклорных жанров, а затем перерабатывали. Однако большая часть сюжетов не имеет прямых аналогов. Авторы в своих сборниках собирали все, что услышали, прочитали, пережили. Также сборники характеризуются личным, локальным и временным «центрированием» на авторе и его окружении. Авторы ссылаются на «достоверных свидетелей» или повествуют о недавних событиях, а сюжетам, собранным в одном сборнике, характерна ограниченность географической области (как, например, Эльзас у М. Монтана).

На первый взгляд шванки можно использовать только для сбора культурно-исторических аспектов рассматриваемого времени. Однако они могут дать представления о процессе литературной коммуникации, а следовательно, и об истории менталитета раннего Нового времени. Сами авторы подчеркивают, что предназначены они для увеселения. Й. Викрам пишет в начале своего сборника о его направленности: «... книжица, содержащая много баек и историй, дабы пересказывать их по дороге на ярмарку в хорошей компании» [3, с. 76]. Сцены, которые демонстрируют авторы, в первую очередь служат развлекательным целям, но также имеют и дидактический уклон. В шванках отражены бытовые условия и ситуации, которые в итоге приобретают информационную ценность об изучаемом обществе, что дает нам возможность говорить о некоторых аспектах права и судебного делопроизводства раннего Нового времени на южных землях Священной Римской империи.

В работе использовались шванки из следующих сборников: «Facetien» Генриха Бебеля (3 книги, 1508–1512), «Schimpf und Ernst» Иоганнеса Паули (1522), «Rollwagenbüchlein» Йорга Викара (1555), «Wegkürzer» (1557) и «Das ander Teil der Garten-gesellschaft» (1560) Мартина Монтана, «Rastbüchlein» (1558) и «Katzipori» (1558) Михаэля Линденера, «Wendemuth» (1563) Ганса Вильгельма Кирхгофа. Издавались они преимущественно на южных германских землях в таких городах, как Тюбинген, Страсбург и Аугсбург.

Стоит оговорить, что фацетии обычно отделяются от шванков по причине их более раннего появления. К тому же более поздние шванки писа-

лись уже на немецком языке, в отличие от фацетий, записывавшихся Бебелем на латинском, продолжая традицию фацетий Браччолини. Однако в работе сборник «Facetien» тюрингенского гуманиста мы также относим к типу schwankbuch. В пользу такого подхода говорят следующие аргументы: во-первых, их роднит традиция коллекционирования сюжетов и слабые текстовые связи внутри сборника [2, S. 93]; во-вторых, сюжеты у Бебеля также связаны с автором и его окружением [2, S. 92], а большая часть событий происходит в Швабии; в-третьих, этот сборник служил моделью для авторов поздних шванков [2, S. 90]; и в-четвертых, более поздние авторы многократно использовали его сюжеты, например, Кирхгоф. Бахорский также не отделяет сборник Бебеля от более поздних представителей.

Еще одна оговорка касается права. В сфере права в Священной Римской империи не было четкого иерархического порядка ввиду специфики управления империи [4, S. 19]. Курфюрсты, князья, имперские города имели разные права и полномочия в области общего и уголовного права. Это нашло свое отражение в сборниках шванков. Например, Бебель, повествуя о приятелях, собравшихся поиграть в Ремстале в таверне, говорит об имевшемся тогда запрете игры в Вюртембергском княжестве [5, S. 142]. Другая история повествует о рыцаре, владевшем деревней, и об изданном им указе, который помимо денежного штрафа устанавливал телесные наказания, тюремное заключение и казнь за богохульство [6, S. 89]. Этот пример показывает, что значение дворянства не было полностью утрачено, хотя в XVI в. и происходил процесс разрушения феодальных структур [7, S. 27]. Следующий пример — шванк М. Линденера, в котором совет горожан издал указ, согласно которому брань и богохульство карались штрафом [8, S. 166].

В еще одном сюжете из «Facetien» повествуется об одном городе, сенат которого решил наказывать тех, кто кошунственно клянется именем Божиим [5, S. 47]. Однако в шванке говорится, что сенат это сделал в отсутствие князя.

В XIV–XVI вв. в Священной Римской империи под влиянием римского права усиливается процесс кодификации права [9, с. 759]. Особый вклад в создание общеимперских принципов уголовного права внесло издание в 1532 г. общеимперского уложения Карла V—*Constitutio Criminalis Carolina* (далее — CCC). При анализе некоторых сюжетов, касающихся уголовного и уголовно-процессуального права, мы будем обращаться к этому источнику.

В части шванков, повествующих о суде, поднимается тема продажности или предвзятости суда. У Бебеля говорится, что весь люд судей-

ский склоняется к той чаше, где груз тяжелее [5, S. 47]. Под тяжестью груза, конечно, подразумевается богатство. В другом нарративе автор рассуждает не о богатстве, а о неприязни, которая судит строго, и о наличии родственных связей с фохтами и судьями, что помогает в решении тяжб [5, S. 149]. В «Schimpf und Ernst» приводится история о двух горожанах, которые перед тяжбой преподнесли дар судье и дело было решено в пользу того, кто дал больше [10, S. 98]. У Кирхгофа сюжет касается уже уголовного дела и повествует о двух ворах, пойманных на ярмарке. Первый попался на краже, которую он сам оценил в 8 или 9 гульденов, и ему за это грозила казнь. Второй же украл более сотни талеров, но половину отдал местному старосте и избежал наказания [3, с. 264]. Все эти шванки наталкивают на мысль о несправедливости и подкупности суда, однако в следующей рассматриваемой группе сюжетов авторы вырисовывают образы мудрых судей, стремящихся к установлению справедливости.

Все эти сюжеты касаются гражданского права, а герои, встречающиеся в суде, представлены в основном горожанами, а противостоят в них друг другу богатые и бедные. В «Das ander Teil der Garten-gesellschaft» богатый подстрекал бедного на воровство, ведь второй не мог вернуть ему долг [3, с. 181]. Бедный начал воровать зерно из амбара богатого, но был пойман. Судья, разобравшись в деле, отпустил бедного и в наказание вынудил богатого самого понемногу перетаскать свое зерно обратно. Как сообщает Паули, схожий конфликт, дошедший до суда, происходил между плотником и купцом во Франкфурте в 1506 г. У купца выпал кошель с 800 гульденов, который нашел плотник. Купец объявил о награде в 100 гульденов нашедшему, а когда получил свою пропажу, наградил лишь пятью, сказав, что там было 900, а сотню себе уже присвоил плотник [10, S. 85]. Дело дошло до суда, в котором оба поклялись в правдивости своих слов. Судья решил, что правы оба. Купцу сказали искать человека, который нашел 900 гульденов, и обязали отдать плотнику 8 сотен, так как это не его кошель. Этот сюжет, несмотря на свою фарсовость, показывает еще один образ мудрого судьи, который выносит, по словам автора, справедливый приговор.

Присутствует и один сюжет, касающийся разбирательства между женщинами, также богатой и бедной, в котором судья выносит верное решение в пользу второй [10, S. 85]. Этот шванк францисканского монаха Паули имеет явный дидактический уклон. Он ставит описываемого судью в пример и ссылается на старину, когда завязывали судьям глаза, чтобы они были беспристрастны.

Другой нарратив повествует о девушке и юноше, которого она обвинила в лишении чести [8, S. 35]. Девушка припомнила юноше его слова «бочка почата», что развеселило судей и послужило для них доказательством в этом деле, ей было присуждено возмещение. Интерес вызывает то, что это единственная история, в которой автор говорит о том, что суд был церковным. В шванке Линдер не указывает место, в котором происходила эта история, но она подтверждает неоднородность власти. К примеру, нам известно, что еще в 1387 г. городской совет Франкфурта-на-Майне получил право выносить решения как по гражданским, так и по уголовным делам, а также его власть распространялась на церковные привилегии ввиду роспуска местного католического суда [11, p. 3]. Упомянутый выше шванк еще раз показывает, что и в XVI в. в германских землях правовая система не была унифицирована, а Франкфурт был лишь исключением ввиду его статуса имперского города, имевшего привилегии.

Продолжая разговор о женском вопросе в XVI в., необходимо упомянуть о часто встречающейся в *schwankbuch* теме домашнего насилия. Обычно в рассматриваемых нарративах о нем говорится как о методе воспитания жен, которые в чем-то не устраивают своих мужей. Но не стоит думать, что они не были защищены от домашних тиранов законом. Городское право охватывало и мужское, и женское население и подрывало традиционное право домовладельца на наказание [7, S. 23]. Шванк Викрама повествует о портном, который все время ссорился с женой и бил ее, на что обратил внимание городской совет, который наказал его тюрьмой [6, S. 32]. После того как портного выпустили, его заставили поклясться перестать бить жену. Подобный механизм защиты от домашнего насилия присутствует в сюжете из «*Wegkürzer*», но здесь сама побитая жена идет к судье, который заставляет мужа поклясться больше не поднимать на нее руку [3, с. 159]. Следовательно, можно сказать, что женщины не были совсем бесправны и для защиты себя могли прибегнуть к помощи закона, при этом первый пример показывает, что инициатива наказания мужа тюрьмой исходила из городского совета.

Но вышеописанные сюжеты скорее исключения. Множество шванков рассказывают о домашнем насилии, которое зачастую преподносится авторами как положительная практика в воспитании жен, а окружающие воспринимают такие действия мужей как норму.

Ярким примером принятия окружающими такой практики воспитания жен является шванк из «*Rollwagenbüchlein*». Викрам говорит, что этот случай произошел в Рейхенвейлере в Эльзасе и что он лично был знаком с действующими лицами. Трактирщик ругался со своей беремен-

ной женой, все слышали крик и буйство, но все знали, что они не в ладу и думали, что он просто ее бьет [6, S. 101]. Но один слуга решил узнать, что происходит, на что муж сказал, что все в порядке, он просто побил свою бабу. Однако не только принятием всеми факта домашнего насилия интересен этот нарратив.

Утром их обоих нашли мертвыми, и стража схватила всех, кто гостил в трактире в ту ночь. После похорон из Кольмара прибыл *nachrichter* (палач) для проведения допросов заключенных под пыткой. Из этого следует, что статья 149 ССС, предписывающая осматривать тела убитых, не была исполнена. Однако, изучив улики, *nachrichter* понял, что убийство совершил не кто-то чужой. Муж, убив жену, наложил на себя руки. Из этой части истории мы понимаем, что к этому времени в подобных делах следствие проводилось в соответствии с ССС, но при этом в Рейхенвейлере не было своего палача для проведения следственных мероприятий, как, наверное, и в других небольших городах.

Затем для подтверждения догадки были выкопаны тела. Тело убийцы подтвердило версию своим гнусным зловонием. *Nachrichter* перезахоронил тело того, кто не пощадил ни собственной плоти, ни крови в материнском чреве супруги, в неосвященной земле. В нарративе мы видим, как новое уголовное право не приносит своих плодов, так как допросы заключенных под пытками не дали бы никаких результатов, но на выручку приходит старый обычай с выкапыванием тела, который подтверждает версию палача.

Следующий пример является показательным для правосудия того времени. Прелюбодеение в XVI в. считалось не только грехом, но и преступлением. В «*Schimpf und Ernst*» Паули рассказывает о том, как управа одного города решила поймать и примерно наказать двух женатых братьев, имевших любовниц [10, S. 151]. Помимо штрафа, их обязали носить только длиннополые серые кафтаны. Маркирование преступников и даже отдельных социальных групп посредством ношения определенной одежды тогда являлось нормой. Также можно выделить, что в этом неназванном городе, который, предположительно, находится в Эльзасе (так как автор говорит, что был там проповедником), функции церковного суда к началу XVI в. уже перешли к городскому совету.

Сборник Бебеля содержит несколько сюжетов, в которых персонажей приговаривают к казни. Первая история, по словам автора, происходила в деревне Юстинген, в Швейцарии [5, S. 13]. В ней крестьянский староста приговорил вора к повешению и отправил его в храм, чтобы покаяться, и взял слово, что тот вернется. Вор после покаяния вернулся

и взошел на виселицу. Однако эта история интересна не простоватостью старосты или вора, а тем, что автор говорит о том, что тот мог остаться в церкви, которая дает право убежища, где можно было оставаться в безопасности. Далее автор подчеркивает, что многие корили священника за то, что он не подсказал приговоренному остаться.

Другая история произошла в Дилингене [5, S. 150]. В ней крещеный еврей за богохульство по отношению к Святой Деве был приговорен к удушению и утоплению. В конце Бебель говорит, что за подобное преступление еврей получил справедливое возмездие.

Однако особый интерес представляет шванк из сборника Викрама, в котором вора, многократно ранее попадавшего в тюрьму за мелкие кражи, но вышедшего сухим, поймали и, согласно своду имперских законов, приговорили к повешению [6, S. 53]. Однако приговоренный не принял такого решения и сделал господам «честное предложение». Он предложил отрезать ему оба уха, наказать розгами и заплатить 10 гульденов. По итогу, передав предложение вышестоящей инстанции, было решено пойти ему навстречу.

Далее разберем несколько сюжетов, повествующих о деятельности адвокатов (у Бебеля — лат. *advocatus*, у остальных — нем. *fürsprechen*). В «Facetien» есть краткий сюжет, повествующий об адвокате, ставшем монахом. В прошлом он выиграл все дела, но теперь проигрывал многие. Аббат поинтересовался у того, в чем причина такой его перемены. На что монах ответил: «*Non audeo mentiri ut ante, ideo amitto causas*» [5, S. 41]. Более пространную версию этого шванка содержит сборник Кирхгофа. Данный сюжет демонстрирует, что главное для победы в судебных тяжбах, по мнению авторов, — умение лгать.

Следующая история Бебеля рассказывает о диалоге женщины со школярами [5, S. 84]. Она спросила, каким наукам они обучаются и кем станут, а ей ответили, что обучаются школяры гражданскому праву и будут адвокатами. Женщина сказала, что на ее родине имеется один такой, чья лживость уже многих разорила. Заканчивается история опасениями женщины по поводу того, что может натворить такое огромное множество школяров.

Еще два нарратива, повествующие об адвокатах, содержатся в «Rollwagenbüchlein». Оба повествуют о делах, выигранных с помощью обмана. В первом, *gedener* говорит своему подзащитному прикинуться немым, что выводит знатного господина из себя и он сам обличает свой обман [6, S. 57]. Таким образом, обман раскрывается с помощью лжи на суде. Следующий за ним шванк у Викрама имеет похожий сюжет. За-

щитник говорит ответчику, чтобы на все вопросы он отвечал только словом *blee*. Суд признает ответчика дураком и отпускает, а адвокат требует оплату в 4 гульдена, о которой они договорились заранее, однако и он получает в ответ лишь *blee*.

Все это приводит нас к выводу, что основой всех нарративов о судебных защитниках является обман. Иногда этот обман может обличать другую ложь и защищать человека от несправедливости, но это не меняет мнения авторов о том, что обман адвокатов является неотъемлемой частью судебных разбирательств. Кирхгоф даже заканчивает свой шванк следующими словами: *«А если лжешь без угрызений, / То ты в судейском деле гений»* [3, с. 259].

М. Боев в своем исследовании пишет о замене германских законов и обычаев «иностранными». Новые процедуры, в том числе и делопроизводство на латинском, вбивали клин между неграмотным населением и судьями и адвокатами [11, р. 268]. В рассмотренных текстах как раз демонстрируется недоверие персонажей и авторов к адвокатам.

Подводя итог, можно сказать, что сборники шванков отражали в полном объеме информацию о многообразии властных институтов в раннее Новое время. Они дают представление о практически отсутствовавшей тогда унификации и централизации права и о том, с каким трудом многочисленные субъекты Священной Римской империи подстраивались под новые всеобщие законы, в том числе и ССС, изданной под влиянием большого распространения рецепции римского права. Сюжеты в *schwankbuch* демонстрируют, какими образами власть регламентировала жизнь людей. В некоторых местах оставались церковные суды, выносившие приговоры по делам о богохульстве, лишении чести и прелюбодеяниях. В XVI в., как минимум в крупных городах, этими вопросами занимались уже городские власти. В некоторых местах рыцарство, даже при его упадке, регламентировало жизнь крестьян. В деревнях судьями были старосты, которые могли выносить решения по уголовным делам. Не обходят источники и женский вопрос, не только поднимая тему домашнего насилия, но и подтверждая, что существовали механизмы защиты жен от побоев мужей.

Авторы сборников неоднократно говорят о продажности суда, но приводят множество примеров мудрых судей. Авторы выводят образы мудрых судей, стремящихся разобраться в деле и вынести справедливое решение. Об адвокатах же говорят только как об обманщиках, что указывает на недоверие к этой профессии. Шванки, будучи не только развлекательной и комичной литературой, выполняют дидактическую функцию.

Список источников и литературы

1. *Бахорский Г.-Ю.* Тема секса и пола в немецких шванках XVI века // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 50–69.
2. *Kipf J.K.* Das Schwankbuch als frühneuzeitlicher Buchtyp. Dargestellt am Beispiel von Jörg Wickrams Rollwagenbüchlein (1555) // *Ordentliche Unordnung: Metamorphosen des Schwanks vom Mittelalter bis zur Moderne.* Festschrift für Michael Schilling / Hsrg. J. Bernard, R. Dirk, U. Thorsten. Heidelberg: Universitätsverlag Winter Heidelberg, 2014. S. 81–94.
3. *Немецкие шванки и народные книги XVI века / пер. с нем.; сост. с науч. подгот. текста и предисл. Б. Пуришева; коммент. В. Жирмунского, Е. Маркович, Н. Москалевой.* М.: Художественная литература, 1990. 639 с.
4. *Härter K.* Strafrechts- und Kriminalitätsgeschichte der Frühen Neuzeit. Oldenbourg, Berlin: De Gruyter, 2018. 204 S.
5. *Bebels Heinrich* Facetien. Leipzig: Hiersemann, 1931. 208 S.
6. *Jörg Wickram's Rollwagenbüchlein / Hrsrg. H. Kurtz.* Leipzig: Weber, 1865. 252 S.
7. *Classen A. Witz, Humor, Satire.* Georg Wickrams Rollwagenbüchlein als Quelle für sozialhistorische und mentalitätsgeschichtliche Studien zum 16. Jahrhundert. Oder: Vom kommunikativen und gewalttätigen Umgang der Menschen in der Frühneuzeit // *Jahrbuch der ungarischen Germanistik.* 1999. S. 13–30.
8. *Michael Lindener.* Rastbüchlein und Katzipori / Hrsrg. F. Lichtenstein. Stuttgart, Tübingen: Litterarischen Verein, 1883. 219 S.
9. *Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. II: Европа: V–XVII вв. / Национальный общественно-научный фонд; руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин.* М.: Мысль, 1999. 829 с.
10. *Pauli J. Schrimpf und Ernst / Hrsrg. H. Österley.* Stuttgart: Litterarischen Verein, 1866. 559 S.
11. *Boes M.R.* Crime and punishment in early modern Germany: courts and adjudicatory practices in Frankfurt am Main, 1562–1696. New York: Routledge, 2016. 296 p.

УДК 94

Лебедева И. Е.

Севастопольский государственный университет,
Институт общественных наук и международных отношений,
аспирант
E-mail: fra.brne@gmail.com

Этноконфессиональная принадлежность жителей средневекового города на материале актов венецианца Пьетро Пеллакана (Тана, 1446–1452)^{1*}

Аннотация. В тексте рассматривается этноконфессиональный состав жителей средневекового города на примере венецианской фактории в Причерноморье по данным нотариальных актов. Образ города предстает довольно пестрым: в нем проживают латиняне, греки, мусульмане, евреи и черкесы. Наиболее многочисленной группой является группа латинян, среди которых лидируют соотечественники нотариуса, венецианцы.

Ключевые слова: Причерноморье, нотариус, нотариальный акт, город, этнос, конфессия, житель, Венеция

Lebedeva I. E.

Sevastopol State University,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Postgraduate student
E-mail: fra.brne@gmail.com

Ethnoconfessional affiliation of the inhabitants of a medieval city: a case study of Venetian Petrus Pelacan's notarial acts (Tana, 1446–1452)

Abstract. Text examines the ethno-confessional composition of the inhabitants of a medieval city on the example of a Venetian trading post in the Black Sea region according to notarial acts. The image of the city appears quite colorful: Latins, Greeks, Muslims, Jews and Circassians live in it.

Keywords: Black Sea region, notary, notarial act, city, ethnicity, denomination, resident, Venice

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075–15–2022–1130.

Среди жителей Таны были выходцы из самых разных стран от Средней Азии до Испании. Рядом с городом татар и зихов в Тане «существовали венецианская и генуэзская торговые фактории, греческое, славянское, еврейское поселения. <...> В Тане переплетались традиции и встречались друг с другом носители разных этносов и культур» [1, с. 219].

Безусловно, самой многочисленной группой среди клиентов нотариуса Пьетро Пеллакана, работавшего в Тане в середине XV в., являются **латиняне**, выходцы из Италии. При этом город, указанный местом проживания или рождения того или иного человека, разумеется, совершенно не обязательно говорит о том, что в этническом отношении перед нами чистый итальянец. Но если рассматривать только формальный идентификатор, указанный нотариусом в том или ином акте (то есть смотреть на клиентов его глазами), то мы увидим выходцев из следующих городов:

- Венеция

Основной социально-пространственной структурой средневекового итальянского города была так называемая контрада, которая на русский часто переводится словом «приход», хотя ее роль «выходила далеко за рамки роли церковного прихода» [2, с. 23]. В текстах актов нам встретились «приходы» Сан-Анджело, св. Антония, Сан-Джеминиано, св. Джустины, св. Евстахия (Сан-Стае), св. Маврикия, св. Сильвестра, св. Троицы;

- Генуя (в том числе генуэзские колонии Каффа, Монкастро и сама Тана, впрочем, вряд ли это города происхождения — скорее, проживания)

К середине XV в. Тана была преимущественно венецианской факторией, хотя еще с XIV в. там имели свой квартал и генуэзцы [3, с. 103]. В 1430-е гг. генуэзцы очень часто вступают в контакт с венецианцами и даже регулярно прибегают к услугам венецианского нотариуса Николо де Варсиса, работавшего в Тане в то время. В актах Пьетро Пеллакана точно идентифицируемых заказчиков-генуэзцев не так много — всего четверо, а среди свидетелей — пятеро. Один из последних, брат Эразм Саломон, в народе называемый Терамо, францисканец (*dominus frater Herasmo, sive vulgariter nuncupato frater Theramo, Salomono, Ianuensis, ordinis minorum*), известен по «Путешествию в Тану» Иосафата Барбаро тем, что изобрел оригинальное приспособление для ловли птиц, поставил его за городской стеной и продавал затем пойманную живность. На доходы от продаж он купил мальчика-черкеса, назвал его Перниз (от итал. *pernice* — куропатка) и постриг в монахи [4, р. 77].

Видимо, в XV в. генуэзцы и венецианцы действительно были вынуждены проявлять солидарность и взаимную помощь перед внешней угрозой [5, с. 192], несмотря на экономическое соперничество [6, с. 130];

- Флоренция;
- Пьомбино;
- Савона.

Вторую группу, которую можно выделить среди клиентов нашего нотариуса, составляли **греки**, которые «издавна тесно сотрудничали с латинянами в торговых делах в Тане» [7, с. 167]. Наш источник подтверждает предположение о том, что греки не только посещали Тану, но многие и постоянно проживали там [1, с. 221]. «По актам [Бенедетто] Бьянко не менее 5,5% жителей венецианского поселения, отраженных в документах, составляли греки (в 1359–60 гг. их 27 человек). Это была вторая по численности, после итальянцев, этническая группа» [1, с. 166]. Бенедетто Бьянко также упоминает об отдельном греческом «приходе» (*contrata Grecorum*) [8, с. 13]. Среди документов Кристофоро Риццо и Донато а Мано упоминаются 38 греков [9, с. 23–33; 10, с. 44–151]. В документах Николо де Варсиса и Бенедетто Смеритиса греки составляют меньше 4% [11, р. 210–302]. В актах Пьетро Пеллакана идентификацию «*grecus*» имеют всего трое заказчиков и двое упомянутых в актах адресатов. Но эта цифра, скорее всего, обманчива. В отличие от постоянно обновляющегося итальянского населения фактории, греки, по-видимому, составляли костяк постоянного населения Таны. Они были весьма состоятельны и активно вовлекались в торговые операции: их «отношения как с властями Таны, так и с латинским населением фактории отличались стабильностью и прочностью» [7, с. 164].

Мусульмане — третья по численности группа венецианской фактории в Тане, поскольку в инструменте от 20 июня 1449 г., где упомянуты главы венецианской и генуэзской общины Таны, также называется некто Ануох Ага (*Anuoh Aga*), глава общины сарацин, или мавров (*scilicet caput maurorum sive saracenorum dictorum locorum Tane*). А ведь именно «сарацинами» со времени крестовых походов в Западной Европе стали называть всех мусульман, часто используя в качестве синонима термин «мавры». Среди заказчиков Пьетро Пеллакана сарацином назван лишь один — некто Котулозих (*ASV, Canc. inf., b. 148 от 8 декабря 1451 г.*). В документах Николо де Варсиса и Бенедетто Смеритиса сарацин тоже только один [11, р. 234].

Русское население Таны представлено в нотариальных источниках довольно явно [12, с. 188]. Связи с русскими землями были традицион-

ными для Причерноморья [10, с. 55–56]. В нотариальных актах Николо де Варсиса и Бенедетто Смеритиса за 1430-е гг. фигурируют четверо русских (*russius*), трое из которых — рабы, скорее всего, захваченные в плен во время татарских рейдов в Великое княжество Литовское и на польские земли. Один из этих русских (Михайло) — свободный и даже сам владеет рабами; впрочем, возможно, он был вольноотпущенником [11, р. 210–302]. В актах же Пьетро Пеллакана русскими заказчиками являются трое — Мария Грасса (скорее всего, правда, она лишь жена русского), Куна и Лука Чиврано. Но также в актах типа манумиссио четко идентифицируются как русские (наш нотариус обозначает их «*ruthenus sive russicus*») семеро рабов. В общине также имелся переводчик с русского бочар Николай (или Николо).

Русские (как купцы, так и вольноотпущенники) часто вступали в смешанные браки с латинянами, и трое клиентов нашего нотариуса — прямое тому подтверждение. Их история подробно рассмотрена С. П. Карповым [12, с. 191–199], однако мы хотели бы внести в нее небольшие уточнения.

Так, согласно завещанию ASV, Not. di Ven., Test., b. 826 от 28 октября 1447 г., Мария Грасса, жена Федора, русского, будучи больна телом и здрава разумом, велела позвать к себе священника Пьетро Пеллакана, венецианского нотариуса, а ныне капеллана и канцлера в Тане, чтобы тот составил ее завещание, в котором Мария назначила своим единственным душеприказчиком Магдалину, жену судебного пристава Иоанна грека, чтобы та исполнила все согласно воле больной. Упомянутому уже нами брату Эразму, обычно называемому братом Терамом, генуэзцу из ордена миноритов, своему духовнику, Мария оставила 26 безантов из общей суммы в 100 безантов, которые была должна ей Фетинкия, жена другого Федора. Также из этой сотни безантов Мария выделила вышеупомянутому нотариусу в присутствии нижеподписавшихся свидетелей один дукат за его работу. Оставшуюся часть денег она пожелала потратить на собственные похороны по усмотрению своих попечителей. Кроме того, Перине, дочери Марины и покойного Гульельмо, Мария оставила одну из своих шелковых рубашек. А остаток всего прочего моего имущества, движимого и недвижимого, и особенно рабыню Олиту, свою постель и одежду, и все прочее имущество Мария оставила своему сыну Андрею. И если он умрет до законного возраста, все это должно было перейти к упомянутой Магдалине, душеприказчику Марии, которой та вверила свою душу. Таким образом, в одном завещании упоминает три смешанных, русско-«латинских» брака: Мария и Федор, Фетинкия и другой Федор, Мария и Гульельмо.

История русского по имени Куна и его супруги Катарины Ландо раскрывается в шести актах (в одном завещании и пяти торговых поручениях).

21 октября 1447 г. Катарина Ландо, вдова Джованни, каменщика, сына покойного Антонио, а ныне жена Куны, русского, жительница Таны, попросила составить торговое поручение достопочтенному мужу г-ну пресвитеру Николо де Варсису из церкви Св. Апостолов в Венеции, некогда капеллану и канцлеру Таны (1430–1432), чтобы получить 800 безантов, которые осталась должна покойному Джованни палата общин Венеции в отношении его жалования баллистария в Тане, по которому было вынесено решение от 16 сентября 1439 г., оформленное пресвитером Амброджо, сыном покойного Вита, из прихода Сан-Витале в Венеции, также бывшего канцлера Таны (1426–1427). Через год Катарина Ландо попросила составить торговое поручение магистру Джованни Нигро, плотнику, для получения денег по прокуре для пресвитера Николо де Варсиса от 21 октября 1447 г. 13 июня 1450 г. некто Джорджо де Сибинико (из хорватского Шибеника?), сын покойного Франческо, плотник и каменщик, а ныне баллистарий на жаловании в венецианской части Таны, попросил составить охранную грамоту для возлюбленной жены своей Францискины, дочери покойного Джованни, каменщика, сына Антонио, на получение обещанного Катариной, зовущейся Тиной, матерью самой Францискины, приданого в размере 1833 танских безантов, что составляет 141 венецианский дукат. 4 сентября 1451 г. Куна, русский, брат Минки, будучи здрав душой и телом, пришел к священнику Пьетро Пеллакану, венецианскому нотарию, и попросил его составить завещание, в котором назначил своим единственным душеприказчиком сеньора Филиппо Диелаи. Когда его спросили о будущих (нерожденных) наследниках, Куна ответил, что у него нет надежды на детей, потому что жена его стара. Остальное все его имущество, товары и пр. половину он завещал греческой церкви Св. Марка в Тане, а другую половину распределил по усмотрению указанного выше душеприказчика, которому вверил свою душу. Однако Куна не умер и 11 марта 1452 г. попросил составить торговое поручение все тому же сеньору Филиппо Диелаи, чтобы тот получил сумму приданого супруги Куны, Тины. Акт от 27 марта того же года поясняет, что сеньор Филиппо Диелаи, в настоящее время торговец в венецианской части Таны, как поверенный свободного Куны, русского, жителя Таны, на основании доверенности, составленной пресвитером Пьетро Пеллаканом, венецианским нотарием, от 11 марта 1452 г., должен получить обещанное по брачному договору за Тиной, супругой Куны, приданое в размере 800 танских безантов (все ту же задолженность по зарплате ее первого мужа).

Таким образом, мы видим, во-первых, что долги по жалованию баллистариям (если считать ежемесячную плату баллистария в 4 дуката, или 52 безантия) могли не выплачиваться в течение 15 месяцев. И пытаться добиться выплат задолженности можно было на протяжении пяти и более лет (безрезультатно). Во-вторых, смешанный брак мог быть и неравным: пусть Катарина выходит за Куна в уже зрелом возрасте, но своей дочери в приданое даже при невыплаченном ей долге по зарплате первого мужа, она обещает сумму более чем крупную — 141 дукат. А значит, Катарина происходила из богатой семьи. В-третьих, торговые контакты между русским и итальянским населением фактории были вполне обычными делом (наш Куна делает итальянского купца своим душеприказчиком).

Лука Чиврано, третий русский клиент нашего Пьетро Пеллакано, является носителем вполне венецианского, и даже патрицианского имени. Это может указывать на связь его или его предков с бывшим венецианским хозяином по имени Чиврано. Немощный телом, но благодатью Божьей здравый умом и рассудком, размышляя о том, как бременна жизнь людей, и не желая умирать без завещания и оставлять свое имущество в беспорядке, он велел позвать к себе священника Пьетро Пеллакано из церкви Санта-Мария-Формоза в Венеции, венецианского нотариуса, а ныне капеллана и канцлера в Тане, чтобы составить завещание, в котором Лука назначает своими душеприказчиками сеньора Галеата Драгано, в настоящее время баллистария на жаловании в Тане, Джованни Мемо, проживающего в той же Тане, и Магдалину, свою жену. Прежде всего он посылает на мессы в церковь Св. Марии и Григория упомянутым капелланом 3 золотых дуката в присутствии нижеподписавшихся свидетелей. Скуоле Св. Марии и Антония в Тане Лука отдает свой дом, находящийся на территории данной школы, и 53 безантия на ремонт. Также на ремонт храма Св. Николая он дает грекам Таны 50 безантов. Маргарите полагается 50 безантов. Кроме того, для успокоения своей совести он отдает благородному мужу господину Франческо Корнеру, сыну покойного господина Доната, 4 золотых дуката, за которые как-то раз он купил у одного человека из его дома кусок коричневой ткани. Также Лука дарует Иоанну из племени гетов (по-видимому, черкесу), своему рабу, свободу от всяких уз рабства. Кроме того, он отдает ему все его вещи и 50 безантов. Также Лука освобождает Косту, сына Орины, русского, своего раба, и переводит его под покровительство своей супруги. Мать Косты, Орина, также служанка Луки, получит свободу после того, как прослужит супруге завещателя 8 лет. Если же до ука-

занного периода в 8 лет случится так, что жена его и дети, рожденные от нее, умрут, Орина станет свободна, и сверх этого она будет иметь, согласно закону, на усмотрение душеприказчиков, кое-что из остатка имущества Луки, если она распорядится им по благочестивым причинам, о которых следует сказать. Кроме того, указанному нотарию в присутствии нижеподписавшихся свидетелей выдается 2 золотых дуката за его труды по данному завещанию. А все остальное имущество остается в равной степени упомянутой жене и сыновьям или дочерям, рожденным от нее. И если один или несколько из них, как мужского, так и женского пола, умрут без завещания и без наследников, их часть или части должны достаться оставшемуся в живых или оставшимся в живых из них или пойти на благочестивую милостыню по усмотрению душеприказчиков.

По-видимому, Лука исповедует православие, раз дает деньги на ремонт греческого храма. Из трех слуг Луки двое — русские, которым гарантирована свобода (мальчику Косте — сразу, а его матери — через 8 лет службы вдове завещателя). Кроме того, Лука имеет связи с «элитой» Таны — он упоминает Франческо Корнера, Джованни Мемо и Галеата Драгано в своем завещании, а двоих последних даже делает своими душеприказчиками. Скорее всего, этот состоятельный ремесленник славянского происхождения из семьи бывших рабов уже давно осел в венецианской фактории Таны, раз так прочно и успешно интегрирован в ее высшее общество.

В двух актах заказчиками Пьетро Пеллакана выступают **евреи** (иудеи), которые были привычными партнерами латинян в торговых сделках. В актах начала XV в. они упоминаются довольно часто [9, с. 23–33; 10, с. 44–151].

Еще в двух актах заказчиками нашего нотариуса выступают люди с определением «*geticus*». В. Гейд полагал, что под «гетами» генуэзские источники подразумевали **черкесов** (адыгов) [13, с. 103]. В то же время некоторые исследователи полагают, что форма «*geticus*» в генуэзских документах представляет собой антикизированный этноним, обозначавший валахов-румын [14, с. 357]. Трудно сказать, что именно под этим термином понимал Пьетро Пеллакан, но поскольку в акте от ASV, Canc. inf., b. 148 от 21 августа 1448 г. мы читаем: *Tair et Chotich ambobus saracenis geticis* (Таир и Котик, оба мусульманина-черкеса), — по-видимому, наш нотариус придерживался первого варианта.

Итак, население средневековой Таны по этноконфессиональному признаку представляется довольно пестрым.

Источники (опубликованные лишь частично)

- a. Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, 148 Pietro Pellacan.
- b. Archivio di Stato di Venezia, Notai di Venezia, Testamenti, 826 Pietro Pelacan.

Список литературы

1. *Карпов С. П.* От Таны в Ургенч — эти трудные дороги Средневековья // Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 217–224.
2. *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М.: Индрик, 2017. 248 с.
3. *Скржинская Е. Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // Византийский временник. Т. 35. М., 1973. С. 103–118.
4. I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini / a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca e M. F. Tiepolo. Roma, 1973.
5. *Карпов С. П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 1. М., 1991. С. 191–216.
6. *Близнюк С. В.* Кошелек и жизнь генуэзцев в Константинополе и Адрианополе в середине XV в. // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 3. СПб., 1998. С. 126–144.
7. *Карпов С. П.* Греки и латиняне в венецианской Тане (середина XIV — середина XV вв.) // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 7. М.; СПб., 2009. С. 164–173.
8. *Фомичев Н. М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XI–X вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов, 1994. С. 5–18.
9. *Талызина А. А.* Венецианский нотариус в Тане Кристофоро Риццо (1411–1413) // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 4. СПб., 2000. С. 19–35.
10. *Прокофьева Н. Д.* Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а Мано (1413–1419) // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 4. СПб., 2000. С. 36–174.
11. *Khvalkov E.* Notarial deeds of Varsis and Smeritis // Studi Veneziani, N. S. LXXVIII. Pisa; Roma, 2018. P. 197–302.
12. *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб.: Алетея, 2000. 253 с.
13. *Гейд В.* Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей / Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века»; пер. Л. П. Колли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. 118 с.
14. *Пономарев А. Л.* Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 4. СПб., 2000. С. 317–443.

УДК 94(450)

Савин Л. В.

независимый исследователь

E-mail: lsavin99@yandex.ru

Городское сообщество и его отношение к земле в Тоскане в период XIV–XV вв.: к постановке проблемы

Аннотация. В статье в общих чертах ставится проблема об отношении городского сообщества к земле. Изменения в социально-экономической конъюнктуре в период XIII–XV вв. подтолкнули многие города Тосканы к более пристальному вниманию к земельным угодиям. На примере Сиены автор намечает процесс формирования особой «политической линии» города по отношению к загородным пространствам. Ставится вопрос о релевантности привлечения различных источников для изучения изменения городской культуры и ее отношения к земле.

Ключевые слова: Средневековая Италия, Тоскана, Сиена, итальянское крестьянство, социально-экономическая история, исторический источник, медзадрия

Savin L. V.

independent researcher

E-mail: lsavin99@yandex.ru

Urban Community and its attitude to a land in Tuscany during the 14th — 15th Centuries: setting a problem

Abstract. This article deals with the problem of the attitude of the urban community to the land. Changes in the socio-economic conjuncture during the XIII–XV centuries pushed many cities of Tuscany to pay closer attention to land. Using the example of Siena, the author describes the process of forming a special “political line” of the city in relation to suburban spaces. The question is raised about the relevance of attracting different sources to study the changes in urban culture regarding its relationship to the land.

Keywords: Medieval Italy, Tuscany, Siena, Italian peasantry, socio-economic history, historical source, medzadria

Одним из важнейших уроков, которые преподала нам итальянистика в XX в., является, как ни странно, осторожность. Изменение наших пред-

ставлений, связанных с социально-экономическим развитием итальянского города и деревни, шло постепенно: дискуссия о «кризисе» ренессансного общества в Италии, оформившаяся в стройном виде к 60-м гг. прошлого века², по мере развития исторической науки насыщалась новыми знаниями, постепенно усложняя нашу картину того, что происходило с итальянским обществом в период позднего Средневековья и раннего Нового времени [2; 3; 4; 5]. На сегодняшний день многие историки — включая отечественных [6, с. 117]³ — меняют свою позицию по этому вопросу и говорят скорее о том, что мы можем наблюдать довольно широкую палитру метаморфоз, происходящих с итальянским обществом: да, капиталы перетекали из одной отрасли в другую, какие-то сектора экономики застывали, иные же сохраняли динамику, однако о повсеместном упадке речи точно не идет.

Справляться с этой осторожностью в историческом исследовании можно по-разному. Любопытно, что за верными мыслями о том, что мы не везде обнаруживаем упадок, читателю не всегда остается ясным [6, с. 124–126]: а в каких регионах кризис все-таки был? Еще один любопытный вопрос в этом отношении — как менялась духовная атмосфера в местах такого кризиса? Отражались ли такие социально-экономические трансформации в городской культуре, в широком смысле этого слова?

В рамках данной статьи мы попытаемся артикулировать эти проблемы лишь в общих чертах, взяв за основу историю Сиены в XIV–XV вв. Цель этой статьи также довольно проста: наметить некоторые контуры той проблемы, которая вынесена в заглавии, а также очертить круг возможных источников, методик и конкретных тематических полей в рамках самой проблемы.

Итак, на фоне других городов Тосканы социально-экономическое «угасание» Сиены после блестящего расцвета в период XI–XIII вв., вероятно, вызывает у историков меньше сомнений: изменение общеевропейской экономической конъюнктуры [7, р. 9–20; 8], падение урожайности

² Научные положения о кризисе или, наоборот, его отсутствии возникли раньше, вероятно в лоне так называемого общего «кризиса феодализма» в XIV–XV вв., однако некоторые итальянские историки датируют дискуссию именно таким периодом [1].

³ Отраженная в издании Всеобщей истории позиция в целом была принята отечественными исследователями уже к концу 70-х — началу 80-х гг. прошлого века [3, с. 8–9 и далее; 4].

зерновых⁴, сокращение удельного веса в экономике и без того слабой мануфактуры [11; 12, р. 44–51], серьезные демографические трудности и более позднее «выравнивание» демографических показателей [13] — все это как бы вторит свидетельствам современников тех бедствий, которые происходили в городе после эпидемий середины XIV в. [14].

С другого полюса мы можем обратить внимание на «аграризацию» социальных и экономических порядков Сиены. Конечно, интерес к земле как со стороны рядового горожанина, так и со стороны представителей господствующего класса обнаруживается и раньше, в XIII в., однако именно в XIV–XV вв. земля становится структурообразующим элементом всей экономики, поскольку операции с землей, на ранних этапах выступавшие как своеобразные попытки амортизировать риски от торгово-банковских операций, теперь же занимают гораздо больший удельный вес в экономике и социальной сфере Сиенского общества [8].

Осторожно заметим, что такие изменения сопровождаются и переменами в социальном составе правящих кругов Сиены в этот период, которые также тяготеют именно к земле [15]. Напрашивающийся вопрос о том, какую систему образовывали эти переменные и в каком отношении влияли друг на друга, мы вынуждены обойти стороной.

Важно здесь и другое: по крайней мере к середине XVI в. Сиенское общество в глазах «другого» также представлялось аграрным. Так, венецианский посол Венченцо Фидели в 1564 г. скажет о сиенцах как о людях, «не знавших никакого ремесла, кроме сельского хозяйства»⁵.

Итак, определенный консенсус в историографии действительно присутствует. Аграризация экономики и социальных отношений в Сиене, обращение горожан к земельным угодьям, инвестиции наиболее предприимчивых представителей города в землю и т. д. — все это является важными чертами тех коренных изменений общественной структуры, которые про-

⁴ Наиболее плодородные регионы, такие как Маремма, заметно «проседали» в показателях: известно, что к 1370 г. здесь удалось собрать лишь пять тысяч модиев пшеницы вместо 40 тысяч, которые собирались ранее [9]. Оставим в стороне предположения историков прошлого о причинах этих процессов в Маремме и отметим лишь, что в отношении данного региона нам совсем недавно стало известно о серьезных процессах в изменении порядков землевладения и хозяйствования, очень напоминающих по своему содержанию английские огораживания, — подробнее об этом см.: [10].

⁵ «non attesero mai ad industria alcuna, se non a quella dell'agricoltura». Цит. по: [16, р. 165].

исходят в Сиене в соответствующий период. Отражались ли эти изменения в отношении города к земле? Где можно увидеть эти изменения?

Как замечает с некоторой долей презентизма Г. Пиччинни, к началу XV в. возникает своеобразная «культурная и политическая линия» города по отношению к земле [17, р. 20]. Важно заметить, что интерес к земле и внимание со стороны городского сообщества в различных формах, интенсифицированный в XV в., шел параллельно с распространением медзадрии как системы хозяйствования в контадо Сиены: так, уже упомянутая Г. Пиччинни, исследуя источники сельских коммун (*comunità girali*), будь то материалы «совещательного характера» (*fonti di carattere deliberativo*) либо же петиции коммун к городским властям, обращает внимание на проблемы самоидентификации членов коммун в контадо и территориальное распространение такого рода идентификации. В обращениях к городской власти такие коммуны использовали самоописание «мы все тут испольтчики», фиксируя, таким образом, социально-трудовой состав своих членов: впервые сельское сообщество, состоящее только из *mezzaioli*, появляется в 1351 г. в местечке Ренчине, к 1389 г. таких сообществ становится уже два, и затем их число стремительно возрастает до такой степени, что к концу XV в. мы уже можем наблюдать до тридцати таких коммун, располагавшихся в 14 муниципалитетах Сиены [18, р. 20]. При желании такие процессы можно испоместить еще раньше, в конец XIII — начало XIV в.: в контадо Сиены уже к 1316 г. по площади арендуемых земель на угодьях горожан испольтчина занимала доминирующее положение, за исключением земель, непосредственно примыкающих к городу, которые сдавались в аффикт [3, с. 110–111].

Стоит иметь в виду, что к началу XIV в. также завершились одни из наиболее серьезных передвижек в отношении землевладения, когда один социальный класс терял землю, а другой, наоборот, ее приобретал. На основании данных *Tavola delle possession* можно обнаружить, что не только горожане начинают выступать в качестве основного землевладельца в контадо⁶, но и установить тот источник, из которого формировался их земельный фонд: в денежном выражении, из рук нобилитета к горожанам отошло земель на сумму 1539 лир, от церкви — на 6431

⁶ Напомним здесь, что в историографии уже давно бытует хорошо фундированная точка зрения, согласно которой землевладение горожан, будь то магнаты или пополаны, тесно связано с распространением медзадрии как системы хозяйствования [20, р. 189–207].

лиру, а от собственников, жителей сельской округи — на сумму 76 993 лир [19, с. 137]. Таким образом, по отношению к этому периоду мы можем говорить о существенных процессах, связанных с обезземеливанием крестьянства и существенной, но неясной до конца степени трансформации социального облика основного землевладельца в контадо Сиены.

На фоне указанных событий с середины XIV в. правительство Сиены все больше внимания уделяет упорядочиванию поземельных отношений между испольщиками, аффиктариями, а также иными категориями сельских работников и их сеньорами. Статуты все жестче регулируют как хозяйственные практики в контадо в целом, так и правовые границы, обязанности различных категорий населения. В 1427 г. в постановлении *Ufficio dei Regolatori* — судебного органа (*magistratura*) для проверки казенных средств — отмечается, что «сельское хозяйство — это то, что поддерживает и сохраняет город и сельскую местность Сиены в плодородии и изобилии и является главным элементом, через который протекают доходы, богатство и изобилие этого города» [19, XXXIII]. Там же дается характеристика сельскому хозяйству уже как «искусству» (*arte*), которое понимается как «...самое полезное и необходимое искусство [*arte*] и занятие, какие только существуют, потому что через него поддерживается жизнь человека и через его поддерживаются все другие искусства [*arti*] и ремесла [*mestieri*], для которых сельское хозяйство является принципом, основой и содержанием»⁷. В таком постановлении именно на город и его правительство возлагалась особая роль по опеке за агрокультурой, поскольку «тот, кто отвечает за город и территории и имеет право издавать законы и наказания по улучшению города, должен быть более бдителен, заботлив и внимателен к его [сельского хозяйства] росту и поддержанию»⁸.

На протяжении второй половины XIV–XV вв. — наиболее интенсивного законотворческого процесса в отношении поземельных порядков — мы можем видеть четкие контуры этой политической линии, которая была занята охраной интересов землевладельцев в различных отношениях: фактически регулируя миграционные потоки и возникновение издольных систем [19, XXIII, XXVI, XXVII], разрешая конфликты внутри сельских

⁷ «...la più utile et bisognevole arte et exercitio che sia, perché per lei si mantiene et conserva la vita dell'uomo et per essi si mantengono tutte l'altri arti et mestieri de le quali tutte questa agricoltura è principio et fondamento et mantenimento» [19, XXXIII].

⁸ «...che chi à el governo de la città et luoghi et à autorità di fare leggi et ordini per bonificazione della città stia più svegliato, sollicito et attento allo accrescimento et mantenimento d'essa [agricoltura]» [19, XXXIII].

коммун, распадающихся на платежеспособных горожан, мигрирующих в город, и остальную часть коммуны [19, XII], сохраняя выгодный трудовой баланс в контадо вопреки рыночной конъюнктуре [19, XV], а также вводя различные регулятивные нормы (ведение учетных книг и т. д.) в отношении между исполщиком и горожанином-землевладельцем, стремясь свести конфликты в контадо к минимуму [10, LII].

Иногда обращение городского правового поля к аграрным порядкам приобретает несколько странные формы. Так, как минимум с 1424 г. мы можем наблюдать, как в решении различных поземельных проблем [19, XXVIII] вдруг начинает принимать участие *Arte/Ufficiale di Mercanzia*. Сам цех *Mercanzia*, история которого начинается еще в XII в., на протяжении своей истории был связан с торгово-предпринимательской деятельностью, однако в какой-то момент⁹ вдруг начинает вбирать в себя юрисдикции, связанные с решением поземельных тяжб. Обстоятельства такой трансформации нам неизвестны, однако, как предполагает Г. Пиччинни, этот эпизод также свидетельствует о попытке городского правительства получить в лице цеха инструмент для управления этими сюжетами, однако не стоит чрезмерно полагаться на такое суждение: нам неизвестно, как именно и в чью пользу цех отправлял свои судебные полномочия и насколько они отличались от той линии по поддержке землевладельцев-горожан, которой придерживалось городское правительство [18, p. 76–77].

Конечно, хочется думать, что основная фабула «Декамерона» Джованни Боккаччо, а именно попытка скрыться от бедствий городской жизни именно в деревенской обстановке увязывается как с общественными трансформациями и социально-экономическим феноменом «возвращения к земле» [21], так и возникающим вследствие этих изменений особым городским этосом, тяготеющим именно к загородной жизни [22, с. 369–384]. Однако каковы перспективы привлечения новых материалов для уточнения наших гипотез?

Можно попробовать привлечь данные аграрных трактатов, как это уже делалось в историографии (правда, с иным «вопросником») [23], однако их количество для изучаемого периода стремится к нулю — они, как следует из цитируемой выше работы, относятся к более позднему периоду. Осложняется ситуация тем, что это все-таки трактаты. Ос-

⁹ Нам известна дата 1446 г., когда цех впервые получает право разрешать судебные тяжбы между сельскими коммунами и горожанами [18, p. 76–77].

новным мотивом их написания как раз и было выделить среди общего ряда занятий именно аграрные, описать и оправдать их важность, а потому такой подход представляется сомнительным. Чуть более интересной выглядела бы попытка показать увеличивающуюся динамику их возникновения и распространения, однако такой подход представляется, мягко говоря, трудновыполнимым на данном этапе.

Оставляя нарративные источники в стороне, наш взор неизбежно упадет на источники визуального характера. В историографии уже есть удачные прецеденты: можно отметить труд Э. Серени, который хоть и не работал в русле медиевистики, однако весьма удачно смог изучить эволюцию итальянского аграрного ландшафта на большом хронологическом отрезке — в том числе и в период Средневековья, — как раз используя для этих целей визуальные источники [24]. Таволетты из Биккерны, которые ныне находятся в свободном для исследователя доступе, а также иные визуальные материалы из Тосканы, на наш взгляд, действительно могут стать ценным источником для изучения той динамики и изменений в культуре городской жизни по отношению к земле, которая происходила в период XIII–XV вв.

Итак, изменение социально-экономической структуры города в XIV–XV вв. — налицо. Оно находит свое отражение как в исторической динамике в целом, так и в определенном типе источников. Существенные сведения мы без сомнений сможем найти как в семейных книгах горожан, так и в хрониках, соответствующих нашему периоду. Мы имеем возможность увидеть изменение социальных отношений, а вслед за ними и культуры, на целом ряде источников.

Список источников и литературы

1. *Malanima P.* Italy in the Renaissance: a leading economy in the European context, 1350–1550 // *The Economic History Review*. 2017. No. 71 (1). P. 3–30.
2. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
3. *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М.: Наука, 1987. 252 с.
4. *Рутенбург В. И.* Истоки Рисорджименто. Л.: Наука, 1980. 304 с.
5. *Epstein S. R.* Freedom and Growth: The Rise of States and Markets in Europe, 1300–1750. London: Routledge, 2000. 223 p.
6. *Юсим М. А.* Италия в XVI веке // *Всеобщая история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время*. М.: Наука, 2013. С. 117–135.
7. *Cipolla C. M.* Per un profilo di storia economica senese // *Banchieri e mercanti di Siena*. Roma: De Luca, 1987. P. 1–22.

8. *Pinto G.* I mercanti e la terra // *Banchieri e mercanti di Siena*. Roma: De Luca, 1987. P. 221–290.
9. *Pinto G.* La Toscana nel tardo Medioevo. Ambiente, economia rurale, società. Firenze: Sansoni, 1982. 502 p.
10. *Cristoferi D.* Il “treame” di Siena. La costruzione della Dogana dei Paschi e la svolta del Tardo Medioevo in Maremma (metà XIV — inizi XV secolo). Roma: Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 2021. 345 p.
11. *Hicks D. L.* Sources of wealth in Renaissance Siena: businessmen and landowners // *Bullettino senese di storia patria*. 1986. No. 93. P. 9–42.
12. *Francovich R.* La ceramica medievale a Siena e nella Toscana meridionale (secc. XIV–XV). Materiali per una tipologia. Firenze: All’Insegna del Giglio, 1982. 332 p.
13. *Ginatempo M., Sandri L.* L’Italia delle città. Il popolamento urbano tra Medioevo e Rinascimento (secoli XIII–XVI). Firenze: Le Lettere, 1990. 292 p.
14. *Дмитриева М. В.* «Эпоха бедствий»: Сиена во второй половине XIV века // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2014. № 11. С. 90–103.
15. *Wainwright V.* Conflict and popular government in fourteenth century Siena il Monte dei Dodici, 1355–1368 // *I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale*. Firenze: Papafava Editore, 1983. P. 73–80.
16. *Cherubini G.* I mercanti e il potere // *Banchieri e mercanti di Siena*. Roma: De Luca, 1987. P. 161–220.
17. *Piccinni G.* Il contratto di mezzadria nella Toscana medievale. III. Contado di Siena, 1349–1518. Firenze: Olschki, 1992. 484 p.
18. *Piccinni G.* Rubriche, sommari, note partigiane e obiettivi politici nella normativa senese del Tre e Quattrocento relativa alla mezzadria // *Statuts communaux et circulations documentaires dans les sociétés méditerranéennes de l’Occident*. Paris: Ed. de la Sorbonne, 2018. P. 15–32.
19. *Piccinni G.* Appendice. La normativa 1246–1510 // *G. Piccinni. Il contratto di mezzadria nella Toscana medievale. III. Contado di Siena, 1349–1518*. Firenze: Olschki, 1992. P. 383–453.
20. *Cherubini G.* Scritti toscani: l’urbanesimo medievale e la mezzadria. Firenze: Salimbeni, 1991. 384 p.
21. *Herlihy D.* The Problem of the “Return to the Land” in Tuscan Economic History of the Fourteenth Centuries // *Civilta ed economia Agricola in Toscana nei secc. XIII–XV*. Pistoia: Centro Italiano di Studi di Storia e d’Arte, 1981. P. 401–416.
22. *Краснова И. А.* Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
23. *Гусарова Т. П.* Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М.: Изд-во МГУ, 1983. 141 с.
24. *Sereni E.* Storia del paesaggio agrario italiano. Bari: Laterza, 1962. 439 p.

УДК 94

Блощица А. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студент бакалавриата
E-mail: dianoolga@yandex.ru

О социальной утопии Джеральда Уинстенли

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности социальной утопии Джеральда Уинстенли. В советской историографии акцент в исследованиях делался на экономические предпосылки движения диггеров. В настоящей работе рассматриваются культурные, религиозные и социальные причины феномена социальной утопии, представляющие не меньшую значимость.

Ключевые слова: Утопия, Джеральд Уинстенли, социально-политические движения, диггеры

Bloshchitsa A. A.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: dianoolga@yandex.ru

Social utopia of Gerrard Winstanley

Abstract. This article is devoted to particular qualities of Winstanley's social utopia. In Soviet historiography the emphasis in research was on the economic prerequisites of the Digger movement. This paper examines the cultural, cultural and social principles of the phenomenon of social utopia, which, should not be underestimated.

Keywords: Utopia, Gerrard Winstanley, politico-social movements, diggers

Интерес к феномену социальной утопии отечественная историография активно проявляет уже больше века, поскольку круг проблем, с которыми она связана, является актуальным на протяжении веков (например, вопросы социальной справедливости и представления о ней). Однако существуют недостаточно изученные аспекты этого предмета. В основном внимание уделялось таким известным произведениям, как «Остров Утопия» Т. Мора или «Город Солнца» Т. Кампанеллы. Тем не менее было бы интересно взглянуть на другие произведения раннего Нового времени, оказавшие значительное влияние на зарождение социализма и развитие жанра утопии. Исследователи были в основном сосредоточены на связи

утопий с социально-экономическими проблемами эпохи. Однако сами ученые [1, с. 20] предыдущих поколений задумывались о необходимости более углубленного изучения культурного и духовного контекста работ утопистов раннего нового времени и, в частности, Джеральда Уинстенли.

Хронологические рамки нашего исследования ограничиваются годами, которыми датируются работы Уинстенли, а именно 1649–1652 гг.

Обратимся к определению ключевого понятия нашей работы. Утопия — литературный или рациональный проект идеального общества. Также это одна из своеобразных форм общественного сознания, которая традиционно воплощала в себе такие черты, как осмысливание социального идеала, критика существующего строя, а также попытки предвосхитить будущее [2, с. 710]. По мнению Ф. Мэньюзла [3, р. 50], средневековое монашество оказало существенное влияние на идеологию и практику раннего западного утопизма. Утопизм роднит с монашеством стремление отделить себя от существующего несовершенного мира и пытаться выстроить идеальный мир в ограниченном пространстве. Перфекционизм также объединяет поиски утописта и монаха-аскета. Многие утопические проекты и монашеские общины роднило ощущение угрозы «заражения», исходящей от внешнего мира [1, с. 201].

Итак, цель нашей работы — рассмотреть феномен утопии на примере произведений Джеральда Уинстенли и определить характерные особенности именно его социальной утопии.

Нам видится целесообразным дать общее представление о периоде, в который создавалась эта утопия. Джеральд Уинстенли (1609–1676) [4, с. 364] был современником Английской буржуазной революции. Его происхождение остается для исследователей неясным. Мы можем только отметить, что он происходил не из крестьянской среды и принадлежал к торговым кругам. Образования, скорее всего, не имел. Имеются данные о том, что он долгое время участвовал в различных церковных организациях и сектах, но не нашел в них удовлетворения, в связи с чем в 1648 г. перешел к «экспериментальному» познанию Бога [5, с. 33]. Движение диггеров, организованное Уинстенли и его соратниками, внушало серьезные опасения властям Англии и Кромвелю в частности. Эпоха, в которую ему довелось жить, была насыщена событиями и нестабильна, тогда, по меткому выражению наших предшественников, «вместе со старым миром ломались и корчились в агонии вековые устои феодального общества — его патриархальный уклад, ценности, идеалы, традиции» [5, с. 33]. Свержение и впоследствии казнь короля Карла I (1649 г.), которая казалось неслыханной, установление новой республиканской власти —

все это породило надежду низов на лучшую жизнь, на возможность продолжения революции. В исследуемый малый промежуток времени общество оказалось на распутье и дальнейшее развитие событий было неочевидным. В этом контексте появляется множество сект и движений, по-своему видящих будущее государства. Одно из таких движений и возглавлял Джеральд Уинстенли.

Деятельность Дж. Уинстенли рассматривали такие известные ученые, как В. П. Волгин (который отмечает отход Уинстенли от анархических тенденций средневековых ересей, а также находит чрезвычайно необычным для XVII в. его подход к культурно-просветительской деятельности [1, с. 42]), М. А. Барг (считающий, что «самая глубокая тайна» происходившего в Англии XVII в. общественного переворота выразилась в течении социальной мысли, и только в нем), Т. А. Павлова, Т. Н. Самсонова и другие. Ввиду лаконичности жанра мы будем избегать описательных характеристик памфлетов Уинстенли и сжато изложим общие наблюдения, показавшиеся нам наиболее интересными.

При разработке своего проекта идеального общества мыслитель опирался на христианские идеи, патриархально-крестьянские представления о равенстве, добре и справедливости, а также использовал естественно-правовую теорию [1, с. 6], благодаря чему был обеспечен его успех среди крестьян. Программа действий по спасению мира Уинстенли предельно конкретна, определено место и время начала активных действий. Он немедленно хочет вскопать холм Св. Георгия и тем начать со своими соратниками мирную, свободную трудовую жизнь, к которой с течением времени придет все человечество [4, с. 65]. С этого шага и начинается освобождение людского рода.

Уинстенли считает, что на путь спасения мира его призвало откровение, проявлявшееся в различных формах: сон, вещий голос, видения. Конкретный холм также был избран высшими силами [4, с. 71]. В каждой своей работе доказательства своей правоты мыслитель приводит теологические, работы в целом написаны в мистическом духе. Несмотря на это, Уинстенли показывает себя прагматиком, подсчитывая, во сколько конкретно ему обойдется начало спасения мира. Мы можем констатировать, что из двух тенденций — стоять до конца за ортодоксальность, чистоту идеи отказа от денег и властей и во что бы то ни стало начать активную деятельность по претворению подобной идеи в жизнь — в мировоззрении Уинстенли победу одерживает вторая. Жизнеспособность его идеи показывает то опасение, которое его коммуна внушает его современникам, что подтверждается мнением исследователей [4, с. 374].

В трудах Уинстенли нет драматизма и напряженности, присущих христианскому пониманию истории. Линейность развития мира размыта, Начало его определяется некоторой точкой, но о Конце его речь не идет. Как известно, представления народа, традиционной культуры о цикличности мира изживаются очень долго. Можно сделать вывод о значительном влиянии на произведения Уинстенли народной традиции. В этом случае Уинстенли либо сам принадлежал к малообразованным слоям населения (вариант — получил образование после того, как сложилось его мировоззрение; возможно, оригинальность его взглядов — лишь недостаточность знаний). Таким образом, эти данные проливают свет на его происхождение, которое оставалось для исследователей несколько туманным.

События современной истории он видит гиперболизированным повторением библейской, иногда смешивая события той и другой. В частности, придает нормандскому завоеванию сакральный смысл, будто бы это было восстание темных сил против Англии, история «младшего брата» библейского Иакова, которого он также сравнивает с праведным Израилем. Но, по его мнению, это «последняя победа врага» [4, с. 68]. Автор верит, что мировая свобода начнется с освобождения Англии. Вряд ли мы столкнулись с зарождающимися националистическими идеями. Дело, скорее всего, в узости мышления малообразованного человека этого непростого времени. История Англии видится ему историей мира, а история мира — историей Англии.

Земле Уинстенли в своих работах придает величайшее значение. Он наделяет ее человеческими чертами, она входит в его триаду действующих лиц истории, наряду с Богом и людьми. Состояние земли — индикатор и проявление справедливости или несправедливости общества (мира). Ключ к справедливости видит в правильном отношении общества к земле.

Мыслитель считает злом покупку и продажу земли [4, с. 85], вообще в покупке и продаже. Он убеждает современников прекратить покупать и продавать, деньги больше не должны «быть великим богом».

Уинстенли не принимает не только то, что деньги принадлежат лишь одной части населения, но его смущает и изображение на монетах «зверя», в связи с чем он делает отсылку к Апокалипсису [4, с. 87]. Автор вспоминает Писание: никто не будет покупать или продавать, не принеся этого изображения. Он стремится доказать, указывая на сумму букв вокруг английской монеты, что король Карл I и есть тот самый зверь из Откровения, чье число — 666. Таким образом, весь век имеет образ

зверя. Уинстенли надеется в таком случае, что это будет последней тиранической властью, что дальше народ будет жить свободно и «не принося печати зверя на своих руках» [4, с. 88]. Деньги будут отменены. Нам не совсем ясно, откуда происходит такой оптимизм у мыслителя, аргументирующего свои мысли о будущем ссылками на Откровение. Целевая аудитория Уинстенли, судя по всему, не была знакома с книгами Ветхого и Нового Заветов, да и, возможно, он сам на данном этапе жизни знал Библию лишь урывками.

Уинстенли категорически против силовых методов в деле преобразования мира, как в общем и в любом другом деле. В отличие от наших предшественников [1, с. 45], мы не видим никакого противоречия между отказом от насильственных методов и активной созидательной деятельностью диггеров (на холме Св. Георгия).

Изначально Уинстенли не мыслил в свободном обществе никакой угнетающей силы. Все меры наказаний Уинстенли связывает с преступлениями, связанными с имуществом, то есть с землей. Поскольку земля будет общая, имущественных правонарушений якобы не будет. Однако мыслитель почему-то игнорирует уголовные правонарушения, которые никак с собственностью не связаны. Характерно, что, поскольку Уинстенли считает, что человек от природы склонен к справедливости и подвергся рабству только в результате чудовищной случайности, он не предполагает попыток в будущем некоторых злокозненных людей вернуть общество к прежнему разделению. Опасается он только за поколение, заставшее королевскую власть и ближайшее к нему.

Тем не менее в «Законе свободы» Уинстенли уже предусматривает в своем государстве место для армии [4, с. 87]. В «Законе свободы» мы видим детально описанные ситуации правонарушений и указания о том, какие санкции должны быть применены к провинившемуся. У нас есть веские основания предполагать, что подобные инциденты происходили в коммуне Уинстенли, что и заставило его скорректировать свои взгляды. Мнение Уинстенли о законах, их природе и их необходимости в новом мире менялось радикально.

Провинившихся коммонеров Уинстенли называет «рабами» [4, с. 355]. В идеальном обществе появляются и слуги. Роль слуг в идеальном обществе исполняют юноши или девушки, которые помогают по хозяйству лицам, занимающим магистраты, чья работа отнимает много времени [4, с. 358]. Зависимость человека от человека в республике связана с возрастом и профессиональным опытом, а не с владением собственностью, поэтому это не обременительная зависимость.

Автор «Закона свободы» выделяет рабство внутреннее и внешнее [4, с. 213]. «...Пока человек смотрит на себя, как на несовершенное создание, и ищет вовне наставника и правителя, он остается все это время чуждым духу, пребывающему в нем самом» [4, с. 61]. Разум дан каждому человеку, чтобы быть «учителем и наставником для самого себя», поэтому никто «не нуждается в поисках вовне наставника или правителя, помимо себя, и не нуждается ни в каком человеке для поучения себя». Внешняя управляющая и наставляющая власть «образует препятствие для духа мира и свободы; сначала в сердцах, наполняя их рабским страхом перед другими, затем отдавая внешней власти одних людей, тела других — для заключения в тюрьму, применения наказаний и притеснений». Интересно, что для Уинстенли «возноситься в гордости над своим собратом» и «рассматривать себя как несовершенного», «унижать само себя в своем духе» — равные по тяжести грехи [4, с. 57].

Идеальное общество по Уинстенли — это общество справедливости. Интересно то, как Уинстенли понимает ее. Во-первых, справедливость — это закон, то есть необходимое условие существования мира. Во-вторых, этот закон находится «в сердце»(человека и человечества), то есть каждый человек от рождения имеет в себе этот «чистый свет», не имеет потребности обращаться к каким-либо иным авторитетам, чтобы жить «по справедливости». В-третьих, этот «чистый свет» (закон справедливости) — это «свет разума» [4, с. 56]. Здесь проявляется тяга к рациональности, присущая европейскому сознанию. Республиканское правление, то есть общество, в котором нет единого правителя, таким образом, «заложено в самом духе человеческого рода» [4, с. 237]. Характерно, что из качеств Творца подчеркивает в основном справедливость [4, с. 89].

Нарушение социальной справедливости и социального порядка воспринимает как грех (то есть в духовном смысле). В причинах рабства и ненадлежащего порядка он видит грех, но, что важно, не говорит ни слова о покаянии. Чтобы исправить мир, нужны активные, конкретные действия. Грех у Уинстенли — категория не моральная, а социальная. Грехопадение — это не крушение основ мироздания и Божьего замысла о человеке и мире, не катастрофа, а некое «нарушение» в морально-социальной плоскости, которое можно исправить, и так же легко, как починить сломавшийся механизм. Этот мир может стать прежним, и обязательно станет таким. Устройство общества — это раз запущенный механизм, существующий по данным Богом законам «справедливости». Формально Уинстенли не отрицает продолжения влияния Бога на мир

и человека, но не придает значения личному взаимодействию человека и Бога. Бог вмешивается в дела мира только в критической ситуации, когда настает «время», и только в эпохальные процессы. Духовенство называет лжехристами и лжепророками [4, с. 122]. В «Законе свободы» он прямо призывает уничтожить священство и епископство [4, с. 186]. Реформацию, которая должна свершиться, понимает не в духовном смысле, а в смысле экономико-социального переустройства общества [4, с. 95].

Коммонеры не отказались от господина, но избрали себе «царем и покровителем» Господа Бога [4, с. 108] — несмотря на то, что внешне этот жест может показаться проявлением духовности коммонеров, нам бросается в глаза антропологизация Бога у дигтеров. Образ Бога здесь — образ авторитетного и мудрого мужа, которого можно «избрать», как избирают предводителей из числа равных, по воле людей, а не Бога. Сам Бог Уинстенли при этом остается пассивен, подобно деревянному идолу. Создается впечатление, что Уинстенли представляет Бога немощным отцом взрослых сыновей [4, с. 65]. Люди — выразители Его воли, они как будто должны подчеркивать Его престиж перед какой-то третьей силой. Спасет мир не Бог, а его творение — люди. Причем, как мы помним, «простые» люди.

Что необычно, Уинстенли не считает себя лично новым пророком, богом и т. п., говорит гораздо чаще «мы», чем «я», считает себя равным с братьями, обличает не конкретных людей, но людские пороки, присутствующие тем или иным социальным группам. И чем дальше он развивает свои идеи, тем больше умалывается в них сам.

Взгляды Джеральда Уинстенли в основном претерпели незначительные изменения, которые были связаны с детализацией его представлений о справедливом обществе, опыте, полученном при построении коммуны и взаимодействии с властями Англии. Теоретически на земле возможно и необходимо построить справедливое общество. К этому делу призваны именно он и его община. Необходимо невооруженное сопротивление угнетателям и активный труд на общих землях.

Можно условно выделить три этапа идейной эволюции мыслителя, развития его взглядов. На первом этапе (1640–1649) Уинстенли создал несколько религиозно-философских трактатов. В это время его взгляды были близки к деизму. Религиозные идеи Уинстенли тесно сращены с социальными мотивами [6, с. 43]. Так, считал он, недостаточно только казнить короля Карла I; в стране необходим социальный переворот. И совершить этот переворот способны только бедняки. На втором этапе (1649–1650) Уинстенли образовал коммунистическую колонию на холме

Святого Георгия. Третий этап (1650–1652) — это время интенсивного литературного творчества Уинстенли. Его коммунистический эксперимент потерпел неудачу. Уинстенли разочаровался в самостоятельных действиях бедняков [6, с. 44].

Джеральд Уинстенли обладал гибкостью мышления, умел перестраивать свои планы в зависимости от изменения ситуации. Благодаря несклонности ни к косности, ни к беспринципности он смог разработать теорию жизнеспособного государства-общины. Он имел популярность также вследствие хорошего знакомства с народной психологией и традицией. Уинстенли разрабатывает программу действий здесь и сейчас, а далекую перспективу только намечает, видит лишь в общих чертах. Первые «Декларации» более туманны и сложны для понимания. Возможно, потому что Уинстенли сам еще четко не понимает, каким должно быть справедливое общество, а также потому, что на тот момент еще не имел практического опыта. «Закон свободы» же конкретен и ясен.

Мыслитель рассматривал свою деятельность в рамках христианской истории. В отличие от других утопистов, Уинстенли не нивелирует индивидуальные особенности каждого человека в общине. Для социальной утопии характерна вера в то, что все может быть идеально. Уинстенли уходит от духовного понимания счастья. «Счастье» понимается в социальной утопии как благоденствие, достаток и экономическая свобода, что сильно отличает Уинстенли от его предшественников. У утопистов появляется вера в экономический «базис». Наибольшая ценность в жизни общины — свобода. Основа благосостояния общинников — труд всех членов общества. До Уинстенли никто не мыслил коммуны с настолько справедливым равенством. Уинстенли более ценит свободу, чем, например, Т. Мор и Т. Кампанелла. Его идеи более взвешены, не переходят в крайности. Особенность Уинстенли в том, что он попытался найти силу, способную создать справедливое общество. Предшествующие утописты не доверяли «толпе», даже боялись народных движений. Уинстенли уверен, что только труженики, всемерно угнетаемые и притесняемые, смогут установить на земле справедливость. Именно эта внутренняя убежденность и привела его на холм Св. Георгия [6, с. 47].

Под влиянием рационалистической философии общество Англии XVII в., по мнению В. В. Симонова, характеризовалось в культурном отношении, в частности, следующими тенденциями [7, с. 318]:

- индивидуализм: личность предшествует социальности — общество состоит из отдельных личностей, каждая из которых обладает волей и является свободной;

- эгалитаризм: равенство прав всех составляющих сообщество индивидов;
- секуляризация закона: закон есть не нечто данное свыше, а искусственное творение человека.

Возникает новое мироощущение, связанное с «естественным правом»: власть, допускающая внутри страны произвол в отношениях правителя с подданными и приводящая к войнам между странами, должна быть отвергнута и заменена новым правом — правом людей, а не богов [7, с. 323].

Тенденция к теократизации общества заменяется тенденцией к социализации религии. Попытки церкви вырасти до границ всего социума отторгаются самим социумом; напротив, новый социум пытается поглотить саму церковь [7, с. 448]. Грех становится социальной категорией.

Рай на земле наступит, если будет создан «Град Божий», то есть именно устройство, план, система. Чудо теперь совершается не в душе человека. Появляется мысль о том, что в пороках частного человека, общества и людей в целом, человеческого рода виновато общественное устройство и условия жизни.

Если государство будет идеально — будет счастлива жизнь каждого живущего в нем. Отсюда происходят определенные выводы о представлениях утопистов о человеческой природе: чтобы жить идеально, отдельному человеку не обязательно быть идеальным; в идеальном обществе он и так будет счастлив. Общество понимается как раз запущенный механизм, возможно, тут сказывается и научная революция. Человек — в первую очередь — гражданин (а не христианин, семьянин, ребенок, взрослый, рабочий, etc.), его главная задача сосредоточена в сфере общественной жизни.

Все эти тенденции отражаются в утопии Уинстенли и отличают его произведения от произведений его предшественников. Бесспорно, оказали влияние на его труды и гуманистические идеалы, преклонение перед Античностью, исторический оптимизм и свободомыслие, присущие эпохе Возрождения [7, с. 319]. Исследователи называют его «бездумный „государственный“ оптимизм» [6, с. 128].

Движение Уинстенли распространилось благодаря всевозрастающей популярности рационализма и накопившейся социальной усталости от догматических споров и церковных разделений [7, с. 325].

В Новое время происходит изменение понимания человеком истории, утопия связана с прогрессивизмом. Тяга к упорядоченности и справедливости нового мира, скорее всего, связана с нестабильностью и хаосом эпо-

хи самого Уинстенли. По этой причине человек его времени видит идеал в размеренной, мирной, сытой жизни, с отсутствием в будущем каких-либо изменений и потрясений, как будто бы заикленной. Идея ненасильственной проповеди также связана с избыточностью насилия в обществе.

Призывы к всеобщему миру и сотрудничеству людей, думается, связаны с осознанием «простым народом» своих классовых интересов. Полагавшие вселенское зло в короле-нормандце, они увидели, что с крушением старого режима их положение не улучшилось. Власть церкви уже не имеет былого авторитета — следовательно, единство свое осознают не как единство христиан. Ситуация с властью неопределенная, следовательно, не может быть единства подданных короля. Таким образом, народ начинает действительно идентифицировать себя как класс, отстаивая свои, «простого народа», интересы. В утопии Уинстенли еще прослеживается связь с католическим миссионерством и христианской идеей о преобразовании общества, хотя это преобразование, конечно, кардинально переосмысливается. Также под влиянием католической традиции складывается идея универсальности предлагаемого государственного устройства, его связи не только со своей родиной.

Итак, в условиях социальной нестабильности, вызванной потрясением революции, хаосом, неопределенностью дальнейших путей развития общества, экономической разрухой, закономерно [8, с. 272] возникает тенденция эскапизма. (Эскапизм — это уход от обыденной реальности как сознательный творческий акт (или серия актов), сопровождаемый зависимостью от средств его осуществления, отчуждением от социального окружения и предделинквентным поведением. Его функции можно характеризовать как компенсационную, адаптационную, протестную и релаксационную.) Сама социальная реальность стала неадекватной для реализации способностей не только выдающихся личностей, но и для многих и многих. Вторая причина эскапизма — культурный шок и страх, обусловленный социально-политическими реалиями. Исследователи склоняются к тому, что противоположность страха — не бесстрашие, а надежда [8, с. 275]. Именно такую надежду для людей и создают (а в случае с Уинстенли — и реализуют) авторы утопий.

Таким образом, исследуемую нами утопию мы можем характеризовать как форму эскапизма. Социальный характер она приобрела в русле прогрессистских и секулярных идей, оказывавших влияние на общественно-политическую мысль эпохи. Мы возьмем на себя смелость определить социальную утопию Уинстенли генетически как позднехристианскую ересь.

Список источников и литературы

1. *Волгин В. П.* Диггеры и Уинстэнли // Джерард Уинстенли. Избранные памфлеты. М.; Л., 1950. С. 5–42.
2. Утопия // *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Л. Ф. Ильичева. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 710.
3. *Manuel F. E., Manuel F. P.* Utopian thought in the Western world. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1997. 896 p.
4. *Джерард Уинстенли.* Избранные памфлеты / пер. с англ. Е. Г. Денисовой. М.; Л., 1950. 367 с.
5. *Павлова Т. А.* Уинстэнли. М.: Молодая гвардия, 1987. 302 с.
6. *Самсонова Т. Н.* Справедливость равенства и равенство справедливости. М.: Изд-во МГУ, 1996. 136 с.
7. *Общая история Церкви: учебное пособие для студентов Московского гос. ун-та: в 2 т. Т. 2, ч. 1* / под ред. В. В. Симонова. М.: Наука, 2017. 538 с.
8. *Белов В. И.* Эскапизм: причины, функции и границы // *Инновационная наука.* 2017. Вып. 3–1. С. 270–276.

УДК 94

Ершов А. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st096591@student.spbu.ru

Парижский парламент и Фронда в 1648–1649 гг.: от пика влияния до утраты инициативы

Аннотация. В статье рассматривается период парламентской Фронды с октября 1648 г. вплоть до апреля 1649 г., а также причины потери Парижским парламентом роли главной оппозиционной силы.

Ключевые слова: Фронда, Парижский парламент, Людовик XIV, регентство Анны Австрийской

Ershov A. R.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st096591@student.spbu.ru

The Parlement of Paris and the Fronde 1648–1649: from its highest power to loss of initiative

Abstract. The article examines the period of the parliamentary Fronde from October 1648 until April 1649, as well as the reasons for the loss of the role of the main opposition force by the Paris Parliament.

Keywords: The Parlement of Paris, the Fronde, Louis XIV

Настоящая статья ставит своей целью исследовать роль Парижского парламента в событиях Фронды 1648 г. Актуальность этой задачи определяется тем, что хотя сами события Фронды исследованы хорошо, но роль Парламента именно как правового, судебного института рассматривалась меньше.

С весны 1648 г. в столице французского королевства было беспокойно — против правительства, занятого снабжением войск на фронтах Тридцатилетней войны, восстал королевский суд, некогда бывший опорой монархии, — Парижский парламент. Советники парламента, движимые по большей части своими частными интересами, вовлекли в конфликт с правительством Мазарини парижский плебс, выведя тем самым конфронтацию на новый уровень. В июле верховные палаты выработали так

называемые «27 статей», защищавшие их интересы и содержащие лишь «демагогические» уступки народу [1, с. 47]. А 26 августа отгремел «день баррикад» — правительство осознало готовность плебса поддержать своего «защитника» в лице парламента. Если и разгонять орган силовым путем, то подходить к этому с большей тщательностью.

Для укрепления своих позиций в сентябре двор уехал в Сен-Жермен. Принц Конде, вернувшийся 19 сентября, был склонен поддержать правительство. Стали ходить слухи о готовящейся блокаде столицы. Конде и Гастону Орлеанскому было позволено вступить с представителями парламента в переговоры. Главным камнем преткновения было «правило 24 часов» (запрет длительного ареста без суда), из-за которого переговоры чуть не сорвались. Были разногласия и из-за размера тальи. 2 октября парламента начал принимать решения по «тарифу», что во время переговоров было воспринято как вызов [1, с. 48].

Анна Австрийская была против уступок, однако Мазарини убедил ее, что если у правительства в принципе нет намерения исполнять декларацию, то и нечего упорствовать в ее одобрении. 22 октября предоставленная депутацией во главе с Моле декларация была принята, а через два дня ратифицирована парламентом [2, с. 28].

Эта декларация, опубликованная в «Истории нашего времени...», состояла из 15 статей. Пожалуй, наиболее важные пункты — это ст. 1, утверждавшая сокращение тальи на 20%; ст. 6, предусматривавшая принудительную конфискацию денег у спекулировавших финансистов (таким образом заменяя созыв Палаты правосудия для суда над ними); ст. 15, вводившая «правило 24 часов», однако только для судебных [3, р. 298–313].

Парламент ратифицировал эту декларацию в день заключения почетного для Франции Вестфальского мира, тем не менее война с Испанией продолжалась. Как отмечается в литературе, «октябрьская победа» была концом «взлета» парламента, ему оставалось только охранять достигнутое [4, с. 291] (что было сложно, так как парламента — не исполнительный орган власти). Пожалуй, причина этого в самом характере парламента как института. Он не мог слишком сильно выйти за рамки своих компетенций, формировавшихся веками; не мог он заняться и конституционным строительством в силу своего изначального происхождения как в общем-то союзника абсолютной монархии (хотя и в своеобразном виде) — октябрьская декларация была пиком того, на что был способен парламента без изменения своего характера как института.

Двор вернулся в Париж в конце октября, с фронта стали стягиваться войска на зимние квартиры — наступало затишье перед бурей. Конец

года показал, что лидирующая роль парламента отнюдь не была такой бесспорной. С осенних каникул вернулись Счетная и Налоговая палаты, которые посчитали, что парламента затронул их компетенция, утвердив октябрьскую декларацию. Особое недовольство вызывала ст. 8, которая не ограничивала секретные правительственные расходы. Счетная палата хотела ввести лимит. Парламент же считал верной исключительно свою верификацию и лишь следил за исполнением декларации — из-за тягот военного времени она, естественно, нарушалась.

Дело было в нарушении 13-й статьи декларации, которая должна была защитить домовладельцев от произвола армии на постое [3, р. 308]. Правительство было вынуждено вводить новые взносы на обеспечение армии, но и их не хватало, из-за чего домовладельцам приходилось обеспечивать солдат из своего кармана. Общее собрание парламента по этому вопросу было назначено на 16 декабря — правительство на всякий случай отдало приказ офицерам быть готовыми выдвигаться.

Гастон Орлеанский и принц Конде пытались убедить парламента созвать специальную комиссию, не принимая никаких актов, однако советник Брюссель требовал немедленных мер. 17 декабря так и вовсе прозвучали претензии на ведение внешней политики (это был лишь один советник, однако имелось недовольство правительством, которое не заключило мир с Испанией при первой возможности). Конде после всего этого приобрел явное отвращение к парламента: «Оплошности Парламента <...> отвратили Принца от этого учреждения <...> отвращение это, подкрепленное милостями, какие Королева расточала ему по его возвращении...» [5, с. 97].

В итоге было принято решение созвать специальную комиссию по нарушениям декларации. Она заработала 19 декабря. Умеренная часть парламента во главе с президентом Моле предлагала ограничиться простой запиской к королеве с рекомендациями по урегулированию ситуации, но вмешался Брюссель, требовавший отдать приказ от имени парламента. Радикальная позиция возобладала в парламенте, и Моле прервал обсуждение. В тот же день парламента под воздействием слухов о готовящемся разгоне оппозиции стал требовать отвода войск от столицы.

Оппозиция ставила правительство в тупиковое положение — с одной стороны, требовалось выплачивать солдатам жалование для поддержания дисциплины, но, с другой стороны, верховные палаты всячески препятствовали правительству заключать необходимые займы и получать необходимые налоги [4, с. 306]. Как писал Ларошфуко [6, с. 41]: «Самые влиятельные и чувствовавшие себя в опасности представители

этого учреждения [Парламента] помышляли о том, как бы уберечься от злобы Кардинала и упредить его месть <...> Все мои усилия были сосредоточены лишь на одном: преодолеть страхи и нерешительность принца Конти и герцога Лонгвиля, которым надлежало положить начало осуществлению этого столь великого замысла [речь об оформившемся антимазаринистском союзе знати по инициативе кардинала де Реца]». Ларошфуко, вероятно, лукавит в том, что у правительства было желание репрессивными мерами давить оппозицию. В сложившейся тупиковой ситуации у правительства, пожалуй, и не было особого выбора.

Между тем Счетная палата настаивала на новом созыве Палаты св. Людовика. 29 декабря парламент снова показал свою непокорность, не прислав делегацию по просьбе Анны Австрийской. Правительство посчитало, что война теперь неизбежна, и 1 января нового, 1649 года отозвало из Счетной палаты декларацию о займах. Парламент намека не понял и продолжал конфронтацию с правительством.

Чтобы воевать с собственной столицей, ее нужно было покинуть — это произошло в канун праздника Богоявления 6 января. Двор тайно бежал в Сен-Жермен [7, с. 82]. Жребий был брошен. План действий обсуждался еще до отъезда. Изначально Конде предлагал план штурма столицы, однако от него вскоре пришлось отказаться в силу крайней опасности. Было решено взять город в осаду. Однако сплошного кольца не вышло из-за недостатка войск. Парламенту и другим палатам был отправлен приказ разъехаться по разным провинциальным городам. Согласился только Большой совет. Ему не дадут выехать, но он уйдет на каникулы [4, с. 317–320]. Таким образом, парламент потерял одного из своих союзников.

Расчет на народную панику не оправдался — шок скоро прошел. Посланники в Сен-Жермен не были приняты королевой. Двор интересовала лишь капитуляция парламента [2, с. 30]. 8 января парламент издал предписание для Мазарини покинуть королевство. Ратушей была организована специальная комиссия [8, р. 86] для обеспечения безопасности города.

Расчет правительства «стравить» парламент с роялистским муниципалитетом Парижа не оправдался. Получив весьма ясный приказ от королевы не вступать с парламентом в союз, ратуша поколебалась и, подвергнувшись давлению настроенного против Мазарини плебса и парламента, встала на сторону последнего. Союз парламента с ратушей в мазаринадах сравнивался со свадьбой: «Дама [Ратуша] принимает <...> Парламент за свою Марию и законного супруга <...> Парламент и Париж вечно и неразрывно связаны» [9, р. 39].

Уже утром 9 января в парламенте стал обсуждаться вопрос о создании армии — предлагалось финансировать ее на добровольной основе. В армию практически сразу вошли отряды городской милиции, а первой воинской частью помимо нее стал полк легкой кавалерии, экипированный коадьютором Гонди [1, с. 49]. 10 января оппозиционный лагерь пополняется новыми представителями аристократии — герцогом Лонгвилем и принцем Конти. У Фронды даже возникло слишком много генералов — с 11 января заработает военный совет [4, с. 329], в котором будут представители знати и парламентарии. По данным Ларошфуко, на стороне парламента были: Конти, Лонгвиль, губернатор Пикардии Эльбеф, герцог Буйонский, маршал Ламотт-Уданкур, герцог Бофор [6, с. 43–45]. Союз со знатью, имеющей личные интересы, пожалуй, был в данный момент выгоден для парламента, однако он неизбежно вел к переходу инициативы к ней.

Парижское общество охватило энтузиазм. 12 января была взята Бастилия, 13 января парламент постановил арестовать имущество Мазарини, однако «золотых гор» у него обнаружено не было. Но вскоре радость прошла: уже с середины января начались перебои с хлебом. Военный совет желал иметь как можно большую армию (пришлось отказаться от принципа добровольности взносов), выдвигаемый лозунг против Мазарини нравился народу, но не встречал того же отклика, что и антиналоговые выступления [2, с. 31].

19 января парламент постановил применить секвестр всех фондов сборщиков и откупщиков налогов ко всей территории его округа, то есть почти ко всей северной половине Франции — это побуждало все местные налоговые органы сделать свой выбор в пользу парламента или правительства. 21 января королеве были выдвинуты ремонстрации фактически с требованием упразднить должность первого министра [7, с. 83].

23 января в наступление перешло правительство — было издано три королевских декларации. В первой парламент объявлялся распущенным; всем принцам и генералам предписывалось в трехдневный срок явиться ко двору; объявлялось о созыве в марте Генеральных Штатов (правительство планировало противопоставить их парламенту, однако немногочисленные наказания [4, с. 340–343] показали лояльность подданных декларации 22 октября). Благодаря усилиям принца Конде укрепляются позиции двора — 8 февраля взят Шарантон, а с 12 по 28 февраля еще сильнее сдавливается кольцо блокады. Напуганные известием о казни короля в Англии, парламентарии все больше склоняются к миру с правительством (появился страх, что текущие события могут привести к непредсказуемым последствиям) [1, с. 49].

На заседании парламента 12 февраля советник Бриyak призывал коллег подумать о мире, однако собрание было прервано известием о прибытии герольда от короля, который, с одной стороны, должен был повторить данный ранее ультиматум, а с другой — предложить в шестидневный срок сложить оружие в обмен на полное прощение и подтверждение октябрьской декларации [2, с. 32]. Пожалуй, что здесь интересы парламента (желавшего мира и сохранения декларации) и знати (желавшей добиться выгод для себя) стали расходиться. Гонди удалось добиться отказа принять герольда, но все же он лишь отсрочил начало переговоров на пути к миру [5, с. 130], поскольку вместе с отозванным герольдом ко двору отправились и коронные магистраты.

Они получили паспорта для выезда ко двору; 17 февраля вечером состоялась аудиенция. Королева дала понять парламенту, что готова простить им последние события и не будет лишать никого из них должностей. 19 февраля они должны были докладывать в парламенте, и тот планировал отправить уже полноценную депутацию в Сен-Жермен. Гонди, не желавший заключения мира со двором, решает разыграть еще одну карту — в это раз испанскую. Однако парламент не стал компрометировать себя сношениями с испанцами и счел сообщение посла врага поводом для почетного визита в Сен-Жермен [4, с. 365] — это может говорить о том, что мнение аристократии и парламента уже разошлись, последний уже был готов заключить мир.

Уже к концу февраля правительству удалось достигнуть значимых успехов под Парижем. В марте разбилась еще одна надежда фрондеров — армия мятежного Тюренна не согласилась последовать за ним. В такой обстановке 25–26 февраля в Сен-Жермен прибывает делегация во главе с президентами Моле и Мемом [1, с. 50] — решено провести переговоры о мире в Рюэле.

Рюэльская конференция началась 4 марта и чуть не была сорвана в первый же день из-за присутствия Мазарини. Однако сошлись на том, что все вопросы будут обсуждаться в «рабочих группах», на высшем уровне обсуждение вели Моле, Мем, Конде и Гастон Орлеанский. Условия правительства были жесткими. Но первоначальный вариант договора был смягчен уже 6 марта: не требовалось провести королевское заседание с регистрацией декларации о мире; запрет на общие собрания сокращен до 2 лет, а стаж их участников — до 10 лет. Условия рассматривались как окончательные. Парламент отверг предложение, но двор продолжал наступление. 7 марта появляются пункты о персональных репрессиях.

В ситуации несговорчивости парламента двор пошел на нарушение договоренностей относительно продовольствия, но результат был лишь в том, что 9 марта парламент принял постановление о приостановке переговоров. Имея в виду возможность испанского вторжения, правительство 10 марта предлагает парламенту предоставить свой проект договора.

Парламент требовал, чтобы соблюдались все его постановления с 6 января 1649 г., однако был готов сделать уступку в отношении Мазарини — главным было сохранение октябрьской декларации. 11 марта состоялся последний тур переговоров. Двор настаивал на формировании специальной депутации для требования прощения у королевы, однако парламентом это условие было отвергнуто — все же судейским следовало поставить себя в позу победителей, дабы не навлечь недовольство плебса. Двору пришлось согласиться. В итоге был заключен договор: парламенту и принцам даровалась амнистия, армия парламента распускалась, делалось послабление в отношении так необходимых займов под повышенные проценты. Таким образом, рюэльский договор в целом восстанавливал довоенное положение, двор уступал парламенту декларацию 22 октября, а парламент шел на уступку по займам [4, с. 370–372].

Мир казался решенным вопросом. Двор фактически снял блокаду. Однако договор было еще необходимо ратифицировать в парламенте. И вновь произошел эпизод, доказывающий переход инициативы от парламента к аристократии с ее частными интересами [10, с. 405]. По словам кардинала де Реца: «Тринадцатого числа рюэльские депутаты явились в Парламент <...> Президент вместо ответа вознамерился было огласить протокол <...>, но был едва не оглушен <...> ропотом палат; они кричали, что никакого мира не признают, а депутаты лишены полномочий и гнусно предали генералов <...> Принц де Конти <...> сказал, что весьма удивлен, как могли заключить мирный договор без его и генералов участия; Первый президент возразил ему, что генералы всегда утверждали, будто у них нет интересов, отдельных от интересов Парламента».

С трудом достигнутый мир вновь пошатнулся. Попытка привлечь к конфликту Испанию все еще не забывалась, однако в итоге не сыграла роли. Ларошфуко вообще считает, что события окончания Парижской войны вовсе не достойны описания [6, с. 46].

13 марта в ходе заседания парламента было принято предложение оппозиции, подкрепляемое агрессивной толпой вблизи Дворца правосудия с антимазаринистскими лозунгами: договор не заслушивать, вернуть делегацию в Рюэль для переговоров специально о частных интересах

аристократов, которые представят о том свои записки. Правительство направляет Моле письмо с требованием ратифицировать заключенный договор и снова частично ограничивает подвоз продовольствия. Решающие дебаты в парламенте состоялись 15 марта, когда боролись две позиции: все же ратифицировать уже имеющийся договор (но потом попробовать изменить его условия под предлогом лучших способов исполнения) либо направить в Рюэль новую депутацию. Подкрепленное авторитетом «отца народа» Брюсселя, было принято второе предложение — одобрение популярного советника могло легитимизировать решение парламента в глазах плебса.

Аристократия все еще планировала воспользоваться «испанской картой», однако уже после военного совета 18 марта наступает перелом в ее настроении. Был риск стать «марионетками» в руках испанцев, вдобавок аристократы в тот момент не могли противопоставить себя стремящемуся к миру парламенту (не вышло привлечь на свою сторону плебс). Готовность двора пойти на уступки для знати побудила ту закончить испанскую авантюру [4, с. 384].

Парламентская депутация тем временем начала переговоры в Сен-Жермене. Двор был вынужден стать сговорчивее — в ходе переговоров большую часть времени ему не было известно насчет ситуации с испанцами и, что даже более важно, к Парижскому парламенту присоединились парламенты в Руане и Нормандии. Правительство пошло на уступки, и 30 марта был подписан мир, зарегистрированный в парламенте 1 апреля, — парламентский период Фронды закончился [1, с. 50].

Текст договора сохранился в регистрах ратуши. По своим условиям Сен-Жерменский мир являлся отступлением правительства [8, р. 433–441]. От парламента не требовалось проводить королевское заседание, не было пункта о запрете общих собраний парламента, правительство не настаивало на возвращении ему Бастилии и Арсенала, не было требования о разоружении парижан. Ограничивались займы под повышенный процент, однако был снят запрет со сдачи тальи на откуп. Всем участникам волнений даровалась амнистия, однако вопросы личных выгод аристократов Анна Австрийская предпочла обсуждать «с глазу на глаз». Правительство кассировало все свои акты с 6 января.

Сен-Жерменский мир являлся компромиссом. Вскоре Фронда продолжится, уже в своем аристократическом варианте, более известном как Фронда принцев. Парламент не будет играть в ней руководящей роли и отойдет на второй план [7, с. 84]. У этого органа, в общем-то бывшего одной из опор монархии, не могло быть интересов, идущих далее интере-

сов собственной корпорации, которые и так были защищены октябрьской декларацией. Оставалось лишь защищать достигнутое, что было не так и просто [4, с. 382–384].

Итак, октябрьская декларация была следствием втягивания в конфликт парламента с правительством (изначально начавшегося в защиту частных интересов первого) широких масс населения, интересы которых нужно было учесть по крайней мере для вида. Декларация стала пиком законотворческой деятельности парламента. Правительство, естественно не желая соблюдать невыгодные для него условия (а из-за войны, по сути, и не имея возможности соблюдать), нарушало условия декларации, чем вызвало недовольство верховных судебных палат, в определенных случаях даже переходившее рамки дозволенного (как, например претензии парламента к проводимой внешней политике).

Начав военные действия против столицы, правительство ошиблось в том расчете, что народ восстанет против парламента. Получилось наоборот, поскольку этот орган, являвшийся блюстителем правовых традиций, весьма активно позиционировал себя как защитника интересов плебса. Однако в этот период намечается явный переход инициативы состязания с монархией и ее советниками к аристократии. Несмотря на то что армия парижан была сформирована при посредничестве парламента, он, как показали последние события войны, был более сговорчив на переговорах, чем представители знати.

Список источников и литературы

1. *Блюш Ф.* Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
2. *Кожохин Е. М.* Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции. М.: Наука, 1989. 176 с.
3. L'histoire du temps, ou le véritable récit de ce qui s'est passé dans le Parlement depuis le mois d'aoust 1647 jusques au mois de novembre 1648. Paris, 1649. 349 p. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/L_Histoire_du_Temps_ou_le_v%C3%A9ritable_rec.html?id=boTpeFk53x4C&redir_esc=y (дата обращения: 14.09.2023).
4. *Малов В. Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009. 497 с.
5. *Кардинал де Рец.* Мемуары / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1997. 827 с.
6. *Ларошфуко Ф. де.* Мемуары Максимы / под ред. Б. Г. Реизова. Л.: Наука, 1971. 281 с.
7. *Малов В. Н.* Фронда. М.: Вопросы истории. 1986. № 7. С. 76–87.
8. Registres de l'hôtel de ville de Paris pendant la Fronde; suivis d'une Relation de ce qui s'est passé dans la ville et l'abbaye de Saint-Denis à la même époque. Т. 1 /

- publ. pour la Société de l'histoire de France, par MM. Le Roux de Lincy et Douet-d'Arcq. Paris: J. Renouard, 1846. 524 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5406781r> (дата обращения: 14.09.2023).
9. *Choix de mazarinades*. Т. 1 / publié pour la Société de l'Histoire de France par C. Moreau. Paris: J. Renouard, 1853. 568 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6560555r> (дата обращения: 14.09.2023).
10. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в Новое время: в 7 т. Т. 2: Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 618 с.

Символы, ритуалы,
изобразительные памятники

УДК 745/749+94(4)

Диденко М. Е.

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А. Л. Штигица,
факультет дизайна, студент бакалавриата
E-mail: marina.delmara@gmail.com

Влияние искусства эпохи викингов на зооморфный орнамент карельских овально-выпуклых фибул XI–XIII вв.

Аннотация. Происхождение карельских овально-выпуклых фибул XI–XIII вв. остается неясным, так как формирование племени корела происходило из различных восточных и западных этнических компонентов. Данная статья рассматривает художественные особенности и развитие фибул с зооморфным орнаментом, вероятно испытавшим влияние скандинавского искусства эпохи викингов.

Ключевые слова: овально-выпуклые фибулы, Карелия, орнамент, искусство эпохи викингов

Didenko M. E.

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
Department of Art History, Bachelor's program, Student
E-mail: marina.delmara@gmail.com

The influence of Viking Age art on the zoomorphic ornament of Karelian oval brooches

Abstract. The origin of medieval Karelian oval brooches remains unclear, since the formation of the Korela tribe came from various eastern and western ethnic components. This article examines the artistic features and development of oval brooches with zoomorphic ornament, which were probably influenced by Viking Age art.

Keywords: oval brooches, Karelia, ornament, Viking Age art

Фибулы овальной формы, называемые черепаховидными или скорлупообразными, являются распространенным украшением в Скандинавии [1, р. 167] и Балтийском регионе [2, с. 82]. Они всегда были парными и предназначались для скрепления краев ткани одежды (лямок женского сарафана). Между ними могли крепиться несколько рядов бус, а сами

фибулы также использовались в качестве носителей нагрудных металлических деталей: пронизок, цепедержателей, к которым подвешивались ножны, копоушки и другие привески [3, с. 107]. Овально-выпуклые фибулы, обнаруженные в районе Карельского перешейка и Северного Приладожья, на территориях расселения летописного прибалтийско-финского племени корела, составляют пласт древностей X–XV вв. [4, с. 5]. Изучение данного материала усложнено отсутствием четких датировок, варьирующихся от XI до XIV в. [2, с. 84]. Происхождение карельских овально-выпуклых фибул и их орнаментов остается неясным. Эта проблема частично освящалась в исследованиях Ю. Айлио [5], К. А. Нордмана [6], О. Халлстрёма [7], П.-Л. Лехтосало [8], Э. Линтури [9], Л. Томантера [10], А. И. Саксы [3] и С. И. Кочуркиной [4]. Этот тип нагрудных украшений рассматривался как один из элементов материальной культуры карел в период раннего Средневековья [3; 4], при исследовании которого применялся типологический метод. В основе метода лежит выявление сходства и различия множества артефактов. Таким образом, на основе различий орнаментального изображения, размера и формы были выделены 13 типов овально-выпуклых фибул [5, 10]. В искусствоведческой литературе тема не нашла развития, а стилистические особенности орнамента остались без внимания. Целью данного исследования является выявление художественных особенностей карельских овально-выпуклых фибул с зооморфным орнаментом и поиск орнаментальных мотивов, составляющих для них аналогии. Статья представляет интерес как для историков искусств, так и для специалистов по археологии и этнографии.

Среди предметов, обнаруженных на территории Карельского перешейка и Северного Приладожья, только два типа украшений имеют зооморфные мотивы. Это овально-выпуклые фибулы типов «С» (фин. *Eläinsolki*) и «D» (фин. *Akantussolki*), которые изначально считались одним типом [5, s. 78]. Фибулы типа «С» — одни из наиболее распространенных [11, s. 38]. Их орнамент имеет крестообразную композицию, состоящую из двух крестов. Первый крест представлен пересечением диагоналей, а второй — вертикальной и горизонтальной осей. По вертикали расположены четыре мотива звериных масок, по горизонтали — еще два с подогнутыми лапами. Шесть зооморфных фигур составляют основу орнамента, между ними по диагонали пространство симметрично заполняют 8-образные завитки. Ю. Айлио выделил у фибул с зооморфным орнаментом подтипы С1 и С2, считая их хронологически последовательными [5, s. 20–21]. Друг от друга их отличала форма и размеры. Фибулы С1 крупнее и имеют круглые завершения, а С2 — меньше, с заостренными

концами. Позже Э. Линтури внесла в классификацию еще 12 подтипов, что позволило выделить признаки серийного производства [9, s. 136–138]. Тип «D» является менее распространенным, однако, как и у типа «С», в основу орнамента данного типа заложены шесть зооморфных фигур [5, s. 56–59]. Композиция также является крестообразной. Отличительной чертой являются завитки 8-образной формы, являющиеся растительным мотивом, названным «листьями аканта» [12, s. 56–59].

Несколько фибул этих типов находятся в собрании Выборгского объединенного музея-заповедника. Первая фибула (ВЗ КП-15164) (илл. 1) имеет заостренные концы и округлую форму. В крестообразной композиции четко читаются два зверя на горизонтальной оси, мотивы на вертикальной оси почти не видны из-за дефектов. Мотив маски в левой части представлен овалом, в котором прорезаны два круглых отверстия-глаза, от него отходят два шнура — мотив подогнутых вверх лап. Мотив справа имеет более вытянутую форму, а лапы отогнуты вниз. Эти мотивы окружают горизонтальные ленты с небольшими вертикальными членениями, рельеф высокий, из-за чего лента становится зигзагообразной. Выделяется вертикальная ось, на которой заметны следы маски — на округлой форме виднеются два круглых отверстия-глаза. В правой верхней части также видна диагональная линия, от которой отходят завитки, заполняющие пространство между фигурами. Рельеф нижней части фибулы более выразительный, в композиции гораздо четче выделяется вертикальная ось и диагонали, от которых также отходят завитки, заполняющие пространство. Однако мотив маски здесь почти не читается как таковой, он представлен пересечением трех шнуров, прорезанных внутри тонкой линией. Таким образом, маска превратилась в узел с двумя круглыми прорезами-глазами. Этот мотив окружают 8-образные завитки, расположенные перпендикулярно диагональным линиям. Рамка не орнаментирована. Рельеф изделия неравномерный, на что могла повлиять техника исполнения. Вероятно, изначально из металлического сплава была отлита основа фибулы, после чего на нее был нанесен орнамент методом вырубки: с заготовки при помощи зубила и молотка удалялись лишние слои металла. По мнению Ю. Айлио, в этой технике были выполнены ранние фибулы с зооморфным орнаментом [5, с. 20]. Однако фибула могла отливаться целиком. Литейная форма изготовлялась из глины, на ее стенки могли наносить воск. Резьбой по глине или воску производилась моделировка формы и декора, затем в форму заливался металл.

Другая фибула (ВЗ КП-15076) (илл. 2) также имеет заостренные концы. Основа композиции сохраняется, но детали (зооморфные мотивы

и их отдельные элементы) становятся меньше по размеру. Четче выделяются и подчеркиваются бороздками диагонали. Между масками выделяются небольшие завитки, соединяемые между собой двумя поперечными штрихами. Таким образом, в верхней и нижней части образуется рамка из завитков и двойных коротких линий. Поперечные дуги между диагональными линиями и масками становятся толще и короче. Подогнутые лапы зооморфных мотивов — длиннее, и сильнее прилегают к краю рамки. Короткие линии между завитками у края орнамента, вероятно, могут быть прочитаны как продолжение лап, несколько раз пересекаемое другими. Сами маски однообразны и представлены ровными овалами с двумя круглыми глазами. Рельеф становится более плоским, а изображение будто выгравировано на поверхности тонкими линиями. Аналогичным орнаментом обладают и другие фибулы из коллекции музея (ВЗ КП-15332 (илл. 3), ВЗ КП-15077 (илл. 4)), что может свидетельствовать о серийном производстве. Для изготовления могла использоваться одна литейная модель или же иной метод. Стоит отметить, что на данный момент подробных исследований технологий изготовления карельских фибул и производственных традиций не было осуществлено. Серийные образцы отличаются от первой фибулы по форме, размерам, унифицированным зооморфными масками и упрощенными деталями.

Фибула типа «D» (ВЗ КП-15381) (илл. 5) сохраняет крестообразную композиционную схему фибул типа «С». По горизонтальной и вертикальной осям располагаются зооморфные мотивы, а по диагоналям появляются растительные («акантовые»). Мотивы «аканта» представлены завитками, симметрично заполняющими пространство между осями. Диагональ является осью зеркальной симметрии. Листья представлены двумя-тремя завитками, уходящими в рамку фибулы. Ближе к вертикальной оси один из завитков образует S-образную петлю, сливающуюся с маской в верхней (или нижней соответственно) части фибулы. Этот мотив является более четким и самостоятельным, нежели завитки на фибулах типа «С», напоминающие продолжения лап или являющиеся дополнением к основной композиции. Линии орнамента в целом становятся более гибкими и плавными. Зооморфные маски более продолговатые, однако все шесть мотивов обладают разной формой. По вертикали расположены маски меньших размеров, по горизонтали — крупнее, у них также выделяются четыре лапы. Между зооморфными масками и мотивами аканта сохраняются горизонтальные ленты с небольшими вертикальными членениями. Рельеф сильно сглажен, однако обработка поверхности схожа с первой фибулой (ВЗ КП-15164) (илл. 1). Вероятно, они были изготов-

лены в одной технике, характер завитков и размеры масок также очень схожи. Фибулы могли быть изготовлены в одно время.

Фибулы изначально датировали XI в. на основании преемственности стилистических особенностей с рядом фибул эпохи викингов [5, 7]. Многие исследователи, например О. Хальстрём [7, s. 57–59], Э. Линтури [9, s. 4–10] и Р. Спиргис [13, s. 491], сходятся во мнении, что зооморфный орнамент карельских фибул происходит от скандинавских скорлупообразных фибул с орнаментом в стиле борре (в искусстве эпохи викингов 850–950 гг. Борре отличается мелкими и объемными зооморфными изображениями со звериными мордами на первом плане), тип 48В по Я. Петерсену [14, s. 53–54]. Такой вывод можно сделать благодаря схожей композиции и трактовке зооморфных мотивов. Такие украшения (48В) являются ажурными и двусоставными: верхняя орнаментированная и прорезная часть накладывалась на нижнюю гладкую с орнаментированным ободком [15, с. 45]. Ажурная накладка имела орнаментированную рамку, рельефный орнамент, в основе которого были шесть зооморфных масок, соединенных шнурами и петлями. Например, на фибуле IX–X вв., обнаруженной на о. Готланд (илл. 6), видна та же композиционная схема, что и у карельских фибул типов «С» и «D». Маски зверей представлены неровными вытянутыми формами, горизонтальные зооморфные мотивы имеют продолжение в виде загнутых лап. Их линии (три шнура) перерастают в петли, обрамляющие рамку фибулы. На карельских фибулах петли приобрели неясные очертания, стали S-образными и акантовыми мотивами (на типах «С» и «D» соответственно). Другой характерный элемент скандинавских ажурных фибул, выделенный на фибуле, происходящей из Норвегии (илл. 7), — заполнение пространства между звериными масками с помощью широких шнуров, прорезанных поперечными линиями [14, s. 55, fig. 49]. В карельских фибулах форма шнуров стала менее конкретной и варьировалась от нескольких вертикальных линий до полуovalов. Мотив перестал быть конструктивным элементом ажурных фибул и сохранился в качестве рельефных линий, очерчивающих зооморфные маски. Сами же морды зверей на данной фибуле имеют более четкую форму и детализированное изображение глаз и носа. Эти детали выделяются и рельефом, и прорезными линиями. На карельских предметах они сильно упрощены и сведены до неровных ovalов и круглых глаз.

Исследователи также отмечали сходство в отдельных деталях с фибулами типов P37 и P44 [14, s. 67–69]. Эти типы имеют схожую композиционную схему: на вертикальной оси находятся два ромба, пространство между ними заполнено зооморфными мотивами. Тип P37 является

ажурным (илл. 8), а P44 — монолитным (илл. 9). Зооморфные мотивы имеют совершенно иное воплощение в виде небольших зооморфных масок с двумя линиями-лапами, отходящими из центра маски. Общие черты можно заметить лишь в композиционной схеме и трактовке рельефа.

Сходство в изображении масок или звериных голов в стиле борре на карельских фибулах было замечено и в орнаменте скандинавских равноплечных фибул (илл. 10), как и на фибулах типа P51 [12, s. 4], которые имеют прототипы в Швеции и встречаются в измененном виде на территории Финляндии [16, с. 20]. Однако наибольшее сходство в орнаментальной композиции и деталях изображения наблюдается у фибул типа 48B (илл. 6, 7). Наличие скандинавских фибул этого типа в Приладожье не оставляет сомнений в том, что карелы были знакомы с ними и могли перенять их форму и орнаментацию [3, с. 109]. Карельские фибулы с зооморфным орнаментом могли создаваться как подражание скандинавским, которые ко времени расцвета карельской культуры более не производились.

Существуют также две гипотезы происхождения орнамента фибул типа «D». Их орнамент мог развиваться параллельно с типом «C» и также происходить от фибул типа 48B [12, s. 63; 13, p. 491], или же происходить напрямую от типа «C». Эти два типа имеют схожие композиции, обработку поверхности, трактовку зооморфных образов и, вероятно, технологии изготовления. Появление серийного производства отразилось и на фибулах с акантовыми мотивами, чей орнамент также стал гравироваться на поверхности (илл. 11). Главным вопросом, связанным с происхождением орнамента фибул типа «D», является причина появления растительных мотивов. Появление акантовых листьев может быть связано с христианизацией карел (приходящейся на 1227 г.), так как похожий процесс затронул Прибалтику и повлиял на становление растительного орнамента ливских фибул [17, с. 505]. Или же на растительные орнаменты повлияло искусство Новгородской Руси, появление растительных мотивов в котором при этом связывают с византийским влиянием [18, с. 75]. Пятипалые листья с плавными, округлыми линиями встречаются на разных новгородских предметах: гребнях, церах (илл. 12), привесках (илл. 13), на кожаных изделиях [19, с. 149], росписи по дереву [18, с. 72] и др. Сами листья вместе со шнурами-стеблями далеки от мотивов на фибулах типа «D» и не составляют прямых аналогий, однако такие мотивы встречаются на других типах фибул. Листья аканта на дисковидных фибулах (илл. 14) крупные и недетализированные, они имеют узкое основание и широкое завершение из трех частей, каждая из которых представляет завиток. Если сравнивать растительный орнамент типа «D» с другими

фибулами, то можно заметить, что для более поздних украшений характерен мотив лилии, а не листьев аканта [10]. К тому же орнамент фибул данного типа состоит и из зооморфных, и из растительных мотивов. Подобная комбинация не встречается среди других вещей, обнаруженных на территории Карельского перешейка, а также предметов скандинавского искусства эпохи викингов. Однако, если считать фибулы с акантовым орнаментом развитием типа Р48, то можно предположить, что плавные линии растительного орнамента могут быть местной интерпретацией ажурных узлов по краям скандинавских фибул. Акантовые мотивы на карельских фибулах появляются только на диагональных осях, 8-образные (или S-образные) завитки располагаются ближе к рамке фибулы, как и на фибулах Р48 (илл. 7). Более поздние, вероятно серийные, фибулы типа «D» (ил. 11), отличающиеся четкостью линий орнамента, демонстрируют другую тенденцию. Маски растворяются в орнаменте, однако с большей четкостью выведены ленты с завитками. Ближе к рамке завитки составляют небольшие окружности, у скандинавских фибул на этом месте были шнуры, образующие узлы. В центре завитки растянуты по диагоналям, завершающиеся 8-образными петлями. Таким образом, более ранние фибулы с акантовым орнаментом могли напрямую происходить от скандинавского типа Р48, более поздние же — испытать влияние новгородского декоративно-прикладного искусства, и в результате ленточные мотивы со скандинавских образцов были переосмыслены как растительные. Вопрос о появлении растительного мотива рядом со зверем в стиле борре остается открытым из-за отсутствия четких датировок серии предметов и аналогий в декоративно-прикладном искусстве средневековой Карелии. Тем не менее их стоит учитывать в контексте появления растительных мотивов в искусстве корелы.

К концу X — началу XI в. на территории Скандинавии овалы фибулы прекратили изготавливать [20, с. 316], однако, являясь предметами, представляющими ценность, они приобретались путем обмена на торговых путях, одним из которых был «Восточный путь» из Ладоги в Швецию [1, р. 167; 20, с. 320]. Сравнительный анализ подтвердил, что прототипом для карельских овально-выпуклых фибул с зооморфным орнаментом являются скандинавские фибулы типа Р48. Карельские подражания скандинавским фибулам отличаются скромностью и меньшим размером. На упрощение орнамента и уменьшение фибул могло повлиять изменение технологии производства. Технология изготовления и мотивы декора на фибулах в каждом регионе развивались в соответствии с местными традициями и технологическими возможностями [13, р. 494]. Во всех

регионах фибулы изготавливались монолитными, что и повлекло за собой видоизменение оригинального орнамента ажурных фибул. Причиной изменения могла быть экономия материала или же отсутствие точных знаний о технологии производства в Скандинавии. В дальнейшем это могло повлиять на становление местной традиции, в которую вошла и заостренная форма [5, s. 42], и упрощенные зооморфные маски, и линейные орнаменты по краям фибул. Появление серийного производства привело к уплощению, уменьшению и упрощению орнамента.

Список источников и литературы

1. *Sindbæk S. M.* Crossbreeding Beasts: Christian and Non-Christian Imagery in Oval Brooches // Conversion and Identity in the Viking Age MISCS 5. Turnhout: Brepols, 2014. P. 167–193.
2. *Бельский С. В.* Погребальные памятники Карельского перешейка и северного Приладожья XI–XV вв. (Хронология вещевых комплексов). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013. 485 с.
3. *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 828 с.
4. *Кочуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.
5. *Ailio J.* Karjalaiset soikeat kupurasoljet: katkelma Karjalan koristetyylin kehityshistoriasta // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja XXXII: 3. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1922. 81 s.
6. *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja XXXIV: 3. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1924. S. 182–196.
7. *Hällström O.* Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan // Finskt museum 1947–1948. Helsingfors: Finska fornminnesföreningen, 1948. S. 45–69.
8. *Lehtosalo P.-L.* Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // Finskt museum 1966. Helsingfors: Finska fornminnesföreningen, 1967. S. 22–39.
9. *Linturi E.* Nauhasoljet. Studia minora. Professori Carolo Frederico Meinander die caroli MCMLXXXII gratia dedicaverunt discipuli // Helsingin yliopiston arkeologian laitos: Moniste. 1982. No. 29. S. 130–144.
10. *Tomanterä L.* Mikkeli pronssit // Kalmistojen kertomaa. Mikkeli: Savonlinnan maakuntamuseo & Suur-Savon museo, 1994. S. 35–50.
11. *Saksa A. I.* Rautakautinen Karjala: Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1998. 258 s.
12. *Linturi E.* Ristiretkiajan eläinkoristeiset kupurasoljet. Moniste 24. Helsinki: Helsingin yliopiston arkeologian laitos, 1980. 120 s.

13. *Spirģis R.* Bruņurupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība. Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls, 2010. 520 lp.
14. *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger Museum, 1928. 222 s.
15. *Кочкуркина С. И.* Сокровища древних вепсов. Петрозаводск: Карелия, 1990. 126 с.
16. *Кочкуркина С. И.* Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 219 с.
17. *Спирģис Р.* Растительный орнамент ливских овальных фибул конца XII–XIII веков в контексте средневекового христианского искусства // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. № 11. С. 502–515.
18. *Пухначева Е. Ю.* Орнаментальный язык новгородской резьбы по дереву X–XIII веков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 2 (106). М.: Изд-во МГУКИ, 2022. С. 71–76.
19. Древний Новгород: прикладное искусство и археология / сост. Б. А. Колчин, В. Л. Янин, С. В. Ямщиков; под ред. Г. П. Перепелкина. М.: Искусство, 1985. 166 с.
20. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Овально-выпуклая фибула, ВЗ КП-15164, Карельский перешеек. XIII в. Медный сплав, 9,3 × 5,3 × 1,8 см. Выборгский объединенный музей-заповедник

2. Овально-выпуклая фибула, ВЗ КП-15076, Карельский перешеек. XIII в. Медный сплав, 9,2 × 5,4 × 1,6 см. Выборгский объединенный музей-заповедник

3. Овально-выпуклая фибула, ВЗ КП-15332, д. Иваново (Приозерский район Ленинградской области). XIII в. Медный сплав, $9,2 \times 5,9 \times 1,8$ см. Выборгский объединенный музей-заповедник

4. Овально-выпуклая фибула, ВЗ КП-15077, Карельский перешеек. XIII в. Медный сплав, $9,0 \times 5,4 \times 1,8$ см. Выборгский объединенный музей-заповедник

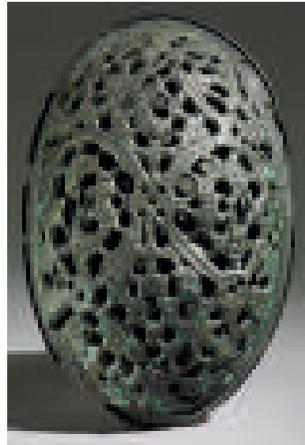
5. Овально-выпуклая фибула, ВЗ КП-15381, пос. Лесогорский (Приозерский район Ленинградской области). XIII в. Медный сплав, $9,1 \times 5,7 \times 2,3$ см. Выборгский объединенный музей-заповедник

6. Овальная фибула, 1870,0818.1, Готланд, Швеция. IX–X вв. Медный сплав, 11 см. Британский музей

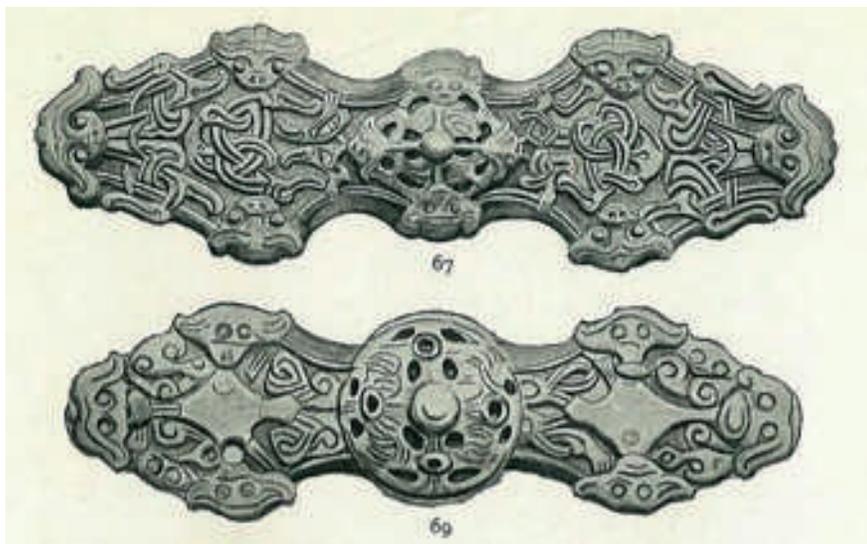
7. Скандинавская овальная фибула, С.4727, Норвегия. Иллюстрация: *Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger Museum, 1928. S. 55*

8. Овальная фибула, 1873,1219.234, Готланд, Швеция. IX в. Медный сплав, 11,3 см. Британский музей

9. Скандинавская овальная фибула, T18961/a.001, Трёнделаг. Бронза. Исторический музей Осло, Норвегия

10. Равноплечные фибулы, С.18594 и С.16511, Маркстад и Фредрикстад. Иллюстрация: Petersen J. *Vikingetidens smykker*. Stavanger: Stavanger Museum, 1928. S. 83

11. Черепаховидная фибула. Каускила. XI–XIII вв. Медь. Южно-Карельский музей

12. Цера орнаментированная, НГМ КП 25405/69 А-20/69, Новгород. XI в. Дерево, резьба, 9,5 × 16 × 0,8 см. Новгородский музей-заповедник

13. Привеска, НГМ КП 25293/52 А-5/52, Новгород. XIII в. Оловянно-свинцовый сплав, литье, 2,3 × 2,4 см. Новгородский музей-заповедник

14. Дисквидная фибула, ВЗ КП-15342, пос. Громово. XIII в. Белый металл. 5,7 × 4,2 × 0,8 см. Выборгский объединенный музей-заповедник

УДК 7.08

Степаненко Э. С.

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А. Л. Штигилица,
кафедра искусствоведения, студент бакалавриата
E-mail: stepanenko.erik@gmail.com

Акваманилы в средневековой Западной Европе: наследие античности, влияние исламских образцов, византийские аналоги

Аннотация. Анализируются гипотезы возникновения акваманилов в средневековой Западной Европе; рассматриваются византийские сосуды с зооморфными элементами и живописные изображения зооморфных сосудов. Поставлен вопрос о влиянии византийского ДПИ на распространение зооморфных акваманилов в Западной Европе; о возможном посредничестве Византии между исламским Востоком и Европой в процессе этого распространения.

Ключевые слова: акваманил, водолей, западноевропейское декоративно-прикладное искусство, византийское декоративно-прикладное искусство

Stepanenko E. S.

Saint Petersburg State Academy of Art and Design,
Faculty of Design, Bachelor's program, Student
E-mail: stepanenko.erik@gmail.com

Aquamaniles in Medieval Western Europe: the legacy of antiquity, the influence of Islamic vessels, Byzantine analogs

Abstract. The hypotheses of the origin of aquamaniles in medieval Western Europe are analysed. The byzantine vessels with zoomorphic elements and images of zoomorphic vessels are considered. The study questions the influence of Byzantine decorative and applied art on the spread of zoomorphic aquamaniles in Western Europe and Byzantium's possible mediation between the Islamic East and Europe in this process.

Keywords: aquamanile, Western European decorative and applied art, Byzantine decorative and applied art

В XIX в. акваманилам, найденным в ходе раскопок, приписывали языческое, венецкое, германское или римское происхождение [1, S. 50],

атрибутировали их тамплиерам [2, S. 202–206]. К концу XIX — началу XX в. одни ученые [3, S. 253–257; 4, S. 52–56], опираясь на средневековые источники, уже считали водолеи средневековыми предметами, другие продолжали видеть в них прямое продолжение античной традиции [5, S. 232] или ее возможное влияние [6, S. 22]. Предполагали и их некое доисторическое [7, S. 25] происхождение.

К Античности пытались возвести антропоморфные сосуды в виде голов и бюстов, но устройство античных и средневековых сосудов различно. Человеческая голова или бюст в Античности служили основанием шейки, ручки и венчика (илл. 1), средневековые же акваманилы не имели ни шейки, ни венчика (илл. 2, 3). Некоторые античные сосуды не имели носика и могли служить для воскурения благовоний (илл. 4). Археологическими раскопками доказано распространение подобных сосудов не только в районе Средиземноморья, но и в римских провинциях по другую сторону Альп, и это дает основание предполагать, что в старых римских городах, таких как Трир и Кёльн, древние бронзовые сосуды могли быть обнаружены в Средневековье [8, S. 52]. Если преемственность форм между античными и романскими сосудами и существовала, то протографами могли быть только эти поздние римские сосуды, так как большинство романских антропоморфных водолеев представляют собой бюсты, а не головы [8, S. 52].

Влияние мусульманского искусства времени Фатимидов на возникновение акваманилов в Западной Европе признано большинством исследователей [6, S. 22; 9, p. 12; 10, p. 47–49; 11, p. 8], хотя некоторые считают его преувеличенным [12].

Бронзолитейное дело в средневековой Европе уступало и предшествовавшему античному, и современному ему исламскому. Если на Западе пользовались в основном керамической посудой, то на Востоке к X–XI вв. зажиточные горожане уже могли позволить себе бронзовую утварь [12, S. 36–38]. Орлы-водолеи с территории современных Ирака и Ирана — первое в исламском мире свидетельство бронзового литья методом утраченного воска, который, возможно, получил толчок к развитию благодаря переводам древних технических руководств [12, p. 31]. Эта же техника будет использоваться для изготовления водолеев в Западной Европе в XII в.

Торговля между миром ислама и христианской Европой никогда не прекращалась полностью. Она была затруднена в первые два-три века мусульманской экспансии, но уже в X–XII вв. наблюдалась интенсификация торговых отношений [13, p. 5–7, 11–22]. Примечательно,

что именно с XII в. в Европе начинают распространяться акваманилы. Считается, что ключевым посредником в экономических и культурных взаимоотношениях между Западной Европой и мусульманским миром был Аль-Андалус, будучи в X в. ареной международной дипломатической деятельности и принимая представителей Византии, Германии, Северной Африки и христианских государств Севера [14, р. 115]. Стоит заметить, что именно германские земли были одним из главных очагов производства водолеев. Крестовые походы также могли оказать влияние на появление акваманилов в Европе, ведь вскоре после их начала на христианском Западе стали распространяться водолеи [6, S. 22; 9, р. 10–11; 11, р. 8]. Итак, появление акваманилов в Европе в этот период времени допустимо связать с интенсификацией обмена товарами и идеями между исламским и христианским миром.

Среди памятников декоративно-прикладного искусства западноисламского искусства встречаются сосуды, напоминающие западноевропейские: лев из Касселя¹, лань из Неаполя (илл. 5), павлин из Лувра (илл. 6) и др., а к более ранним аббасидским образцам относится водoley в виде орла из Государственного Эрмитажа (илл. 7). Сосуды в форме хищных птиц, вероятно, использовались для ритуального омовения рук перед молитвой и предназначались для халифа и его ближайшего окружения [12, S. 43], но зооморфные водолеи были редки в исламском мире, уступая в популярности более простым по форме кувшинам [12, S. 34, 42].

В христианских храмах встречались акваманилы с арабской вязью на корпусах. Они сохранились в монастыре Святой Екатерины на горе Синай (илл. 8) и в базилике Святого Фридиана в Лукке, где сосуд был превращен во флигель [15] (илл. 9). Кроме того, луврский сосуд в форме павлина (илл. 6), изготовленный в Кордове в X в., украшен надписями на арабском и латинском языках, причем согласно одной трактовки арабская надпись гласит, что сосуд создан христианином или слугой христианского господина [15, р. 433–435]. На павлине из Кальяри нет надписей, зато на груди и ручке изображены кресты (илл. 10). Вероятно, христианские мастера имели возможность подражать формам мусульманских сосудов, что могло повлиять на распространение акваманилов в Европе.

Эрих Мейер [8, S. 39] и Алмутфон Гладит [12, S. 35] полагали, что влияние восточных водолеев отразилось скорее на факте использова-

¹ Лев Абдалла (Фонтанный лев Фатимидов). Египет или Сицилия, X–XI вв. Кассельская картинная галерея, Кассель. Инв. № 1238383.

ния зооморфных сосудов, чем на формально-стилистических особенностях европейских акваманилов. Питер Барнет же считал, что исламские бронзы сыграли значительную роль в появлении акваманилов в Европе [9, p. 12], и придавал особое значение группе литых животных, которые, вероятно, использовались в качестве фонтанов или украшений фонтанов. К ней относится в том числе и Пизанский грифон XI в., который был установлен на вершине собора в Пизе в конце XI или начале XII в. [9, p. 11].

Исламские водолеи часто украшались куфическими надписями (илл. 6–9), в отличие от западноевропейских, хотя псевдокуфические надписи были распространены в христианском искусстве [16, с. 348; 17, S. 467–513], например, ими украшались лиможские эмали². Отсутствие на западноевропейских сосудах псевдокуфических мотивов подтверждает тезис о значительной доле различий между западноевропейскими и исламскими акваманилами.

С Востока могла быть заимствована зооморфная ручка. На восточное происхождение мотива борьбы двух зверей, примечательного тем, что одно животное находится на спине у другого, указал еще Мишель Андре [18, S. 889]. Генрих Райффершайд предположил, что фигуративные ручки западноевропейских акваманилов имели прообраз в восточных сценах терзания [6, S. 19]. Можно согласиться с исследователями относительно заимствования зооморфных ручек из восточной традиции. Во-первых, зооморфные ручки характерны для восточных сосудов. Они встречаются еще на фракийских ритонах (илл. 11), на раннеисламских сосудах, опирающиеся на более древнюю традицию (илл. 12), на зооморфных (илл. 5, 6, 8) и не только (илл. 13) сосудах. Однако кажется преувеличением связывать этот элемент именно с мотивом терзания. Трактовка ручек акваманилов как отражения темы постоянной духовной борьбы в мире [19, S. 212–228] также труднодоказуема. Во-вторых, зооморфные ручки мусульманских (илл. 5, 8, 13) и европейских (илл. 14) сосудов имеют формально-стилистические сходства: удлинение пропорций тела, узкие длинные морды, уши подтреугольной формы, встречается сходная имитация оперения и шерсти.

Перейдем к византийским памятникам. До сих пор они почти не были рассмотрены в контексте изучения западноевропейских акваманилов.

² Дароносица мастера Альпе. Лимож, 1200 г. Лувр, Париж. Инв. № MRR 98; пластина с воскрешением мертвых. Лимож, ок. 1250. Музей Виктории и Альбрета, Лондон. Инв. № M.104–1945.

Исключение составляет небольшая подборка памятников, включающая позднеримские сосуды для масла и византийские зооморфные лампы, представленная Лесли Буссис Тейт [20]. Однако известно, что в Средневековье омовение рук было частью литургии на Востоке [21, S. 536]. Упоминая влияние на западноевропейские образцы аббасидского и фатимидского искусства, ученые почти не уделяют внимания Византии, имевшей контакты как с Персией, так и с пришедшими ей на смену исламскими государствами. Византийское искусство, отмеченное и сасанидским, и исламским [22, p. 32–60] влиянием, вряд ли могло проигнорировать отдельные зооморфные мотивы на утвари и фигуративные сосуды в целом. Известно, что сосуды были частью традиционного набора дипломатических даров, получаемых византийцами от сасанидского Ирана [23, p. 195–198]. В ходе данного исследования были обнаружены сосуды и изображения сосудов, свидетельствующие о том, что византийцам были известны и зооморфные элементы кувшинов, и зооморфные сосуды в целом.

Вероятно, наиболее ранним изображением зооморфного сосуда в Византии можно считать орнитоморфный кувшин, изображенный в сцене омовения младенца Иоанна Предтечи в Менологии Василия Пвторой половины Хв. (илл. 15). Это большой серо-коричневый сосуд с округлым туловом на трапециевидной ножке, S-образной ручкой с полупальметтой сверху и прямой шейкой, завершающейся крупной головой птицы с заостренным клювом. Посередине тулова расположен поясок из двух горизонтальных линий. Орнитоморфный сосуд изображен и в сцене омовения младенца Иоанна Крестителя на фреске каппадокийской пещерной церкви Каранлык-килисе (Гёреме 23) (илл. 16), датировка которой колеблется между серединой XI — началом XIII в. [24, p. 23–54]. Серый сосуд, находящийся в руках повитухи, отличается от предыдущего: он стройнее и меньше; тулово орнаментировано горизонтальными линиями, белыми точками на темном фоне и узорами из кривых линий; ручка имеет S-образную форму и сверху снабжена небольшим шариком; плечики его более покатые, а птичья голова, венчающая шейку, значительно меньше. Орнитоморфные сосуды изображены и на миниатюрах рукописи Тетраевангелия Иоанна II и Алексия Комнина 1122–1142 гг. Изображения представляют собой сцены омовения младенца Христа (илл. 17) и Иоанна Предтечи (илл. 18) повитухами. Женщины держат в руках небольшие кувшины с орнаментированными горизонтальными линиями округлыми туловами, высокими плечиками и коническими шейками, завершающимися округлыми птичьими головами. Высокая трапециевидная ножка видна лишь в одном случае (илл. 17), а ручки кувшинов отличаются

ся по форме. В первом случае (илл. 17) дугообразная ручка снабжена небольшим шариком, как и на описанной выше фреске (илл. 16), служившим, возможно, упором для пальца. Такие элементы присутствуют на многих персидских и исламских кувшинах (илл. 20). Скорее всего, художнику были хорошо знакомы подобные сосуды, в противном случае он бы не изобразил эту небольшую конструктивную деталь. Во втором случае (илл. 18) ручка имеет S-образную форму и завершается сверху полупальметтой, как и ручка сосуда на миниатюре из Менология Василия II (илл. 15). Кроме того, два больших орнитоморфных сосуда с округлыми туловами на трапециевидных ножках, дугообразными ручками, высокими плечиками и короткими шейками, увенчанными округлыми птичьими головами с заостренными клювами, выгравированы на серебряной крышке от чаши XII в. из коллекции Государственного Эрмитажа (илл. 19). Важно отметить, что все сосуды имеют ряд схожих черт: трапециевидная ножка; чаще всего округлое тулово; плечи обычно высокие, и шейка резко отделена ими от тулова; дугообразная или S-образная ручка с шариком или с полупальметтой сверху; геометрический декор в виде горизонтальных прямых и кривых линий.

Найти предметы ДПИ подобных форм не удалось, но описанные орнитоморфные сосуды должны иметь прототипы. Существуют сельджукские орнитоморфные сосуды второй половины XII–XIII в. (илл. 23), но упомянутые византийские памятники датируются более ранним временем, и доказать связь между этими кувшинами и византийскими изображениями на данный момент затруднительно. Остается неясным, были изображенные сосуды импортными или произведенным византийскими мастерами.

Зооморфные ручки византийских сосудов восходят, скорее всего, к многовековой персидской традиции (илл. 11). Например, константинопольский сосуд 582–602 гг. из Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге снабжен зооморфной ручкой в виде грифоноподобного существа с длинной шеей, маленькими округлыми ушами, массивным клювом, небольшой бородкой и мощными лапами (илл. 22). Элемент на спине животного, увенчанный шариком, может быть крыльями или растительным мотивом. Схожий шарик встречается на сасанидских сосудах (илл. 20). Другой византийский сосуд с зооморфной ручкой находится в коллекции музея Сан-Марко и относится, предположительно, к VII в. (илл. 23). Ручка в месте крепления к тулову завершается головой хищного зверя.

Некорректно считать византийские сосуды, изображенные на фреске и в рукописи, акваманилами, так как кувшины имеют лишь наверхие

в виде птичьей головы, кроме того, не было обнаружено предметов ДПИ тех форм, что представлены изобразительными источниками. Тем не менее как западно-, так и восточнохристианские сосуды, пусть и опосредованно через исламские сосуды (в случае Византии, вероятно, непосредственно), восходят к персидским образцам, о чем могут свидетельствовать их зооморфные ручки. Возможно, византийские сосуды с зооморфными элементами были известны в Западной Европе и наряду с исламскими водолеями способствовали распространению акваманилов. Косвенным доказательством тому может служить вовлеченность Византийской империи наряду с исламскими государствами Востока в средиземноморскую торговлю [25]. Остается неясным, почему латинская Европа не переняла эти формы сосудов ранее. Как и в случае с мусульманскими водолеями, можно предположить, что влияние оказали крестовые походы. В этот период латиняне могли познакомиться с византийским бытом и перенять практику омовения рук и сосуды с зооморфными элементами. Византийцы проявляли интерес к исламскому искусству и могли использовать мусульманские зооморфные сосуды, что подтверждается описанными выше изображениями и пребыванием водолея в виде хищной птицы в монастыре Святой Екатерины на Синае (илл. 8).

Итак, акваманилы появились в Европе в XII в. в первую очередь под влиянием исламского искусства, без связей с древней европейской традицией [8, S. 38]. Однако в дискуссию об акваманилах стоит ввести больше византийских памятников. Крестовые походы могли способствовать знакомству европейцев не только с мусульманскими водолеями, но и с византийскими сосудами, имевшими зооморфные очертания или отдельные зооморфные элементы. Тем не менее возводить западноевропейские зооморфные водолеи напрямую к византийским образцам не вполне корректно. Во-первых, византийское ДПИ, скорее всего, заимствовало зооморфные элементы утвари с Востока. Во-вторых, подкрепить гипотезу о византийском влиянии на появление зооморфных сосудов в Европе пока возможно лишь посредством изобразительных источников, на которых могут быть представлены импортные предметы мусульманского искусства. Тот факт, что все сосуды имеют ряд схожих черт, вероятно, свидетельствует о существовании определенного типа сосудов, распространенного в быту. Изучение возможного влияния византийских сосудов с зооморфными элементами на распространение акваманилов в Европе и рассмотрение Византии как вероятного посредника между исламским Востоком и католическим Западом в процессе этого распространения видится перспективным направлением для дальнейшего исследования.

Список источников и литературы

1. *Kruse F.* Ueber einige merkwürdige Bronze-Gefäße in Thierform gestaltet // Deutsche Alterthümeroder Archiv für alte und mittlere Geschichte, Geographie und Alterthümer insonderheit der germanischen Völkerstämme. Bd. I. H. IV. Halle: Verlag von Friedrich Ruff, 1825. 106 S.
2. *Millauer M. X.* Gefäße der Tempelherren // Curiositäten der physisch-literarisch-artistisch-historischen Vor- und Mitwelt: zur angenehmen Unterhaltung für gebildete Leser. Bd. X. Stück III. Prag, 1823–1825. S. 202–206.
3. *Otte H.* Handbuch der kirchlichen Kunst-Archäologie des deutschen Mittelalters. Bd. I / Hrsg. H. Otte. Leipzig: Weigel, 1883. 413 s.
4. *Augusti J. C. W.* Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie: mit beständiger Rücksicht auf die gegenwärtigen Bedürfnisse der christlichen Kirche: in 12 Bd. Bd. XII. Leipzig: Dyk, 1831. 424 s.
5. *Frimmel T.* Bronzen in der II. Gruppe der Kunstsammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses. Bd. IX. Wien: Druck und Verlag Von Adolf Holzhausen, 1889. S. 232.
6. *Reifferscheid H.* Über figürliche Gießgefäße des Mittelalters // Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum / Hrsg. Th. Hampe. Nürnberg: Museum, 1912. S. 3–93.
7. *Cechner A.* Soupis památek historických a uměleckých v politickém okrese Královéhradeckém. Praha: Nákladem Archaeologické komise při České akademiciisaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1904. 196 s.
8. *Falke O., Meyer, E.* Romanische Leuchter und Gefäße, Giessgefäße der Gotik. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1935. 121 S.
9. *Barnet P.* Beasts of every land and clime. An Introduction to Medieval Aquamanilia // Lions, Dragons, & other Beasts: Aquamanilia of the Middle Ages: Vessels for Church and Table / ed. P. Barnet, P. Dandridge. New Haven: Yale University Press, 2006. P. 2–18.
10. *Olchawa J.* Aquamanilien: Genese, Verbreitung und Bedeutung in islamischen und christlichen Zeremonien. Bronzegeräte des Mittelalters. Bd. 8. Denkmäler deutscher Kunst. Regensburg: Schnell & Steiner, 2019. 608 S.
11. *Bloch P.* Aquamaniles: Objets Sacrés et Profanes du Moyen Age. Milan: Franco Maria Ricci, 1982. 60 p.
12. *Gladiss A.* Der frühislamische Bronzeguss. Tierbronzen in unterschiedlicher Funktion // Bild & Bestie — Hildesheimer Bronzen der Stauferzeit. Eine Ausstellung des Dom-Museums Hildesheim vom 31. Mai bis 5. Oktober 2008. Regensburg: Schnell & Steiner, 2008. S. 29–42.
13. *Cahen C.* Commercial relations between the Near East and Western Europe from the VII to the XI century // Islam and the Medieval West: aspects of intercultural relations: papers presented at the ninth annual conference of the Center for Medieval and Early Renaissance Studies / ed. K. I. Semaan; State University of

- New York at Binghamton, Center for Medieval and Early Renaissance Studies. Albany; New York: State University of New York Press, 1980. Vol. 2. P. 1–25.
14. *Chejne A.* The role of al-Andalus in the movement of ideas between Islam and the West // *Islam and the Medieval West: aspects of intercultural relations: papers presented at the ninth annual conference of the Center for Medieval and Early Renaissance Studies* / ed. K. I. Semaan; State University of New York at Binghamton, Center for Medieval and Early Renaissance Studies. Albany; New York: State University of New York Press, 1980. Vol. 2. P. 110–133.
 15. *Contadini A.* The Lucca Falcon // *The Pisa Griffin and the Mari-Cha Lion: Metalwork, Art, and Technology in the Medieval Islamicate Mediterranean: Arte (Pacini editore)* / ed. A. Contadini. Pisa: Pacini Editore, 2018. P. 419–448.
 16. *Орлова М. А.* Орнамент и другие элементы декоративного убранства в живописи середины 1120 — начала 1160-х годов / отв. ред. Л. И. Лифшиц // *История русского искусства: в 22 т. Т. 2, ч. 1: Искусство 20–60-х годов XII века. М.: Гос. институт искусствознания, 2012. С. 336–411.*
 17. *Erdmann K.* Arabische Schriftzeichen als Ornamente in der abendländischen Kunst des Mittelalters. Mainz, 1954. (Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1953, Nr. 9). S. 467–513.
 18. *Michel A.* Histoire de l'art: depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours: in 8 vols. Vol. I: Des débuts de l'art chrétien à la fin de la période romane, Pt. II / A. Michel, P. Vitry, L. Lefrançois-Pillion. Paris: A. Colin, 1905. 556 p.
 19. *Knesebeck H. V. von dem.* Jurinszenierung und bedeutung von aquamanilien// *Bild & Bestie — Hildesheimer Bronzen der Stauferzeit. Eine Ausstellung des Dom-Museums Hildesheim vom 31. Mai bis 5. Oktober 2008.* Regensburg: Schnell & Steiner, 2008. S. 212–228.
 20. *Tait L. B.* Related objects Lions, Dragons, & other Beasts: Aquamanilia of the Middle Ages: Vessels for Church and Table / ed. P. Barnet, P. Dandridge. New Haven: Yale University Press, 2006. P. 177–191.
 21. *Braun J.* Das christliche Altargerät in seinem Sein und in seiner Entwicklung. München: Hueber, 1932. 848 s.
 22. *Grabar A.* Le succès des art orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens // *Münchener Jahrbuch der Bilden Kunst. F. 3. Bd. 2.* München: Prestel, 1952. P. 32–60.
 23. *Nechaeva E.* Embassies — Negotiations — Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 306 p.
 24. *Schroeder R. B.* Images of Christ Emmanuel in Karanlik Kilise // *Studies in Iconography.* 2008. Vol. 29. P. 23–54.
 25. *Jacoby D.* Western Commercial and Colonial Expansion in the Eastern Mediterranean and the Black Sea in the Late Middle Ages // *Rapporti mediterranei, pratiche documentarie, presenze veneziane: le reti economiche e culturali (XIV–XVI sec.): convegno (Venezia, 10–12 settembre 2015).* Venezia: Istituto veneto di scienze, lettere ed arti, 2017. P. 3–50.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илл. 1. Кувшин в форме женской головы. Милетополь (?), Турция (Мисия), период поздней Римской империи. Музей декоративно-прикладного искусства, Берлин. Инв. № 30145

Илл. 2. Акваманил в виде бюста. Область Мааса, ок. 1180 г. Сокровищница собора в Аахене

Илл. 3. Акваманил в виде мужской головы. Венгрия или Лотарингия, XII в. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № Ф-3516

Илл. 4. Сосуд в форме бюста Антиноя. Египет, 2-я четв. II в. н. э. Музей декоративно-прикладного искусства, Берлин. Инв. № 1988.4

Илл. 5. Водолей в форме лани. Египет, X–XII вв. Национальный музей и галерея Каподимонте, Неаполь. Инв. № А. М. 138798

Илл. 6. Водолей в форме павлина. Испания, Кордова, 962/972 г. Лувр, Париж. Инв. № MR 1569

Илл. 7. Водолей в виде орла. Иран, 796–797 гг. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ИР-1567

Илл. 8. Водолей в виде орла. Иран или Ирак, 1-я четв. IX в. Монастырь Святой Екатерины на Синае.

Илл. 9. Водолей в виде орла. Иран, Ирак или Испания, кон. VIII — нач. IX в. Лукка, базилика Святого Фридиана

Илл. 10. Водолей в виде павлина. Испания, XI–XII вв. Национальная тинакотекса, Кальяри. Инв. № 1445. Фото: Дамиано Анедда

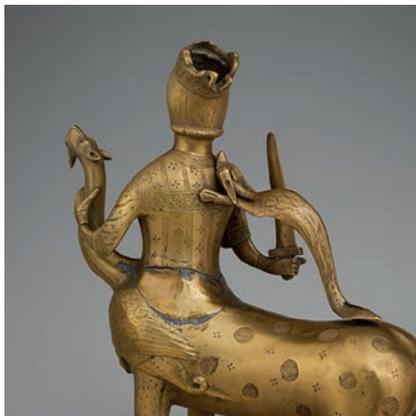
Илл. 11. Ритон с головой оленя. Болгария, Панагюриште, IV в. до н. э. Региональный археологический музей, Пловдив. Инв. № 3197

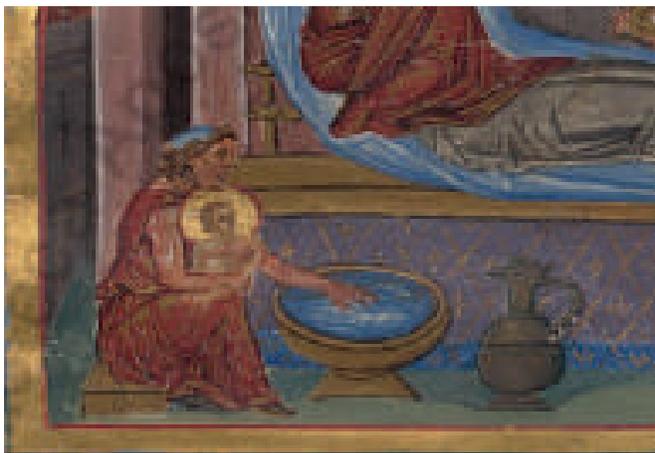
Илл. 12. Кувшин с ручкой в форме кошки. Иран, VII в. Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк. Инв. № 47.100.90

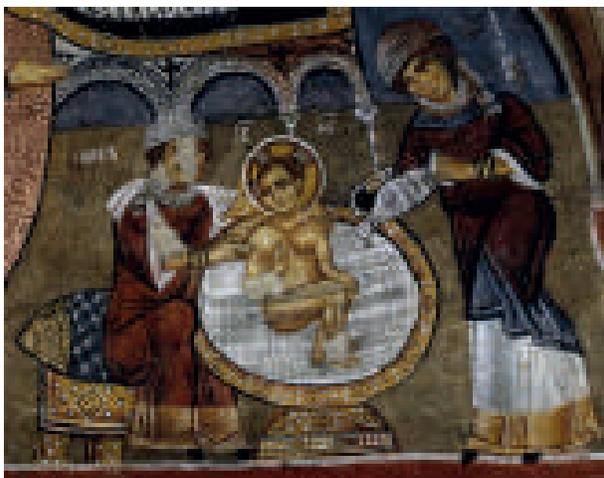
Илл. 13. Кувшин. Фрагмент. Ирак, Мосул, первая половина XIII в. Лувр, Париж. Инв. № К 3435

Илл. 14. Акваманил в виде коронованного кентавра, сражающегося с драконом. Фрагмент. Германия, Хильдесхайм, 1200–1225 гг. Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк. Инв. № 10.37.2

Илл. 15. Рождество Иоанна Предтечи. Фрагмент. Менологий Василия II. Византия, вт. пол. X в. Ватиканская библиотека, Рим. Vat. Gr. 2, 1613, р. 22

Илл. 16. Рождество Христово. Фрагмент. Фреска пещерного храма Каранлык-килисе (Гёреме 23). Турция (Каппадокия), XII в.

Илл. 17. Рождество Христово. Фрагмент. Четвероевангелие Иоанна II и Алексея Комнина. Византия, ок. 1122–1142. Ватиканская библиотека, Рим. Urb. Gr. 2, fol. 20 v

Илл. 18. Рождество Иоанна Предтечи. Фрагмент. Четвероевангелие Иоанна II и Алексея Комнина. Византия, ок. 1122–1142. Ватиканская библиотека, Рим. Urb. Gr. 2, fol. 167r

Илл. 19. Крышка чаши с изображением музыкантов, танцоров и акробатов. Византия, XII в. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ω-1193

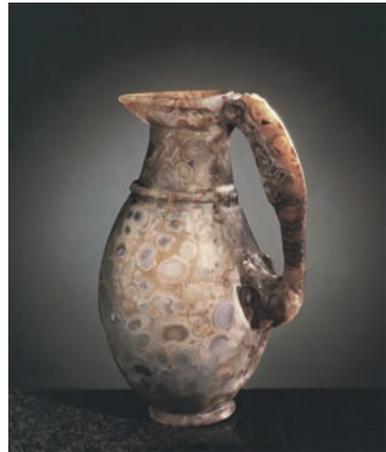
Илл. 20. Кувшин с изображением сенмурва. Иран, VI—нач. VII в. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № Инв. NoS-61

Илл. 21. Кувшин с головой петуха. Иран, Кашан, кон. XII—нач. XIII в. Музей Ага Хана. Инв. № АКМ766

Илл. 22. Византийский сосуд. Константинополь, ок. 582–602 гг. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ω-825, 826

Илл. 23. Кувшин из агата с зооморфной ручкой. Византия, VII в. (?). Сан-Марко, Венеция

УДК 7.033

Макеева О. Д.

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
факультет дизайнера, кафедра искусствоведения, студент бакалавриата
E-mail: makeeva.olga@list.ru

Табернакль, киворий и реликварий в пространстве средневекового храма XI–XV вв. К вопросу о терминологии

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы дефиниции и бытования терминов, применяющихся для обозначения таких предметов искусства, как табернакль, реликварий и киворий в эпоху XI–XV вв., а также проблемы корректности их применения, исходя из опыта предшествующих исследователей и выводов автора. Предложены возможные пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: табернакль, алтарь, реликварий, евхаристия, декоративно-прикладное искусство Средних веков

Makeeva O. D.

St. Petersburg State Art and Industrial Academy named after A. L. Stieglitz
Faculty of Design, Department of Art History
Bachelor's program, Student
E-mail: makeeva.olga@list.ru

Tabernacle, ciborium and reliquary in the space of a medieval temple of the XI–XV centuries. To the question of terminology

Abstract. The article deals with the questions of definition and existence of terms used to designate such art objects as tabernacle, reliquary and kivorium in the epoch of the XI–XV centuries, as well as the question of correctness of their application, based on the experience of previous researchers and the author's conclusions. Possible solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: tabernacle, altar, reliquary, eucharist, European decorative and applied art of the Middle Ages

Предметы внутреннего убранства храма — это своеобразный микрокосм, который в сочетании с архитектурой, безусловно, являлся отражением изменений в духовной жизни общества и одновременно влиял

ял на восприятие современником реальности. Именно поэтому резные алтари, скамьи, кафедры и прочие предметы декоративно-прикладного искусства, находящиеся в церковном пространстве, необходимо рассматривать как ансамбль, при этом не упуская из поля зрения особенностей отдельных произведений, понимать, каковы их функции и значимость в глазах современника. В первую очередь речь идет о предметах, задействовавшихся в обрядах: алтари, реликварии, пиксиды, а также киворий и табернакль. Сюда не включены кафедры, скамьи, скульптуры из камня и дерева, гробницы, потому что все они (за исключением разве что скульптуры) имеют скорее утилитарное назначение и мало изменяющуюся форму. Предметы же, которым посвящена статья, наполнены символическим смыслом, так как являются «декорациями» литургического действия и применяются в других ритуалах. Дальнейшие рассуждения будут посвящены проблеме, которая состоит в том, что слова «реликварий», «табернакль» и «киворий» часто неоправданно употребляются в качестве синонимов как в средневековых источниках, так и в современном научном дискурсе.

Причина отчасти состоит в том, что «дарами» называют не только мощи (или иные предметы) святых, но и гостию с вином, а значит, их вместители формально можно назвать «реликварий». Однако реликвии и евхаристические дары имели разное назначение, как, соответственно, и предметы для их хранения. Похожая ситуация складывается, например, и в отношении терминов для обозначения алтаря и ретабля, поскольку эти предметы часто совмещались [1, р. 19].

Нередко, особенно в период XV–XVI вв., и реликвариям, и табернаклям придавали форму архитектурного сооружения, как и некоторым другим предметам декоративно-прикладного искусства. Так, например, реликварий святой Гертруды XV в. по внешнему виду напоминает миниатюрный храм (илл. 1), деревянный табернакль французского происхождения того же века из коллекции музея Виктории и Альберта можно также назвать аллюзией на архитектурные формы (илл. 2, 3). Возможно, схожий принцип формообразования был одной из причин смешения понятий.

Затрудняет выбор того или иного термина и отсутствие отчетливой информации о назначении предмета в источниках. Как, например, в ситуации с двумя схожими «табернаклями» из Кёльна XII в. (в Музее Виктории и Альберта (илл. 4) в Лондоне и Художественных ремесел в Берлине (илл. 5)). Д. Браун называет их *Kuppelreliquiar* [2, S. 13; 3, S. 496], вводя в дискурс еще один реликварий с куполом: *Anastasius reliquiar* из Аахена. Последний, по его словам, датируется X–XI вв. и изначально исполь-

зуются как вместилище для евхаристических даров (такой вывод сделан на основе надписи, расположенной на предмете), а позже — для мощей святого Анастасия [3, S. 496]. За неимением данных в источниках об использовании двух кёльнских реликвариев, исследователи пришли к выводу, что они также могли поменять свое назначение, однако более веских аргументов в защиту тезиса не приводится [4].

Обозначенная проблема уже частично поднималась Дж. Кройсеном и П. Тангебергом [1]. В более ранних исследованиях ей не уделяется большого внимания, хотя она четко обозначена. Речь идет, в частности, о двухтомном труде Йозефа Брауна, изданном в 1924 г. [5;6], и ряде работ других авторов. Так, Й. Брауном был проанализирован целый ряд средневековых источников, что может служить отправной точкой для дальнейшего изучения вопроса. Остальными исследователями акцент ставится скорее на формальном анализе и описании, если речь идет о конкретных памятниках, или на классификации (как и в трудах Й. Брауна). Проблема употребления терминов не решается, а скорее только усугубляется, потому что авторы используют вышеозначенные термины, не всегда руководясь тем, как их называли современники, а опираясь, например, на внешние характеристики («Kuppelreliquiar»). То же отчасти касается и современных статей: упомянутые выше авторы пишут о «tabernacleschrynes» Скандинавских стран [1], которые представляют собой деревянные фигуры святых под навесом, иногда с раскрывающимися створками. Под «tabernacle» здесь, видимо, следует понимать сам деревянный навес со створками или «ящик», в котором располагаются скульптуры святых. В таком же значении употреблен этот термин в статье, посвященной арагонским алтарям-табернаклям (tabernacle-altarpieces)[7]. На основании работ некоторых упомянутых исследователей составлена таблица, иллюстрирующая распространенность предметов в соотношении с упоминаниями их в письменных источниках (см. табл.).

Круг источников

Необходимо определиться с кругом исторических источников, к которым можно обратиться, чтобы понять, в каких значениях и насколько часто употреблялись слова «табернакль», «реликварий» и «киворий». Выбирать следует из тех, которые оказали наибольшее влияние на церковные обряды и церковное искусство, поскольку, в отличие от инвентарных книг, они позволяют лучше понять контекст использования того или иного предмета. Такими источниками могут являться, например, трактат Уильяма Дюранда *Rationale Divinorum officiorum* или каноны

церковных соборов. К другим источникам относятся письма священнослужителей, уставы монастырей, описи имущества и т.д. В них можно встретить описания конкретных памятников искусства. Обязательно обращение к иллюстрированным рукописям, где изображается проведение различных обрядов, поскольку сопоставление текста с визуальным источником облегчает задачу интерпретации слова.

После попытки некоторой систематизации причин возникшей проблемы и краткого обзора опыта ее решения исследователями представляется нужным отметить ряд возникающих вопросов: во-первых, как интерпретировали обозначенные выше термины священнослужители XI–XV вв., во-вторых, всегда ли реликварий, табернакль и киворий выполняли одинаковые функции в указанный период, а также руководствуются ли современные исследователи источниками для того, чтобы дать наименование той или иной вещи? Решение этих вопросов сделает возможным более глубокое понимание исторического и культурного контекста, в котором пребывал житель Европы XI–XV вв., будет способствовать более четкой трактовке и точному переводу терминов, используемых в искусствоведении с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени. Для разяснения этих вопросов о каждом из обсуждаемых предметов стоит рассказать отдельно.

Табернакль

Само слово *tabernaculum* перешло в средневековую латынь из классической, где имело значения «дощатое помещение», «будка», «шатер», «палатка» (лагерная) или «шатер авгура» [8]. Вопрос применения слова в контексте средневекового богословия затрагивается У. М. Лангом: он говорит о том, что оно фигурирует в Священном Писании, а также в трактате У. Дюранда *Rationale Divinorum officiorum* (1286), где речь идет именно о специальном «шкафе» для хранения Тела Господня [9]. Однако в этом же тексте словом *tabernaculum* Дюранд называет сам храм как пристанище Бога на земле и символ ветхозаветной Скинии (которая и в Вульгате названа *Tabernaculum* [9]) [10, р. 18]. Для обозначения церкви (как абстрактного понятия) он использует также *sacrificium* [10, р. 18]. И здесь опять имеется в виду церковь как место, где пребывает Бог. Дюранд объясняет применение термина к переносному вместилищу святых даров тем, что табернакль является символом временного пристанища Воинствующей церкви (или Небесного Воинства) на земле [10, р. 20–21]. Слово, как видно, имеет множество значений, и это затрудняет его применение и интерпретацию.

Опираясь на опыт предшествующих исследований, можно сделать вывод о том, что авторы XIII–XV вв. очень редко употребляли слово «табернакль» в значении хранилища для святых даров. В основном оно использовалось для обозначения Скинии Завета — переносного святилища, в котором, согласно Библии, хранился Ковчег Завета. Поскольку греческое слово «скиния» (σκηνή) тоже имеет значение шатра или палатки, оно было переведено на латынь словом с аналогичным значением [11]. Как утверждает Й. Браун, в период с XIII до XV в. не появилось предписаний о хранении святых даров в специально предназначенной для этого вещи (за исключением разве что текста У. Дюранда), говорилось только о необходимости хранения святынь под замком [6, S. 626]. Это несколько противоречит более раннему высказыванию того же автора о том, что слово *tabernaculum* встречается в источниках в значении дарохранилища с XIV в., в основном в Италии, реже во Франции и почти совсем не используется в этот же период на территории современной Германии [3, S. 68], где, похоже, способ хранения евхаристических даров мог быть иным (например, существует упоминание о том, что в Эссенском храме Космы и Дамиана дары хранили в отверстии в северо-западном столбе [12, S. 256]). Также есть и упоминание слова в IV в. [5, S. 69]. Наконец, Й. Браун в следующей своей работе, посвященной истории устройства алтаря, говорит о том, что под «табернаклем» мог пониматься также сосуд, по внешнему виду напоминающий лампаду и подвешиваемый над алтарем, — пиксида (*pyxis*) или же другой сосуд, содержащий в себе евхаристию, — монстранц [13, S. 289–290]. Все вышесказанное дает право предполагать, что слово «табернакль» было скорее абстрактным понятием для обозначения места хранения, чем применяемым для названия конкретной вещи.

Нужно учитывать, что обряд причастия признается (и унифицируется) официальной церковью только в 1215 г. на IV Латеранском соборе, тогда же устанавливаются правила хранения евхаристических даров [9], из-за чего *tabernaculum* стало чаще использоваться в значении дарохранилища. Это предположение может относиться к источникам Франции, Англии и стран Пиренейского полуострова, поскольку на проводившихся там соборах требовали исполнения постановлений Латеранского собора [14]. Однако специальные сосуды для хранения даров, похоже, уже использовались и раньше. Об этом свидетельствует, например, уже упомянутый выше реликварий (или табернакль) из Германии 1180 г., который мог служить изначально для хранения евхаристических даров, а не мощей.

В сознании современника содержимое табернакля было важнее, чем его форма и внешний вид [1, р. 20–21]. Этим может объясняться непостоянство в применении термина.

Реликварий

Как уже говорилось ранее, термин «табернакль» мог применяться в отношении навеса над скульптурами, иконными образами или алтарем, но сосуд для реликвий, по-видимому, обозначался другим словом. Так, например, в 62-м каноне IV Латеранского собора в отношении мощей применено слово *reliquias* [15, р. 581]. Очевидно, что однокоренное слово «реликварий» уместно употреблять в отношении сосуда для мощей. По словам Й. Брауна, единого термина для обозначения реликвария в источниках не существовало, а с начала XI в. количество различных слов для обозначения предмета начало стремительно увеличиваться ввиду появления все новых форм, что требовало отражения и в названии [3, S. 17]. Само слово *reliquarium*, по-видимому, имеет французское происхождение, однако проблема в том, что в источниках под словом «реликвария» часто подразумевается и реликварий [3, S. 18–19], то есть содержимое и сосуд представляются единым целым.

Если говорить о смешении с другими терминами, то примечательна ситуация в Италии, где слова «реликварий» и «табернакль» употребляются одновременно [16, р. 179]. Позже первое вытеснило второе, впоследствии использовавшееся лишь представителями духовного сословия [3, S. 58]. В качестве примера можно обратиться к табернаклю авторства Андреа Орканья XIV в. из церкви Орсанмикеле в Италии (илл. 6). Он представляет собой каменное сооружение внушительных размеров, украшенное рельефными изображениями ангелов и готическими элементами. Внутри находится живописное изображение Богоматери с Младенцем, и, таким образом, табернакль символизирует ее «жилище» в этом храме. В одной из публикаций пояснено, что табернакль не является как таковым вместилищем для мощей и реликвий, а только символизирует присутствие Бога в храме [17, р. 66]. Другой автор говорит о том, что в источниках для обозначения этого же произведения используется слово *oratorio*, которое в итальянском языке очень близко по значению к слову *tabernacolo*, однако есть вероятность, что речь идет все-таки о каком-то другом сооружении, сделать однозначный вывод на основании источника сложно [16, р. 193]. Документально известно, что в табернакле могла находиться группа людей, чтобы совершать молитвы [16, р. 193] (на что недвусмысленно указывает и название *oratorio*), и здесь

можно вспомнить текст I Лионского собора, где табернаклем названо сооружение для совершения молитвы [15, р. 592]. Также известно, что старый табернакль из Орсанмикеле имел дверь и ключ, но хранились в нем не евхаристические дары, а деньги [16, р. 198]. Не исключено, что автор источника мог назвать табернаклем некую шкатулку. Известно, что, например, реликварии могли предназначаться для утилитарных нужд до передачи в церковь [3, S. 5] ввиду неоднозначной трактовки понятий, то же можно предположить и о функциональном назначении табернакля: предмет мог, будучи переданным в церковь, выполнять свою изначальную функцию. Как видно, слово «реликварий» также не поддается однозначной дефиниции.

Киворий

Как уже было отмечено, табернакль из Орсанмикеле отличается большими габаритами. По своему устройству он напоминает те памятники, которые принято называть «кивориями». Здесь опять возникает проблема многозначности слова: им обозначается как сосуд для обряда причастия, так и навесна четырех колоннах над реликвиями, иконными образами. Этимология слова неясна: *ciborium* могло произойти и от греческого *kirorion*, что означает «кубок», и от латинского *cibus* — «еда» [18]. Оба эти значения связывают киворий с темой евхаристии. Константинопольский патриарх Герман I в своем «Толковании литургии», датированном VIII в., называет киворий (κίβώριον) местом распятия Христа [19]. Можно предположить, что слово пришло из Византии сначала в Италию либо уже было введено в употребление, и из Византии пришло именно новое значение. Киворий как явление действительно наиболее распространен в Италии и на тех территориях, которые относились к сфере ее влияния [20, р. 190]. В том же VIII в. слово *ciborium* встречается в сочинении святого Эгилия о жизни Святого Стурмия — основателя Фульдского аббатства (территория севернее Альп). Есть также описание этого кивория (он не сохранился): это навес на четырех «сверкающих» колоннах из золота и серебра, располагающийся над могилой святого Бонифация [21;22]. А в Испании, например, одни из самых ранних письменных упоминаний кивория относятся к XI–XII вв. [20, р. 196]. Судить по нескольким источникам невозможно, но, например, в текстах I Лионского (1245), II Латеранского (1139) и IV Латеранского (1215) соборов, в «Сумме теологии» Фомы Аквинского (1274), в трактате Дюранда (1286) *ciborium* не употребляется. Из этого можно заключить, что с киворием возникает меньшая путаница, несмотря на то что существуют типы, различающи-

еся по назначению, местоположению в храме, общий признак — навес над какой-либо святыней — сохраняется.

Выводы

Подводя итог, надо отметить: чем больше источников разного характера будет проанализировано, тем более понятно будет значение обсуждаемых слов, а также отношение современников к предметам богослужебного культа, евхаристическим дарам и мощам. В целом ряде работ исследователи используют те слова, которые изначально фигурировали в источниках, однако появляются добавления к этим словам, чтобы различать предметы по форме (как *tabernacle-shrines* или *tischaltar, Sakramenthaus*), причем в более ранних исследованиях иногда невозможно понять, введен ли термин для удобства или же использовался в источнике.

Таким образом, можно предположить, что слово «табернакль» уместно употреблять в отношении хранительницы предметов для евхаристии, а не реликвария, но проблема исторического смешения понятий кивория и табернакля остается нерешенной, усложняет задачу систематизации подобных форм декоративно-прикладного искусства. Прояснение терминологии облегчит взаимодействие исследователей, обращающихся к такому кругу памятников. Й. Браун уже создал обширную типологию обсуждаемых здесь предметов, однако она нуждается в пересмотре хотя бы потому, что некоторые виды в нее не были включены [1, p. 20].

Разумным решением кажется критическая оценка источников и классификация предметов с опорой на их функциональное назначение, а не тот термин, которым пользовался средневековый автор. Однако стоит учитывать, что «действия <...> [совершаемые с литургическими предметами — *О.М.*] выступают как источник смысла» [23]. Современник воспринимал предметы в контексте, ему в первую очередь важна была их функция. То есть то слово, которым произведение обозначено в источнике, должно раскрывать его назначение, поэтому на него необходимо обращать внимание и указывать в исследовании, ведь, по замечанию У. Дюранда, «история — это вещи, обозначаемые словами» [10, p. 8].

Список источников и литературы

1. *Kroesen J., Tangeberg P.* Tabernacle Shrines (1180–1400) as a European Phenomenon: Types, Spread, Survival // *Medievalia*. 2020. Vol. 23, no. 1. P. 17–57.
2. *Braun J.* Meisterwerke der deutschen Goldschmiedekunst der vorgotischen Zeit. T. 1, 9–12 Jahrhundert. München: Riehn & Reusch, 1922. 19 S.

3. *Braun J.* Die Reliquiare des christlichen Kultes und ihre Entwicklung. Freiburg. В.: Herder, 1940. 743 s.
4. Электронный каталог Государственных музеев Берлина [Электронный ресурс]. URL: <https://recherche.smb.museum/detail/1632643/kuppelreliquiar-ausdem-welfenschatz> (дата обращения: 21.09.2023).
5. *Braun J.* Der christliche Altar in seiner geschichtlichen Entwicklung. Bd. 1: Arten, Bestandteile, Altargrab, Weihe, Symbolik. München: Verl. Alte Meister, Koch, 1924. 755 S.
6. *Braun J.* Der christliche Altar in seiner geschichtlichen Entwicklung. Bd. 2: Die Ausstattung des Altars, Antependien, Velen, Leuchterbank, Stufen, Ciborium und Baldachin, Retabel, Reliquien- und Sakramentsaltar, Altarschranken. München: Verl. Alte Meister, Koch, 1924. 704 S.
7. *González A. V.* Movement on the Altar: Gothic Tabernacle — Altarpieces in the Crown of Aragon (and Their Context) // *Medievalia*. 2020. Vol. 23, no.1. P. 331–393.
8. *Дворецкий И. Х.* Большой лагинско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=tabernacul&submit=%CF%EE%EA%E0%E7%E0%F2%FC> (дата обращения: 20.09.2023).
9. *Lang U. M.* Tamquam Cor in Pectore: The Eucharistic Tabernacle Before and After the Council of Trent // *Sacred Architecture Notre Dame*. 2009. No.15 [Electronic resource]. URL: https://www.Sacredarchitecture.org/articles/tamquam_cor_in_pectore_the_eucharistic_tabernacle_before_and_after_the_coun (дата обращения: 20.09.2023).
10. *Gulliamе D., Neale J. M., Webb B.* The symbolism of churches and church ornaments: a translation of the first book of the *Rationale divinatorum officiorum*. Leeds: T. W. Green, 1843. 252 p.
11. Скиния / Русско-английский словарь религиозной лексики [Электронный ресурс]. URL: https://religion_ru_en.en-academic.com/11789/%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 05.10.2023).
12. Der Liber Ordinarius der Essener Stifts kirche. Mit Einleitung, Erläuterungen und einem Plan der Stiftskirche und ihrer Umgebung im 14. Jahrhundert / bearb. F. Arens. Paderborn: Verl. d. Junfermannschen Buchh., 1908. 303 S.
13. *Braun J.* Das christliche Altargerät in seinem Sein und in seiner Entwicklung. München: Hueber, 1932. 704 S.
14. *Мереминский С. Г.* Латеранский IV собор // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2463165.html?ysclid=lmls2ufxg5216173073> (дата обращения: 21.09.2023).
15. *Schroeder H. J.* Disciplinary decrees of the general councils, text, translation, and commentary. St. Louis, Mo; London: B. Herder book Co, 1937. 669 p.
16. *Cassidy B.* Orcagna's Tabernacle in Florence: Design and Function // *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. Bd. 55, H. 2. Berlin: Deutscher Kunstverlag GmbH München, Berlin, 1992. P. 180–211.

17. *Dillon S. M.* Seeing Renaissance Glass Art, Optics, and Glass of Early Modern Italy, 1250–1425. New York: Peter Lang, 2018. 214 p.
18. *Morrisroe P.* “Ciborium” The Catholic Encyclopedia. Vol. 3. New York: Robert Appleton Company, 1908 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/03767a.html> (дата обращения: 03.10.2023).
19. *Germanus.* St. Germanus of Constantinople on the Divine Liturgy (Tr., Introd. & Comm.). Crestwood; New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1984 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ldysinger.com/@texts/0720_germanus/02_div-liturgy.htm (дата обращения: 01.10.2023).
20. *Kroesen J.* Ciborios y baldaquinos en iglesias medievales. Un panorama europeo // Codex Aquilarensis. Revista de arte medieval 29. 2014. P. 189–222.
21. *Eigil:* Life of Sturm, early 9th Century [Электронный ресурс]. URL: <https://sourcebooks.fordham.edu/basis/sturm.asp> (дата обращения: 05.10.2023).
22. *Eigil Fuldensis Vita Sancti Sturmii Abbatis Fuldensis* [Электронный ресурс]. URL: https://www.documentacatholicaomnia.eu/04/z/z_0761-0822_Eigil_Fuldensis_Vita_Sancti_Sturmii_Abbatis_Fuldensis_LT.doc.html (дата обращения: 05.10.2023).
23. *Ванеян С. С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vaneyan-s-s/arhitektura-i-ikonografiya-telo-simvola-v-zerkale-klassicheskoy-metodologii?ysclid=lnyc5ze25u223725628> (дата обращения: 05.10.2023).

Таблица. Территория распространения кивория, табернакля, реликвария и частота употребления терминов в разных регионах

		XI	XII	XIII	XIV	XV
Табернакль (<i>tabernaculum</i>)	термин	Употребление только в значении «Скиния Завета»		Появляется дополнительное значение хранилища для евхаристии		
	предмет	Встречается в виде ниш в Италии		Распространяется в других странах Европы (Франция, Германия)		
Киворий (<i>ciborium</i> , <i>ciboria</i>)	термин	Употребление в Италии и зависимых регионах, как синоним употребляется <i>baldachin</i>		Не выходит за пределы Италии, в других странах термин заменен либо схожим по значению словом, либо <i>baldachin</i>		
	предмет	Уже несколько веков широко распространен в Италии, постепенно появляется в других регионах (особенно в Испании). Крайне мало образцов в других странах Европы		За исключением Италии, форма встречается редко, становится менее монументальной, материал в основном камень		
Реликварий (<i>reliquarium</i>)	Термин	Чаще используются многочисленные синонимы по всей территории Европы, но не <i>reliquarium</i>		Во французских письменных источниках появляется с XIV в., в немецких — с XVв., позже — в итальянских и других.		
	Предмет	В связи с крестовыми походами и паломничеством реликварии распространяются по всей территории Европы		Изменение форм, появление новых. Также распространены во всех странах Европы		

Примечание: составлено по: [3;5;6;19].

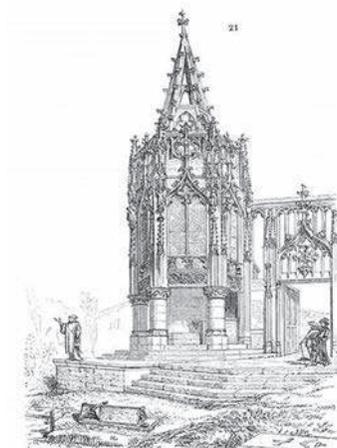
ИЛЛЮСТРАЦИИ

**Илл.1. Слелпок раки св. Гертруды (оригинал утрачен, мастера Колар из Дуэ, Жакмон из Нивеля, XIII в.). ГМИИ им. Пушкина, Москва.
Автор фото: NETSA**

Илл. 2. Табернакль. Франция, XV в. Музей Виктории и Альберта, Лондон. Инв. № 721:2–1895

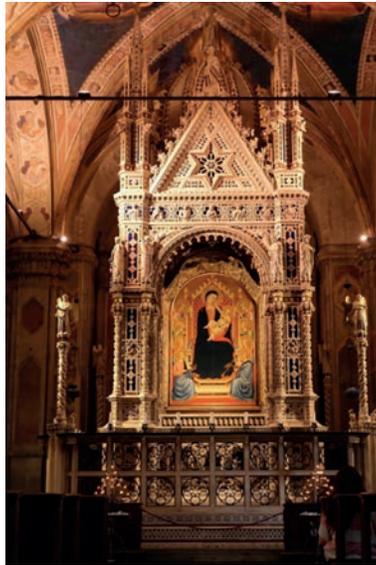
Илл. 3. Часовня в Авийюте (Франция). Viollet-le-Duc E. Dictionnaire raisonné del'architecture française du Xle au XVIe siècle. Vol. 2. Paris: V. A. Morel, 1875. P. 21

Илл. 4. Табернакль. Франция, ок. 1180 г. Музей Виктории и Альберта. Инв. № 7650–1861

Илл. 5. Реликварий. Германия, кон. XII в. Музей художественных ремесел в Берлине. Инв. № W 15

Илл. 6. Андреа Орканья. Табернакль в храме Орсанмикеле. 1359, Флоренция. Автор фото: Luca Aless

УДК 7.04

Новикова М. А.

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штигица,
факультет дизайна, студент бакалавриата
E-mail: maria222novikova@gmail.com

Иконографические и стилистические особенности водолея в виде сцены борьбы дракона и человека из коллекции Государственного Эрмитажа

Аннотация. Водолей в виде сцены борьбы дракона и человека представляет нетипичный для акваманилов сюжет. В ходе исследования было обнаружено, что подобная сцена имеет композиционные аналогии в искусстве средневековой Западной Европы. Возможно, она отражает сюжет из «Саги о Дитрихе». Статья описывает ряд иконографических и стилистических аналогов, исследование которых позволило автору сделать вывод об используемых сюжетах.

Ключевые слова: акваманил, декоративно-прикладное искусство, бронзовые сосуды, Средние века

Novikova M. A.

Saint Petersburg State Academy of Art and Design,
Faculty of Design, Bachelor's program, Student
E-mail: maria222novikova@gmail.com

Iconographic and stylistic features of aquamanile in the form of a scene of the fight between a dragon and a man from the collection of the State Hermitage Museum

Abstract. Aquamanile with the scene of the fight between a dragon and a man represents (from the collection of State Hermitage) is an atypical plot for aquamaniles. In the course of the study, it was found that such a scene has compositional analogues in the art of medieval Western Europe. Perhaps it reflects the plot of the Dietrich Saga. The article sets out a number of iconographic and stylistic analogues, on the basis of which conclusions were drawn about the plots used.

Keywords: aquamanile, decorative and applied art, bronze vessels, Medieval art

Акваманилы — это полые фигурные сосуды, которые создавались в форме как обычных животных: львов, собак или лошадей, — так и в виде

фантастических существ. Нередко встречались антропоморфные сосуды. Среди них всадники, водолеи в виде человеческих голов, различные сюжетные сцены. Их изготавливали из бронзы, латуни или меди по методу литья по выплавляемой модели [1, с. 196]. Традиция их создания была распространена на территории Северной и Западной Европы в период с XII по XVI в. [2].

Существует гипотеза, что на формирование западноевропейских водолеев повлияло возобновление контактов с исламским миром, где часто изготавливали сосуды в виде различных животных. Следует отметить, что традиция литья акваманилов могла сформироваться и на основе византийских полых литых сосудов зооморфной формы, однако они содержали масло, а не воду [2].

В Европе существовало несколько центров изготовления водолеев. Один из них находился в Нижней Саксонии, в городе Брауншвейге. В XII в. город стал крупным центром литья монументальной скульптуры и других вещей из бронзы под покровительством епископа Бернарда Хильдесхаймского. В этот период водолеи изготавливались также в Магдебурге. В XIII в. центром создания литых изделий стал Хильдесхайм. Спустя век производство акваманилов начинают в Нюрнберге [2].

Акваманилы были предназначены для церковных обрядов. На каждой мессе священник дважды омывал из них руки, прежде чем надеть свое облачение и подготовиться к совершению евхаристии. В текстах раннего Средневековья водолеи упоминаются как сосуды, которые используют священники для мытья рук. Также они использовались и в быту у феодалов для омовения рук перед едой [3, с. 198]. В XII в. появляется обозначение акваманилов как сосудов в виде различных существ или людей. Начиная с 1400 г. многие водолеи не имеют ручки, что делает возможным факт того, что они перестали выполнять функцию рукомойника и стали просто частью декора дома [2]. К концу же XV в. они теряют свою значимость для литургии и используются как домашняя утварь [4]: служат в быту и являются элементами украшения интерьера.

Научных трудов, посвященных изучению водолеев, не так много. В своей книге О. Фальке [5] выделяет следующие типы водолеев: в форме дракона, наездника, кентавра, в форме головы или бюста; в форме романских львов. Последним типом он называет водолеев в виде различных форм животных: собак, лошадей, грифонов. Также автор провёл атрибуцию каждого из предметов и составил каталог с работами. Остальные ученые упоминали водолеев скорее как одно из направлений в декоративно-прикладном искусстве Средневековья. Дж. Марсден

проанализировал коллекцию европейской скульптуры и металла Роберта Лемана XII, где находились несколько акваманилов [6]. ПитерБернет в своей статье разбирает акваманилы с точки зрения их функциональности и отмечает возможные влияния исламских или византийских полых литых сосудов на формирование традиции изготовления водолеев [2].

Русские ученые большее внимание уделяют западноевропейским водолеем, которые тем или иным образом попадали на территорию России. Активно исследуются акваманилы, которые были найдены в Сибири и попали в коллекцию Кунсткамеры. Изучением этого вопроса занимались Ю. С. Худяков [7] и В. П. Даркевич [8; 9]. В каталоге к выставке «Сокровища Приобья» в Государственном Эрмитаже М. Я. Крыжановская описала способы создания водолеев, области их применения, особое внимание было уделено разбору водолей в виде рыцаря, борющегося с драконом [3].

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится водолей, найденный на территории Сибири, который не был утерян после пожара в Кунсткамере в 1749 г. [10]. Это акваманил в виде рыцаря, борющегося с драконом (илл.1) (ГЭ; инвентарный номерФ-2802). Он был привезен Г. Ф. Миллером из его экспедиции в Сибирь и входил в состав коллекции Кунсткамеры. В книге ученого по истории Сибири водолей был подписан как «изображение медного идола наподобие змеи» [11, Т1, рис. 19, 20]. Выделяют несколько вариантов того, как западноевропейские изделия из металла могли попасть на территорию Сибири: изделия могли быть завезены по «северному морскому пути» [8, с. 68], по «волжскому» торговому пути [7, с. 260]. Кроме того, предполагается, что западноевропейские изделия из металла могли попасть на территорию Сибири по торговому пути через Северный Урал [8, с. 68]. Их могли привозить и сами европейцы, которые приезжали на эти земли [8, с. 67].

Акваманил с изображением сцены борьбы дракона и рыцаря из коллекции Эрмитажа довольно необычен, так как за основу для его создания взят нетипичный для водолеев сюжет. Рыцарь изображен стоящим на коленях, голова воина находится в пасти дракона. Герой облачен в простую одежду, у него нет при себе оружия. У дракона нет задних лап, а передними он держится за воина. На голове чудовища — корона. Уникальным является и то, что у эрмитажного водолей отсутствует ручка, что лишает сосуд функционального значения [3, с. 198]. Водолей довольно детализирован: тело дракона декорировано с помощью точек и кружочков вдоль туловища, на лапах и хвосте присутствуют насечки, имитирующие перья. Кроме того, пучок на конце хвоста по форме напоминает цветочные ле-

пестки. Проработан и костюм рыцаря. На нем видны складки и орнамент, который выделяет рукава котты. С помощью мелких волнистых линий показаны волосы воина. Они собраны в две косы за его спиной.

Существует несколько трактовок данного сюжета. Сразу ряд исследователей отмечают влияние восточной мифологии на сюжет. Трактовка Р. М. Введенского, с которой соглашается в своей статье М. Я. Крыжановская, подразумевает, что в основе сюжета лежит китайская легенда о драконе, который проглатывает солнце. В таком случае рыцарь выступает как образ солнца, а вся композиция — символ равенства добра и зла [3, с. 198]. В. П. Даркевич связывает сюжет с распространенным в это время эпосом, например, это может быть вольной интерпретацией «Песни о Нибелунгах» или же «Старшей Эдды»: и там, и там встречается образ злого дракона и храброго рыцаря [9, с. 160]. Однако В. П. Даркевич не выделяет конкретные сцены, которые могли бы быть использованы при создании водолея.

Среди других предметов декоративно-прикладного искусства есть ряд произведений, в основу которых положен похожий сюжет. Образ драконов, который использовался для создания акваманил, схож по форме с более обширной группой подсвечников в форме драконов. Их развитие пришлось на XII–XIII вв. [12, S. 177]. Такого рода подсвечники представляют собой дракона, который опирается сзади на крылья или хвост, а спереди на две лапы (илл. 2). Эта форма копируется и для акваманилов. Зачастую драконы изображены в сражении с человеком, который сидит на их спине. В работах из Хильдесхайма встречается подсвечник, изображающий рыцаря, которого практически съел дракон (илл.3)[5, S. 3]. Выдвигается теория, что образ дракона для создания подсвечников был так популярен из-за поверья о том, что, выходя из пещеры, дракон заставлял воздух светиться [13]. Позже появился вариант с идеей о том, что это символическая композиция, где Христос укрощает дракона светом, тем самым добро побеждает зло [13].

Подобные сцены борьбы с драконом были довольно распространены и в храмовой скульптуре Средневековья. Например, на восточном тимпане церкви Святого Петра в Штраубинге (нем. *Kirche St. Peter, Straubing*), созданной в XIII в., изображена сцена с драконом, в пасти которого находится человек. Второй же рыцарь стоит рядом с драконом и заносит меч над ним (илл. 4) [14, S. 6]. Дракон по своей форме очень напоминает водолей в виде рыцаря, борющегося с драконом. Он также изображен без задних лап, у него присутствуют только передние лапы и хвост, который свернут в несколько колец и имеет завершение в виде пучка.

Еще один пример сцены борьбы людей и дракона можно увидеть на фризе на западном корпусе церкви бывшего бенедиктинского монастыря XII в. в Андлау в Эльзасе (нем. *Abtei Andlau im Elsass*) (илл. 5) [15]. На нем представлена сцена с двумя рыцарями. Один из них изображен слева и направляет свой меч на дракона. Второй — в пасти чудовища, которое наполовину находится в пещере. Все участники сцены выполнены довольно условно, но отчетливо проработаны лапы у рыцарей и крылья дракона.

Сюжетом, который использовался для всех этих произведений искусства, вполне возможно, выступает отрывок из сочинения «Первое испытание Дитриха» (нем. *«Dietrichserste Ausfahrt»*) или «Дитрих и его спутники» (нем. *«Dietrich und seine Gesellen»*) — анонимной поэмы, в которой в образе Дитриха выступает Теодорих Великий — основатель Остготского королевства. Она была написана не позднее 1300 г., возможно, во второй трети XIII в. [16, S. 127]. В одной из частей этого произведения повествуется о том, как Дитрих спас человека, наполовину проглоченного змеем или же драконом [18, S. 135]. Существует скандинавский вариант саги, который называется «Сага о Тидреке», в ней Тидрек с Фасольтом спасли рыцаря Синтрама из пасти дракона [17, S. 140].

Таким образом, можно предположить, что именно сюжет из поэмы о Дитрихе немецкого происхождения стал основой для многочисленных сцен с драконами на предметах искусства, а также выступил основой при создании водолея в виде рыцаря, борющегося с драконом, из собрания Эрмитажа. В данной сцене в храмовой скульптуре присутствует не только рыцарь, находящийся в пасти дракона, но и второй герой, который выступает в борьбу с чудовищем. Такая композиционная схема полностью отражает сюжет из «Саги о Дитрихе». В то время как иные способы размещения дракона и человека могут быть просто отражением идеи о борьбе добра со злом.

Существует несколько вариантов места и времени изготовления данного предмета. Больше всего совпадений по форме и стилистике водолеей в виде сцены борьбы дракона с рыцарем имеет с изделиями из Нижней Саксонии XII–XIII вв. [5, S. 177]. Изделия этого региона характеризуются сложностью и рельефностью деталей. Также среди них присутствует большое количество аналогов работ с использованием образа дракона. Это как группа подсвечников (илл. 2; 3), так и примеры водолеев в форме дракона (илл. 6). Все они по форме напоминают водолея из коллекции Эрмитажа: у дракона нет задних лап, опирается он только на передние и хвост, который заканчивается пучком в виде растительного мотива. Все

изделия обильно орнаментированы с помощью точек и засечек на теле и крыльях. Среди подсвечников присутствует экземпляр с идентичным сюжетом (илл.3).

М. Я. Крыжановская отмечает схожие черты водолея с английскими изделиями XII в. [3, с. 198]. Примером для сравнения служит Глостерский канделябр (илл.7). Стилистически они схожи сложностью композиции и хвостом, который выполнен с применением цветочного орнамента, и использованием кружочков и точек в орнаментике тела дракона [3, с. 198]. Но среди работ английских мастеров не распространено использование сцены борьбы дракона и человека.

Другим аналогом служит водолей в виде грифона из Берге XVI в. [5, S. 12] (илл.8), который держит в своих зубах рыцаря. Он был найден на территории Скандинавии, поэтому невозможно достоверно определить место и период его изготовления. С эрмитажным водолеем их объединяет сюжет, форма крыльев, а также оформление шерсти у лап. Но при этом сам акваманил выполнен без излишней детализации, отсутствует хвост с растительным орнаментом, а в оформлении тела грифона присутствуют только мелкие точки. Заметны отличия и в самой сцене: грифон держит в клюве рыцаря, который намного меньше чудовища и облачен в латы. Этот водолей более поздний, но в нем сохраняется сюжет пожирания чудовищем рыцаря, хотя вместо дракона здесь используется образ грифона.

Таким образом, водолей в виде рыцаря, борющегося с драконом, выполнен на основе сюжета, нетипичного для данных предметов. Однако изображение сцена борьбы дракона и человека встречается среди других предметов прикладного искусства. Существует группа подсвечников XII–XIII вв., сделанных в Нижней Саксонии, которые представляют собой сюжет борьбы дракона и человека. Среди них встречается и рыцари, находящиеся в пасти чудовища. По форме эти драконы напоминают аналог из коллекции Эрмитажа. Все они опираются на две передние лапы, сзади у них длинный хвост и два крыла. Также они изобилуют мелкими выгравированными деталями. Похожие сюжетные схемы используются и в скульптуре. Встречаются сцены с драконом, который наполовину съел человека. Однако в скульптурных изображениях часто рядом находится еще один рыцарь, который сражается с чудовищем. Возможно, что за основу для такого рода сюжетов была взята сцена из «Саги о Дитрихе», где Дитрих спасает человека, наполовину проглоченного драконом. Данный сюжет является довольно устойчивым, так как используется даже в XVI в. для водолея из Берге, где образ дракона уже трансформировался в образ грифона.

Список источников и литературы

1. *Барежан К. Ш.* Средневековый акваманил: оригинал и копия. Новый взгляд на атрибуцию акваманилов из коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2014. № . 4. С. 194–203.
2. *Barnet P.* Medieval Aquamanilia from the Heilbrunn Timeline of Art History, September 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/aqua/hd_aqua.htm (дата обращения: 11.09.2023).
3. «Сокровища Приобья» [каталог выставки в ГЭ] / ред. Б. Маршак, М. Крамаровский, предисл. М. Пиотровского, вступ. ст. Б. Маршака. СПб.: Формика, 1996. 228 с.
4. Concise, critical reviews of books, exhibitions, and projects in all areas and periods of art history and visual studies / ed. by Ch. Nielsen [Электронный ресурс]. URL: <https://digi.ub.uni.heidelberg.De/diglit/falke1935/0052/image,info> (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Falke O., Meyer E.* Romanische Leuchter und Gefäße. Gießgefäße der Gotik // Bronzegeräte des Mittelalters I. Berlin, 1935. 122 S.
6. *Marsden J.* The Robert Lehman Collection XII: European Sculpture and Metalwork. New York: The Metropolitan Museum of Art; Princeton: Princeton University Press, 2011. 274 p.
7. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 286 с.
8. *Даркевич В. П.* Произведения западноевропейского художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // Свод археологических источников. 1966. Вып. Е 1–57. 147 с.
9. *Даркевич В. П.* Аргонавты Средневековья. М.: Наука, 1976. 200 с.
10. Архив Кунсткамеры. Из истории первых археологических коллекций: собрание акваманилов [Электронный ресурс]. Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. URL: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/458/> (дата обращения: 18.09.2023).
11. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1. 630 с.
12. *Brenker F.* Hochmittelalterliche Beleuchtungsformen im deutschen Südwesten: Ein interdisziplinärer Blick auf die profane Sachkultur des 12. und 13. Jahrhunderts // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 2014. Nr.42. S. 159–202.
13. Drachenleuchter. Deutsche Digitale Bibliothek [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/ZY7J3CM2C4RWIEHZZRB OFDMW5IKI7IC> (дата обращения: 16.09.2023).
14. *Schnell H., Utz H.* Pfarrkirche St. Peter, Straubing. Regensburg, 2003. 84 S.
15. Drache // Labor RDK (Reallexikon zur Deutschen Kunstgeschichte) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rdklabor.de/wiki/Drache> (дата обращения: 19.09.2023).
16. *Lienert E.* Mittelhochdeutsche Heldenepik. Berlin: Erich Schmidt, 2015. S. 127–130.
17. *Heinzle J.* Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik. Berlin; New York: De Gruyter, 1999. S. 135–144.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл. 1. Водолей в виде рыцаря, борющегося с драконом. Лотарингия (?). XII–XIII вв. Латунь, высота: 12,5 см. Государственный Эрмитаж. Инв. № Ф-2802

Илл. 2. Подсвечник из Хильдесхайма. Германия, XIII в. Бронза, высота: 10 см. Вестфалия, Епархиальный музей

Илл. 3. Подсвечник в виде дракона, Германия, XIII в. Бронза, 22,7 × 28 см. Государственный музей Вюртемберга, Штутгарт

Илл. 4. Тимпан в соборе Святого Петра в Штраубинге. Германия, XII в.

Илл. 5. Андлау в Эльзасе, фриз на западном здании церкви бывшего бенедиктинского монастыря (северная сторона). Германия, XII в.

Илл. 6. Акваманил: дракон, обычно называют грифоном. Нижняя Саксония, ок. 1200. Бронза или медь, 25,4 × 22. Лувр, Париж

Илл.7. Глостерский канделябр, Англия, XII в. Бронза, 58 × 20 см. Музей Виктория и Альберта

Илл. 8. Грифон из Берге, Германия. Начало XVI в. Бронза, 29,5 × 14 см.
Национальный музей в Копенгагене

УДК: 94(450).042

Овод А. В.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата

E-mail: stud0000259844@study.utmn.ru; ovod.a.v@yandex.ru

Иконография негативных персонажей в итальянском искусстве раннего Возрождения

Аннотация. В работе анализируется фрагмент «Ад» мозаики купола Флорентийского баптистерия и его роль в формировании иконографии негативных персонажей на примере фрески Джотто «Страшный суд» Капеллы Скровеньи в Падуе и кантика «Ад» «Божественной комедии» Данте Алигьери. Выделяются основные персонажи, присущие им жестовые конфигурации и дополнительные атрибуты.

Ключевые слова: образ Другого, жесты, Флорентийский баптистерий, Джотто, Данте, демонология

Ovod A. V.

University of Tyumen,
Institute of Social Sciences and Humanitarian,
Bachelor's program, Student

E-mail: stud0000259844@study.utmn.ru; ovod.a.v@yandex.ru

Iconography of Negative Characters in Early Renaissance Italian Art

Abstract. The work analyzes the fragment “Hell” of the mosaic Florentine Baptistery and its role in the formation of the iconography of negative characters, using the example of Giotto’s fresco “The Last Judgment” of the Scrovegni Chapel and the canticle “Hell” “The Divine Comedy” Dante Alighieri. The main characters, their inherent gesture configurations and additional attributes are highlighted.

Keywords: theImage of the Other, gestures, the Florentine Baptistery, Giotto, Dante, demonology

Культура жеста на протяжении многих веков играла значительную роль в формировании мировоззрения человека и служила универсальным средством коммуникации. Причиной этого можно считать высокую

неграмотность среди населения и выразительность визуального языка. С точки зрения церкви предназначение изображений было тройким. Гонорий Августодунский, немецкий схоласт XI–XII вв., в трактате *Gemma animae* утверждает, что изображения служат трем целям: словесность для мирян, декоративный элемент для храма и средство оживления воспоминания об умершем. В итальянском искусстве раннего Возрождения тело и жесты являются полноправным языком, позволяющим выстроить систему власти и подчинения, указать на инаковость и маргинальность.

В этом отношении весьма репрезентативен дьявол как идеальный Другой, образ которого использовался для создания яркого эмоционального впечатления, побуждающего к действиям. Изображение дьявола — это мнемоническое напоминание, наглядность которого позволяет четче представить события и понять изображение. Дьявол является предостерегающим напоминанием о необходимости праведной жизни. Добавим, что во время понтификата Иоанна XXII усилилось беспокойство по поводу восприимчивости человека силам дьявола. Так, церковь побуждала прихожан, наблюдающих наказания грешников на фресках, обращаться к клиру и видеть в данном институте единственного защитника [1].

Данная роль образа дьявола кажется наиболее убедительной ввиду политической борьбы в многочисленных городах-государствах Италии. Вражда гвельфов и гибеллинов отражала глубокие противоречия в Италии, а пугающий образ Другого служил инструментом в руках папства в борьбе с империей. Так, конец XIII — начало XIV в. в Италии, а особенно во Флоренции, выделяются возросшим интересом к конструированию образа дьявола как квинтэссенции Другого. Помимо этого, ряд черт негативных персонажей переносился на правителей с целью выставить их в невыгодном свете.

На изображение дьявола в итальянском искусстве XIII–XIV вв. огромное влияние оказало учение Аристотеля о добродетелях и пороках. Он выделяет порок, невоздержанность и зверство (*kakia, akrasia, thēriotēs*) как качества, отклоняющиеся от идеальной человеческой природы. Именно они ложились в основу конструирования образа дьявола как совокупности зла и порока [2, с. 130].

Итальянские художники изображали дьявола гротескным и чудовишным, чьи физические черты отражали его моральную испорченность. В искусстве Флоренции эпохи Возрождения отмечено наибольшее количество изображений дьявола, на что в том числе повлияло одно из самых знаменитых изображений сцены Страшного суда. В связи с этим нас интересует мозаика купола Флорентийского баптистерия, а именно фраг-

мент «Ад» и его роль в формировании образа негативных персонажей в живописной и текстуальной традиции Италии периода раннего Возрождения.

Баптистерий Сан-Джованни основан в 1059 г., начиная с 1157 г. он содержался и украшался по заказу флорентийской гильдии торговцев тканями Калимала (*Arte di Calimala*). Архитектура и художественные украшения баптистерия отражали богатство и престиж города. Вплоть до XIX в. в Баптистерии Сан-Джованни крестили всех уроженцев Флоренции, таким образом, он служил религиозным центром города. В конце XIII в. гильдия заказала мозаику известному флорентийскому художнику Коппо ди Марковальдо, чтобы украсить восьмиугольный купол. Влияние византийского стиля проявляется в обильном использовании золота и статичных фигур.

Интересующая нас мозаика Страшного суда располагается высоко над купелью для крещения и занимает три из восьми треугольных сегментов [3]. Иконографическая схема точно соответствует требованиям литургии и богословской традиции посвящения: неопиты, выходя из купели, видят восседающего на троне Господа, занимающего большую часть мозаики. Под ногами Христа располагаются мертвые, поднимающиеся из своих сот в последний день, и пространство Ада, где центральную роль занимает восседающий Люцифер, «антиикона» Христа [4].

При анализе изображения негативные персонажи были разделены на 3 категории: дьявол, демоны и грешники. Жесты и внешний вид, которые были в центре внимания нашего исследования, — это лишь одни из знаковых практик репрезентации дьявольской телесности. Нами рассматривались цвет, размер, прорисовка, дополнительные атрибуты. Жесты дьявола и демонов были разделены на группы по их функциональному назначению: 1) жесты доминирования и обладания; 2) деструктивные действия; 3) жесты искушения, провокации [5]. Для жестов грешников использовалась другая система: 1) активные жесты; 2) пассивные жесты. Пассивное изображение грешников среди хаоса усиливало драматический эффект, создавая контраст между фигурами судей и грешниками, ожидающими своего приговора.

К категории жестов доминирования и обладания были отнесены следующие: «вести», «нести», «обхватывать/касаться», «трубить», «воссесть». В данной категории чаще всего встречается жест «нести». Несут обычно демоны, закинув грешника на плечо, также встречаются иные вариации, например нести, придерживая за голову и ноги. Кроме этого, мы отметили динамичность, чаще всего изображение данного жеста

подразумевает последующее сбрасывание грешника, например, в адский огонь. Жест «обхватывать/касаться» почти всегда выполняется дьяволом, он придерживает ногами грешников, прижимая их к земле, либо удерживает в руках, собираясь съесть. Следующая категория, «деструктивные действия», включает в себя: «пожирать», «избивать/пинать», «душить/подвешивать» и «пытать». Жест «пожирать» характерен для дьявола, змея, жабы и ящерицы. Он вариативен: пожирать могут начиная с головы или ног, кусать за руки/ноги/спину/голову. Жест «пытать» редок, и единственным встречающимся является то, что демон поджаривает грешника на вертеле, в то время как другой держит ковш с раскаленным железом. Жесты искушения и провокации, включающие в себя «заключать сделку», «подглядывать» и «искать», наименее многочисленны.

Отметим, что все эти жесты активные, они характерны демонам и дьяволу как персонажам, стоящим выше грешников в иерархии. Однако похожие действия перенимают грешники. Говоря об активных жестах, мы имеем в виду следующие: «закрывать глаза/потуплять взор», «задумываться», «падать на колени», «заключать сделку», «вести», «смеяться/улыбаться», «указывать», «нести», «стоять/наблюдать», «прятаться». Пассивные же действия совершаются над персонажем, к таким мы отнесли: «гореть», «быть тем, кого несут, ведут, пытаются», «быть подвешенным». При этом была выявлена закономерность между внешним видом грешника и активностью его действий: чем искаженнее облик, тем активнее персонаж. Так, жесты «вести» и «нести» могут выполнять не только демоны, но и сами грешники. В таких случаях они имеют зеленоватый цвет кожи. Примечательно, что почти все грешники имеют равный размер с демонами, что может указывать на равнозначную порочность, подчеркивая, что в аду все есть зло. Грешники могут быть изображены в виде старца, женщины или мужчины, полностью обнаженными, иногда с повязкой на глазах, распущенными, почти всегда рыжими волосами.

В облике демонов, нами было выявлено несколько часто повторяющихся антропоморфных типов. Первый включает в себя довольно худое человеческое тело со звериными (птичьими) лапами, бородой и чубом, который довольно часто выступает маркером демонического в западной иконографии [6]. Второй тип отличает короткий собачий хвост, острые уши и лысина. Также встречается облик старца в набедренной повязке и с перепончатыми крыльями.

Помимо антропоморфных обликов также встречаются змей, жаба, ящерица. Образ жабы мог быть взят из Апокалипсиса (Откр. 16:13)[7]. В Книге Бытия (3:1) змей — самое хитрое животное, а змеи, выползаю-

щие из ушей, символизируют глухоту дьявола к слову Спасителя [8]. Ветхий Завет (Лев. 11:29) относит ящериц к нечистым животным, а Исидор Севильский отмечает, что «из всех ядов ее наисильнейший» [9, 5].

На место во властной иерархии также может указывать прорисовка: чем хуже прорисован облик демона, тем меньшую роль он играет. Здесь примечателен облик эйдолона, который, видимо, заимствован Копподи-Марковальдо из византийской традиции. Такие демоны обычно изображаются как крошечные, плохо прорисованные антропоморфные фигуры темного цвета, с крыльями, тонкими руками и ногами [6].

Демоны имеют дополнительные атрибуты, которые выступают орудиями пытки: двузубец или трезубец, посох, черпак, веревка, нож, вертел.

Доминирующее положение во фрагменте «Ад» занимает дьявол, для которого характерными жестами являются «восседать» и «пожирать», он удерживает двух грешников в руках и прижимает еще двух ногами. Внешний вид дьявола, помимо его размера, выделяют бычьи рога, указывающие на гордыню, длинная кучерявая борода, контрастирующая со светлой и ухоженной бородой Христа, лысина, острые уши, из которых вылезают змеи, а также широкий нос и набедренная повязка. Лоренцо Лоренци отмечает, что тело дьявола напоминает тело распятого, на что могут указывать слегка искривленные ноги [4].

Изображения на потолке баптистерия начала XIII в. принесли во Флоренцию развивающуюся иконографию демонов, которая вдохновила художников и писателей на создание устойчивых образов Ада. Чтобы проследить влияние иконографии Ада баптистерия на живописную и текстуальную традицию Флоренции, нами были рассмотрены фрагмент «Ад» фрески «Страшный суд» Джотто в капелле Скровеньи в Падуе и кантик «Ад» «Божественной комедии» Данте.

Многие элементы «Ада» фрески «Страшный суд» Джотто (ок. 1305) аналогичны с баптистерием [10]. При этом у нас нет информации, которая позволила бы с уверенностью утверждать, что Джотто видел мозаику Сан-Джованни. Однако можно предположить, что он посещал баптистерий, так как многие годы его жизни были связаны с Флоренцией.

Энрико Скровеньи поручил Джотто расписать стены капеллы, чтобы произвести впечатление и побудить посетителей молиться за душу своего отца, который, как он считал, находится в чистилище за свои грехи. На фреске Джотто изображен сонм демонов и грешников на черном фоне, представляющем царство тьмы. Здесь нет ни жаб, ни саранчи, которых мы видим во флорентийском баптистерии, исключенных Джотто, возможно, как слишком типичных для раннесредневекового ада. Анализ

фрески проводился по ранее описанной системе. Жест «тащить», который не встречается в баптистерии, наиболее многочислен среди всех жестовых конфигураций. Появляются и совершенно новые жесты: «сидеть», «связывать», «пронзать», «подстрекать» и «попирать». По замыслу художника, демоны в своих жестах становятся все более изобретательными и жестокими, они чаще избивают. Типично дьявольскими жестами остаются «пожирать» и «восседать», добавляется жест «испражняться/изрыгать».

Однако ситуация с грешниками несколько иная, они более активны в своих действиях, нежели это было в мозаике баптистерия. Грешники не только ведут, тащат или несут, но и отбиваются, хватаются и пытаются выбраться. Кроме этого, если Коппо ди Марковальдо мог изобразить существо бесполое, без четко выраженных половых признаков, то у Джотто мы сразу понимаем, кто перед нами. Здесь уже нет грешников, приближенных по внешнему виду к демонам, все они имеют схожий облик: обнаженное мужское или женское тело, чаще с распущенными волосами. Лютер Линк полагал, что гуманизм итальянского Возрождения находил зло в сердцах и поступках людей, а не во внешнем источнике [11]. Фреска Джотто отражает более натуралистический и выразительный подход к искусству, допускающий большую детализацию и эмоциональную интенсивность изображения фигур. Отметим, что на фреске «Страшный суд» нет четкого разделения грешников по грехам, как у Данте.

Демоны стали разнообразнее в своем облике, встречаются драконы, змеи, демоны, похожие на волков, медведей, быков, козлов и лис, с птичьими крыльями, клювами, лапами, присутствуют эйдолоны. Демоны более пугающие, что подчеркивает возрастающий интерес к ним. Облик Люцифера на обоих изображениях схож: тело его антропоморфно, он имеет бороду и бычьи рога. Но дьявол Джотто крупнее, у него растрепанные волосы, в отличие от лысого флорентийского Люцифера; цвет его тела иной, темно-синий, что указывает на неспособность дьявола ни отражать, ни пропускать через себя Божественное. Он поднимает руки, сжимая в каждой по грешнику, как и в баптистерии, из ушей у него выползают чудовищные змеи, каждая из которых пожирает грешников.

Таким образом, мы можем проследить схожие мотивы в двух изображениях. Стиль Марковальдо Джотто мог перенять через своего учителя, Чимабуэ, который в юности был в его мастерской [12]. Добавляя свое видение сюжета, Джотто был первым художником, кто осознал величину эмоционального воздействия изображения ада в мозаике, он использовал аналогичную схему и иконографию в своих работах в Падуе. Высокая ре-

путация и влияние Джотто на итальянское искусство и литературу могут объяснить последующее использование иконографической схемы «Страшного суда» и ада в частности другими творцами эпохи Возрождения.

Вдохновлялись и черпали идеи Флорентийского баптистерия не только художники, но и писатели, в этом отношении нельзя не упомянуть Данте Алигьери и его «Божественную комедию» [13]. Мы можем сказать, что писатель был в баптистерии и видел мозаику, так как известно, что Флорентийский баптистерий стал местом крещения Данте (*Inf.*, XIX, 16–18).

На «Божественную комедию» Данте, помимо мозаики Коппо ди Марковальдо, оказали большое влияние труды Фомы Аквинского и Альберта Великого, а также античная традиция, которая прослеживается в изображении ада как очень темного, сырого места заточения душ. Упорядочивая грехи, Данте опирается на аристотелевскую систему, в связи с чем ад состоит из девяти кругов, каждый из которых предназначен определенному греху.

В начале пути Данте встречаются барс, лев и волчица. По Храбану Мавру барс падок на кровь и символизирует грешника, покрытого пятнами различных грехов. Лев может указывать на гордыню дьявола, его несдержанность, волчица упоминается в Евангелии (Ин. 10:12) [14] и часто символизирует хитрость и алчность. Волчий облик демонов у Джотто является превалирующим. Помимо этого, в «Аду» Данте есть слепни и осы, змеи, драконы, лягушки, вепрь с клыками, псы (хвосты псов, как элемент демонического, есть у Коппо ди Марковальдо). Присутствуют и персонажи античной мифологии: горгона Медуза, кентавры, Цербер, гарпии, Герион. Отметим сходство дантовских змей со змеями, терзающими грешников на мозаике Флорентийского баптистерия. В обеих вариациях у них есть конечности, которыми они удерживают тела грешников (*Inf.*, XXI, 50).

Мы выделили следующие внешние характеристики демонов: рога (*Inf.*, XVIII, 34–36), черный цвет демона и крылья (*Inf.*, XXI, 28–30), бледность и нагота (*Inf.*, XXX, 25–27). Последнее описание очень напоминает грешников Джотто, имеющих зеленоватый цвет кожи.

Наиболее полное описание внешнего вида у дьявола, облик которого пересекается с дьяволом Флорентийского баптистерия. Это самая крупная фигура в Аду со вздыбленными волосами, шестью, перепончатыми крыльями и тремя ликами (ярко-красным, бледно-желтым, темным), а также шестью глазами, из которых текут кровавые слезы. Люцифер Данте также «восседает» и «пожирает» грешников (в данном случае Брута, Кассия и Иуду), как это делает дьявол Коппо ди Марковальдо и Джотто (*Inf.*, XXXIV, 61–67).

Жесты демонов столь же разнообразны, как и у флорентийских прообразов, они бичуют, терзают, избивают, гонят, несут на плече, пожирают, рассекают (у Коппо ди Марковальдо демон с собачьим хвостом режет ногу закрепленного на вертеле грешника), пронзают баграми, крюками, сдирают кожу, удерживают. Встречается сюжет драки между демонами (*Inf.*, XXII, 136–138), чего ранее нами не выделялось. Змеи связывают грешникам руки за спиной, пожирают, вцепившись в плечо (*Inf.*, XXIV, 94–99), удушают (*Inf.*, XXV, 5), обвиваются вокруг тела, впиваются в лицо (*Inf.*, XXV, 52–57), что перекликается с сюжетом баптистерия.

Внешний вид и жесты самой многочисленной группы Данте, грешников, напрямую зависят от их греха. Поэтому стоит начать с преддверия Ада, где находятся те, кто не грешили, но и не были добродетельны. Здесь раздаются крики и стенания грешников, которых мучают насекомые. Они голые и бледные, а с лиц их текут кровавые слезы (*Inf.*, III, 25–27, 67). Данные элементы не встречаются ни на мозаике, ни у Джотто, однако обнаженные грешники со страданиями на лицах довольно многочисленны.

Далее Данте посещает лимб, в котором находятся некрещенные младенцы и нехристиане. Единственный жест, помимо «взирать», который использует Данте применительно к этой категории грешников, — «воссесть», что отличается от фрески Джотто и мозаики Марковальдо, где воссесть может только дьявол (*Inf.*, IV, 125). Второй круг включает в себя «плотских сластолюбцев», которые обречены на непрерывное кружение в адском вихре. Третий круг предназначен для обжор, с которых сдирает кожу Цербер, что соотносится с жестом в визуальной традиции «быть тем, кого пытаются». В четвертом круге помещаются скупые и расточители, «толкающие грудью грузы, с воплем вечным» (*Inf.*, VII, 26–29). Сюда заключены кардиналы и папы. Однако у Джотто папа не катит тяжести, он сидит на спине демона и берет у другого грешника деньги. Присутствует сюжет восстания из могил, который мы можем заметить на мозаике свода Флорентийского баптистерия. Отмечены грешники без волос. Гневные, которые терзают друг друга, и завистливые, всплывшие в болотной тине, заключены в пятый круг. В вечном огне шестого круга горят еретики и лжеучители, чего нет на фреске «Страшный суд», однако Джотто в цикле «Аллегория добродетелей и пороков» капеллы Скровеньи горящими в огне изображает завистников.

Седьмой круг делится на три пояса. В первом томятся насильники, тираны и убийцы, в которых выпускают стрелы кентавры, если они выходят из кровавой реки. Во втором поясе наказываются самоубийцы,

они превращены в плачущие темные растения, чьи листья поедают гарпии (*Inf.*, XIV, 20). Третье кольцо содержит в себе грешников, виновных в насилии против Бога, природы и искусства. Описывается грешник с черным ликом, стремящийся обнять Данте (предположительно, содомит). Жесты здесь более разнообразные, грешники лежат, сидят и непрерывно ходят. Среди насильников над искусством впервые встречается грешник, высунувший язык.

Далее Данте с Вергилием попадают в восьмой круг, состоящий из десяти ям. Яма первая предназначалась сводникам и соблазнителям, которых избивают и гонят демоны (*Inf.*, XVIII, 36). Во втором рве увязли в тине льстецы, которые кричат и сами себя истязают (*Inf.*, XVIII, 103–105). Упоминается также грязная дева, которая скребет себя ногтями. Третью яму занимают симонисты, горящие в адском пламени, воя от боли. Отмечаются их попытки выбраться, что напоминает грешников Джотто. В четвертом рве прорицатели и чародеи, которые пятятся назад, так как идти вперед им запрещено. Описывается женщина с всклокоченными длинными волосами, прикрывающими грудь, смуглый мужчина с длинной бородой и калека. В пятый ров помещены менялы. Встречается сюжет, идентичный изображаемому Джотто и Марковальдо: грешник сидит на спине демона, который вот-вот его сбросит в смолу. Также грешников здесь пронзают баграми и крюками, сдирают когтями кожу с плеч. Яма шестая заключает в себе лицемеров, окутанных в тяжелые монашеские рясы, они идут процессией и плачут. Седьмой ров, место мучения воров, наполнен змеями, терзающими грешников. В восьмом рве носятся злые советодатели, которые, также как и симонисты, помещены в адский огонь. В девятом рве расположились сеятели смут и раздоров. Безглавые, в ранах и язвах, рассеченные от чресел до бород, с болтающимися меж ногами кишками грешники наказаны прометеевскими муками: демоны их рассекают, но все раны заживают, и пытка продолжается. Некоторые из грешников ранят себя самостоятельно, на многих сидят муравьи. Среди жестов выделяются «лежать», «ползти», «сидеть». Последняя, десятая, яма предназначена для поддельвателей всякого рода, которые сидят, мучимые жаждой. Они покрыты язвами и вечно чешутся. Девятый круг состоит из четырех отделений: для тех, кто предал родственников; предателей отечества, один из которых пожирает голову своего врага; предателей друзей, которые льют слезы и уткнуты в лед головами; предателей Христа, которых пожирает каждая из голов Люцифера.

С каждым кругом жестокость наказания увеличивается, внешний вид грешников деформируется, а жесты становятся разрушительнее

для них самих. В каждом круге встречаются голые мужчины и женщины, которые рыдают и кричат. Грешники Данте очень похожи на изображенных Джотто, несмотря на то что Джотто создал собственную систему пороков, отразив ее в цикле «Аллегория добродетелей и пороков». Они более активные, нежели грешники баптистерия, хотя разделение по полу не такое отчетливое. Можно сказать, что Данте вдохновлялся обоими произведениями. Флорентийский баптистерий точно был ему известен, предположим, что и фреску Джотто он также видел, так как он был на севере Италии около 1312 г.

Так, образ негативных персонажей получил значительное развитие в Италии в период XIII–XIV вв., на что, несомненно, оказало влияние одно из важнейших религиозных сооружений Флоренции — баптистерий Сан-Джованни. Мозаика свода купола стала прообразом для многих произведений культуры, как визуальных, так и литературных. Мастера, вдохновляясь «Страшным судом» Копподи Марковальдо и Джотто, а также «Божественной комедией» Данте, продолжали конструировать образ дьявола, дополнять его деталями, которые становились основой для формирования образа Другого в принципе.

Список источников и литературы

1. *Boureau A.* Satan the heretic. The birth of demonology in the Medieval West. Chicago: The University of Chicago Press, 2006. 255 p.
2. *Аристотель.* Никомахова этика. М.; Берлин: Директ Медиа, 2020. 222 с.
3. *Coppo di Marcovaldo.* Mosaics in the Baptistery, Florence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wga.hu/frames-e.html?/html/zgothic/mosaics/7baptist/index.html> (дата обращения: 13.10.2023).
4. *Lorenzi L.* Devils in Art. Florence: From the Middle Ages to the Renaissance. Florence: CentroDi, 2006. 132 p.
5. *Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2011. 256 с.
6. *Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М.: Индрик, 2011. 384 с.
7. Откровение Иоанна Богослова, глава 16, стих 13 // Библия: на церковнославянском, русском, еврейском, латинском, английском языках. Азбука веры: Библиотека. Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Апок.16:13> (дата обращения: 13.10.2023).
8. Бытие, глава 3, стих 1 // Библия: на церковнославянском, русском, еврейском, латинском, английском языках. Азбука веры: Библиотека. Библия [Электронный ресурс]. URL: [https://azbyka.ru/biblia/? Gen.3:1](https://azbyka.ru/biblia/?Gen.3:1) (дата обращения: 13.10.2023).

9. Левит, глава 11, стих 29 // Библия: на церковнославянском, русском, еврейском, латинском, английском языках. Азбука веры: Библиотека. Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/? Lev.11:29> (дата обращения: 13.10.2023).
10. Giotto Di Bondone. Last Judgment / Halta definizione [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haltadefinizione.com/en/viewer/work/last-judgment-giotto-di-bondone> (дата обращения: 13.10.2023).
11. Link L. The devil. A mask without a face. London: Reaktionbooks, 1995. 208 p.
12. Sindona E. L'opera completa di Cimabue e il momento figurativo pregiottesco. Milano: Rizzoli, 1975. 128 p.
13. Алигьери Д. Божественная комедия [Электронный ресурс]. URL: <http://dantetlt.ru/god-dante-aligeri/parallelnyj-tekst-na-staroitallyanskom-i-russkom-yazykakh> (дата обращения: 13.10.2023).
14. Евангелие от Иоанна, глава 10, стих 12// Библия: на церковнославянском, русском, еврейском, латинском, английском языках. Азбука веры: Библиотека. Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/? Jn.10:12>(дата обращения: 13.10.2023).

УДК 7.044

Ставцова У. Д.

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им А. Л. Штигилица,
факультет дизайна, студент бакалавриата
E-mail: stavcovaulya@gmail.com

Анализ иконографии пояса «Спор о вере» XIV — первой половины XV в. из Восточного отдела Эрмитажа

Аннотация. В статье рассматривается иконография изображений «Спор о вере» на поясе, обнаруженном на территории средневековой Каффы. Анализируется гипотеза М. Г. Крамаровского, согласно которой образы на поясных пластинах сформировались под влиянием итальянского искусства этого периода. Однако стилистические и сюжетные аналогии в предметах европейского декоративно-прикладного искусства XII–XIV вв. позволяют предположить принадлежность поясного набора именно к итальянской традиции и исключить его золотоордынское происхождение.

Ключевые слова: Генуэзская Газария, Венецианская Газария, Золотая Орда, Каффа, поясной набор, гарпии

Stavtsova U. D.

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
Department of Art History, Bachelor's program, Student.
E-mail: stavcovaulya@gmail.com

Analyzing the Iconography of the Belt “Dispute on Faith” 14th — first half of the 15th century from the Hermitage Oriental Department

Annotation. The article deals with the iconography of images on the “Dispute of Faith” belt discovered on the territory of medieval Kaffa. The hypothesis of M. G. Kramarovsky is analysed, according to which the images on the belt plates were formed under the influence of Italian art of this period. However, stylistic and plot analogies in the objects of European decorative-applied art of XII–XIV cc. The stylistic and plot analogies in the items of European decorative and applied art of the 12 th — 14th centuries allow us to assume that the belt set belongs to the Italian tradition and exclude its Kipchak origin.

Keywords: Genoese gazria, Venetian gazria, Golden Horde, Kaffa, belt set, harpies

В эрмитажном собрании искусства Востока хранится поясной набор, который был найден на территории Северного Кавказа и поступил в коллекцию в 1937 г., но местом его создания считается город Каффа. Изображения на пластинчатых накладках этого пояса исторически отличаются от других предметов, относящихся к искусству Золотой Орды, например от поясов, представленных на экспозиции, для которых характерны животные, изображенные на плотно заполненном спиралевидным орнаментом фоне (илл.7). На пластинах разбираемого в статье пояса есть фигуративные изображения, которые относятся к европейской изобразительной традиции, также они, вероятно, представляют сюжет. К эрмитажному поясу относят девять серебряных пластинчатых накладок. Каждая накладка имеет круглую форму с шестилепестковым обрамлением, в центре каждого круга находится изображение. На четырех пластинах находятся геральдические щиты, на одной — женский персонаж, на трех — мужские персонажи и одно изображение гарпии. Как правило, персонажи изображаются на пустом фоне, однако некоторые изображения содержат флоральные мотивы.

М. Г. Крамаровский в своей статье выдвигает гипотезу о том, что данный поясной набор является отражением влияния итальянской традиции на золотоордынское искусство, что соответствует историческому контексту [1, с. 304]. Происхождение пояса приписывают городу Каффе, который располагался на Крымском полуострове. В период с XII–XIV в. на территории Крыма существовали торговые поселения, принадлежавшие итальянским городам Генуе и Венеции [1, с. 304]. Следовательно, за счет факта сосуществования двух противоположных культур на одной территории могло происходить влияние двух разных традиций друг на друга. Сосуществование на одной территории представителей средневековой Италии и Золотой Орды подтверждают и найденные документы [2]. Эти обстоятельства позволили рассматривать пластинчатые накладки в контексте сочетания двух изобразительных традиций — итальянской и золотоордынской.

М. Г. Крамаровский сравнивает сюжет, представленный на поясных пластинах, с сюжетом из произведения Гийома Рубрука «Путешествие в Восточные страны» [3], в котором описываются традиции и обряды представителей Золотой Орды, живших в это время на территории Крымского полуострова. В одном из эссе описана сцена «спора о вере», которая состоялась в 1254 г. при дворе хана Менгу. В сюжете «спора о вере» из текста Гийома Рубрука есть несколько главных персонажей, которых М. Г. Крамаровский соотносит их с образами на поясном наборе.

ре. Это монах с киворием в руке, который представляет христианство, а также персонаж в восточном костюме, который представляет ислам [1, с. 247]. Если сравнивать эрмитажный пояс с итальянскими аналогами XII–XIV вв., которые относятся к предметам женского обихода, то находится большое количество сюжетных совпадений. Наибольшее совпадение персонажей в их стилистическом изображении есть в итальянском поясе XIV в. из Кливлендского музея (илл.9) и в поясе XIV в. из музея Метрополитен (илл.8), который тоже относят к средневековой Италии.

На одной из пластин этого пояса изображен мужчина в восточном костюме (илл.1). Сам персонаж сидит на подушке с тремя вертикальными полосами орнаментов. Одежда изображена обобщенно, но можно выделить два халата — верхний и нижний. Верхний халат с рукавами выше локтей и приталенный с орнаментальными линиями на рукавах и подоле. Запах халата на правую сторону является отличительной деталью монгольского традиционного костюма [4, с. 310]. Также на пластине передана прическа — пряди волос, спущенные на левую сторону, и головной убор с небольшой прямоугольной тульей. Сам головной убор с плоской верхушкой и имеет небольшую выгнутую часть. У ханов и знати такой головной убор имел прямоугольный назатыльник, но по изображению нельзя точно сказать, есть ли эта деталь в данном случае [4, с. 24]. Изображенный человек сидит, скрестив ноги. Похожие изображения встречаются на поясе из музея Метрополитен: на металлическом наконечнике изображен мужчина с орлом, персонаж сидит в такой же позе со скрещенными ногами, но с другим положением рук, в европейской одежде. Его одежда имеет прямоугольный ворот, а головной убор — поднятую треугольную тулью (илл.20).

Подобные персонажи в восточных одеждах могут встречаться на европейских женских шкатулках XII–XV вв. Герои могут изображаться отдельно, как на шкатулке из музея Уолтерса (илл.10), на которой есть женщина в широких штанах и закрытой кофте. Она изображена в сидячей позе, со скрещенными ногами, как и изображенный на эрмитажной пластине мужчина. Персонаж может являться частью сюжета, например, как на итальянской шкатулке из музея Метрополитен (илл.12). Здесь мужчины в круглых шляпах, напоминающих монгольский головной убор с широкими полями, и в одеждах, фактурой схожих с ламеллярным панцирем. Герои изображены во время танца с поднятыми руками, все участники образуют круг, есть персонажи в европейской одежде [4, с. 26].

В базилике Святого Франциска изображена фреска «Казнь францисканцев» Амброджо Лоренцетти 1320 г., (илл.11), на которой также

есть изображение людей в светлых длинных халатах на левый запах и с конусообразным головным убором с широкими тульями, которые преобразовались в козырек и назатыльник, также есть на наконечнике перо и по бокам спущенная драпировка [1, с. 108]. Такой тип головного убора обычно носили придворные или ханы в период X–XIV вв. [4, с. 30]. Справа есть персонаж, изображенный в коротком синем халате с длинными рукавами, в головном уборе с поднятой тульей и с тканью, спущенной на затылочной части. Такая шапка относится к визирским, и поэтому можно предположить, что изображен человек с определенным статусом [4, с. 31]. В центре фрески изображен сидящий человек в уплощенном головном уборе с поднятыми тульями, на синем халате с длинными рукавами можно увидеть орнаментальную вышивку в шейной зоне и на рукавах, что свидетельствует о его высоком статусе.

Повторяющимся персонажем на итальянских средневековых поясах является человек в костюме монаха (илл.2). Фон на бляшке разделен на две части, верхняя часть полностью пустая, вторая заполнена орнаментальным изображением из ромбов. Персонаж сидит с сосудом в руке. Изображенные кубки М. Г. Крамаровский сравнивает с королевским кубком из Франции, который украшают сцены из жизни святой Агнессы (илл.13). Сосуд на пластине имеет длинную ножку, его верхняя часть чаши расширена, и присутствует крышка. Также подобные сосуды изображены у ангелов, украшавших крышу английского собора XV в. в Суэйтсхорпе [5, р.28]. Одежда монаха также изображена четко, можно разглядеть кафтан и головной убор — куколь, скрывающий шею и затылок человека капюшон. Сюжет с монахом встречается только на одном женском итальянском поясе, который хранится в Художественном музее в Кливленде (илл.20). Монахи на этом поясе изображены сидящими в анфас. Образ священника встречается и на шкатулке с изображением Благовещения (илл.14), где монах вынесен в отдельное пространство и держит в руках державу.

На других пластинах из поясного набора есть и более распространенные персонажи, которые встречаются в сюжетах религиозного и светского характера разных культур. Но одежда и дополнительные атрибуты схожи с европейской традицией, а также находят аналоги изображения на итальянских средневековых поясах.

Часто встречающимся является изображение женщины (илл.3), которая сидит на кассоне — сундуке, распространенном в средневековой Италии. Платье женщины по фасону похоже на европейское [6, с. 217], без орнаментов и прочих изображений. Подобные образы есть на ита-

льянских поясах из музея Метрополитен (илл.8) и Кливленда (илл.9). Также на поясе из музея Метрополитен есть изображение, которое повторяет плавные движения рук дамы на эрмитажном поясе. На ремennom наконечнике пояса из Метрополитена изображена сидящая напротив музыканта женщина с приподнятым руками. На одной из бляшек того же пояса есть изображение женщины с похожим плавным движением рук. Образ сидящих женщин, которые могли слушать музыку, держать в руках растения или просто жестикулировать, можно встретить на европейских женских шкатулках со светским сюжетом (илл.15,16).

Изображение музыканта на поясе из Каффы сформировано европейской традицией (илл.4). Одежда персонажа напоминает рубаху без орнаментов и различных украшений. На изображении видно, что он играет на музыкальном инструменте, который напоминает фидель — струнный смычковый инструмент, который был распространен в средневековой Европе. Такой же музыкант есть и на пластине пояса из музея в Кливленде (илл.9).

Также часто встречающимся изображением, относящимся к европейской традиции, являются химеры — это существа, тела которых состояли из разных частей животных и человека. Разные виды химер присутствуют на шкатулках средневековой Франции, Италии и Германии. Также существовали образы, которые имели более устоявшуюся иконографию, например гарпии, которые являются животными с человеческим лицом и крыльями. На одной из пластин эрмитажного пояса есть изображение гарпии в профиль и с драпированной тканью на шее (илл.5). Похожее существо с драпированной тканью встречается и на поясе из Метрополитена (илл.20). На этом поясе также присутствуют и другие химеры, которые в своем внешнем облике имеют человеческие черты, части тела животных и птиц.

В пояском наборе также присутствуют и четыре пластины с изображением герба (илл.6). Герб по бокам украшают повторяющиеся изображения из черт и точек. Щит имеет форму треугольного, норманнского. Рисунок состоит из вертикальных полос, которые чередуются по мере углубления (темные и светлые). Данный рисунок и форма показывают связь с гербом Арагонского королевства [1, с. 306]. Такой же герб изображен на арагонской монете, представленной в Британском музее (илл.19). Герб изображен внутри восьмилепесткового цветка с полукруглыми плавными лепестками, что напоминает шестилепестковое обрамление пластины. Также этот герб имеет такое же количество полос и такое же чередование, как и на эрмитажной пластине. К похожим гербам можно

отнести семиполосный щит, изображенный на подвесной печати Якова, короля Арагона, Майорки и Валенсии, датированной 1241 г. (илл.18). Похожий герб есть и на эрмитажном перстне середины XV в., принадлежавшем одному из известных представителей итальянского Возрождения Альфонсу V Мудрому (илл.17).

Данный набор относится к европейской традиции, так как имеет схожую стилистику изображения с итальянскими поясными аналогами и со шкатулками со светскими сюжетами. Отсутствие фона с флоральными мотивами, изображение одежды и поз людей. Наличие бляшки с изображением представителя Востока не доказывает золотоордынское происхождение, в период XII–XIV вв. такие изображения были распространены и в Италии. Таким образом, гипотеза о золотоордынском происхождении пояса не находит аналогов среди предметов XII–XIV вв.

Список источников и литературы

1. *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 490 с.
2. *Бочаров С. Г., Масловский А. Н.* Письменные источники об итальянской торговле кожей в северном Причерноморье и данные археологии // Уч. зап. Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн.3. С. 7–11.
3. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1977. 287 с.
4. *Горелик М. В.* Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С.16–79.
5. *Fogg S.* Medieval art in England. Catalog of exhibition 27 June — 26 July, London: Sam Fogg, 2019. 138 p.
6. *Мерцалова М. Н.* Костюм разных времен и народов: в 4 т. Т. 1. М.: Академия моды, 1993. 545 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл.1. Пластина из эрмитажного пояса «Спор о вере»: изображение мужчины в восточном костюме, XIV—первая половина XV в., изделие из серебра, диаметр 2,5 см. ГЭ, инв. № КУБ-1180

Илл.2. Пластина из эрмитажного пояса «Спор о вере»: изображение монаха XIV—первая половина XV в., изделие из серебра, диаметр 2,5 см. ГЭ, инв. № КУБ-1181

Илл.3. Пластина из эрмитажного пояса «Спор о вере»: изображение женщины, XIV—первая половина XV в., изделие из серебра, диаметр 2,5 см. ГЭ, инв. № КУБ-1182

Илл.4. Пластина из эрмитажного пояса «Спор о вере»: изображение музицирующего человека, XIV—первая половина XV в., изделие из серебра, диаметр 2,5 см. ГЭ, инв. № КУБ-1183

Илл.5. Пластина из эрмитажного пояса «Спор о вере»: изображение гарпии, XIV — первая половина XV в., изделия из серебра, диаметр 2,5 см. ГЭ, инв. № КУБ-1179

Илл.6. Пластина из эрмитажного пояса «Спор о вере»: изображение герба XIV — первая половина XV в., изделие из серебра, диаметр 2,5 см. ГЭ, инв. № КУБ-1177

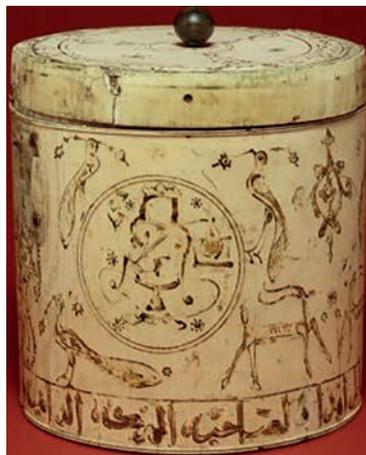
Илл.7. Поясной набор с остатками ремня, Великое Монгольское государство, XIII в., изделие из серебра с позолотой, 50×2,4 см, пряжка 6,3×3,1 см. ГЭ, инв. № 30-762

Илл. 8. Североитальянский пояс XIV в., изделие из серебра с остатками эмали, $166 \times 3,3 \times 1,4$ см. Музей Метрополитен, инв. № 2015.705а, б

Илл.9. Итальянский пояс (Сiena) XIV в., изделие из серебра с остатками эмали, $236,5 \times 2,9 \times 0,6$ см. Художественный музей в Кливленде, инв. № 1930,742

Илл. 10. Итальянская шкатулка (Сицилия), XII–XIII вв., $14 \times 13,05$ см, изделие из слоновой кости. Музей Уолтера, инв. № 71.311

Илл.11. Казнь францисканцев., 1320-е гг. Сиена, базилика св. Франциска

Илл. 12. Итальянская шкатулка, конец XV в., изделие из гипса и дерева, 31,8×41,8×63,8 см. Музей Метрополитен, инв. № 17.190.589

Илл.13. Королевский кубок, Франция, 1370–1380 гг., изделие из золота, 23,6 см. Британский музей, инв. № 1892,0501.1

Илл.14. Французская шкатулка, 1400–1500 гг., изделие из кожи и дерева, 20,5 × 34 × 18 см. Музей Виктории и Альберта, инв. № W.112–1910

Илл.15. Кожаная шкатулка, Франция, вторая половина XIV в., изделие из кожи, 10,5×25,2×19 см.Художественный музей в Кливленде, инв. № 1999.211

Илл. 16.Итальянская (Сиена?) шкатулка, конец XIV в., изделие из дерева, 23,2 × 41,3 × 18,3 см. Художественный музей в Кливленде, инв. № 1954.600

Илл. 17. Перстень Альфонса V Мудрого, середина XV в., изделие из бронзы, аквамарина и фольги, 5,7 см. ГЭ, инв. № Ф-155

Илл. 18. Рисунок щита, изображенный на подвесной печати Хайме I (Якова), короля Арагона, Майорки и Валенсии, датированной 1241 г.

Илл.19. Монета с арагонским гербом, 1282–1285 гг., изделие из серебра, вес 3,030 г. Британский музей, инв. № 1859,0303.48

Илл. 20. Сравнительная таблица

УДК 7.034(493)

Плясунова П. С.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук, студент бакалавриата
E-mail: art@polina-7.ru; stud0000262079@utmn.ru

Флорария в живописи Яна ван Эйка

Аннотация. В начале XV в. в живописи *Ars Nova* возрастает интерес к изображению деталей с большим реализмом. Помимо бытовых и бестиарных образов, это затронуло и флорарий. Иконография, как средство передачи облика растений в истории развития живописи, является важным инструментом анализа. Мы рассмотрим частотность изображения ботанических культур и установим их аллегорический смысл в работах Яна ван Эйка.

Ключевые слова: живопись *Ars Nova*, Ян ван Эйк, экологическая история, флорарий

Plyasunova P. S.

University of Tyumen,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student
E-mail: art@polina-7.ru; stud0000262079@utmn.ru

Ecological Image of the Florarium in the Painting by Jan van Eyck

Abstract. Early in the 15th century in *Ars Nova* painting, interest in depicting details with great realism increases. It affected everyday images, bestial, but also the florarium. Iconography, as a means of conveying the guise of plants in the history, is an important tool of analysis. We will see the frequency of images of botanical cultures and establish their allegorical meaning in the works of van Eyck.

Keywords: *Ars Nova* painting, Jan van Eyck, ecological history, florarium

На рубеже XIV–XV вв. главенствующим стилем в живописи Бургундии, Богемии и Северной Италии была интернациональная готика или придворная культура (*höfischen gotik*), основное влияние на которую оказали королевские дворы Северной Франции, Богемии, Нидерландов и Италии соответственно. Эстетический фундамент направления закладывался во взаимодействии с классической готикой, что находило проявление в соблюдении «условности художественного языка готического

искусства» [1, с. 241–253]. Широкое распространение похожих стилистических тенденций на разных территориях позволило Л. Куражо, французскому исследователю средневекового искусства, ввести термин *l'art international* [2, р. 131–140].

Ряд наиболее респектабельных произведений жанра представляет собой вотивные портреты монархов с сакральными фигурами (например, «Вотивный образ Яна Очко из Влашима», 1372 г., Национальная галерея в Праге), но одной из важнейших работ принято считать иллюминированную рукопись *Très Riches Heures du Duc de Berry* (Музей Конде, Шантйи, инв. № Ms. 65), заказанную герцогом Беррийским трем миниатюристами в начале XV в. Поскольку первые авторы миниатюр, братья Лимбург, не смогли закончить рукопись, в ней прослеживается художественная тенденция двух эпох: до 1416 г. манускрипт создавался по образу античных и современных итальянских произведений; предположительно с 1440 по 1486 г. календарную часть и миниатюры создавали Жан Коломб, а также Бартеlemi д'Эйк — предположительно, автор последнего цикла месяцев — октябрь, ноябрь, декабрь. Интерес к ботаническим иллюстрациям во фламандской живописи XV в. можно обнаружить, начиная с братьев Лимбург, поскольку миниатюристы определяли флору первостепенной деталью изображения. Так, например, миниатюра «май» детализирована в первую очередь гирляндами зелени, поскольку во Франции в последний месяц весны отмечался праздник цветов и зеленющих трав, поэтому главной деталью миниатюры считается весенний лес.

Французско-фламандская книжная миниатюра во многом повлияла на становление живописи *Ars Nova*, которая еще продолжительное время черпала художественные идеи из иллюминированных рукописей итальянских и французских авторов XIV в. Однако уже в начале XV в. преемственным стилем в живописи становятся изображения фламандских примитивистов. Детали сцен стали передаваться с большим натурализмом, что сделало содержание полотен более доступным для зрителя, а повседневные сюжеты в полной мере интегрировались в композиции произведений. Дополнительным катализатором распространения ранней нидерландской живописи в Бургундии (в частности, Фландрии) принято считать религиозно-просветительское движение *Devotio Moderna* — «Новое благочестие», основой которого было следование и подражание пути Христа, морально-нравственное совершенствование души и стремление к пониманию мирской жизни Иисуса, в особенности сюжеты из Страстного цикла.

Одним из новаторов ранней нидерландской живописи XV в. считается придворный камердинер (*varlet de chambre*) герцога Бургундии Филиппа Доброго, художник и портретист Ян ван Эйк (ок. 1390–1441). Большинство проблем, стоявших перед живописцами XV в., были решены в работах ван Эйка, поскольку его произведения сочетают в себе первые полноценные проявления ренессансного видения на территории Нидерландов: проявление жанровой интерпретации в экологической тематике, отказ от претенциозности и поиск смыслов в повседневном быту [3, р. 558–602].

В живописи начала XV в. происходит коренной перелом: видимая реальность, которой раньше не уделялось должного внимания, становится основой эстетического мышления. Постепенно в протожанровом искусстве начинают зарождаться идеи быстротечности и бренности бытия, которую художники *Ars Nova* транслируют фактурными изображениями пейзажа. Наибольшей экспрессии принятие мирской бренности достигает лишь в южном караваджизме конца XVI в., однако фламандские новаторы изучили идею динамичности времени еще в середине XV в., соединяя фоновые экологические сюжеты с перманентным движением окружающей среды [4, с. 2–20]. Особый прогресс в раннем развитии пейзажа демонстрируют частично сохранившиеся миниатюры «Турино-миланского часослова», авторство которого приписывают Яну ван Эйку. В рукописи прослеживается беспрецедентная техника использования расходящихся вертикалей для усиления ощущения глубины, применение темперы и глазури для детализации растений, а также опускание линии фонового горизонта флоры.

В числе междисциплинарных исторических исследований уже несколько десятилетий труды по экоистории занимают одно из лидирующих мест. Исследователи ясно манифестируют свою цель — включить естественный мир в череду исторических событий и сделать природу объектом изучения. В контексте изучения экоистории особо выделяется развитие исторического представления о человеке как части природы, а также уход от антропоцентрического мировоззрения, где человек — центр всего живого. В свою очередь, экологическая ориентация культуры находит нишу в развитии эстетических форм: литературе, искусстве, архитектуре и т. д. Изображения флоры в этом смысле получили наибольшее распространение в религиозной живописи, поскольку растения коррелировали с жизнью сакральных персоналий: например, разнотравье у ног Девы Марии олицетворяло весь земной путь Христа. Ботанические образы выступали в роли непрямого звена между природой и культурой, символизировали фертильность и плодovitость.

В качестве объекта исследования выступает корпус из трех изображений Яна ван Эйка: «Мадонна каноника ван дер Пале» (ок. 1434–1436 гг., Музей Грунинге, Брюгге), «Мадонна у фонтана» (1439 г., Королевский музей изящных искусств, Антверпен), «Мадонна Яна Воса» (1441–1443 гг., Коллекция Фрика, Нью-Йорк), а предметом являются религиозные и этические нормы, выраженные в образе флорария.

Выбор указанных работ живописца в качестве объекта исследования объясняется многообразием и количественной составляющей ботанических культур для анализа. «Гентский алтарь» (1432 г., собор Святого Бавона, Гент) — фундаментальная работа Яна ван Эйка, которая была в полной мере изучена с точки зрения ботанических культур. В качестве методологической основы выступает иконографический метод, позволяющий выявить косвенное значение в сопоставляемых сюжетах и установить связь между анализируемым изображением и его контекстуальной значимостью.

Прежде всего, необходимо точно идентифицировать изображенные формы флоры на каждой картине. «Мадонна каноника ван дер Пале» — одна из первых религиозных работ Северного Возрождения, написанная в композиции *sacra conversazione* [5]. Здесь же представлено порядка восьми видов растений: *Viola odorata L.* — летняя фиалка (белая и светло-голубая), *Dianthus caryophyllus L.* — красная гвоздика, *Lilium L.* — лилии, *Iris L.* — ирис, *Barbaricina columbine L.* — колумбина, *Passiflora incarnate L.* — пассифлора.

Примечательно, что автор намеренно писал полисемантические растения, отождествляющие и Деву Марию, и Христа. Например, летняя фиалка олицетворяет кроткий нрав Христа и целомудрие Девы Марии, а помимо этого, четыре лепестка у цветка визуализируют сцену Распятия; красная гвоздика по форме напоминает кованый гвоздь, что также моделирует сцены с приковыванием Христа к кресту. Несмотря на простоту и точность изображения, способ написания ириса часто схож с изображением лилии, но при этом семантика у них различна: лилия символизирует чистоту и непорочность Девы Марии, а ирис — скорбь Богоматери по Христу. Колумбина, в свою очередь, ассоциируется с сошествием Святого Духа во время Пятидесятницы, а иконография пассифлоры представляет Страсти Христовы. При этом различные части цветка визуализируют разные аспекты истории распятия. Так, три рыльца представляют гвозди, пять пыльников символизируют пять ран, десять лепестков представляют десять верных апостолов (исключая при этом Иуду и Петра), а радиальные нити демонстрируют терновый венец [6, р. 204–236]. Кро-

ме этого, композиционное пространство картины представлено таким образом, что можно предположить явный символизм Эдемского сада, поскольку фигуры Адама и Евы на престоле, цветочный узор на балдахине Девы Марии, попугай и цветы воплощают антураж сада.

«Мадонна у фонтана» — панно, написанное в поздний период творчества художника [7]. Композиционное действие происходит в *hortus conclusus*. В огороженном саду, на переднем плане которого изображены Дева Мария с младенцем Иисусом, представлено около четырнадцати видов растений: *Rosa gallica L.* — шиповник французский, *Matricaria recutita L.* — ромашки, *Viola odorata L.* — мартовские фиалки, *Iris sibirica Tippedin Blue* — голубые ирисы, *Ranunculus aquatilis L.* — лютик водный, *Convallaria L.* — ландыши, *Paeonia L.* — пионы, *Alchemilla mollis* — манжетка мягкая, *Tanacetum vulgare L.* — пижма, *Convallaria majalis L.* — ландыш майский, *Tagetes erecta L.* — бархатцы, *Rosa Maiden's Blush* — розы, *Lilium L.* — лилии, *Trifolium repens L.* — белый клевер, *Bellis L.* — маргаритки.

Помимо уже встреченных нами лилий, фиалок и ирисов, появляются новые ботанические культуры, каждая из которых воплощает образ Девы Марии. Например, пижма использовалась в качестве главной пряности в букете из сухих трав, освящаемых в праздник Успения Богородицы. В свою очередь, ландыш и белый клевер изображаются в основном в пасторальных или сельских сценах, символизируя при этом смирение. Более того, ландыши часто можно встретить в сценах Благовещения, где они играют роль «лилий среди шипов». Ромашки, розы, пионы и маргаритки воплощают добродетели Девы Марии: три категории цветов встречаются в изображениях Эдемского сада, означают невинность, чистоту и олицетворяют процветание и женское начало. Примечательно, что среди различных сортов кустовых роз ван Эйк выделяет именно *Maiden's Blush*. Вероятно, это связано с широким распространением вида в Европе в начале XV в. Золотые оттенки бархатцев визуализируют небесную природу и славу Богородицы, а их ассоциация с солнцем знаменует Деву Марию «Солнцем праведности». Кроме этого, высокая фитонцидная активность видов рода *Tagetes L.* позволяла рассматривать бархатцы как один из источников создания материала для борьбы с болезнями, поэтому встретить это растение в живописи с начала XV в. можно довольно часто. Еще одним растением, борющимся в Средневековье с болезнями, считается манжетка мягкая, которая дополнительно была драгоценной травой для алхимиков, что отражено в названии — *Alchemilla*[8]. Растение формой листьев напоминает женскую мантию, которая напрямую связана с образом Девы Марии, предлагающей защиту своим обликом для всех верующих.

Принимая во внимание изобилие корреляций растений с образом Девы Марии, можно сделать вывод, откуда Ян ван Эйк черпал Марианские флористические аллегории. Так, достоверно известно, что некоторые из написанных им растений были также упомянуты в средневековом нидерландском стихотворении *Onser vrouwe bloemengarde* («Цветочный сад Богородицы»), где анонимный автор начинает строфы со слов «Да благословит тебя Бог», а затем следует название цветка, которое дает имя Деве Марии: «Да благословит тебя Бог, великая роза». Такой вывод можно сделать на основе сюжетного повествования стихотворения, поскольку перечисление флоры совпадает с видами растений, выбранными Яном ван Эйком для олицетворения Богородицы.

«Мадонна Яна Воса» — последнее панно Яна ван Эйка, законченное в его мастерской после его смерти [9]. Исходя из общепризнанной хронологии создания изображения, сформированной Э. Пановским, Ян Вос сделал заказ вотивного портрета за три месяца до смерти Яна ван Эйка. Художник успел разработать основной замысел пяти фигур, а остальные детали были проработаны по мотивам его прошлых работ в мастерской учениками. Таким образом, элементы флорария, базирующиеся на заднем фоне, были созданы уже не ван Эйком, но на основе его традиций.

Мадонна с Младенцем стоит под балдахинном, украшенным парчой из лилий, по обычаю Марианских цветов. Каждый стебель *Lilium L.* — лилии — вплетен в золотой свиток, на котором начерчены слова «Ave [Maria] gra[tia] ple[n]a», написанные сокращенными латинизирующими маюскулами. Здесь же у колонны встречаются *Pulmonaria officinalis L.* — медуница, *Alchemilla vulgaris L.* — манжетка мягкая, *Galium Verum L.* — подмаренник желтый. В руках у святой Варвары, находящейся справа от Мадонны, можно заметить *Arecaceae* — пальмовую ветвь, олицетворяющую мученичество. Чаще всего растение встречается в сценах въезда Иисуса в Иерусалим, но в данном случае символизм пальмовой ветви связан с добродетелями: верой и смирением [10, p. 12–70].

Принято считать, что флорарий в любом его понимании постоянно был «рубежной территорией, знаменующей смерть и новую жизнь» [11, с. 200–230]. В растительном мире вершилось таинство, когда деревья или цветы соприкасались с храмами или гробницами, соединяя в себе ботаническое начало с человеческим. Примером этого служат слова из псалма 91:13: «Праведник яко финикс процветет: яко кедр, иже в Ливане умножится».

Таким образом, характерными особенностями ботанического рисунка ранней нидерландской живописи стали точность и простота изображения, а также гиперболизация отличительных признаков для упрощения их дифференциации.

Помимо этого, в ходе анализа мы можем проследить и систематичность изображаемых растений в живописи Яна ван Эйка. Из 27 частных лилия встречается три раза в трех анализируемых изображениях. В первую очередь это связано с символикой и атрибутикой Девы Марии, поскольку лилии олицетворяют непорочное зачатие Богородицы, как уже отмечалось. Манжетка мягкая встречается два раза, как фиалка и ирис. Остальные культуры — по одному разу.

В начале XV в. культ и почитание Девы Марии в искусстве значительно возросло, а потому на многих созданных изображениях художника центральной фигурой является Богоматерь, как и в нашем случае. Способы ее написания в искусстве *Ars Nova* разительно отличаются от техники проторенессанса, а характерной связанной с ней аллегорией по-прежнему оставались растения. Это связано с тем, что ботанические культуры часто ассоциировались с добродетелями. Так, например, поэт из Брюгге Ян Праэт в книге *Spiegel der wijsheit* приписывает Деве Марии пять добродетелей, каждая из которых связана с флористической культурой: роза — любовь, маргаритка — милосердие, лилии — целомудрие, бархатцы — вера и фиалки — смирение.

Примечательно и то, что раньше изображения растений в основном использовались в научных и декоративных целях: при создании книг о травах, фармакопеех, украшении одежды и предметов быта. Однако с начала XV в. наблюдается растущая тенденция рассматривать изображения флорария как ценные сами по себе, независимо от их традиционного использования.

Список источников и литературы

1. *Никогосян М. Н.* О художественном идеале интернациональной готики // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М.: Советский художник, 1981. С. 241–253.
2. *Panofsky E.* Early Netherlandish Painting. Its Origin and Character. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1953. P. 131–140.
3. *Harbison C.* Realism and Symbolism in Early Flemish Painting // The Art Bulletin. 1984. Vol. 66, no. 4. P. 558–602.
4. *Соколов М. Н.* Бытовые образы в западноевропейской живописи XV–XVII веков. Реальность и символика. М.: Изобразительное искусство, 1994. С. 2–20.

5. Jan van Eyck. The Madonna with Canon Vander Paele — [Электронный ресурс].URL: https://www.wga.hu/frames-e.html?/html/e/eyck_van/jan/21paele/index.html (дата обращения: 01.10.2023).
6. *Martens M., Borchert T.-H., Dumolyn J.* Van Eyck. An optical revolution. Hannibal: MSK — Gent, 2010. P. 204–236.
7. Jan van Eyck. Madonna at the Fountain [Электронный ресурс].URL: <https://kmska.be/en/masterpiece/madonna-fountain> (дата обращения: 01.10.2023).
8. *Bremi P., Crombrugge H.* Op zoeknaar het paradijs: Flora op het Lam Gods / In Search of Paradise: Flora on the Ghent Alterpiece. Province of East Flanders, 2020. 295 p.
9. Jan van Eyck. The Madonna of Jan Vos [Электронный ресурс].URL: <https://gallerix.org/storeroom/1888032609/N/853972408/> (дата обращения: 01.10.2023).
10. *Carpon E.* The Charter house of Bruges. Jan van Eyck, Perrus Christus, and Jan Vos. New York: The Frick Collection, 2018. P. 12–70.
11. *Соколов М. Н.* Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 738 с.

УДК 7.035

Врионакис Е. Х.

Государственный Эрмитаж,
Научно-просветительский отдел, экскурсовод
E-mail: i.janevrionakis@gmail.com

Две картины на сюжеты из жития святого Роха неизвестного швабского художника из собрания Дальневосточного художественного музея: особенности иконографии

Аннотация. В статье рассматриваются иконографические особенности двух картин на сюжеты из жития святого Роха, происходящих из коллекции дипломата Павла Петровича Вяземского (1820–1888). Автор рассматривает контекст появления святого, ставшего столь известным в периоды вспышек чумы на протяжении Средневековья, и вписывает данные малоисследованные произведения в иконографический ряд этого святого.

Ключевые слова: Павел Петрович Вяземский, святой Рох, чума, позднее Средневековье

Vrionakis E. Ch.

The State Hermitage
Scientific and educational department, guide
E-mail: i.janevrionakis@gmail.com

Two paintings based on scenes from the life of St. Roch by an unknown Swabian artist from the collection of the Far Eastern Art Museum: features of iconography

Abstract. The article examines the iconographic features of two paintings based on scenes from the life of St. Roch, coming from the collection of diplomat Pavel Petrovich Vyazemsky (1820–1888). The author examines the appearance context of the saint, who became so famous during periods of outbreaks of plague throughout the Middle Ages, and fits these works into the iconographic series of this saint.

Keywords: Pavel Viazemsky, saint Roch, pest, late Middle Ages

Из множества коллекций, составляющих теперь художественные собрания российских музеев, коллекция дипломата Павла Петровича

Вяземского занимает особое место. Во время своей службы в составе миссий в Гааге, Карлсруэ и Вене он начал собирать коллекцию художественных произведений европейской живописи, среди предметов которой особенно выделяются произведения позднесредневековой немецкой живописи. В отличие от Европы, где створки алтарей и другие картины, называемые примитивами, встречались довольно часто, в России подобные коллекции и их собиратели были большой редкостью. Единственным источником сведений о составе этой коллекции является рукописный каталог на немецком языке, ныне хранящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. По возвращении князя Вяземского в Россию его коллекция попала сначала в Санкт-Петербург, а затем — в подмосковное имение Вяземских Остафьево. После смерти П. П. Вяземского в 1888 г. усадьба перешла сначала к его сыну, а потом, спустя десять лет, к зятю князя графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву. После революции усадьба стала музеем, и ее заведующим был внук Вяземского и сын Шереметева Павел Сергеевич. Сам музей просуществовал более десяти лет и был закрыт в 1930 г. После этого коллекция князя Вяземского была «расщеплена» и в течение двух последующих десятилетий попала в ряд музеев России и бывшего СССР.

Итак, из немецкой части собрания Павла Петровича Вяземского происходят две картины с изображением сцен из жития святого Роха. Они, по-видимому, являлись частью некоего алтаря, посвященного этому святому. Створки упоминаются в рукописном каталоге из отдела рукописей РГБ под номерами 89 и 90 как произведения Грюневальда³. Также о принадлежности их именно к этой коллекции говорят фотографии интерьеров 1920-х гг. из собрания Государственного музея имени А. С. Пушкина (ГК 35134281, Г-8241, между 1922–1924 гг., фотобумага, бежевый картон, фиолетовые чернила, серебряно-желатиновый отпечаток, аристократический желатиновый отпечаток, 7,5 × 11,0 см, 7,6 × 10,8 см, 22,8 × 16,6 см. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва; ГК 35134361, Г-8244, между 1922–1924 гг., фотобумага, бежевый картон, фиолетовые чернила, серебряно-желатиновый отпечаток, 8,4 × 5,9 см, 7,7 × 10,9 см; 22,2 × 16,6 см. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва) (илл. 1–4). В ноябре 1924 г. эти картины поступили в Музей изящных искусств, уже атрибутированные как произведения известного швабского худож-

³ НИОР РГБ.Ф. 063. Оп. 1. Картон 22. Ед. хр. 53. Л. 7об.

ника Бернхарда Штригеля⁴. Спустя семь лет они были переданы в собрание Дальневосточного художественного музея (ДВХМ)⁵, где находятся и поныне.

О том, как эти картины могли попасть к Павлу Петровичу Вяземскому, можно было бы узнать из надписей на оборотных сторонах этих картин, которые были зафиксированы во время их реставрации, проводимой в 1968–1972 гг. во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени И. Э. Грабаря. Но надписи эти оказались плохо читаемыми: они представляют собой наборы букв, не складываемые в слова. На «Исцелении святого Роха» присутствует надпись черными чернилами на шпонке⁶ (илл.5); на «Изгнании святого Роха из Рима» присутствуют уже две надписи⁷ (илл. 6, 7). Как было отмечено, эти надписи безуспешно пытались расшифровать реставраторы центра имени И. Э. Грабаря. Однако проведенная реставрация опровергла прежнюю атрибуцию картин как произведений Бернхарда Штригеля, хотя принадлежность к Швабской школе сохранилась [1, с. 30–31]. На первый взгляд, действительно, можно отметить некоторую близость с этим мастером в изображении персонажей (например, сходство типа лица), однако художнику не хватает той тщательности и жесткости, которая присуща произведениям Штригеля, поэтому на данный момент исследуемые картины считаются произведениями неизвестного швабского мастера.

Что касается самого изображения, то отметим, что культ святого Роха, видимо, складывается в Европе в эпоху позднего Средневековья и оказывается тесным образом связан со вспышками чумы, самые крупные из которых известны с середины XIV в., со времен печально известной «Черной смерти». Подобная напасть воспринималась как кара небес, поэтому спасение и утешение человек Средневековья находил не только в поиске виновных, но также в возврате к нравственности и морали и в почитании таких святых, как Себастьян и Христофор. Еще одним святым защитником от чумы стал и святой Рох [2, с. 160–161].

Происхождение этого святого представляется смутным, так исследовательница Луиз Маршалл называет его появление в 1460-х гг. в областях Северной и Центральной Италии внезапным [3]. По мнению дру-

⁴ ОР ГМИИ.Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 470. Л. 1.

⁵ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед. хр. 996. Л. 15.

⁶ Архив ВХРНЦ им. И. Э. Грабаря. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4726м. Л. 5.

⁷ Архив ВХРНЦ им. И. Э. Грабаря. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4727м. Л. 5.

гого исследователя, Пьера Болля, своим появлением святой Рох обязан омонимичной путанице с другим святым из более ранней эпохи — святым Рахусом или Рохусом, епископом Отёна. У этого святого тот же день поминовения — 16 августа. Также святой Рахус является защитником от бурь, а в Средневековье считалось, что чума, возникая из-за разложения воздуха, распространялась ветрами и штормами. Несмотря на эту путаницу, а также житие, полное агиографических клише, и отсутствие мощей, рост популярности святого Роха был стремительным. Стали появляться братства, посвященные этому святому, одно из первых, зафиксированных в источниках, находилось в 40 километрах от родного города святого — Монпелье на юге Франции. Подобно другим подобным братствам, возникавшим во время вспышек чумы, оно ставило своей целью сбор пожертвований и помощь обездоленным. Эти братства часто конкурировали между собой, пик их соперничества пришелся на 1484–1485 гг., когда венецианцы во время вспышки чумы перевезли мощи святого из Монпелье в Венецию [3, р. 132] и поместили в Скуоло ди сан Роко [4, р. 44].

В Германию культ св. Роха попал через вольный имперский город Нюрнберг благодаря семейству Имхофф, торговавшему в Венеции. Сам Нюрнберг, являясь большим торговым городом с многочисленным населением, часто страдал от вспышек чумы. В его архивах сохранились свидетельства финансирования Имхоффами различных литургических действий, посвященных святому Роху, и других пожертвований в честь этого святого. Также один из представителей этого семейства — Петер Имхофф — в 1493 г. воздвиг алтарь в честь святого Роха (илл. 8). В дальнейшем культ этого защитника от чумы распространился по всей Германии, достигнув даже Нидерландов [5, S. 105–106].

Одним из вариантов изображения святого Роха является изображение его вместе с ангелом, пришедшее из Италии. В то время как там подобные изображения встречаются не столь часто, то по другую сторону Альп такая иконография, заимствованная из жития, быстро стала стандартным изображением этого святого. Так, изображение Роха с ангелом стало появляться на множестве предметов публичного и личного поклонения, отвечая главной потребности, с которой и обращались к этому святому, — мольбе об исцелении от страшной болезни. На севере Альп ангелу было присвоено имя Рафаил, что означает «ангельский доктор». Такое обозначение и убедило художников изображать этого «ангельского доктора» не просто благословляющим бубонную язву святого Роха, а помогающим исцелиться от болезни [3, р. 182–183].

В этом свете первая картина — «Исцеление ран святого Роха» (ГК 34497673, Ж-293, 1510 г., дерево, масло, ДВХМ, Хабаровск) (илл.9) — является традиционным изображением сцены из жития святого. На ней изображен эпизод в лесу, куда святой удалился святой после того, как понял, что он заболел чумой. Так, коленопреклоненный ангел в бледно-розовом одеянии касается язвы кистью, которую он держит в руке. В другой руке у него — небольшая коробочка для лекарства. Слева изображена вставшая на задние лапы белая собака. Она держит в раскрытой пасти хлеб, который, согласно житию, она каждый день приносила святому. Неизвестным художником на заднем плане показано, как собака находила пропитание для Роха: в интерьере замка, где показана некая чета, сидящая за столом, изображена эта же собака, которая хватается со стола хлеб.

Вторая картина называется «Изгнание святого Роха» (ГК 28172108, Ж-320, 1510 г., дерево, масло, ДВХМ, Хабаровск) (илл. 10), что представляется довольно странным. На ней святой Рох изображен в одежде паломника. Согласно двум текстам, современным данным картинам: тексту венецианского гуманиста и политика Франческо Диедо, созданному в 1472 г., и анонимному трактату, изданному в Нюрнберге в 1484 г., — Рох дошел до Рима и исцелил кардинала, но есть также сведения о том, как он посетил Рим, где был принят кардиналом, а затем покинул этот город [6, S. 11]. В нюрнбергском алтаре семейства Имхофф отсутствует такой сюжет, но присутствует эпизод, иллюстрирующий арест святого около его родного города. То, как на этой картине изображены фигуры святого и стражника, кажется двойственным: на фоне горного пейзажа и крепости представлены фигуры святого Роха и стражника, замахнувшегося на него палкой. Сами позы фигур (они изображены обособленно друг от друга) и отсутствие конкретного взаимодействия между персонажами позволяют трактовать эту сцену и как возможное изгнание святого Роха из Рима, и как момент его ареста около его родного города Монпелье. И, принимая во внимание как варианты текста жития святого Роха, так и изображения этого святого в Германии, можно предположить, что вторая картина является иллюстрацией сюжета ареста святого Роха.

Таким образом, две картины из коллекции хабаровского музея с сюжетами из жития святого Роха являются традиционными для иконографии этого святого в Германии эпохи позднего Средневековья. «Исцеление ран святого Роха» представляется традиционным иконографическим типом, изображающим этого святого и небесного помощника Рафаила, исцеляющего его от чумы. Название второй картины — «Изгнание свято-

го Роха из Рима» — представляется несколько вводящим в заблуждение, поскольку, с нашей точки зрения, эта картина скорее является иллюстрацией ареста святого Роха около его родного города. На это указывают особенности трактовки персонажей, которым можно приписать и изгнание, и арест. Письменные источники — жития святого — также не указывают на его возможное изгнание из Рима.

Список архивных источников

1. НИОРРГБ. Ф.063. Оп. 1. Картон 22. Ед.хр. 53. Каталог коллекции картин, гравюр и рисунков, собранной кн. Павлом Петровичем Вяземским. Писарской, с исправлениями и переводом отдельных слов рукой П. А. Вяземского. Нем. язык. Книга в картонном переплете с кожаным корешком.
2. ОРГМИИ. Ф.5. Оп. I. Ед. хр.470. Материалы о передаче картин из «Остафьево», собр. Шереметьева (Вяземского П. А.): акты, список, переписка. На 9 листах.
3. ОРГМИИ. Ф. 5. Оп. I. Ед.хр.996. Переписка с Уфимским, Курским, Томским, Саратовским, Ялтинским и Дальневосточным музеями (имеются списки, акты). На 32 листах.
4. Архив ВХРНЦ им. И. Э. Грабаря.Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 4726м. На 8 листах.
5. АрхивВХРНЦим. И. Э. Грабаря. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 4727м. На 10 листах.

Список литературы

1. *Иванова Е. Ю.* Швабская школа. Неизвестный немецкий художник конца XV — начала XVI века. Исцеление ран св. Роха. 1510 год // Новые открытия советских реставраторов. Живопись, графика, скульптура, прикладное искусство. М.: Советский художник, 1973. С. 30–31.
2. *Бульст Н.* Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2000.С. 152–185.
3. *Marshall L.* St. Roch and the Angel in Renaissance Art // *Studies in Iconography.* 2020. Vol. 41.
4. *Ortega J. M.* Pestilence and prayer saints and the art of the plague in Italy from 1370–1600. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Honors in the Major Program in Art History in the College of Arts and Humanities and in The Burnett Honors College at the University of Central Florida, Orlando, Florida. Florida, 2012.
5. *Dormeier H.* Venedigals Zentrum des Rochus kultes // Hausmann F.-R. Nürnberg und Italien. Begegnungen, Einflüsse und Ideen / hg. von Volker Kapp. (Erlanger Romanistische Dokumente und Arbeiten 6). Tübingen, 1991.S. 105–127.
6. Das Leben des heiligen sankt Rochus. Nürnberg, 1484.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. ГК 35134281, Г-8241. Фотография оригинальная. Остафьево. Императорская и парадная прихожая усадьбы (2 фотографии). Фотографическая коллекция ОИРУ. Между 1922–1924 гг., фотобумага, бежевый картон, фиолетовые чернила, серебряно-желатиновый отпечаток, аристократический желатиновый отпечаток, 7,5 × 11,0 см, 7,6 × 10,8 см, 22,8 × 16,6 см. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва.
Изображение предоставлено музеем

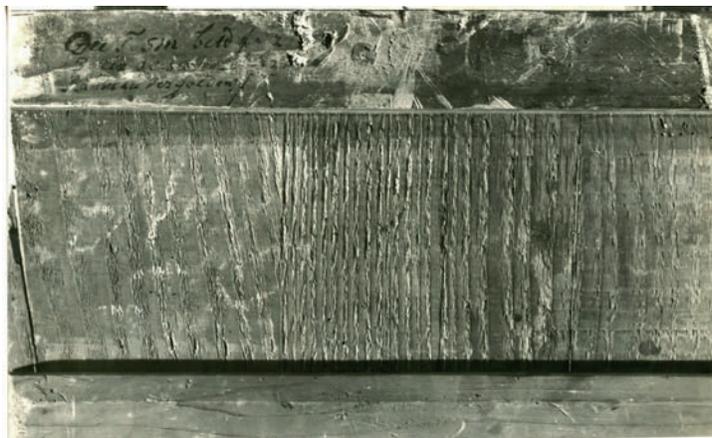
Илл. 2. ГК 35134361, Г-8244. Фотография оригинальная. Снимки портрета Н. Н. Гончаровой и прихожей усадьбы Остафьево (2 фотографии). Фотографическая коллекция ОИРУ. Между 1922–1924 гг., фотобумага, бежевый картон, фиолетовые чернила, серебряно-желатиновый отпечаток, 8,4 × 5,9 см, 7,7 × 10,9 см; 22,2 × 16,6 см.
Государственный музей А. С. Пушкина, Москва

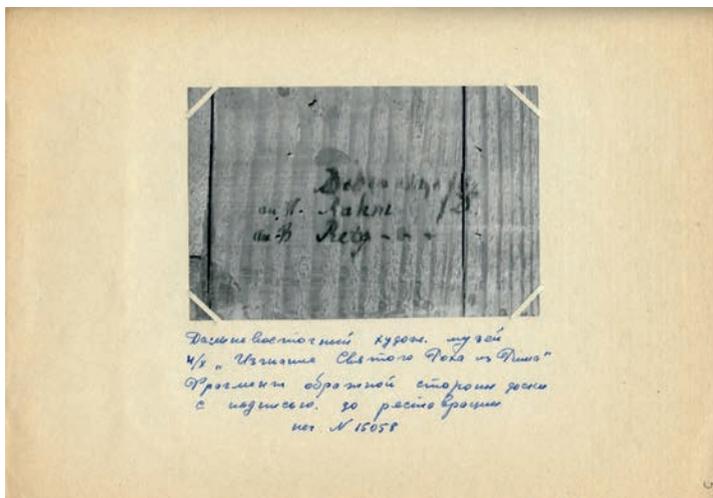
Илл. 3. ГК 35134281, Г-8244. Фотография оригинальная. Остафьево. Императорская и парадная прихожая усадьбы (2 фотографии). Фрагмент (картина)

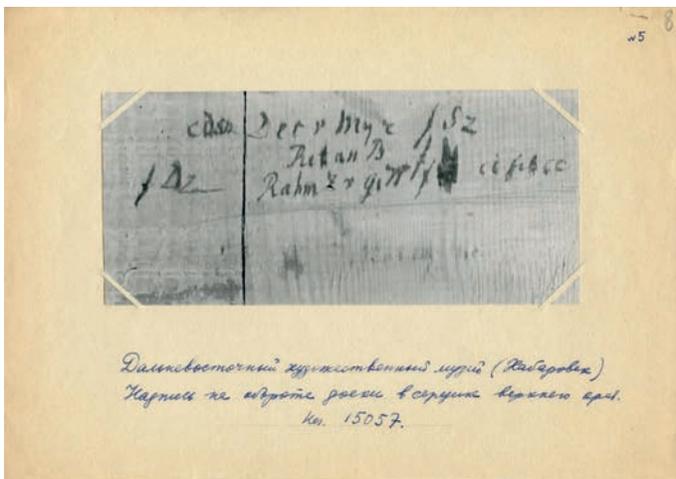
Илл. 4. ГК 35134361, Г-8241. Фотография оригинальная. Снимки портрета Н. Н. Гончаровой и прихожей усадьбы Остафьево (2 фотографии). Фрагмент (картина)

Илл. 5. Архив ВХРНЦим. И. Э. Грабаря. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 4727м.Л. 7.
Надпись на шпонке

Илл. 6. Архив ВХРНЦим. И. Э. Грабаря. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 4726м.Л. 5.
Дальневосточный художественный музей «Изгнание Святого Роха из Рима». Фрагмент обратной стороны с надписью до реставрации.
Инв. № 15058

Илл. 7. Архив ВХРНЦ им. И. Э. Грабаря. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 4727м. Л. 8. Дальневосточный художественный музей (Хабаровск). Надпись на обороте доски в середине верхнего слоя. № . 15057

Илл. 8. Неизвестный художник. Алтарь святого Роха. 1499 г. Капелла святого Лаврентия, Нюрнберг

Илл. 9. ГК 34497673, Ж-293 Неизвестный немецкий художник Швабской школы конца XV—начала XVI в. Исцеление ран святого Роха. 1510 г., дерево, масло, 67 × 77 см. Дальневосточный художественный музей, Хабаровск. Изображение предоставлено музеем

Илл. 10. ГК 28172108, Ж-320 Неизвестный немецкий художник Швабской школы конца XV—начала XVI в. Изгнание святого Роха из Рима. 1510 г., дерево, масло, 65 × 78 см. Дальневосточный художественный музей, Хабаровск. Изображение предоставлено музеем

УДК 7.034+94(450)

Пиотровская А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант;
Научно-исследовательский музей
при Российской академии художеств,
специалист по научной работе
E-mail: a.piotrovskaya@yahoo.com

Жанровые особенности и астрологический аспект в цикле «Двенадцать месяцев» Леандро Бассано из собрания Тульского областного художественного музея

Аннотация. В статье автор рассматривает жанровые особенности цикла картин «Двенадцать месяцев» из собрания Тульского областного художественного музея, приписываемого (как авторская копия) венецианскому мастеру Леандро Бассано (1557–1622), а также рассматривает главную особенность цикла — наличие изображений знаков зодиака — в контексте развития интереса к астрологии и использования знаний в этой области предшественниками и современниками Леандро Бассано в разных сферах, в том числе в искусстве.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, Италия, иконография, Леандро Бассано, Ренессанс, цикл «Двенадцать месяцев», Терраферма, астрология, жанр

Piotrovskaya A. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Institute of History, Postgraduate student
Scientific Research Museum at the Russian Academy of Arts,
specialist in scientific work
E-mail: a.piotrovskaya@yahoo.com

Genre features and astrological aspect in the cycle “Twelve Months” by Leandro Bassano from the collection of the Tula Regional Art Museum

Abstract. In the article, the author examines the genre features of the cycle of paintings “The Twelve Months” from the collection of the Tula Regional Art Museum, attributed (as an author’s copy) to the Venetian master Leandro Bassano

(1557–1622), and also examines the main feature of the cycle — the presence of images of zodiac signs — in the context of the development of interest in astrology and the use of knowledge in this area by Leandro Bassano's predecessors and contemporaries in various fields, including art.

Keywords: Renaissance art, Italy, Iconography, Leandro Bassano, Twelve Months, Terraferma, astrology, genre

Леандро Бассано (1557–1622) — живописец, представитель творческой династии Бассано, сын художника Якопо Бассано, работавший на территории Террафермы и в Венеции. Его творчество мало изучено в России, несмотря на то что в Тульском областном художественном музее находится единственный в Европе, а возможно и в мире, полный цикл картин «Двенадцать месяцев», приписываемый этому автору (илл. 1–12).

Жанровые особенности цикла

Цикл «Двенадцать месяцев», возможно, появился изначально как произведение Якопо, так как в описи имущества после его смерти были отмечены эскизы гризайлю к «Временам года» и «Месяцам» [1, с. 66], а сыновья и ученики Якопо продолжили создание этого цикла и неоднократно создавали его копии [2, с. 628]. Таким образом, произведение Леандро повторяет все жанровые особенности цикла отца. Несмотря на то что Леандро известен как один из ведущих портретистов Венецианской Республики этого времени, в этой статье мы будем рассматривать исключительно особенности цикла и в целом жанровые особенности работ Якопо Бассано и его мастерской. Анализировать цикл ЛеандроБассано в отрыве от них не представляется возможным.

При первом же взгляде на цикл из Тульского областного художественного музея становится ясно, что жанровые особенности произведений мастерской Якопо Бассано здесь отразились почти полностью: внимание к крестьянскому труду, сезонным работам в поле, пейзажный фон — все это создавало «бренд» семейной мастерской Бассано [2, с. 628]. При этом жанровая принадлежность подобных полотен обсуждается в научных кругах до сих пор.

В советских наклейках, обнаруженных на подрамниках картин в реставрационном центре им. И. Э. Грабаря (по фотографиям в реставрационных паспортах, находящихся в архиве центра), значилось не только имя Якопо Бассано, но и название картины, а после была приписка «пейзаж». То есть в то время работы считали пейзажами. Тем не менее нам не кажется, что такое определение можно считать абсолютно верным.

Безусловно, значительную часть композиции холстов занимает пейзаж, но он не является здесь главным предметом изображения. Передний план каждой картины цикла занимают значительные группы фигур. Несмотря на то что это не портретные изображения, а обобщенные, они не являются просто стаффажем. Получается, что пейзаж в данном случае не играет ключевой роли, и отнести к жанру пейзаж этот цикл мы не можем.

И. А. Смирнова в своих работах и, в частности, в статье о цикле из Тульского областного художественного музея подчеркивала «народность» произведений мастерской Бассано и относила их крестьянскому жанру [1, с. 63] или называла просто жанровыми [1, с. 62]. Что касается первого термина, то мы не можем говорить, что он был абсолютно приемлем и для самой исследовательницы, так как считаем, что подобный термин мог быть введен исключительно из-за идеологического давления. «Жанровая живопись» в данном случае более подходящий термин. Мы действительно видим на картинах повседневные крестьянские работы, праздники (на картинах «Февраль» и «Март» изображены дни Венецианского карнавала и, вероятнее всего, Благовещение. — *А.П.*) или дворянские забавы (охота), которые относятся к тем или иным месяцам года. Единственное, чего, как правило, нет в жанровых работах, это изображение знаков зодиака. О них речь пойдет ниже.

Немного другое мнение было у создателей «Всеобщей истории искусств», где в разделе «Изобразительное искусство Венеции и прилегающих областей» Ю. Колпинский пишет: «В творчестве Бассано искусство позднего Возрождения в Венеции ближе всего подошло **к созданию новой системы жанров**, непосредственно обращенных к реальной жизни в ее повседневных формах» [3, с. 271]. Завуалированно здесь речь идет все о той же жанровой живописи, тем не менее автор не называет сам термин, будто не совсем уверен, что его действительно можно применить по отношению к творчеству мастерской Бассано.

В западной традиции также до сих пор ведутся споры о жанровой принадлежности работ мастерской Бассано. В своей статье К. Корсато отмечает, что этот вопрос до сих пор требует более критического взгляда [4, р. 42] и не относит цикл «Двенадцать месяцев» и серию «Времена года» к определенному жанру, только отмечает, что в целом творчество мастерской Бассано относят либо к жанровой живописи, либо к религиозно-пасторальной [4, р. 41]. Второй термин близок к правде, но не закреплен в научной жанровой классификации.

На наш взгляд, жанровая принадлежность «Двенадцати месяцев» и других подобных серий картин, вышедших из мастерской Бассано, дей-

ствительно не до конца изучена и ясна. С одной стороны, это жанровая живопись, а с другой — наличие знаков зодиака не совсем вписывается в рамки данного жанра, также в этих сериях авторы явно подходили со вниманием к изображению пейзажей, а о связи цикла с традицией часословов мы уже говорили ранее [2, с. 625]. Таким образом, мы фактически получаем межжанровое произведение, специфика которого выходит за пределы одного конкретного жанра.

Астрология и цикл Леандро Бассано «Двенадцать месяцев»

Одной из ключевых особенностей цикла Леандро Бассано является наличие знаков зодиака в верхней части каждой из 12 картин. Астрология, знаки зодиака, влияние планет на характер волновали человечество давно. Одним из первых трудов по астрологии является трактат Марка Манилия «Астрономика» («*Astronomicon*»), написанный в 10–15 гг. н. э. в Древнем Риме. Автор трактата на основе математических расчетов, нумерологии, восходящей к доктринам Пифагора, мифологии и философии дополнил учение об астрологии. В отличие от более поздних трактатов, в «Астрономике» на первый план выходят именно знаки зодиака, а не планеты, которые потом будут играть гораздо большую роль. Впервые «Астрономика» увидела свет лишь в 1472 г., когда была издана немецким астрономом, астрологом и математиком Региомонтаном (полное имя — Иоганн Мюллер). С 1471 г. Региомонтан жил в Нюрнберге, где вместе со своим учеником основал типографию (видимо, именно в ней и был выпущен древнеримский трактат. — *А.П.*) и первую в Европе обсерваторию в том доме, который позднее купил Альбрехт Дюрер.

В 1482 г. в Венеции был издан другой трактат, близкий по содержанию работе Манилия, — «Астрономия» («*De Astronomica*») Гигина, в котором подробно описывается зодиакальный круг, связь знаков зодиака с временами года и другими созвездиями [5, с. 111–112]. Вполне вероятно, что Леандро Бассано знал об античных трактатах, изданных в XV в., и о той важности, которую придавали их авторы знакам зодиака.

Еще одним подтверждением углубленного изучения знаков зодиака и их влияния на человека служит «человек зодиакальный», который был знаком многим не только в эпоху Ренессанса, но и ранее. К образу человека в данном случае прибавлялись изображения знаков зодиака, которым соответствовали определенные части тела (илл. 13). Например, голова соответствовала Овну. Это знак возрождения и весны, и зодиакальный цикл начинается именно с него. Человек воспринимался как микрокосм

и имел неразрывную связь с зодиаком и планетами. К тому же «человек зодиакальный» широко использовался в медицине. В медицинских трактатах того времени такие изображения не редкость. Исходя из соответствия части тела, органа человека и знака зодиака подбирались снадобья против недугов.

Знаки зодиака также имели сильное влияние на темперамент человека. Наиболее изящным изображением «человека зодиакального» можно считать лист из Роскошного Часослова герцога Беррийского, иллюминированного братьями Лимбург (илл. 14). Пропорциональная, гармоничная человеческая фигура, показанная спереди и со спины, дополнена знаками зодиака и описаниями четырех темпераментов (в углах листа), на которые они влияют. Также четыре темперамента полностью соответствовали четырем стихиям: меланхолик — земля, флегматик — вода, сангвиник — воздух, холерик — огонь [6, с. 617]. В таком же соотношении темпераменты были показаны как аллегорические фигуры в «Иконологии» Чезаро Рипы в 1603 г. Знаки зодиака, в свою очередь, также соотносятся с четырьмя стихиями (тригоны знаков).

Любой человек, таким образом, становился отражением всего мироздания через знаки зодиака и планеты, а Вселенная была полностью упорядочена. Подобная роль знаков зодиака не могла быть неизвестна Леондро Бассано. Знаки зодиака влияли не только на человека с точки зрения особенностей его характера и физиологии, но и были связаны с временами года, началом и концом определенных сельскохозяйственных работ. Как уже говорилось выше, Гигин в своем трактате проводил параллель между знаками зодиака и определенными астрономическими явлениями, указывающими на времена года. Он же подчеркивал то, что год начинается со знака Овна. А далее писал следующее: «Двенадцать знаков в этом круге идут такой чередой: Овен, Телец, Близнецы — этим трем знакам соответствует весна и весеннее равноденствие. Рак, Лев, Дева — в этих знаках наступает лето, но Солнце, начиная уже с созвездия Девы, приближается к осеннему равноденствию. Клешни (так автор трактата называет Весы. — *А.П.*), Скорпион, Стрелец — в этих трех знаках наступает осень и осеннее равноденствие. Козерог, Водолей, Рыбы — в этих трех знаках, как утверждают, Солнце вершит зиму» [5, с. 112]. Этим правилам следовали и во времена Леондро Бассано. Важно иметь в виду, что так высчитывался не обычный год, а астрономический. По нему начало года совпадало с днем весеннего равноденствия — с 1582 г. это 21 марта — первый день под властью Овна. В случае с картиной «Март» из цикла Леондро Бассано для художника этот месяц характеризовался не рабо-

тами в поле, а Благовещением, которое Католическая церковь отмечает 25 марта, на что указывает церковь и месса в ней на втором плане картины. Рассмотрение цикла следует начинать именно с этой работы, а не с «Января».

Начиная с картины «Апрель», мы можем видеть примеры сочетания не праздников, а жанровых сцен со знаками зодиака. Подобные изображения были известны не только в живописи, но и в скульптуре. В более ранней статье о «Двенадцати месяцах» мы уже упоминали о подобных циклах, в том числе о работах Бенедетто Антелами в Парме. Еще один подобный цикл был создан для Собора Сан-Марко в Венеции в XIII в. (илл. 15). Леондро Бассано, как и его отец Якопо Бассано, не один раз был в Венеции и мог видеть эти скульптуры. Подобные символические сочетания часто становились предметом изображения во фресковой живописи, шпалерах и миниатюрах ренессансных мастеров. Наиболее известным таким примером является Бревиарий Гримани (илл. 16), который был создан по образцу Роскошного Часослова герцога Беррийского мастерами Северного Возрождения. Бревиарий хранился в семье кардинала Доменико Гримани, а затем был помещен в сокровищницу собора Святого Марка.

Бревиарий Гримани является признанным шедевром фламандской живописи и мог быть знаком семье Бассано в оригинале или гравюрных копиях и стать основой для композиционной составляющей цикла «Двенадцать месяцев».

Сама тематика цикла не была новой для Италии. В случае с циклом из Тульского областного художественного музея Леондро Бассано доработал и во многом изменил привычную для итальянцев иконографию. Знаки зодиака не изменили свою роль. Важность астрологических расчетов для начала и определения порядка сельскохозяйственных работ и важных для человека занятий — заготовки птицы и мяса к Рождеству и Новому году, начала охоты на зайца и в целом сезона охоты, стрижки овец и многого другого — не исчезли. Все это зависело от весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, как и смена времен года. К слову, в Италии по сей день смена сезонов привязана именно к астрономическому календарю. Так как каждому месяцу соответствовал определенный знак зодиака, который был важен для людей Средневековья и Ренессанса, о чем было сказано выше, и он же помогал определять в произведениях искусства с XII–XIII вв. тот или иной месяц, то его роль не нивелировалась и в цикле Леондро Бассано.

Список источников и литературы

1. *Смирнова И. А.* Копии «Двенадцати месяцев» Леандро Бассано в Тульском областном художественном музее // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 1964. № 2. С. 61–81.
2. *Пиотровская А. А.* Цикл «Двенадцать месяцев» Леандро Бассано из собрания Тульского областного художественного музея в контексте возникновения и развития иконографии изображения месяцев года в Италии // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2022 г. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 621–642.
3. *Колтинский Ю. Д.* Изобразительное искусство Венеции и прилегающих областей // Всеобщая история искусств: в 6 т. Т. 3. М.: Искусство, 1962. С. 241–286.
4. *Corsato C.* Production and Reproduction in the Workshop of Jacopo Bassano. Four Matrices for the Four Seasons in the Kunsthistorisches Museum in Vienna // *Jahrbuch des Kunsthistorischen Museums Wien*. 2010. No. 12. P. 41–52.
5. *Гигин.* Астрономия. СПб.: Алетейя, 1997. 224 с.
6. *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: АСТ, 2004.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Леандро Бассано. Март. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 2. Леандро Бассано. Апрель. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 3. Леандро Бассано. Май. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 4. Леандро Бассано. Июнь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 5. Леандро Бассано. Июль. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 6. Леандро Бассано. Август. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 7. Леандро Бассано. Сентябрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 8. Леандро Бассано. Октябрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 9. Леандро Бассано. Ноябрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 10. Леандро Бассано. Декабрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 11. Леандро Бассано. Январь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 12. Леандро Бассано. Февраль. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII в. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 13. Неизвестный автор. Зодиакальный человек. Тюбингенская домашняя книга. Пергамент, перо. XV в. Библиотека Тюбингенского университета, Вюртемберг

Илл. 14. Братья Лимбурги. Зодиакальный человек. Роскошный Часослов герцога Беррийского. Между 1411 и 1416. Пергамент, акварель. 29×21 см. Музей Конде, Шантийи

Илл. 15. Неизвестный автор. Декабрь. Цикл «Двенадцать месяцев». XIII в. Дерево. Собор Сан-Марко, Венеция

Илл. 16. Последователи Хуго ван дер Гуса, Ханса Мемлинга, Герард Давид и другие художники. Февраль. Бrevиарий Гримани. Между 1510 и 1520. Пергамент, акварель. Ок. 28 × 19,5 см. Библиотека Марциана, Венеция

УДК 433

Лукина Э. А.

Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина,
факультет теории и истории искусств,
студент магистратуры
E-mail: elinaloginova91@gmail.com

Визуальные интерпретации Книги Товита в искусстве Европы XVI–XVII вв.

Аннотация. Автор статьи изучает влияние религиозных и социокультурных причин на широкое распространение сюжетов Книги Товита в европейском искусстве XVI–XVII вв. Особое внимание направлено на рассмотрение принципов посттридентского искусства в интерпретации сюжетов ветхозаветной истории.

Ключевые слова: итальянское искусство XVII в., Золотой век голландского искусства, Контрреформация, Реформация, Книга Товита

Lukina E. A.

St. Petersburg Academy of Arts,
Faculty of Theory and History of Art,
Master's program, Student
E-mail: elinaloginova91@gmail.com

Visual interpretations of the Book of Tobit in the art of Europe in the 16th-17th centuries

Abstract. The author of the article examines the influence of religious and sociocultural reasons on the widespread dissemination of the plots of the Book of Tobit in European art of the 16th-17th centuries. Special attention is directed to consideration of the principles of post-Tridentine art in the interpretation of plots of Old Testament history.

Keywords: Italian art of the 17th century, Golden Age of Dutch art, Counter-Reformation, Reformation, Book of Tobit

История изображения сцен из Книги Товита имеет определенную закономерность распространения, связанную с хронологическими этапами и географическими границами. Несмотря на то что первые образы Книги Товита восходят еще к катакомбному искусству (известный пример изображения Товии и рыбы представлен в римских катакомбах святой

Присциллы), устоявшаяся иконография отдельных сцен формируется в книжных рукописях XII в. Тем не менее сюжеты Книги Товита не получили широкого распространения в искусстве до периода кватроченто. Эрнст Гомбрих в «Символических изображениях» [1, с. 60] отмечает, что в Средние века изображения сцен Книги Товита нечасто встречались в визуальных искусствах, и связывает первый всплеск интереса с живописными произведениями флорентийских художников XV в. Гомбрих рассматривает сюжет «Пути Товии и Рафаила» в искусстве Ренессанса через связь с культурой благотворительных организаций и местными традициями флорентийских купцов. Анализируя причины частого обращения художников к сценам и истории о Товите, Гомбрих в своих выводах приходит к тому, что изображения несли не только религиозную функцию, но и являлись частью светской культуры. Известно, что особенно часто изображалась сцена пути Товии с архангелом Рафаилом. Картины заказывались флорентийскими купцами по случаю отъезда сыновей на обучение или по поручениям семейных дел. Таким образом, подобные изображения наделялись функцией оберега или же заказывались в благодарность за счастливое возвращение сыновей домой.

Вторым периодом широкого обращения к истории Товита в визуальных искусствах стал XVII в. Следует отметить, что в зарубежных исследованиях в рамках данной эпохитрадиционно выделяют два географических центра: Голландию и Италию, где образы Книги Товита получили массовое распространение в визуальных искусствах. Тревор Харт в своем эссе, посвященном визуальным интерпретациям Книги Товита [2, р. 72], называет новым центром Амстердам, где возникают многочисленные изображения истории о Товите, таким образом, связывая этот процесс с Золотым веком голландской культуры. Следует, однако, заметить, что первые изображения в голландском искусстве на тему Книги Товита появляются еще в первой половине XVI в. Если же рассматривать этот вопрос в контексте развития искусства Европы, то интерес к сюжетам Книги Товита в визуальных искусствах угасает уже к концу первой трети XVIII в. и впоследствии больше не повторяется.

При рассмотрении географии распространения изображений Книги Товита в XVII в. возникает необходимость проанализировать этот процесс в связи с объективными обстоятельствами, инициировавшими актуальность ветхозаветной истории в контексте европейской культуры раннего Нового времени. Вышеописанные хронологические рамки и география распространения сюжетов Книги Товита в первую очередь обнаруживают связь с религиозными преобразованиями, потрясшими Ев-

ропу в XVI в., и позволяют рассматривать визуальную интерпретацию Книги Товита в контексте диспутов между католиками и протестантами. Во вторую очередь следует обратить внимание на эпидемиологическую ситуацию в Италии и ее влияние на распространение изображений со сценами чудесных исцелений, пик распространения которых также относится к XVII в.

В начале XVI в. значимым событием стала Реформация и деятельность Мартина Лютера, благодаря которому в ряде другой христианской литературы на национальные языки была также переведена Книга Товита. Несмотря на то что для протестантов Книга Товита считалась апокрифом, эпизоды с некоторыми сценами удостоивались внимания голландских художников и получали самобытную трактовку. Стоит выделить особый интерес среди голландских художников к использованию сюжета «Пути Товии и Рафаила». Этот сюжет получил не столько религиозное прочтение, сколько был удобен своей сюжетной линией для пейзажного жанра. Фигуры Товии и Рафаила скорее выполняли роль стаффажа в пейзаже, нежели являлись иллюстрацией ветхозаветной истории. Эта традиция продемонстрирована в большом количестве пейзажей, например у фламандского мастера Керстиана де Кеунинка, в произведении второй половины XVI в. из коллекции Эрмитажа «Пейзаж с Товией и ангелом». В картине на первом плане изображены два путника посреди горного пейзажа. Их фигуры композиционно поддерживаются на дальнем плане еще более мелкими фигурами пастуха и козы. Основное внимание акцентируется на освещении сумеречного пейзажа. Керстиан де Кеунинк не единожды обращался к мотиву пути Товии и ангела: еще в одном пейзаже фигуры Товии и Рафаила изображены на дальнем плане в лесной чаще, переходящими мост, в то время как на первом плане изображена вырубка деревьев и заготовка древесины. Подобное соотношение между бытовыми и религиозными сценами указывает на светский характер произведения. Еще в одном пейзаже Кеунинка фигуры Товия и Рафаила и сопровождающей их собаки буквально сливаются в общей вязи изображения холмов и растительности. В художественной интерпретации де Кеунинка нивелируется религиозный смысл изображаемых ветхозаветных героев как доминанта картины, но при более длительном и детальном рассмотрении обнаружение библейских героев представляет собой некую интеллектуальную игру. Использование мотива пути Товия и Рафаила в традиции голландского пейзажа действительно стало массовым для Голландии и Фландрии: среди прочих следует упомянуть произведения мастерской Яна Брейгеля Младшего, Туссена Гельтона и Корнелиуса

ван Поленбурга. В конце XVII в. уже Арент де Гелдер, ученик Рембрандта, пишет несколько картин по истории Товита, но среди воспроизводимых сюжетов выбирает сцены, связанные с семейными обычаями: «Эдна доверяет Товию Сарру», «Товий, которого приветствует его мать Анна».

В 1545 г. католической церковью был созван Тридентский собор, на котором католики и протестанты, в частности, заняли антагонистические позиции в обсуждении вопросов о пресуществлении в таинстве Евхаристии, ангельском попечительстве, культуре чудес и святых-покровителях, боговдохновенности библейских источников и о роли искусства в храме. Канонизация Книги Товита на Тридентском соборе позволила укрепить положение католической церкви в вопросах культуры чудес и представлений о природе ангела-хранителя в теологических диспутах с протестантами. Текстам теологов-реформаторов римские католики решительно противопоставили рассказ, содержащийся в Книге Товита, позаботившись о том, чтобы он был достойно проиллюстрирован художниками.

Тридентские реформы, хотя и проводившиеся на практике по-разному, включали в себя несколько общих характеристик: верность Писанию и традиции, использование искусства как средства образования, воспитания и пропаганды, театральный драматизм искусства как средство усвоения духовного учения. Посттридентскому искусству, по замечанию Книппинга [3], стали свойственны такие черты, как сочетание старого и нового, праздника и эмоционального реализма. Образ в церкви и в предшествующие столетия вытеснял благочестивое чтение, но в посттридентской церкви это явление было обозначено наиболее остро и вызывало определенные опасения у некоторых ее представителей. Влияние принятых решений на художественную образность проявилось уже в искусстве XVII в. Среди прочих преобразований стоит отметить возросший фактор визуальной риторики в религиозных изображениях, что отчетливо проявилось и в композиционных решениях при иллюстрации Книги Товита.

При изучении сохранившихся визуальных памятников, посвященных Товиту, выделяются два типа визуального воспроизводства истории: отдельные сцены, среди которых у итальянских мастеров в особенности часто встречается сюжет «Исцеление Товита», а также способ серийного производства, представленного как в живописных, так и гравюрных циклах.

Сюжеты с исцелением приобрели широкое распространение в итальянском искусстве XVII в., в частности, эта тенденция проявилась

в репрезентации сцены с исцелением Товита. Среди причин, оказавших влияние на распространение сюжетов с исцелениями, необходимо указать на многократные вспышки бубонной чумы в Италии. Большая смертность вызывала эсхатологические настроения среди итальянского населения и оказала влияние и на потребность в образах чудесных исцелений, заказчиками которых становились не только представители церкви, но и светская аристократия. Эпидемиологическое бедствие послужило развитию концепции изображения как духовного лекарства, широко представленной в католической и иезуитской литературе. Этьен Бине, представитель ордена иезуитов, подчеркивал важность созерцания святых для утешения больного. В его трактате можно найти предписание для рассеяния силы грусти и меланхолии, одолевающей больных [4]. Для этой цели страдающим рекомендовалось заполнить свою комнату изображениями святых. Бине в своих записях подробно раскрывает то, что он называет «силой живописи и воображения» [4].

Необходимо подчеркнуть, что Италия и в предшествующие периоды истории сталкивалась с эпидемиями чумы, которые приводили к массовой смертности. Достаточно вспомнить «Черную смерть», пик которой пришелся на 1346–1353 гг., однако в эпоху треченто опыт массовой смертности истолковывался католиками в другом свете. Прежде всего, массовая гибель вследствие болезни объяснялась как наказание за грехи и недостаточную веру прихожан. В свою очередь, в искусстве эти представления нашли выражение через частое обращение к образам покаяния в изображении донаторов [5]. В Италии XVII в. картины с религиозными сюжетами служили в качестве «духовного лекарства». Кабинетный формат, который зачастую выбирался для подобных композиций, создает основу для предположений, что они использовались для индивидуального созерцания. Бернардо Строцци выполнил не менее пяти авторских повторов «Исцеления Товита» с композиционными и колористическими изменениями. «Исцеление Товита» из собрания Государственного Эрмитажа датируется около 1535 г. Работа написана в венецианский период мастера. Живопись Строцци испытала влияние позднеренессансных мастеров — Тициана Вечеллио и Паоло Веронезе — и приобрела более яркий колорит по сравнению с полотном на аналогичный сюжет, представленным в собрании Кливлендского музея. В своем «Исцеление Товита» Доменико Фетти изображает библейскую сцену в римских руинах, тем самым соединяя религиозную живопись с жанром пейзажа. Необходимо подчеркнуть, что Доменико Фетти уравнивает эти два жанровых начала в формате картины. Если у северных мастеров изображение ге-

роев библейских историй в пейзаже зачастую сводится к роли стаффажа в картине, например, как уже вышеупомянутого Керстиана де Кеунинка в «Лесном пейзаже с Товией и ангелом», то у Фетти религиозное содержание произведения остается главенствующим. Полотно Франческо Тревицани представляет пример симультанного построения пространства, где совмещается два различных по хронологии действия из истории Товита. На первом плане, занимающем большую часть полотна, изображена сцена с исцелением. За силуэтом колонны изображена сцена с захоронением, которая отсылает зрителя к началу повествования, где Товий несет на своей спине гроб. Тревицани, как и Строщи, использует риторику жестов и взглядов при построении повествовательной сцены.

Отмеченный повествовательный характер изображаемых сцен и нарочитая риторика жестов в композиционном построении отражают критерии визуальной проповеди посттридентского искусства. Эти же принципы прослеживаются в произведениях голландских художников. Влияние италинизирующей трактовки сцен Книги Товита в произведениях голландских мастеров в большинстве случаев объясняется происхождением заказчика. К примеру, Ян Соенс известен как мастер исторических и религиозных картин, отражающих декреты Тридентского собора. По заказу папы римского он написал серию работ на меди, посвященных истории Товита [6]. Среди этой серии наиболее известна сцена «Возвращения Товии», где он помещает изображение встречи на первом плане, а в глубине пейзажа на североевропейский мотив изображает путь Рафаила и Товии. Ян ван дер Венна, придворный художник Фландрии, также пишет «Исцеление Товита» на итальянский манер. В композиции изображены четыре персонажа, традиционных для этой сцены: Анна, Товит, Товий и Рафаил, а также сопровождавшая в пути Товия собака. Национальный колорит в работе проявлен во внешности персонажей, в которых узнаются нидерландские черты. Нельзя не упомянуть и о Маттиасе Стомере, представителе утрехтских караваджистов. В «Исцелении Товита» Стоммер использует поясную композицию. Художник создает эмоциональную трактовку сцены, изображая Товита с молитвенным жестом рук и приоткрытым ртом.

Рассмотрев традицию изображения истории Товита в живописи Италии и Голландии, мы приходим к выводу, что второй этап широкого обращения к ветхозаветной истории в искусстве после флорентийского кватроченто приходится на XVI–XVII вв. Среди факторов, повлиявших на массовое распространение образов Книги Товита в визуальных искусствах, следует выделить в первую очередь перевод Библии Мартином

Лютером. Во вторую очередь — влияние эпидемиологической ситуации в Италии на религиозное сознание эпохи. Канонизация Книги Товита на Тридентском соборе привела к актуализации ветхозаветной истории в контексте диспутов между католиками и протестантами. Догматы Собора были содержательно проиллюстрированы через сюжеты Книги Товита. Произведенный анализ источников, освещающих творчество голландских художников, показывает, что картины со сценами «Исцеления Товита» или же серии, посвященные Книге Товита, писались, как правило, для католических заказчиков. Влияние принципов посттридентского искусства сказалось как на смысловом содержании, так и на пластическом языке голландских мастеров.

В заключение следует отметить, что процесс распространения сюжетов Книги Товита в визуальных искусствах XVI–XVII вв. не представляется возможным рассматривать в границах исключительно итальянского или голландского искусства, так как образы ветхозаветной истории являются частью общеевропейского религиозного движения Контрреформации.

Список источников и литературы

1. *Гомбрих Э.* Символические образы. Очерки по искусству Возрождения. СПб.: Алетейя, 2017. 407 с.
2. *Studies in the Book of Tobit: A Multidisciplinary Approach* / ed. by M. Bredin, L. L. Grabbe // *The Library of Second Temple Studies*, 55. London: T&T Clark, 2006. 260 p.
3. *Knipping J. B.* *Iconography of the Counter Reformation in the Netherlands.* Leiden, 1974. 558 p.
4. *Worceser T.* *Three Treatises by Etienne Binet. S.J. (1569–1639) // Piety and Plague. From Byzantium to the baroque* / ed. by F. Mormando, T. Worceser. Kirksville: Truman State University Press, 2007. P. 224–236.
5. *Степанов А. В.* Искусство эпохи Возрождения. Италия XVI–XV века. СПб.: Азбука-классика, 2005. 504 с.
6. URL: https://www.dbnl.org/tekst/vond001dewe01_01/ (дата обращения: 10.08.2023).

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА

*Материалы XLIII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(7–9 ноября 2023 г.)*

Под редакцией

А.Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — Ю.Б. Феофанова
Верстка —

Подписано к публикации 18.03.2024. Заказ № 16844
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 44,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10